

ЯНОШ КОРНАИ

Силой мысли

Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии

СИЛОЙ МЫСЛИ

Издание осуществлено
при поддержке Венгерского культурного,
научного и информационного центра в Москве,
принадлежащего к сети Института им. Балинта Балашши

Янош Корнаи

СИЛОЙ МЫСЛИ
Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии

Москва
Логос
2008

УДК 5
ББК 65.02
К67

Корнаи Янош

К67 Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии.– М.: Логос, 2008. – 448 с.: ил.

ISBN 978-5-98704-269-0

В интеллектуальной биографии видного венгерского экономиста, публициста и общественного деятеля события в личной жизни и творчестве освещаются в тесной взаимосвязи с судьбами Венгрии и мира. Воссоздавая атмосферу эпохи сквозь призму личного восприятия, Янош Корнаи создает удивительно достоверную, богатую деталями картину общества с 30-х годов XX до начала XXI века. Особенно много и плодотворно автор размышляет о социализме, причинах его краха в Центральной и Восточной Европе, об особенностях постсоциалистического периода. На страницах книги читатель встретится с видными венгерскими политиками и учеными, заново переживет венгерскую революцию 1956 г., побывает во многих странах Запада.

Для политических, государственных и общественных деятелей, ученых-экономистов, историков, политологов и социологов. Представляет интерес для широкого круга читателей.

ББК 65.02

ISBN 978-5-98704-269-0

© Корнаи Янош, 2007
© О. Якименко, перевод, 2007
© Логос, 2008

Памяти моей матери, Муньо, посвящается

Оглавление

Предисловие 11

1 СЕМЬЯ, МОЛОДОСТЬ – 1928–1944 19
Отец 19
Семья 23
Немецкая имперская школа 26
Духовные поиски 27
1994: судьба отца 30
1944: как я спасся 32

2 КАК Я СТАЛ КОММУНИСТОМ – 1945–1947 39
Стадии принадлежности к коммунистической партии 39
Реакция на травму 1944 года 42
Духовное перерождение, принятие политических идей коммунистов 45
Харизматические личности 51
Быть частью коллектива 52
Способности и случайные влияния 54

3 В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «САБАД НЕП» – 1947–1955 56
Крутой подъем 56
Побудительные мотивы 59
Редакционная жизнь 62
Мои представления о функционировании экономики 64
Интеллектуальная пустота 67
Моральный расчет 69

4 ПРОБУЖДЕНИЕ – 1953–1955 71
«Новый курс» 71
Встреча с коллегой, вышедшим из тюрьмы 73
Дискуссии и книги, которые помогли все прояснить 75
Впервые «отказываюсь подчиняться приказу» 78
Рецензия на книгу Имре Надя 79
Бунт в «Сабад неп» 81
Конец моего пребывания в «Сабад неп» 82

5 НАЧАЛО НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ – 1955 – 23 октября 1956 г. 86
«Сверхцентрализация управления экономикой»
Предпосылки 86
Интеллектуальные импульсы 88
Порываем с марксистской политэкономией 93
Начинаю исследовательскую деятельность 97
Основные положения диссертации 101
Первая реакция на книгу 107
Политический фон 109

6 РЕВОЛЮЦИЯ – И ТО, ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ – 23 октября 1956 г. – 1959 114
Имре Надь и его новая правительственная программа 114
«Мадьяр сабадшаг» 118
Тревожные дни, тревожные годы 121
«Сверхцентрализация» продолжает свою жизнь 122
Меня увольняют из института 125
На свободе, но под страхом тюрьмы 129
Дружба и солидарность 135

7 МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ – 1957–1959 138
Самообразование 138
Спор Ланге–Хаека 140
Продолжаю исследования в легкой промышленности 142
Размежевание 143
Тупик 145
Пожизненные решения 147

8 ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЭКОНОМИКЕ – 1957–1968 150
«Двухуровневое планирование»
Знакомство с Тамашем Липтаком 150
Математический анализ распределения прибыли 152
Программирование текстильной промышленности 155
Двухуровневое планирование 158
Идеализированная модель централизованного планирования 160
Программирование для национальной экономики: несколько отправных принципов 163
Вычисления 166
Стоило ли оно того? 168
Сотрудничество с математиками 173

9 ПОЕЗДКИ НА ЗАПАД – с 1963 г. 176
Предшествующие события 176
Кембридж, Англия 177
Лондонская школа экономики 179
Та же история глазами шпионов и сексотов 181
Общие замечания о поездках и зарубежных публикациях 186
Как был сорван «сфабрикованный процесс» 189

10 ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ – 1967–1970 194
«Антиравновесие»
Предыстория книги 194
Что подтолкнуло меня к написанию этой книги 196
Сходство, наводящее на размышления 198
Чего можно и чего нельзя ожидать от общей теории? 200
Рациональные руководители 202
Неценовые индикаторы 205
Равновесие, рынок продавцов и покупателей 206
Интерпретация общей теории равновесия с политической точки зрения 208
Реформа или революция в науке 209
Первая реакция и долгосрочное влияние 210
Стоило ли ее писать? 213
Несколько субъективных замечаний в заключение 214

11 ИНСТИТУТ, УНИВЕРСИТЕТ, АКАДЕМИЯ – с 1967 г. 216
Единоличный глава официальной экономики 216
Будто ничего и не было... 217
Доверие и терпение 219

Неудавшаяся реформа института ... 223
Меня запрещают, но я продолжаю преподавать ... 226
Как я стал академиком? ... 228
Привилегии академика ... 232

12 ПОИСК ПУТИ И ПОДГОТОВКА – 1971–1976 ... 234
«Форсированный рост, неценовое регулирование»
Форсированный или гармоничный рост ... 235
Приглашение в английский Кембридж ... 236
По пояс в гипсе – Кейнс и Хиршман ... 237
Как я преподавал в Принстоне ... 239
Продолжение в Стэнфорде и Вашингтоне ... 242
«Вегетативное регулирование экономической системы» ... 244
«Скрипучий механизм адаптации» ... 248
Строим новое жилье ... 250
Рыночная реформа глазами калькуттских маоистов ... 251

13 КАРТИНА СКЛАДЫВАЕТСЯ – 1976–1980 ... 253
«Дефицит»
Источники вдохновения ... 253
Идея книги ... 256
Самоцензура ... 258
Отзывы редакторов и рецензентов ... 260
Первые впечатления ... 262
Спор со школой «неравновесия» ... 263
Дебаты с ортодоксальным советским экономистом ... 266
«Вклад» в расшатывание системы ... 266
Еще несколько слов о политической и этической сторонах публикации ... 269

14 ПРОРЫВ – с 1979 г. ... 273
«Мягкие бюджетные ограничения»
Значение и важность понятия ... 273
Предпосылки ... 275
Подтверждение опытным путем ... 279
Создание математической модели явления ... 280
История первой обобщающей статьи ... 282
Некоторые уроки этой истории ... 284

15 ДРУЖЕСКАЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ КРИТИКА – 1968–1989 ... 290
«Процесс венгерских реформ: мечты, надежды и реальность»
Надежды реализованные и разбитые ... 290
От наивного реформатора к критическому аналитику ... 293
«Вместо того чтобы сказать, что нам делать...» ... 297
Эффективность и социалистическая мораль ... 299
Значение прав собственности ... 301
Модель Ланге и реальность венгерских реформ ... 303
Отступление: еще один фрагмент венгерской реальности ... 304
Оглядываясь назад сегодняшними глазами ... 305

16 ГАРВАРД – 1984–2002 ... 308
Принстон, Институт специальных исследований ... 308
Как назначают профессоров в Гарварде ... 311
Переезжаем в Кембридж ... 316
Радости и тяготы преподавания ... 318
Разнообразие и толерантность ... 321
Этические ограничения ... 323

17 ДОМА В ВЕНГРИИ И ДОМА ЗА РУБЕЖОМ — с 1985 г. 326
Что держит меня в Венгрии 326
Сравнения: повседневная жизнь в Кембридже и в Будапеште 329
Центр мировой культуры 332
Дружеские связи 333
Среди экономистов Европы и мира 337
Поездка в Китай 339
Где же дом? 343

18 СИНТЕЗ — 1988–1993 346
«Социалистическая система»
Как писалась эта книга 346
Стремление к обобщению 349
Позитивный анализ и ценности 352
Общие модели 353
Слишком поздно или слишком рано? 355
Признание на Западе и на Востоке... 357
Отторжение справа и слева 357
Странный эпизод 359

19 ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ — 1989–1992 361
«Путь к свободной экономике»
Границы предсказаний 361
Решения, принятые в парке Гарвардской школы бизнеса и на горе Геллерт в Будапеште 363
Как была написана книга «Путь к свободной экономике» 365
Первые отклики 367
Хватит симуляций! 369
За здоровое развитие частного сектора 371
Ответственность за общественные фонды 374
Хирургическая операция по стабилизации 375
Баланс 377

20 НА СТЫКЕ НАУКИ И ПОЛИТИКИ — с 1990 г. 381
«Поиск пути», «Муки и надежда», «Реформа здравоохранения»
Позиции в делах венгерской макроэкономической политики 382
Реформа здравоохранения 387
«Спрашивают ли у тебя совета? Прислушиваются ли к тебе?» 390
Реальное влияние 394
Участие в формировании денежной политики 396
Комментарии по преобразованиям в других странах 398

21 ПРОДОЛЖАЯ НАЧАТОЕ — с 1990 г. 401
«Смена системы: что это значит и чего не значит»
Анализ смены системы 401
Ожидания и разочарования, пессимизм и оптимизм 403
Коллегиум Будапешт 409
Великолепное интермеццо: семидесятый день рождения 411
Гарвард: преподавание и прощание 413
Снова дома 418
«Над чем работаешь?» 419

Ссылки 421

Библиография 429

ПРЕДИСЛОВИЕ

К моменту, когда я уже изрядно продвинулся в написании собственной биографии, меня по-прежнему не отпускали вопросы, зачем я вообще это делаю, что заставляет меня вспоминать прошлое, к кому обращены мои слова.

Я человек скрытный, не слишком общительный и до сих пор рассказывал о своей жизни мало и редко. В самые волнующие дни смены режима один знакомый журналист пытался заставить меня дать пространное интервью, аргументируя это тем, что потом моя жизнь уже никого не будет интересовать. Я подождал пятнадцать лет — и, надеюсь, не опоздал.

Супруга моя много лет просила, уговаривала меня написать автобиографию, но я все откладывал. В середине 2003 г. я, наконец, решился и с этого момента сосредоточил на ней все свои силы и время, остающееся после других неотложных дел.

Подобная настойчивость жены уже сама по себе была достаточным побудительным мотивом. Если я и должен назвать читателя, для которого писалась эта книга и чье одобрение я хотел бы получить, то это, несомненно, Жужа.

Надеюсь, описание моей жизни заинтересует многих из тех, с кем свела меня жизнь: детей и внуков, других членов семьи, друзей, коллег, бывших и нынешних, учеников, читателей моих книг и статей. А это уже немало.

У всех, кто соприкасался со мной лично или посредством моих работ, сложилось обо мне какое-то впечатление. Мне бы хотелось, чтобы рядом с субъективной картиной, существующей в их сознании, можно было поместить еще одну (такую же субъективную) — мое собственное представление о себе. Количество рецензий на мои книги исчисляется сотнями, и теперь их можно будет сравнить с моими личными оценками. Я расскажу, какими мне представлялись мои работы на момент написания и как я вижу их теперь, когда, наконец, принялся за мемуары. Я никогда публично не реагировал на рецензии и сравнительно редко ввязывался в спор, если сталкивался с противоположным мнением. Однако в рамках воспоминаний я решил в порядке исключения написать «рецензии» на собственные работы.

Я описываю события своей жизни в хронологическом порядке, но не соблюдаю строгой последовательности. Это не дневник. Каждая глава организована вокруг одной темы — будь это какое-то событие тех лет, одна из моих работ или место, где в тот момент жил. В названиях глав обозначены перио-

ды моей жизни. В отдельных главах эти периоды могут накладываться друг на друга, если этого требует изложение.

Среди читателей книги могут оказаться и те, кто не знал моих прежних трудов и не знаком со мной. Их скорее интересует та эпоха, в которую я жил. Мне бы не хотелось их разочаровать. Если кого-то интересует эпоха Ракоши, венгерская революция 1956 г. или режим Кадара, следует обратиться к обширной литературе по этим вопросам. Я же в своей книге не претендую на роль историка и не могу сориентировать читателя относительно других источников по теме. Я был лишь одним из участников событий и не играл в них ключевой роли. Но в силу особенностей жанра я становлюсь центральной фигурой автобиографии. Я могу и хочу показать лишь то, что связано с моей жизнью, — ту общественно-историческую среду, в которой происходили события моей собственной жизни.

Те же, кого интересует Восточная Европа, становление и крах коммунистического режима, проблема выбора пути для восточноевропейской интеллигенции, когнитивные процессы экономического исследования и прочие темы общего характера, могут использовать автобиографию в качестве *дополнительного* источника. Откровенные рассказы и свидетельства разных людей, переживших эту эпоху, послужат незаменимым источником информации для будущих исследователей. Многие уже обнародовали свои свидетельства, теперь и я выступаю со своей автобиографией в качестве свидетеля. Уже и в прежних своих работах, написанных с научной целью, я хотел донести сведения об исчезающей эпохе, но тогда я стремился к максимальной объективности. Теперь же я готов дополнить эти сведения субъективными оценками. Я постарался включить в текст материалы, которые остались за рамками таких книг, как «Дефицит» и «Социалистическая система», в силу личного характера или неких препятствий, не позволивших мне в свое время полностью высказать собственное мнение. Жанр автобиографии позволяет мне обозначить свое личное кредо по ряду вопросов в области этики, политики и науки. Ранее я не мог включать подобные обобщения в свои научные труды и выражать личную позицию.

Я долго размышлял над названием для своей книги. Изначально я склонялся к тому, чтобы назвать ее «*Понять...*». В первую очередь я хочу понять себя. Понять и объяснить, когда и почему я думал так, а не иначе, что влияло на мои представления и действия, почему я менялся. Я также хотел бы понять тех, с кем соглашался, и тех, с кем был не согласен, тех, кто был на моей стороне, и тех, кто выступал против меня.

В венгерском, как и во многих других языках, слово *понимаю* связано с определенным моральным одобрением или, по крайней мере, с оправданием. Достаточно попробовать произнести его с разной интонацией, и сразу обнаруживается спасительное оправдание. В мои намерения отнюдь не входило оправдываться или осуждать других. Я стремился лишь, как и в прежних своих научных работах, понять то, что изучаю. Порою довольно сложно обна-

ружить пружины тех или иных событий, ошибки в рассуждениях, глубинные силы, которые движут людьми, скрытые или явные причины конфликтов. Исследовать собственное прошлое оказалось непросто — еще сложнее анализировать прошлое других людей.

В конце концов, я выбрал другое название: *«Силой мысли»*, — почувствовав, что эти два слова заключают в себе важнейшую идею моих воспоминаний. Я не стремился ни к власти, ни к богатству, а если когда и оказывал влияние на ход событий, то происходило это не потому, что я мог с высокого поста диктовать свою волю подчиненным или купить их поддержку за большие деньги. Если я и влиял на кого-то или на что-то, то достигал этого силой высказанных или запечатленных на бумаге мыслей.

Один из читателей рукописи выразил сомнение: «Наивно верить в силу убеждения и мысли. Истинной движущей силой исторических событий является интерес». Я, как человек, который профессионально наблюдает за изменениями в обществе и анализирует их, лишен иллюзий и стараюсь учитывать различные причины происходящих событий и обращаться с ними сообразно их значению. И тем не менее в любую эпоху люди, обладающие властью и богатством, это люди деятельные, делающие свой выбор. Они подвержены влиянию множества факторов, среди которых не последнее место занимают ценности, идеи и мысли. Помимо этого на ход событий влияет, конечно, и то, что думают и во что верят миллионы и сотни миллионов людей, обладающих меньшей властью и богатством. Если бы я не был убежден в том, что мысль имеет силу, труд всей моей жизни потерял бы всякий смысл.

Сила эта, естественно, ограничена. Одной из ключевых тем моих воспоминаний как раз станет вопрос о том, когда и почему стали мои мысли столь сумбурными и как мне удалось вновь привести их в порядок, как влияли на меня идеи других, как они сталкивались с моими собственными представлениями, выводами и рекомендациями. Мысль постоянно подвергается проверке на прочность, и в каждой главе снова и снова рассказывается об успешных и неудачных попытках.

В подзаголовке я называю свою автобиографию «неординарной», в силу отличия ее от привычной мемуарной практики по двум параметрам. В процессе рассказа о событиях своей жизни я периодически останавливаюсь и излагаю свои мысли по поводу отдельных эпизодов. В этом случае основное внимание уделяется не самой истории, но анализу проблемы и обстоятельств. Подобные отступления, связанные с вопросами из области общественных наук, этики, исследовательского процесса, творчества, социологии науки и многих других областей, можно рассматривать как мини-эссе. Таким образом, книга представляет собой сплав мемуаров и серии эссе.

Воспоминания в большинстве случаев обращены также и к частной жизни автора. Хотя мои мемуары писались с личных и субъективных позиций, по сути дела, у меня получилась *интеллектуальная* автобиография. Трактовать это определение нужно широко, распространяя его на политические, социаль-

ные и общественные аспекты моей жизни, на отношения с друзьями и прочие личные контакты, связанные с образом жизни интеллектуала. Речь в книге пойдет и о моих близких, и о семейных делах, однако этой стороне моей жизни, с ее радостями и проблемами, отведено *в моих мемуарах* отнюдь не столь значительное место, какое она занимает *в реальности*. Фотографии, помещенные в книге, смогут, наверное, больше рассказать об этой сфере моей жизни то, что я не смог выразить словами. Автобиография нестандартна еще и в том смысле, что содержит мало сведений о том, что, в узком смысле, принято называть личной жизнью. К концу книги читателю станет ясно, где я попытался очертить границы.

Еще несколько слов о жанре и стиле повествования. В течение пятидесяти лет я писал аналитические тексты, стремясь ясно, четко и убедительно передать то, что понял сам. Я не собираюсь ни с того ни с сего стать писателем, поэтому не стоит ждать, что я буду красиво описывать пейзажи, живо передавать диалоги, давать меткие характеристики внешности знакомых или заставлю почувствовать напряжение момента. Читателю неприятно, когда к нему обращается писатель-дилетант, — уж лучше я буду придерживаться привычного жанра и стиля и буду оперировать знакомыми мне понятиями. Намеренно или непроизвольно писатель старается завуалировать проблему, оставить вопрос открытым — и это совершенно естественно. Исследователь не может себе этого позволить. Я останусь исследователем и тогда, когда пишу мемуары. Попытаюсь избежать двусмысленностей в стиле, структуре повествования и в средствах выражения.

Ранее я сравнительно легко мог определить, к кому обращаюсь: от этого зависело, что мне надо будет объяснять, а что оставить на усмотрение компетентного читателя. С данной книгой дело обстоит иначе. Надеюсь, ее прочтут экономисты и представители других профессий, пожилые и молодые, венгры и иностранцы, люди с Востока и Запада. Мне хотелось, чтобы каждый, кто возьмет ее в руки, смог понять, что я пытался сказать. Я часто сталкивался с дилеммой: стремиться к максимальной точности, которая повлечет за собой подробные определения, изложение отправных теоретических положений, разграничение понятий или стоит избрать более простой стиль изложения — но ведь это может привести к излишней упрощенности. Неспециалисту в области экономики будет трудно в этом разобраться. Поскольку данная книга не является научным исследованием, я рискнул выбрать второй вариант. Те, кто не читал моих прежних работ, получат некоторое представление о содержании моих книг и статей; тем же, кто знаком с моими трудами, автобиография поможет освежить их в памяти. Хочу заранее извиниться перед теми читателями, которым мой рассказ покажется излишне детальным — возможно, есть и такие, для кого эти подробности будут существенны.

Главным источником для меня, само собой, была собственная память, хотя я не всегда доверял только ей. Я старался, насколько возможно, освежить воспоминания, а не устраивать самому себе проверку памяти. Я воспроизвожу в

тексте не только свои мысли и чувства, но и свершившиеся события и опубликованные труды. Я чувствовал себя обязанным передать фактическую сторону наиболее тщательным образом.

Я располагал для этого разнообразными источниками. Как уже говорилось, в книге я вновь обращаюсь к тем своим работам, которые считаются наиболее значительными*. Обычно я не возвращаюсь к своим трудам, если они уже однажды вышли из печати, но на этот раз я перечел их, а вместе с ними — и появившиеся непосредственно после публикации рецензии, и более поздние отклики.

Я никогда не вел дневник, однако, с тех пор как научные исследования стали моим основным занятием, собираю разнообразные документы и многочисленные записи, сделанные в процессе исследования. Они каталогизированы и хранятся в удобной форме — в сотнях пронумерованных папок. Я также сберег большую часть присланных мне посланий и копии собственных писем и теперь хочу как следует разобраться в этом богатстве.

Материалы моего личного собрания документов были дополнены в ходе исследований, проведенных в различных архивах, где мы с коллегами обнаружили массу интересных сведений. Особым волнением сопровождалось изучение архивных документов секретных служб. Новейшие венгерские законы открывают гражданам доступ к связанным с ними материалам. Читать доносы сексотов, протоколы полицейских расследований о подготовке политических процессов, записи офицеров госбезопасности и разведки было порой мучительным испытанием. В книге я привожу множество относящихся ко мне документов — материалы секретных служб.

Мне казалось важным заранее успокоить читателей: книга базируется не только на воспоминаниях автора, но и на анализе документального материала, однако не хотелось бы тем самым и отпугнуть более широкую читательскую аудиторию. Главный упор в книге делается не на сухое ознакомление аудитории с архивными изысканиями, но на личную обработку воспоминаний. Перед вами предстанет отчет о долгом и бурном духовном пути. Свет и тьма, воодушевление и отчаяние сменяли друг друга на всем его протяжении. Надеюсь, читатели, добравшись до конца книги, лучше поймут мою жизнь, мои работы и эпоху, в которой я жил.

Процесс чтения могут облегчить несколько практических рекомендаций. В конце книги вы найдете список литературы, где перечислены только те опубликованные труды, ссылки на которые есть в книге. Данный список, таким образом, нельзя рассматривать в качестве всеобъемлющей библиографии по темам, затронутым в автобиографии. Для произведений, издававшихся несколько раз, по возможности, указывается последнее издание, однако в скобках приводится также год первого выхода работы.

---

* Сведения об избранных трудах легко можно найти в оглавлении. Главы, посвященные конкретным работам, снабжены подзаголовками с названиями одной или нескольких работ, о которых идет речь.

Основной текст книги дополняют комментарии в виде постраничных сносок и ссылок в конце. Сноски отмечены звездочкой, а ссылки пронумерованы арабскими цифрами.

В книгах редко используют и ссылки, и сноски. Я выбрал такой вариант для удобства читателей. Моя книга — не роман, но и не научный труд. Непривычное решение было продиктовано именно тем, что она относится к так называемому промежуточному жанру.

В постраничных сносках вы обнаружите примечания, которые с точки зрения жанра и стиля я мог бы поместить и в основной текст, однако предпочел вынести за его рамки, так как они представляют собой небольшие отклонения от основного направления мысли в повествовании. К ним относятся наглядные примеры или данные, эпизоды, иногда анекдоты или шутки. Надеюсь, тот, кто решился прочесть основной текст, не обойдет вниманием и сноски. Примечания в конце книги находятся в главе под названием «Ссылки». Они содержат информацию, которую исследователи называют научным аппаратом*. Выше, в содержательной части предисловия, я уже подчеркивал, что написание автобиографии базируется на данных, собранных в различных областях. Если источником какой-то информации является архивный документ, в ссылках вы найдете стандартные параметры для архивного источника.

Среди источников фигурируют опубликованные труды. Если читатель может точно определить, о каком произведении идет речь и хочет посмотреть его выходные данные, достаточно пролистать книгу до конца и найти информацию об этом произведении. Если же связь между литературной ссылкой в тексте и списком литературы неоднозначна, то ссылка в конце книги поможет разобраться. Из этих ссылок можно узнать и номер страницы дословных цитат.

Я полагаю, читатели в большинстве своем не склонны отслеживать, из какого источника взята информация для каждого тезиса. Я облегчил задачу, поместив ссылки на источники в самом конце книги.

Те же читатели, которые захотят сами рассмотреть какую-нибудь из проблем (среди них — исследователи отдельных тем, затронутых в книге), могут найти всю необходимую информацию по источникам в конце книги.

Я благодарен всем, кто помог мне в написании автобиографии. Каталин Сабо, моя постоянная сотрудница, живо, с непрестанным вниманием следила за организацией работы и документацией. Мне посчастливилось найти деятельных и терпеливых помощников в лице четырех молодых ассистентов-исследователей: историка Яноша Молнара и экономистов — Габора Ивана, Ноэми Петера и Ласло Тота, которые со всей добросовестностью и изобретательностью помогли мне собрать документы, уточнить источники, сохранить информацию, отредактировать рукопись, отследить хронологию.

* У примечаний не может быть примечаний, поэтому относящиеся к ним ссылки содержатся в сносках.

Хочу сказать спасибо за поддержку всем, кто вычитывал и комментировал первые черновые наброски к книге или отдельные ее части, собирал архивные материалы, доставал книги и статьи, давал профессиональные консультации по отдельным вопросам и оказывал разнообразную помощь в подготовке к изданию. Привожу имена тех, кто оказал мне наибольшую помощь: Франсис Батор, Тамаш Бауэр, Ката Чанковски, Карен Эгглестон, Хеди Эрдэш, Петер Эшэ, Ица Фазекаш, Луца Габор, Джерри Грин, Янош Дюрдяк, Мартон Каринти, Петер Кенде, Янош Кенеди, Анико Кэрнеи, Мариа Ковач, Зденек Кудрна, Михай Лаки, Хельга Ленарт-Ченг, Пал Лёчеи, Илона Лукач, Ласло Майтени, Брайан МакЛин, Петер Михайи, Андраш Надь, Эстер Надь, Юдит Недьеши, Габор Пайкоши, Юлианна Парти, Анна Паткош, Ричард Квандт, Янош М. Райнер, Шандор Ревес, Пал Рез, Жерар Ролан, Генри Росовски, Эва Шарняи, Агнеш Шеннер, Андраш Шимонович, Роберт М. Солоу, Сюзан Сулейман, Эва С. Ковач, Янош Сегэ, Мердад Вахаби, Ласло Варга, София Вайбул, Алис Фалк. Благодарю за помощь и тех, кого не перечислил поименно, и тех, кто своими разъяснениями и ответами на вопросы ускорил написание книги.

В расходах, связанных с проведением исследований, поддержку оказал Национальный фонд научно-исследовательских программ (OTKA) (номер темы: T 046976). Институт экономики Венгерской академии наук предоставил помощь в административном обслуживании гранта OTKA. Как и все предыдущие пятнадцать лет, место моей постоянной работы, Коллегиум Будапешт, служило мне источником вдохновения и практической помощи.

Выход автобиографии на русском языке для меня большая радость. Основой для русского издания послужил венгерский текст, опубликованный в 2005 г. При подготовке английского издания в 2007 г. я внес в первоначальный текст множество мелких дополнений, а кое-где и изменил его. Данное издание на русском языке содержит все изменения и дополнения.

Я приношу благодарность тем лицам и организациям, которые способствовали тому, чтобы моя книга попала в руки людей, читающих по-русски. Прежде всего я обязан Венгерскому культурному, научному и информационному центру в Москве и Институту Балинта Балаши за финансовую и организационную поддержку перевода и издания книги в России. Я хотел бы особо выделить личное содействие директора Венгерского культурного центра Илоны Киш; без ее инициативы, моральной и практической поддержки русское издание было бы невозможно. Илона Киш привлекла внимание издательства «Логос» к моей книге, пригласила переводчика, других специалистов, работавших над русским текстом, и сама участвовала в процессе редактирования.

Я признателен переводчице Оксане Якименко, которая неутомимо и с удивительной языковой изобретательностью передала мой нелегкий текст на русском языке. Клара Ваврa тщательно сверила перевод с оригиналом, Евгения Бессонова и Иститут экономики переходного периода под руководством ди-

ректора, доктора экономических наук, профессора Е. Гайдара помогали в переводе экономической терминологии.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить особую благодарность Издательской группе «Логос», лично генеральному директору Елене Юрьевне Самсонкиной, редактору Алле Владиславовне Поляковой за то, что они взялись за издание моей книги и с таким высоким профессионализмом подготовили ее для русских читателей.

Янош Корнаи
10 февраля 2005 г.; 15 августа 2007 г.
Будапешт

1

СЕМЬЯ, МОЛОДОСТЬ — 1928–1944

Я — не Марсель Пруст и не Петер Эстерхази. Описывать в красках не умею, а потому не буду даже и пытаться заставить вас ощутить мир моего детства, настроение, царившее в доме. Я помню запах пирожных или голоса родителей, но лишен писательского дара, чтобы донести все это до читателя при помощи слов.

Уж лучше буду придерживаться собственного жанра — описывать и анализировать окружающий мир. Добавлю еще одно задание: попробую понять и проанализировать самого себя с позиций своих нынешних семидесяти семи лет. Как и почему я стал тем, кем был и являюсь сейчас? А это значит, я буду рассказывать о семье, о детских и юношеских годах именно то, что поможет выполнить оба задания — осознать самого себя и эпоху.

Отец

Отца моего звали Пал Корнхаузер. Ту же фамилию носил и я, пока в 1945-м, по собственному решению, не сменил ее на Корнаи.

Дед по отцовской линии, Карой Корнхаузер, был слесарем и жил со своей семьей в Тренчене — тогда эта территория принадлежала Венгрии, а сегодня входит в состав Словакии. Отец гордился тем, что детали для тренченского моста были изготовлены в дедушкиной мастерской. Позднее, когда речь заходила о деде (я тогда уже был взрослым человеком), многие удивлялись, как это местечковый еврей занялся слесарным делом, вместо того чтобы открыть питейное заведение или лавку. Отец потерял родителей еще ребенком. Старший брат помог ему продолжить учебу, но, по сути дела, отец самостоятельно закончил престижную католическую гимназию пиаристов, поступил на юридический факультет, стал адвокатом. Отцовский пример определенно повлиял и на меня, когда я решил добиваться всего в жизни только собственными силами. Отец, как и многие в Северной Венгрии, свободно владел тремя языками: венгерским, немецким и словацким. Судя по всему, он был человек исключительно способный и упорный, сумевший сделать блестящую карьеру в довольно молодом возрасте. Благодаря знанию немецкого и личной заинтересо-

ванности отец занялся юридической стороной деятельности немецких фирм, работавших в Венгрии. Все чаще получал поручения от этих фирм, а впоследствии стал юридическим консультантом при посольстве Германии. На самом деле отец не был служащим немецкого государства, а должность юрисконсульта была почетным титулом: посольство предлагало его услуги в тех случаях, когда немецкой фирме требовался адвокат для ведения дел в венгерском суде в области частного права или при заключении договоров в связи с деятельностью фирмы на территории Венгрии. Делами иного характера — разводами, уголовными разбирательствами или представлением в суде венгерских клиентов — он не занимался никогда и специализировался исключительно в области экономической деятельности немецких компаний на территории Венгрии.

Квартира и адвокатская контора отца располагались на улице Академии, в том здании, где теперь находится канцелярия премьер-министра. Недавно мне довелось там побывать. Когда я вошел в бывший кабинет отца, где теперь работает мой приятель-экономист, меня охватило особое чувство. В его конторе всюду были венгерские и немецкие книги по юриспруденции. Других книг ни он, ни моя мать не покупали. Художественная литература появилась у нас благодаря старшей сестре, потом и я стал приносить подобные книжки. Не могу утверждать, будто впитал любовь и уважение к литературе вместе с самим воздухом нашего дома, как это произошло со многими детьми из семей интеллектуалов.

Из рассказов матери и сестры я знаю, что в молодости отец много читал, часто посещал оперу, особенно любил Вагнера. К тому времени, когда я стал подростком и мог бы это заметить, от прежних отцовских увлечений и следа не осталось. Все его духовное внимание сосредоточилось на профессии.

Вернемся к работе отца в немецком посольстве. Много десятилетий спустя, после смерти отца, мать упомянула, что, когда посольство назначило его юрисконсультом, практика досталась ему в наследство от некоего доктора Миклоша Калдора. Имя показалось мне знакомым. Удалось выяснить, что Миклош Калдор, выдающийся экономист, советник британского министра финансов, впоследствии лорд Калдор, был сыном того самого венгерского адвоката. Однажды мы беседовали с Калдором в его квартире в Кембридже, и речь зашла о наших отцах. И тут у Калдора, который был тогда уже немолод, наружу вырвались давнее раздражение и ревность. Похоже, пятьюдесятью годами ранее в семье у них частенько ругали молодого Корнхаузера, занявшего место пожилого коллеги.

Когда мой старший брат, Банди, и сестра, Лилли, были маленькими, отец проводил с ними много времени. Лилли часто с умилением вспоминала, как папа водил их гулять, играл, беседовал с ними. К рождению детей «второй волны», Томи и меня, самого младшего, у отца не осталось уже ни энергии, ни терпения заниматься нами. В памяти моей не осталось ни единого часа, проведенного в задушевном общении, ни одной длительной совместной беседы. В своих мемуарах я часто возвращаюсь к той мысли, что у меня не было учителей. И начать следует именно отсюда. Как любой мальчик и юноша, я во мно-

гом считал и продолжаю считать отца примером для подражания. Однако в интеллектуальном смысле он не был мне ни учителем, ни наставником. Отец был человек умный, знающий, но так и не передал мне на словах ни своих взглядов, ни знаний, ни опыта.

Когда я родился, 21 января 1928 г., отцу было уже сорок семь лет. Возраст наверняка сыграл свою роль в том, что он мало занимался братом и мною. Однако самым важным обстоятельством, изменившим отцовское поведение, стал перелом, который произошел в его профессиональном и общественном положении. Мне не было и пяти лет, когда к власти пришел Гитлер. Как и во многих других сферах, в системе местных контактов, поддерживаемых иностранными представительствами, «Gleichschaltung» — полный насильственный переход на сторону гитлеровского режима — произошел не за один день. Прошли годы, прежде чем власть нацистов восторжествовала на всех уровнях тоталитарной системы. Не знаю, с какого именно момента отец потерял право называться «юрисконсультом при немецком посольстве». Упразднение этого звания на первых порах означало только то, что посольство больше не предлагало его услуги немецким фирмам, хотя те какое-то время еще не были обязаны с ним расстаться. Однако клиенты стали постепенно исчезать. Справедливости ради надо сказать, что был среди них немецкий коммерсант, который остался верен отцу до самой его смерти.

По мере того как клиентов становилось все меньше, уменьшался и доход. Отец никогда с нами не обсуждал финансовые вопросы, я лишь задним числом могу определить, что он содержал семью не за счет текущих поступлений, используя, скорее, ранее накопленные средства. Мы, младшие дети, не испытывали особых материальных проблем. Жили мы в достатке, в просторной и дорогой квартире в центре города, лето проводили на шикарной вилле в престижном будайском районе Рожадомб. В детстве к нам была приставлена немецкая гувернантка, в доме была прислуга, садовник. Чтобы возместить убытки от сокращения адвокатской практики, отец обналичил часть крупной суммы, на которую была застрахована его жизнь, и распродал семейные драгоценности и предметы искусства*.

---

* Не так давно мне в руки попали записи отца с подробным описанием страховых полисов. Для него было крайне важно обеспечить мою мать. Но как он ни старался быть предусмотрительным, все его предприятия постигла неудача. Все страховые сделки, заключенные перед Первой мировой войной, свела на нет послевоенная инфляция. С учетом этой неудачи, в начале тридцатых отец приобрел новые страховые полисы на большую сумму в крупнейшей в мире немецкой страховой компании; страховые суммы были привязаны к «золотому доллару» и должны были расти вместе с инфляцией. Так ему казалось, что страховка будет стопроцентно надежной. Откуда он мог знать, что в сороковые годы коммунисты национализируют венгерское отделение той самой немецкой компании и, словно в насмешку над принципом валоризации, приравняют «золотой доллар» к форинту и выплатят матери смехотворно маленькую пожизненную ренту? Страшно представить, как история сумела извратить отцовскую заботу и любовь.

Отец оставил наследникам подробные, до мелочей, инструкции в отношении страховки. В его дотошности я узнаю себя: я также привык детально разжевывать указания коллегам и до-

Изгнание из профессии стало для отца тяжелейшим испытанием, ведь на тот момент он был еще полон энергии и располагал ценным профессиональным опытом, а адвокатуру считал своим истинным призванием. Еще большей проблемой и источником беспокойства стала та роковая историческая тенденция, которая, кроме всего прочего, и привела к перемене его профессионального и финансового положения. Гитлеровский режим все отчетливей являл свое жестокое лицо, появились новости о преследовании евреев, потом был аншлюс, то есть присоединение Австрии (один из братьев отца жил в Вене), немцы заняли Чехию и Моравию, в Венгрии ввели первые законы об ограничении прав евреев, и началась война.

Отец строго придерживался одного принципа: он не желал активно примыкать к какой бы то ни было партии или политическому движению. Причина — неприятные воспоминания времен коммуны 1919 года. При всем при этом по своему мировоззрению он вовсе не относился к тем, кого тогда называли консерваторами. Я не слышал от него никаких замечаний, направленных против левых. Отец был подписчиком либеральной утренней газеты «Уйшаг» («Новость»), и, если покупал другие газеты — это всегда была либеральная пресса. Насколько можно заключить из его слов, он, как мне представляется, принадлежал к либералам. Однако, несмотря на все старания отца оставаться в стороне от политики, история ворвалась в жизнь семьи сначала лишь далеким громом, а потом и близкими ударами молнии.

Отец никогда не отрицал своего еврейского происхождения, но и не подчеркивал его. Многие в круге его общения были евреями, но были и нееврейские друзья. Отец верил в Бога, но не отличался религиозностью — не ходил в синагогу и не выполнял религиозные иудейские ритуалы, но в то же время всегда перечислял благотворительные взносы в приют еврейской общины для мальчиков-сирот. К этому его, видимо, подталкивали воспоминания о собственном сиротском детстве. О переходе в христианство он даже не думал и тем самым закрыл себе путь к ассимиляции.

Отец гордился тем, что во время Первой мировой войны дослужился до чина капитана и получил высокие награды. Без колебаний причислял себя к венграм. Когда Банди, мой старший брат, вышел в запас после прохождения действительной службы в чине младшего сержанта, отец заказал себе и ему военную форму и сфотографировался с сыном. На карточке оба — и отец, и сын — в форме капитана и младшего сержанта уверенно и напряженно смотрят в объектив: первого через пару лет венгерские жандармы загонят в поезд, идущий в Освенцим, а второй, в гражданском, под командованием венгерских солдат будет отбывать принудительную повинность в излучине Дона и сгинет там то ли от морозов, то ли от болезни.

машним. Кто-то воспринимает их с благодарностью, кому-то они кажутся забавными, но есть и те, кто их с недовольством отвергает. Откуда у меня это сходство с отцом? Возможно, я ребенком видел подобные проявления его характера (хотя и не помню об этом) и следую отцовскому примеру? Или же такое мое поведение генетически запрограммировано?

Семья

Отец мой всегда был с нами щедр — даже в период сокращения доходов. Подростком я увлекся фотографией и сразу получил от него в подарок самый лучший фотоаппарат, а когда понадобились приспособления для проявки и увеличения снимков, отец незамедлительно выполнял все мои желания. Позже моей страстью стало собирание книг — он и тут вновь и вновь снабжал меня деньгами. Однако же жизненным центром семьи, источником ее тепла был не он, а моя мать, в девичестве Аранка Шатц, или Муньо, — как мы все ее звали.

В раннем детстве за нами присматривали добрые нянюшки. О каждой я вспоминаю с любовью; последней же из нянек, стройной красавицей Лизл, по-настоящему восхищался. Хотя повседневные заботы были отданы на откуп «фроляйн», матушка находила сотни возможностей выразить нам свою нежную любовь. Она ничего не заканчивала, не получила образования, однако обладала острым умом. Изящная и необычная красота соединялись в ней с естественной, врожденной элегантностью. Кажется, это Фрейд установил: амбиции и уверенность взрослого человека в своих силах в значительной степени зависят от того, сколько любви он получил в начале жизни от своей матери. Я получил огромную дозу. Среди историй, которые Муньо с удовольствием рассказывала снова и снова, был рассказ о том, как тяжело она меня вынашивала, — это была самая мучительная беременность из четырех. Когда становилось совсем невмоготу, врач утешал ее: «Вот увидите, этот ребенок принесет вам больше всего радости». Мама много раз мне это рассказывала, даже когда я был маленьким, и не отрицала, что я ее любимчик, радовалась каждому моему скромному успеху, хвалила и поощряла. Не помню случая, чтобы она меня ругала. Мама никогда не контролировала мою учебу. Если я, еще в начальной школе, жаловался на какие-то неудачи или трудности, она ничего мне не советовала, только ободряла: «Ты справишься. Я за тебя не боюсь, все у тебя получится». Не знаю лучшего стимула, чем такая материнская похвала и безусловное доверие.

Телесные наказания в семье не были приняты. Подростком мой брат сгоряча подрался с молоденькой девушкой, работавшей у нас. Говоря современным языком, это было не сексуальное домогательство — он просто переступил ту грань, которая моим родителям казалась приемлемой. Вечером отец зашел к нам в комнату и ударил ногой — только не брата Томи — спинку кровати и вдобавок произнес несколько слов порицания, тем самым выразив свое возмущение. За все мои детские годы это было самое сильное наказание. Лишь в 1944 г. мне довелось лицом к лицу столкнуться с человеческой жестокостью, а до тех пор я не испытывал и не был свидетелем намеренного причинения кому-либо телесных страданий, не слышал гневных окриков, ругани. Во мне глубоко укоренилось отвращение к громкому крику, и еще более — к прочим физическим унижениям, побоям и пыткам.

Жизнь моего самого старшего брата Банди, родившегося в 1914 г., начиналась беззаботно и весело. Когда брат заканчивал учебу в университете, один

из его друзей собирался эмигрировать в Англию. Банди хотел уехать вместе с приятелем, но отец идею не одобрил. Не знаю, чем он руководствовался, но позднее, со слов сестры, я узнал, что отец ссылался на то, что мол все мы венгры, наше место здесь, и еще, что старший сын должен оставаться с семьей. Мой брат не был бунтарем и согласился с отцовским запретом. Как я уже рассказывал, короткая его жизнь оборвалась на русском фронте. Из-за большой разницы в возрасте я не ощущал особой с ним связи, но с любовью и горечью в сердце вспоминаю, каким он был милым и добродушным человеком.

Самые прочные духовные и интеллектуальные узы связали меня с сестрой Лилли, которая родилась в 1919 г. и была девятью годами меня старше. Мы вместе читали стихи, именно Лилли познакомила меня с новеллами Каринти, она впервые сыграла для меня на фортепиано Дебюсси и Шумана. Мысль о том, что красивая и умная старшая сестра «всерьез принимает» скованного, тощего, как скелет, закомплексованного подростка, обсуждает с ним основные вопросы жизни, берет с собой в общество, несомненно, придавала мне уверенности.

Как же сильно отличались от этого мои отношения со вторым старшим братом! Томи родился в 1925 г., между нами было всего три года разницы, мы довольно долго ходили в одну и ту же школу, у нас была общая гувернантка. Мы с Томи много играли вместе и — как это часто бывает у братьев — частенько дрались по-дружески и не очень. Но, когда брата начали интересовать девушки, он совершенно отдалился от меня. У нас не было общих друзей, мы никуда не ходили вместе, ни разу ни о чем серьезном не поговорили. Так, по сути дела, продолжалось и во взрослой жизни. С Лилли же, до самой ее смерти, нас связывали близкие дружеские отношения, которые основывались не только на чувствах, но и на общих интеллектуальных интересах. Лилли годами была прикована к постели и очень страдала, но нам и тогда удавалось поддерживать живой обмен мнениями о политике и обсуждать общие литературные переживания*. Встречи с Томи, напротив, до самого конца происходили на уровне поверхностной, ни к чему не обязывающей болтовни. Я нахожу это доказательством того, что общей, встроенной в наши мозговые клетки наследственности и даже очень схожей, практически идентичной среды дома и в школе недостаточно, чтобы сплотить двух братьев. Все, что было во мне и в Томи индивидуального, то, чем мы *отличались* друг от друга, куда существеннее повлияло не

---

* Лилли, в замужестве Гардони Андорне, работала бухгалтером на предприятии, вышла на пенсию в должности главного ревизора. Сестра была человеком твердых убеждений и прожила жизнь, следуя строгим принципам. О себе говорила мало, но всегда была открыта заботам чужих людей. Трогательно было наблюдать те задушевные, доверительные отношения, которые пожилая женщина, годами привязанная к постели, поддерживала с нашей дочерью Юдит и ее шведскими детьми, Жофи и Анной, которые души в ней не чаяли. Лилли умерла в 2002 г.

Брат Томи, Тамаш Корнаи, закончил Высшую школу декоративно-прикладного искусства, собирался стать графиком, однако по возвращении из концентрационного лагеря в 1945 г. быстро сменил профессию и до конца своих дней работал в рекламной отрасли, был одним из руководителей государственного агентства по рекламе, затем работал в Сберегательном банке Венгрии. Брат гордился тем, что именно он подал идею для вошедших в поговорку первых рекламных материалов венгерской лотереи «Тото-лото». Томи не стало в 1996 г.

только на наши взаимоотношения, но и на формирование наших таких разных характеров и судеб.

В семье Корнхаузеров все: и родители, и четверо детей — по-настоящему любили друг друга, однако с точки зрения повседневной жизни и встреч мы не вели традиционный семейный образ жизни. Отца и мать связывали необычайно близкие отношения, дети же, напротив, жили своей жизнью, отдельно от родителей и друг от друга.

Когда отцовская контора переместилась в нашу квартиру, матушка часто переодевалась к вечеру в элегантные наряды и присоединялась к клиентам в приемной. Тем самым она хотела показать, что пора заканчивать затянувшийся допоздна рабочий день. Отец вынужден был прерывать работу и уходить с мамой. Почти каждый вечер родители ужинали вне дома, без нас. Общие семейные обеды были у нас не приняты — каждый обедал и ужинал по отдельности, когда хотел или находил время. Семья редко собиралась за одним столом, а если и собиралась, то по большей части летом, на открытом воздухе, в нашем загородном доме.

Возвращаясь к собственной персоне, могу сказать, что ни родители, ни братья с сестрой не вмешивались в мои дела: их не беспокоило, как я распределяю свое время, когда и сколько занимаюсь, с кем и где развлекаюсь, что читаю, на какие спектакли хожу. Изредка — особенно в летнюю пору — мы вместе ходили на какое-нибудь представление в театре под открытым небом или всей семьей 20 августа, в День независимости Венгрии, смотрели фейерверк с холма Рожадомб, но подобные совместные вылазки я скорее могу считать исключениями.

В возрасте тринадцати-четырнадцати лет я принял самостоятельное решение регулярно ходить на концерты. Позже попросил родителей научить меня играть на фортепиано. Отец помог найти учителя, и не абы кого. Фридеш Шандор, в ту пору безработный дирижер, а позднее — выдающийся педагог и создатель оркестра учил меня до той поры, пока немецкая оккупация не положила конец этому предприятию. Примерно на середине обучения в гимназии я сам решил помимо занятий в школе выучить английский язык. Родители всегда брали расходы на себя, но делал я все это, руководствуясь не их советами или пожеланиями, а принимая решения самостоятельно, исходя из собственных соображений.

Оценить влияние такого воспитания довольно трудно. С одной стороны, я чувствовал себя одиноким, предоставленным самому себе. С другой — во мне раз и навсегда закрепилось сознание, или, лучше сказать, ощущение того, что жизнь свою надо выстраивать *самостоятельно*, и в больших, и в малых делах полагаться только на себя. Меня приучали вовсе не к эгоизму, ведь каждый член семьи стремился проявлять такт и уважение к остальным, а не стеснять других или досаждать им. Если возникала необходимость, мы помогали друг другу, однако какой-либо семейной общности у нас не было. Сегодня я считаю себя сознательным индивидуалистом и, должен признаться, считаю уважение челове-

ческого суверенитета одной из важнейших моральных заповедей. Как и то, что в первую очередь я лично несу ответственность за собственную жизнь, за все свои успехи и провалы. Я считаю своей обязанностью оказывать помощь другим, но не чувствую себя «общественным существом» и терпеть не могу, когда меня пытаются загнать в коллективное стойло. Уверен, именно воспоминания детства и юности, домашнего устройства запечатлели в глубинах моей души то, о чем сегодня — после всех метаний и отступлений — я сознательно заявляю, и что я смог понять, читая философские труды и опираясь на опыт долгой жизни.

Немецкая имперская школа

Учебу свою я начал в Немецкой имперской школе (Reichsdeutsche Schule) в Будапеште. Благодаря тому, что и мать, и отец прекрасно говорили по-немецки, а также благодаря нашим немецким гувернанткам, я вырос двуязычным. Тот факт, что все предметы в школе, за исключением венгерского языка и литературы и венгерской истории, преподавались на немецком, не представлял для меня никакой трудности.

В школу меня взяли в 1933 г., хотя я еще не достиг положенного возраста. Начало моей учебы в немецкой школе совпало с приходом к власти нацистов. Меня часто спрашивают, как могли мои еврейские родители отдать ребенка в такое заведение.

Как я уже рассказывал, отец был очень тесно связан с немецкой культурой — именно в ней, по большей части, он и был воспитан, наряду с венгерским изучал немецкое право. Клиентами его были немцы, в качестве рабочего языка отец чаще всего использовал немецкий.

Яростная ненависть Гитлера и его последователей по отношению к евреям не была ни для кого секретом, но отец, как и многие в Германии и во всем мире, наверное, думал, что власть нацистов долго не продержится. Да и как мог немецкий дух, олицетворявший вершину цивилизации, терпеть подобный сброд? Он и не подозревал, что в тот момент, когда Германия встала на этот путь ненависти, в конце его уже маячили газовые камеры.

Родители отдали меня в имперскую школу, чтобы я совершенствовал немецкий, а еще потому, что школа считалась очень хорошей. В нее посылали учиться своих детей не только немецкие дипломаты и деловые люди, работавшие в Венгрии, но и многие иностранцы. Среди моих одноклассников помимо венгров были ученики из Австрии, Германии, Америки и Турции. Из стен школы вышли многие известные люди: журналист и политик, мученик 1956 года, Миклош Гимеш, актер Иван Дарваш, чемпионка олимпиады по плаванию Эва Секей, писатель Ференц Каринти, профессор-германист Элед Халас.

Нас учили необычайно знающие, опытные и терпеливые преподаватели. За восемь лет, проведенные мною в школе, я ни разу не услышал на уроке ни одного антисемитского высказывания. Не помню, чтобы кто-то восхвалял Гитлера и его режим. Когда по распоряжению из Берлина нас надо было отчислить, че-

рез преподавателя основ иудаизма родителям деликатно сообщили, что на следующий учебный год, осенью 1941-го, детей надо перевести в другую школу. Но даже в этих условиях школа позволила тем учащимся, кому оставалось доучиться последний год из двенадцати, закончить обучение дома и сдать выпускные экзамены в следующем учебном году. Вполне вероятно, из-за невыносимых условий на родине за границу, в частности, в венгерскую школу, из Германии пытались выбраться самые свободомыслящие преподаватели. Наша школа служила дружелюбным островком не только в море немецкого нацизма, но и среди венгерских школ, составлявших ее непосредственное окружение, где уже тогда отчетливо ощущалось движение в сторону прогитлеровских настроений.

С благодарностью и уважением вспоминаю учителей немецкой школы. Они приучали к фундаментальному подходу, корректному мышлению, снабжали обширными знаниями. И всему этому я нахожу применение сегодня. При всем при том мне, увы, не довелось встретить своего Учителя. Среди преподавателей не было того, чья личность и деятельность произвели бы на меня мощное впечатление интеллектуального или этического характера.

Немецкая имперская школа подарила мне также дружбу длиною в жизнь. С начальных классов моим товарищем стал Петер Кенде, позднее — журналист, один из идейных лидеров венгерской эмиграции 1956 г., ученый-политолог. Мы проучились вместе восемь лет, после вместе сотрудничали в молодежном движении, в газетном деле, бок о бок участвовали в разнообразных «боях». Хотя на протяжении тридцати лет парижская эмиграция Петера и разделяла нас географически, дружба наша сохранилась по сей день и еще больше окрепла. Мало кто может похвастаться, что с лучшим другом его связывает более семидесяти лет.

Духовные поиски

Из немецкой школы, где занимались дети разных национальностей, что придавало заведению в некоторой степени космополитический характер, и — редкое исключение в те годы — вместе обучались мальчики и девочки, я попал в новую для себя консервативную среду мужской гимназии Вербеци на улице Аттилы. Большинство моих одноклассников и остальных учеников принадлежали к господскому среднему классу жителей будайских районов: Крепости и Кристинаварош. Война уже была в разгаре. В прежней школе учителя не позволяли себе заявлений на тему войны и политики. Здесь же классный руководитель громогласно прославлял немецкое руководство, а во время Сталинградской битвы предсказывал победу Германии. Он преподавал три основных предмета: латынь, венгерскую литературу и историю. С самого начала этот человек во всеуслышание заявил, что ни один еврей не получит у него «отлично» по всем трем предметам. Слово свое он сдержал. Среди учеников-евреев претендентов на отличников по всем предметам было двое, но классный руководитель Хегедюш то по одному, то по другому своему предме-

ту периодически не ставил нам выше отметки «хорошо». Это было мое первое столкновение с неприкрытой дискриминацией.

Второй случай был связан уже не с пристрастным отношением преподавателя, а с государственным указом, который относился ко всем гражданам. В связи с участием страны в войне ученики средних школ проходили военную подготовку. Тех, кто ее проходил, называли «левенте». Когда я учился в немецкой школе, подготовку проходили все мальчики. Переход же в венгерскую школу сопровождался разделением учеников на две группы: нееврев и евреев. Занимались мы по отдельности. Не могу сказать, будто с нами обращались с какой-то особенной жестокостью. Однако подобное деление на еврейских и нееврейских левенте казалось мне настоящим унижением и было явным проявлением сегрегации.

Класс, почти все ученики которого к моменту моего прихода уже проучились вместе пять лет, принял меня дружелюбно. С кем-то мы вместе ходили на концерты, театральные представления для школьников, с кем-то — спорили о книгах, но серьезной дружбы у меня ни с кем не возникло, я, скорее, продолжал отношения, сложившиеся в немецкой школе. То, что я говорил об атмосфере в предыдущей школе, оказалось еще более применимо к новой гимназии: мне и здесь не довелось встретиться с учителем, чья личность оказала бы на меня серьезное влияние. Вспоминаются претендующие на остроумие замечания одних преподавателей, напыщенные речи других, но ни от кого не получил я духовного напутствия.

Знания по истории, философии, человеческом духе, полученные в школе, я усваивал плохо. Формированием собственных вкусов, предпочтений, образа мыслей я занимался самостоятельно, жадно глотая книги, которые страстно собирал, и моя коллекция постоянно росла*. Я записался в библиотеку газеты «Уйшаг», открывшуюся неподалеку от дома, и таскал из нее книги домой. Ориентироваться в литературе мне было трудно. Одним из путеводителей стала «История венгерской и мировой литературы» Антала Серба. В то время как наш классный пренебрежительно отзывался об этих «халтурных писульках» и практически запрещал нам их читать, я нашел в них неоценимое руководство. Труд Антала Серба дополнила «История европейской литературы» Бабича. Я старался по очереди перечитать все произведения, которые в этих антологиях были отмечены как выдающиеся. Сегодня кажется невероятным, сколько времени я на это потратил. Обычно я вставал затемно и за пару часов успевал переделать все школьные задания, а после школы, вечером встречался с друзьями, беседовал с ними или читал. По неделе у меня ушло на «Войну и мир», «Братьев Карамазовых», дальше были Бальзак и Флобер, Миксат и Жигмонд Мориц,

* Друзья семьи заботливо сохраняли эти книги в течение многих месяцев гонений. Как только мы вышли из подвалов, я тут же поспешил отнести любимые книжки домой, чтобы они снова были рядом со мной. Книги пережили осаду Будапешта с декабря 1944 г. по февраль 1945-го, бомбардировки и грабежи. Однако через несколько недель, в начале 1945 г., все книги, до единой, были утеряны, когда нас неожиданно выселили из квартиры советские солдаты. Единственным уцелевшим томом оказался мой любимый роман Томаса Манна «Тонио Крегер».

Янош Арань, Аттила Йожеф, Костолани, поэтические переводы Арпада Тота — этот список литературных впечатлений я мог бы продолжить.

Воскресные приложения к ежедневным газетам давали возможность покопаться в статьях об искусстве, гуманитарных и общественных науках, на их основе я пытался выбирать, что читать. В конечном счете, именно в русле тогдашней интеллектуальной моды я обратился к текстам Ортеги-и-Гассета, Хейзинги или Освальда Шпенглера. Я радовался, когда удавалось найти работу, которая давала более широкий обзор отдельных сфер мышления и интеллектуальной жизни, как, например, «История философии» Дюрана. Своим четырнадцати–шестнадцатилетним умом я, наверное, мог понять истинное содержание прочитанного лишь наполовину. Ни родители, ни братья с сетрой, ни религия, насколько нам ее преподавали на уроках закона божьего, ни учителя не предложили мне крепкой основы для формирования мировоззрения. Я был открыт любым новым идеям, совершал ошибки, метался от одной этической системы к другой в поисках альтернативных ответов на мировые вопросы. В какой-то момент, под влиянием Достоевского, я почувствовал, что должен стать христианином. Потом, кажется, после прочтения Анатоля Франса, мне стало импонировать ироничное мировосприятие, а удовольствие, полученное от вольтеровского «Кандида», только укрепило подобный подход.

За это время я не выработал никакого представления о том, какую стезю выберу, когда вырасту. Мой двоюродный брат, Пал Дёрфи, уже в детском саду знал, что будет работать в «скорой помощи», — так и вышло. А вот у меня подобного осознания собственного призвания не было, хотя уже тогда проявились те черты, которые потом нашли применение в исследовательской работе. Я любил порядок в деталях. Было во мне сильное стремление доводить начатое до полной завершенности. Если я занимался фотографией, то концентрировался исключительно на этом. Если собирал книги, то старался, чтобы у меня в библиотеке были все книги, которые считаются шедеврами. Если начинал коллекционировать марки, то должен был собрать самый полный альбом. Меня уже тогда раздражали хаос, неразбериха, недоделанная работа.

Тем не менее все эти качества и устремления не имеют никакого отношения к направлению развития интеллектуальных интересов. Если экстраполировать развитие моего духовного облика в 14–16 лет (теперь уже окончательного) на будущее, каким оно тогда представлялось, получится, скорее, человек философского склада, который мог бы стать литературным критиком или решал бы эстетические вопросы. В нем нет даже намека на того, кто позднее обратится к насущным проблемам общества и через двенадцать — пятнадцать лет станет ученым-экономистом.

Тогда мне казалось: чем больше знаний я наберу, тем лучше буду понимать мир. На деле каждый день новая точка зрения (как принято сегодня говорить у компьютерщиков) записывалась поверх старой. По сути дела, я с открытым сердцем и разумом ждал настоящий сильный интеллектуальный импульс, который и получил в 1945-м. Не будем, однако, забегать так далеко вперед. Пока речь шла о последних гимназических годах в преддверии потрясений 1944 г.

1944: судьба отца

19 марта 1944 г. началось как обычный воскресный день. Я собирался на утренний концерт с одним из друзей. Концерт отменили: немецкие войска вошли на территорию Венгрии — началась оккупация.

Через пару недель отец получил повестку, вроде тех, которыми вызывали евреев в трудовые батальоны. Через сорок восемь часов следовало явиться по указанному адресу с походным снаряжением, котелком и одеялом и холодным пайком на два дня. Отцу тогда уже исполнилось 63 года — по правилам, его не могли вызвать на работы, ведь предельный возраст для них составлял до сих пор 60 лет.

Родителей мучили дурные предчувствия. Из телефонных разговоров со знакомыми стало ясно, что вместе с отцом вызвали и других видных представителей еврейской интеллигенции и деловых кругов. Отец с матерью не посвящали детей в свои тревожные обсуждения. Потом по маминым рассказам я восстановил, какие рассматривались альтернативы.

Мама предложила отцу покончить вместе жизнь самоубийством, но этот вариант пришлось отвергнуть: родители не могли оставить остальных членов семьи в такое опасное время. Потом она спросила у мужа, не попробует ли он скрыться, ведь у них были самоотверженные друзья, даже немцы, которые могли дать убежище. Отец однозначно отказался, по двум причинам. Во-первых, риск, как ему казалось, был слишком велик — боялся, что если его обнаружат, то жестоко отомстят не только ему самому, но и всей семье. Во-вторых, повестка — государственный приказ, а приказу надо подчиняться. Тут я постиг один из столпов отцовского мировоззрения. Он был юристом. И не просто адвокатом, но последовательным и страстным почитателем закона и права. Отец наверняка и на собственном опыте, и в литературе сталкивался со случаями, когда мораль и положительное право конфликтуют между собой. Уверен, он постоянно спрашивал себя: что же это за право, если его диктует тиран, что это за закон, если марионеточные парламенты формируют его в обстановке попрания основных прав человека. И все же, оказавшись перед роковой дилеммой в собственной жизни, этот высокоморальный, щепетильный и неподкупный человек применил простейшую формулу. Указание государства есть указание государства. Приказ есть приказ — надо выполнять.

Как выяснилось, около двухсот влиятельных представителей еврейской элиты Будапешта были собраны в качестве заложников в первые недели после прихода немцев. Поначалу всех разместили в школе раввинов на улице Рекк Силард под надзором венгерских полицейских в относительно приличных условиях[1]. Через пару недель узники получили разрешение на свидание с семьей. Оба моих брата к тому времени уже были в трудовом батальоне: старший, Банди, — на русском фронте, младший, Томи, — под югославским городом Бор, а значит, не могли пойти с нами. Мама, сестра и я встретились с отцом во дворе школы. Папа был спокоен и — если память меня не обманывает — даже

весел. Без тени сентиментальности он давал практические советы маме, которая до сих пор занималась только домом, детьми, организацией семейных и дружеских вечеров, финансовые и административные дела находились исключительно в ведении отца. Все это свалилось на маму неожиданно, и отец пытался передать ей максимум информации. Потом он еще прислал письмо, в котором расписал, что делать с квартирой и куда поместить папки адвокатского архива*. Ни в письме, ни при встрече не прозвучали прощальные слова, только принятые у нас в семье нежные приветствия.

Больше мы отца не видели и писем от него не получали.

Пока он был в школе раввинов, несколько верных немецких клиентов организовали небольшую депутацию, чтобы вызволить отца, и вместе отправились к послу, Эдмунду Веезенмайеру, гауляйтеру, присланному в Венгрию после начала оккупации, о котором рассказывали жуткие истории. Они просили немецкую сторону повлиять на венгерские власти с целью освобождения моего отца, ссылаясь на заслуги доктора Пала Корнхаузера в деле защиты немецких экономических интересов в Венгрии в течение многих десятилетий. Один из участников депутации позже рассказал матери, как все произошло. Веезенмайер разгневался и пригрозил посадить просителей вместе с Корнхаузером, если те немедленно не уберутся из кабинета.

О дальнейшей судьбе отца мы располагаем лишь неподтвержденными слухами. Группу заключенных якобы сначала перевезли в рощу Хорти (ныне — Сигетсентмиклош). Там они еще какое-то время продолжали жить на положении интернированных, хотя и в более тяжелых условиях[2]. Настал день, когда вся эта история неожиданно закончилась: всех узников погрузили в поезд на Освенцим и отправили в лагерь смерти.

Гибель каждого из шести миллионов жертв холокоста трагична, каждую смерть предваряет отдельная, индивидуальная история жизни убитого. Особенность отцовской судьбы состоит в том, что он, при активном содействии венгерских властей, пал жертвой *немецкого* террора, хотя с ранней юности жил в контексте немецкой культуры, будучи юристом, стремился содействовать укреплению немецкой торговли и промышленности, боролся за чистоту и правовую культуру немецко-венгерских связей. Гитлера отец не поддерживал и с нацистским режимом не сотрудничал. Причиной же его гибели стало не пассивное сопротивление, но еврейское происхождение.

Я уже отмечал вторую характерную особенность трагедии отца: как смиренный слуга *законности* и образцовый поборник права он не хотел вступать в бой с государственной машиной, взошел на плаху жертвенным агнцем, не способным себя защитить, и пал жертвой самого грубого и бесчеловечного злоупотребления правом, законом и государственной властью.

---

* Следую ли я отцовскому примеру в своей привычке хранить собственные рукописи и записи в абсолютном порядке или это наследственное?

1944: как я спасся

Если бы отец остался дома, он бы наверняка вмешался в мои планы. Не знаю, чья бы воля возобладала: отцовская ли — как я уже упоминал — в решающий момент он запретил эмигрировать моему брату Банди, или моя — воля человека, приученного к полной самостоятельности в мельчайших жизненных вопросах.

С той поры, как отец ушел, а мама не могла и не хотела даже словом влиять на мои решения, мне, шестнадцатилетнему, пришлось целиком положиться на собственное здравомыслие. Речь здесь уже шла не только о том, какие книги читать или какой язык учить. 1944 год стал годом принятия решений о жизни и смерти.

На тот момент уже вовсю ходили слухи о депортации. Мы не подозревали, что тех, кого увезли, уничтожат потом в газовых камерах. Думали, их отправляют в лагеря вроде тех, где служили мои братья, Банди и Томи. Незадолго до этого мы как раз получили от них весточки и знали, что живется им тяжко: голод, холод, зачастую — жестокое обращение, но в письмах была надежда на то, что войну можно пережить.

Еще распространилась новость (как потом оказалось, ложная), будто тех евреев, которые работают на военных предприятиях, депортировать не будут. Поэтому двое моих друзей и я самостоятельно пошли разнорабочими на кирпичный завод Надьбатонь-Уйлаки, что на проспекте Бечи. Из гимназиста, который в жизни не занимался физическим трудом, а в спорте всегда был слабым и неуклюжим, я неожиданно превратился не просто в рабочего, но в человека, выполняющего довольно тяжелую и утомительную работу*. Опытные рабочие поднимали тяжелые сырые кирпичи с постоянно работавшего транспортера и складывали на вагонетки, стоявшие на рельсах. Мы, как новоиспеченные разнорабочие, должны были откатывать вагонетки к крытым пристройкам и укладывать кирпичи друг на друга в строгом порядке.

Какое-то время мы приходили на завод с желтыми звездами на груди, а вечером уходили домой. Позже комендантский час ограничил наши передвижения. К моменту окончания смены мы уже не могли идти домой. Выбора не было — пришлось переселиться на завод, где мы устроили себе ночлег под навесами**.

---

* Еще не на уровне осознанного жизненного принципа, а на уровне инстинкта или под гнетом обстоятельств я начал тогда понимать: если жизнь ставит перед тобой альтернативу, надо выбирать. У меня стал проявляться настрой, который не позволял пассивно наблюдать за случайной волей судьбы. Мне, скорее, свойственно брать управление жизнью в свои руки. Позднее такое отношение стало для меня совершенно осознанным жизненным принципом. Решимость выбирать не гарантирует, что мой выбор будет оптимальным. Работа на кирпичном заводе, например, как вскоре выяснилось, оказалась бессмысленной.

** Пока я жил на кирпичном заводе, маме с сестрой пришлось покинуть нашу квартиру на улице Академии. Евреев выселяли в «дома со звездами». Маму с сестрой взяли к себе старые друзья родителей — семья, жившая в «еврейском доме» на проспекте Пожони.

Неожиданное изменение жизненного уклада не оставило у меня неприятных воспоминаний. Все это напоминало, скорее, летние лагеря, связанные с сельскохозяйственными или строительными работами, куда в конце сороковых годов ездила молодежь. Мы подрядились на завод хотя и под влиянием страха, но добровольно. Полные энергии, мы радостно приспосабливались к непривычным обстоятельствам. То, что старые заводские рабочие, ставшие теперь нашими товарищами по работе, ни единым словом не обидели нас, было большим подспорьем. Мы не услышали ни одного замечания по поводу нашитых на нашу одежду звезд, никаких антисемитских шуточек. Если у нас что-то не получалось, могли показать, как надо делать, а то и обругать, как обругали бы любого другого новичка-недотепу (того, кто портил сырые кирпичи). Некоторые старые рабочие приглашали к себе домой, поили-кормили. Я увидел, как они живут. Квартиры были чистые, аккуратные — но мне они казались невероятно бедными, по сравнению с теми условиями, в которых жили я и мои друзья. Дома я всегда поддерживал хорошие отношения с прислугой, мы часто беседовали, я ходил к ним в гости, встречался с семьями. Однако то были патриархальные отношения члена семьи работодателей с работниками. Они сильно отличались от теперешней, первой настоящей встречи с тем социальным слоем, который коммунисты называли «рабочим классом». Я вдруг шагнул в другое пространство: из уютного, до сих пор практически герметично закрытого круга попал в мир бедных жилищ, тяжелого физического труда, устаревшей техники. Я оказался среди людей, которых искренне уважал за их нелегкую жизнь и естественную человечность, без громких фраз и показухи.

Кирпичный завод Надьбатонь-Уйлаки впоследствии стал одним из перевалочных пунктов массовых депортаций. Это место фигурирует в рассказах многих депортированных. Некоторые из них все вспоминают, как получали помощь от тамошних рабочих. Между нилашистами, жандармами, теми, кто стоял в оцеплении, обеспечивая депортацию, и местными рабочими часто вспыхивали стычки. Говорили, что были среди рабочих храбрецы, мученической смертью заплатившие за свою помощь. К сожалению, достоверные свидетельства об этом мне не попадались.

Летом 1944 г. давление на будапештских евреев несколько ослабло. Депортация сельских евреев уже была завершена, но ходил слух, будто будапештских трогать не будут. С помощью фальшивого удостоверения — его на свой страх и риск выдал один гуманный врач, доктор Иштван Сабо, — меня признали негодным к тяжелому физическому труду и согласились отпустить с завода.

Началась осень, а с ней и учебный год. Мне надо было начинать занятия в последнем классе гимназии. Я решил, что с желтой звездой в школу не пойду. К чести товарищей по школе, могу сказать, что ни разу не услышал от них ни одного антисемитского высказывания. Осадок же остался потому, что ни одноклассники, ни друзья неевреи из других школ не проявили особой солидарности. Они не приходили в гости, не звонили. Кое-кого я даже упрекнул в

этом при случайной встрече после войны, но школьные приятели смотрели на меня, словно не могли понять, какую оплошность допустили. А ведь эти люди часто и доброжелательно думали обо мне, были бы рады узнать, все ли у меня в порядке, — увы, в школах, где мы учились, в семьях, где росли, нас не учили выражать сочувствие, понимание, солидарность.

Лето и ранняя осень прошли в бездействии. По своеобразному соглашению мы переехали из «дома со звездой» в квартиру моей сестры. Официальным съемщиком стал капитан жандармерии. Сестра договорилась с ним: если мы умрем, а они останутся живы, семье капитана отойдет не только право найма, но и вся обстановка, если же мы переживем эту бурю, то вселимся обратно, а они переедут в другое место. Так и вышло, но тогда, летом 1944 г., мы не могли знать, что готовит нам будущее. Пока мама хлопотала на кухне, мы втроем — сестра Лилли, смешливая жена капитана, беременная, на шестом месяце, и я, шестнадцатилетний подросток — сидели и хохоча рассказывали друг другу анекдоты. Не зря говорят: не к добру такое веселье.

15 октября была обнародована пресловутая прокламация Хорти о планах заключить перемирие с Советской армией. Вскоре на улицы вышли банды нилашистов. В Пеште около десяти недель продолжался террор, который начался с единичных убийств и закончился массовой резней. Все это длилось еще месяц, пока немцев и венгерских нилашистов не прогнали и с будайского берега.

Через несколько дней после перехода власти к нилашистам был распространен приказ, по которому в трудовой батальон призывались и те евреи, которые были младше или старше призывного возраста, то есть молодежь до восемнадцати и старики за шестьдесят. Меня тоже забрали и определили в роту трудбатовцев, состоявшую из моих ровесников и пожилых людей. Мы должны были идти маршем с ипподрома. В первую ночь местом нашего ночлега стало недостроенное новое крыло аэропорта Ферихедь. Народ заснул прямо на походных рюкзаках. Когда рассвело, в нескольких метрах от себя я увидел старика, лежавшего без движения, — он не вынес переживаний и длительного перехода. Я впервые собственными глазами увидел труп.

После нас разместили в конюшне, в предместье Вечеш. Более ста человек лежали вповалку на соломе. Здесь уже и следа не осталось от веселой, похожей на молодежный лагерь атмосферы, которая запомнилась мне, когда я работал на кирпичном заводе. Пожилые трудбатовцы мучились; в темноте, спотыкаясь, перешагивая через тела, вылезали на улицу справить нужду. На рассвете люди, привыкшие к теплым ванным комнатам, пытались умыться ледяной водой. Еды давали мало. Пока рыли траншеи, выкапывали морковь, чтобы не умереть с голоду. Трудбатовцы мало общались друг с другом, да и боевыми товарищами стать мы не успели. Некому было высказать свои мысли, поделиться проблемами.

Но и здесь я столкнулся с проявлениями человеческого участия. Однажды пришлось разворотить сад одной семьи, чтобы прорыть траншею по приказу приставленных к нам офицеров. Хозяева сада не стали вымещать на нас зло за

причиненный ущерб. Напротив. Из дома вдруг вышла симпатичная белокурая девочка и вынесла ведро фасолевого супа для оголодавшей команды. Девочку звали Марта. Судьбе было угодно, чтобы спустя много лет мы встретились. Марта стала машинисткой там, где я работал журналистом. Делясь воспоминаниями военных лет, мы выяснили, что девушка и ее родители были нашими ангелами-хранителями, а я — одним из тех, кому они бескорыстно помогли. Ведро супа — невеликое дело, но я — наряду с другими примерами — часто упоминаю его, когда кто-нибудь начинает непозволительно обобщать и необоснованно обвинять венгров в равнодушии и безучастности к гонениям на евреев.

Когда советские пушки загрохотали уже довольно близко, мы получили приказ немедленно покинуть Вечеш и маршем отправиться в сторону Будапешта. Наша рота отправилась в путь в День поминовения усопших, 2 ноября 1944 г. — несколько десятков юношей и сто или сто пятьдесят стариков. До границы Будапешта нас сопровождала полевая жандармерия. По пути в город они не спускали с нас глаз, как и в Вечеше, но никого не мучили ради развлечения, не давали никаких садистских приказов, которые могли бы сломить нас или привести к гибели. Темп задавали быстрый, но терпимый.

С тех пор я много раз проходил мимо тех казарм на улице Юллеи, где полевые офицеры передали нашу роту нилашистам в зеленых рубашках, с повязками на рукавах. Через несколько минут раздалась резкая команда: «Бегом!» Мы, молодые, еще могли выдержать темп после многокилометрового перехода Вечеш — Будапешт. Среди стариков все больше народу начало отставать. Тех, кто останавливался, нилашисты — совсем еще мальчишки — принимались бить прикладами. От улицы Юллеи до моста Миклоша Хорти (теперь — мост Петёфи) нас продолжали гнать, а отстающих — бить. Я видел, как сыплются жестокие побои: то на бегущих впереди, то на тех, кто был рядом. Никогда не забуду вопли униженных, замученных, задыхающихся людей. Пятерых, а то и больше стариков у меня на глазах забили до смерти. Когда мы достигли моста, два трудбатовца выскочили из толпы и бросились в Дунай. Нилашисты открыли огонь. Не знаю, погибли те двое или им удалось спастись.

Изможденные, измученные душой и телом, добрались мы до Альбертфалвы, где провели ночь. День этот и впрямь стал Днем усопших. От Вечеша до Альбертфалвы более 20 километров — немало даже для молодого, полного сил человека. На рассвете у меня созрело решение: надо бежать.

На мое счастье, такая возможность у меня появилась. На тот момент по всему Будапешту уже шла масштабная акция по спасению, организованная героическим шведским дипломатом Раулем Валленбергом. Он использовал различные средства. Одним давали шведский паспорт. Однако этот документ не во всем был идентичен паспорту настоящего шведского гражданина. На корочке было напечатано немецкое название: Schutzpass (охранный паспорт). Документ свидетельствовал о том, что его владелец — гражданин Швеции. Другим доставалась бумага юридически менее весомая, так называемый Schutzbrief (охранное свидетельство). В ней говорилось только, что владелец документа находится

под защитой шведского посольства в Будапеште. Первый документ вынуждено было признавать даже правительство нилашистов, а у второго, в сущности, не было никакой юридической силы с точки зрения международного права.

У меня в кармане был документ второго образца — внушительный снаружи, но мало что значащий. Его раздобыл для меня Эрне Варманн, друг семьи, один из поклонников сестры Лилли. Рано утром один из командующих нилашистов издал приказ построиться всем, у кого есть шведский паспорт. На решение у меня была одна минута. Если встану вместе со шведами и нилашисты заметят, что у меня нет шведского паспорта, могут моментально расстрелять. И все-таки я пошел на риск, решил объявить себя «шведом».

На мое счастье, проверяющий документы пацан не знал разницы между охранным паспортом и охранным свидетельством и оставил меня в шведском отряде. Нас посадили в грузовик и перевезли в Пешт. Остальных трудбатовцев, по слухам, должны были погнать дальше на Запад. Через многие годы я случайно встретился с одним из выживших и узнал, что так все и было. До австрийской границы живыми добрались лишь несколько человек, форсированный марш, постоянные побои и голод свели остальных в могилу.

Шведский отряд, прибывший из Альбертфалвы, разместили в огромном здании одного из пештских профсоюзов вместе с другими шведскими группами. Правда, и здесь нам пришлось спать на земле. Но какое это было чувство свободы — никто нас не обижал, охрану несли дружелюбные новобранцы, а дослужившиеся когда-то до звания офицеров запаса венгерские евреи переквалифицировались в шведских командиров и поддерживали порядок. Но каким бы сносным ни было наше положение, я не верил, будто нилашисты станут долго терпеть подобную ситуацию. Решил сбежать и отсюда. Как оказалось потом, поступил я правильно, ведь через некоторое время эту группу также погнали на Запад.

Сбежать из шведского дома оказалось довольно просто. Друг семьи был одним из «шведских офицеров». Он договорился с одним из часовых, что тот отвернется, когда я выйду.

И снова я свободно шел по пештской улице, уже не в солдатском строю. Свободно? У меня на одежде не было звезды, но и фальшивого удостоверения не было. Если какому-нибудь нилашисту или сотрудничающему с ними полицейскому, солдату, гражданскому лицу я покажусь подозрительным, меня могут увести, начнут допрашивать, пытать. Надо было спрятаться.

Поначалу убежище мне дала дорогая тетушка Луиза, наша бывшая уборщица. Муж ее был домуправом на улице Мештер. У них я ночевал, спал в комнате с хозяевами. Днем, уходя на работу, они не хотели оставлять меня одного в квартире и просили то одних, то других жильцов спрятать беглеца. Один день я провел в комнате трамвайного контролера, другой — у проститутки. Все жильцы прекрасно понимали, какой опасности себя подвергают, ведь за укрывательство евреев и дезертиров — как на каждом углу кричали плакаты — полагался немедленный расстрел. И все равно они это делали. Вот еще один при-

мер того, как опасны бывают обобщения. Как несправедливо было бы видеть в садистах и негодяях из «Скрещенных стрел» воплощение венгерского народа. Попадались венгры, которые добровольно, невзирая на опасности, помогали нам из лучших человеческих побуждений.

Ежедневные поиски нового укрытия не могли долго продолжаться. Но мне снова повезло. Тот самый друг семьи, который до этого достал мне валленберговский документ, нашел связи с орденом иезуитов. Отцы-иезуиты были готовы спрятать группу евреев, среди них — мужа сестры и меня. Он же, имея влиятельные связи в церковном мире, добился того, чтобы маму с сестрой принял женский монашеский орден «Sacré Coeur» («Святое сердце»). Прежде чем перебраться в новое укрытие, я хотел повидаться с ними — кто знал, увидимся ли мы еще когда-нибудь. Я рванулся к ним в монастырь без нашитой звезды, без фальшивого паспорта, с букетом в руках. Мама с сестрой радостно встретили меня. Мы попрощались.

Иезуиты радушно приняли нас в своей обители (теперь — здание коллегиума имени Райка). У ее настоятеля, патера Якоба Райля* нашли убежище многие жертвы гонений[3]. Мне, как единственному молодому, поговорить там было не с кем. С зятем меня связывали вежливые родственные отношения, ни эмоционально, ни духовно он не был мне близок. Я вновь попал в среду, где, по сути дела, оказался в одиночестве.

Один патер, имени его я, к сожалению, не помню, несколько раз заводил со мной разговор о вере, о Боге, о христианской и иудейской религии, философии. Мы, наверняка, представляли собой любопытное зрелище: священник-иезуит и долговязый, ободранный юноша-подросток, оживленно беседуя, прогуливаются по монастырскому саду, а снаружи грохочут пушки.

К тому времени Советская армия уже окончательно сжала кольцо вокруг Будапешта и на окраинах начались уличные бои. Мы жили в надежде, что авторитет монастыря не допустит вторжения нилашистов. Однако настал день, когда отцы-иезуиты утром сообщили: нилашисты устроили облаву. Я выскочил на лестничную площадку и сразу увидел двух вооруженных людей, которые громко орали. Не знаю, были ли это солдаты или члены организации «Скрещенные стрелы». Мы с зятем выбрались на крышу здания и распластались на перекладине, по которой трубочисты подбирались к дымоходу. Не знаю, чего я страшился больше: облавы, проходившей в монастыре, или бомб, которые в тот момент падали на город. Гул от разрывов стоял ужасный, а пушки грохотали уже совсем близко. Кроме того, я боялся упасть с узенькой доски. Положение было жуткое, но в зрелище вспыхивающих орудийных огней очертания города, открывавшиеся с высоты, были наполнены какой-то адской красотой. Да и в самой ситуации, когда банковский служащий, юноша из при-

* В 1944 г. Якоб Райль был прокуратором ордена иезуитов. Сколько людей прятали тогда в обители, точно не известно; один источник дает цифру 100, другой — 150. В 1992 г. патер Райль получил от израильского мемориального центра «Яд ва-Шем» титул «праведник мира», которого удостаиваются люди, максимально помогавшие спастись евреям в годы гонений.

личной еврейской семьи, и книжный мальчик, гимназист, залегли на крыше обители иезуитов, было нечто гротескное.

Облаву мы пережили, но хозяева обители на этот раз попросили нас переселиться в подвал. Если я правильно помню, мы провели там две недели в тесноте, но относительно цивилизованно. Отцы-иезуиты снабжали нас едой, мы уж точно питались лучше, чем большинство жителей Будапешта. Признаком окончания нашего сидения в подвале стало особое событие. Еще до осады города бомбоубежища в подвалах домов были связаны между собой в единую сеть. Там, где это было возможно технически, между убежищами установили двери. Однажды утром дверь, ведущая в подвал соседнего здания, открылась, и к нам ввалился целый отряд немецких солдат. Что им нужно? Облава? Хотят нас забрать? Нет, на тот момент они уже и думать об этом забыли — немцы пытались бежать: усталые, измученные люди, переползавшие из одного подвала в другой.

Со вторжения поверженных немцев к нам в подвал прошло, наверное, один-два дня. И вот пришли русские! Никогда не забуду то, что предстало нашим глазам. К той части подвального помещения, где мы прятались, вела внутренняя лестница. Мы сидели и дрожали от страха внизу, когда на верхней ступеньке лестницы вдруг появились трое: патер Райль, настоятель в сутане, рядом с ним — прямой, как струна, советский офицер в казацкой форме. До этого я только в фильмах-опереттах видел, чтобы у военного на груди красовался патронташ. Третьим был один из наших товарищей, кантор подкарпатской синагоги, говоривший то ли по-русски, то ли по-украински, который выступал в роли переводчика между отцом-иезуитом и советским офицером. Мы услышали несколько дружеских приветственных слов, и на этом гонения и осада города для нас закончились. Прятаться больше было не нужно.

Далее события развивались странным образом. За несколько секунд из жертв преследования, вынужденных неделями прятаться под землей, мы превратились в свободных людей, и к нам по лестнице спустились несколько русских парней и с криками: «Давай часы!» — отобрали их у нас. Я не понял, почему они так делают и что вообще все это значит. К утрате часов отнесся легко.

Мы выждали еще пару дней, а потом все, кто укрывался в обители, с благодарностью попрощались с иезуитами и разошлись по домам.

Я отправился в сторону Малого кольца, к синагоге на улице Дохань. С ужасом и содроганием смотрел на горы окоченевших обнаженных трупов, нагроможденных друг на друга по краям тротуара. Горы трупов евреев, погибших в гетто вокруг синагоги, достигали высоты второго этажа.

Бегом бросился дальше, в квартиру сестры на проспект Пожони. Вошел: мать и сестра уже были там. Мы, оставшиеся в Будапеште во время осады, все трое, выжили!

Здесь заканчивается целая глава моей жизни. Всего несколько дней отделяли меня от семнадцатого дня рождения. В юридическом смысле я еще не считался взрослым. Но после 1944 года я уже никогда не мог считать себя ребенком, юношей, не вполне способным взять на себя ответственность.

2

КАК Я СТАЛ КОММУНИСТОМ — 1945–1947

В 1975 г. я работал в Швеции. Мне надо было слетать в Нью-Йорк на одно заседание, и для этого пришлось подавать документы на визу в посольство США в Швеции. По действовавшему тогда американскому закону я должен был ответить на вопрос, состоял ли я когда-либо в своей жизни в коммунистической партии. Работник посольства просмотрел мой бланк и, увидев утвердительный ответ, услужливо обратился ко мне: «Вас, наверняка, заставили вступить...»

«И речи об этом не было! — ответил я. — В партию я вступил добровольно. Я стал коммунистом, потому что тогда таковы были мои убеждения».

Прошло полвека с тех пор, как моя коммунистическая вера стала ослабевать, а потом и совсем остыла. И все-таки, когда я описываю и оцениваю собственную жизнь, вопрос, почему и как я стал коммунистом, ничуть не теряет своей актуальности.

Стадии принадлежности к коммунистической партии

Ответ, данный мною чиновнику американского посольства, несколько упростил проблему. Формальное, письменно задекларированное вступление в партию — весьма важный акт. Это, однако, всего лишь одна задокументированная ступень в процессе преобразования, который начинается для человека вне коммунистической партии и заканчивается полным с ней слиянием. Обычно на это уходит много времени, и происходит все индивидуально, в зависимости от конкретной личности и внешних обстоятельств. Признаки происходящей трансформации в странах, где коммунисты находятся у власти, отличаются от ее проявлений в государствах, где коммунисты находятся в легальной оппозиции или борются за власть нелегально. В данном случае я рассматриваю только ситуацию с правящей компартией*. В Венгрии после

* В Венгрии коммунистическая партия меняла свое название несколько раз: Венгерская коммунистическая партия (1944–1948), Венгерская партия трудящихся (1948–1956), Венгерская социалистическая рабочая партия (1956–1989). В книге я везде называю ее «коммунистическая партия».

разгрома нилашистов было сразу создано такое коалиционное правительство, в которое вошла коммунистическая партия, причем на сильных позициях. (Позднее, но уже вслед за периодом, обозначенным в названии главы, коммунисты захватили всю политическую власть.)

В процессе слияния с коммунистической партией следует выделить пять этапов или стадий, которые одновременно демонстрируют типичный путь сближения с ней.

Первая стадия — *сочувствующий беспартийный.* Такой человек разделяет идеи партии, готов поддерживать отдельные ее акции, голосует за нее на выборах. «Попутчик» не берет (или *пока* не берет) на себя ответственность, сопутствующую членству в партии.

Вторая стадия — *член партии.* Упор делается на то, что перед словосочетанием «член партии» нет никакого определения. Это может быть ревностный коммунист или человек, стремящийся отойти на задний план, почти не проявляя себя в партийной организации. Возможно, поначалу он искренне симпатизировал партии, потом решился принять на себя обязательства, связанные с членством в партии и партийной дисциплиной. Однако коммунистические идеи могли, по сути дела, остаться ему чуждыми, а в партию он вступил ради ожидаемой выгоды.

Третья стадия — *активный член партии, убежденный коммунист* — регулярно ходит на собрания, занимается партийной работой, отстаивает коммунистические убеждения.

Четвертая стадия — *настоящий коммунист.* Здесь уже нужно быть подкованным марксистом-ленинистом. Но этого недостаточно. Вспомним часто цитируемые слова Сталина, сказанные им на похоронах Ленина: «Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала...»[4]. Действительно, настоящий коммунист, истинный большевик отличается от некоммунистов характером, своим поведением. Он должен вести себя по-партийному, подчинять все личные, семейные, дружеские, коллегиальные интересы интересам партии, дисциплинированно следовать каждому партийному приказу, даже такому, с которым, возможно, не согласен. Достигший этой ступени должен быть готов принести любую жертву, если того потребует партия.

Между третьей и четвертой стадией нет четкого разграничения. Убежденный член партии стремится стать настоящим коммунистом. Именно этот идеал личности маячит перед ним впереди. Идеал этот к тому же очень «диалектический». Настоящего коммуниста терзают внутренние противоречия: в должной ли мере он подготовлен как марксист, достаточно ли дисциплинирован, готов ли к жертвам. Чем сильнее самокритичное сознание, тем скорее он убедит товарищей в истинности своей приверженности коммунизму.

Пятая стадия — *солдат партии, профессиональный партийный работник.* Сюда относятся те, кто не просто посвящает часть своего времени партийной работе, но и занимает высокий пост в партийной иерархии. Им может быть секретарь парторганизации или сотрудник партаппарата. Но стать професси-

оналом от партии может и директор завода или офицер органов госбезопасности (АВО) — главное, что его выбрала и поставила на этот пост партия, она же в любой момент может его снять. Какова бы ни была сфера его профессиональной деятельности, солдат партии должен служить интересам партии и выполнять ее приказы.

Перечисленные пять стадий, конечно, представляют собой лишь абстрактную модель превращения в коммуниста. Они не всегда следуют в строгом порядке. Ряд стадий — частично или целиком — могут накладываться друг на друга.

Есть те, кто в своем перерождении останавливается на первой или какой-либо из последующих стадий. Мною путь был пройден от начала до конца. Я рассказываю личную историю, но уверен, процесс моего преобразования имеет много общего с тем, что пережили другие, или повторяет их опыт. Моя история вполне типична.

Весной 1945 г. я готовился к выпускным экзаменам в реформатской гимназии города Кишкунхалаш, куда переселился на пару месяцев по приглашению одного друга, чтобы легче было прокормиться. После экзаменов вернулся в Будапешт. Тогда же, летом 1945 г., я начал ходить на собрания районного комитета Венгерского демократического союза молодежи (МАДИС) — молодежной организации, функционировавшей под руководством коммунистической партии. За первые шесть-восемь месяцев 1945 г. из молодого человека, совершенно далекого от коммунистической партии, я превратился в сочувствующего (первая стадия).

В конце лета я вступил в МАДИС, где стал работать все активнее. Мои симпатии по отношению к коммунистической партии усилились, я укрепился в своем намерении стать ее членом.

К концу осени я стал функционером в будапештском Центральном комитете МАДИС. Тогда-то я и вступил в коммунистическую партию. В моей истории вторая и третья стадии с самого начала объединились. Я стал членом партии, уже будучи активистом движения коммунистической ориентации. И это уже в определенном смысле предвосхитило мое попадание на пятую, высшую ступень, на роль профессионального солдата партии.

Таким образом, будапештский Центральный комитет Союза молодежи и был тем местом, где у меня начало формироваться стремление стать настоящим коммунистом. Позже меня повысили, перевели в Центральный комитет МАДИС. Это был самый высокий пост за всю мою карьеру в молодежном движении. К этому моменту я уже считал себя настоящим коммунистом, и все мое окружение таким меня и считало. Тогда я уже однозначно достиг четвертого-пятого уровня.

Пойти по такому пути меня подтолкнуло множество факторов. Я продолжу свой более подробный рассказ не в хронологическом порядке, но согласно различным измерениям процесса преобразования. Там, где это необходимо для анализа, я буду обращаться к пяти стадиям, перечисленным выше.

Реакция на травму 1944 года

Мне представляется крайне неверным объяснять связь между национальностью и ведущей ролью в коммунистической партии с позиций расизма. Глупо было бы заявлять, будто «коммунизм у евреев в крови...» Да, Маркс действительно был евреем, но ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин евреями не были. Да, Бела Кун и Матяш Ракоши были евреями, но немец Вальтер Ульбрихт, поляк Болеслав Берут, китаец Мао Цзедун — не были. Расистское обвинение можно опровергнуть и с обратных позиций — перечислив тех еврейских политиков, которые служили не делу коммунизма, но играли ведущие роли в партиях и движениях социал-демократического, либерального или консервативного толка.

В то же время, очевидно, что значительную часть еврейской интеллигенции Венгрии — и молодежь, и старшее поколение — подтолкнула в сторону коммунистической партии травма 1944 года.

Преследования венгерских евреев начались не в 1944-м. Режим Хорти, с его законами о евреях, антисемитизмом, поднятым до уровня официальной политики, союзом с Гитлером, предпринятым в целях ревизии границ, вступлением в войну на стороне Гитлера, шел к этому прямой дорогой. Поэтому значительная часть евреев чувствовала необходимость поддерживать коммунистическую партию, ведь она активнее всех противостояла хортистской системе, именно ее преследовал старый режим и до последнего вынуждал находиться на нелегальном положении.

В течение недель и месяцев сразу после освобождения много говорилось о венгерском движении Сопротивления. Коммунисты громко заявляли, что именно их люди были в этой борьбе самыми активными и проявляли наибольшие чудеса самопожертвования. На деле венгерское вооруженное Сопротивление было слабым и бессильным, а круг его участников был невелик. Я не изучал вопрос, каково было соотношение коммунистов и некоммунистов среди немногочисленных борцов настоящего вооруженного Сопротивления. Верно только то, что в период моего сближения с коммунистической партией я лично встречался с коммунистами, которые — и это можно подтвердить — сражались против фашизма с оружием в руках. По отношению к этим людям я испытывал уважение и восхищение. Меня мучила совесть, ведь я спасал только собственную жизнь и даже не пытался бороться. Я не мог оправдать себя молодостью, ведь в комитете Союза молодежи по пятому району Будапешта было двое — Ференц Варнаи под кличкой Хомок (Песок) и Габи Папп, которых все почитали как героев Сопротивления, хотя оба были младше меня.

Коммунистическая партия казалась привлекательной для еврейского юноши не только в силу прежних заслуг — противостояния режиму Хорти и вооруженного Сопротивления, но и из-за страха перед будущим. Не будет ли повторения трагедии? Тут я размышляю не над тем, какой ответ на этот вопрос был бы *правильным*. Не хотелось бы здесь обсуждать отношения венгерской демократии и всей Венгрии с демократическим Западом. Я пытаюсь восстановить

тогдашний незрелый ход мыслей семнадцатилетнего юноши (и многих молодых людей, переживших травму, подобную моей). Вне зависимости от того, какой общественно-экономический порядок обещала коммунистическая партия, и того, как этот порядок был претворен в жизнь в Советском Союзе, уже один тот факт, что политическое присутствие, руководящая роль, власть коммунистической партии давали вернейшую гарантию против возрождения фашизма, казался достаточной причиной для ее поддержки.

Именно такой ход мыслей (а вовсе не генетически обусловленная симпатия) повышали привлекательность коммунистической партии в глазах евреев.

В те времена (и потом, в дальнейшем) никто не мог отделить свое отношение к коммунистической партии от оценки Советского Союза. Тот, кто восхищался Советским Союзом, был близок и к коммунистам, а противники Советов распространяли свою ненависть и антипатию и на венгерских коммунистов.

Когда советские солдаты прогнали немецкое войско и его приспешников, венгерских фашистов, в январе–феврале 1945 г., я всем сердцем почувствовал: освободились.

В советских солдатах я видел своих спасителей, испытывал к ним благодарность за невероятную жертву, принесенную ими. Чувство благодарности заглушало во мне сознание того, что многие солдаты Красной армии творили безобразия при попустительстве своего командования. История с изъятием часов, описанная в предыдущей главе, на момент освобождения казалась мне почти забавной. Но когда мародеры начали волнами опустошать нашу квартиру, я уже не мог улыбаться. Вломился отряд русских солдат, под дулами автоматов согнали нас в бомбоубежище, затем собрали вещи в кучу и удалились. Был у нас один постоянный посетитель (мы прозвали его «бункер иди», так как он каждый раз, размахивая оружием, загонял нас в подвал именно с этими словами), который несколько раз возвращался нас грабить.

Один близкий друг в отчаянии рассказал, что изнасиловали его мать.

Нас часто отводили на «маленькую работу» — рыть укрепления в Будапеште или пасти лошадей, когда я жил в деревне. Мне повезло: я всегда возвращался. Тогда уже ходили разговоры о том, что многих гражданских, вызванных на такие же краткосрочные работы, забрали в качестве военнопленных и угнали в Советский Союз.

Со мной произошло то, что в психологии называется редукцией когнитивного диссонанса. Долгие годы я загонял в подсознание страшные впечатления, ведь если бы они поднялись на внешний уровень моего сознания, то разрушили бы мое доверие к Советскому Союзу. Или же я делал попытки найти в себе какое-то объяснение и оправдание безнадежному и неприемлемому поведению. Мое доверие к Советскому Союзу только укрепилось и, в конце концов, сменилось слепой верой без тени сомнения.

Прежде чем перейти к другим произошедшим со мной изменениям, необходимо ненадолго вернуться к еврейскому вопросу. С того момента, как я

сблизился с коммунистической партией, сознание собственной еврейской идентичности у меня совершенно исчезло, по крайней мере, на сознательном уровне. Один бывший одноклассник рассказал мне, что собирается эмигрировать в Израиль. Проблема эта совершенно меня не затронула*. Мысль об отмщении за гонения на евреев также не была мне близка. Мне было все равно, сколько евреев в руководстве коммунистической партии, от этого я не чувствовал себя к ним ближе. Однако мне и в голову не приходило, что в венгерском обществе, глубоко зараженном антисемитизмом, данный факт у многих может вызвать неприязнь.

Мне представилось естественным сменить фамилию Корнхаузер, звучащую на немецкий манер и поэтому намекающую на еврейское происхождение, на более венгерский вариант. Никто мне не советовал это делать. Я сам пришел к решению — как уже упоминалось в предыдущей главе — взять фамилию Корнаи. В этом решении также выразилось мое стремление раствориться в венгерском обществе с целью оказать противодействие мучительному ощущению исключенности из него.

Эрозии моей еврейской идентичности, естественно, способствовали изменения в системе венгерского правопорядка и общественной жизни. В официальные документы больше не надо было вписывать сведения о вероисповедании. Не слышно было громких фраз о провозглашении «христианского курса». Прекратились не только закрепленные законом открытые и грубые проявления расовой и религиозной дискриминации, сегрегации, выселения евреев в гетто, — сошли на нет и неформальные разграничения**. С этой точки зрения за два года венгерское общество стремительно вернулось на путь либерализации.

Еврейское происхождение снова стало меня занимать, когда *открытый, публичный* антисемитизм снова поднял голову, появился в печатном виде, когда его стало видно и слышно. Об этом пойдет речь дальше, когда мы доберемся до этого периода хронологически.

Ранее я утверждал, что ко вступлению в коммунистическую партию меня, кроме прочего, подтолкнула травма, пережитая мною как евреем. Потом же заявил, что по мере сближения с коммунистами еврейская идентичность угасла (или же «впала в спячку»)***. Логического противоречия между этими дву-

---

* Я мог бы эмигрировать не только в Израиль, но и в другую страну. Остаться в Венгрии или уехать — перед этой дилеммой я оказывался не раз. В одной из глав книги я подробно остановлюсь на этом важнейшем вопросе.

** Тот, кто вселился в квартиры евреев или получил что-то из конфискованного у евреев имущества, наверняка воспринимал возвращение хозяев без особой радости. Человек, бывший убежденным антисемитом до 1945 г., вряд ли избавился от этой ненависти и после 1945 г. В первые годы были даже погромы. Однако все эти явления по большей части замалчивались. Могу сказать только, что меня это не коснулось.

*** Мой случай не уникален. Десятилетия спустя я познакомился с детьми функционеров, родители которых были евреями и примкнули к коммунистической партии тогда же, когда и я. Они рассказывали, что родители считали себя венгерскими коммунистами, и никакого еврейского сознания у них не было — хотя они ясно отдавали себе отчет в том, что по нацистским за-

мя утверждениями я не вижу, да и психологически оба процесса совмещаются. Чем плотнее становилось мое коммунистическое окружение, чем больше я отождествлял себя с ним, тем сильнее чувствовал: теперь тот факт, что я родился евреем, значения не имеет.

Память об унижениях, обидах, лишениях подготовила многих евреев, в том числе и меня, к тому, чтобы присоединиться к такой общности, которая не будет подвергать нас дискриминации по расовому или религиозному признаку, но примет нас как равных. Идейный мир коммунистической партии с самого начала наделял нас разнообразными предрассудками, но расизма среди них не было. Среди коммунистов меня никто не спрашивал, какой я веры, какую веру исповедовали мои родители или дедушки и бабушки. Меня просто приняли в свой круг. После страшной травмы отторжения приятно было ощутить себя принятым в некую общность людей.

Духовное перерождение, принятие политических идей коммунистов

Описанное мною в связи с влиянием травмы 1944 г. было, скорее, цепью *эмоциональных* импульсов, а не строгой логической последовательностью мыслей. Параллельно с этим произошел и некий интеллектуальный процесс. Если анализировать историю моего перерождения, то этот ментальный процесс не имел отношения к переживаниям 1944 г. Здесь новые идеи вступили в борьбу со старыми и быстро их оттеснили. Детально показывая изменения моего образа мыслей, я бы не хотел произвести впечатление — это я настоятельно подчеркиваю — будто принятие коммунистических идей стало самой значительной движущей силой в моем перерождении. Ко мне никоим образом нельзя применить упрощенную формулу, по которой сомневающийся интеллигент под влиянием коммунистической политической литературы осознает, что его место в партии.

В рассказе о периоде до 1944 г. я описал собственное мировоззрение как открытое и расплывчатое. Я жадно глотал книги и если сталкивался с какой-нибудь мощной идеей, легко подпадал под ее влияние — до тех пор, пока не появлялась следующая и не вытесняла из моего сознания предыдущую.

В начале 1945 г. времени на чтение книг стало меньше, ведь за две недели я должен был выучить учебный материал за целый год. Однако я регулярно читал прессу, следил за новостями. Военные события, присутствие советских войск привлекли мое внимание к Советскому Союзу. Я еще почти ничего не знал о том, что позднее мне довелось исследовать на протяжении десятилетий: как функционирует коммунистическая система. Я, конечно, чувствовал силу советских солдат, своими глазами видел, как они прогнали с нашей земли полчища немцев. Для меня было очевидно: Советский Союз создал новый

конам являются евреями. Если речь заходила об их еврейском происхождении, они приходили в замешательство не потому, что стеснялись этого, а просто считали данную тему неуместной.

мир, и он сильно отличается от того мира, в котором я до сих пор жил. Я начал верить в то, что этот новый мир одержит победу над старым. Тогда же я увидел то, о чем как раз шла речь выше, — советские солдаты, те же самые, что принесли мне освобождение, грубо обращались с гражданским населением и зачастую совершали непозволительные поступки.

Я пытался сам для себя увязать между собой две идеи: веру в будущее и переживания настоящего. Тогда же обнаружилось, что процесс письма для меня — жизненная необходимость. Я даже написал довольно объемную работу, под названием «Зерно под снегом», сегодня я назвал бы это эссе. Текст работы, к сожалению, утерян, но содержание могу воспроизвести с достаточной точностью: я применил к тогдашней действительности историческую теорию Освальда Шпенглера о «кругах культуры». По Шпенглеру, человек не идет вперед, но движется по кругу. Культуры рождаются, расцветают, приходят в упадок и, наконец, гибнут. Согласно мнению немецкого историка, сейчас это происходит с западной культурой, на что указывает название его знаменитой книги «Закат Европы». Когда новая культура начинает свою жизнь, в ней кипит свежая энергия, бурлят грубые, варварские силы. Затем она постепенно превращается в цивилизацию, которой сопутствует утонченный декаданс и ослабление сил. Шпенглер считал, что именно этот этап характеризует западный круг культуры.

Суть моего эссе заключалась в следующем: Советский Союз воплощает новый круг культуры. Сейчас он проходит грубую, нецивилизованную стадию, его распирает дикая, первобытная сила. Как бы ни было печально то, что варварство ведет к страданиям, — именно это есть знак молодости, свежести культуры.

Вторая часть эссе была построена на удивительном стихотворении Эндре Ади «Зерно под снегом», которое я процитировал целиком и выбрал в качестве названия для эссе. Некоторые строки этого стихотворения выражают и мои ощущения после катаклизма 1944 г.: «Измученного, рваного себя... Из крови, вздохов, пламени собираю...».

Рассуждениям в духе Шпенглера была созвучна и другая строчка: «...Открыл бы я лицо новому миру новых людей»[5].

В нескольких местах ход рассуждений путался, используя стихотворение Ади, я промахнулся с масштабом. В 1915 г. Ади с полным правом мог ощущать, что он и ему подобные спасают старые ценности для нового мира. На это намекало и название стихотворения. Но что я, незрелый юноша, мог спасти для нового, варварского порядка из ценностей прошлого?

Это было первое в моей жизни эссе. Оно же долгое время оставалось последним, содержащим оригинальную мысль. Да, в нем проглядывало подростковое интеллигентское позерство, не все было в порядке с логикой, аргументации не хватало основательности — но была и оригинальность. Меня и сегодня поражает, когда я думаю об этом, как на протяжении стольких лет коммунистическая вера подавляла во мне самостоятельность мышления.

В начале 1946 г., когда я уже работал в Центральном комитете МАДИС в Будапеште, показал написанное несколькими месяцами ранее эссе заместителю первого секретаря Карою Чендешу. Многие годы спустя Чендеш стал заместителем генерального прокурора и пользовался дурной славой. Тогда же в нем не было решительно ничего пугающего. Наоборот, он казался человеком тихим и понимающим. Прочел мою работу, показал нескольким друзьям, воспитанникам коллегиума Дёрфи*, которые — цитирую слова Чендеша — «были пообразованней» его. Из этого замечания я сделал вывод, что мое эссе произвело на него серьезное впечатление. Чендеш отметил, что до сих пор еще не сталкивался с работами, которые бы замахивались на такие большие дела, и обрадовался тому, что я встал на сторону нового порядка, хотя и посредством непривычной аргументации. «Надо тебе поосновательней изучить Маркса, Ленина и Сталина».

К этому делу я приступил с бешеным упорством еще до совета Чендеша. Первое прочтенное мною сочинение советского автора — статья Сталина «О диалектическом и историческом материализме». (Много позже я узнал, что эта работа изначально была опубликована как глава основного пособия по большевистской идеологии — «Краткий курс истории ВКП(б)».) Я прекрасно понимаю: даже те, кто считает себя марксистами, сегодня продолжают думать, что Сталин грубо упрощает марксизм, излагает его в сжатом, урезанном виде и неоднократно искажает его. Однако я не хочу здесь оценивать марксистскую философию в целом или заниматься анализом сталинского труда. Хочу лишь рассказать, как повлияла *на меня тогда*, при первом прочтении, маленькая белая тетрадь со Сталиным в форме маршала на обложке.

Это было само по себе поразительно: Сталин — верховный лидер огромной страны, полководец, победитель в мировой войне *и* философ! В моем сознании царил полный хаос, путаница из обрывков разных философских систем, мировоззрений, впитанных мной, а в этой книжечке правил четкий порядок. Каждое утверждение казалось мне правильным и по отдельности, но, что еще важнее, все вдруг встало на свои места. Сложнейшие проблемы, которые — как мне тогда представлялось — знаменитые философы пытались разрешить или еще больше запутать путем заумных рассуждений, у Сталина решались одной фразой раз и навсегда. Меня привлекало как раз то, что опытный критик назвал бы примитивным упрощением: вот он — простой, понятный, ясный текст.

Увы, это произведение попало ко мне в руки не на критическом семинаре по философии у знающего профессора, где студенту, слишком легко поддающемуся убеждению, объяснили бы, где проявляется поверхностность, где ав-

---

* Коллегиум Дёрфи — учебное заведение для студентов крестьянского происхождения, образовано в 1939 г. из кружка фольклориста Иштвана Дёрфи и членов Общины крестьянских университетов. Коллегиум пользовался поддержкой Союза Турула — объединения крайне правого студенчества, который был запрещен в 1945 г. Цель коллегиума — предоставить жилье неимущим студентам крестьянского происхождения и воспитать их в духе сохранения традиционных ценностей. — *Прим. пер.*

тор глубоко сам себе противоречит, где можно придраться к ходу рассуждений или к оценкам. Эту книгу я ни с кем не обсуждал, у меня не было случая взвесить скептические замечания других ее читателей.

Как когда-то, будучи подростком, я пытался выбирать (руководствуясь рекомендациями Антала Серба и Михая Бабича), что читать из художественной литературы, какие книги лучше и важнее всего, так и теперь подошел к отбору литературы политической. Лучше и важнее всего то, что написали классики марксизма: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Значит, их труды необходимо тщательно изучить в первую очередь. И раз уже эти четыре автора написали книг столько, что хватит на целую библиотеку, я должен выбрать самые важные работы. На помощь пришли сборники «Избранных трудов». Что касается знаний, которые можно было почерпнуть из книг, тут я продвигался быстро. Год-два — и меня уже можно было назвать «подкованным марксистом», который как следует проштудировал все важнейшие труды классиков и точно знает, по какому вопросу в каком произведении что говорится.

Самым значительным и сложным достижением в учебе стало знакомство с «Капиталом» Маркса. С моим другом, Петером Кенде, мы тогда уже работали вместе. Он был редактором газеты Союза молодежи «Ифьюшаг» («Молодость»), а его письменный стол стоял в будапештском Центральном комитете МАДИС. Я сидел в той же комнате в качестве ответственного за учебно-воспитательную работу. Мы часто встречались и помимо работы и решили, сначала несерьезно, будто бы в шутку, вместе написать «демократический приключенческий роман» в стиле П. Ховарда (Енё Рейто). Мы бы сражались на стороне туземцев против злых колонизаторов, и это сделало бы роман демократическим. Давясь от хохота, мы написали несколько страниц, пока нам в голову не пришло употребить время, проводимое вместе, на еще более полезное занятие. Вместо написания приключенческого романа решили вместе читать «Капитал».

Читали мы по-немецки и аккуратно делали пометки. Каждый делал выписки отдельно, но по каждой фразе мы сверялись, кто как понимает сказанное Марксом. Языковых проблем не было, но текст оказался довольно трудным. До этого ни Петер, ни я не изучали экономику. Если бы мы были знакомы с работами Рикардо или Адама Смита, нам легче было бы понять, что Маркс берет у них, а в чем расходится. Полное отсутствие подготовки делало чтение еще более утомительным.

Я до сих пор храню эти записи, сделанные от руки. С Петером мы прочли вместе только первый том, на него ушло много недель (второй и третий том я штудировал уже в одиночку). Мы работали по очереди то у него на квартире, на улице Дамьянич, то у меня, на улице Академии. С несокрушимым упорством переходили мы от страницы к странице, тщательно разжевывая каждое предложение в своих выписках. Мы смотрели на эту книгу, как верующий на Библию: читали с благоговением и каждое слово воспринимали всерьез.

Как и в случае со сталинской работой, мне не хотелось бы заниматься здесь критикой работ Маркса. Это уже сделали другие. В последующих главах и

я сделаю несколько замечаний относительно марксизма. Сейчас же моя задача — ответить на вопрос, как на меня повлиял «Капитал» *тогда*.

Меня он пленил. В первую очередь покорила ясность и логика аргументации у Маркса — хотя ход рассуждений и стиль были по-немецки заумными. Если читатель принимал исходные посылки, систему понятий и методику мотивировок, все вставало на свои места. Из основных мыслей следовали убийственно логические первичные выводы, если же эти выводы мы принимали в качестве отправной точки, появлялась возможность для новых умозаключений. Вновь сошлюсь на Кароя Чендеша: Маркс не был запутанным, но казался кристально прозрачным. (Прошло много времени, много всего пришлось мне прочесть и понять, чтобы осознать, в чем проблема с посылками и где спотыкается логичный на вид ход мыслей.) Свет, который юноша в возрасте 14–16 лет отчаянно искал в сотнях книг, неожиданно пролился на него солнечным сиянием из этого объемного, на тысячу страниц, произведения.

Хотя наибольшее впечатление на меня произвели логика и ясность, в «Капитале» мне нравилось и вызывало уважение то, что автор пишет не серым, равнодушным языком, а со страстью. Его возмущает, как обращаются с рабочими, как эксплуатируют детский труд.

В то же время у Маркса логический анализ не подчинялся чувствам. Он не приписывает беды, причиняемые капитализмом, дурному умыслу самих капиталистов. Десятилетия спустя, занимаясь критикой социализма, я стремился показать, что различные негативные явления, такие как дефицит или гонка роста, порождены самой системой, а не ошибками отдельных людей. Подобные воззрения, несомненно, проникли в мое сознание во время чтения «Капитала» и пронизывают мой образ мыслей до сего дня.

Читая «Капитал», я решил стать экономистом. Раньше никогда об этом не думал, меня, скорее, занимали литература, история, философия. Когда мы с Петером завершили совместные занятия, у меня не осталось сомнений в выборе профессии. Не знал я только одного: как осуществить этот план.

Труд Маркса полон интеллектуального высокомерия. Давида Рикардо, Адама Смита автор уважает, а если и отходит от них, то сообщает об этом с уважением. О современниках, интеллектуальных противниках, напротив, говорит пренебрежительно, считает их глупцами и настроенными заведомо враждебно: «он даже не знает...», «он даже не замечает...». То же самое проделывают в своих произведениях Энгельс, Ленин и Сталин, выказывая высокомерие и нетерпимость по отношению к интеллектуальным противникам. Но должен со стыдом признаться: мне это не только не мешало, но даже импонировало. Так и надо обращаться с противником!

Значительное влияние на мое мышление оказал также Дёрдь Лукач, хотя в его воздействии и не было первобытной силы Маркса. В тот период, о котором сейчас идет речь, мне в руки попали его исследования в области культуры[6]. Мысли Лукача о «великих реалистах» перекинули для меня удобный мост между литературой, прочитанной до 1944 г., и моими новыми марксист-

скими взглядами. Толстой и Достоевский были верующими христианами, а Достоевский даже убежденным сторонником царизма? Бальзак — реакционер? Томас Манн — буржуа до мозга костей? Не беда, — успокаивал Дёрдь Лукач. Не надо обращать внимания на то, что они там понаписали под видом своей философской или политической позиции. Главное — они великие реалисты, писатели, сумевшие отразить действительность. Лукач сделал мне прививку против губительного влияния философских и политических мыслей, высказанных великими, в то же время я мог продолжать наслаждаться их искусством, как и в подростковом возрасте.

В моих глазах Лукач был абсолютным авторитетом. Этот авторитет особенно подкреплял похвальный отзыв о нем Томаса Манна[7]. Это также было мостом между моими старыми и новыми взглядами. Чтение Томаса Манна относится к моим самым ярким, увлекательным литературным впечатлениям. Если сам Томас Манн высоко его ценит, он наверняка личность значительная*. И все-таки не могу простить Лукачу то, что он никогда не выказывал никаких сомнений относительно Советского Союза. Он был там, своими глазами видел, что на самом деле представляет собой советский режим. Знал о показательных процессах, о преследованиях невинных людей, о терроре, а потом вернулся в Венгрию. Как он удержался, чтобы ни единым намеком не дать почувствовать: может, там не все в порядке. Понимаю, конечно, Лукач боялся. Но ведь мог и промолчать, вместо того чтобы прикрывать преступления своим авторитетом. Неопытные и наивные молодые интеллигенты вроде меня смогли безоговорочно поверить в мифы, расписывающие прелести советской жизни, еще и потому, что Дёрдь Лукач никогда не выражал никаких сомнений.

Чем глубже я знакомился с марксизмом-ленинизмом, тем больше укреплялось во мне сознание того, что я держу в руках ключ к познанию мира. Какая бы проблема ни возникла, я обладаю знанием, с помощью которого смогу ее разрешить. Жизнь не в состоянии произвести такое новое явление, которое я не смог бы поместить в систему координат, разработанную посредством марксизма, или же явление, способное опровергнуть какое-либо положение марксизма. Подобный образ мыслей развивает интеллектуальное высокомерие, причем в форме еще более опасной, нежели презрительная манера спорить. Однако мой молодой ум, ищущий порядка и ясности, в марксизме-ленинизме привлекало именно это.

Деревенская нищета, известная по произведениям писателей-деревенщиков, и многие другие литературные впечатления еще в подростковом возрасте вызывали у меня сочувствие к судьбе бедняков и угнетенных. Почерпнутую из книг, косвенную симпатию укрепили непосредственные впечатления 1944 года. Пусть я провел на кирпичном заводе всего несколько недель, но там я своими глазами увидел, как живут рабочие. Когда я впоследствии начал ов-

---

* Сам факт, что Томас Манн высоко оценил Дёрдя Лукача, стал мне известен уже тогда, когда я впервые столкнулся с работами Лукача. С настоящим текстом заметок Томаса Манна я, естественно, ознакомился много позже.

ладевать марксизмом, спонтанное сопереживание также «нашло свое место». Политэкономия объясняла, как эксплуатируют рабочих и сельских бедняков. Новообретенное знание подталкивало меня не к сохранению связей с теми бедняками, которых я тогда узнал и полюбил, но к активному участию в преобразовании общества согласно марксистской теории, что в итоге должно было раз и навсегда покончить с бедностью.

Харизматические личности

Ближе к партии я стал не только через печатное слово, но и благодаря харизматическим личностям некоторых политиков-коммунистов.

С Йожефом Реваи лично я познакомился позже, но уже в середине 40-х годов не раз слушал его лекции или выступления на собраниях. Публичные речи Реваи воспринимались как гармоничное продолжение его печатных работ, передовиц партийной газеты. Для меня этот человек был воплощением коммуниста-интеллектуала на самом высоком уровне.

Реваи умел быть вдохновенным, зажигательным оратором. На меня же большее впечатление производила четкая логика его речей и статей. Он не просто делал заявления, но — как мне тогда казалось — строил свои высказывания на ясной конструкции из убедительных аргументов. Реваи великолепно умел дискутировать, не боялся противостоять утверждениям противника и не оставлял от них камня на камне. Формулировал четко, безошибочно, изъяснялся изысканным слогом.

Сегодня, слушая политиков, стоящих на близких мне позициях, которые излагают свое мнение сухим, невыразительным языком, без намека на логику, коверкая правила грамматики, да еще и произнося все это скучным голосом, я часто мечтаю, хоть бы на них снизошел риторический талант Реваи.

Теперь-то я, конечно, понимаю: в самых что ни на есть важных вопросах Йожеф Реваи вводил нас в заблуждение, отравлял наше сознание опасными, вредными идеями. Но ему удавалось проделывать это успешно с таким количеством людей именно потому, что его речи и статьи излучали страстную убежденность, а вера сочеталась с железной логикой, острым умом и исключительным ораторским и писательским талантом.

Вторая харизматическая личность, оказавшая на меня сильное влияние, — Эрвин Холлош. Его нельзя сравнить с Реваи с точки зрения способностей и веса в обществе. Но я все-таки хочу упомянуть Холлоша именно здесь, ведь в тот период, о котором идет речь, я работал с ним в непосредственной близости. Когда я стал одним из ведущих сотрудников будапештского центра Союза молодежи, он был генеральным секретарем МАДИС в Будапеште. Холлош не только определял направление моей работы, но и руководил партийным семинаром, в котором я принимал участие. После 1956 г. Эрвин Холлош в ранге подполковника возглавил подразделение внутренних дел по подготовке карательных судов. Вполне вероятно, что он уже до того был связан с органами

госбезопасности. После 1956 г. Холлош стал одним из главных организаторов жестоких репрессий. Однако не будем забегать вперед. Здесь стоит рассказать о молодом Эрвине Холлоше, которого я столько раз видел и слушал в центре МАДИС на улице Рожа.

До Реваи ему было далеко, но Холлош и не пытался казаться образованным. На людей, и на меня в том числе, действовал внутренний огонь, жар его убежденности. Он не умел говорить красиво; манера речи, интонация, подбор слов зачастую противоречили нормам венгерского языка. Но при этом из слов Холлоша исходило невероятное напряжение. Он был настолько уверен в своей правоте, что даже не мог представить, как кто-то может по-другому смотреть на вещи. Именно этой веры, которую он излучал, были начисто лишены партийные бюрократы эпохи Кадара. Вынужден констатировать ее отсутствие и у большинства политиков при нашей нынешней парламентской демократии.

Эрвин Холлош внушил нам множество идей, которые были необходимы, чтобы превратить нас в «особых людей», *настоящих* коммунистов. От него я впервые услышал мысль, будто коммуниста от псевдокоммуниста отличает один, в прямом смысле слова, единственный признак: безусловная верность Советскому Союзу. Повторю: не марксизм, не стремление к установлению диктатуры пролетариата или созданию бесклассового общества. Коммунист — это тот, кто безусловно предан Советскому Союзу. Эта идея привела Эрвина Холлоша прямиком к карательным процессам, с помощью которых было подавлено восстание против советского режима.

Именно Холлош врезал мне в память выражение «кадровый революционер». Мы, те, кто занимает в МАДИС высокие посты (равно как и остальные оплачиваемые работники аппарата в партийных и других массовых организациях), — не функционеры, не сотрудники какой-то организации, а кадровые революционеры. Есть и другие кадровые политики, но с ними нас ничего не связывает, ведь революционеры — это мы, и только мы. Наши соратники — лидеры Великой Октябрьской социалистической революции, герои антифашистского коммунистического движения, комиссары Советской армии, вдохновители борьбы за освобождение колоний. Когда тебя так называют, повседневная организационная работа приобретает особую важность. Но у нас от этого появлялось не только осознание важности, но и чувство превосходства, самонадеянность. Мы занимаемся делами высшего порядка, не то что некадровые революционеры, простые члены партии. Если партия — авангард, то мы — авангард авангарда.

Быть частью коллектива

Вернусь немного назад. Весной 1945 г., в период учебы в Кишкунхалаше, я часто ездил домой в Будапешт. В один из таких приездов, 1 мая 1945 г., вышел прогуляться по проспекту Андрашши, просто так, без особой цели. Неожиданно оказался рядом с толпой демонстрантов. Я впервые в жизни на-

блюдал уличное шествие (до этого видел только парады немецких нацистов в кинохронике). Люди с воодушевлением маршировали, несли красные знамена и национальные флаги. Захотелось быть среди них, маршировать вместе.

Перечисляя факты своей биографии, я уже упоминал, как примкнул в 1945-м к молодежному движению. Теперь же хочу вернуться к этому событию с целью проиллюстрировать потребность «быть частью коллектива». Летом 1945 г. один знакомый предложил мне сходить по адресу: Кольцо Святого Иштвана, 2, — где в бывшем доме нилашистов расположился штаб Союза молодежи и проходили развлекательные вечера. Я пошел. В тот день кто-то читал лекцию, я нашел ее интересной, да и общество показалось приятным и дружелюбным. После этого я не раз приходил туда, хорошо чувствовал себя в компании веселых, любознательных, доброжелательных людей. Через пару недель уже активно включился в работу организации. Так началась моя жизнь в молодежном движении.

Я все чаще принимал участие в общих походах, танцевальных вечерах, собраниях молодежи; осенью, во время первых парламентских выборов, вместе с товарищами провел акцию по расклеиванию плакатов. Ни разу до этого (могу добавить — и впоследствии) я так не ощущал себя частью маленького коллектива, как в штабе МАДИС по пятому району Будапешта.

Позднее меня привлекало уже то, что я могу быть членом не маленького, а большого коллектива — Партии (именно так, с большой буквы). Здесь уже речь идет о той самой четвертой стадии, которая больше активного и убежденного членства в партии. Надо стать *настоящим* коммунистом.

Важную роль в этом играло сознательное или невольное подражание образцу, следование примеру, который подавали испытанные коммунисты из моего окружения. Вокруг меня было много старых коммунистов. Приведу один-единственный пример. Моим непосредственным начальником в Центральном комитете МАДИС был Андраш Хегедюш. Потом он сделал головокружительную карьеру: стал секретарем Эрнё Герё, потом министром сельского хозяйства, наконец, премьер-министром. Тем самым, который от имени Венгерской Народной Республики подписал Варшавский договор, а затем, в 1956 г., после начала революции, подписал письмо с просьбой о вводе советских войск. Позднее он порвал со сталинизмом и получил признание как авторитетный социолог и научный руководитель. Но тогда, в Союзе молодежи, предположить такое было сложно. Хегедюш не обладал харизмой Эрвина Холлоша, но я, скорее, в нем видел образец коммуниста, хотя бы потому, что по своей душевной конституции (по крайней мере, в ту пору) он был мне ближе. В отличие от Холлоша у Хегедюша было меньше внутреннего огня, он был более беспристрастен и профессионален. Однако и у Хегедюша была та самая большевистская непреклонность, осознание непогрешимости партии. Он много, без устали работал. Холлош влиял на меня словом, а Хегедюш — собственным примером. И этот образец казался мне достижимым.

Способности и случайные влияния

Значительно позже в жизни случались периоды, когда я стремился к долгосрочной цели, у меня были осознанные планы, жизненная стратегия. В те годы, о которых вспоминаю сейчас, об этом и речи не было. В начале главы я обрисовал пять стадий отождествления себя с коммунистической партией. Мне никогда не приходило в голову, что я должен пройти все пять. Став из человека, далекого от коммунистической партии, сочувствующим ей, я еще не знал, каков будет мой следующий шаг. Для своего возраста я много читал, и с умственными способностями проблем не было, но все это сочеталось с наивностью, поверхностностью и безответственностью. Я практически шел с закрытыми глазами по отвесной лестнице. В наши дни, читая интервью на последней странице популярного еженедельника «XVG» («Еженедельник мировой экономики»), герои которого зачастую занимаются саморазоблачением, я регулярно возмущаюсь, когда люди в состоянии цинично заявить, мол в те времена в партию вступали только ради карьеры. Не скажу, будто совесть моя совершенно спокойна, но могу уверенно заявить: в своих действиях я *не* руководствовался безнравственным карьеризмом.

В ход событий нередко вмешивался и случай. Если бы тот знакомый, кто обратил мое внимание на штаб МАДИС в пятом районе, предложил бы пойти в районное отделение молодежной секции социал-демократической партии и там случайно оказалось бы приятное общество, где бы я почувствовал себя комфортно, — кто знает, задержался бы я там или нет.

Первым заданием, порученным мне в пятом районе, было приведение в порядок учета членов. Бумаги валялись в полном беспорядке. С тех пор я не раз доказывал, что обладаю способностями организовывать учет, упорядочивать и классифицировать информацию, выступать в роли администратора. Впервые я нашел применение своим талантам именно там, в пятом районе, и на мой успех сразу обратил внимание кадровик, тут же доверив мне задание поважнее. Я стал пропагандистом. В мои обязанности входило устраивать различные научно-популярные мероприятия и собрания, что тоже получалось неплохо.

Тут вновь вмешался случай. Йожеф Лукач, ставший впоследствии философом и членом Венгерской академии наук, в то время выполнял в Центральном комитете МАДИС в Будапеште примерно те же обязанности, что и я в районной организации. Он хотел оставить высокий пост в Союзе молодежи, чтобы направить все силы на учебу в университете, и искал себе замену. Ему рассказали обо мне, мы встретились. Помню, как часами ходили по улицам и Лукач без умолку расписывал мне мои новые обязанности. От количества имен людей, с которыми надо было контактировать, и объема фактической информации для распространения гудела голова. Все для меня было внове: и имена, и обязанности. Я даже испугался взятой на себя задачи. До этого разговора мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь стану профессиональным функционером в молодежном движении и буду занимать высокий пост. Работа обе-

щала быть интересной, и предложение я принял. Если смотреть сверху, выбор был результатом согласованной «работы с кадрами». Лукач явно присматривался к членам районных организаций, выслушивал мнения районных секретарей или кадровиков, и так выбор пал на меня. Снизу, с моей точки зрения, все произошло случайно. В экономической социологии подобное поведение анализируется не как следствие стратегии, но как результат использования предлагаемой возможности продвигаться вперед и прогрессируя от случая к случаю. Для данного этапа моей карьеры подходит именно эта модель.

Как я уже говорил, осенью 1945 г. я занял важный пост в столичном комитете МАДИС. «Важность» состояла в том, что с этого момента я положил туда свою трудовую книжку и принялся работать с утра до вечера в молодежном коммунистическом движении. Я даже получал зарплату, хотя, в условиях инфляции, сумма постоянно уменьшалась. В любом случае ее было достаточно, чтобы не брать денег у мамы. Однако жить я продолжал с мамой и сестрой. У них, наверняка, было собственное мнение насчет дела, которому я жертвовал все свое время и энергию, но мне они ничего не говорили. Обе в полной мере уважали мою самостоятельность в выборе жизненного пути. Слегка ироническое отношение к моим занятиям они выражали лишь тем, что часто обращались ко мне не по имени, а просто — Мадис*.

Моя карьера в Союзе молодежи быстро пошла вверх. Объяснить это можно еще и тем, что я принадлежал к категории кадров, которая была малочисленна, но очень нужна коммунистической партии.

С одной стороны, я сохранил достоинства буржуазного прошлого: воспитание, начитанность, знание языков. Очень скоро проявились мои организаторские способности и умение строить отношения с людьми. С другой стороны, коммунистическая партия могла рассчитывать на абсолютную лояльность с моей стороны. Искренность моя была очевидна. К тому же, будучи новичком и выходцем из буржуазной среды, я еще больше стремился стать своим, следовать примерам коммунистического поведения, нежели многие опытные, видавшие виды коммунисты. У всех старых членов партии, бывшей когда-то вне закона, на том или ином этапе были с ней проблемы. В этом отношении восторженные новобранцы вроде нас казались куда надежнее, нами было легче управлять.

Даже если в характеристиках того времени и не пользовались подобными определениями, кадровики инстинктивно все это чувствовали и потому подталкивали меня все выше по лестнице.

---

* Муньо в те годы жила за счет продажи семейных драгоценностей. Она несколько раз начинала собственное дело, но каждый раз неудачно. По совету зятя мама почти даром выкупила крайне убыточное кафе «Нью-Йорк» (легендарное место встреч столичной богемы); после недолгих попыток возродить заведение его пришлось продать с большими потерями. Самой большой радостью для мамы, пока она была владелицей кафе, было пригласить меня на чашку шоколада со сливками и кусок кекса. Муньо садилась рядом со мной в огромном зале, украшенном фресками выдающегося венгерского художника Кароя Лотца и знаменитыми витыми колоннами, и смотрела, как голодный Мадис поглощает свой полдник.

3

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «САБАД НЕП» — 1947–1955

Летом 1947 г. я получил сообщение из редакции главной газеты венгерских коммунистов «Сабад неп» («Свободный народ»): мне предлагали стать ее сотрудником. К тому времени там уже работал мой друг Петер Кенде. Он обратил на меня внимание одного из ведущих сотрудников газеты — Миклоша Вашархейи. Я с восторгом, не раздумывая, принял предложение, считая его для себя большой честью.

Я начал работать в «Сабад неп» в июне 1947 г., завершил работу через восемь лет, летом 1955 г., когда меня уволили дисциплинарным путем. Первые шесть лет прошли под знаком непоколебимой веры и полной отдачи с моей стороны. Первые трещины в прочном фундаменте моего мировоззрения начали появляться в 1953–1954 гг. О разочарованиях речь пойдет позже; данная глава посвящена, главным образом, первым шести годам работы в газете.

Крутой подъем

В редакции меня определили в отдел внутренней политики, которым руководил Миклош Гимеш. Кто бы мог тогда предположить, что этот тихий человек, исполненный веры в коммунизм, станет одним из героев революции 1956 года и примет мученическую смерть на виселице. На следующий день после моего поступления на работу в отделе проходило совещание. Один из сотрудников как раз должен был получить выговор за какой-то проступок, но Гимеш чувствовал, что не в состоянии устроить разнос, и попросил Миклоша Вашархейи отчитать нарушителя в свойственной тому добродушной, но при необходимости достаточно резкой манере.

Через несколько дней я получил первое задание. Как раз получили новый автомобиль, и надо было его обкатать. Машине предстоял долгий путь, не гонять же впустую. Оскар Бетлен, один из редакторов, дал мне первое указание. Приближался день апостолов Петра и Павла, вовсю шла уборка урожая. Я должен был написать репортаж «Звенит коса...» — вот и все инструкции. До этого

я никогда не писал репортажей и ни разу не видел вблизи, как убирают урожай. Пришлось поехать, по дороге мы останавливались в разных местах, и статью я написал — так на следующий день в газете «Сабад неп» вышел мой первый материал.

С этого дня я стал много печататься: репортажи, интервью, информационные сообщения. Не прошло и полгода, как в декабре 1947-го я уже написал передовицу, подписанную моими инициалами, — анализ инвестиций за прошедшие месяцы.

Хотя никакого экономического образования у меня не было, в редакции учли, что я интересуюсь вопросами экономики и хочу специализироваться в этой области. Некоторые мои коллеги также занимались экономическими проблемами, и все они работали в отделе внутренней политики.

Примерно через два года меня назначили руководителем отдела экономики, тогда же Петер Кенде возглавил отдел внешней политики. Нам обоим было по 21 году, за спиной — три-четыре года членства в партии. Когда редакторы Мартон Хорват, Оскар Бетлен, Миклош Вашархейи и Геза Лошонци изложили план новых назначений главному редактору газеты, Йожеф Реваи раздраженно отреагировал: «Вы что думаете? Детский сад хотите в редакции устроить?» Однако в конце концов согласился.

Реваи принял мое назначение с сомнением, но когда «Капитал» перевели на венгерский язык и он узнал, что я один из немногих читал книгу в немецком оригинале, то поручил мне написать рецензию.

В 1949 г. меня послали в партийную школу на проспекте Каролина, где партийное руководство повышало квалификацию в области марксизма-ленинизма. Как постоянный наблюдатель от «Сабад неп» я мог присутствовать на заседаниях высшего экономического органа коммунистической партии, Комитета государственного хозяйства. Председателем Комитета был Эрнё Герё, секретарем — Иштван Фришш. До принятия Политбюро партии все важные решения в области экономической политики должны были пройти через этот Комитет. Возможность принимать участие в заседаниях Комитета государственного хозяйства считалась большой честью. За свою работу я был дважды удостоен правительственными наградами.

В 1952 г. в качестве корреспондента газеты я сопровождал партийно-правительственную делегацию во время официального визита в ГДР. Меня выбрали явно потому, что я мог сразу, легко переводить все речи, которые потом надо было отсылать в газету. Еще важнее было полное доверие ко мне со стороны тех, кто меня выбрал. Ведь в правительственном поезде вместе с Матяшем Ракоши и Эрнё Герё мог ехать только человек абсолютно надежный.

Здесь возникает серьезный вопрос, чему я был обязан таким быстрым карьерным взлетом в те годы. Тогда я ни разу не говорил об этом с начальством, но попробую найти объяснение теперь. Сейчас я оцениваю не собственные соображения, — о них речь пойдет позже. Моя задача — реконструировать критерии, которыми руководствовались мои начальники, но на основании моих

общих сегодняшних знаний о социалистической системе, применив эти знания к моей частной ситуации.

При коммунистическом режиме вопросы назначения, повышения и снятия с должности решались исходя из двух главных критериев: первый — лояльность по отношению к партии, второй — способности. Очевидно, учитывались и другие факторы, но эти два критерия имели наибольший вес. В зависимости от круга обязанностей требовался определенный уровень лояльности, и если он был ниже — о назначении не могло быть и речи. Когда же уровень лояльности кандидата был выше, он компенсировал недостаток необходимых умений и способностей. И наоборот: исключительному таланту могли простить отсутствие энтузиазма в поддержке политической линии. Чем сильнее был кандидат с точки зрения обоих критериев, тем больше у него было шансов быстро сделать карьеру.

Читателю-экономисту я бы объяснил систему двойного критерия следующим образом: у того, кто принимает решение, есть две кривые индифферентности для двух обозначенных переменных — лояльности и способностей. Из двух параллельных кривых выше поднимается та, которая относится к более высокому рангу. Так, например, кривая индифферентности для должности министра будет выше кривой для начальника отдела в министерстве, кривая для главного редактора — выше кривой стажера-журналиста и т.д. Соотношение кривых индифферентности меняется от страны к стране и от эпохи к эпохе. На раннем, революционном этапе упор делается в первую очередь на лояльность, в последующие, технократические периоды относительно возрастает роль индифферентности критерия способностей. Разнообразие типов кривых безразличия зависит, естественно, от конкретных областей: университетская, академическая сфера, например, совершенно отличается от сферы политической полиции. Общей для всех чертой остается двойственность критерия отбора.

Мои позиции по обоим критериям определенно оставались прочными и когда Реваи произнес свою ремарку про «детский сад», и после. Что касается способностей, вынесенная из дома буржуазная образованность и знание языков удачно сочетались у меня со свежей марксистской подготовкой. Я быстро формулировал свои мысли на безупречном венгерском языке. Вскоре выяснилось, что я хорошо умею ладить с людьми, могу разговорить собеседника, добиться интервью у людей, занимающих высокие посты. Позднее, когда я уже возглавил отдел, у меня обнаружились и способности руководителя.

И всему этому сопутствовала полная и беззаветная преданность. Все из начальства, кто знал меня, могли быть уверены: несмотря на воспитание и принадлежность к буржуазии, я полностью отождествлял себя с коммунистическими идеями. Когда шли разговоры о моем назначении на пост начальника отдела, одним из сотрудников редакции был Дёрдь Немеш, позднее — редактор газеты «Иродалми уйшаг» («Литературные новости»). Он был на пятнадцать лет меня старше, обладал внушительным журналистским опытом, бога-

той эрудицией, отлично писал и к тому же имел диплом экономиста. Почему же все-таки выбрали меня, а не его? Если основываться не на слухах или тайком переданной мне неофициальной информации, а исключительно на анализе ситуации, могу предположить: мне просто больше доверяли. В их глазах моя молодость и отсутствие опыта были не препятствием, но огромным преимуществом. Руководство явно рассчитывало на то, что я, в силу молодости и неопытности, более доверчив. Меня не будут одолевать сомнения, и я буду без раздумья и беззаветно служить делу коммунистической партии.

Побудительные мотивы

Описав, каким могли меня видеть вышестоящие инстанции, хочу теперь рассказать, как «изнутри» пережил этот период. Постараюсь, насколько смогу, удержаться от изложения своих нынешних представлений и воспроизвести то, что думал и чувствовал *тогда*.

Главным мотивом моих слов и поступков были *вера и убежденность*. Я абсолютно доверял марксистско-ленинской идеологии, был убежден, что каждое ее слово — правда. Абсолютно доверял партии, согласился с мыслью, что партия воплощает в себе истинные идеи, чистую мораль, служение интересам человечества. Мне даже в голову не приходило, что восхищение и уважение, которые я чувствовал по отношению к Сталину и Ракоши, можно определить как «культ личности». Логика, аргументация их речей и статей казались мне убедительными и только укрепляли доверие.

Бюрократический аппарат, управляющий коммунистической системой, держится, в числе прочего, за счет *страха*. Могу сказать, что все те годы ни одной минуты не испытывал страха. Я был уверен: арестовывают и сажают в тюрьму тех, кто действительно виновен. Позже, когда я осознал правду и мы с друзьями обсуждали террор, царивший в эпоху Ракоши, многие не верили, что я ничего тогда не замечал. Как ни трудно поверить, но это правда. Если уж упрекать себя, то не за равнодушие или стремление спрятать голову в песок, но за слепоту и добровольную изоляцию от жестокой реальности.

В штаб-квартире органов госбезопасности (АВО), в доме 60 по проспекту Андраши, я был всего один раз. В мои обязанности не входило поддерживать с ними связь, но в этом случае надо было получить у одного офицера информацию о готовящемся экономическом процессе. Я вошел в здание, поговорил с офицером и вышел — с тем же спокойным чувством, с каким я мог выйти из министерства транспорта или районного комитета партии. Я и понятия не имел, что в этом здании пытают невинных людей, вынуждая делать ложные признания. Мне ни на секунду не пришло в голову, что и меня могут забрать сюда. Об аресте Ласло Райка, тогдашнего министра иностранных дел, и его сообщников и об обвинении их в заговоре с целью свержения правительства Венгрии нас проинформировали, когда я был слушателем Высшей партийной школы. Я воспринял это сообщение без тени сомнения, у меня даже не

возникло мысли, что обвинения могут быть сфабрикованы. Молнии настигали окружающих. Я был знаком со многими, кого в те годы арестовали и ложно обвинили. Я же в своей невинности был уверен, что мне ничто угрожать не может, хотя — теперь это уже очевидно — меня просто хранила чистая случайность. Арестовать могли безо всякой на то причины, как это случалось тогда со многими. В наши дни, получив доступ к некоторым секретным материалам полиции*, я узнал: кто-то из информаторов, работавших в «Сабад неп», донес на меня, выдвинув ложные обвинения[8].

Впоследствии, вспоминая эту эпоху, уже обладая страшным знанием о том, что происходило на самом деле, я сравнивал себя с лунатиком, который уверенно шагает по карнизу и не боится рухнуть вниз с огромной высоты**.

Многими коммунистическими кадрами руководила *жажда власти*. Читатель наверняка почувствует, что мемуары я пишу, не боясь самокритики. На основании строгой проверки собственной совести могу заявить: даже следов стремления к власти у себя не обнаружил. И тогда, и сейчас подобные желания были мне чужды. Я никогда не льстил начальству, не старался угодить с целью продвижения по службе.

С другой стороны, нельзя отрицать наличие у сотрудников редакции, да и у меня, своеобразного чувства превосходства, присущего газете «Сабад неп». Мы ощущали себя «голосом партии» — наши слова были важнее и весомее, чем у других журналистов. С коллегами, знакомыми и незнакомыми людьми я по-прежнему держался скромно, без высокомерия. Однако у внешнего поведения есть более глубокий духовный уровень, на нем-то и проявлялась заносчивость, вера в то, что мы, в силу своего марксистско-ленинского сознания и положения в «Сабад неп», ошибаться не можем***.

Привилегии, которые нам полагались, не казались мне мотивирующим фактором. Тем не менее не стану отрицать — материальные преимущества, по сравнению с обычными гражданами, у нас были. Как только я отделился от родителей в 21 год — довольно рано по тогдашним меркам, — то сразу получил от редакции служебную квартиру. Я жил один, поэтому мог вселиться

---

* К сожалению, большая часть материалов АВО до 1956 г. якобы была уничтожена, я, по крайней мере, не мог получить доступа к другим документам. Можно предположить, что против меня были и другие обвинительные доносы.

** Я думал, метафора о лунатике для описания собственной слепоты и глухоты пришла мне в голову первому. Не так давно мое внимание обратили на мемуары Эрне Галла (2003, с. 96–97), известного интеллектуала и коммуниста из Трансильвании, который использует ту же метафору для описания аналогичного состояния: «Полный отказ от самостоятельного, личного подхода, никакой критики. Тогдашнее мое сознание и поведение можно, наверное, сравнить с «идеологическим сомнамбулизмом».

*** С тех пор я не раз сталкивался с подобным явлением «Wunderkind» — самоуверенной интеллектуальной гордыней у молодых титанов венгерской политической сцены 1990-х годов или у молодых западных консультантов, появившихся в Восточной Европе после смены режимов. Думаю, во мне говорит не только возраст, но ретроспективная оценка собственной молодости: в подобных случаях отсутствие жизненного опыта делает молодых слишком самоуверенными, и они легко подпадают под влияние крайних интеллектуальных проявлений.

в однокомнатную квартиру-студию, обставленную безвкусной разрозненной мебелью со складов Правительственного комитета по бесхозному имуществу. Когда в 1952 г. я женился и моя жена Терез Лаки — тоже сотрудница «Сабад неп» — ждала нашего первого ребенка, мы получили трехкомнатную служебную квартиру в шикарном районе Рожадомб. Это жилище мы обставили относительно скромно, на собственные средства. Обстановка, по большей части, состояла из дешевой и некачественной «типовой мебели».

Зарплата в «Сабад неп» была выше, чем у других журналистов, но не намного. Заняв более высокий пост в редакции, я смог проводить отпуск в специальных домах отдыха для партийных работников. За девять лет я побывал за границей всего лишь четыре раза. Каждая поездка длилась всего несколько дней, да и то наполненных работой. Три раза я выезжал в социалистические страны и один раз, в начале своей работы в газете, ездил в Вену. Об этой поездке остались особые впечатления. Достопримечательностей я никаких особенно не видел, экономил суточные и, терзаемый угрызениями совести, купил матери несколько пар тонких шелковых чулок. Помню, как покупал их в магазинчике фирмы «Палмерс» и меня обслуживали любезные барышни в зеленых халатиках. Меня же мучил стыд — журналисту, коммунисту недостойно тратить партийные деньги в таком месте. Остатки сэкономленной суммы отдал в редакцию. Тех, кто проделывал циничные махинации с суточными в последние годы эпохи Кадара, наверняка рассмешит мой тогдашний детский пуританизм.

Работники редакции, издательства и типографии могли пользоваться рабочей столовой, которая бесперебойно снабжалась даже тогда, когда в других местах были серьезные проблемы с продовольствием, хотя особых деликатесов нам не предлагали. К материальным привилегиям относилось и право пользования больницей Кутвёльди. Как тогда шутили, у нас было три привилегии на букву «К»: Кекештетё — партийный дом отдыха, больница Кутвёльди и кладбище Керепеши, где хоронили партийных работников.

В соответствии с марксистским принципом «каждому по труду», я считал, что имею право на такое материальное обеспечение, и не думал, будто мы получаем особые льготы. Я провел детство в достатке, по сравнению с которым (или с уровнем жизни западного журналиста) мое существование в «Сабад неп» было скромным. Его можно было назвать привилегированным только потому, что оно явно возвышалось над усредненным серым уровнем, уравниловкой общества.

Образ жизни я вел, скорее, аскетический, нежели привилегированный. Ходил пару раз с друзьями в оперу, в театр, на концерты, но большая часть времени была заполнена тяжелой и самоотверженной работой.

У меня почти не было жизни вне редакции. Когда в 1952 г. у нас родился первый сын, Габор, я как раз был на ночном дежурстве. Мне казалось очевидным, что рождение ребенка — недостаточно уважительная причина уйти с дежурства. Я все время названивал в роддом, но сына увидел только рано утром следующего дня.

Еще во времена работы в МАДИС и потом, в газете, передо мной и моими друзьями часто вставал вопрос, не пора ли перестать быть «профессиональными партийцами» и заняться нормальной учебой в университете. Я особенно в размышления по этому поводу не углублялся, ведь ответ был очевиден. Намного важнее сейчас быть там, куда меня направила партия. У многих партийных функционеров тоже нет университетского диплома, а работу свою делают отлично.

Спустя десятилетия, став профессором в Америке, я порой с завистью смотрел на своих студентов. Годы, которые мы — хотя и по собственному выбору — провели, истязая себя на работе, они могут потратить на беззаботную учебу, подготовку к будущему, наслаждение радостями жизни.

Для описания душевного состояния и мотивов поведения в этот период я использовал те же факторы, что изложены в моей книге «Социалистическая система», в разделе, посвященном связующим силам социализма и мотивации кадров. Вера и убеждение, жажда власти, страх и материальные привилегии влияют на разных людей с неодинаковой силой. В моем случае доминировал первый фактор — вера и убежденность. Не стану утверждать, что моя история относится к среднестатистическим, однако было бы ошибкой полагать, будто мой случай уникален: теми же принципами руководствовались многие сотрудники редакции.

Редакционная жизнь

За шесть лет, описываемых в данной главе, в Венгрии сменилась целая эпоха. Когда я попал в газету, страной еще управляло коалиционное правительство, у других партий тоже были свои газеты. Однако коммунистическая партия по очереди перемалывала политические силы соперников и при поддержке и активной помощи оккупировавшего страну Советского Союза обрела полную монополию на власть. Были созданы институты тоталитарной системы. Со временем у газеты «Сабад неп» уже не было реальных конкурентов. В политическом смысле это была «официальная» газета, партийный рупор номер один и главное орудие пропаганды. Она приходила в каждую партийную организацию, учреждение, ее обязаны были внимательно прочитать все члены партии, каждый партийный и государственный функционер.

В мои задачи, как я уже отметил в предисловии, не входит обрисовывать историю венгерской политики и общества. Это всего лишь автобиография. Поэтому не буду даже пытаться проанализировать роль «Сабад неп». Тема последующих страниц скромнее, выделить некоторые события и характерные черты редакционной жизни, в первую очередь те, что касаются меня, и объединить их в общую картину.

Газета «Сабад неп» транслировала голос партии — и это можно понимать буквально. Телефон на столе главного редактора часто звонил по утрам — на проводе был Матяш Ракоши с критикой какой-нибудь статьи из текущего но-

мера или указаниями для газеты. Герё и Реваи тоже часто звонили. Иной раз Оскар Бетлен возвращался с очередного партсобрания и, заглядывая в свои записи, объяснял начальникам отделов, какое задание дали газете руководители партии. Я регулярно получал инструкции от Иштвана Фришша, главы отдела государственной экономической политики в Центральном комитете. В определенном смысле, я работал под двойным руководством: моими начальниками были и главный редактор газеты, и глава соответствующего отдела в Центральном комитете. Под таким же двойным руководством находились и другие начальники специализированных отделов редакции.

Хотя мы находились под строгим контролем, в особые детали начальство вдавалось редко. Главный редактор, да и начальники отделов, обладали изрядной самостоятельностью. Я и сегодня удивляюсь, какой свободой обладал в двадцать с небольшим лет, решая, что писать и что печатать из написанного моими подчиненными.

В редакции не было фиксированных часов работы. Начало и конец рабочего дня определялись объемом заданий. Если было нужно, работали в выходные. Дисциплина, готовность к самопожертвованию считались чем-то само собой разумеющимся, приказывать не надо было никому. Не припомню ни одного случая, чтобы кому-то делали выговор за невыполнение обязанностей из лени. Возможно, и в этом отношении я был слеп, но никаких козней, дрязг между коллегами память не сохранила. Наш коллектив был похож на боевое братство, какое бывает на войне, на линии фронта.

Здесь у меня появились друзья на всю жизнь. С Петером Кенде мы дружили и раньше, а за годы, проведенные вместе в газете, наши отношения только окрепли. Какое-то время мы делили кабинет с Палом Лёчеи, ставшим одним из лидеров 1956 г. Мы очень быстро подружились. Лёчеи сыграл важную роль в моем политическом и духовном становлении; об этом речь пойдет в следующей главе. Теплые дружеские отношения связывали меня с Дуци (Аугуста Майлат, жена Гезы Фони, которую, несмотря на хрупкую фигуру, все звали Дуци — Толстушка), создательницей и хранительницей великолепного архива газеты. Ее заваленная книгами крохотная квартирка была настоящим местом паломничества, куда многие заходили, чтобы побеседовать в спокойной дружеской обстановке в годы работы в «Сабад неп», да и после 1956 г.*

У меня уже тогда сформировалось стремление (которому я следую и поныне) поддерживать с подчиненными не только официальные, но и дружеские отношения.

---

* После революции на полке у Дуци стояли две фотографии: портреты Дёрдя Шаркёзи и Миклоша Гимеша. Дуци стала единоличным, живым связующим звеном между «горожанами» и «деревенщиками», поддерживая дружеские связи с людьми из «Сабад неп» — теми, кто потом сплотился вокруг Имре Надя, — и со старой и новой редакцией журнала «Валас» («Ответ»), объединившего различные группы «народных» писателей. Дуци долгое время была подругой жены основателя «Валаса» Дёрдя Шаркёзи, Марты — впоследствии редактора, мецената и вдохновительницы журнала. Дуци умерла в 1988 г.

На такой работе отношения с людьми зависят от конкретной личности. В Оскаре Бетлене мы видели солдата партии, безжалостного в своей твердости. Ум сочетался у него с язвительным высокомерием и холодностью. Вашархейи, напротив, отличался интеллигентными манерами, раскованностью, чувством юмора, мягкой иронией. Общение с Миклошем Гимешем, носителем глубокой культуры и человеком больших аналитических способностей, доставляло интеллектуальное удовольствие.

Мои представления о функционировании экономики

Я не учился на экономическом факультете, и о том, как же, якобы, работает социалистическая экономика, узнал не от тамошних профессоров. Первые живые знания о принципах действия системы я получил в «Сабад неп».

Я накопил массу впечатлений о том, как работает экономика, которую впоследствии называл в своих работах «классической социалистической системой». Присутствуя на заседаниях Комитета государственного хозяйства, я воочию увидел, что означает крайняя централизация управления экономикой. В условиях децентрализованной рыночной экономики годовой производственный план формируют миллионы намерений независимых друг от друга участников рынка. Здесь же решение мог единолично принять Эрне Герё, которого партия наделила почти абсолютной властью над экономикой. Подготовкой решений для него занимались в центральном комитете и в аппарате правительства. Бывало, разрабатывали альтернативные курсы. Но решающее слово на заседаниях, в конечном итоге, оставалось за ним. Я знал его как человека холодного, трезвомыслящего, расчетливого, не способного к проявлению человеческих эмоций. Ничто не выдавало в нем профессионального экономиста. Герё, однако, обладал невероятной памятью; в процессе дискуссии мог точно процитировать все данные по проблеме, точки зрения разных сторон. На руководителей экономики страны это производило сильное впечатление и, наверняка, прибавляло ему авторитета в хозяйственных вопросах. На основании тогдашних моих знаний я не мог определить, насколько Эрне Герё профессионален в своей уверенности. Его личность, убежденность и серьезность выступлений и на меня оказывали сильное воздействие.

Я часто встречался и беседовал с министрами и их заместителями, с чиновниками высокого ранга. Беседы эти — чаще всего искренние и профессиональные — раскрыли передо мной многое из того, как происходит управление экономикой. Кроме этого, я довольно часто ездил на предприятия, встречался с директорами заводов, секретарями парторганизаций предприятий, мастерами цехов и рабочими. Подробные отчеты коллег, основанные на свежих впечатлениях, дополняли непосредственные наблюдения. Хотя я не уверен в искренности некоторых собеседников, многие замечания заслуживали внимания.

Перечитывая собственные статьи в период подготовки к написанию мемуаров, я увидел, какие проблемы тогда казались мне самыми непреодолимы-

ми. Для резкого контраста в скобках я привожу названия некоторых редакционных статей или отдельные фразы, связанные с соответствующими темами. Данные цитаты свидетельствуют: я чувствовал наличие проблемы, но в каждом случае давал неверный диагноз и рекомендовал совершенно неверное лечение.

Я, например, признавал, что централизованная система работает только в случае соблюдения дисциплины. Нарушения дисциплины на производстве, при выполнении плана, выплате зарплат были совершенно очевидны. Я написал об этом целый ряд статей, но решение искал не в том месте. Я не понимал связи между производительностью и стимулом, верил, будто достаточно объяснить, как важна дисциплина, и призвать к выполнению распоряжений или примерно наказать нарушителей дисциплины.

Видя, как рабочие то и дело жульничают с начислением заработной платы, вновь и вновь ослабляют нормы, я с недоумением осознавал, что руководство предприятий практически способствует этому. В своих статьях я гневно клеймил нарушителей производственной дисциплины и терпящих нарушения директоров заводов и партработников («...следует уделить особое внимание ужесточению социалистической дисциплины на производстве и при начислении заработной платы... соревнование по-настоящему будет способствовать выполнению плана в том случае... если мы отважимся от показных результатов, достигнутых необоснованными переработками и махинациями с заработной платой!»)[9]. Я не понимал, что здесь мы сталкиваемся с неизбежной проблемой государственной собственности. Уровень зарплат определяется не путем конфликтов и соглашений между работодателем и противостоящим ему наемным работником — преграды на пути стремления рабочих повысить заработную плату создаются при помощи бюрократических квот.

Многочисленные случаи свидетельствовали: на заводах процветает бесхозяйственность, эффективность производства низка. Выход виделся мне в том, чтобы объяснить важность экономии («Экономическая эффективность — одна из центральных задач социалистического соревнования» — название одной из моих передовиц)[10]. Я пытался убедить руководство предприятий в том, чтобы они заботились не только об увеличении количества производимой продукции, но и о росте качества и снижении затрат — в то время как материальные и моральные стимулы подталкивали их к одностороннему наращиванию объемов производства.

Я искал причину в том, что руководители предприятий недостаточно хорошо выполняют свои обязанности, плохо организуют производство, недостаточно добросовестны и не прислушиваются к словам рабочих, когда те предупреждают их об ошибках. Порой подобная критика распространялась и на представителей среднего уровня управления экономикой, на работников министерств или региональные партийные организации. Я обвинял кадры, которые, пользуясь терминологией того времени, «идут на поводу у масс», заигрывают с ними и не смеют быть достаточно жесткими. («Терпимость к на-

рушениям дисциплины возможна только в интересах врага. Разве принципиальная и последовательная борьба за усиление производственной дисциплины, за полное использование рабочего времени — непопулярное занятие? Такой боец-руководитель может быть непопулярным только в глазах отсталого рабочего»[11].) Или, в отсутствие иного объяснения, я был склонен видеть причины отдельных проступков в саботаже. Подобные объяснения были не только ошибочны, но и преступны — своей профессиональной риторикой они поддерживали жестокие репрессии против «саботажников».

Я ни минуты не думал, что проблемы эти носят *систематический* характер и порождены самой системой. Напротив, замечая разнообразные ошибки и недостатки, я оставался тверд в своем убеждении, что социализм превосходит капитализм. Если и существуют трудности, то они временные. Я разделял слова Эрне Герё, взятые им у Сталина: мол, это все «трудности роста». Мы их перерастем! Государственная собственность *должна* обеспечивать более высокий уровень производства, нежели частная; централизованное планирование *обязательно* будет эффективнее рыночной анархии. В моем сознании совершенно перепутались нормативный и позитивный подходы, реальность и требования, предъявляемые к социалистической системе.

Особенно большое значение я придавал тому, что рабочий социалистического предприятия, по нашим ожиданиям, будет работать с энтузиазмом, ведь «он сам хозяин завода», в отличие от рабочего капиталистического предприятия, который подвергается эксплуатации и отчужден от своего труда. Новый тип отношения к труду порождает соцсоревнование, добровольные обязательства по повышению производительности труда и стахановское движение, достижения которого намного превышают средний уровень. Тогда мне все это казалось важнейшим объяснением преимущества социалистической системы, именно поэтому я занимался различными формами трудового соревнования. («Для победы социализма необходимо также и превысить уровень капиталистического производства, — писал я в одной из передовых статей. — Именно поэтому мы должны шире внедрять новые станки и технологии, бороться за повышение производительности, энергичнее развивая соревнование и стахановское движение»[12].)

Из-за форсированного темпа я был заперт на работе с рассвета до глубокой ночи, не мог жить нормальной жизнью, как остальные люди; меня не угнетали их повседневные заботы, я почти не встречался с теми, кто не был связан с редакционной работой. Как подобает правильному марксисту, я следил за производством, а не за потреблением. Какие-то сигналы о перебоях в снабжении и вызванном ими недовольстве я получал, хотя на собственном опыте не мог их ощутить. Сигналы эти, однако, были очень скрытые, а я оказался глух к раздражению, высказываемому негромко и издалека. В моем окружении определенно были люди, которые видели изъяны, но опасались говорить со мной искренне.

Мама с сестрой, которых я регулярно навещал, самое большее — изредка намекали, что со снабжением проблемы. Но я и эти намеки пропускал мимо

ушей. Потом я спрашивал Лилли, почему они не говорили со мной открыто и честно. «Боялись», — ответила сестра. Родные ни минуты не думали, будто я могу сделать им плохо. Просто не хотели волновать — я и так казался слишком озабоченным. Я бы все равно не поверил их словам, зачем же меня беспокоить? Как бы мы ни любили друг друга, между нами выросла невидимая стена.

В итоге, у меня накопилась масса впечатлений, огромный опыт, но я, как и все остальные, систематизировал и обрабатывал причинно-следственные отношения, основываясь на определенных *аксиомах*. Аксиомы — продукт работы не только чистого разума, но, в значительной степени, *метарациональных факторов*: веры, предрассудков, желаний, стремлений, моральных суждений. Метарациональные факторы выполняют функцию привратников, которые решают, какая дверь должна открыться перед той или иной мыслью или впечатлением, а какая — остаться закрытой. У меня в тот период двери функционировали неправильно: я закрывал их перед идеями и переживаниями, способными поколебать мою веру. Срабатывали защитные механизмы, описанные в теории когнитивного диссонанса: подавление информации, которая противоречит глубинным убеждения, с целью убедить самого себя в сохранении изначальной картины мира и тем самым сохранить душевный покой.

Если аксиомы меняются, отчасти под влиянием метарациональных факторов, *тот же* самый эмпирический материал вдруг обретает иную структуру, а между явлениями и наблюдениями выстраиваются новые причинно-следственные связи. Подобная реорганизация произошла и в моем сознании, о чем я подробно расскажу в последующих главах. Процесс этот похож на опыт с железной крошкой, когда ее рассыпают на листе бумаги, а под бумагу кладут магнит. Частички металла под влиянием магнита как-то располагаются на листе. Затем магнит передвигают, и частички тут же меняют свое расположение.

Есть и другое сравнение. Многим знакомы удивительные и хитрые рисунки нидерландского художника Мориса Эшера. На одной из его знаменитых работ черные гуси летят по небу от левого к правому краю картины. Но если взглянуть на изображение иначе, мы вдруг видим белых птиц, летящих уже справа налево.

Должен был пройти не один год, чтобы я новыми глазами смог взглянуть на опыт, приобретенный во время работы в «Сабад неп».

Интеллектуальная пустота

Почти все жадно прочитанное мной в подростковом возрасте в этот период оставалось невостребованным. В одной-двух статьях появляются цитаты из Кошута, Сечени, Петёфи, но никаких ссылок на других авторов. Моя репутация образованного юноши давала, наверное, только одно преимущество — в мой отдел «распределили» нескольких писателей. Постоянными внештатными корреспондентами были Иштван Эркень и Ференц Каринти. С ними

я легко нашел общий язык. Они видели во мне не партийного функционера и начальника, а друга, с которым можно было приятно поговорить. Оба периодически выражали свое недовольство окружающей ситуацией; Эркень делал это, наверное, чуть более явно, чем Каринти. Однако не могу сказать, будто они своим писательским взглядом увидели проблемы раньше или острее меня, журналиста, писавшего об экономике. В те годы их зрение, как и мое, было затуманено политической слепотой.

Помимо современной венгерской и советской литературы мне в руки редко попадали книги. Насыщенная работа в редакции не оставляла времени на чтение. С другой стороны, я углубился в изучение марксистско-ленинской литературы еще основательнее и методичнее, чем прежде. Память у меня была отличная; я умел подкрепить свои статьи такими цитатами, которые другим и в голову не приходили.

Оглядываясь в прошлое, поражаюсь собственному экономическому невежеству. В уже упомянутой рецензии на «Капитал» я критиковал современные «буржуазные» теории, но спорил с ними, основываясь исключительно на вторичных источниках — ведь сам я не прочел ни одного из критикуемых произведений. Остальные делали то же самое. Никто не научил меня элементарному требованию интеллектуальной этики: прежде чем критиковать, с идеей следует ознакомиться из первых рук. Я мог бы дойти до этого и своим умом — но не случилось. О низком уровне профессиональных требований свидетельствует следующий факт. Рецензии на «Капитал» и отличных отзывов из партийной школы оказалось достаточно, чтобы Тамаш Надь, куратор создававшегося тогда Марксистского университета экономики, пригласил меня преподавателем на кафедру политэкономии. Приглашение я не принял, но не потому, что чувствовал себя неготовым, а из-за большой загруженности в газете.

Полвека спустя, перечитывая свои тогдашние статьи, я увидел не только серьезные ошибки, но и поразительную интеллектуальную посредственность данных работ, если последнее можно отделить от содержания.

Стиль статей достаточно гладкий, в них почти не попадаются бессмыслицы, как это часто бывает в газетной периодике. Раздражают при этом примитивные восхваления высоких результатов и достижений. Если же я сталкивался с каким-либо недостатком, то прибегал к повелительному наклонению, призывая людей устранить проблему.

В каждом тексте просматривается некая структура — у них есть начало и конец, что и сегодня характерно для моего мышления. Аргументация же была исключительно банальной. Даже при ложных выводах можно изобретательно и умно рассуждать, но примеров тому в своих статьях того периода я не нахожу.

Часто попадаются передовицы или аналитические репортажи, в которых приводятся данные; иные тексты просто кишат цифрами. Уверен, я никогда намеренно не искажал цифры, взятые из источников. Помню, однако, что источники чаще всего не проверял, а цифры, которые собирался использовать, не сверял с другими данными. В работах я нередко приводил произвольно вы-

бранные цифры или сравнивал венгерские данные с материалами по развитым капиталистическим странам в нарушение основополагающих принципов сопоставления. Общие данные сравнивал с частными, прирост с переменной состояния и т.д. Я мог бы оправдать себя тем, что меня никто этому не обучил, никто не предупредил об обязательных правилах корректного обращения с данными. Но ведь я и сам мог догадаться об их существовании, не будь я одержим желанием любой ценой оправдать пропагандистские утверждения.

Я писал много и быстро — отсюда поверхностность результатов. Мне не понадобилось пятидесяти лет, чтобы это осознать. Когда через несколько лет я порвал с журналистикой и начал заниматься научными исследованиями, где на прояснение одной проблемы уходили недели, а то и месяцы, то с ужасом вспоминал стиль своей прежней работы. Я стал с презрением относиться к журналистике, к ее сумбурным, непродуманным и торопливым методам сбора и передачи информации. Теперь-то я знаю, что чрезмерные обобщения и здесь могут привести к неверным суждениям. Есть журналисты, которые работают на совесть, тщательно контролируют информацию, ими публикуемую, не снижают интеллектуальную планку. Но мне эта профессия надоела, и я даже себе не хотел признаваться, как долго проработал журналистом.

Читая собственные статьи в хронологическом порядке, я не видел развития — скорее измельчание и интеллектуальное притупление. В 1953 г. мне было 25 лет. Какой чудесный возраст! Именно в этом возрасте многие интеллектуалы уже завершают свое университетское образование и создают новаторские труды. Я же только механически выдавал на редакционный конвейер пустые тексты и переводил на приемлемый венгерский язык статьи товарищей из министерства или производственных функционеров, которые сами были не способны ясно формулировать свои мысли. Умственное мое состояние было куда беднее, чем в 17 лет, когда я написал эссе «Зерно под снегом».

Моральный расчет

Эта книга не была задумана как акт публичного самобичевания. Ее цель — рассказать о том, что происходило со мной в течение жизни и *почему* все вышло так, а не иначе. Читатель, при желании, волен судить обо мне сообразно собственной системе ценностей. Я тоже сужу, но делаю это про себя, как велит мне совесть. Прошу прощения у всех, кому причинил вред своим творчеством, хотя поступки важнее искренних извинений.

Многие рассматривают попытку морального отсчета как аддитивную операцию: одни поступки со знаком «плюс», другие — со знаком «минус». Складываем позиции — получаем уравнение и успокаиваемся, если баланс положительный.

На аддитивной теории, по сути дела, базируется идея искупления и покаяния. Некоторые люди полагают: «Да, я грешен, но грехи можно искупить добрыми делами». Мне казалось, что мой незабвенный друг Миклош Гимеш имен-

но так и думал, нелегально сражаясь за дело поверженной революции, пока его не арестовали. При необходимости он был готов выбрать смерть, только бы искупить тяжкие грехи, совершенные им ранее в результате политической деятельности*.

Глубоко уважаю тех, кто руководствуется принципом раскаяния и искупления не только на словах, но и на деле, но сам в подобный подход не верю. Не верю, будто ущерб, нанесенный человеком на определенном этапе жизни, можно уравновесить заслугами другого периода его жизни. Грехи не искупишь. Жертвы дурного поступка может уже не быть в живых, когда дело дойдет до «искупления», или же она не сможет насладиться плодами благодеяния. Даже когда жертвы остаются в живых и они или их потомки получат пользу от добрых дел — все это уже не оправдает нанесенного ранее ущерба.

Я не только осознал ложность пути, по которому шел на первом этапе своей жизни, но и ступил на новый путь со всей решимостью. Уверен: за прошедшие годы я совершил много полезного для окружающих, но совершал эти поступки не ради «искупления». Их я записываю на отдельный счет, а то, чем я занимался во время работы в «Сабад неп», записывается на другой.

---

* Можно, конечно, спорить, имел ли Гимеш вообще намерение раскаяться и искупить грехи.

4

ПРОБУЖДЕНИЕ — 1953–1955

5 марта 1953 г. умер Сталин. На этом закончилась одна эпоха истории коммунистического мира и началась другая. Глубокие перемены в политической и общественной среде — хотя и с большим опозданием — изменили мое мировоззрение, образ мыслей, а вместе с ними — и поведение.

«Новый курс»

Кадровый и политический поворот, случившийся в Советском Союзе, через несколько месяцев дал о себе знать и в Венгрии. В июне 1953 г. руководителей венгерской коммунистической партии вызвали в Москву и подвергли жесткой критике за катастрофические политическое и экономическое состояния страны. Матяш Ракоши, который с удовольствием позволял называть себя «лучшим учеником Сталина» и стремился быть отличником среди коммунистических лидеров Восточной Европы, первым выполнять указания вождя, теперь получил выволочку от нового московского партийного руководства за чрезмерное рвение и лишился единоличной власти. Ему позволили и дальше занимать пост генерального секретаря и сохранить властные полномочия, но премьер-министром поставили Имре Надя. Надь был первым министром сельского хозяйства в правительстве 1945 г.; под его руководством проводился раздел земель и распределение крупных землевладений между крестьянами. Старый коммунист, бывший когда-то в московской эмиграции вместе с Ракоши и Герё, стал «министром, раздающим землю». У Надя были разногласия с генеральной линией партии под руководством Ракоши, но судьба казненного Ласло Райка или посаженного в тюрьму Яноша Кадара его миновала. Имре Надь не принадлежал к фаворитам Ракоши или членам правительственной клики, выделяясь на фоне остальных коммунистических лидеров своим внешним видом, ярким венгерским языком, близостью и сочувствием к народу.

Венгерские коммунисты утвердили инструкции, полученные в Москве, и на июньском заседании ЦК вынесли решение огромной значимости, за которым последовало создание нового правительства под руководством Имре

Надя и его программная речь в парламенте в качестве премьер-министра. «Июньское постановление», «речь Имре Надя», «программа правительства», «новый курс» — все эти понятия того времени стали, по сути дела, синонимами и описывают постсталинскую программу венгерской коммунистической партии после 1953 г. Далее я кратко обрисую важнейшие положения данной программы, пользуясь, по возможности, языком тех лет.

— В политике до 1953 г. совершены серьезные ошибки. Проблема была не в идеях партии, но в их воплощении. Надо избавиться от ошибок, но основы системы должны оставаться неизменными.

— В экономической политике партии тоже допускались серьезные ошибки. Слишком мало внимания уделялось повышению уровня жизни.

— Проект пятилетнего плана предлагает нереальные цели. При проведении социалистической индустриализации допускались перегибы. В то же время позиция партии в вопросах собственности остается неизменной: основной формой собственности продолжает оставаться государственная собственность.

— Отмечены перегибы в аграрной политике. Создание коллективного сельского хозяйства и в дальнейшем заслуживает поддержки, однако необходимо сохранить принцип добровольности.

— Были допущены серьезные нарушения «социалистической законности». (Такое название на партийном жаргоне получили показательные процессы, выстроенные на ложных обвинениях, пытки, массовые аресты, трудовые лагеря и другие формы жестких репрессий.) В будущем подобное допускать нельзя.

— Коммунистическая партия оторвалась от масс. Необходимо создать народный фронт, который соберет весь венгерский народ под знамена партии.

Программа «нового курса» содержит уже достаточно элементов того образа мыслей, который впоследствии получил название *реформаторского коммунизма* или *коммунизма реформ*. В последующие месяцы программа была расширена, но две особенно важные составляющие более позднего реформаторского коммунизма в ней еще отсутствовали: первая — *рыночный социализм*, с частичным или полным устранением бюрократического централизованного планирования и заменой его на рыночную координацию (об этом будет еще много рассказано в книге); вторая составляющая — «*демократизм*», намеренно заключенный мною в кавычки. В те годы этот расхожий и заумный термин выражал противоречивые желания. С одной стороны, у гражданина должно быть больше возможностей вмешиваться в общественные дела; нужно обеспечить «демократию на производстве» и «партийную демократию». С другой стороны, коммунистическая партия должна сохранить монополию на власть. В истории развития идей реформаторского коммунизма демократизм обретет куда большее значение — например, в идее «социализма с человеческим лицом» во время событий Пражской весны 1968 г.

Теперь я снова попытаюсь воссоздать ход моих мыслей в 1953–1954 гг.

Как и многие другие коммунисты, смерть Сталина я пережил с ощущением большой утраты и не ожидал, что за ней последует исторический поворот. Я думал, что наследники вождя будут продолжать политическую линию Сталина — это они торжественно пообещали на его похоронах.

Когда я прочел июньское постановление ЦК венгерской компартии и речь Имре Надя, то сразу не осознал, к каким глубоким и радикальным переменам приведут эти документы. Июньская программа мне понравилась, но я бы приукрасил собственную историю, если бы сказал, будто ощутил облегчение или прилив энтузиазма. Я не принадлежал к тем, кто пострадал до июньских событий, потому и не мог понять, что пришло время вздохнуть свободно. Партия так решила, и я принял это решение спокойно и дисциплинированно. Сам по себе факт существенных изменений в партийной линии меня не удивил, ведь и в истории советской коммунистической партии бывали «новые курсы», резко совершенно отличавшиеся от предыдущей политики. Большего я и не ожидал. Я не придавал особого значения тому, что вместо одного Ракоши, обладавшего единоличной властью, руководство страной теперь осуществляли два человека. Это лишь еще одно свидетельство моей политической наивности и незрелости.

Статьи, написанные мною в период «нового курса», особенно не отличались от прежних. Может быть, отличие было в том, что они стали менее восторженными, более сдержанными и объективными.

Встреча с коллегой, вышедшим из тюрьмы

Ото сна меня пробудили тревожные впечатления. В конце лета 1954 г. в доме отдыха на озере Балатон я встретил Шандора Харасти, только что выпущенного на свободу после долгих лет тюрьмы. Дядя Шани (как его называли) вступил в партию давно, еще при Хорти, а после 1945 г. стал редактором второй по значению газеты венгерских коммунистов — «Сабадшаг» («Свобода»). Иногда мы встречались, я относился к нему с уважением. Харасти был тестем Гезы Лошонци, того самого Лошонци, который принял мученическую смерть во время революции 1956 г. Геза Лошонци руководил газетой «Сабад неп», когда я попал туда стажером. Наше знакомство было поверхностным, но его все уважали как старого авторитетного члена партии. Харасти арестовали в 1950 г., Лошонци — в 1951 г. Как выяснилось позднее, Ракоши и его приспешники собирались сделать обоих подсудимыми на процессе, в котором центральным обвиняемым стал бы Янош Кадар. Второй открытый процесс после суда над Райком так и не состоялся, но всех их держали в тюрьме, пока «новый курс» не освободил их из заточения.

Я ничего не знал о судьбе этих людей, кроме факта заключения в тюрьму, а когда услышал об их аресте, то просто принял к сведению, без особого потрясения. Раз уж партия решила так поступить со своими старыми членами, наверняка, там заранее тщательно проверили, виновны ли они. У меня не воз-

никло сомнений — а вдруг они невиновны. Я без колебаний верил в решения партии.

И вот, несколько лет спустя, сидя на лужайке балатонского дома отдыха, я вновь встретился с дядей Шани, и он спокойным голосом рассказал об ужасных унижениях, которым был подвергнут. Его вынуждали к признанию ложных обвинений, а когда выяснилось, что уговорами от него ничего не добиться, подвергли жестоким пыткам.

При подготовке подобных процессов дело каждого подозреваемого поручалось отдельному референту — так называли офицера АВО, который руководил допросами конкретного лица. «Исполнителем» при деле дяди Шани был М.М. — его я знал еще по 1945 году, когда мы оба были членами районного комитета МАДИС*. М.М. не избивал пожилого Шандора Харасти собственноручно, но распоряжения, куда бить и с какой силой, отдавал именно он. Когда я познакомился с М.М. в 1945 г., он был таким же энтузиастом и сторонником молодежного коммунистического движения, как и я сам. Потом я больше с ним не встречался, но уверен, что М.М. не был садистом в психиатрическом смысле. Он заставлял подручных избивать Шандора Харасти не потому, что жестокость доставляла ему удовольствие, — просто там, где он работал, подобные дела были в порядке вещей. Если уж кого-то назвали врагом партии, то правду из него надо вытащить любой ценой, пусть даже и пытками. Под правдой явно понимается история про шпионов или вредителей (выдуманная, состряпанная из реальных и лживых элементов), которую следователю спустили сверху в качестве основания для подозрений или обвинений. Подозреваемого следует допрашивать до тех пор, пока он не признает, что придуманная история — правда, а он сыграл в ней ту самую гнусную роль, которую ему назначили.

Слышать такие вещи от пострадавшего героя этой драмы было страшно. Трагизм ситуации в моих глазах усиливался тем, что я знал и второго ее участника, того, кто мучил героя, причем знал не как злодея, но как человека, начинавшего жизнь с достойными, благородными намерениями. Это мне казалось особенно поразительным — выходило, что причины трагедии не в личных качествах ее участников. Роковая ошибка заключена в самой системе.

Встреча с Шандором Харасти разрушила моральный фундамент, на котором до сих пор основывались мои коммунистические убеждения. Партия лгала, утверждая, будто Харасти виновен, — а я поверил в обман. Но если этот процесс был построен на лжи, значит, и остальные процессы — продукт обмана. Меня окружала ложь, а я глупейшим образом безоговорочно в нее верил. Больше того, волей-неволей и сам ее распространял.

И Шандор Харасти, и я были людьми пишущими; хотя я сменил сферу деятельности, но и по сей день остаюсь пишущим человеком. Для нас обоих

---

* Встречающиеся в книге инициалы М.М., Н.Н. не являются настоящими начальными буквами имен людей, о которых идет речь. К проблеме настоящих имен я вернусь несколько позже.

правдивость того, что выходило из-под нашего пера, имела огромное значение. После встречи с дядей Шани думал только об одном: искренность и обман, правда и ложь.

Мысль о том, что в XX веке людей намеренно пытают — с какой бы то ни было целью, — казалась невыносимой. Даже пытки преступников представлялись мне неприемлемыми, что же говорить о невинных людях! Могла ли творить такое партия, считающая себя призванной возглавить прогрессивное человечество?

С 1947 г. я занимался вопросами хозяйствования, планирования, производства и, как уже писал об этом в предыдущей главе, отмечал в экономике некоторые негативные явления. Но эти наблюдения не привели к анализу экономических проблем, в результате которого я бы понял: марксистская политэкономия, теория плановой экономики, венгерская политика в области народного хозяйства в чем-то ошибочны. Мое прежнее мировоззрение пошатнулось, когда обрушились его *этические основы*. Я ощутил необходимость подвергнуть ревизии *все*, о чем до сих пор думал, во что верил. Если моральные основы оказались ложными, я не могу без пересмотра принять интеллектуальную структуру, выстроенную на фундаменте, неприемлемом с этической точки зрения.

Я не стану утверждать, будто все многообразие идей у меня в голове вдруг разлетелось тогда на атомы. Пришлось пройти эту интеллектуальную структуру уровень за уровнем, заново переосмысливая каждый ее элемент. Времени на это ушло немало. Но с того самого дня восклицательные знаки на конце всех повествовательных или побудительных предложений в коммунистическом учении, которые я до сих пор принимал совершенно безоговорочно, сменились на вопросительные.

Дискуссии и книги, которые помогли все прояснить

Мне повезло, и я нашел тех, кто помог мне пересмотреть свои представления. Первым о решениях июньского пленума и политике Имре Надя со мной заговорил Пал Лёчеи. Затевая эти дискуссию, Пал шел на риск, ведь его позиция — по внутреннему кодексу коммунистической партии — была «антипартийной». Но он чувствовал, что может довериться нашей дружбе, и не ошибся. Еще Пал верил, что его доводы повлияют на мой образ мыслей.

В ходе целой серии доверительных бесед мы обсудили немало важнейших политических вопросов. В то время Пал руководил идеологическим отделом в «Сабад неп», а до этого — отделом сельского хозяйства и хорошо разбирался в этой области, которая была специализацией Имре Надя, знал историю насильственной коллективизации, принуждений крестьян, преследования кулаков.

Меня по-настоящему шокировали цифры — количество заключенных и интернированных. Лёчеи сообщал их мне по мере того, как сам получал

информацию. Помню одну цифру, услышанную от него: на момент смерти Сталина в Венгрии, с населением менее 10 миллионов человек, было более сорока тысяч политзаключенных, считая всех, кто уже был осужден, находился под следствием или томился в лагере для интернированных без суда и следствия*. Эта цифра, как и личная история Шандора Харасти, повлияла на мое сознание, сделав его более радикальным, куда сильнее, нежели, скажем, осознание того, что повышение нормативов пятилетнего плана приводит к снижению уровня жизни. Экономические трудности я тогда еще воспринимал исключительно как ошибки планирования, а не самой системы, однако дикие масштабы политических репрессий свидетельствовали уже о другом — проблемы эти *фундаментальны*.

Первые серьезные беседы с Лёчеи подготовили меня к интеллектуальным консультациям другого наставника — Миклоша Гимеша. Он напомнил мне о том дне в июне 1953 г., когда поступили первые известия о берлинском восстании. Тогда мы говорили об этом, но немного. Первые несколько часов после объявления новостей я не придавал им особого значения, в отличие от Гимеша. Теперь, месяцы спустя, он объяснил мне историческую важность этой новости. С момента подавления кронштадтского восстания в 1921 г. ни разу не случалось, чтобы народ восставал против *своей* же социалистической державы. Берлинцы сделали подобную попытку. Да, советские танки быстро одержали победу, но стоит отметить, — объяснял мне Гимеш, — что в этом случае рабочие выступили против власти рабочих. (Я не стремлюсь представить Гимеша визионером, но он, по-видимому, предполагал, что *начавшееся* в Берлине еще будет продолжено.)

Не могу забыть одну фразу, прозвучавшую в разговоре Реваи и Гимеша, которую Миклош тогда мне процитировал. Речь шла о том, что в истории Советского Союза и позднее, в истории восточноевропейских стран, «народ» не всегда вставал на сторону коммунистической партии. Тем не менее необходимо установить и поддерживать власть коммунистической партии, если понадобится — и я приведу эти слова Реваи так, как он их произнес, по-немецки — «mit barbarischen Mitteln», т.е. даже и «*варварскими средствами*». Никогда не забуду эту лапидарную формулировку, в которой отразился мессианизм и безграничный маккиавелизм коммуниста. Я чувствовал, что хочу порвать

---

* Матяш Ракоши в своем отчете перед Политбюро Коммунистической партии Советского Союза в июне 1953 г. сообщил следующие цифры: приблизительное число заключенных и интернированных — 45 тысяч (Baráth, 1999, с. 42). Все, сказанное тогда в Москве, считалось секретной информацией, но, полагаю, эта цифра просочилась из ЦК и дошла до Лёчеи.

Мне не удалось выяснить, сколько всего политзаключенных было *на самом деле*. О многом говорит другая цифра — ее в ноябре 1953 г. сообщили партийному руководству заместитель министра внутренних дел Ласло Пирош и генеральный прокурор Калман Цако (Rainer, 1999, с. 24–25 — эта информация тогда никуда не просочилась): так называемые мероприятия по амнистии затронули около 748000 человек. Сюда входили те, кого выпустили из тюрем и лагерей для интернированных, кому позволили вернуться с принудительных поселений, против кого были прекращены судебные разбирательства или полицейские расследования. Три четверти миллиона — почти восемь процентов населения страны.

с обеими составляющими этого признания: с тем, что людям надо насильно навязывать спасительный режим, и с тем, что в интересах мессианской цели все средства хороши, включая устрашение, массовые аресты и пытки.

Гимеш долго прожил в Женеве в качестве корреспондента «Сабад неп». На него сильно повлияло ощущение богатства, изобилия и покоя, непосредственно увиденное экономическое превосходство капитализма над социализмом. Своими впечатлениями он живо и убедительно делился со мной.

В предыдущей главе я говорил о дверях, которые — под влиянием метарациональных факторов — перекрывают дорогу потоку мыслей или, наоборот, открывают ему путь. После долгих лет интеллектуальной изоляции я снова начал читать. Тут даже слово это не подходит — я принялся поглощать те работы, которые критиковали сталинскую политику.

Тогда я еще оставался коммунистом наполовину или на три четверти. В таком состоянии больше всего воздействуют не те книги, где по каждому вопросу высказывается точка зрения диаметрально противоположная прежним взглядам начинающего сомневаться адепта, т.е. работы, враждебные коммунистической партии, нападающие на нее «извне». Куда сильнее оказалась острая критика «изнутри». Я прочел объемный том Исаака Дойчера* о Сталине на немецком языке и вдруг увидел личность Сталина другими глазами. Не могу вспомнить автора и название еще одной книги, также на немецком, которая представила историю Коммунистической партии Советского Союза в совершенно новом для меня, социалистическом, но при этом антисталинском свете.

С волнением читал я различных югославских авторов, среди них — работы Эдварда Карделя**[13]. Они были написаны после того, как у Сталина с Тито возникли противоречия и он в гневе исключил компартию Югославии из сообщества коммунистических партий, находившихся у власти. Сталин, таким образом, вынудил югославское коммунистическое руководство пойти по иному пути, отличному от сталинского. Все эти усилия были естественно связаны с острой критикой сталинизма. У югославских авторов я впервые столкнулся с идеей о том, что сталинская форма социалистической экономики влечет за собой *бюрократический централизм*, а децентрализованное управление социалистической экономикой намного здоровее и эффективнее. Упомянутые здесь авторы никогда не ссылались на исследования Оскара Ланге*** о рыночном со-

---

* Isaak Deutscher (1907–1967) больше известен в России как автор трехтомной биографии Троцкого. Здесь речь идет, судя по всему, о его книге «Сталин, политическая биография», вышедшей в 1949 г. — *Прим. пер.*

** Edward Kardelj (1910–1979), политический и государственный деятель Югославии. Член компартии Югославии с 1928 г. В последние годы жизни издал несколько томов избранных произведений под названием: «Проблемы нашего социалистического строительства». — *Прим. пер.*

*** Oscar Lange (1904–1965), польский экономист, преподавал в Чикагском университете в 1939–1945 гг. В 1945 г. вернулся в Польшу, в 1957–1962 гг. возглавлял Экономический совет польского правительства. Главная работа Ланге — «Об экономической теории социализма» (1938), в ней Ланге изложил концепцию множественности моделей социализма, считая возможным сосуществование рыночного социализма, планово-рыночной и командной социалистической экономики. — *Прим. пер.*

циализме[14] и на споры, развернувшиеся на Западе на данную тему. Вместо этого они на собственном марксистском языке излагали мысль об объединении коллективной собственности с рыночной координацией. По югославской модели децентрализация включала в себя два процесса, а именно: отход от централизованного управления экономикой, основанного на плановых предписаниях, в сторону рыночной координации и затем внедрение «самоуправления». Последнее обещало большую самостоятельность как выборным территориальным органам, так и представительным органам, избранным трудовыми коллективами на предприятиях. Критика югославских авторов в адрес методов управления, ранее применявшихся в Югославии и механически копирующих советский образец, была созвучна моим собственным негативным впечатлениям, связанным с централизацией. Югославское идеологическое нововведение — концепция «самоуправления» — придавала понятную форму требованиям венгерского «нового курса» по созданию демократии на производстве. Так, по крайней мере, казалось мне тогда.

Для многих бывших адептов коммунистической идеологии разрыв с ней происходил в несколько этапов. Первый этап — неприятие жестокого террора сталинистских режимов, но с сохранением всех основных положений марксизма-ленинизма, включая «диктатуру пролетариата» (т.е. монополию коммунистической партии на власть). Согласно этому, Сталин совершал «грубые ошибки», свернул с истинного ленинского пути. Надо на этот путь вернуться. На последующих этапах бывшие адепты начинают понимать, что *реальная* система, сформировавшаяся в Советском Союзе и других коммунистических странах, воплощает не только сталинские, но и ленинские идеи, и даже некоторые базовые положения Маркса. Я прошел весь путь разочарования в коммунистической идеологии, однако на протяжении месяцев, описанных в этой главе, я все еще находился на первой антисталинистской стадии разочарования и пробуждения, хотя по некоторым вопросам уже начал двигаться в сторону следующего этапа (например, в том, что касалось централизации и рынка).

Впервые «отказываюсь подчиняться приказу»

Перемены, постепенно происходившие в моем мировоззрении и образе мыслей, начали проявляться и в поведении. Раньше я следовал указаниям партии не из страха, а по убеждению. Стоило пошатнуться убеждениям, сразу ослабла и дисциплина.

До сих пор партийные инструкции относительно того, каким образом «Сабад неп» должен освещать мероприятия партии в области экономической политики, я получал через Иштвана Фришша. Но теперь Фришша сместили с высокого поста в ЦК, и порой Эрне Герё лично передавал мне свои пожелания. Так он поступил и зимой 1953–1954 гг., когда начались серьезные проблемы с электроснабжением. В эти несколько недель на заводах и даже в жилых районах начали вдруг безо всякого предупреждения отключать электроэнер-

гию. Газета долгое время молчала, но потом стало очевидно: надо что-то сказать. Я несколько раз говорил об этом с Герё по телефону — ему хотелось, чтобы газета вывела в качестве главной или единственной причины случившегося «объективные условия». Я впервые возразил прежде столь уважаемому мною Эрне Герё. Заявил, что не желаю писать в статье, будто проблемы снабжения электроэнергией не связаны с плохой организацией энергопроизводства и неверными представлениями о растущих потребностях. Кроме того, электричество отключают на обширных территориях, неожиданно, безо всякого предупреждения или плана, вместо того чтобы создать рациональную систему управления электроснабжением. В итоге, в передовице, написанной по данному поводу, я высказал все эти простые и очевидные вещи[15].

Позднее я узнал о том, как Эрне Герё был комиссаром одной из коммунистических бригад во время гражданской войны в Испании, люди боялись его жестокости; по его приказу были уничтожены десятки противников Франко — истинных борцов, принадлежавших к левому крылу. Знай я об этом тогда, может, боялся бы его, ведь я уже знал об ужасах террора. Но в момент спора с Эрне Герё по вопросу нехватки электроэнергии мне даже в голову не приходило чего-то бояться. Я даже не задал себе вопрос, как можно научно объяснить этот дефицит — над этим я начал размышлять много позже. (Хотя, наверное, стоит отметить, что мое первое «неподчинение приказу» было вызвано жесточайшим дефицитом.) Признаюсь честно, меня тогда занимал один-единственный аспект проблемы — выбор между правдой и ложью.

Рецензия на книгу Имре Надя

Сначала я понял это из объяснений моего друга, Пала Лёчеи, а потом и многочисленные данные подтвердили: «партийное единство», о котором так торжественно заявляют в партийных коммюнике, — пустая фраза. На самом деле, внутри партии шла борьба между двумя группировками — сторонниками Матяша Ракоши и Имре Надя. У каждого такого противостояния есть и личный элемент. Классическая социалистическая система — несмотря на все красивые рассуждения о коллективном руководстве — на деле является диктатурой верховного лица. Конечно, вокруг этого лица формируется немногочисленная клика, и решения принимаются правящей верхушкой совместно. Среди членов клики существует разделение труда, и все они внимательно прислушиваются к словам друг друга. Однако есть верховный лидер, в руках которого сосредоточена вся власть. В случае с венгерской компартией вопрос стоял так: кто будет первым лицом в партии, Ракоши или Надь?

В Венгрии в условиях того времени подобное противоборство стало не просто борьбой за лидерство между двумя людьми, но и состязанием двух курсов, двух политических программ. Матяш Ракоши планировал придерживаться сталинской линии, самое большее, с незначительными поправками. Имре Надь хотел воплотить в жизнь специфическую форму «реформаторского ком-

мунизма», «новый курс», изложенный в июньской программе. Долгое время казалось, будто силы обеих сторон равны. Обе группировки — и это очень важно — пользовались поддержкой и подсказками из Москвы.

Группа ведущих сотрудников редакции газеты «Сабад неп» решительно встала на сторону одной из противоборствующих сторон — поддержала Имре Надя и его соратников. Перечислю самых активных членов это группы в алфавитном порядке: Гимеш Миклош, Кенде Петер, ваш покорный слуга, Лёчеи Пал, Мераи Тибор, Новобацки Шандор, Фекете Шандор и Фехер Лайош. Мы встречались тогда очень часто и испытывали друг к другу теплые дружеские чувства. Кто бы мог представить, насколько разойдутся наши пути после 1956 г.? Миклош Гимеш принял мученическую смерть, Шандор Фекете, Пал Лёчеи, Шандор Новобацки провели долгие годы в кадаровских тюрьмах, Петер Кенде и Тибор Мераи стали лидерами парижской политической эмиграции. Описывать собственную судьбу в нескольких словах я не буду — этому посвящена вся книга. Самой неожиданной оказалась история Лайоша Фехера, одного из ближайших сторонников Имре Надя: после 4 ноября 1956 г. он моментально перешел на сторону Кадара и до самой смерти оставался членом Политического бюро под руководством Кадара.

Вернемся к событиям лета 1954 г. и к моей собственной деятельности. К концу лета я окончательно укрепился в своем решении активно поддерживать политику «нового курса». Хотя до сих пор я писал статьи исключительно по экономическим вопросам, в этот период стал чаще сознательно выходить за рамки привычной проблематики.

6 октября 1954 г. в «Сабад неп» была напечатана большая рецензия, написанная мною на недавно вышедший двухтомник Имре Надя[16], в котором были собраны избранные статьи и выступления последних десяти лет. В статье я обратил внимание на *расхождения* Надя с типичной сталинской политической пропагандой. Вот некоторые цитаты из работ Надя, которым я придал особое значение в своей рецензии: «...коммунистам пора прекратить командовать в деревне... Высокомерие и командные замашки ведут к пренебрежению серьезной, целенаправленной партийной работой и замене ее пустой риторикой... Все больше распространяется «муштра« (иначе назвать не могу): излишнее внимание к внешней атрибутике, суета, бесконечные продолжительные аплодисменты, овации стоя, вкладывание в уста людей готовых текстов — тем самым мы убиваем инициативу...»[17].

Позиция Надя по сельскому хозяйству была близка идеям, ранее высказанным Николаем Бухариным. Он считал неправильным «преувеличивать капиталистическую опасность» и то, что «в широких партийных кругах, даже в руководящих органах, наблюдается неприятие, отрицание и даже боязнь развития производственных сил у малых и средних крестьянских хозяйств»[18].

Избранные работы давали отличное представление об истинной личности Имре Надя — коммуниста-политика, который не выходит за рамки марксизма-ленинизма, но стремится внедрить его более мягкий, нежели у Ракоши,

вариант. Этот вариант находится ближе к народу, более приемлем для крестьянства. Именно такой образ хотелось мне донести до читателей в своей рецензии.

Некоторое время спустя, в начале октября 1954 г., центральное руководство партии провело заседание и приняло на нем позицию Имре Надя. Мы, ведущие сотрудники «Сабад неп», тогда уже располагали значительной информацией «для внутреннего пользования» и знали, что эта победа отражает лишь расстановку сил на конкретный момент и совершенно не означает, что Имре Надь и его искренние сторонники смогут крепко удержать в руках кормило власти. Нам представлялось еще более важным четко определить позицию газеты в поддержку «нового курса».

Я дважды освещал этот вопрос в своих статьях. Первая статья называлась: «С Центральным руководством вперед по июньскому пути»[19]. Название прекрасно отражает, на каком этапе я тогда находился в своем политическом развитии. Как и Имре Надь, чьи идеи мне хотелось донести до масс, я стремился активизировать процесс *внутренних* изменений в коммунистической партии и под руководством реформированной партии продолжать совершенствовать социалистическую систему. Я определенно встал на сторону Имре Надя и отстаивал этот выбор в своих публикациях.

Бунт в «Сабад неп»[20]

Пал Лёчеи тогда выступил с идеей поддержать «новый курс» не только статьями. Каждая публикация печатного органа проходила через руки главного редактора Оскара Бетлена или его заместителя Имре Комора. Оба были сторонниками Ракоши и неизбежно смягчали остроту наших статей. Мы решили собрать внеочередное заседание парторганизации, на котором мы могли бы выразить наше мнение более открыто. Было очевидно: учитывая центральную роль газеты в пропагандистской работе партии, слово ведущих ее журналистов из уст в уста разойдется по широким кругам общественности.

Лёчеи стал главным идеологом мероприятия, я тоже стал одним из его организаторов. Мы заранее распределили, кто что будет говорить. Собрание проходило в два дня. Ласло Фехер считал самым важным, чтобы «Сабад неп» честно рассказывала о проблемах страны, и открыто критиковал недавнюю речь Эрне Герё. Лёчеи произнес пламенную речь о законности (читай: против жестоких репрессий) и призвал к обновлению политической морали. Шандор Новобацки поднял вопрос о нарушениях закона, имевших место в этот период: «До каких пор будем медлить с привлечением к ответственности тех, кто действительно виновен?» Центральным пунктом выступления Тибора Мераи стала проблема лжи и правды. Он потребовал «очистительной бури»[21], и через два года она случилась. Кенде критиковал Герё и Фришша, я — Фаркаша, которому было поручено руководство газетой. Я заявил, что ответственность за ошибки «Сабад неп» несет партийное рукводство. Сотрудники газеты вы-

ступали один за другим*, подвергая острой критике руководителей партии, сталинистов — членов редакционного совета, и требовали последовательного выполнения июньской программы правительства и предотвращения реставрации сталинизма[22].

Когда перечитываю сегодня наши призывы, отчетливо вижу: критика остановилась на полдороге. Мы с полным правом критиковали деятелей, ответственных за губительную политику и неправильные решения, но не трогали саму *систему*, которая вывели этих людей на ведущие позиции, дала им в руки неограниченную власть и породила эти неверные решения. Моральная же смелость выступления может вызвать уважение и у современного читателя. Мы все жестко критиковали тех руководителей партии, которые тогда еще сидели в Политбюро и занимали высокие посты в правительстве (и вскоре вновь обрели абсолютную власть). Мы знали, что наше выступление их разгневает, и они, по возможности, постараются отомстить.

Моральная планка, установленная на том собрании журналистами, и сегодня внушает уважение: они заклеймили обман и пустые фразы, потребовали, чтобы работники прессы сохраняли честность и отстаивали правду.

Конец моего пребывания в «Сабад неп»

Новость о бунте в «Сабад неп» разлетелась быстро. Был составлен протокол собрания, копии которого мы распространили. (Не будем забывать: мы имели дело с эпохой без копировальных машин, электронной почты и Интернета, передавать новости было куда сложнее.) Наш пример определенно сыграл роль в прведении подобных собраний во многих важных организациях.

Соотношение сил внутри коммунистической партии вскоре начало меняться. Сторонники Ракоши вновь оказались на коне.

Первый раз руководителей «Сабад неп» вызвали на ковер в Политбюро 24 ноября 1954 г. и сурово отчитали за произошедшее[23]. Впоследствии, на заседаниях Политбюро не раз заходила речь о событиях в нашей газете. На заседании 1 декабря участники опять резко осудили тех, кто выступил на том собрании[24]. «Это собрание, — заявил Михай Фаркаш, — непозволительным образом критиковало руководство партии... прозвучал целый ряд антимарксистских выступлений. Собрание в «Сабад неп» породило подражателей: в таком же духе прошли собрания на радио, в редакции газеты «Сабад ифьюшаг» («Свободная молодежь»), в издательстве «Сикра», в университетах Будапешта, Дебрецена и... у писателей»[25]. Матяш Ракоши подвел итог, дав волю нетерпению: «Чего ждут товарищи в «Сабад неп»? ...прессу и радио надо держать в ежо-

* Те, кто горячо выступал на том собрании, не боясь критиковать власть, и кого я не упомянул в тексте, достойны быть перечислены здесь: Иштван Алмаши, Эмил Балаж, Тибор Галле, Эрнё Гондош, Янош Денеш, Йожеф Верё, Эржебет Ковач, Жужа Корокнаи, Эндре Кёвеши, Габор Мочар, Шандор Надь, Мария Пастор, Лайош Силваши, Калман Такач, Тибор Тардош и Илона Ясаи.

вых рукавицах в первую очередь, а если понадобится, принять организационные меры... мы сейчас же дадим указания всем газетам прекратить нападки на все прошлое партии и неограниченную критику...»[26].

В редакцию отрядили навести порядок двух политкомиссаров. Один за другим приходили различные руководители партии и «прорабатывали» журналистов. Они хотели, чтобы редакционная партийная организация декларативно отказалась от своей прежней позиции. Но не вышло. Люди Ракоши были возмущены тем, что бунтари не отступают.

В тот период я хотел избавиться от поста руководителя отделом экономики, особенно в такой ситуации. На мое счастье, как раз освободилась должность секретаря редакционного комитета — ее-то я и занял. Формально пост считался высоким, но от секретаря не требовали писать статьи или раздавать задания журналистам.

Тем временем в центральных органах партии началась подготовка к проведению «организационных мероприятий». Уже в декабре 1954 г. начали составлять списки тех, кого надо было убрать[27], хотя действенное решение было принято только в момент, когда в партии уже произошел политический поворот. В начале марта 1955 г. центральное руководство снова провело заседание, на котором вынесло резолюцию, совершенно противоречившую решению, принятому несколькими месяцами ранее[28]. Имре Надя заклеймили как «правого уклониста» и исключили из партии. Хотя было заявлено, будто резолюция партии от июня 1953 г. продолжает иметь силу, на деле она постепенно, шаг за шагом была аннулирована, и партия вернулась к прежнему политическому курсу. Ракоши к тому времени уже так себя скомпрометировал, что прежнего абсолютного большинства ему было не видать, но в борьбе между группировками Имре Надя и Ракоши перевес явно был на стороне последнего.

Уже в декабре 1954 г. первым из редакции уволили Петера Кенде, который на момент собрания был уполномоченным секретарем парторганизации и в этом качестве нес формальную ответственность за ее деятельность. Одновременно с ним выгнали двух талантливых молодых писателей, Эндре Кёвеши и Лайоша Силваши. Почему именно их уволили, осталось неясным — то ли за разоблачительные репортажи, то ли за резкое выступление на собрании.

28 апреля Центральный комитет принял решение, предложенное Ракоши[29], согласно которому нескольких зачинщиков бунта, среди них и меня, уволили из редакции «Сабад неп»*. Стоит добавить, что наше изгнание было обставлено в духе постсталинизма. Раньше и за меньшие грехи полагалось бы интернирование или тюрьма, по крайней мере, уволенный со своего поста мог отправиться подсобным рабочим на стройку. В нашем случае каждого определили

* Решение ЦК об увольнении распространялось на следующих сотрудников: Янош Корнаи, Терез Лаки, Габор Ленарт, Тибор Мераи, Шандор Новобацки, Имре Патко и Лайош Фехер. Тери на собрании не выступала. Из газеты ее уволили явно потому, что она была моей женой. Пал Лёчеи на тот момент был слушателем партийной школы — Ленинского института, и, по формальным причинам, его не могли сместить с должности в «Сабад неп».

на новую работу. Лайоша Фехера назначили директором госхозяйства, остальные получили работу в прессе, но с понижением в должности и в куда менее престижных изданиях. Я — единственный был переведен в науку.

Прежде чем принять решение о нашем переводе, нас заставили пройти еще одну унизительную процедуру. Нам дали понять, что будущее место работы зависит от уровня нашей самокритики. Для старых коммунистов, вернувшихся из московской эмиграции, подобная процедура была привычной — ее следовало проделывать без сомнений и угрызений совести столько раз, сколько прикажут. Для меня это новое переживание стало до боли унизительным и постыдным. Я с трудом выдавливал из себя лживые слова. Я не только ощутил себя жертвой, но и потерпел моральное поражение. Оглядываясь назад после полувековой успешной исследовательской работы, я мог бы успокоить себя: если эти несколько слов были ценой научной карьеры, можно было их и произнести. Но можем ли мы высчитывать издержки и доходы, когда сталкиваемся с подобной дилеммой?

Разгром июньской программы правительства, личное поражение Имре Надя и расправа над нами не стали для нас неожиданностью. Прежде чем открыто выступить в поддержку «нового курса», мы заранее знали, что идем на риск. На самом деле, как я уже отмечал, нас мог ждать куда более страшный финал, сопряженный с жесткими репрессиями. Со смерти Сталина прошло всего два года, и никто не мог предугадать, что из ужасов сталинской эпохи останется, а что исчезнет. И, хотя произошедшее меня ничуть не удивило, осадок остался отвратительный.

Если описывать мою реакцию в двух словах, дисциплинарная резолюция партии вызвала у меня отвращение. Глубокое разочарование, горечь, ужас — именно так я бы описал свое душевное состояние в те месяцы. Прежняя слепая вера развеялась раз и навсегда. Теперь я уже наблюдал за происходящим широко открытыми глазами. Тошнотворные обманы, подлая клевета, лицемерные аргументы, хитрое использование реальных и лживых сведений, собранных агентами, угрозы и шантаж, моральные издевательства над противником, унижение его — все эти приемы считались «нормальными» в борьбе внутрипартийных группировок. Что это за партия, главный орган которой, Центральное руководство идет туда, куда дует ветер: то принимает какую-то определенную политику, то ее же отвергает и клеймит? Мне хотелось бежать от этой грязи как можно дальше. Я понимал, что и в рядах коммунистической партии нужны люди, способные бороться за доброе дело с теми, кто представляет зло, но больше заниматься этим не хотел.

В 1953–1955 гг., пока я приходил в себя, моя уверенность в себе была изрядно поколеблена. Какое право я имел выносить собственные политические суждения, если меня можно так позорно ввести в заблуждение. Куда девались мой разум и критическое чутье, если меня годами водили за нос, как последнего дурака? Прежде я ощущал это только на инстинктивном уровне, но постепенно, шаг за шагом, чувства трансформировались в сознательное решение:

никогда никому не верить слепо и безоговорочно. Первой моей реакцией на любое интеллектуальное или политическое утверждение отныне станет вопрос, а соответствует ли это истине. Является ли верным довод, заявленный в поддержку какой-либо программы или проекта? Не скрывается ли за этим доводом коварный умысел?

После долгих лет следования железной дисциплине я принял решение: никогда больше не буду солдатом партии.

После восьми лет работы я покинул редакцию «Сабад неп». Единственный раз вернулся туда ночью, в октябре 1956 г. (об этом речь пойдет позже), но, за вычетом этого посещения, порог редакционного здания на площади Луйзы Блахи я не переступал несколько десятилетий. Пару лет тому назад там размещались редакции крайне правых газет, а на исходе лета 2005 г. здание снесли.

5

НАЧАЛО НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ — 1955–23 октября 1956 г.

«Сверхцентрализация управления экономикой»

В июне 1955 г. я начал работу в Институте экономики Венгерской академии наук. Начался новый период в моей жизни: с этого момента моим призванием стали научные исследования.

Первые шаги по новому пути пришлось делать в неординарных исторических условиях, когда кругом кипели потрясающие события. Напряжение проявлялось и на поверхности, в видимой политической сфере, но еще сильнее ощущалось в той ее части, которая была скрыта, и, в конце концов, вылилось в события революции октября 1956 г.

Предпосылки

В начале 1950-х годов в Венгрии начали внедрять систему присуждения научных степеней по советскому образцу. Первая степень — кандидат наук в соответствующей профессиональной сфере (например, кандидат медицинских или экономических наук). Кандидатскую степень принято приравнивать к американской или западно-европейской докторской степени (PhD) — обе присуждаются примерно в одинаковом возрасте за самостоятельное исследование книжного объема*.

В августе 1953 г. я подал заявление в аспирантуру, а в декабре того же года мне сообщили, что я принят. Общим условием для поступления в аспиранту-

---

* Если не учитывать содержания исследования (а в математике или физике мы спокойно можем это сделать), существенное различие между системами присуждения степеней состоит в требованиях, предъявляемых к обучению, которое предшествует подаче диссертации. Американский аспирант, пишущий диссертацию, получает, как минимум, двухгодичный курс интенсивной подготовки на высоком уровне по нескольким дисциплинам, сдает кучу экзаменов, знакомится со многими профессорами. В отличие от него будущий кандидат не проходит специальную подготовку сверх того, что получил в ходе предыдущего университетского обучения. Надо только сдать несколько экзаменов — к ним можно подготовиться и самостоятельно — и, естественно, написать диссертацию, которую затем необходимо защитить публично.

ру в такой ситуации является университетский диплом, так же как в западном университете студент, претендующий на получение докторской степени, должен иметь диплом бакалавра, т.е. диплом первой ступени высшего образования. У меня университетского диплома не было. Еще в 1945 г. я записался на историко-филологический факультет будапештского университета, где выбрал, в основном, курсы по философии и истории. В ту пору еще существовали так называемые полевые студенты (аналог рабфака), которые не ходили на лекции, но в конце года подписывали зачетки у профессоров. А экзамены откладывали «на потом». Так делал и я в течение двух лет, пока не оставил надежду нормально закончить университет, — работа в «Сабад неп» отнимала у меня все силы. Когда дело дошло до аспирантуры, в моем случае университетский диплом требовать не стали. Никто за меня не ходатайствовал, но, полагаю, при принятии решения учли, что я занимаю высокий пост. В итоге, в 1956 г. я получил кандидатскую степень, равную западной докторской, не имея диплома первой ступени.

Моим научным руководителем стал профессор Тамаш Надь, второй по должности после ректора, но первый по влиянию и своим научным достижениям руководитель Экономического университета имени Карла Маркса. Он перевел на венгерский язык «Капитал» и заведовал кафедрой политэкономии. Это был знающий экономист (и не только в области марксизма). Слушать его лекции и обзоры дискуссий было одно удовольствие, так как он умел ясно мыслить и точно формулировать. Профессор Надь не был ученым-новатором и не оставил после себя значительных работ, но я, наряду со многими экономистами, благодарен ему за поддержку и доверие.

Тамаш Надь дал мне полную свободу в выборе темы. Меня интересовали планирование и управление экономикой, но тогда я еще не мог сформулировать конкретно, что и как собираюсь исследовать.

Обязательные кандидатские экзамены сдал быстро и без проблем. Я был так называемым заочным соискателем, т.е. аспирантом, который учится в свободное время, помимо основной работы. Были еще очные аспиранты на стипендии — у них учеба и работа над диссертацией занимали весь рабочий день. Они работали в разных исследовательских институтах или в университете, и их деятельность была напрямую связана с темой диссертации. В 1952–1953 гг. я дважды просил начальство освободить меня от должности в «Сабад неп», желая стать научным работником. На все просьбы я получил твердый и решительный отказ со словами: «Партии вы нужны здесь, в газете». Я послушно подчинился.

Почему я так жаждал сменить вид деятельности? Тогда у меня еще не было никаких намерений удалиться от политической кухни. Скорее, меня начала раздражать изнурительная рутинная работа в ежедневной газете, тороп-

Следует отметить еще одно отличие. В западном мире степень доктора (PhD) дает университет, а в советской системе она присуждается академией наук или аффилированной структурой (в Венгрии, например, это Научная квалификационная комиссия).

ливость и поверхностность журналистики. Я имел смутное представление об исследовательской работе ученого, но стремился к ней. Знаковый момент: я несколько раз добровольно вызывался писать репортажи о формировании ученого совета и о прочих академических событиях, хотя в мою компетенцию это не входило. Я и понятия не имел, какие закулисные сражения шли в научном мире. Единственной причиной походов в академию было притяжение научного мира.

Спустя год-два после отказа, когда уже загремели отголоски бури, поднятой бунтом в «Сабад неп», Миклош Гимеш сказал мне: «Политика не для тебя. Шел бы ты в науку, это тебе больше подходит». Так и стоит перед глазами то место, где он дал мне этот совет: мы дожидались лифта на площадке после какого-то неприятного совещания.

Я не мог оставить пост и сменить профессию по собственному желанию, самостоятельно. Но когда меня, вместе с другими, выгнали с работы, наконец представилась возможность сменить карьеру. И я эту возможность использовал. Незадолго до случившегося был образован Институт экономики, главой которого стал тот самый Иштван Фришш, старый знакомый, который ранее инструктировал меня, будучи начальником отдела государственного хозяйства в ЦК. Я попросил, чтобы меня взяли к нему в институт.

Моя карьера в институте началась с того, что меня показательно понизили в должности. Потеряв высокий пост в редакции, я был назначен на самую низшую институтскую вакансию и стал «помощником». Заработная плата составляла 40% моего редакционного оклада*. Раньше у меня был просторный, красивый кабинет, теперь приходилось делить комнату еще с двумя сотрудниками.

Справедливости ради скажу, что моими соседями были умные, интересующиеся и доброжелательные по отношению ко мне люди: Петер Эрдёш и Роберт Хох. Однако сосредоточиться на собственной работе, сидя с ними в одной комнате, было нелегко — в эти беспокойные месяцы коллег, скорее, тянуло поговорить.

Интеллектуальные импульсы

Интересные и будоражащие разум разговоры я вел не только с товарищами по комнате, но и с другими коллегами по институту. В начале 1956 г. институт переехал в дом № 7 по улице Надор — прекрасное здание в неоклассическом стиле, построенное по проекту известного венгерского архитектора Михая Поллака (сейчас здесь находятся учреждения Венгерской академии наук). Отделение Тамаша Надя, где числился и я, получило помещения на третьем этаже. Там же находился кабинет Антала Мариаша — он прославился совсем моло-

* Ради увеличения доходов я писал книжные и журнальные обзоры, которые появлялись в печати только благодаря помощи редакторов — однако я мог печататься только анонимно или под псевдонимом.

дым благодаря статье об эффективности внешней торговли[30], написанной им в соавторстве с Тибором Лишкой, и позднее возглавил кафедру экономической политики в университете. В соседней комнате расположился Бела Чендеш, еще через несколько кабинетов — Ференц Ваги, в то время — начинающие специалисты в области экономики сельского хозяйства. Бела впоследствии стал заместителем председателя Национального комитета по планированию, а Ференц — заведующим кафедрой сельского хозяйства в Экономическом университете. С нами также работал Андраш Надь, попавший в институт непростым путем: сначала занимал высокие посты, участвуя в молодежном движении, преподавал политэкономию, затем, после суда над Ласло Райком, был разжалован в подсобные рабочие на стройку, чтобы с началом «нового курса» вернуться к интеллектуальной деятельности. Роберт Хох, Ференц Молнар, Андраш Броди — я мог бы продолжить этот список имен, знакомых каждому, кто следил за развитием венгерской экономической науки в последующие десятилетия.

«Депшор» — «задворки», так мы называли один из институтских коридоров, а точнее, группу молодых исследователей, которая там работала*. С точки зрения ее членов, группа сложилась достаточно разнородная. Были в ней выходцы из деревни и коренные горожане. Кто-то и раньше работал в университете или в академии, а кто-то стал ученым, резко сменив профессию. И все же у нас было много общего. Все мы разочаровались в коммунистическом режиме в его сталинско-ракошевском варианте и хотели бы видеть социализм более гуманным и в то же время более эффективным. Все испытывали отвращение к холодным и пустым схемам прежней политэкономии и жаждали изучать *реальность*. С современных западных позиций, ни один из нас не был квалифицированным экономистом. Экономике мы особенно друг у друга и не учились, но искренние рассказы о собственном опыте и честные политические дебаты, всегда основанные на взаимном уважении, были настоящим источником вдохновения. Мы много шутили, подкалывали друг друга — атмосфера в группе сложилась дружеская, мало где я с тех пор такую встречал.

Однако на формирование моего экономического сознания в ту пору больше всего повлияли два человека, которые вообще не были связаны с институтом.

С Дёрдем Петером, председателем Центрального статистического управления, я познакомился еще раньше, но на этом этапе нас свел Петер Кенде. Поначалу мы встречались все втроем, но потом наше общение превратилось в регулярные доверительные беседы с глазу на глаз. Дёрдь Петер пару раз наносил визиты мне домой, но чаще я приходил в его красивую и элегантную

---

* До войны этим словом в Венгрии обозначали ту часть деревни, где жили самые бедные крестьяне. Петер Вереш в своей работе «Обед на задворках» описывает это место так: «Депшор располагается на самом краю деревни. Перед ним тянутся солончаки, покрытые вместо растительности гусиным пометом и свиным и коровьим навозом. Все это лежит, пока не высохнет, потому как окраинные жители собирают тогда навоз, чтобы топить им печи» (Veres, 1997 [1939], с. 32). Цитату я взял из исследования Дёрдя Петери (1998, с. 198–205), который красочно описывает членов «Депшор» по улице Надор, их биографию и историю самой группы, снабжая повествование массой интересных и поучительных подробностей.

квартиру. Жена его, Эмми Петер (Пиклер), известный детский психолог и педагог, обычно приносила нам кофе, недолго беседовала, после чего оставляла нас вдвоем для бесконечных бесед.

Дёрдь Петер был старше меня на двадцать пять лет и как старый коммунист прославился в партийных кругах тем, что провел в тюрьме при режиме Хорти десять лет, — больше него просидели только Матяш Ракоши и Золтан Ваш. Андраш Хегедюш, бывший потом какое-то время заместителем Петера в Центральном статистическом управлении, остроумно называл его «большевистский гранд-сеньор»[31]. Среди многочисленных серых партийных бюрократов этот человек выделялся своей неординарностью, изяществом, щедростью и иронией.

После нескольких встреч он почувствовал, что мне можно доверять, и стал делиться своими экономическими воззрениями. Рынок, и только рынок, является тем прекрасным механизмом, который способен эффективно координировать спрос и предложение. План по сравнению с ним — инструмент грубый, неповоротливый. А чтобы рынок функционировал, цены следует отпустить.

Спрос, предложение, свободные цены, рынок, эффективность — со всеми этими понятиями студент-экономист любого западного университета знакомится уже на первой лекции по микроэкономике для начинающих. Дёрдь Петер выдвигал идеи, которые в других условиях могли показаться тривиальными, но для меня обладали почти революционной новизной.

Еще в тюрьме Петеру удалось ознакомиться с учебником Фаркаша Хеллера[32], в то время — самого знаменитого университетского профессора экономики в Будапеште. Имея математическое образование, Петер самостоятельно усвоил по учебнику Хеллера основы «буржуазной» (читай: немарксистской) экономики. И хотя потом он больше в предмет не углублялся, юношеское интеллектуальное переживание повлияло на всю его жизнь.

То, что Петер почерпнул у Хеллера в теории, подтвердилось и на личном опыте. Он регулярно принимал участие в женевских заседаниях Европейской статистической комиссии ООН и неоднократно рассказывал мне, какое сильное впечатление произвела на него Швейцария — консолидированная страна стабильного благополучия и изобилия, и сравнивал это богатство с нищетой и дефицитом в Венгрии и других социалистических странах. (Дёрдь Петер — второй, после Миклоша Гимеша, из моих близких друзей, для кого Швейцария оказалась потрясением.) Элегантная Банхофштрассе в Цюрихе, невероятный выбор товаров, вежливость продавцов были в его глазах непосредственным доказательством эффективности рынка.

Дёрдь Петер не думал о «смене режима» в том смысле, как мы понимаем это сегодня. Он был уверен, что может оставаться коммунистом и одновременно отрицать принципы командной экономики, заменяя их рыночной координацией.

Поначалу Петер делился своими идеями только в частных беседах, затем в 1954–1955 гг. опубликовал две статьи, в которых обрисовал и пытался за-

щитить от критики свою концепцию реформ[33]. Темы этих статей он предварительно обговорил с парой самых надежных коллег и друзьями не из управления, в число которых попал и я. Своими замечаниями, предложениями по формулированию нескольких абзацев я пытался внести свой вклад в эти статьи, особенно в конечный вариант второго исследования. Другие, думаю, тоже делились с ним идеями, оказывали помощь, однако основная идея принадлежит несомненно Дёрдю Петеру*.

Почти мистическое почтение к рынку, находившее выражение в беседах и работах Дёрдя Петера, было абсолютно чуждо марксистской политэкономии. Одним из столпов выстроенной Марксом интеллектуальной конструкции была идея о том, что рынок порождает анархию. Экономический прогресс требует, чтобы человечество освободилось от анархии, вызванной рынком, и создало вместо нее порядок. Когда Дёрдь Петер (и прочитанный по его рекомендации учебник Фаркаша Хеллера) научили меня признавать достоинства рынка, это во многом помогло мне порвать с марксизмом.

Помимо интеллектуальных интересов с Дёрдем Петером меня связывала искренняя дружба. Он помогал мне, чем только мог[34].

Из-за своих критических суждений и еретических идей в области экономики Петер был для консервативных сил как бельмо на глазу. В 1969 г. против него под надуманным предлогом было начато полицейское расследование. Его поместили под домашний арест, но не дома, а в больнице. Причиной его смерти стал нож, вонзенный в сердце. Скорее всего он покончил с собой: видимо, мысль о предстоящих унижениях оказалась для него невыносимой. Но и вероятность убийства исключать нельзя**.

Вернемся к 1955–1956 гг. Довольно важную роль в реформировании моих представлений об экономике сыграл тот интенсивный диалог, который мы продолжали вести с ближайшим моим другом, Петером Кенде. Как я уже писал во второй главе, мы вместе открыли для себя империю марксизма, когда скрупулезно изучали «Капитал» и делали выписки. Для полноты картины: покинули мы эту империю тоже вместе (хотя и перешли границу тайком). Кенде первым решил записать свои мысли о марксизме. Его работа называлась «Критические замечания по поводу экономической доктрины марксизма»[35]. Вслед за Петером и я написал работу под названием «О “Капитале” и экономических вопросах социализма». Оба текста обеспечили рамки для новых дискуссий.

---

* Бросается в глаза родство системы воззрений Петера с «рыночным социализмом» в духе Ланге. Я уверен: Петер не был знаком с трудами Ланге, равно как и упомянутые в предыдущей главе Кардель и другие югославские авторы. В данном случае мы имеем дело с типичной ситуацией, когда самоучка совершает открытие заново.

** В 1994 г. на торжественном заседании, посвященном памяти выдающегося экономиста-реформатора, юрист Шандор Нири выступил с докладом об уголовном преследовании Дёрдя Петера. Как оказалось, при осмотре места смерти ученого были допущены серьезные профессиональные ошибки. Труп двигали, не зафиксировали многие важные детали и т.д. Таким образом, на сегодняшний день точно определить причину его смерти невозможно (Nyíri, 1994, с. 45–47).

Во время написания оригинальной версии автобиографии на венгерском языке я уже располагал текстом Петера — в свое время он увез статью с собой в эмиграцию, а на тот момент передал ее мне. Тогда я думал, что мое исследование навсегда утеряно. Однако после выхода венгерского издания, но до появления английского перевода, совершенно неожиданно для меня вдруг всплыл один экземпляр моей статьи*.

Какое волнение я испытал, вновь листая страницы, написанные пятьдесят лет тому назад. Уже один объем впечатляет**. Мы оба подошли к исследованию с большим энтузиазмом, все тщательно продумали. Хотя с нашими работами ознакомились всего несколько человек, но подготовили мы их так, будто собирались отдавать для публикации в престижное издательство.

Что же касается зрелости написанного, Петер на голову опережал меня в критике марксизма, выражая сомнения относительно марксистской теории стоимости и прибавочной стоимости, я же — споря с Петером — тогда еще защищал ее. Не могу точно восстановить стремительные изменения, происходившие тогда в моем сознании, но несколько месяцев определенно ушло на то, чтобы я изменил свое мнение***.

Мы оба резко критиковали многие положения теории Маркса и ее методологию. Петер кратко изложил свое мнение о социалистической экономике, у меня же на это ушло полработы. В этом исследовании, скрытом от глаз общественности, я хотел сказать о социалистической экономике то, что не мог опубликовать в кандидатской диссертации, предназначенной для публичного прочтения****. Целью работы было прояснить, в первую очередь для себя и ближайших друзей-единомышленников, теоретическую базу будущей книги.

Два наших исследования распространялись нелегально и попали в руки не только верным друзьям, но оставили след и в архивах политической полиции. Когда Шандора Фекете арестовали в 1958 г., в собственноручно написанном признании он дал обо мне детальную характеристику по 11 пунктам. В пункте 2 идет речь о наших с Кенде исследованиях, которые «опровергают основные принципы «Капитала» Маркса». Фекете, иронизируя, помещает данную характеристику в кавычки, а затем продолжает[36]: «Впервые я узнал об этом от

---

* Пал Лёчеи сохранил экземпляр, полученный от меня еще тогда, среди своих бумаг, а в январе 2006 г. передал его мне.

** Объем статьи Петера составил 72 печатных листа, набранных с полуторным интервалом, моя статья, набранная с одинарным интервалом, занимала 60 страниц.

*** В одной из последующих сносок речь пойдет о беседах, которые я вел в конце 1956 — начале 1957 г. с Шандором Фекете. К моменту начала наших дискуссий прошло уже 6–8 месяцев со времени написания работы, а я уже отошел от марксистской теории стоимости.

**** Сам удивляюсь, как в этом тексте уже появляются идеи, которые я разработал много позже. Несколько страниц, например, я посвятил растущим темпам роста — тогда я называл их «гонкой». Полтора десятка лет спустя в книге, вышедшей на английском языке и посвященной тому же вопросу, я использовал то же самое слово — «Rush». Последняя страница моей работы 1955 г. гласила: «Когда спринтер выпячивает грудь, прежде чем разорвать финишную ленточку, это имеет смысл — ведь таким образом он может выиграть последние сантиметры. Если же стайер побежит с выпяченной грудью, это только излишне утомит его».

Гимеша, который высоко оценил исследование, потом в 1956 г. Корнаи и сам показал мне свою работу»*. Исследование пытается доказать, что исходный тезис «Капитала», теория стоимости, ошибочен.

Порвав с марксизмом до такой степени, мы еще мало знали о других конкурирующих теориях. Дело было не в отрицании одной теории ради другой. Подобно барону Мюнгхаузену, мы за волосы вытягивали себя из марксистского болота. Читатель может отследить в наших работах, что для критики марксистских идей мы оба используем марксистскую же терминологию («стоимость» против «потребительной стоимости» и т.д.). В своих беседах и текстах мы пытались объяснить, почему отворачиваемся от политэкономии марксизма и чего ждем от по-настоящему научной экономической теории.

Порываем с марксистской политэкономией

Выше я не раз подчеркивал, какую огромную роль в формировании моего мышления сыграл письменный и устный диалог с Петером Кенде. Наши экономические и политические взгляды трансформировались во многом параллельно. Однако здесь я должен вернуться к повествованию от первого лица единственного числа. На фоне многолетних эмоциональных и интеллектуальных трансформаций мне довольно трудно реконструировать свои ощущения 1955–1956 гг., когда я находился в начале своей исследовательской деятельности, — есть опасность отнести к этому периоду те чувства и мысли, которые возникли у меня уже впоследствии. И если я затрудняюсь сделать это применительно к собственной истории, то, по крайней мере, не должен проводить подобные манипуляции в отношении других людей, даже таких близких, как Кенде.

Сколько раз учение Маркса уже подвергалось критике — и не сосчитать. Работ, которые подходят к критике Маркса с научной объективностью и глубоким анализом, намного меньше, но тем они значительнее**. К последним мне в общем-то нечего добавить. Последующие рассуждения не имеют целью опровергнуть марксизм в нескольких предложениях. Тем не менее мои замечания могут оказаться поучительными не столько в плане содержания кри-

---

* В пункте 5 своего признания Фекете сообщает, как весной 1957 г. показал мне свой труд под названием «Хунгарикус» («Hungaricus»), в котором, цитирую: «среди прочего содержалось замечание о «молодых титанах, опровергающих Маркса», направленное и против него. В разговоре, состоявшемся в моей квартире, Корнаи выразил несогласие с высказанным в «Хунгарикусе» утверждением о том, что марксистская теория прибавочной стоимости и исторический материализм — такая же точная составляющая универсальной науки, как, скажем, и астрономические положения Кеплера. Корнаи решительнее прежнего заявлял, будто марксистская политэкономия ошибочна с самого начала». Странное чувство возникает при чтении этих строк пятьдесят лет спустя: видно, как машина политических репрессий превращает критику марксистской теории прибавочной стоимости в уголовное преступление. К процитированным здесь признаниям Шандора Фекете я вернусь в следующей главе.

** Как раз в этот период я прочел, например, известный труд выдающегося австрийского экономиста Бёма-Бауэра «Критика Маркса» (1926 [1896]), в котором автор убедительно показывает противоречия между первым и третьим томами «Капитала».

тики, сколько в последовательном описании процесса разочарования. Какой была — в моем случае — логическая структура отхода от марксизма?

В главе 4 я уже писал, что трансформация моих взглядов изначально шла не по рациональному, а по метарациональному пути. Моя *вера* в коммунизм пошатнулась, когда я вдруг осознал, что меня окружают обман и жестокость. Обрушились этические основы моего мировоззрения.

Если, прибегая к геологической метафоре, этот уровень был самым глубоким, то над ним, уже в сфере рационального, располагалась *эпистемиологическая* база марксизма. Учение Маркса заявляет о себе как о *научной* теории социализма и открещивается от разных ненаучных вариантов социалистических воззрений, считая их наивными и утопическими. По собственному утверждению, марксизм, и только марксизм, предлагает научную методику для исследования общества и осмысления знаний о нем.

Я ушел от марксизма потому, что убедился в его безосновательности именно в этом отношении. Я отдаю себе отчет в том, что, рассуждая сейчас о методологии и научной теории, ступаю на зыбкую почву. Среди философов, занимающихся этой темой, нет единого мнения относительно того, что именно делает высказывание «научным»; нет даже общего критерия для подтверждения истинности того или иного утверждения. Но интеллектуальная автобиография и не может ставить себе целью разрешить подобные споры. Моя задача — рассказать историю личного духовного развития.

До 1955 г. закрытость интеллектуальных построений марксизма и прозрачность логической структуры были достаточным аргументом, чтобы считать его не только закрытым и логичным, но еще и *истинным*. Когда я, уже охваченный разочарованием и сомнениями, принялся пересматривать прежние свои теоретические убеждения, то стал с большей решимостью применять другой критерий — сравнивать теорию и реальность. Как соотносится «теория стоимости» с реальными ценами? Какое отношение имеет «теория обнищания» к реальной исторической динамике изменения уровня жизни? Как «теория капиталистических кризисов» отражает реальные колебания конъюнктуры? Как соотносится теория «классов» и «классовой борьбы» с реально существующей стратификацией общества и общественными конфликтами? Проблема не только в том, что при каждом таком сравнении с действительностью марксистские догмы проигрывают одна за другой. Основная беда в том, что Маркс, а главное, его последователи, не чувствовали своим первоочередным интеллектуальным долгом применять элементарные критерии научности, сверяя свои идеи с реальностью.

Марксизм — не единственное общественно-научное направление, повинное в подобном «грехе», но тогда, в 1955–1956 гг., я именно от марксизма требовал сопоставления теории с реальностью и соответствия основным критериям научности.

Общественные науки находятся, конечно, в куда более тяжелом положении по сравнению, например, с экспериментальными естественнонаучными дисциплинами. Последним легче доказать то или иное теоретическое положение

с большей статистической точностью. Однако даже при всей ограниченности эмпирических подтверждений исследователи общественных явлений должны хотя бы продемонстрировать, что *сделали все возможное* для проверки своих предположений, т.е. сопоставили теорию с опытными данными самым добросовестным образом, используя лучшие из доступных средств. Если же они видят, что реальность существенно расходится с теорией, значит, необходимо эту теорию изменить, а в случае невозможности ее изменения — совсем от нее отказаться.

Продолжая геологическую метафору: на слое ошибочных научных теорий и методов отложились массы ложных теоретических положений. Такое количество ошибочных теоретических слоев могло образоваться вследствие того, что создатель теории ни от себя, ни от других не требовал сопоставления с действительностью. Подобно древним вымершим животным, устаревшие доктрины окаменели, да так и остались, нисколько не меняясь. Если почитатели Маркса и были вынуждены волей-неволей признавать ошибочность той или иной догмы, то обвиняли в этом плохих учеников мастера, «вульгаризаторов» его учения. Правда же состояла в том, что Маркс приучил их (и нас) к неверному алгоритму рассуждений.

Если и далее следовать геологической метафоре*, можно сказать, что последователи политэкономии марксизма рассматривали *теорию стоимости* как центральную идею всей марксистской экономической науки. Это и есть тот следующий слой, на котором я бы хотел кратко остановиться.

Тогда я начал понимать, что в социалистической экономике плохо работает аллокация ресурсов. Практически невозможно объяснить, какую функцию в такой экономике выполняют цены. Маркс, конечно, и не обещал заранее рассказать, что именно следует делать в социалистической системе. Но тогда мы хотя бы должны знать из его работ, как все происходит при капитализме. Мне оказалось достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять: Маркс так и не дал на него ответа. В его трудах часто встречаются ссылки на то, что цены определяет конкуренция. Но каким образом? Первый том «Капитала» витает в воздухе. Его основное положение о труде как единственном создателе стоимости невозможно ни проверить, ни опровергнуть, а следовательно, оно ненаучно. Кроме того, никакая строгая дедукция не позволяет вывести из положений первого тома систему идей, изложенных в третьем томе, где прибавочная стоимость «превращается» в среднюю прибыль, пропорциональную

* Пользуясь данной метафорой, я ставлю себя в двусмысленное положение — применяю одну из любимых марксистами формул для сравнения: «глубокую» суть с «поверхностным». Можно, наверное, успокоить себя тем, что даже психологи, чуждые марксистским представлениям, часто прибегают к подобной метафоре для описания глубинных и поверхностных слоев сознания.

Еще одно замечание: многое из того, что связано с именами Маркса и его последователей, я по-прежнему считаю операциональным и обладающим осмысляющей силой (ниже об этом пойдет речь поподробнее). Постараюсь и дальше оставаться непредвзятым. Факт использования марксистами того или иного сравнения отнюдь не мешает мне воспользоваться им самому.

капиталу. Здесь мы уже имеем дело с положениями, которые можно проверить и опровергнуть, однако при соотнесении с действительностью результат они дают неважный. Цель данной теории — объяснить механизм получения прибыли, но какие факторы формируют прибыль в капиталистической реальности, она не сообщает. Короче говоря, я пришел к выводу, что марксистскую теорию стоимости к реальности приложить невозможно.

Остальные экономические положения марксизма накладываются на ранее описанные слои. Приведу в качестве примера хотя бы утверждение об *обнищании рабочего класса.* Ни из какого предыдущего положения оно не выводится дедуктивным путем. Если мы вдруг принимаем марксистскую теорию стоимости, а также теорию о средней прибыли и цене производства и далее все прочие дополнительные тезисы, изложенные в «Капитале», — то одновременно должно выходить, что уровень жизни рабочих, занятых физическим трудом, падает, испытывает стагнацию или повышается относительно (в сравнении с другими группами населения) и абсолютно (если рассматривать долгосрочную динамику). Что же касается эмпирического подтверждения, история резко опровергает марксистскую доктрину о пауперизации как о долговременной тенденции. Статистика однозначно доказывает, что за сто–двести лет во всех странах мира, развивающихся в рамках капиталистической системы, уровень материального потребления для работающего населения повысился, а условия жизни улучшились.

Многие представители интеллигенции, которые прежде придерживались марксистских взглядов, не в состоянии радикально порвать с ними. Они ведут отчаянные арьергардные бои, оставляя свои позиции, подобно воинам армии, обреченной на поражение, сдают улицу за улицей, дом за домом. Насколько хватает сил, придерживаются какого-нибудь положения или метода исследования. Что до меня, то в процессе трансформации собственных идей я придерживался иной стратегии. В период 1955–1956 гг. я отказался от марксизма и объявил, поначалу — сам себе, что отныне марксистом больше не буду. Не стану отвергать все его методы или положения (об этом речь пойдет в следующих главах), но откажусь от «-изма», от марксистской системы взглядов. Желая описать свое интеллектуальное состояние в кругу близких друзей, я иногда говорил, что «списал марксизм со счета»*. Ничего больше не буду принимать только на основании своей верности этой школе мысли. Раз уж я все «списал со счета», придется преодолеть интеллектуальные подозрения и неопределенность, вполне понятные и объяснимые в свете предшествовавших событий, и заново убедить себя в том, что отдельные методы или положения марксизма все же годятся для использования.

В моем случае подобная стратегия разрыва вполне себя оправдала. Я стал совершенно открыт новым идеям. Теперь не нужно было тратить время на со-

---

* С теорией и идеологией марксизма я порвал радикально, но в возможность реформирования социалистической системы верил довольно долго. Далее речь пойдет о том, как я постепенно отошел от позиции «наивного реформатора».

отнесение каждой конкурирующей теории с марксистской догмой, ведь последнюю я уже заранее убрал с дороги. Данная стратегия, как оказалось, давала мне основательное преимущество по сравнению со многими моими современниками — теми, кто принял марксизм одновременно со мной, у которых годы, а то и десятилетия ушли на освобождение от пут, сдерживавших полет их мысли. Многие будапештские философы, экономисты, историки в 1960–1970-е годы все еще экспериментировали с «возрождением марксизма», поочередно взвешивали то одну, то другую идею, решая, что оставить, а от чего отказаться, — тогда как я уже давно миновал эту невнятную фазу перехода к новой системе мышления*.

Начинаю исследовательскую деятельность

Если говорить о возрасте, то, начав работу над диссертацией в двадцать семь лет, я нисколько не опоздал — типичный американский «graduate-студент» вступает в эту фазу примерно на том же этапе.

Приступая к написанию докторской, американский студент уже хорошо представляет себе, как ведут научную работу его профессора. Многие аспиранты имеют доступ к исследовательским лабораториям в качестве ассистентов своих преподавателей. Позднее с ними работают уже официально назначенные консультанты. Методы исследования, таким образом, передаются от учителя к ученику, а затем, по цепочке поколений, от следующего учителя, выросшего из бывшего ученика, к новым студентам, как когда-то в цехах мастера и их бывшие помощники передавали свои знания подмастерьям. Мне не довелось поучиться мастерству исследования у профессоров в научной лаборатории. Мой официальный научный руководитель, Тамаш Надь, бывший одновременно и моим начальником в отделе общей теории, сделал много полезных замечаний относительно моих исследований. Отличное тактическое чутье позволяло ему определять максимально допустимые границы с политической точки зрения. Сам он, однако, настоящими исследованиями не занимался и профессиональными приемами не владел, а следовательно, поделиться ими не мог.

В течение нескольких месяцев у меня не было темы, но я получил официальное задание работать в качестве научного ассистента при Петере Эрдёше. Я сопровождал его в поездках, мы много беседовали. Эрдёш по-настоящему интересовался абстрактной теорией, что проявляется в его последующих работах, но не обладал опытом эмпирических исследований. Он стремился ознакомиться с мнением руководителей экономики по проблемам руководства и планирования, однако манеры и резкий, часто высокомерный стиль поведе-

* Известный философ Михай Вайда описывает этот процесс так: «Помню, как я в 70-е годы говорил своим друзьям — сторонникам Лукача: «Кажется, я уже больше не марксист». И не потому, что все эти безобразия творились именем марксизма, а потому что марксизм не дает объяснения происходящему вокруг» (Pogonyi, 2003, с. 14).

ния не располагали респондентов к откровенности. Это был умный, мыслящий человек, наделенный убийственной иронией. Нелегко приходилось тем, кто попадал под огонь его критики. Многое его раздражало, многое не нравилось в сталинистском режиме и в застывшем состоянии марксистской теории. Эрдёш чувствовал, что оппозиционера, выброшенного из «Сабад неп», можно не бояться, и потому открылся мне. Однако эта откровенная речь оставалась однобокой. Несмотря на всю свою критику, он, в конечном итоге, оставался приверженцем коммунистической партии и марксистской теории. Я остерегался показывать ему свое отношение к марксизму и коммунистическим идеям. Достаточно было того, что я выслушивал его критические выпады и одобрительно хмыкал по ходу дела. Этого также хватило, чтобы между нами установились дружеские отношения.

Ни Петер Эрдёш, ни Тамаш Надь не стали возражать, когда несколько месяцев спустя я попросил разрешение работать над диссертацией самостоятельно. На тот момент я уже решил ограничить свои исследования только одной, более узкой областью — легкой промышленностью — и на ее примере проследить управление экономикой в действии. Что представляет собой централизованное планирование на самом деле? Я выбрал именно легкую промышленность, ведь по тяжелой промышленности информация была менее доступна — многие данные считались секретными в связи с военным производством. Кроме того, меня интересовали отношения между производством и потреблением, а их было явно проще исследовать в той области, где товары покупало непосредственно население.

Никакой предварительной позитивной гипотезы у меня не было. Вопросы, которые я ставил, были, напротив, продиктованы серьезной негативной гипотезой: утверждение официальных учебников и партийной пропаганды, согласно которому генплан вырабатывает планы, а реальные экономические процессы затем следуют предписаниям этих планов, наверняка не подтвердится.

Я выбирал методику исследования без сомнений и колебаний. Центральное место занимали подробные интервью с участниками процесса планирования и управления экономикой. Я инстинктивно чувствовал: они, и только они, по-настоящему знают, что творится в головах управленцев, чем именно занимаются эти люди. Я интервьюировал представителей высшего, среднего и низшего управленческого звена. Чаще всего беседы происходили с глазу на глаз, но иногда проводились и групповые дискуссии. По отдельным отраслям одну и ту же группу приходилось собирать несколько раз, так как одного многочасового обмена мнениями не хватало для раскрытия всех тем.

Почти все, к кому я обращался, охотно отвечали на вопросы. Люди были готовы смело критиковать существующее положение вещей. Я уже тогда часто задумывался, почему они это делают. Возможно, играло роль то, что люди вообще — а венгры в особенности — любят пожаловаться. Однако более важным было другое: респонденты ощущали с моей стороны неподдельный интерес к тому, что они говорили. Я не просто механически опрашивал их по

заранее подготовленному списку от начала до конца. Люди видели, что я слушаю их с широко раскрытыми глазами, с жаждой получить информацию. Вместе с ними я сетовал на бюрократический идиотизм, возмущался расточительством, невниманием к требованиям покупателей, тупостью начальства. Между мной и респондентами установились искренние человеческие отношения. Многие из них позже, спустя несколько лет, пытались с риском для себя помочь мне найти работу в легкой промышленности, когда меня уволили из Института экономики.

Не будем, однако, забегать вперед и остановимся на методах исследования, к которым я прибег в 1955–1956 гг. Откуда взялась идея выстроить экспериментальную часть диссертации, в первую очередь на личных интервью? Очевидно, сказался мой журналистский опыт. Если память меня не обманывает, именно я внедрил в «Сабад неп» жанр так называемого аналитического репортажа — такой репортаж занимал не пару строк в информационной колонке, а целую страницу. Мы с товарищами выезжали на то или иное предприятие, проводили там несколько дней, спрашивали у всех — от рабочих до директора, что они думают о работе своего завода или фабрики. Отношения между журналистом из коммунистической газеты и героем репортажа, руководителем предприятия, естественно, отличались от тех, которые складывались у меня с людьми теперь, когда я опрашивал их в роли исследователя. Однако в бытность свою журналистом я научился технике интервьюирования и осознавал, какие возможности в ней таятся.

Меня также вдохновляла выдающаяся традиция исследований венгерской деревни. Отдельные работы из этой области произвели на меня сильнейшее интеллектуальное впечатление*. Беседы с людьми служили источником обширного научно-практического материала — я это чувствовал.

Эмпирические знания я, конечно, получал не только из интервью, но стремился дополнить услышанное материалами, почерпнутыми из текстов инструкций и распоряжений, и, естественно, цифровыми данными — результатами изучения статистических таблиц по предприятиям и отдельным отраслям промышленности. Я быстро заметил, как велик разрыв между приказом и его выполнением, насколько меняется характеристика явления, в зависимости от того, на какой ступени иерархии — высшей или низшей — стоит тот, кто его описывает. Подобные наблюдения делали процесс исследования, поиск истины еще более захватывающим**.

---

* В то время я прочел «Положение в селе Тард» («A tardi helyzet», 1986 [1936]) Золтана Сабо и «Безмолвную революцию» («A néma forradalom», 1989 [1937]) Имре Ковача. Помимо сведений о жизни крестьянства, писатели-социографы, принадлежавшие к кругу «народных писателей», много дали мне в плане методологии: как расспрашивать людей, как собирать информацию, используя опросники, как сопровождать материал, полученный непосредственно из первых рук, кратким обзором статистических данных. Читая эти работы, я еще ничего не знал о методологии современного социологического исследования.

** Данный подход и по сей день сохраняет свое право на существование. Мы могли бы лучше понять то, что происходило, например, в процессе посткоммунистической трансформа-

Меня никто не обучал современным методикам анализа данных. Я не имел представления об эконометрической технике, которая теперь обязательно применяется не только при написании докторских диссертаций, но и в обычных университетских дипломах на звание бакалавра. Я мог бы стыдиться своего тогдашнего невежества, но могу скорее гордиться тем, что даже без специальной подготовки смог обнаружить некоторые важные взаимосвязи. И по прошествии пятидесяти лет могу позволить себе еще более решительное заявление. В этой книге речь не раз пойдет о том, каким недостатком было для меня отсутствие методологической подготовки в области экономики. Однако даже если это дурно прозвучит из уст университетского профессора, с энтузиазмом относящегося к своему призванию, скажу, что у незнания есть и свои преимущества. Я осмелился и смог быть оригинальным *именно потому*, что не шел с уважительным восхищением по стопам какого-нибудь профессора. *Именно* отсутствие понимания современной технологии экономического исследования не дало мне затеряться в гуще формальных технических заданий: я не беспокоился из-за регрессий, не был знаком, а значит, спокойно игнорировал строгие технические требования, разработанные анонимными референтами ведущих журналов и издательств. Меня заботило только одно: понять, как работает этот странный механизм, который регулирует производство в нашей стране.

Историк Дёрдь Петери характеризует научный подход, сформировавшийся в Институте Фришша (в том числе — и мой научный метод), как «наивный эмпиризм»[37]. «Наивный» здесь очень подходящее слово. Моя работа отличалась той наивностью, которая свойственна наивным художникам и прочим интуитивистам. Она была примитивна и неиспорченна. Я не был еще знаком с тонкостями мастерства, и потому результат вышел «грубым» — но, возможно, именно поэтому «чувственно чистым», свежим и честным.

Понятие «эмпиризм» отражает лишь часть правды. Я только что писал о воздушных замках марксистской теории. В интеллектуальной атмосфере той эпохи стремление игнорировать разграничение между «конкретным и абстрактным трудом», отказ от положения «сумма стоимостей равняется сумме цен» и от прочих таких же пустых «теорий» и поворот на 180 градусов в сторону эмпирики воспринимались как революционный акт.

В своем исследовании я не остановился на описании действительности и простой констатации опыта. В этом отношении я определенно пошел дальше, чем, скажем, писатели, исследовавшие деревню. Я стремился организовать полевой материал в строгую мыслительную конструкцию, чтобы показать, какие *закономерности* стоят за определенными явлениями. Я сделал попытку применить причинный анализ, но законченной теории выработать не удалось (к счастью — ведь тогда я еще был далек от понимания всех взаимосвязей).

ции Восточной Европы, Китая или бывших республик СССР, если бы подобные исследования были проведены не спорадически, но на более обширном материале и с использованием методики непосредственного наблюдения и расширенного интервью.

Однако внимательные читатели могли заметить стремление автора делать *общие выводы* из конкретных наблюдений.

Мой стиль работы также отражал устойчивое стремление навести порядок в мыслях. Я не горбился весь день над бумагами. Тогда у меня сложилась привычка совершать длительные «рабочие прогулки». Бродя по лесу, по улицам, я до конца обдумываю собранный материал и работы, которые готовлю к публикации. Во время таких прогулок у меня в кармане всегда есть блокнот для записей и карандаш, периодически я останавливаюсь и записываю то, что пришло в голову*.

Тогда же я привык работать над исследованиями на стадии формулирования, сочинения текста не на рабочем месте, а дома или еще где-нибудь, чтобы мне не мешали сосредоточиться. Большинство моих коллег еще ходили в институт каждый день, я же довольно много времени проводил дома, за письменным столом. У меня, как у всех людей подобных профессий, стали в это время складываться ритуалы для стимуляции работы: обряд приготовления и питья кофе, слушание музыки во время работы, прогулки, перемежающиеся с сидением за столом, и тому подобное. Моему сыну Габору было тогда 3–4 года. Я часто отводил его в детский сад (обратный путь уже считался «рабочей прогулкой»). Габор, а за ним и младший сын, Андриш, быстро приучились не беспокоить меня, когда я работаю дома. Иногда, конечно, трудно было решить, сколько времени провести с детьми, а сколько потратить на работу**. Насколько я помню, дилемма никогда не обострялась до конфликта, хотя у детей или у Тери это могло отложиться в памяти иначе.

Исследовательская работа приносила мне огромную радость. Меня интересовали и занимали беседы и интервью, я с удовольствием работал над записями, мне нравился сам процесс письма. А минуты озарений, когда я чувствовал, как что-то понимаю, открываю, относятся к счастливейшим мгновениям моей жизни. Наконец я обрел свое место.

Основные положения диссертации

На подготовку первого чернового варианта книги ушло меньше года. Летом 1956 г. я подал ее на защиту в качестве кандидатской диссертации, с учетом советов коллег, но, в целом, не изменив содержания; затем, после внесения незначительных поправок, в сентябре 1956 г. отдал книгу в печать в Издательство экономической и юридической литературы, где она и вышла под названием

---

* Много позже на одной из таких прогулок за мной с подозрением увязался какой-то прохожий, не понимавший, что я записываю, и гневно рявкнул на меня: «Вы на угонщиков работаете — для них, небось, номера записываете?»

** Как и для многих других родителей, для меня остались незабываемыми минуты вечерней сказки. Когда мальчики немного подросли, мы вместе стали читать «Винни-Пуха...», «Алису...» и разные смешные истории Фридеша Каринти. Не будет преувеличением сказать, что эти ранние литературные впечатления и совместные дурачества стали основой для формирования у моих сыновей чувства юмора, которое сохранилось у них и во взрослом состоянии.

«Сверхцентрализация управления экономикой» («A gazdasági vezetés túlzott központosítása»). В дальнейшем я использую для ссылок на книгу ее сокращенное название: «Сверхцентрализация».

Сейчас, спустя чуть ли не полвека, я снова взял ее в руки и прочел с приятным чувством. Есть в ней пассажи, отражающие мою тогдашнюю политическую наивность, но под всем остальным готов подписаться и сегодня, причем не без авторской гордости*. (Читатель увидит: не каждую свою работу я удостаиваю подобными словами.)

В *Предисловии* я четко изложил свою программу: «В десятках учебников и университетских изданий уже описали наши методы планирования, систему ценообразования и начисления заработной платы и т.д. Однако у всех есть один серьезный недостаток: в этих трудах рассказывается не о том, как работает этот хозяйственный механизм в *реальности*, а о том, как бы он работал, если бы работал по мысли авторов. Для венгерской экономической литературы связное описание того, как в реальности действует механизм нашей экономики, представляется *новой, до сих пор не осуществленной* задачей»[38].

Книга начинается с описания системы директивного планирования. Наблюдатель мог бы подумать, будто плановая экономика нужна в первую очередь для того, чтобы думать на много лет вперед. Однако об этом нет и речи. Более того, годовой план не до конца серьезно воспринимается даже на самом предприятии, главным образом, потому, что с ним не связаны стимулирующие факторы. (Уже тогда здесь возник круг вопросов, связанных со стимулами, — через несколько десятков лет эта проблема стала одной из важнейших тем экономической науки.) Перебои с поставками сырья и полуфабрикатов, непредсказуемое изменение спроса и регулярные поправки, вносимые в план развития народного хозяйства, создают постоянное ощущение неопределенности и тем самым подрывают надежность годовых плановых показателей. По-настоящему влияет на производство квартальный план, но предприятие не разрабатывает его, а получает от вышестоящего органа — от управления всей данной отраслью. Таким образом, никакой самостоятельности предприятие не имеет, как бы часто об этом ни говорили. Квартальный план тоже невозможно выполнить в точности, он приходит в противоречие с постоянно меняющимися условиями. Если же никто не будет строго требовать его выполнения — теряется авторитет плана. «Подобное противоречие нельзя разрешить никаким регулированием (ни чрезмерно строгим, ни «либеральным»), ведь корни его куда глубже — в противоречиях самой нашей системы планирования»[39]. (Подобные утверждения как раз и вызывали гнев у защитников командной экономики. Как сейчас слышу сердитый выкрик, прозвучавший в одном из споров: «И так тебе плохо, и эдак! Чего же ты хочешь?»)

---

* Не только автор готов это сделать. Через тридцать пять лет после публикации Издательство экономической и юридической литературы, где она вышла впервые, выпустило книгу повторно с новым предисловием. Та же судьба ждала и английское издание — спустя более трех десятилетий его переиздали в Oxford University Press.

Важнейшим показателем считалась «стоимость производства». Любой работник на производстве быстро начинал понимать, что стоимость производства можно повысить не только с помощью нормальных, здоровых средств, но и путем ловких махинаций. Например, нужно так составить ассортимент производства, чтобы в нем было как можно больше дорогой, материалоемкой продукции. (И здесь «Сверхцентрализация» подняла вопрос, над которым по сию пору бьется теория и практика стимулирования. К какому бы количественному показателю ни были привязаны награда и наказание, значение этого показателя может быть изменено и произвольным образом. Если тот, кто устанавливает стимулы, вводит какую-либо стратегию, стимулируемые моментально вырабатывают действенную контрстратегию.)

Книга подробно анализирует различные плановые цифры, демонстрируя на 55 страницах от статьи к статье, насколько непоследовательна система плановых показателей и какое количество нежелательных побочных эффектов она порождает.

Отдельная глава посвящена стимулам, выплатам, премиям, моральным поощрениям и их положительному и отрицательному воздействию. Она также касается роли административного контроля и наказаний (дисциплинарных взысканий, судов, тюремных заключений и пр.). «Чем менее система полагается на материальную заинтересованность (и чем меньше она может рассчитывать на людской энтузиазм) — тем больше она нуждается в средствах принуждения»[40]. Непоследовательная система сама провоцирует хозяйственного руководителя на нарушение невыполнимых правил, даже если в случае разоблачения его за это накажут.

Сорок лет спустя одним из главных тезисов моего сборника работ о социалистической системе стало то, что половинчатое реформирование, «ослабление» социализма подрывает его способность к функционированию. Социалистической системы без репрессий не бывает. Перечитывая теперь свою первую книгу, наткнулся на то, что предшествовало появлению этой мысли. «Сверхцентрализация» приводит в качестве следствия «нового курса» тот факт, что высшие органы намного реже стали прибегать к административным мерам в целях укрепления дисциплины. «Но делать это начали в тот момент, когда дефицит подобных средств еще не был заменен более всесторонним и серьезным материальным стимулированием. Старый экономический механизм продолжал работать и дальше без изменений — при том, что такая машина не работает просто так, без «смазки», под которой понимаются широкомасштабные административные меры. В их отсутствие колесики механизма начинают скрипеть, стопориться. Подобное *половинчатое* состояние было одной из причин тогдашней неразберихи»[41].

Совокупность распоряжений и стимулов порождает *закономерности*. «Сверхцентрализация» выделяет среди них следующие:

1. Внимание руководства ориентировано на количество. С одной стороны, это выгодно, ведь в росте объема производства заинтересовано все общество,

а с другой — убыточно, так как способствует одностороннему развитию исключительно количественного подхода.

2. Складывается неверная «очередность по степени важности». Сокращение расходов или техническое развитие, например, отходят на задний план, ведь ни распоряжения, ни стимулы этому не способствуют.

3. Фетишизация «ста процентов». Если план воспринимают всерьез, то выполнение его менее чем на 100% означает нарушение приказа. Желание любой ценой выжать из предприятия не достающий до 100% результат приводит к странным, зачастую даже вредным последствиям.

4. «Спекуляции планового хозяйствования» — так я назвал уловки, при помощи которых руководитель предприятия, сохраняя букву закона и распоряжений, «вытягивает» необходимый производственно-расходный результат, способный обеспечить ему премию и признание. Добиваясь этого, он зачастую не берет в расчет реальные интересы народного хозяйства.

5. Борьба между ослаблением и ужесточением плана. В этой связи в «Сверхцентрализации» приводится описание и анализ явления, названного позднее в венгерских дискуссиях «плановой сделкой», у западных советологов оно фигурирует как «эффект храпового механизма» (ratchet-effect)*. Если предприятие существенно перевыполняет план ради получения большей премии или награды, этот результат и будет запланирован на будущее. Прежние 105 или 110% обязательно запишут на следующий год как 100%. Поэтому предприятие заинтересовано в том, чтобы придерживать производство и не допускать выполнения плана больше чем на 100–102%. В процессе предварительного обсуждения плана пытаются даже занизить мощности, преувеличить ожидаемые трудности, чтобы, таким образом, получить план полегче.

6. Периодическая неравномерность производства. Производство развивалось неравномерно, толчками. «Ударная работа», «авралы» чередовались с периодами безделья. Вырисовывается очевидная зависимость между календарным ритмом планов и колебаниями производства. По мере приближения конца планового периода выполнение плана, а с ним — и премия, могли оказаться под угрозой, и, следовательно, нарастала гонка**.

7. Конфликт между «вчера» и «сегодня» — одна из центральных проблем экономической науки, главным образом, в отношении сегодняшнего потребления и ориентированных на завтра инвестиций и экономии. В «Сверхцентрализации» показан еще один аспект данного конфликта: энергия и внимание хозяйственных руководителей сконцентрированы на выполнении краткосрочных планов, при этом игнорируются долгосрочные задания (техническое развитие, внедрение новых видов продукции, модернизация трудового процесса и т.д.), которые готовят почву для роста эффективности производства в будущем.

---

* Ratchet — специальная шестерня, которая крутится только вперед.

** Первым проанализировал неравномерность производства и дал объяснение ее причин Андраш Броди (Bródy András) (1956). Мне представлялись убедительными и поучительными не только окончательные выводы его работы, но и методы исследования.

Данные закономерности называются в книге «неизбежными тенденциями». «Такие тенденции не исчезают по одному только желанию; разъяснение может лишь ослабить их, но не устранить. Чтобы от них избавиться, необходимо изменить сами методы ведения хозяйства, формы планирования и стимулирования»[42].

Сравним данный подход с тем, как трактовался вопрос «о законах планового, пропорционального развития» в тогдашней литературе, шедшей по сталинским следам. Автор подобного рода исследований стремился бы к плановому и пропорциональному развитию хозяйства. Это *нормативное* требование он называл «законом», в то время как данное понятие закреплено исключительно за *позитивной* наукой. Наука может называть законом только то, что реализуется *в действительности*. Закономерности, «неизбежные тенденции», описанные в «Сверхцентрализации», *действительно* имели место — тем самым опровергая тезис о том, что «плановое, пропорциональное развитие» является законом.

Отдельная глава в книге была посвящена кругу проблем, который впоследствии стал центральной темой моих работ: *дефициту*. Поскольку я анализировал производство, на передний план выдвинулось явление дефицита материалов. Я уже тогда отчетливо ощущал последствия дефицита: он снижает эффективность, подчиняет пользователя производителю. «Сверхцентрализация» показала, какая тесная связь существует между дефицитом и централизацией: дефицит усиливает стремление к централизации, которая, в свою очередь, вызывает дефицит*.

Я уже тогда хотел понять, почему в социалистическом хозяйстве постоянно присутствует дефицит. Часть причин описана в «Сверхцентрализации». Для углубления причинного анализа требовались обширные исследования.

Следующая глава книги идет дальше по пути обобщения выводов и заключений. Предприятие испытывает влияние с двух сторон: горизонтальные связи соединяют его с другими предприятиями, а вертикальные — с высшим руководством. Социалистическое плановое хозяйство характеризуют доминирующие вертикальные связи, влияние же горизонтальных связей незначительно. Насколько мне удалось установить, подобное разделение было впервые использовано в данной работе — и широко применялось впоследствии.

Завершающая глава начинается с краткого обобщения основной мысли исследования, пронизывающей все содержание книги. Цитирую: «Сверхцентрализация: взаимосвязанный, цельный механизм, у которого есть собственная внутренняя логика, множество внутренних тенденций, своя “закономерность”...»[43]. Все это, однако, не означает, что механизм гармоничен.

---

* В «Сверхцентрализации» всего одна цитата из Маркса, связанная как раз с проблемой дефицита. Маркс очень редко отмечал, как должна вести хозяйство социалистическая система. Во втором томе «Капитала» можно найти короткое замечание об этом (1978 [1885], II том, с. 426). Маркс дает полезный совет: в социалистическом хозяйстве должно быть «постоянное относительное перепроизводство» — таким образом (т.е. с помощью роста ресурсов вместе с производством) можно защититься от колебаний производства.

Напротив, он таит в себе глубокие противоречия. Он пытается упорядочить все, хотя это и невозможно, и стремится централизовать все, но реализовать свои стремления не может.

Здесь в моих воззрениях уже явно появляется то, что я позднее назвал «парадигмой системы». Недостаточно понять части — целое больше суммы частей. Соответственно, недостаточно модифицировать одну отдельную составляющую — незначительные изменения в деталях не заменят всесторонних перемен.

В последней главе я пытался прояснить корни сверхцентрализации, но работу провел лишь наполовину. Тогда я еще не понимал, на какую глубину уходят эти корни — до самой политической структуры и отношений собственности. Однако в моей аргументации есть один заслуживающий внимания раздел, озаглавленный «Страх перед любым проявлением спонтанности»[44]. Эти несколько абзацев изрядно возмутили правоверных марксистов-ленинистов.

В заключение «Сверхцентрализация» демонстрирует провал проводимых до тех пор слабых попыток реформирования и обращает внимание на консервативные силы, стоящие на пути реформ. До самого конца книга остается в русле позитивного описания и анализа, а не рекомендаций относительно реформ. Лишь финальные строки дают читателю некоторую надежду, обещая, что работа, направленная на демонтаж излишней централизации, наверняка не останется без результата.

Пролистывая в течение нескольких недель статьи, которые я писал в «Сабад неп», и «Сверхцентрализацию», я поразился изменению стиля. В книге я обрел себя. Прежнее ликование и громкие призывы к трудовым свершениям сменил объективный и беспристрастный стиль. Большую часть двухсотстраничной книги составляют конкретные *факты*.

Посыл книги выдает не только то, что можно прочесть в тексте, но и то, чего в нем *нет*. В ней используется «нейтральный», профессиональный язык и совершенно отсутствует марксистский жаргон политэкономии. В то время в дискурсе, посвященном хозяйственному механизму, экономист, принадлежавший к партии реформаторов, не говорил, что «необходимо дать больше пространства для рынка», но утверждал, что «следует свободнее реализовывать закон стоимости». Годы спустя в Советском Союзе Канторович и его соратники — математики и экономисты — еще говорили даже о математически установленных параметрах, о так называемых оттенках линеарного программирования в терминах марксистского жаргона.

При передаче мыслей огромное значение имеет язык. Во время написания «Сверхцентрализации» и работы над последующими публикациями я не занимался открытой критикой марксистской теории. При этом я совершенно сознательно стремился избежать языка марксизма, и понимающий читатель быстро и явно это увидел. (Было ли данное стремление *сознательным*, понятно из приведенного ранее разбора моего отхода от марксизма и неопубликованного исследования, которое является дополнением к «Сверхцентрализации».) Я хотел продемонстрировать и объяснить читателю, что содержательные ут-

верждения об экономике можно делать только в том случае, если мы напрочь откажемся от понятийного аппарата марксизма, расставляющего нам интеллектуальные ловушки. В венгерской экономической литературе попадались последователи подобных устремлений. Однако в большинстве социалистических стран, да и у нас в Венгрии, почти во всех общественно-научных дисциплинах еще долгое время доминировал марксистский понятийный аппарат, тормозя освобождение мысли.

Первая реакция на книгу

Первые читатели диссертации, коллеги-экономисты и близкие друзья, с энтузиазмом ее хвалили. Подобная реакция стала для меня неожиданностью — я на нее не рассчитывал. Я начал научную карьеру без особой уверенности, и положительные отклики придали мне новые силы.

В институтских дискуссиях я тоже услышал много одобрительных замечаний. Как это водится в Будапеште, из уст в уста быстро распространилась новость о необычной диссертации как о «политическом деликатесе».

По венгерским правилам кандидатскую диссертацию надо защищать в ходе публичных дебатов. Научная квалификационная комиссия, орган, уполномоченный выдавать научные степени, назначает оппонента и комиссию, которая после защиты дает свою оценку: соответствует ли претендент научному званию.

На защиту обычно приходят 20–30 человек — родственники, друзья диссертанта и узкий круг специалистов по данной теме. Защита «Сверхцентрализации» 24 сентября 1956 г. собрала большую толпу[45]. Может, память и приукрашивает, но пришли, кажется, человек двести, а то и больше.

Председательствовал Дёрдь Петер. Цитирую его слова[46]: «Когда-то я учил физику, и нам говорили, что настоящая наука в физике начинается с Галилея. Все, что было до него, — лишь спекуляции и выдумки. Галилей был первым, кто принял в физике часы, систему мер и весов и измерил предметы. По сути, с этого и начинается история точных наук. Именно об этом мне напомнила в данной диссертации объективная дисциплинированность, честный, свободный от всяких внутренних чувств, способ обращения с материалом. Вот это — так, а это — так; автор рассматривает явления под микроскопом, препарирует их и описывает то, что видит». Сравнение с достижениями Галилея было, конечно, тысячекратным преувеличением, но оно отчетливо проясняет, почему Петер воспринимал «Сверхцентрализацию» как поворотную точку в сравнении с привычными в социалистическом мире экономическими исследованиями. Вместо пустых разговоров в вакууме работа предлагала объективные наблюдения за реальностью, измеряла явления и точно их описывала.

Одним из оппонентов был Миклош Айтаи, государственный секретарь при Министерстве легкой промышленности. Он выразил активное согласие с диссертацией и поддержал ее. (Позднее, при Кадаре, он занял очень высокий пост, став заместителем председателя Госплана. Когда на «Сверхцентрализацию»

начались резкие нападки, я несколько раз просил его напечатать свой оппонентский отзыв в качестве рецензии, но он отклонил мою просьбу.)

Мнение второго оппонента, Марии Аугустинович, тоже оказалось положительным[47]. Она критиковала работу за недостаток теоретического анализа и неиспользование абстрактного метода. Когда пришла моя очередь отвечать на замечания оппонентов, я раздраженно возразил на ее слова. Я не сомневался в важности абстракции или «чистой теории» для объяснения сложных взаимосвязей реальности, но Густи, как уже тогда все звали Марию Аугустинович, потребовала этого от меня не в том месте и в неподходящий момент. Тогда как раз возникла острая необходимость отказаться от пустого теоретизирования, которое подражало стилю мышления Маркса.

Из зала тоже прозвучало много интересных ремарок. Самое пристальное внимание привлекло замечание Петера Манди — его потом чаще всего цитировали в ругательных статьях[48]. Я давно был знаком с Манди, он какое-то время работал в партийном центре, в отделе под руководством Иштвана Фришша. Его замечание сводилось к тому, что в своей диссертации я недостаточно далеко пошел в своих выводах. Источник проблем следует искать не только в конкретном хозяйственном механизме. «Если система плохая, — сказал Манди, — не отдельные ошибки надо вычищать, а основательно менять всю систему».

Не знаю, что тогда Манди понимал под «системой». Уверен в одном: сегодняшним взглядом я именно так все и вижу: проводя причинный анализ проблем, «Сверхцентрализация» остановилась в критической точке. В работе было верно установлено, что причинами неудач стали командно-плановое хозяйство, крайняя степень централизации, исключение из координации рынка. Но глубже она не идет, не признает того, что главную роль в дисфункции экономики играют политическое давление, идеологическая монополия и государственная собственность, вытесняющая частного собственника. Манди, вероятно, понял это уже тогда — у меня процесс занял больше времени. Я тогда еще верил в возможности реформирования социалистической экономики. *Наивный реформатор* — так я охарактеризовал позднее в одной из работ собственное мировоззрение на тот момент.

Я до такой степени верил в возможность перемен, что весной 1956 г. согласился возглавить группу, которая должна была обобщить для партии и правительства рекомендации по реформам, выработанные в институте. Несколько штатных и внештатных сотрудников получили возможность под моим руководством работать над рекомендациями. Моими помощниками стали Андраш Надь, Петер Бод, Аранка Редеи. В августе мы положили на стол материал на 120 страниц с предложениями по введению в Венгрии «рыночного социализма», сформулированными тщательно, в строгом ключе, со множеством конкретных деталей[49]. Предложения скромно касались только легкой промышленности, но содержание носило более всесторонний характер. Данный проект можно рассматривать как первый общий набросок программы реформ 1968 г., по внедрению «нового хозяйственного механизма». Источниками интеллек-

туального вдохновения для рекомендаций стали статьи Дёрдя Петера и моя «Сверхцентрализация».

Рекомендации по реформам стали объектом серьезной и объективной дискуссии в стенах института с привлечением внешних экспертов. И мою книгу, и институтские рекомендации по проведению реформ внимательно прочел и откомментировал Иштван Варга, в прошлом — ведущий политик-экономист Партии мелких хозяев, получивший в 1957 г. приглашение от правительства Кадара возглавить Комитет экономических реформ. С такой же тщательностью обе работы изучил Тамаш Надь, бывший тогда моим консультантом по аспирантуре и институтским начальником — позднее партия назначила его секретарем комиссии по подготовке реформ 1968 г. Многие из тех, кто тогда читал мою книгу и летние рекомендации по проведению реформ, стали впоследствии членами комитета Варги в 1957 г. и комитета, который в 60-е годы возглавил Тамаш Надь. Уверен, что мои мысли в то время оказали на них сильное и устойчивое влияние. Оно сохранилось и в дальнейшем, когда я уже давно перерос состояние наивного реформатора и сомневался: стоит ли и можно ли останавливаться на частичном реформировании социализма.

Меня разыскали коллеги с предыдущего места работы, из газеты «Сабад неп», и попросили изложить основные идеи диссертации и рекомендаций по проведению реформ в форме статьи. В качестве неожиданной награды и по случайному стечению обстоятельств моя статья вышла в номере за 14 октября, в день, когда Имре Надя вновь приняли в партию[50].

Я начал карьеру в Институте экономики с понижения, в ранге ассистента. Теперь же мой начальник, Иштван Фришш, публично подчеркнул исключительную ценность моей работы, выдвинул меня на должность научного сотрудника, повысил мне зарплату и выписал премию. Не прошло и полутора лет, как меня выгнали из «Сабад неп», а моя карьера снова пошла вверх.

Политический фон

Если бы все описанное происходило, скажем, в Америке, на Массачусетской авеню в Кембридже, в Гарварде или в Массачусетском технологическом институте, можно было бы просто сказать, что Корнаи сменил профессию: сначала работал журналистом, потом обратился к научной работе, и все у него теперь хорошо.

Да только все это происходило в Восточной Европе, в Будапеште. И начинал я не обычным выпускником в тихом университетском городке, который в тишине библиотек приступает к изучению узкой научной проблемы, предложенной профессором. Если прежде на первом плане оставалась история начала моей собственной научной карьеры, пришла пора обрисовать и политический фон, на котором это все происходило.

Когда я попал в институт, Ракоши и его клика бразды управления государством еще держали в своих руках, в полной уверенности, что их власть укрепилась

заново. Восемь месяцев спустя в жизнь коммунистических стран ворвался вихрь, поднятый XX съездом КПСС. Именно тогда Никита Хрущёв произнес свою знаменитую речь о прегрешениях Сталина. Венгерская политическая жизнь вдруг снова забурлила. В Кружке Петёфи — клубе радикальной интеллигенции встревоженные интеллектуалы то и дело затевали дебаты, сопровождавшиеся все более острой критикой и обвинениями. Раздались поначалу тихие, а затем все более громкие призывы вернуться к политике «нового курса», сместить Ракоши с поста, а Имре Надя вернуть в партию и политическое руководство.

Влияние моих работ в Венгрии могло усилиться потому, что они появились именно в *этой* политической атмосфере. Я не питал иллюзий относительно того, что всю массу народа, пришедшую на защиту моей диссертации, привлекла исключительно *научная* ценность работы. Многие пришли из-за слухов, будто я в своей книге жестко критикую существующие условия. Это было 24 сентября, и всего месяц отделял нас от начала революции. На небе собирались грозовые тучи, приближалась «очистительная буря», к которой призывал на том самом бунтарском собрании в «Сабад неп» Тибор Мераи.

Все это объясняет, почему репортажи о моей защите появились в *газетах*. Ежедневная пресса ни в Венгрии, ни в других странах никогда не сообщает о защите докторских или кандидатских диссертаций. Защита моей диссертации вызвала такой отклик, потому что это было не просто профессиональное академическое мероприятие, но и политическое событие.

Нет автора, которому бы не польстило такое пристальное и неожиданное внимание. Я тоже радовался, но и был в смятении. Чтобы описать собственную реакцию, придется вернуться назад во времени и рассказать, что я тогда думал об отношениях между профессиональной исследовательской деятельностью и участием в политической и общественной жизни.

Когда было решено, что я стану сотрудником одного из институтов Венгерской академии наук, я принял твердое решение посвятить все силы науке. Я и прежде не считал настоящим призванием журналистику; по ощущениям, с 1945 по 1955 г. я занимался *политикой*. Выбор между местом функционера в молодежном движении и одного из редакторов в центральной партийной газете в рамках политической карьеры был уже вторичным. Теперь же я хотел покончить с политической карьерой раз и навсегда. Меня влекли в науку не только интеллектуальный интерес, не только надежда полнее раскрыть свои способности. Негативная мотивация была не менее важной: подальше от политики!

Я был разочарован в политике, испытывал к ней отвращение, чувствовал себя обманутым — все это уже описано в конце главы 3. Следует добавить еще один важный момент. Предыдущее десятилетие стало для меня серьезным экзаменом, и я понимал, что завалил его. Для обмана нужны двое: не только тот, кто обманывает, но и тот, кто позволяет себя одурачить. Мой сын Андраш, будучи подростком, спросил у меня в разговоре о начале 1950-х годов: «Папа, ты же умный человек. Как ты мог быть таким дураком?»

В первых главах этой книги я стремился достоверно рассказать и детально объяснить, как происходил данный процесс. Бывают объяснения, а бывают попытки оправдаться. Увы, вопрос, заданный Андрашем, справедлив, как бы он ни упрощал суть дела.

Человек, который желает стать успешным политиком, должен обладать определенными характеристиками. Недостаточно обладать умственными способностями, необходимыми и для многих других занятий. Кроме прочего, политик должен по-настоящему *верить* в то, чем он занимается и к чему призывает людей, и сообщать эту веру другим. До определенного момента я был способен верить, но тогда, в 1955-м, решил, что больше верить не буду. Я хотел все подвергать сомнению, а это с успехом в политике совместить невозможно.

Успешным политиком движет жажда власти. У меня данная мотивация была слабой даже в период работы в политической сфере. Будучи свидетелем преступлений, на которые были способны люди, опьяненные властью, я окончательно решил никогда больше не стремиться к ней и отвергать любой пост, на котором меня может ждать искушение властью.

Не достигнет высот политик, лишеный хотя бы капли беспощадности и наглости. Для политики нужна толстая кожа, способность переваривать оскорбления и реагировать без раздражения, но руководствуясь сознательным политическим расчетом. Политическая идея, партия, служение движению в системе ценностей политика стоят выше семьи, дружбы, искусства или радости от общения с природой. Я никогда не обладал душевным складом политика. Если бы я хотел охарактеризовать самого себя, то все мои черты представили бы прямую противоположность перечисленным свойствам политика. И уподобляться такому образу я не хотел.

Я также не имел желания каким-то образом сочетать роли политика и исследователя. Я боялся (и справедливо), что в равной степени выполнять обе эти роли невозможно. И не только потому, что это обострило бы борьбу обеих функций за мое время и энергию, а мне пришлось бы постоянно находиться в состоянии внутренней борьбы. Кроме того, обе функции влияли бы на мое сознание. Человек не может быть пристрастным политиком до обеда и беспристрастным исследователем после. Невозможно безусловно верить в собственную правоту по четным числам, а по нечетным — сомневаться в своем же анализе.

Я решил выбрать науку. Не стану утверждать, будто с этого момента каждую минуту отдавался ей на все сто процентов. Кто может вечно сохранять постоянство? Могу только сказать, что, с небольшими исключениями, в течение последующих пятидесяти лет я оставался верен своему выбору.

Оставалась, конечно, открытой серьезная проблема: где проходит граница между двумя сферами? Мне и в голову не приходило выбрать абсолютно аполитичную сферу деятельности в мире науки. В рамках экономической науки тоже есть направления, которые носят исключительно методологический, технический характер и ценятся очень высоко. Меня же они особенно не инте-

ресовали. Я в первую очередь стремился понять и изучить то, что происходило вокруг. Меня волновал вопрос, в чем беда социалистической системы. Я ни на секунду не думал, будто уход в науку освобождает меня от ответственности перед страной и людьми. Я хотел развивать науку, которая была чему-то привержена.

И снова возникает вопрос, где, в моем случае, провести грань между «политикой» и «наукой». Хотя я был твердо уверен в своем основном выборе (наука, а не политика), никакого четкого представления о разграничении у меня заранее не было. Вскоре я понял, что между ними нет четкой линии, подобно границе между государствами на карте. Два эти мира разделены широкой полосой ничейной земли. Я пытался (и до сих пор пытаюсь) наощупь, часто совершая ошибки, решить, чем я буду заниматься, а от чего откажусь.

Есть у меня несколько ориентиров для определения этой границы. Любому, кто хочет войти в науку, надо публиковать результаты своих изысканий. Я тогда еще понятия не имел, насколько карьера и публикации связаны между собой в западной академической жизни. Мне даже в голову не приходило, что своими работами я могу обеспечить себе профессорскую кафедру. Однако из истории науки я хорошо знал, что труды, оставшиеся в письменном столе, могут порой привести в изумление одного-двух ученых последующих поколений, но влияния особого не имеют. Если же я работаю в стране, где нет свободы слова, а возможность легально публиковаться ограничена политическими рамками, надо быть реалистом и учитывать эти обстоятельства. Позже я подробно остановлюсь на этом исключительно важном вопросе (публиковать легально или нелегально), но здесь мне придется о нем говорить, так как непростая дилемма встала передо мной уже в то время.

Когда я закончил обширное исследование, ставшее ответом на труд Петера Кенде и выразившее мои взгляды относительно марксизма, Миклош Гимеш прочел его, с одобрением отозвался о содержании и предложил размножить и распространить. Я отказался от предложения, боясь подвергнуть риску легальную публикацию диссертации. Для меня данная работа о марксизме служила лишь одной цели: прояснить собственные взгляды. Главное — навести порядок в собственной голове, пока я пишу диссертацию, чтобы я мог последовательно взвешивать: что я знаю и могу включить в нее, а что знаю, но добавлять не буду. Что-то так и осталось невысказанным, и это вынужденное молчание причиняло мне сильную боль. Те несколько десятков, может быть, сотен людей, которые могли бы прочесть исследование, распространенное подпольно, оказались лишены стимулирующих идей. Однако и книга, вышедшая легально, дошла до тысяч читателей в Венгрии и за ее пределами и оказала существенное влияние.

На заседаниях Кружка Петёфи я испытывал серьезный интеллектуальный и политический подъем и посещал их регулярно, за исключением, может быть, одного раза. Но выступил я там всего лишь раз: не мог удержаться, чтобы не задать вопрос в экономическом споре. Хотя я написал уже много работ по об-

суждавшимся вопросам, лекции по ним читать не пытался. Как *слушателя* атмосфера этих собраний притягивала меня, словно магнит, но в качестве потенциального *лектора* я тогда чувствовал, что это не вполне мой «жанр». Встречи представляли собой своеобразную комбинацию экспертных дебатов и политических собраний. Ораторам порой приходилось прибегать не только к объективной аргументации, но и к инструментам массовой психологии. Я осознавал, насколько важна роль дебатов Кружка Петёфи в продвижении идеи о необходимости перемен. Трезво оценивая собственные силы, я понимал: это не моя аудитория. Мне очень нравились сессии вопросов и ответов после университетских лекций — они вполне отвечают роли преподавателя; достаточно быть профессионально и интеллектуально подготовленным. На собрании политического толка надо вызвать у слушателей отклик, прилив энтузиазма или гнева по отношению к оппоненту — я в себе таких способностей не ощущал.

Или одно, или другое — в то время вопрос для меня стоял настолько остро. Для одних подобный выбор был слишком бескомпромиссным, другие приняли его с пониманием и тактом. Какой бы ни была реакция, я решил, что хочу посвятить себя науке целиком, а не наполовину.

6

РЕВОЛЮЦИЯ — И ТО, ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ — 23 октября 1956 г. – 1959

Октябрьская революция не стала для меня полной неожиданностью. Двое из моих друзей, Миклош Гимеш и Петер Кенде, — как мне кажется, независимо друг от друга, исходя из различных проявлений — заявили, что политическое напряжение растет и народное недовольство, скорее всего, в какой-то форме прорвется осенью. В сентябре, октябре чувствовалось, как ускоряется темп событий. Но когда и каким образом конкретно произойдет этот взрыв, никто не знал — я уж точно понятия не имел.

Имре Надь и его новая правительственная программа

23 октября после победы в беседе с Ференцем Донатом речь зашла о предстоящем совещании у Золтана Ваша. Ференц Донат, уважаемый старый коммунист, в период раздела земли занимал пост госсекретаря в Министерстве сельского хозяйства под руководством Имре Надя. Позднее он возглавил секретариат Матяша Ракоши. Когда началась подготовка к суду над Яношем Кадаром, Донат был арестован и провел несколько лет в тюрьме. В 1954 г. его выпустили и определили в наш институт заместителем Иштвана Фришша. Доната считали одним из лидеров «правого крыла», сложившегося в то время. Я испытывал к нему уважение, и он ценил меня. Позднее, когда Ференц Донат попал в тюрьму уже при Кадаре, а затем вышел на свободу, мы стали друзьями.

Золтан Ваш, на совещание к которому мы собирались, тоже был из старых коммунистов и отсидел более 15 лет в сегедской тюрьме «Чиллаг» вместе с Матяшем Ракоши. В 1945 г. он прославился как легендарный мэр Будапешта. По прихоти Ракоши его то назначали на высокие посты, то понижали в должности: в ходе своей карьеры Ваш был председателем Высшего экономического совета, затем возглавлял Госплан (тогда я с ним и познакомился). В 1956 г. он выполнял обязанности председателя Национального совета кооперативов.

На тот момент Золтан Ваш поддерживал группу Имре Надя. Пока мы беседовали у него в кабинете, телефон звонил не переставая. Ваш принимал сооб-

щения о том, сколько народу собралось на площади Бема и как они двигаются к Техническому университету. По соображениям Доната, можно было наверняка рассчитывать на то, что Имре Надь снова станет премьер-министром. Надо было подготовить речь, которую он затем произнесет в парламенте с целью обозначить свою программу, и договориться, кто напишет первый вариант. Для написания экономической части программы кто-то (думаю, Тамаш Надь) порекомендовал мою кандидатуру. Бела Чикош-Надь с охотой вызвался выполнить это поручение. Донат, однако, предпочел меня. Имре Карцаг, ранее занимавший пост госсекретаря по делам промышленности, передал мне материалы по своим предложениям. Юлия Зала, доверенная помощница Дёрдя Петера, предложила мне свою помощь, если понадобятся какие-то данные, и посоветовала прийти работать над проектом в Центральное статистическое управление. Дёрдь Петер был за границей, я мог сесть в его кабинете и пользоваться услугами его секретариата. Я согласился выполнить это задание[51].

В тот день никто еще не знал, чем станет 23 октября 1956 г. но и я, и все, кто был на совещании, чувствовали, что переживаем исключительные, исторические часы. В это драматическое время я оставил свое решение заниматься наукой, а не политикой.

На совещании шли длительные споры о содержании программы. Поздно вечером, придя домой, я по телефону узнал от друзей о том, что произошло, включая события у Дома Радио, где сотрудники АВО стреляли в безоружных демонстрантов. Утром следующего дня я пришел в Центральное статистическое управление, сел за стол Дёрдя Петера и начал работать над проектом речи.

Текст, который я тогда составил, к сожалению, утерян. После 4 ноября я попросил сестру, Лилли, спрятать его, так как боялся, что дома может быть обыск и текст найдут. Все было нормально, но спустя некоторое время я попросил Лилли и маму пустить к себе на несколько дней Миклоша Гимеша. Через день после того как Гимеш покинул мамину квартиру, его арестовали. Теперь уже Лилли, с полным основанием, боялась, что к ним придут с обыском, и сожгла мои бумаги вместе с планом правительственной программы, подготовленным в октябре, поэтому для реконструкции ее содержания мне придется положиться на собственную память.

Когда я знаю, что хочу сказать, то пишу легко и быстро. Этот же текст пришлось несколько раз — уже не знаю сколько — начинать заново. За два-три дня сложился примерный черновой вариант. Мне было поручено выработать *экономическую* программу и предложить социальные и политические методы ее осуществления. Изложение планов партийной, правовой или внешней политики в мои задачи не входило.

Отдельные аспекты экономической политики, которые надо было отразить в проекте, мы предварительно обговорили на встрече у Золтана Ваша 23 октября, но я думал, будто располагаю достаточной свободой, чтобы на данном этапе изложить все, что считаю правильным. Имре Надь и его непосредственные соратники все равно потом просмотрят мои записи и решат, что оставить, а что изменить.

Если бы проект был принят, премьер-министр объявил бы о намерении после необходимых приготовлений демонтировать систему командного планирования и вместо нее развивать рыночную экономику. В связи с этим рабочие получили бы право вмешиваться в решения по управлению предприятиями, устанавливая тем самым демократию непосредственно на производстве. (На второй-третий день моей работы над документом уже поступили новости о формировании рабочих советов, что укрепило мое решение внести в программу организацию рабочего самоуправления в какой-либо форме.)

Проект поддерживал мелких кустарей и представителей малой частной торговли и призывал их вернуться к предпринимательству, однако в программе не фигурирует идея о том, что предприятия, находящиеся в государственной собственности, должны быть переданы в частные руки. Напротив, подчеркивается, что государственную собственность следует защищать.

В сельском хозяйстве разрешался организованный роспуск насильно образованных кооперативов и восстановление частной собственности крестьян там, где этого хотят члены кооператива. Одновременно предлагалась помощь тем кооперативам, которые решат остаться вместе.

Программа предусматривала выстраивание широких внешнеэкономических связей во всех направлениях, но воздерживалась от вывода Венгрии из СЭВ и полной либерализации внешней торговли.

В проекте шла речь о напряженности в макроэкономической сфере и подчеркивалась необходимость сохранить достигнутый уровень жизни, хотя дальнейших быстрых улучшений он не обещал*.

Написанный мной проект был прямым продолжением «нового курса» 1953 г. с учетом изменений в конкретной экономической ситуации. За рамки прежней программы выходили идеи «рыночного социализма» и «демократии на производстве». В июньских планах 1953 г. таких пунктов еще не было. Очевидно, что я продвигал эти идеи, так как исследования, проведенные за последние 10–12 месяцев и написание рекомендаций по проведению реформ, получивших положительную оценку специалистов, развивали мои мысли именно в этом направлении.

Вернемся к моей истории с 1954 г. Если бы Имре Надь обратился к парламенту в октябре 1954 г., спустя несколько недель после (временной) победы на заседании Центрального руководства, мой проект был бы удобной отправной точкой для формирования программы, которая, на самом деле, была рассчитана на Имре Надя — настолько она вписывалась в рамки его радикально-коммунистических воззрений.

---

* На предварительном совещании 23 октября по этому вопросу разгорелся спор. Одни хотели подготовить для Имре Надя как можно более популярную программу. Другие подчеркивали: можно давать только реальные, выполнимые обещания. Уже тогда возникла дилемма, которая и сегодня продолжает озадачивать и разделять политиков. Я был и остаюсь сторонником трезвых и ответственных обещаний.

Но в октябре 1954 г. история не остановила свой ход. То, что началось теперь, после 23 октября 1956 г., оставило эти рамки далеко позади. В течение первых двух дней сохранение однопартийной системы в реформированном и «демократизированном» варианте еще казалось возможным. Вскоре выяснилось, однако, что события развиваются куда быстрее. Началось формирование коалиционного правительства, первоначально при поддержке старых партнёров по коалиции 1945 г. За несколько дней возродилось более двадцати партий, политическая картина стала двигаться в сторону плюрализма. На третий-четвертый день у меня сложилось впечатление, будто написанный мною проект потерял политическую актуальность, но я не был готов к разработке экономической программы для коалиционного правительства.

Задним числом невозможно предположить, какой была бы экономическая программа *тогдашнего* коалиционного правительства Имре Надя, если бы ситуация стабилизировалась достаточно для ее обнародования. 3 ноября 1956 г. — за день до интервенции советских войск — Геза Лошонци провел пресс-конференцию, где, отвечая на один из вопросов, сказал: «Правительство единодушно в своем стремлении придерживаться положительных достижений прошедших двенадцати лет: мы не откажемся ни от земельной реформы, ни от национализации фабрик и заводов, ни от достижений в социальной сфере... Правительство единогласно в своем решении ни при каких обстоятельствах не допустить восстановления в Венгрии капитализма»[52]. Мои собственные мучения по поводу написания экономической программы правительства закончились за несколько поистине судьбоносных дней до упомянутой пресс-конференции Лошонци. Должен признать, у меня были большие сомнения относительно политического будущего страны. Я не исключал даже и такую возможность, что ход событий может радикально перескочить стадию социалистических реформ и в Венгрии установится экономическая система западного образца.

Меня многое беспокоило: накаляющиеся страсти, доходившие до меня новости о проявлениях экстремизма. В то же время я не испытывал антипатии к направлению, в котором шли события, с точки зрения политики или мировоззрения. Я, наоборот, радовался, думая, что Венгрия движется в сторону настоящей демократии, но не располагал данными, которые могли послужить базой для работы по подготовке программы, соответствующей новым политическим реалиям. Я осознавал: Ференц Донат, Золтан Ваш или Тамаш Надь напрасно видят во мне знающего экономиста — на деле я слишком мало знаю о том, как перейти от однопартийной системы к многопартийной и от социалистической системы — к настоящей рыночной экономике и капитализму*.

---

* Тридцать три года спустя ситуация совершенно изменилась: на базе обширного материала и сформировавшихся представлений мне уже было что сказать по этим вопросам. В период написания «Страстного памфлета» (венгерский вариант книги «Путь к свободной экономике») в 1989 г. я мог сформулировать, что надо делать, и передать эти представления тем, кто сможет — если пожелает — претворить их в жизнь.

После мучительных попыток в течение нескольких дней я принял окончательное решение прекратить написание программы, о чем и сообщил Донату, который с пониманием отнесся к моему решению. Я через секретаршу передал ему составленный текст. Полагаю, и эта копия была утеряна.

Отказ от этой работы вызвал у меня чувство горечи — это был профессиональный и политический провал. Вокруг меня бушевали вихри истории, а я, со всем своим однобоким и узкоспециальным научным багажом, беспомощно сидел среди бумаг, не готовый к новой ситуации.

«Мадьяр сабадшаг»

После дней, проведенных за письменным столом или надиктовыванием текста милым и любезным секретаршам из конторы Петера, хотелось выбраться на улицу и посмотреть, что творится в городе. Утром 29 октября я зашел к Петеру Кенде, жившему по соседству, и мы направились к Палу Лёчеи. Я и сейчас помню момент веселого замешательства, когда он принял нас в розовой ночной рубашке. Лёчеи быстро оделся, и теперь мы уже втроем двинулись в сторону пересечения Большого кольца и улицы Ракоци.

Я читал воспоминания Кенде о том дне*. Если брать фактическую канву событий, наши воспоминания совпадают. В дополнение могу рассказать то, о чем известно мне одному: какие у меня были тогда мысли и ощущения.

Сначала мы пошли во дворец «Нью-Йорк», офисное здание, где до революции была редакция газеты «Мадьяр немзет» («Венгерский народ»). Там встретились с Дюлой Обершовски, который к тому моменту уже несколько дней редактировал новую газету — «Игазшаг» («Правда»). (Режим Кадара приговорил Обершовски к смертной казни, и только под давлением активных протестов ему сохранили жизнь.) Он с энтузиазмом рассказывал, как его газета стремится стать рупором для тех, кто взял в руки оружие, забыв страх перед смертью, и призвал нас принять участие в работе. В разговоре участвовали Пали и Петер, а я молчал. В душе я признавал храбрость восставших, восхищался ею и понимал, что именно их действия повлияли на ход событий. Но что это за люди? Я не был знаком ни с одним из них. Были ли они сознательными борцами за благородные идеи? Или это молодые искатели приключений, чьи глаза загорелись, как только к ним в руки попали винтовки? Кто дал им оружие? Радует ли меня гром выстрелов? Нельзя ли было перейти к демократии бескровным путем? Ясно было одно: я не ощущал ни морального, ни политического права или склонности становиться рупором восставших. У меня не было никакого мнения насчет вооруженного восстания, победа революции радовала меня. Но я был растерян и не мог сориентироваться в том, что происходит, и понять, какие силы пришли в движение.

---

* Кенде рассказал о своих воспоминаниях в интервью, данном Архиву устной истории (Oral History Archives — интервью ОНА № 84, взято 5–20 сентября 1987 г., с. 358, 359, 372). Шандор Ревес подробно рассказывает о создании «Венгерской свободы» в своей книге о Миклоше Гимеше (1999, с. 317–322).

Мы по-дружески расстались с Обершовски и его компанией и перешли в редакцию газеты «Сабад неп», где я не был уже больше двух лет. На тот момент мы втроем договорились, что не будем присоединяться ни к одной газете, а создадим собственную.

Здание редакции заняла новая политическая сила, состоявшая из разнообразных групп восставших под предводительством Йожефа Дудаша (в ходе кадаровских репрессий его приговорили к смертной казни, и приговор был немедленно приведен в исполнение). Лёчеи переговорил с ними и вернулся с новостью о том, что Дудаш и его люди не будут нам препятствовать, если мы станем издавать газету.

Тем временем пришел Миклош Гимеш и взялся за написание редакционной статьи для первого номера под заголовком «Венгерская свобода»; эти же слова («Мадьяр сабадшаг») стали и названием газеты[53]. Лёчеи и Кенде тут же принялись писать каждый по статье: Лёчеи о внутренней политике, а Кенде — о внешней. Мне, очевидно, досталось задание написать что-нибудь об экономической ситуации и способах ее разрешения.

Работая над правительственной программой, я потратил на бесплодные попытки несколько дней. Теперь я снова приступил к заданию, но сдался намного быстрее. Я не хотел увиливать от общего дела и принялся за то, чем занимался в «Сабад неп» последние недели работы: составление газеты и техническую редактуру. Думаю, я тем самым сослужил хорошую службу и запустил машину выпуска ежедневной газеты.

В тот же день появились и другие сотрудники, среди них — Габор Ленарт, Эржи Ковач, Ласло Хорват. Если правильно помню, все без исключения бывшие коллеги. Сложилась команда журналистов, обремененная общим прошлым работы в «Сабад неп», под руководством тех, кто когда-то были интеллектуальными лидерами и отважными участниками «бунта». Нас связывало общее прошлое и несколько новых общих идей: демократия, независимость, свобода. Вера в какой-то социализм, о котором было известно одно — он должен существенно отличаться от коммунистического режима под диктатурой Ракоши.

Я не мог ничего писать — меня абсолютно парализовала неопределенность политических представлений. Все эти собравшиеся в редакции умные люди, исполненные праведных намерений, определенно знали только, чего они точно не хотят. Но у них никогда не было случая основательно обсудить, что бы они хотели видеть вместо прошлого, которое подлежало уничтожению. С кем они собираются вступить в долгосрочный или тактический союз? С кем бы им не хотелось объединяться? Какие средства достижения политических целей кажутся им допустимыми, от каких средств они откажутся?

Прошел не один десяток лет, за это время я не раз был вынужден принимать непростые решения и научился сознательно оценивать собственные возможности и ограничения. Я могу вполне довериться собственной способности выносить суждения, когда они уверенно базируются на твердой интеллектуаль-

ной и моральной основе. Еще одно условие: мне необходимо время, чтобы все тщательно взвесить и подвергнуть первую непосредственную реакцию многократной критической проверке. В тот драматический день, 29 октября, в бывшей редакции «Сабад неп» ни одно условие не было выполнено. Мое прежнее коммунистическое мировоззрение рухнуло, а новое лишь начинало формироваться. В голове все было готово лишь наполовину. Как я мог делать выводы в отношении актуальной политики, исходя из незрелых посылок? У некоторых людей в такой ситуации срабатывают политические инстинкты, которые подсказывают, как действовать. Мои инстинкты молчали.

Ранее я описывал себя как *лунатика*, который в сонном состоянии уверенно вышагивает по балконным перилам или по краю крыши. Теперь я уже проснулся: последние два года и несколько дней, прошедших с 23 октября, изрядно меня встряхнули. Вместе с тем я совершенно потерял уверенность в себе.

Много лет спустя я беседовал с Ализ Халда, подругой и соратницей Миклоша Гимеша о том самом дне. Мы сравнили мысли и чувства Миклоша и то, что происходило со мной. Приведу цитату из диалога, воспроизведенного в ее книге: слова Ализ даны обычным шрифтом, а мои — курсивом:

«— *Я ни строчки не мог написать. Просто не знал, что могу посоветовать венграм в той ситуации. Тогда-то я и понял — это дело не для меня.*

— В конечном счете, это не такая уж серьезная проблема. В обществе у каждого своя роль, и вряд ли кто-то мог бы быть полезнее тебя.

— *Все не так просто. Можешь себе представить, сколько раз за эти десятилетия я об этом думал; не раз сравнивал свое поведение с самопожертвованием Миклоша. Он-то явно чувствовал в себе способность принимать решения в такой ситуации.*

— Думаю, его поступки тоже были продиктованы укорами совести.

— *Меня тоже совесть мучила. Как не мучить. Но из этого, к сожалению, не следует, будто я понял, что надо делать. Приведу пример для сравнения: если я собью кого-то на машине и рядом нет врача, сам я оперировать не буду. Оттого, что я сбил человека, хирургом я не стану*»[54].

Я не стал продолжать работу в «Мадьяр сабадшаг». В последующие дни я ходил в институт, бродил по городу, встречался с друзьями. Мой прежний «товарищ по бунту», Лайош Фехер, собрал коллег, чтобы набрать штат для новой газеты — «Непсабадшаг» («Народная свобода»). Я отказался. Иштван Фришш позвонил мне домой, уговаривая пойти на радио, чтобы там прозвучал хоть один трезвый голос. Я и на это ответил отказом. Я пытался понять, что происходит вокруг, радовался хорошим вестям, беспокоился, как бы события не приняли дурной поворот. Так мы дожили до 4 ноября. Пришли советские танки.

Тревожные дни, тревожные годы

Здесь я нарушу хронологический порядок. Те два–три года, что прошли с тех пор, были самым тревожным периодом в моей жизни, да и в жизни стольких венгров. Если бы я хотел показать ход своей жизни в кино, то сделал бы это при помощи череды сменяющихся кадров. Вот я нервничаю, готовясь идти на допрос в тюрьму на улице Дьоршкочи*. А вот за письменным столом прилежно конспектирую книгу Пола Самуэльсона «Основы экономического анализа». Сижу в коридоре больницы и с волнением ожидаю рождения нашего второго ребенка; выходит медсестра и сообщает радостную весть: родился здоровый мальчик!** Вот мы с друзьями перешептываемся в институте: партийная комиссия проводит проверку сотрудников, затем последует чистка. Минута радости: пришла корректура английского издания «Сверхцентрализации». Страшная новость: арестовали некоторых из ближайших друзей. Деловая беседа с директором одного из предприятий текстильной промышленности. И так далее — чередуются кадры страшные и успокаивающие, счастливые и горестные, поучительные и гротескные.

Но я не режиссер. Придется отказаться от желания передать настроение этой тягостной эпохи, нервные перепады собственных чувств и мыслей. Чтобы мои воспоминания могли выполнить подобную задачу, необходим *анализ*. Надо распутать все нити по отдельности. В следующей главе я рассматри-

---

* Допросы по делам, в связи с которыми меня несколько раз вызывали, проходили в помещении Министерства внутренних дел во втором районе Будапешта по адресу: улица Дьоршкочи, 31. Официально орган, проводивший следствие, назывался следственным отделом расследований Главного департамента политических расследований Штаба национальной полиции Министерства внутренних дел.

Следственный отдел располагался в огромном массиве зданий, который выходит фасадом на улицу Фё, а тыльной частью — на улицу Дьоршкочи. Здесь в камерах предварительного заключения содержали тех, кто проходил по политическим делам, включая и моих друзей, о которых я расскажу в этой главе. В этом же здании находился в заключении переправленный из Румынии Имре Надь, а позднее — и другие обвиняемые по его делу. В обычной ситуации — при консолидированных обстоятельствах — в части комплекса, выходившей на улицу Фё, работал военный суд и военная прокуратура. Одно из помещений суда было выбрано для проведения тайного процесса над Имре Надем. Для тех, кто готовил процесс, это было удобное решение. Обвиняемых не надо было перевозить в здание суда по улице на машине — их просто приводили из следственных помещений в зал суда. Это также позволяло держать все в полнейшей тайне. Именно здесь, в доме 70 по улице Фё, приговорили к смерти Имре Надя, Пала Малетера и Миклоша Гимеша.

Теперь красивая, усаженная деревьями и кустами площадь, на которую здание выходит одним из своих фасадов, носит имя Имре Надя.

«Улица Дьоршкочи» — эти слова в нашем кругу однозначно ассоциировались у нас с местом, где работала политическая полиция.

** В июне 1957 г., когда родился Андраш, все происходило совсем не так, как в 1952 г., при рождении Габора. Тогда его безумный отец думал, будто мир и редакция рухнут, или что он, по крайней мере, совершит тяжкий проступок, если передаст кому-нибудь свои обязанности на момент рождения сына и отлучится по личному делу. Теперь же все прошло так, как бывает у нормальных людей.

ваю различные измерения своей жизни, не пытаясь адекватно передать то состояние волнения, борьбы, зачастую и страха, в котором моя душа находилась, в связи с параллельно происходившими событиями.

«Сверхцентрализация» продолжает свою жизнь

Незадолго до революции я отдал рукопись книги в Издательство экономической и юридической литературы, а в первые дни вернулся и забрал рукопись. Кто знает, что может произойти? У меня сохраннее будет.

Когда после 4 ноября ситуация немного успокоилась, я снова пришел в издательство. В первом предисловии к венгерскому изданию от января 1957 г. упоминается, что рукопись была впервые сдана в издательство в октябре 1956 г., а затем говорится: «Книга эта смогла выйти только теперь. Я, естественно, заново перечитал ее, но почувствовал, что вносить изменения сейчас не стоит. Пробным камнем для работы, созданной с научной целью, становится проверка временем. За несколько месяцев наша родина пережила события масштаба десятилетий. Многие сочли нужным за несколько месяцев изменить свои позиции по основным политическим и экономическим вопросам, и, возможно, сделать это не один раз. Я же думаю так: то, что было правдой 22 октября, осталось правдой и 24-го числа, и в январе 1957 г. Вопрос только в одном: было ли это правдой *изначально*? Поскольку я уверен, что написал правду о ситуации 1955–1956 гг. (есть ли у меня основания быть уверенным в этом — установят критики), то не стал подвергать данное исследование переработке»[55].

Эти лихие слова вызвали гнев у тех, кто позднее принялся нападать на книгу. Но не будем забегать вперед и продолжим рассказ о 1957 годе. Режим возглавили Янош Кадар и Ференц Мюнних, чьи усилия были сосредоточены на том, чтобы уничтожить последние проявления восстании, успокоить бастующих рабочих и отомстить противникам. У них не хватало энергии заниматься еще и книгоизданием. На мое счастье, директор издательства, Тибор Керестеш, и редактор рукописи, Маргит Шиклош, были готовы пойти на риск и отослали книгу в печать. Несколько месяцев спустя книга появилась в магазинах и вскоре была распродана.

За пару месяцев до этого, еще в конце 1956 г., в журнале «Кёзгаздашаги семле» («Экономическое обозрение») вышел отличный обзор Жужи Эсе о защите моей диссертации[56]. Статья привлекла к исследованию внимание многих читателей. Затем, в продолжение положительных отзывов на защите, появилось несколько хвалебных статей. Позволю себе выделить рецензию Дёрдя Петера — он намеренно поместил абсолютно положительный отзыв в еженедельнике, вокруг которого снова начали группироваться сторонники Ракоши [57].

Однако времена изменились, и хвалебных слов поубавилось. Весной 1957 г. против книги начала разворачиваться целая кампания — в экономических журналах и еженедельниках, в ежедневной газете «Непсабадшаг» и университетс-

ких распечатках ее стали приводить как образец вопиющего «ревизионизма»*. Книгу обвиняли в том, что она отвергает основные принципы плановой экономики, жаждет высвободить непредсказуемые силы рынка. «Появившиеся в экономической науке ревизионистские взгляды были связаны с идеологической подготовкой контрреволюции и служили ей чем-то вроде экономического обоснования»[58], — писал о моей книге Геза Рипп. «Неправда, будто у экономической науки, если рассматривать ее серьезно, нет ничего общего с контрреволюцией... Урок состоит в том, что нельзя снисходительно относиться даже к первым росткам ревизионизма...»[59], — советовал Эндре Молнар, а затем приводил в качестве примера мою книгу. «Диссертация Корнаи прекрасно вписалась в политическую и идеологическую кампанию, ставшую интеллектуальной подоплекой контрреволюции»[60], — писал Эмил Гуяш в методичке, которую распространяли в высшей партийной школе**.

В сентябре 1957 г. я, ни о чем не подозревая, отправился на лекцию нашего директора Иштвана Фришша в Политической академии реорганизованной коммунистической партии. Во второй части лекции были перечислены экономисты-«ревизионисты». Дёрдь Петер отделался небольшим замечанием, Тамаш Надь и Петер Эрдёш получили взбучку посерьезнее. Последним шел я. Никогда не забуду того потрясения и замешательства, которые испытал в те минуты, сидя в аудитории. Мог ли я верить собственным ушам, когда услышал, как Иштван Фришш клеймит мою книгу, за которую годом ранее похвалил меня, выдал премию, предложил более высокий пост. По его словам выходило, что мое исследование можно трактовать как отрицание социалистической системы. Если Корнаи так думает, то это уже не просто антимарксистские взгляды, но отрицание марксизма вообще.

Двойственное чувство не покидало меня тогда и не оставляет теперь, когда я снова перечитываю обвинения в свой адрес. Если проанализировать смысл сказанного до конца, выходит, что те, кто нападал на меня, были правы. «Сверхцентрализация» действительно далеко вышла за рамки разбора ошибок и критики отдельных узких сегментов. Книга демонстрирует, что командная экономика плохо работает как система. «Сверхцентрализация» действительно стала частью той интеллектуальной волны, которая поставила под сомнение основы социалистической системы и тем самым идеологически подготовила революцию 23 октября. Да, автор на самом деле порвал с марксизмом. Эти обвинения я принимаю.

---

* На жаргоне коммунистической партии «ревизионистом» называли того, кто считал себя марксистом, но хотел внести изменения в то или иное положение теории Маркса. Ко мне подобный ярлык не подходил, ведь я, на тот момент, уже не хотел пересмотреть марксизм, но полностью от него отказался.

** Йожеф Реваи тоже отметился разгромной статьей об идеологах контрреволюции, где резко высказался против инертности, проявленной в интеллектуальной борьбе. Мой бывший главред нашел несколько слов, чтобы заклеймить и меня. Его статья показалась слишком радикальной даже для кадаровского руководства, поэтому в печать ее не пропустили (PIL 793, f.2/116. ő.e., c.14). Рукопись статьи подготовлена в 1957 г.

Но ведь это лишь половина истории. Вторую ее половину определяет не то, насколько аргументы и контраргументы соответствуют истине, а ситуация, в которой прозвучали обвинения. Речь здесь шла не об интеллектуальном поединке противников, обладающих равными шансами: Янош Корнаи утверждает одно, а Геза Рипп, Эндре Молнар, Эмил Гуяш и Иштван Фришш — другое. Они могли нападать свободно, я же не мог защищаться открыто и честно, приводя все свои аргументы. Шел 1957 г., одни ближайшие мои друзья сидели в тюрьме, других уволили с работы. Преследованиям подверглись все, кто встал на сторону революции. В такой ситуации обвинения в «ревизионизме», «отказе от социалистической экономики» и т.д. несли в себе серьезную угрозу. Эндре Молнар так и сказал: «...нельзя снисходительно относиться даже к первым росткам ревизионизма»[61].

О том, как угрозы стали реальностью, я расскажу позднее, а сейчас хотел бы продолжить повествование о судьбе книги. Пока в Венгрии на нее продолжались нападки, началась иная глава в жизни «Сверхцентрализации». Началось все с того, что Андраш Надь призвал молодого экономиста Иштвана Задора, который собирался эмигрировать в Англию, взять с собой подготовленную в Венгрии краткую английскую версию «Сверхцентрализации» и ознакомить с ней английских экономистов. Так и случилось. В итоге, книга дошла до Джона Хикса, профессора Оксфордского университета, одной из самых значительных фигур современной экономической науки, впоследствии лауреата Нобелевской премии. Параллельно с исследованием ознакомился Энтони де Джесеи (Антал Ясаи), английский экономист венгерского происхождения, и тоже обратил внимание Хикса на мою работу*. Хикс порекомендовал ее к публикации в одном из ведущих мировых издательств научной литературы — Oxford University Press. Спустя некоторое время мне предложили контракт.

Я, естественно, не хотел упускать такую неожиданную и фантастическую возможность. По правилам я должен был получить разрешение у директора института, Иштвана Фришша. У Иштвана Фришша были даже не две души, а несколько. Сначала он превознес меня до небес, потом сровнял с землей, а теперь дал разрешение на публикацию**. Началась работа по переводу книги.

---

* Задор покончил жизнь самоубийством, у меня так и не было случая поговорить с ним об истории книги. С профессором Ясаи мы обменялись письмами много лет спустя, но мне и сегодня точно неизвестно, действовал ли он с Задором параллельно или они были как-то связаны. Я искренне благодарен всем троим — Хиксу, Ясаи и Задору — за помощь по изданию книги на английском. Процитирую письмо профессора Ясаи от 1990 г., написанное по-английски — оно до сего дня хранится в моем личном архиве: «И речи не идет о том, что Вы мне обязаны. Тогда, в 1957 г., я предложил Вашу книгу в издательство Oxford University Press, потому что нашел ее исключительно оригинальной и заслуживающей публикации. Единственная моя заслуга состояла в том, что я читаю по-венгерски и сумел ее заметить, а Джон Хикс был готов мне поверить».

** Фришш поставил ряд условий для публикации. Он потребовал убрать оригинальное предисловие. Я хотел его сохранить, но согласился опустить задиристый пассаж, приведенный выше. Помимо этого я написал еще одно предисловие к английскому изданию, в котором говорилось, что данная работа не освещает социалистическую плановую экономку в целом, но

Мне случайно повезло: Янош, старший брат моей давней подруги по немецкой школе Марики Кнапп, профессор экономики, живший в Англии, взялся за это нелегкое задание и выполнил его исключительно добросовестно. Недавно я вновь просмотрел нашу длительную переписку, в ходе которой мы обсуждали каждый термин, каждое трудное слово. Оказалось непросто учитывать замечания переводчика, стремившегося как можно вернее передать мой текст, и одновременно брать на себя риск выхода книги за рубежом, в то время как венгерская пресса поносила ее и считала опасным контрреволюционным произведением.

Английское издание увидело свет в 1958 г.[62] и за короткое время стало настоящей сенсацией. Хвалебные статьи появились сразу в трех крупных британских газетах: «Файненшл таймс» (Financial Times), Литературном приложении к «Таймс» (Times Literary Supplement) и «Гардиан» (Guardian)[63], ведущие западные экономические журналы напечатали одобрительные рецензии. «Книга эта, безусловно, важная — ее отличают искренняя интонация, она содержит массу информации и изобилует примерами правдивого анализа»[64], — отмечалось в «Американ экономик ревью» (American Economic Review). «Мы все обязаны господину Корнаи за логически выстроенную и адекватную картину... его работа, на данном этапе, уникальна. Ни в одной из стран коммунистического мира не проводилось еще подобных исследований»[65], — утверждал рецензент лондонского журнала «Экономика» (Economica).

Годы спустя я втретился с Алеком Ноувом, Джозефом Берлинером, Дэвидом Граником, Николасом Спалбером и другими авторами рецензий, которые рассказали, какой шум поднялся тогда из-за моей книги. Все гадали, кто же это посмел возвысить свой голос из-за железного занавеса и рассказать то, о чем «Сверхцентрализация» поведала на английском языке всему миру.

Меня увольняют из института

Многие решающие события в моей жизни связаны с улицей Надор в Будапеште. До войны именно здесь была адвокатская контора отца. Как я уже упоминал, сюда же переехал Институт экономики*. В конце ноября 1956 г., на пересечении улиц Надор и Мерлег я столкнулся с молодой женщиной — секретарем районной партийной организации Венгерской социалистической рабочей партии. Мы хорошо знали друг друга — вместе проводили лето в доме отдыха. Завязался разговор. Как и у всех в те дни, речь зашла о политической ситуации. В разговоре я сообщил ей, что «перестал быть марксистом», и под-

представляет собой описание, привязанное к месту и времени, за время, прошедшее с выхода книги, уже произошли некоторые сдвиги в сторону реформ. Пришлось убрать из текста еще одну-две части, которые особенно раздражали Фришша и его компанию. Я пошел на уступки, но, в конечном итоге, возможность опубликовать книгу за границей того стоила.

* Позднее на улице Надор располагался и Госплан, в который я часто обращался для работы с математическими плановыми моделями. Здесь же я сблизился со второй женой — Жужей Даниел, которая была тогда сотрудницей Госплана.

черкнул, что объявляю об этом не тайно, а прошу принять к сведению мое заявление как секретаря районной парторганизации.

Зачем я сказал это женщине дружелюбной и расположенной ко мне? Причиной наверняка были гнев и упрямство. Мне хотелось отгородиться от тех, кто в спешке освобождался от революционных переживаний и стремился приспособиться. О своем отказе от марксизма я сообщил и многим коллегам в институте, где как раз началась партийная реорганизация. Для старых партийцев членство в партии автоматически прекращалось, а тем, кто снова хотел вступить, приходилось подавать заявление. Работу по реорганизации начали мои бывшие соседи по кабинету Петер Эрдёш и Роберт Хох. Я заявил, что не буду вступать. Слова, сказанные секретарю районной парторганизации, быстро дошли до института, и в моем листке по учету кадров раз и навсегда записали: Янош Корнаи объявил, что не является марксистом. Для Иштвана Варги, Эде Тейсса или Енё Раца отрицание марксизма не было таким уж грехом — их изначально воспринимали как буржуазных экономистов. Я же был не «язычником», а стал сначала «еретиком», а потом и «отступником». Когда-то я владел знанием, а теперь предал его. Статус «вечно беспартийного» был еще приемлем. Коммунисты даже молчание считали дружеским жестом со стороны беспартийных. Но тот, кто покинул партию, отказался от марксизма, — ренегат и предатель.

Большая часть моих коллег по институту, посомневавшись — кто-то подольше, кто-то поменьше, — решили заново вступить в партию. Многие считали важным предварительно зайти ко мне в кабинет и объяснить, почему они это делают. Ситуация сложилась абсурдная, как будто они просили разрешения или отпущения грехов.

Двое: мой друг Андраш Надь и я — оставались непреклонными и отгоняли саму мысль о вступлении в партию. Сейчас, когда я пишу мемуары, то не хочу никого судить по принципу членства в партии Кадара. Знаю — и в партии было много порядочных, честных людей, а среди беспартийных попадались те, чьи мысли и намерения были далеки от благородных. В своих воспоминаниях я сейчас рассказываю о рубеже 1956 — 1957 гг., о месте, где работали представители интеллигенции, и до 23 октября почти все сотрудники, за небольшим исключением, были членами партии. В дни революции практически все работники института выразили сочувствие переменам, никто и слова против не сказал. Затем революция была подавлена советскими танками. Идти обратно в партию *после такого* — для меня подобный поступок имел особое значение. Поспешная метаморфоза и по сей день вызывает у меня сомнения в человеческой последовательности и стойкости.

Я тогда, возможно, был слишком строг и непреклонен в своих суждениях. Многие наверняка оставались искренними приверженцами социализма. Среди них попадались те, кто благородно полагал, что, вступив обратно в партию, сможет больше сделать для благоприятного развития событий. Признаю, многие сохранили свою решимость и, будучи членами партии, бо-

ролись за реформы и развитие страны. Я, однако, не мог тогда принять подобные взгляды.

Через несколько недель после начала реставрации я получил звонок из штаба партии от Енё Фока, будущего премьер-министра. Мы познакомились ещё в его бытность министром металлургии и машиностроения. Партия решила заняться реформой хозяйственного механизма. Фок сказал, что слышал о моих исследованиях, и предложил сотрудничество. Я отказался.

Связался со мной и Иштван Варга, которого, несмотря на исключительные экономические знания и репутацию профессионала, в эпоху Ракоши отстраняли и игнорировали. Теперь правительство Кадара-Мюнниха попросило его возглавить экспертный комитет для выработки подробных рекомендаций по проведению реформ. В течение предшествовавших месяцев мы несколько раз беседовали с Варгой — я уже говорил, как тщательно он изучил мою книгу и предложения по реформам, подготовленные под моим руководством летом 1956 г. Теперь Варга пытался убедить меня принять участие в новой работе. Я отказался.

Почему я отклонял все предложения? Я отказывался от сотрудничества вовсе не потому, что *на тот момент* теория убеждала меня в невозможности реформировать социалистическую систему. Я даже не могу утверждать, что подыгрывал другой стороне. Я никогда не принимал оппозиционный принцип Макиавелли: «чем хуже, тем лучше». Если бы бюрократическая централизация немного ослабла, я воспринял бы это как благо.

Я противился этой работе не как экономист, мною руководили *политические* мотивы. Меня глубоко возмутила интервенция со стороны Советского Союза. Я чувствовал гнев и презрение к Яношу Кадару и сотоварищам, которые сначала встали на сторону революции, а потом ее предали. Проявлением дикого вероломства представлялось мне изгнание Имре Надя и его сподвижников. Несколькими страницами ранее я честно поведал, какое смятение переполняло меня в *победные* дни революции. Я не мог решить, что делать, — инстинкты тогда мне ничего не подсказали. Теперь же, после *поражения* революции, начиная с самого момента ее краха, положение совершенно изменилось. Я интуитивно знал: надо отказаться.

В конце 1957 г. партийный штаб прислал комиссию для проверки деятельности института перед началом «контрреволюции», во время ее и после. Во главе комиссии стоял Ласло Хаи, ректор Университета экономики. (Кроме прочего, он заявил: «Пока я ректор Университета экономики имени Карла Маркса, Корнаи здесь преподавать не будет».) Секретарем комиссии и ее движущей силой был Эндре Молнар. Тот самый Эндре Молнар — автор самой едкой статьи обо мне. За сценой шло перетягивание каната*. Согласно одной точке зрения, институт следовало разогнать как рассадник ревизионизма. Иштван Фришш

* Весной 1958 г. партийное руководство института настоятельно посоветовало сотрудникам, которые проявили активность в октябре 1956 г., включая Андраша Надя и меня, выступить с откровенной самокритикой на июньском собрании коллектива. Мы должны были от-

и партийная организация, прежде всего Эрдёш и Хох, боролись за спасение института. Как сегодня принято изящно выражаться в Будапеште: двоих, Андраша Надя и меня, принесли в жертву*.

Иштван Фришш посчитал неудобным сообщить нам о принятом решении лично.

Нам предоставили самим искать себе работу. Андраш был признанным специалистом в области внешней торговли и вел поиск в этом направлении. Я принялся искать работу в легкой промышленности.

С благодарностью вспоминаю коллег из этой области — Дёрдя Шика, Миклоша Шимана, Шандора Фюлёпа, Дёрдя Шиллера и многих других, кто помогал мне устроиться. Я получил не просто место, где мог зарабатывать деньги, но такую должность, на которой я мог «украдкой» продолжать свои научные изыскания сначала в Плановом бюро легкой промышленности, а затем — в НИИ текстильной промышленности.

Институт экономики облегчил мне задачу. Я знаю много случаев, когда прежние работодатели преследовали уволенных сотрудников и делали все возможное, чтобы усложнить поиск нового подходящего места работы. Не знаю, какие телефонные переговоры велись за моей спиной, но у меня создалось впечатление, что здесь Иштван Фришш показал себя с одной из многочисленных своих сторон, на этот раз — с благоприятной. Хотя он и был готов принести нас в жертву — правда, не по своей инициативе, а по предложению Хаи и Молнара, — но в то же время хотел помочь нам продолжить карьеру в экономике.

15 сентября 1958 г. я с тяжёлым сердцем покинул институт. Началась новая жизнь. Формально я был сотрудником вышеуказанных учреждений, но на практике был волен распоряжаться своим временем. Часть работы я выполнял

речься от «контрреволюции», от Имре Надя и заявить о своей лояльности новому руководству под предводительством Кадара и верности идеям марксизма-ленинизма.

Собрание проходило 23 июня 1958 г. — спустя всего несколько дней после публичного оглашения приговора по делу Имре Надя. Большинство наших коллег довольно далеко зашли в отрицании своих прежних взглядов и критике собственных поступков. Мы же с Андрашем не вняли настойчивым предупреждениям. Мы оба решили: раз уж наши благожелательные коллеги так настаивают на публичном раскаянии — признаем свои «заблуждения» в связи с политически нерелевантными экономическими вопросами. В своем выступлении я произнес несколько общих фраз о важности централизованного планирования и управления экономикой и о том, что в своей работе недостаточно это подчеркнул — однако политической самокритикой, осуждением октябрьской революции и Имре Надя я заниматься не стал, равно как и заявлять о своей политической и идеологической лояльности. Похоже выступил и Андраш. Такое поведение (некоторые из оставшихся в институте коллег характеризовали его потом как «упрямство») тоже сыграло свою роль, когда именно нас уволили из института.

* Тамаш Надь в своих воспоминаниях так характеризует партийное расследование: «Институт объявили рассадником заразы и выгнали из него кучу народу. Фришш таки пытался пристроить уволенных на какую-то приемлемую работу — и это, по-моему, говорит в его пользу — но защитить их так и не защитил» (ОНА, интервью № 26, с. 133. записано в 1986 г.). В журнале «Кёзгаздашаги семле» («Экономическое обозрение») вышла статья о партийном расследовании в институте. Вместо полного имени под ней стояли только инициалы — И.К.

в здании Министерства легкой промышленности (напротив мрачного комплекса зданий по улице Дьоршкочи, где держали в заключении моих друзей и куда меня периодически вызывали на допросы). Я много времени проводил дома. Рабочие дискуссии чаще проходили не в кабинетах, а в кафе «Грешам» или «Жербо».

Я уже тогда понимал: у меня нет причин жалеть себя или ждать жалости от других. Да, за моей спиной не стояли Венгерская академия наук и институт с их престижем, я был предоставлен сам себе. Но рядом были друзья, готовые поддержать и протянуть руку помощи.

На свободе, но под страхом тюрьмы

6 декабря 1956 г. на маминой квартире я встретился с Ализ Халда, отважной подругой Миклоша Гимеша. За два дня до этого Миклош провел ночь здесь, у моей мамы, а прошлой ночью уже спал в другом месте. Теперь выяснилось, что его арестовали, и тут я впервые почувствовал, как тюрьма отбросила на меня свою тень. С той поры я часто просыпался ночью от какого-нибудь шума, выбегал на кухню, чтобы посмотреть в окно: не стоит ли на улице авто, в котором меня увезут. Выше я уже говорил, что в период правления Ракоши я не боялся ареста. Не боялся, потому что — как писал ранее — был лунатиком, который смело выходит на перила балкона и не боится сорваться вниз. Теперь я боялся.

Несмотря на все свои страхи, из страны я не уехал. После поражения революции железный занавес немного приподнялся. Границу можно было пересечь с куда меньшим риском, чем раньше. Двести — двести пятьдесят тысяч человек покинули Венгрию; решение об отъезде приняли многие мои друзья, среди них и самый близкий — Петер Кенде. Мы тогда не могли знать, доведется ли нам встретиться. Будет ли у меня возможность выехать, а у него — вернуться на родину? Мы с женой решили остаться. В одной из последующих глав я подробнее расскажу о дилемме «эмигрировать или остаться».

Период, обозначенный в названии главы, оканчивается 1959 годом. Такая периодизация не имеет отношения к венгерской истории, но отражает исключительно окончание определенного этапа моей личной жизни. Оглядываясь назад, могу сказать, что постоянные угрозы со стороны полиции и серия мучительных допросов прекратились в 1959 г.

С Шандором Фекете, одним из возмутителей спокойствия в редакции «Сабад неп», мы не раз обсуждали, кто и как стал бы себя вести, если бы его задержали и начали выбивать признание*. Шандор уверенно заявил, что не

* Одна из таких бесед происходила дома у Фекете. Как теперь выяснилось из полицейских документов, его квартиру тогда уже прослушивали. (БВТL 0-10986/1, сс. 187–196. Отчет о прослушивании квартиры Шандора Фекете. Дата: 4 июля 1958 г.) Я пришел к нему 4 июля 1958 г. Речь, как обычно, шла о многом: от высоких тем (мученическая смерть Джордано Бруно и других еретиков, будущее Китая) до предметов менее возвышенных (какая забывчивая в семье Корнаи домработница, новый указ о начислении платы за квартиру). Люди из полиции, кото-

стал бы ни в чем признаваться. Я засомневался в его словах (и не зря — как мы увидим позднее). Я со своими взглядами определился значительно раньше, после бесед с теми, кто прошел застенки Ракоши и Габора Петера; много читал о том, как выбивали признания в Венгрии, Югославии, Советском Союзе. Вывод был один: никто не может сопротивляться бесконечно. Момент капитуляции зависит от физической и моральной силы того, кто подвергается пыткам. Если допрашивающий готов идти в пытках достаточно далеко, наступает стадия, когда жертва согласна уже на что угодно*. У меня был хронический вывих плеча, и каждый раз это причиняло мне невыносимые страдании, пока плечо не вправляли. Есть у меня мучительная привычка прокручивать в воображении дурные вещи, которые — вполне вероятно — могут произойти. Я представлял себе, что стану делать, если мне намеренно вывихнут плечо и сообщат, что не вправят, пока...

Я решил, что буду так строить свою политическую деятельность, чтобы не попасть в руки мучителей. Реставрация коммунизма проходила в тени советских танков. Кто мог знать заранее, к каким средствам прибегнут в ходе новых репрессий, какие из методов ЧК, НКВД или АВО позаимствует политическая полиция Кадара. Я страшился пыток, но ничуть не меньше боялся того, что, если меня начнут пытать и я не выдержу, смогу предать не только себя, но и других. Я хотел уберечь себя от подобного унижения, когда решил отказаться от нелегальной деятельности. Одной из причин такого решения было трезвое и горькое осознание собственных рамок.

Стоит привести здесь историю моего собеседника, Шандора Фекете. Он участвовал во многих смелых нелегальных мероприятиях. Был арестован. Пытки к нему не применяли, но угрожали виселицей. Фекете в ужасе признал не только свои деяния, но и рассказал все, что знал о друзьях и товарищах**. (Ранее я уже ссылался на признание Фекете относительно меня, и еще вернусь к нему.)

рые вели прослушку и обрабатывали материал, не могли как следует отследить наш разговор в той части, где у нас возник спор, у кого сколько моральных сил достанет на то, чтобы противостоять мучениям. Читая 46 лет спустя текст отчета, полный многоточий и вопросительных знаков, я испытал противоречивые чувства. Хотелось от души посмеяться над невежеством и неотесанностью сотрудников полиции, если бы по прошествии стольких лет я по-прежнему не испытывал отвращения к тираническому контролю над мыслью и подлому вмешательству в личные разговоры.

* Джордж Оруэлл (2004 [1949], с.270–271, 277) наглядно иллюстрирует эту мысль с помощью машины для пыток, снабженной квантитативной шкалой. Достаточно потянуть вверх одну ручку, и боль усилится. Один заключенный отличается от другого лишь тем, что согласится признать любое ложное обвинение или предать возлюбленного/возлюбленную на отметке 40 или 90. В те дни, незадолго до ареста Фекете, я как раз дал ему почитать книгу Оруэлла (БВТL V-145-288/ документ 2, с.326. Дата: 18 декабря 1958 г. Добровольное признание Шандора Фекете, пункт 6).

** Процитирую Дёрдя Литвана, который в дискуссии за круглым столом в 1981 г. так охарактеризовал поведение Шандора Фекете: «...ему показали — он признался в этом доверительно — фотографию Гимеша, висящего на виселице. Подобными средствами они стремились на него повлиять. Он тогда дошел до точки, в которой увидел, что отрицанием только усугубит

Таким образом, я принял твердое решение, но понять, где проходит граница между легальным и нелегальным, было невозможно. Даже в правовом государстве установленные законом границы не всегда однозначны, не говоря уже о коммунистической автократии. В такой ситуации закон, зафиксированный на бумаге, оставляет широкое пространство для его трактовки судами и правоохранительными органами при классификации противоправных действий. Мое решение заниматься исключительно законной деятельностью уменьшало риск ареста и суда, но полностью такой возможности не исключало*.

Кроме того, я не был совсем уж последователен в своем решении. Я порой по неосторожности, забыв об опасности, а порой и сознательно нарушал границу законности, давая повод призвать меня к ответственности «по закону». К любопытным моментам моей истории относится тот факт, что иногда (как оказалось впоследствии) к возможным судебным разбирательствам меня подталкивали именно те события, в ходе которых я, *соблюдая* вышеозначенное решение, отказывался принять участие в незаконных акциях.

Меня несколько раз допрашивали — вскоре это стало уже привычным делом. На самом деле, ощущение было кошмарное, и привыкнуть я к нему не мог. Если я правильно помню, каждый раз мне присылали повестку, что давало мне возможность в какой-то степени подготовиться**. В повестке никогда не указывали, по какому делу вызывают. Я пытался максимально сконцентрироваться и понять, о чем может пойти речь. В воображении я заранее проигрывал возможные варианты диалога: как я буду отвечать на потенциальный вопрос. Иногда точку опоры давало то, что кого-то из друзей или близких знакомых уже допрашивали до меня — тогда я мог предположить, что будет на повестке дня. Эта часть подготовки к мысленному поединку между следователем и допрашиваемым, по сути дела, является интеллектуальной задачей. Причем, непростой. Не единожды я поражался тому, что следователь точно знал, что именно я собираюсь от него скрыть. Сначала он выслушивал мои показания — частично ложные, частично соответствовавшие истине, и *после этого* сообщал, какой информацией располагает.

Однако истинная тяжесть ситуации заключалась не в информационной и интеллектуальной дуэли между допрашивающим и допрашиваемым. Настоящая дилемма носила *моральный* характер. Те, кто находился на свободе,

---

свою участь. Фекете действительно сознался во всем, но правда и то, что никто из-за него не сел, в этом, конечно, не только его заслуга — просто на тот момент эти дела хотели закрыть...». (Круглый стол вели Жолт Чалог, Дюла Козак и Миклош Сабо; стенограмма хранится в Архивах устной истории — ОНА 1981, интервью № 800, с. 953).

* Будапештский анекдот 1957 г.: двое беседуют о друзьях, которых недавно осудили. «Понимаю, за что «А» дали восемь лет, но «Б»-то за что четыре года получил, он ведь не делал ничего?» — «Этого я тоже не понимаю. За ничего обычно два года дают».

** Как-то я был сильно болен и отлеживался дома. Неожиданно ко мне заявился офицер полиции и принялся расспрашивать, сидя прямо у постели. Помню, с каким облегчением я вздохнул, когда посетитель ушел, а в дверях появилась наша милейшая домработница Магди с чашкой кофе.

пытались договориться между собой, как мы будем обращаться с той или иной информацией. Соглашение включало в себя и тех, кого впоследствии арестовывали. (Наши усилия не раз оказывались напрасными — кто-то из арестованных или бывших на свободе нарушал соглашение). Проблема становилась невыносимо серьезной, когда мы не знали, какой урон наносят себе и другим своими признаниями те, кого допрашивают. Если человека вызывали на допрос пока в качестве свидетеля и он отказывался в чем-либо признаваться, его почти наверняка не выпускали. Если он хотел выйти на свободу, надо было хоть что-нибудь сказать. Но что? Об этом мы заранее не договаривались. У нас не было никакого «морального кодекса» для допросов.

Я попытался выработать систему моральных запретов и правил для себя. Решил: не буду упрямым свидетелем, который отказывается говорить; готов сказать то, что, по моим предположениям, уже известно следователю; выдавать буду только те факты, которые, по моим предположениям, не могут повредить арестованному. Не уверен, что мне всегда удавалось до конца придерживаться собственных правил в игре в кошки-мышки между следователем и допрашиваемым. В любом случае, не помню, чтобы я их нарушил. Я знаю, мои правила не являются постулатами высокого героизма. Не стану представлять себя политическим героем, который собственную защиту превращает в обличительную речь. Я лишь старался, насколько возможно, придерживаться элементарных требований человеческой порядочности, которые сам для себя установил.

Остановлюсь на нескольких конкретных историях, следуя хронологии событий, по поводу которых меня вызывали на допросы, а не календарному распорядку самих допросов.

К делу Пала Лёчеи относились события 29 октября — создание газеты «Мадьяр сабадшаг». (Вот как раз пример того, о чем я говорил. Я отказался писать для газеты и после одной ночи работы ушел из редакции, что не помешало полиции вызвать меня по этому делу.)

В деле Лёчеи некоторые из нас попытались договориться, какой текст будем произносить в полиции, пообщались с адвокатом (думаю, напрасно). Меня вызвали свидетелем не только на следствие, но и на судебные слушания[66]. После освобождения Лёчеи речь у нас не раз заходила о допросах. В день моего 75-летия в кругу самых близких друзей Пал Лёчеи произнес теплые слова, которые глубоко тронули и успокоили меня морально. Он вспомнил мое выступление в суде, дрожащий голос и искаженное страхом лицо, на котором читалось: «Только бы Палу не навредить». Как выяснилось теперь из его рассказа: тогда, когда он одиноко сидел на скамье подсудимых, больше всего его воодушевило то, что, выходя из зала суда, я ободряюще и с дружеской любовью посмотрел в его сторону.

В первой половине ноября Миклош Гимеш пригласил меня и многих бывших журналистов в свой кабинет в издательстве «Корвина» и предложил продолжить сопротивление, издавая и распространяя нелегальный журнал или

газету. Я отказался в этом участвовать. Помимо внутреннего запрета, о котором я уже писал, в данном случае причиной отказа было и то, что я не видел смысла в этом предприятии. Революция пала под ударами грубой солдатской силы, власть коммунистов была восстановлена. Кого можно призвать на свою сторону с помощью размноженного в кустарных условиях листка? Как мне представлялось, возможный политический эффект не оправдывал подобного риска.

Был ли я прав? До сего дня не уверен в ответе. Если просчитать соотношение «риск–польза», то правда была на моей стороне. Но ведь это не единственно возможный подход. Наличие в венгерской нации таких героев, как Миклош, способных идти навстречу любой опасности, в исторической перспективе имеет огромное моральное значение. Газета «23 октября» все-таки вышла, самим своим появлением доказав, что режим не смог до конца сломить революционный дух.

16 апреля 1957 г. во время допроса на улице Дьоршкочи меня начали расспрашивать, кто принимал участие в том собрании в издательстве «Корвина»[67]. Я начал уворачиваться, говорить, что не помню. На это следователь принялся зачитывать показания от 10 апреля уже арестованного на тот момент П.П., который во всех деталях и в соответствии с фактами описал наше собрание[68]. Я был поражен и решил про себя, что ничего другого не остается, как подтвердить список участников, данный П.П.

Офицер, проводивший допрос, также попросил меня подтвердить, что на встрече в «Корвине» Миклош Гимеш предложил издавать нелегальную газету. Привожу отрывок из протокола допроса:

«*Вопрос:* Какие вопросы задавал Гимеш во время беседы?

Ответ: Этого я уже не помню, мы затрагивали в разговоре много разных тем.

Вопрос: По имеющимся у нас данным, Гимеш конкретно поставил вопрос о том, что начинает издавать нелегальную газету. Процитирую вам соответствующий отрывок из признания П.П. Гимеш сказал, что запускает нелегальную газету, которую собирается печатать на множительном аппарате, и выходить она будет регулярно. Нам нужны ваши показания по этому поводу.

Ответ: Этого я не помню и ничего в связи с газетой сказать не могу, так как заявил, что не хочу принимать участия в активной политической деятельности. Ничего другого сказать не могу»[69].

Думаю, мой допрос с точки зрения следствия был событием незначительным. В «списке преступлений» Гимеша было уже не очень важно, кто присутствовал в издательстве «Корвина» на ноябрьской встрече. Если что-то и было важно, так это непосредственно выход газеты — этот факт Гимеш потом признал сам, в результате ужасающего давления во время следствия*.

---

* Шандор Ревес подробно описывает в своей книге (1999), какое страшное давление оказывалось на Миклоша Гимеша с момента его ареста до судебного заседания, на котором ему был вынесен смертный приговор.

Допрос меня глубоко потряс. Я впервые столкнулся с тем, как арестованный человек, в данном случае, П.П., дает показания против своих же арестованных товарищей и бывших соратников, находящихся на свободе. 47 лет спустя, собирая материалы для автобиографии, я прочел ряд документов из досье П.П.; мне стало ясно, что он практически сразу после ареста дал подробные, «исчерпывающие» показания против многих людей[70].

Встреча в издательстве «Корвина» — второй случай, когда я отказался от участия в какой-либо акции, но и это не спасло меня от вызова на улицу Дьоршкочи.

Дело Шандора Фекете, с моей точки зрения, оказалось совсем другим. Оно стало примером того, что я не был последователен в своем отказе от участия в конспиративных, нелегальных предприятиях.

На рубеже 1956–1957 гг. Фекете под псевдонимом «Хунгарикус» написал исследование, в котором попытался дать оценку революции, рассмотреть ее причины, ход, успехи и провалы[71]. Он показал работу нескольким друзьям, включая и меня. Позднее, при даче показаний в полиции, он точно воспроизвел все, что я сказал ему в доверительной беседе: по моему мнению, работа была «слишком марксистской», как я уже упоминал в предыдущей главе.

Возвращаясь к судьбе «Хунгарикуса», я был готов, несмотря на мировоззренческие и политические сомнения относительно содержания работы, помочь нелегально передать ее на Запад для публикации. Я познакомил Фекете с Йоргосом Василиу, сыном ведущего кипрского коммуниста греческого происхождения*. Йоргос, умный и славный юноша, был аспирантом Иштвана Фришша и в этом качестве заходил в институт, где подружился с Андрашем Надем и со мной. Он часто приходил к нам. Йоргос — совершенно легально — собирался ехать во Францию и в Англию и согласился взять с собой текст Фекете, а там — передать Кенде и Ференцу Фейтё, легендарному историку и публицисту, жившему в Париже**. Не я попросил его об этом одолжении, но знать — знал. Как выяснилось потом из показаний Йоргоса в полиции, для Фейтё и его группы было важно, чтобы Йоргос сослался и на меня. Это помогло убедить парижан, что речь не идет о провокации. Работа появилась на ведущих французских интеллектуальных форумах и вызвала сенсацию[72]. Мы договорились, что Йоргос даст мне тайный знак, когда работа дойдет до адресата.

Полиция стала угрожать Йоргосу[73]. Он был членом партии, и за этот случай его исключили. Вскоре после этого он окончательно покинул Венгрию.

---

* Андраш Б. Хегедюш взял у него интервью в 1991 г., которое вышло книгой на венгерском языке. Там имя передано как Георгиос. Мы, венгерские друзья, звали его Йоргос. Сейчас, вспоминая события, я называю его так же.

** До эмиграции Ференц Фейтё вместе с Йожефом Аттилой был одним из редакторов журнала «Сеп со» (Szep szó). Во Франции он завоевал авторитет как самый известный специалист по Восточной Европе. Когда я писал эти строки, Фейтё праздновал с друзьями свой 95-й день рождения.

Три десятилетия спустя, в 1988 г., Йоргос Василиу стал Президентом Республики Кипр*.

Но вернемся в 1958–1959 гг., на улицу Дьоршкочи. Выяснилось — и после признательных показаний Фекете и Василиу бесполезно было отрицать, — что я поддерживал связь с Петером Кенде[74] и знал о тайной переправке «Хунгарикуса». Таким образом, можно было очевидно доказать, что я «пренебрег своей обязанностью сообщить об этом в органы»**.

Содействие публикации «Хунгарикуса» явно заставило меня нарушить собственное решение не заниматься политической деятельностью и не принимать участие в незаконных действиях. Не могу внятно объяснить, что меня подтолкнуло к этому. Наверное, трудно было все время говорить «нет» на каждый призыв, когда я был так опутан дружескими связями. Ранее, соблюдая мною же наложенный запрет, я неоднократно отвергал предложения *самых близких* друзей, когда те звали меня поучаствовать в политических акциях. Шандор Фекете был моим другом, хотя и не таким близким, как Кенде, Лёчеи или Гимеш. Когда возникла идея о пересылке «Хунгарикуса», Кенде был уже в Париже, а Лёчеи и Гимеш — в тюрьме. Я, наверное, боялся, что, отказавшись посодействовать в этом деле, потеряю дружбу Фекете, единственного, кто еще оставался рядом из когда-то тесной дружеской компании.

Но эту дружбу я и так потерял.

Дружба и солидарность

Мне казалось очень важным проявить солидарность с теми, кто стал объектом преследования кадаровского режима. Помню, как жаловались люди, освободившиеся из застенков Ракоши, на то, что прежние друзья покинули их и их родственников.

Близким и любимым другом был мне Шандор Новобацки, один из бунтарей в «Сабад неп». Перед началом революции он написал знаменитую статью в «Литературную газету» — «Иродалми уйшаг», о которой много говорили. В ней шла речь о коммунистическом чванстве с использованием сталинских слов: «Мы, коммунисты, особенные люди...»[76]. Издевательскую фразу власти ему простить не могли. Когда Шандора забрали, я и представить себе не мог, что стало причиной ареста. Хотел разыскать Лайоша Фехера, нашего общего друга, с которым не раз собирались на квартире у Новобацки, когда готови-

---

* Президент Венгерской Республики Арпад Гёнц в 1990 г. был на приеме в Японии, когда рядом с ним кто-то на беглом венгерском, но с небольшим акцентом, произнес: «А я — тоже венгерский президент». Это был Йоргос, который тогда еще выполнял обязанности Президента Кипра.

** Все это было добавлено в мой «послужной список» — с ним сверялись каждый раз, когда моё имя возникало в том или ином контексте. «Был в курсе переправки контрреволюционного издания «Хунгарикус» на Запад. В 1957 г. поддерживал связь с участником контрреволюционной группировки, перебежавшей на запад. 9 февраля 1959 г. получил полицейское предупреждение».

лись к тому мятежному собранию. Прежде Фехер был одним из близких соратников Имре Надя, а теперь принадлежал к ближнему кругу Яноша Кадара. Я, в своей наивности, собирался просить его посодействовать освобождению Шандора. Кабинет Фехера находился в здании парламента. Я добрался до его секретарши, ее я знал еще по редакции и заранее сообщил по телефону, зачем разыскиваю ее начальника. Лайош Фехер передал через нее, что принять меня не готов и не хочет ничего предпринимать в отношении дела Новобацки.

Мы со многими другими друзьями регулярно собирали деньги для родственников арестованных[77]. Мне казалось, что это «не выходит» за пределы установленных мною рамок, я считал подобную деятельность не «политической», но «гуманитарной». Я не мог праздно смотреть, как нуждаются родственники моих друзей. В некоторых случаях речь шла не просто о «родственниках друзей», ведь Гизи Лёчеи или Эву Новобацки я считал «полноправными» друзьями. Кроме того, собирая деньги, мы чувствовали, что выполняем моральный долг и что надо помогать также женам и детям тех заключенных, с которыми мы не знакомы.

И снова моя идея — а именно, будто «гуманитарная» деятельность может оставаться вне политики, оказалась иллюзией. Когда шло следствие по делу Мереи–Литвана–Фекете, власти любое собирание средств считали частью политического заговора. Полагаю, коммунисты могли помнить о «Красной помощи» в поддержку родственников заключенных — членов коммунистической партии, находившейся тогда на нелегальном положении. Это было своеобразное «массовое движение», с помощью которого изолированные от мира партийцы могли завязать контакты с широкими кругами сочувствующих. Они могли подумать, будто нынешняя работа по сбору денег была таким же средством для прикрытия. Им даже в голову не приходило, что людьми могут двигать не только политические устремления, но еще человечность и солидарность с теми, кто попал в беду.

Эта история печальна, но есть еще одна — как принято у нас говорить, обхохочешься. Пока вокруг бушевала волна арестов, мы пытались сохранить хорошее настроение и в конце 1957 г. решили основательно подготовиться к встрече Нового года. Вечеринку на 10–20 человек проводили на квартире у Петера Ханака. Мы с Петером были главными организаторами вечера. Почти все представили тщательно отрепектированные номера кабаре. А самый удачный номер помню до сих пор. Шандор Фекете и Дёрдь Литван вытащили рубашки из штанов, перевязались поясами и натянули фуражки — получились настоящие русские мужики. Дело происходило в Сибири. Литвана будто бы сослали туда уже давно, а Фекете только что приехал и рассказывает по очереди, кто чем занят дома, в Будапеште: один отчаянный революционер только что вступил в партию, другого посадили и так далее. Сценка была встречена громким хохотом и оказалась — хотя и не во всех деталях — пророческой.

Веселье продолжилось на улице Дьоршкочи[78]. Наш черный новогодний юмор был воспринят абсолютно серьезно, а развлечения квалифицировали

как часть конспиративной деятельности заговорщиков — проверку организации на способность завербовать людей и создать у них контрреволюционные настроения.

Постепенно (и отчасти впоследствии — из полицейских документов и донесений сексотов) стало ясно: не всякая дружба смогла пережить эти тяжкие годы. Но те дружеские связи, что продержались, стали только крепче. Для меня много значило, что были люди, с которыми я мог беседовать искренне и доверительно и на которых мог рассчитывать в самые тяжелые минуты.

Прежде всего хотелось бы сказать о Тери, моей первой жене. Мы пережили вместе тяжкие времена. Тери была рядом, и я всегда мог рассчитывать на ее понимание, помощь и совет.

В тот период я сблизился с Петером и Кати Ханак, Гизи Лёчеи, Дуци Фони, Эвой Чато, Дюри и Эвой Литван, Андрашем Надем и Аги Лошонци. Нас многое связывало: от обмена свежими политическими новостями до серьезных теоретических споров, от общего веселья до совместной помощи попавшим в беду. Эта дружба оказалась на всю жизнь.

Позднее, когда я стал проводить много времени в Америке, то заметил, с какой легкостью люди используют слово «друг». Так называют и того, с кем периодически приятно поболтать на вечеринке, и того, с кем пару раз встретились в университетском комитете. В нашем кругу этим словом так легко не разбрасывались. Слово «друг» обладает серьезным весом. Без друзей жизнь при диктатуре была бы невыносима.

7

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ — 1957–1959

«Мои университеты» — такое название Максим Горький дал периоду, когда вместо университетских профессоров его всему учила жизнь. Я тоже с удовольствием воспользуюсь им для описания истории своего развития. Знания, которые я приобрел до 1955 г., — полезный опыт, уроки, отрезвившие меня и лишившие иллюзий, будем считать «подготовительным курсом». Даже потом, став профессиональным исследователем, я продолжал заниматься самообразованием, но теперь уже куда более методично.

Самообразование

После поражения революции во мне окрепло решение *стать частью западного сообщества экономистов*, не покидая страны. Возмущение, которое я испытал из-за вторжения советских танков, стало особенно мощным импульсом для сознательной «ориентации на Запад».

Я по-прежнему бегло читал по-немецки, но растерял навыки владения английским, полученные в гимназические годы. В 1957 г. одной из первых задач было выучить его как следует. Разговорный английский на этом этапе пока не пошел, но я вскоре уже мог читать специальную литературу.

Не будет преувеличением сказать, что я «проглатывал книги» (то же самое я подростком проделывал с художественной литературой). Я учился много и систематически. Быть может, кто-то дал мне дельный совет или повезло — в любом случае основные, базовые книги я выбрал очень удачно: начал со знаменитого вводного учебника Самуэльсона[79] в немецком переводе. С целью «промежуточного» обзора достаточно основательно изучил актуальное и первоклассное с дидактической точки зрения трехтомное пособие западногерманского экономиста Эриха Шнайдера.

На этом мое изучение общих пособий и учебников завершилось, и теперь я принялся читать только различные монографии, сборники исследований и статьи в журналах. До сих пор храню многочисленные записи, которые тогда делал в процессе чтения. Для иллюстрации перечислю некоторых авторов (по алфавиту, а не в порядке прочтения): Боулдинг, Калецки, Ойкен, Пигу,

Самуэльсон[80], Тинберген[81], Хаберлер, Хайек[82], Хикс[83], фон Штакельберг*, Кеннет Джозеф Эрроу[84] и книги, написанные в соавторстве: Эрроу, Карлин, Скарф. Здесь я упомянул только тех авторов, кого, на основании знаний, обретенных мною позже, за границей, могу с полным основанием назвать «значительными фигурами»**. Помимо серьезных исследований я прочел много работ, о которых потом смог сделать вывод как о неудачном выборе. Время и усилия, потраченные на их чтение, можно было посвятить знакомству с более достойными трудами. К сожалению, у меня не было опытного, сведущего в современной литературе учителя, который мог бы направить по верному пути.

Занимался я крайне интенсивно — не просто пробегал текст глазами, но выписывал для памяти основные мысли, решал задачи. Каждый раз, когда работа давала для этого повод, я пытался до конца продумать: как прочитанное соотносится с социалистической экономикой. Можно ли применить это к отдельному венгерскому предприятию, венгерской промышленной отрасли или экономике в целом, чтобы лучше понять, как они работают? *Методы* научного исследования и *стиль* изученных мною работ, помимо непосредственно научных достижений, стали для меня интеллектуальным стимулом на всю жизнь. Вместо доктринерских спекуляций — логичные обоснования выводов, порой непростые, но вполне постижимые. Авторы этих книг не пытались заменить аргументацию ссылкой на авторитеты. (Для западного студента подобная практика уже тогда считалась чем-то само собой разумеющимся, но после трудов, напичканных цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Ракоши, это казалось глотком свежего воздуха.)

Меня главным образом интересовала микроэкономика и связанные с ней темы, прежде всего экономика социального благосостояния и теория рациональных решений. (Знакомство с трудами Джона Мейнарда Кейнса состоялось позднее.) После того как я окончательно избавился от марксистского предубеждения по отношению к «буржуазной экономической науке», я стал открыт для восприятия идей экономического «мейнстрима». Подобная восприимчивость не имела ничего общего с полным, безо всякой критики растворением в каком-нибудь из «-измов», как случилось за десять-двенадцать лет до этого, когда я изучал марксизм. Мне казалось убедительным то объяснение экономических явлений, которое предлагали упомянутые авторы. Благодаря книге Самуэльсона я уже был знаком с термином «неоклассический». На самом деле, я был близок к тому, чтобы по окончании курса самообразования назвать себя адептом неоклассического направления. Удерживали меня от этого не сомнения или контраргументы, но, скорее, упрямство, продиктованное прежним разочарованием, и решение оставаться интеллектуально независимым.

---

* Ойкен и фон Штакельберг — *немецкие* экономисты, обогатившие экономическую науку рядом важных идей. В 1957 г. я мог их прочесть на немецком, а значит, эти труды были для меня более доступны, нежели труды на английском языке.

** Дёрдь Петер и композитор Андраш Михай, впоследствии — директор Будапештского оперного театра, ездили на Запад и были готовы привозить мне книги. Что-то можно было взять в библиотеке университета и библиотеках институтов Академии наук.

Никто не заставлял меня учиться, никто не выдавал свидетельства, которое могло бы стать пропуском к дальнейшей карьере. Бывали дни, когда я с утра ходил на допрос в полицию, а после обеда садился за книги. В понедельник я мог получить пугающие, дурные новости, но во вторник и среду я обязательно отрабатывал назначенный самому себе объем материала. Тогда (и много позже, столкнувшись с серьезными проблемами), я использовал учебную и трудовую терапию, чтобы залечить душевные раны.

Забегу немного вперед. Когда я стал регулярно преподавать в американских университетах, ни коллегам-преподавателям, ни студентам в голову не приходил вопрос, где я учился экономике. Ответ представлялся им очевидным. Хотя ничего очевидного здесь не было. И не только потому, что я не учился в Будапештском экономическом университете имени Карла Маркса. Даже если бы я его закончил (учиться я там мог в конце 1940-х годов и в 1950-х годах, т.е. во времена прихода к власти марксистской идеологии, а потом и ее полновластного господства), и все равно бы не познакомился с современной западной экономической наукой.

Спор Ланге–Хайека

Стоит подробнее рассказать об интеллектуальном потрясении, которое я пережил, изучая дебаты западных экономистов, шедшие в 1930-е годы. Классическая статья жившего тогда в Америке крупного польского экономиста Оскара Ланге о социализме была первым специальным текстом, прочитанным мною по-английски. Впоследствии я прочел все основные работы, посвященные данному спору, включая сборник под редакцией Ф.А. Хайека[85], открывшего массированный огонь по планированию, и знаменитую книгу Аббы Лернера «Экономика контроля» («Economics of Control»). В выборе текстов мне очень помогла мудрая статья Абрама Бергсона с широким обзором литературы по данному вопросу[86]. Читая эти труды, я никогда бы не поверил, что меня ждет личное знакомство с Ланге, Лернером, Морисом Доббом. Я и мечтать не мог, что мой кабинет в Гарвардском университете будет рядом с кабинетом Абрама Бергсона. (Более того, мы потом и в Кембридже жили в соседних квартирах.)

Речи и статьи Дёрдя Петера, а также описания югославской системы привели меня к мысли, что функция аллокации ресурсов в социалистической экономике должна быть отдана рынку. Да и моя собственная книга была направлена против излишней централизации. Теперь я узнал, что еще за двадцать лет до меня, в Чикаго, Лондоне, Кембридже (и в британском, и в американском) экономисты на высочайшем теоретическом уровне спорили, до какой степени может дойти в своей децентрализации экономика, где предприятия являются собственностью государства. Ланге построил теоретическую модель, в которой производство осуществляется на предприятиях, находящихся в общественной собственности. У таких предприятий есть единственная экономическая цель,

а именно — доходность*. Цены формируются не свободно, их предписывает некий центральный плановый орган, руководствуясь предельно простым правилом. Если для какого-то продукта спрос превышает предложение, цену поднимают. Если же предложение опережает спрос, — снижают. Те, кто занимается централизованным планированием, должны только следить за соотношением спроса и предложения и, соответственно, подгонять цены. Ланге — в соответствии с общепринятыми положениями неоклассической экономики о рынке и ценах — доказывает, что состояние рынка будет стремиться к равновесию. Из той статьи Ланге я почерпнул английскую идиому о «методе проб и ошибок»[87]. Пробы и ошибки доводят цены до «равновесной цены». Родоначальником теории «общего равновесия» был один из гигантов экономической мысли, франко-швейцарский экономист Леон Вальрас. Каждая строчка в работе Ланге вдохновлена экономическими теориями Вальраса.

Труд Ланге стал самым своевременным и удачным ответом на интеллектуальные и идеологические чаяния многих западных экономистов, разделявших левые взгляды. С одной стороны, их политические симпатии были направлены в сторону принятия системы социалистического образца. С другой — они не разделяли марксистского антагонизма по отношению к рынку. С практической точки зрения и на основании теоретических убеждений все они занимали прорыночную позицию. Левые экономисты были далеки от марксизма и принимали сторону Вальраса и неоклассической теории. По этим причинам они с энтузиазмом приняли предложенный Ланге синтез. Подобные рассуждения и мне тогда были достаточно близки. Помимо казавшегося убедительным экономического содержания пленял и сам ход мысли, будет даже правильнее сказать, «эстетика» — простая и ясная гармония теоретического построения.

Однако критика Хайека также побудила меня к размышлениям. Главные свои доводы он выводил не из теории, но из практических наблюдений. Как смогут те, кто разрабатывает план в центре, отслеживать соотношение спроса и предложения на миллионы видов товаров? Эти аргументы ткнули меня носом в хорошо известный мне факт: централизованные знания ограниченны. Хайек справедливо указывал на то, что рынок — это не просто балансирующий механизм. В обществе знание децентрализовано. Только децентрализованная рыночная экономика и частная собственность создают непосредственный стимул для того, чтобы человек начал оптимально использовать имеющиеся у него знания. Чтение Хайека обратило мое внимание на тесную связь между знанием, стимулом и собственностью. Структура этих взаимоотношений тогда еще не была мне ясна, но я, по крайней мере, начал думать о ней более системно.

Не хотелось бы проецировать на 1957 г. ту позицию, которую я выразил в своих работах значительно позже и на основании которой отказался от предложения Ланге. Мои контраргументы впоследствии базировались на существовании неразрывной связи между политической структурой и отношениями

* Изначально Ланге писал о «минимизации затрат», но в последующих статьях это исправил.

собственности, с одной стороны, и рыночной координацией, с другой. В 1957 г. эта связь не казалась мне очевидной. На тот момент я сам для себя не мог определить, кто же прав. Аргументы Ланге и Лернера представлялись разумными и убедительными, но не меньшее впечатление производила и критика Хайека.

Стиль этих авторов подействовал на меня даже сильнее, чем содержание работ. В Венгрии тоже шли дебаты на ту же, в сущности, тему. Дёрдь Петер и я шли тем же путем, что и Ланге с Лернером на Западе. Нас критиковали, стращали, изгоняли, а там дискуссия велась в цивилизованном тоне. Участники спора последовательно отвечали аргументом на аргумент, а не клеймили оппонента. Мне тогда уже было ясно, что подобные методы борьбы изобрели не Эндре Молнар и Геза Рипп. В данной традиции грубость по отношению к противнику, превосходство над ним, презрение к тем, кто выражает иную точку зрения, начинаются с Маркса, продолжаются у Ленина и достигают кульминации у Сталина. Сталин уже не просто громит оппонентов, но расстреливает их.

Продолжаю исследования в легкой промышленности

Параллельно с учебой я хотел продолжить исследования, начатые в связи с «Сверхцентрализацией» и, по некоторым пунктам, расширить их. С одной стороны, хотелось распространить исследования на те области, на которые у меня прежде не хватило энергии, например на анализ цен, инвестиций, систем налогообложения и кредитования. С другой стороны, мне было интересно проследить, какие изменения происходят в методах управления экономикой. Привели ли к чему-нибудь предложения, внесенные до революции, и проекты, предложенные комиссией Варги? И те и другие рекомендации были ориентированы на одно и то же — если не на устранение командно-административной системы, то, по крайней мере, на ее ограничение и на расширение сферы влияния рыночного механизма.

Я усиленно продолжал исследования — обновил старые контакты в легкой промышленности и завел много новых. Теперь я проводил опросы систематизировано, готовил списки вопросов заранее.

Наряду с этим я стремился приспособить и новые знания, почерпнутые из западной экономической литературы. Изучив вопрос о функции издержек предприятия, при следующем посещении я использовал полученные знания, чтобы попытаться определить реальные функции издержек для текстильной фабрики, учитывая то, что здесь речь шла о многоступенчатом вертикальном производстве и одновременном производстве разных видов продукции. Ознакомившись с понятийным аппаратом для нормы замещения и предельной нормы замещения, я пробовал выяснить, как определяется цена для замещающих друг друга импортируемых и местных материалов в Венгрии. Если венгерская практика недостаточно рациональна (т.е. не отвечает нормативной модели, известной мне по западной литературе), как можно изменить процедуры по установлению цен?

Подобное соединение учебы и исследований оказалось крайне продуктивным. С точки зрения дидактики студенту полезно сопоставлять теоретические модели непосредственно с практикой. Данный подход очень хорош и для запоминания изученного материала. Но, что еще важнее, он приучает проверять теорию на практике. Речь здесь шла не об основополагающих теоретических положениях, но о небольших разделах общей неоклассической теории, они позволяли мне проделывать то, чего мне так не хватало в трудах по марксистской теории: я мог постоянно сравнивать теорию и реальность, хотя бы и в рамках не столь глобальных взаимосвязей.

Я не только проверял новую теорию на практике и применял в своих исследованиях и размышлениях, но пробовал разрабатывать ее в более или менее обширных статьях. Результатом стала серия публикаций в малотиражных периодических изданиях для специалистов по технике и экономике*. К журнальной деятельности меня подтолкнуло несколько факторов. Во-первых, это была тренировка; я — человек пишущий, можно даже сказать, графоман, и долго без этого жить не могу. Кроме этого, мною руководила потребность прояснить свои мысли. Какая бы проблема меня ни занимала — и тогда, и сейчас, — я в состоянии привести в порядок разнообразные мысли только записав их на бумаге. Это может быть статья, иногда — если я с кем-то спорю — письмо (возможно, я даже не отошлю его адресату) или записи для личного использования. В любом случае, если я хочу что-то прояснить, я должен это записать.

Еще одним побудительным мотивом была возможность поделиться знаниями с другими. Если я, наконец, что-то понял, пусть и другие прочтут мою статью и поймут.

С точки зрения развития экономической мысли эти небольшие статейки особого значения не имели. Новым словом в науке они не стали, но помогли мне вырасти как экономисту. Для меня они стали тем, чем для спортсмена являются тренировки.

Размежевание

Мемуары мои выстроены так, что приходится разделять связанные между собой события: в предыдущей главе речь шла о политических бурях, которые бушевали вокруг и внутри меня, эта же глава до сих пор была посвящена спокойной интеллектуальной деятельности. Я читал, беседовал с коллегами, делал записи, писал статьи — как любой другой молодой ученый в Оксфорде, Принстоне или Киле. Позволю еще раз напомнить читателю: моя ситуация в тот период была совсем иной. В моем сознании, в мыслях, чувствах, свобод-

* Я писал статьи не только по вопросам, тесно связанным с моими занятиями, но и на другие темы. С благодарностью вспоминаю тогдашних редакторов журналов «Элет еш тудомань» («Жизнь и наука»), «Фиделё» («Наблюдатель»), «Кёзгаздашаги семле» («Экономическое обозрение»), которые знали: там, «наверху», не одобряют появления в печати моих статей, и все-таки публиковали меня — отчасти, чтобы дать мне немного заработать. Иногда редакторов вынуждали печатать мои статьи анонимно или под инициалами (часто ненастоящими).

ных ассоциациях неразрывно сплетались впечатления от прочитанных текстов, допросов в полиции, написания статей и разнообразных переживаний, связанные с гнетущей политической обстановкой.

Полицейское расследование дела о «Хунгарикусе» Шандора Фекете шло полным ходом, когда меня разыскал один из бывших коллег по Институту экономики. Это был активный и убежденный член партии, по отношению ко мне всегда вел себя доброжелательно, мы были с ним довольно близки, и ему было многое известно о моих взглядах и дружеских связях. Мы начали беседовать о том о сем, а потом вдруг выяснилось, что на самом деле его послали с поручением. «Товарищи одобрят, если ты сможешь отмежеваться от Петера Кенде, который теперь из Парижа совершает нападки на нашу страну и ссылается на твою книгу...». Сылка на анонимных «товарищей» была в те времена делом привычным. Ни тогда, ни потом я не спрашивал у коллеги, кто его прислал. Теперь же, когда я пишу мемуары, его уже нет в живых и спросить не у кого. Подозреваю, сообщение передал мне Иштван Фришш. Следователи наверняка спросили Фришша, что он обо мне думает, и рассказали ему историю с «Хунгарикусом». Йоргос Василиу был аспирантом Фришша, и для него вся эта история была крайне неприятна. Стоит отметить, что Фришш был редактором той самой статьи в «Экономическом обозрении», о которой сейчас пойдет речь. Но все это лишь домыслы. Источником послания мог быть кто-то из партийного штаба или из полиции. Каким бы дружеским ни было предупреждение коллеги, я почувствовал в нем угрозу от тех, кто его послал с этим поручением.

Петер Кенде написал для одного французского журнала интересную и умную статью о венгерской плановой экономике и в ней несколько раз ссылался на «Сверхцентрализацию»[88]. Он явно посчитал необходимым точно указать источники отдельных идей или данных, как это принято в научных публикациях. Петер также с полным правом считал себя причастным к созданию «Сверхцентрализации», ведь во время написания книги на меня большое влияние оказали наши с ним частые беседы. И потом, он вполне мог думать, что авторы обычно радуются, когда на них ссылаются. Я и радовался — исключая тот факт, что эти ссылки появились именно в 1957 г. и именно в работе Петера Кенде. Дело усугублялось еще и тем, что Фекете и Василиу допрашивали на улице Дьоршкочи, кроме прочего, и о роли связей Корнаи–Кенде в публикации «Хунгарикуса». Мне показывали протоколы их допросов во время вызовов в полицию по этому делу. (Как я уже упоминал ранее, связь Корнаи–Кенде тоже попала в мой «послужной список» в полиции.)

Я решил поступить, как мне посоветовали. Я как раз работал над статьей по материалам своих исследований в легкой промышленности — в ней прослеживалось, в какой мере на поведение руководителей влияет «количественный подход» и «аспект рентабельности»[89]. В этой же статье я заявил (хотя заявление и было несколько притянуто за уши) о своем «размежевании», выразил протест против того, что Петер Кенде вычитал в моей книге идею краха социализ-

ма, и самокритично отметил, что в «Сверхцентрализации» мысли были сформулированы таким образом, что позволяли делать подобные выводы.

Поддавшись давлению, я испытал чувство горечи и унижения. Особенно мне было стыдно, что я выступил именно против Петера. Я мог бы утешить себя тем, что мой друг находится в безопасности в Париже и я не мог причинить ему вреда, одновременно облегчив свое положение. Трезвомыслящие экономисты называют подобное решение Парето-оптимальным*. Подобные действия можно, наверное, оправдать как стратегию выживания, но я чувствовал, что своим «размежеванием» нарушил те нормы, которые считаю важными в делах дружбы.

С момента эмиграции мы впервые встретились с Петером в 1964 г. Речь зашла о статье, и Петер упрекнул меня лишь в одном — почему я не послал ему сообщения со словами: «Я был вынужден так поступить, но на самом деле, конечно, так не думаю». Я признал, что тут он оказался прав, и мы решили больше к этому вопросу не возвращаться. За долгие годы, проведенные Петером в эмиграции, мы не раз встречались в различных уголках планеты — в Париже и Венеции, в Бельгии и Голландии, Англии, Швейцарии и Германии, а с конца 1980-х годов в Будапеште. Эту неприятную тему мы не затрагивали.

Думаю, Петер испытал смешанные чувства, но ирония и юмор взяли верх. Когда пятью годами позже во Франции вышла его книга, куда были включены и материалы упомянутой статьи, он послал мне экземпляр с посвящением[90]: «С деяниями врагов своих я еще могу справиться, но убереги меня, Господи, от друзей! Автор».

Тупик

Недавно, когда я разбирал собственные публикации по исследованиям в легкой промышленности, мое внимание привлекла одна статья — «Надо ли корректировать систему распределения прибыли?». За скучным названием кроется тема, до сих пор вызывающая интерес. Начиная с 1957 г. руководителей и работников госпредприятий хотели заинтересовать в росте прибыли. С первого взгляда идея казалась многообещающей. Госпредприятия отходили от односторонней заинтересованности в «максимализации объемов» к «максимализации прибыли», что характерно для рыночной экономики, базирующейся на частной собственности. Все было бы хорошо, но оказалось, что прибыль распределяется между предприятиями «несправедливо». У одного предприятия оставалась лишь ничтожная доля прибыли из-за того, что внешние, не зависящие от него условия складывались неблагоприятно — например, сокращался спрос на товары, предназначенные для экспорта. У другого

* Изменение считается Парето-поправкой в том случае, если исправляет положение индивида или группы, не причиняя вреда другим. Состояние экономики считается Парето-эффективным, если невозможно применить дальнейшие Парето-улучшения. (Данный критерий ввел в экономическую науку итальянский ученый Вильфредо Парето.)

предприятия прибыль сокращалась за счет вмешательства вышестоящего органа, который вынуждал производить менее доходный товар. Третье предприятие объясняло снижение прибыли, по сравнению с другими, плохой технической оснащенностью. Причем зависело это не от самого предприятия, а от тех, кто принимал решения об инвестициях и техническом развитии. Все эти предприятия требовали, чтобы их прибыль «корректировали» и компенсировали им убытки, возникшие в результате внешних причин. Таким образом, прибыль должна была стать не рыночной категорией, которую определяют спрос—предложение и разница между достижимой закупочной ценой и реальными расходами, но справедливой наградой, зависящей исключительно от достоинств предприятия, его «хороших» или «плохих» показателей.

В 1958 г. при написании этой статьи я приблизился к тому кругу проблем, который через двадцать лет назвал синдромом «мягких бюджетных ограничений». Предприятия пытаются вынудить вышестоящие органы компенсировать потери, против которых они бессильны. На самом деле настоящая заинтересованность в прибыли работает только тогда, когда предприятие никто не вытаскивает из финансовой ямы, независимо от того, попало ли оно туда по собственной вине или в результате неудачно сложившихся обстоятельств. Может, это и несправедливо, зато заставляет участников экономического процесса справляться с трудностями, приспосабливаться к неблагоприятным обстоятельствам, пытаться получить максимальную прибыль даже в трудном положении, прибегая к техническим и экономическим новшествам. Компенсация за неблагоприятные условия приучает к пассивности, к тому, что надо не бороться, а клянчить помощь у государства*.

Пример данной статьи показывает, насколько быстрее мог бы я прийти к позднейшим выводам, если бы имел возможность продолжать исследования в более свободной обстановке. Жаль, что все произошло не так. Особенно трудно оказалось найти ответ на один из основных вопросов, возникших при изучении легкой промышленности, начатом в 1957 г., насколько изменился экономический механизм после 1956 г. Сдержало ли руководство свое обещание не возвращаться к бюрократической централизации прошлого? На деле произошло довольно мало изменений в сторону децентрализации (распределение прибыли было одним из них), но большая часть и без того немногочисленных уступок вскоре сошла на нет.

Сказать об *этом* открыто или опубликовать *это* в качестве результатов исследований в тех политических условиях было невозможно. С другой стороны, я не видел смысла писать «в стол». Если я не мог описать и опубликовать далеко идущие выводы своих исследований, подкрепляя их богатым фактическим материалом, значит, я должен был признать, что мои научные изыскания натолкнулись на политические препятствия. Я ощутил себя в тупике. Сейчас, при написании мемуаров, я, конечно, задумываюсь иногда, а правиль-

* Опубликованные в 1958 г. размышления предвосхитили идею, позднее разработанную в экономике в связи с проблемой морального риска.

но ли я тогда оценил обстановку. Не лучше ли было продолжить работу над «Сверхцентрализацией»? Знаю одно: *тогда* я думал, что это невозможно и не имеет смысла.

У меня сложилось убеждение, что слегка изменить тему будет недостаточно. Надо было выбирать новое направление исследований. Им стало *применение математических методов в экономике* — тема следующей главы.

Заключительным годом для периода, описываемого в данной главе, стал 1959 г. С предыдущей темой я покончил, естественно, не в один день, но к концу 1959 г. я окончательно и бесповоротно прекратил свои исследования по методам руководства экономикой на примере легкой промышленности после 1956 г. Труда было вложено немало. Несмотря на всю пользу, которую принесли мне с точки зрения профессионального развития все мои «тренировки» с 1957 г., это была работа, проделанная впустую и без результата. В моем архиве тщательно разложены по порядку тысячи записей. В процессе написания мемуаров я даже после стольких лет перебираю их с тяжелым чувством.

Пожизненные решения

«Это не случайно, товарищи...» — с этой пустой фразы часто начиналось какое-нибудь заявление. Настоящие знатоки философии Маркса сказали бы, что его произведения никогда не проповедовали крайний фатализм, заранее определенный характер событий. Тем не менее в рутине социализма партийным секретарям и авторам передовиц, учителям истории и руководителям плановых управлений нравилось создавать впечатление, будто *альтернативы не существует.* И действовать можно только так, как диктуют исторические силы прогресса. Сам же диктат они, как правило, отождествляли с собственными распоряжениями. Нет иного пути, кроме коллективизации сельского хозяйства. План развития народного хозяйства составляется в единственном варианте, который должен быть одобрен каждым органом, формально уполномоченным его принять или отклонить. Есть только одна партия, ее и следует выбирать.

Во второй половине 50-х годов во многих источниках, и в разнообразных формах, я столкнулся с противоположной идеей: *выбор все-таки есть.*

Именно тогда я прочел пьесы Ласло Немета. Для меня они стали потрясением. Читая их одну за другой, я увидел альтернативы ответов на по-настоящему серьезные вопросы выбора: Ян Гус без колебаний отвергает любые компромиссы (и гибнет на костре), Галилей идет на компромисс в решающую минуту (и до конца не может из-за этого примириться сам с собой), Миклош Мистотфалуши Киш (типограф и теолог XVII в.) берет назад свои слова (и опускается до беспринципного компромисса), Сечени, хотя изначально не выражает восторгов по поводу революции, не может потом смириться с ее поражением (и совершает самоубийство), Петёфи, не только по своей воле, но и уступая пожеланию своего окружения, идет в бой (и принимает мученичес-

кую смерть). Пьесы Ласло Немета не говорят, какое решение является правильным, но показывают варианты разрешения трагических дилемм и мук выбора.

В тот же период произошло мое знакомство с экзистенциальной философией. Сначала мне в руки попал короткий текст Сартра[91], потом я изучил другие работы, из которых в первую очередь вычитал (возможно, именно это я и хотел вычитать), что в случае, если Бога нет, человек свободен выбирать, и вынужден это делать. Нет такого безвыходного положения, в котором не оставалось бы малейшей возможности выбора и, соответственно, не возлагалась бы ответственность на принявшего решение. Мне, человеку, которому вдалбливали в голову, что «партия потом разберется...», жизненно важно было понять, что я сам отвечаю за собственные решения и не могу перекладывать ответственность на обстоятельства.

Наряду со всем этим я как экономист принял тогда в качестве постоянных понятийных рамок для своих размышлений модель «рационального выбора». В одной из последующих глав данной книги я подвергаю эту теорию детальной критике. Сейчас же я хочу выделить одно ее преимущество. Базовая структура данной модели подсказывает: *выбор есть*. Если мы используем модель в целях позитивного анализа, позднее необходимо установить, пусть и условно, каковы были возможные — но упущенные — альтернативы в прошлом. В случае же нормативного использования модели необходимо точно учитывать, какие препятствия ограничивают наш выбор действительно помимо нашей воли. В рамках массы возможных альтернатив, ограниченных таким образом, выбор будет свободным.

Попробую подытожить, на каком этапе личного выбора я находился в 1959 г. Есть, наверное, люди, способные поменять стезю, совершив один-единственный драматический поворот. Мне потребовалось лет пять, с 1954-го по 1959-й, чтобы определиться, как я хочу жить в дальнейшем. Основанием для этого стал ряд тщательно обдуманных решений и случайных впечатлений, вынужденно ограниченных и практически беспредельных возможностей выбора. Тем не менее — и задним числом я могу в этом признаться — примерно в 1959 г. некоторые мои решения оформились окончательно. Здесь я бы хотел выделить пять пунктов.

1. Я порываю с коммунистической партией.

2. Эмигрировать не буду.

3. Моим призванием станет не политика, но научные исследования. Героическими, нелегальными формами борьбы с коммунистическим режимом заниматься не буду. Хочу добиться обновления при помощи своей научной деятельности.

4. Порываю с марксизмом.

5. Овладею основами современной экономической науки. Посредством своих научных изысканий и исследований хочу стать частью западного сообщества экономистов.

В предыдущих главах уже шла речь о каждом из этих решений в отдельности, теперь же пора рассмотреть их в совокупности. Ни одно из решений не является само собой разумеющимся, ни одно не было предопределено изначально. В моем личном окружении, среди знакомых, даже среди близких друзей, можно найти массу примеров того, как, сталкиваясь с той или иной дилеммой, по всем пяти пунктам люди делали выбор, отличный от моего.

В моем случае к 1959 г. эти решения уже были не свободным нагромождением смутных и неопределенных намерений, но *сознательной*, продуманной жизненной стратегией. Эти принципы я излагал самым близким мне людям.

С тех пор прошло сорок пять лет. Достаточно времени, чтобы я мог сказать: эти пять решений определили всю мою последующую жизнь. Не стану утверждать, будто всегда выполнял их все без исключения. Человек — существо несовершенное. В любом случае я искренне стремился, насколько возможно, придерживаться выбранной жизненной стратегии. Если я и грешил против собственных принципов, потом всегда жестоко упрекал себя. Моральный принцип «будь верен себе» стал для меня великой ценностью.

8

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЭКОНОМИКЕ — 1957–1968

«Двухуровневое планирование»

По мере того как я продвигался в своем обучении, мне становилось все яснее, какую важную роль играет в современной экономической науке математика. Я видел, что не смогу осилить все, что читаю, если не научусь понимать язык математики. Если я хотел проводить экономические исследования на современном уровне, надо было научиться применять математические методы. Существенным компонентом этого стремления было то, что посредством самообразования и постепенного преобразования собственного научного «профиля» я подготовил себя к применению математических методов.

Знакомство с Тамашем Липтаком

Меня привлекала логическая ясность математики, и это облегчало мои планы. В школе я всегда прилично успевал по математике и по физике. После 1957 г., в период самостоятельного обучения, я освежил материал по математике за курс средней школы и решил продолжить образование в этой области. С одной стороны, я учился дома по книгам, с другой — занимался на разных курсах, концентрируясь на тех разделах математики, которые в тот период более всего применялись экономистами: линейной алгебре и дифференциальном и интегральном исчислении (калькулюсе).

Как исследователь я тоже хотел применять математические методы. В рамках описанного в предыдущей главе эмпирического анализа трансформации методов управления экономикой после 1957 г. на примере легкой промышленности меня начала интересовать роль прибыли, получаемой предприятием. Для западных авторов было самоочевидно, что мотивацию тех, кто принимает решения на предприятии, можно увязать с максимализацией прибылей этого предприятия. В Венгрии после 1957 г. руководителей предприятий легкой промышленности, и даже всех работников, пытались заинтересовать в получении прибыли. С прибылью увязывалось получение различных льгот, но делалось

это своеобразным способом. Распределение прибыли зависело от того, увеличивается ли рентабельность (выраженная в процентах выручки) по отношению к определенному уровню. Таким образом, предприятие стимулировали к тому, чтобы оно максимально увеличивало не *абсолютную* (в математическом смысле) *сумму*, т.е. прибыль, а некое *частное* — соотношение между прибылью и выручкой. Хотя многие верили, будто оба стимула дают один и тот же результат, мне стало ясно, что экономический эффект от них будет различным.

Я начал описывать в математических формулах два типа максимализирующих функций и связанные с ними задачи программирования. Получилась некая модель, но я был ею недоволен. На этой стадии Андраш Броди, бывший коллега по Институту экономики, намного опередивший меня в применении математических методов в экономике, предложил мне познакомиться с молодым математиком из Института математики Венгерской академии наук. Броди был в хороших отношениях и даже вел совместные исследования с директором Института математики Алфредом Рени, всемирно известным ученым. От него Броди узнал, что один из учеников мэтра, его аспирант Тамаш Липтак, интересуется приложениями математики в экономике.

Тогда-то я и познакомился с Тамашем. Наши тесные отношения по работе скрепила и личная дружба. Вскоре выяснилось, что и политические взгляды у нас совпадают. Не будем забывать, речь идет о 1957 годе. Представители интеллигенции не могли позволить себе дружбу с человеком, которого могли опасаться по политическим мотивам.

Это был невероятно худой молодой человек (став старше, Тамаш оставался все таким же худым). Красивые черты лица, приятный голос, умная речь моментально располагали к нему любого собеседника. Женщины восхищались им, несмотря на скромные внешние данные.

Липтак обладал исключительными математическими способностями. Не будет преувеличением, если назову его гением. Тамаш не только использовал гигантский объем накопленных им знаний с абсолютной точностью, но умел неожиданно извлечь какую-нибудь теорему или метод, о которых прежде читал, именно в тот момент, когда в этом случалась необходимость. Это был оригинальный мыслитель, истинный новатор.

Я многому научился у Липтака. Многие годы он был моим «домашним учителем» математики. Мы шли с ним не по систематическому курсу, а каждый раз брали ту тему, которая была нужна на тот момент. Иногда Тамаш рекомендовал, что прочесть, и помогал понять прочитанное. Помимо полученных от него или с его помощью знаний я многому научился у Липтака в отношении подхода к проблеме. Он не пытался скрыть, на каких абстрактных предположениях строится та или иная модель и насколько она упрощает действительность, а, напротив, стремился представить эти упрощения с максимальной интеллектуальной открытостью.

Липтак требовал абсолютной точности. В этом смысле, он доводил свои достойные и с научной точки зрения совершенно оправданные устремления до

крайности, и это, возможно, были первые симптомы позднейшего нервного заболевании. Мы жили тогда еще в докомпьютерную эпоху. Тамаш все свои работы писал от руки, с каллиграфической аккуратностью. Если он находил ошибку на двадцатой странице текста, состоящего из одних уравнений, то не исправлял ее, но выбрасывал написанное целиком. Рукопись должна была быть безупречной!

Я никогда не доходил до такой степени точности, но пример Тамаша, безусловно, изрядно способствовал моему развитию. До сих пор воплощение фанатичной математической точности возникает передо мной каждый раз, когда я замечаю в тексте, который пишу, какую-нибудь неточность, — Тамаш бы в такой ситуации выбросил рукопись и начал все заново.

Мне бы не хотелось создавать идеализированный портрет Липтака. Этот выдающийся ум и бесконечно милый человек в отдельных своих проявлениях мог быть невыносимым. От себя же я требую пунктуальности, стараюсь всюду приходить вовремя (из-за этого часто прихожу на встречи задолго до назначенного времени), а когда опаздывают другие, раздражаюсь и даже сержусь*. Стремлюсь всегда соблюдать сроки, а если не удается, ужасно мучаюсь угрызениями совести и пытаюсь свести опоздание к минимуму. Тамаш в этом плане был моей полной противоположностью. Он никогда не приходил на встречу вовремя и ни разу не уложился в сроки. Свои опоздания, пропущенные встречи, забытые обязательства Тамаш объяснял какими-то наивными причинами, а то и вовсе никак не оправдывал. Подобная несхожесть часто приводила к трениям.

Математический анализ распределения прибыли

Вернемся к экономической теме, которая свела меня с Липтаком в 1957 г. Быстро выяснилось: если подходить к этой проблеме тщательно и не упрощать до тех пор, пока не исчезнут сложности, вызванные реальностью, то решить ее математически будет довольно непросто. Необходимо было проанализировать специфическую по своему типу задачу нелинейного программирования. Мы брались за нее снова и снова, ломали головы по отдельности и часами работали вместе, подготовили отдельные главы исследования в десятках вариантов. Получился текст страниц на 250, который нам обоим казался вполне приемлемым.

Но тут наша работа прервалась. Тамаша арестовали. Он выступил добровольцем в мероприятии, подробно описанном в предыдущей главе. Исследование Шандора Фекете «Хунгарикус», в передаче которого за рубеж принимал учас-

* Я был еще начинающим журналистом, когда «король» экономической политики Эрнё Герё вызвал меня к себе на определенное время. Я пришел, подождал, затем раздраженно сообщил секретарю, что с момента назначенной встречи прошло 20 минут и я собираюсь уходить. Никто даже не понял, как я посмел так поступить. Герё, похоже, понравилось, что я так настаивал на точном времени встречи, так как на мой поступок он не отреагировал.

тие и я, в ротапринтном варианте распространялось в кругах венгерской интеллигенции, а Тамаш содействовал этому, так как работал с множительным аппаратом. Мы оба участвовали в одной и той же акции, но не были знакомы. Позднее, начав совместную борьбу уже не на политическом, а на научном фронте, оказалось, что нас объединяет еще и общее политическое прошлое. Арест Тамаша не стал для нас неожиданностью.

В списке приговоренных Липтак был одним из многих. Около года провел он в предварительном заключении, а затем был переведен в тюрьму. Както я выписал несколько математических задач в связи с нашим совместным исследованием и передал записку Мани, жене Тамаша, чтобы он поразмышлял над ними в камере. Не то чтобы сами задачи требовали немедленного решения — я думал, они помогут Тамашу отвлечься от превратностей тюремной жизни*. Бедный Тамаш был далек от размышлений над математическими или экономическими задачами. Он совершил попытку самоубийства, ставшую катастрофической предвестницей будущей депрессии. К счастью, жизнь его тогда удалось спасти.

Тамаш еще сидел в тюрьме, когда меня выгнали из Института экономики. Я обратился в Министерство легкой промышленности с просьбой помочь в публикации нашей рукописи в формате книги. В министерстве были готовы взять на себя типографские расходы по предпечатной подготовке, но потребовали убрать имя Тамаша Липтака, находившегося в тюрьме. Я разыскал Алфреда Рени, старшего друга и начальника Тамаша, и мы договорились, что вместо имени Липтака дадим на титульном листе следующую формулировку: «При содействии Института математики Венгерской академии наук». В конце концов, в 1959 г. работа все-таки вышла, хотя и в довольно примитивном варианте, распечатанная на множительном аппарате, но все же как настоящая книга[92].

В библиографии книги, помимо эмпирических трудов по венгерской легкой промышленности, фигурировало несколько трудов западных экономистов — из тех, что я тогда изучал. В главе 5, например, приводятся имена Эриха Шнайдера и Яна Тинбергена. С сегодняшней точки зрения в этом нет ничего особенного, но в 1957 г. в Венгрии было еще не принято в положительном тоне ссылаться на «буржуазных экономистов».

Когда Тамаш вышел на свободу, мы решили опубликовать результаты нашей работы на Западе и подготовили статью для журнала на английском языке**. Тамаш был в своей стихии, я же только начинал свое знакомство со стилем

---

* Идея была не такая уж глупая. Как выяснилось позже, некоторые из осужденных за участие в событиях 1956 г. выучили в тюрьме иностранные языки или пытались в тюрьме что-то сочинять.

** Венгерский текст под заголовком «Математическое исследование некоторых результатов распределения прибыли на социалистических предприятиях» перевел на английский барон Йожеф Хатвани, чья история жизни заслуживает не примечания в конце страницы, но целого романа. Йожеф был членом богатейшей и знаменитой семьи Хатвани, племянником Лайоша Хатвани — одного из тех, кто «открыл» двух гигантов венгерской поэзии: Эндре Ади и Аттилу

и формальными требованиями западных журналов по математике и экономике. Тамаш к тому времени уже много лет регулярно читал математические издания. *Содержание* статьи было нашим общим интеллектуальным продуктом, но математическая точность изложения, западная структура и стиль — целиком его заслуга.

В то время — и так продолжалось еще долго — автор научной работы не мог отослать ее на Запад без обязательного разрешения. Стандартная процедура выглядела так: исследователь, чаще всего — сотрудник какого-нибудь НИИ или университета, предъявлял статью своему непосредственному начальству, которое передавало ее дальше наверх. Если работа оказывалась политически «проблемной», рукопись доходила и до ЦК партии*. На каком-то из уровней принималось решение: можно ли посылать работу для публикации на Западе.

Мы с Липтаком решили ни у кого разрешения не спрашивать. Просто положили статью в конверт и отослали по почте. Некоторые из осужденных за то, что, кроме прочего, содействовали нелегальной передаче произведений венгерского писателя (Шандора Фекете) за границу, все еще сидели в тюрьме. Липтак и я были замешаны в этом деле. Рукопись, которую мы послали за рубеж, не имела политической подоплеки, однако проделали мы все это незаконным образом. Факт *неподчинения* официальной процедуре казался нам обоим важным поступком. Начиная с этого прецедента, я поступал подобным образом со всеми своими иностранными публикациями — не просил разрешения у начальства, а отсылал рукопись непосредственно в журнал или издательство. Данная практика отличалась от практики многих моих коллег-исследователей в Венгрии и других соцстранах, которые впоследствии часто жаловались, что не могут получить разрешения печататься за границей. Я же действовал по рецепту бравого солдата Швейка, выработанному еще в Австро-Венгерской империи: *вопросы задавать нельзя,* а будешь спрашивать, ответ все равно будет отрицательный.

Йожефа — и оказывал щедрую поддержку многим другим писателям, будучи истинным энтузиастом и организатором венгерской литературы.

Йожеф Хатвани учился в Кембридже на физика и в совершенстве овладел английским. В Англии же он вступил в коммунистическую партию и после войны счел своим долгом вернуться в социалистическую Венгрию, где был заключен в тюрьму как «английский шпион». Ради чего же еще мог этот молодой коммунист оставить свою богатую аристократическую семью и удобства научной жизни в Англии и вернуться на родину? Хатвани был одним из тех, кого выпустили в 1954 г. и снова посадили в 1956 г. Выйдя из тюрьмы второй раз, он какое-то время зарабатывал на жизнь переводами, разыскивая такую работу, которая бы не только приносила деньги, но и была ему интересна. Так и получилось, что я попросил его перевести несколько моих работ. Позднее Хатвани вернулся в науку и стал одним из вдохновителей венгерских исследований в области вычислительной техники, получив международную известность и признание.

* В 2004 и 2005 г. в Китае готовилась к публикация одна моя книга, содержавшая с политической точки зрения деликатные утверждения. Первый издатель счел материал проблемным и отправил его на одобрение в ЦК Компартии Китая. Первая попытка не увенчалась успехом. За дело взялся второй издатель, но и ему в разрешении было отказано.

Статью мы послали в ведущий журнал по математической экономике «Эконометрика». Годы спустя я узнал, что она попала в руки французскому соредактору издания, Эдмону Малинво, который немедленно отдал ее в печать, не изменив ни одной запятой*. Статья вышла в январе 1962 г.[93] В ней была поднята весьма специфическая проблема: проводился анализ форм стимулирования предприятий, актуальных исключительно для Венгрии. Мы подчеркивали, что занимаемся именно *социалистической* экономикой. Сама постановка вопроса была интеллектуальным вызовом.

— Стимул не определен изначально. Он появляется не естественным путем, в результате отношений собственности и институциональных условий, но и сам является результатом принимаемых решений. Данный подход, по сути, предвосхитил более позднее исследовательское направление — целый корпус литературы, посвященной стимулированию и связанным с ним отношениям поручителя и агента (principal and agent).

— Цены также не определяются заранее; их устанавливает не рынок, но центральные органы ценового регулирования. В статье проводится анализ разветвленной системы отношений между стимулированием предприятий и ценами, с одной стороны, и между количеством продукции и ее составом — с другой. Какие стимулы ведут к производству, которое не задействует имеющиеся мощности или превышает их, и как это влияет на ассортимент продукции.

Мне не раз доводилось слышать от восточноевропейских экономистов заявления вроде: нас не печатают в западных журналах потому, что их не интересует наша экономика. Мой личный опыт подтверждает обратное. Первое исследование в «Эконометрике» и последующие мои публикации вызывали интерес *именно потому*, что были написаны автором, жившим в социалистической стране, и рассказывали о мире, находившемся далеко от редакторов, на их языке, языке современной экономической науки.

Программирование текстильной промышленности

Мы с Тамашем Липтаком провели *теоретический* экономический анализ. Параллельно я вел исследования в другом направлении: я хотел применить математические методы к целям планирования. Здесь задача состояла не в том, чтобы сделать теоретические выводы, но, используя фактические количественные данные, отражающие реальную экономику, произвести вычисления, которые послужат для подготовки реальных решений. Словом, речь шла о *прикладной* экономике.

Я погрузился в чтение литературы. Необходимо было изучить и проработать знания, накопившиеся в сфере пересечения микроэкономики, теории

---

* Много позже, когда я ознакомился с практикой редактуры и корректуры в ведущих западных журналах, где принято отвергать большинство рукописей и отсылать остальные на доработку, я смог лучше понять, насколько высоко должны были оценить нашу статью, если приняли ее без изменений.

выбора (принятия решений), исследования операций и сравнительного анализа затрат и результатов, и выяснить, каким образом можно их использовать в условиях централизованной социалистической экономики. В качестве математического аппарата для вычислений я использовал *линейное программирование*. Я ознакомился с концептуальной системой данного метода, со структурой модели линейного программирования и с техникой мышления, которая позволяет перевести проблемы практического выбора на язык модели линейного программирования.

Большое впечатление произвела на меня тогда совместная работа Роберта Дорфмана, Пола Самуэльсона и Роберта Солоу «Линейное программирование и экономический анализ». Эта книга, наряду с «Тремя эссе о состоянии экономической науки» Тьяллинга Чарльза Купманса, во многом помогла мне понять, каким образом отношения, известные мне из микроэкономики, отражаются в мире линейного программирования[94]. Спустя какое-то время я почувствовал, что уже без труда перехожу от одного типа мышления к другому — от теоретической микроэкономики к практике числовых расчетов с целью подготовки решений*.

Моя первая модель линейного программирования должна была ответить на следующий вопрос: в хлопковой промышленности плановикам на выбор предлагалось несколько вариантов технического развития. Можно было законсервировать имеющиеся технические условия, ограничиться незначительными изменениями при помощи сравнительно небольших инвестиций или увеличить производительность еще быстрее, путем серьезных вложений и более дорогостоящего импорта. Вычисления по модели не предлагали простого и однозначного ответа. Вместо этого они показывали, каким образом оптимальный выбор зависит в цифровом выражении от различных факторов, таких как процентная ставка, курс валют и будущие цены на экспорт и импорт.

Новизна подхода привлекла к работе плановиков, специалистов по оборудованию и вычислительной технике, экспертов в области внешней торговли. В Венгрии тогда только-только появились ЭВМ — в этом мы тоже отставали от Запада. Один вид первого компьютера с вакуумными трубками, занимавшего комнату, был для нас целым событием. Машина монументального размера, которой управлял Центр вычислительной техники Венгерской академии наук, по своей мощности далеко уступала современному ноутбуку. Команда энтузиастов из математиков и инженеров работала по несколько недель, чтобы решить с помощью машины систему из 24 уравнений**. Радость переполняла нас от сознания того, что мы одновременно являемся первопроходцами в двух многообещающих областях: в линейном программировании и практическом применении ЭВМ в венгерской экономике.

---

* Впоследствии личное знакомство с этими четырьмя гигантами мысли произвело на меня, начинающего исследователя, огромное впечатление.

** Если быть точным, в линейном программировании мы имеем дело с неравенствами — верхние и нижние ограничения определяют границы решений.

Существовали две группы исследователей, чье сотрудничество и соперничество подхлестывали развитие научной мысли. Обе группы использовали математические методы: одна применяла линейное программирование, а другая занималась анализом по методу «затраты-выпуск», разработанному Василием Леонтьевым, американским экономистом русского происхождения. Вторая группа, лидерами которой были Андраш Броди и позднее Мариа Аугустинович, обладала рядом преимуществ. Они приступили к этой работе раньше. Когда я только начал интересоваться линейным программированием, сторонники метода «затраты–выпуск» уже были хорошо знакомы со специальной литературой по данному вопросу. Центральное статистическое управление выделяло значительные средства на составление масштабных таблиц «затраты–выпуск» на основе реальных статистических данных. Эти данные создавали серьезную эмпирическую базу для вычислений. У нас же параметры для моделей линейного программирования основывались на подсчетах экспертов — другими словами, на интуитивном ощущении того, какие цифры реализуются в действительности.

В ходе личных встреч, а затем и на конференциях, мы много беседовали и спорили о двух подходах. Теоретические доводы склоняли меня в сторону использования аппарата программирования. Анализ методом «затраты–выпуск» — как мне виделось — был продуктом *детерминистской* философии. Если вектор конечного использования задан (а плановики усиленно стремились представить его как «заданный»), то связанные с ним производство и любая комбинация «затраты–выпуск» однозначно определены заранее. Линейное программирование, напротив, предполагает возможность выбора. Я уже говорил, насколько эта идея была важна для моего нового, формирующегося мировоззрения.

Андраш Броди мастерски продемонстрировал, как с помощью леонтьевской модели можно описать знаменитые «схемы воспроизводства» из второго тома «Капитала» Маркса[95]. У Маркса центральную роль играют *средние* затраты на производство и *средняя* прибыль, что отлично вписывается в анализ методом «затраты–выпуск», в котором каждый коэффициент призван демонстрировать именно такие средние социальные величины. Я признавал и продолжаю признавать новаторскую роль Маркса в том, что марксисты называют «*анализом воспроизводства*», а экономисты нашего времени определяют как «*динамическую модель*». Однако близость к марксистской политэкономии не только не привлекала меня к анализу методом «затраты–выпуск», но и наполняла недоверием. Я видел, что здесь чего-то не хватает — выбора технологий решения. Мне больше импонировало неоклассическое направление в экономике, которое, в свою очередь, близко к линейному программированию (см. упомянутую книгу Дорфмана–Самуэльсона–Солоу). Маргинальные категории, играющие значительную роль в западной теории (маргинальные затраты, маргинальная (предельная) норма замещения, добавочный доход за счет ресурсов и т.д.), невозможно вычислить методом анализа «затраты–вы-

пуск», тогда как линейное программирование выводит эти показатели автоматически*.

На первый взгляд, столкнулись две математические структуры, два математических метода, свободных от политики и идеологии. Однако несогласие по теоретическим вопросам придало этому спору особую окраску. Но на интеллектуальном уровне где-то на заднем плане остался невысказанным вопрос, стоит ли при помощи современных математических технологий обновлять марксизм или — по моему личному убеждению — пора с ним расстаться.

Двухуровневое планирование

Программирование для хлопчатобумажной промышленности оказалось удачным и получило признание профессионалов, за ним последовали вычисления для других секторов отрасли. У меня возник вопрос, можно ли связать друг с другом данные по секторам. На самом деле меня уже давно интересовали проблемы, охватывающие всю национальную экономику. Как можно было применить линейное программирование на уровне планирования для всей экономики в целом?

Для описания всей экономики посредством одной модели с той же детализацией, как и для предыдущих моделей по отраслевым секторам, потребовалось бы создать систему уравнений в двадцать, а то и в пятьдесят раз больше. Проделать это, с учетом примитивного на тот момент уровня вычислительной техники, было невозможно. Так у нас возникла мысль разбить масштабную экономическую модель на более мелкие части. Постепенно приводя в соответствие отдельные вычисления, мы могли бы прийти к общему «большому» решению. Для этих целей уже существовали и были опубликованы так называемые декомпозиционные алгоритмы линейного программирования. В этой области и надо было искать подходящие методики.

Я размышлял над тем, как работает Госплан. Сначала его сотрудники вырабатывали цели и задачи на макроуровне, затем разбивали их по секторам. Задания передавались в министерства соответствующих отраслей, там изучали цифры, полученные из Госплана, и начинали спорить с плановиками из центра. В центре иногда вносили изменения — так, путем повторяющихся согласований, получался план для всей национальной экономики и его разбивка по секторам.

И, наконец, третья мысль, послужившая вдохновением, попалась мне в теоретической работе Самуэльсона[96]. Даже если в какой-то момент реального

---

* В русских переводах английское marginal иногда передается как «предельный» или «добавочный». Таким образом, возникают «*предельные* затраты», «*предельная* норма» замещения, «*предельный* доход» и т.д. Во всех случаях мы говорим о первой производной от какой-либо переменной, т.е. о дифференциальной величине. Возьмем упрощенный пример: если производство увеличивается на одну единицу, насколько вырастут затраты? Так мы получаем «предельные затраты». Еще один пример: если доступные нам ресурсы увеличиваются на одну единицу, как вырастет общий доход? Получаем «предельный доход».

состояния рынка цена на определенный товар в рамках разных сделок будет отличаться, ко времени достижения рынком состояния оптимального равновесия происходит *выравнивание цен*. Один товар — одна цена.

Представленные источники привели меня к базовой идее алгоритма двухуровневого планирования. Я начал разрабатывать модель. Центр, согласно этой модели, определяет для отраслей количественные показатели (квоты по затратам и обязательства по объемам производимой продукции). Отрасли, в свою очередь, вырабатывают планы, оптимально отвечающие требованиям центра, так же, как мы делали до сих пор в рамках линейного программирования по отраслям, и затем сообщают центру теневую цену* ресурсов и обязательств. Получается своеобразный отчет о рентабельности. Основываясь на принципе выравнивания цен, центр заново проводит распределение, выводит ресурсы оттуда, где добавочный доход был низким, и переправляет их туда, где он будет выше. Таким же образом определяются требования по объему производства. Отрасли снова производят расчеты, и процесс продолжается до достижения оптимального распределения.

Идея сформировалась, но четко выразить ее я был не в состоянии. Мог только сослаться на аналогию. Если Самуэльсон сумел доказать тенденцию к выравниванию цен, значит, и здесь описанное правило перераспределения должно вести к равновесию и оптимальным решениям. Но ссылки на аналогию недостаточно, утверждение необходимо *доказать*, а на это я был не способен.

В одиночку мне было не справиться, но мне мог помочь Тамаш Липтак. У него возникла гениальная идея: представить проблему как модель теории игр. Липтак предложил это в 1963 г., задолго до того, как теория игр пережила свой ренессанс в экономике. Один игрок — это центр, второй — совокупность отраслей. В такой формулировке уже присутствовало строгое математическое утверждение, которое доказывало: описанный процесс приближается (конвергируется) к оптимальному решению.

Мы закончили исследование под названием «Двухуровневое планирование»[97]. Базовые *экономические* идеи описанной модели и алгоритм вычислений предложены мною, мне же принадлежит интерпретация математической модели и алгоритма. Впечатляющая точность описания, даже элегантность — заслуга Тамаша Липтака. Именно он придумал трюк (если представить задачу в терминах теории игр), который позволил рассмотреть эту сложную проблему математически и доказать наши предположения.

Работу мы снова отослали в журнал «Эконометрика»[98]. Результат был тот же, что и с первой публикацией — статью приняли сразу и без изменений. Она была опубликована в 1965 г. и принесла авторам мировую известность в области математической экономики. Статью сотни раз цитировали, перевели на

---

* Реальные цены определяет рынок. Теневые цены рассчитываются искусственно и используются для некоторых видов анализа, например при сравнительном анализе затрат и результатов для инвестиционных проектов. Существуют различные приемы их вычисления. Вычисление в линейном программировании автоматически генерирует ряд теневых цен.

многие языки, включали в списки учебной литературы. Когда Кеннет Эрроу подбирал 22 статьи для сборника самых значительных теоретических работ, опубликованных в «Эконометрике», то включил в него и наше «Двухуровневое планирование»[99].

Статья соединила в себе два моих устремления. С одной стороны, я хотел перейти от отраслевых моделей к программированию на уровне национальной экономики, получив *алгоритм*, который позволил бы объединить отраслевые модели. Я еще коротко вернусь к этому намерению и его осуществлению, но прежде должен сказать несколько слов о другой моей цели — *теоретическом* анализе централизованного планирования.

Идеализированная модель централизованного планирования

Двухуровневое планирование можно понимать как идеализированную модель централизованного планирования. Оно демонстрирует процедуру, позволяющую плановикам из центра и по отраслям создать план, который отвечал бы следующим условиям:

— Отраслевые планы точно совпадают с заданными показателями главного плана. Центральный план и отраслевые планы полностью гармонизированы.

— План осуществим: он вписывается в ограничения по ресурсам как на национальном, так и на отраслевом уровне.

— План представляет собой лучший вариант по расчетам и максимально отвечает целям, которые определяет центр.

— План — не просто диктат из центра. Он не подразумевает, что вся информация находится в центре. В длительной перспективе он выстраивается на информации, которая копится децентрализовано (для нашей модели — в отраслях).

Западные специалисты по математической экономике так обрадовались появлению теоретической модели двухуровневого планирования, потому что ее можно было четко и ясно противопоставить модели Оскара Ланге, речь о которой шла в предыдущей главе. Хотя Ланге в свое время не применял математические модели для демонстрации своих идей, позднее их удалось перевести на математический язык. Теоретическую конструкцию разработал выдающийся французский экономист Эдмон Малинво*[100]. В его модели — как и у нас — был высший уровень, центр, и единицы низшего уровня (у Малинво это были предприятия). В обеих моделях информация перемещается между центром и единицами более низкого уровня. Что же касается потока экономической информации в модели Ланге–Малинво, то он является «зеркальным отражением» потока в модели Корнаи–Липтака. В мире Ланге–Малинво

* Мы с Липтаком работали над моделью двухуровневого планирования, еще не будучи знакомы с моделью Малинво. Ознакомившись с нашей работой как один из редакторов «Эконометрики», Малинво с готовностью и энтузиазмом содействовал ее публикации. В дальнейшем он при каждой возможности оказывал мне содействие в работе.

центр устанавливает цены, а предприятие, отталкиваясь от этих цен, сообщает об объеме затрат и продукции обратно в центр. На основании этих данных может определить, где избыточен спрос, а где — предложение, и затем сделать вывод, где и в каком направлении следует менять цену, установленную в централизованном порядке. Так выглядела идеализированная картина «рыночного социализма». У нас потоки перемещаются в обратном направлении. Сверху вниз идет информация не о ценах, а о количестве: объем ресурсов и производственный план, данные об экономической эффективности выделенных ресурсов и плановых заданий. Это — идеализированное представление о централизованном планировании.

В качестве дальнейшего сравнения можно противопоставить модель Корнаи–Липтака как модель идеального планирования теории общего экономического равновесия или модели идеального рынка Леона Вальраса. Первая подтверждает теоретическую возможность существования системы, в которой идеально функционирует полная централизация, а вторая утверждает обратное: теоретически можно представить систему, где идеально функционирует полная децентрализация.

Добавлю к сказанному несколько замечаний. Я описываю здесь не то, что я думал на момент проведения исследования, а то, как воспринимаю его в 2004–2005 гг., когда пишу мемуары. Я не пытаюсь подойти к данной работе с относительными мерками, с целью оценить ее значение с точки зрения двух восточноевропейских ученых, отрезанных от остального мира. Моя цель — ответить на вопрос, обладает ли эта работа *долгосрочной теоретической ценностью.*

На мой взгляд, да, обладает. Сила математического моделирования состоит как раз в том, что оно позволяет понять, *при каких допущениях* выводимые утверждения действительны. Тот, кто умеет правильно интерпретировать теоретическую работу по математической экономике, сможет рассуждать и об этих гипотезах.

Алгоритм двухуровневого планирования работает в том случае (и только в том случае), если выполняются следующие условия:

1. По модели у плановиков из центра цели ясные и однозначные. (Сформулированные в целевой функции.) В реальности ситуация в социалистической экономике иная: руководство центра непоследовательно, оно меняет свою политику неожиданно, импровизирует, делает шаги вперед, потом назад, колеблется, центр перегружен внутренними конфликтами. Экономическая политика центра не в состоянии последовательно уравновешивать его разнообразные цели, не может и не стремится определить их относительную важность.

2. Отрасли в данной модели не имеют собственных четко выраженных целей. Они подчиняют свои цели устремлениям центра. В реальной социалистической экономике у каждого игрока на любой иерархической ступени — свои интересы, и он пытается их продвигать.

3. В модели может быть принят только тот план, который учитывает верхние и нижние ограничения, отражающие реальные условия. В действитель-

ности принимаются нереальные (по большей части, чересчур оптимистичные) планы, хотя все прекрасно знают, что их выполнение натолкнется на различные препятствия.

4. В модели любая информация точна, независимо от того, спускается ли она сверху вниз, или наоборот. В реальной социалистической экономике любые данные неточны. Участники экономического процесса к тому же еще и обманывают, исходя из собственных интересов, — завышают или занижают цифры, в зависимости от того, что сулит им лучшие позиции.

5. В модели правит абсолютная дисциплина: цифры из центра приходят вовремя, ответные данные из отраслей поступают тоже вовремя и регулярно. На практике постоянно случаются опоздания и путаница — ведь там работают люди, а не машины.

6. Плановый аппарат в модели терпелив, между центром и отраслями происходят постоянные согласования с целью достижения оптимального решения. На самом деле планы готовят в сжатые сроки. Даже если бы их составители и хотели постоянно подправлять плановые показатели, у них просто не остается на это времени.

Получается, что рассуждать надо так.

Во-первых, примем как положение теоретической модели следующее: централизованное планирование работает идеально, если...

Во-вторых, основательно проанализируем все «если» и сравним теоретические положения с действительностью.

В-третьих, установим: положения не выполняются. Более того, они *не могут* выполняться.

И наконец, в-четвертых, сделаем вывод: централизованное планирование идеально функционировать не может.

Роль теоретической модели состоит отчасти в том, чтобы дать возможность строго следовать ходу мысли. В подобном приложении модель двухуровневого планирования и сегодня остается удобным и пригодным мыслительным инструментом.

Остается добавить одно личное замечание. Как станет ясно из последующих глав, я стал довольно критично относиться к неоклассическим суждениям и к их теоретическому ядру — теории общего равновесия Вальраса. Описанный выше ход рассуждений, подтверждение гипотез, предлагаемых в модели, сопоставление их с действительностью были среди причин, побудивших меня критиковать доминирующее направление экономической мысли. Однако когда мы конструировали модель двухуровневого планирования, подобных критических настроений у меня не было, а если и были — то только в зародыше. Именно тогда я более всего идентифицировал себя с неоклассической теорией. Интеллектуальные лидеры данного направления могли справедливо полагать, что я нахожусь с ними на одной частоте, и эта симпатия на уровне мысли повышала их интерес к моим работам и к моей личности.

Программирование для национальной экономики: несколько отправных принципов

В процессе написания работы, посвященной двухуровневому планированию, Тамаша больше интересовали теоретические аспекты проблемы. Как математику ему было важно ответить на профессиональный вызов — сформулировать проблему. Меня же, напротив, в равной мере занимал и теоретический анализ, и *практическое применение.*

Необходимо пояснить, как должны соотноситься между собой официальные планы, составленные Госпланом и министерствами, и план, разработанный исследователями с привлечением математической модели. Согласно доминирующей экономической теории, исследователи должны сформулировать так называемую функцию благосостояния и с ее помощью выразить общие интересы социума. Она же будет фигурировать в качестве целевой функции в вычислениях, производимых с помощью модели. Оптимальным будет тот план, который гарантирует максимальное благосостояние членам общества, учитывая ограничения, описывающие объективные обстоятельства. Просвещенный исследователь-экономист будет осторожен в определении и анализе «функции благосостояния». Исходя из собственных предпосылок, он истолкует термин «благосостояние», учитывая его материальные и нематериальные (культурные, стратегические, геополитические и пр.) составляющие, и примет во внимание необходимость обеспечивать благосостояние не только для нынешнего, но и для будущих поколений. Как только «функция благосостояния» задана, плановики-математики рассчитывают план и подают его с комментарием: *это* оптимальный план, и те, кто принимает политические решения, должны принять именно его, а не то, что разработали плановики, пользующиеся традиционными методами*.

Столкнувшись с этим заданием, я решил применить иной подход. Я работал, исходя из собственных принципов исследования, и моя мотивация базировалась на различных факторах.

Мною руководили тактические соображения. Я не хотел, чтобы плановики видели в нас конкурентов, жаждущих заменить их с помощью моделей и компьютеров, и предпочел бы дружеское сотрудничество между сторонниками традиционного планирования и математиками. По большому счету, так и получилось. Руководители Госплана, ответственные за долгосрочное планирование, в первую очередь Иштван Хетени, проявили искренний интерес к нашей работе и оказали серьезную поддержку**.

---

* В ходе споров возникла мысль о том, что люди, занимающиеся математическим планированием, должны интересоваться предпочтениями политиков высшего эшелона и выводить эти предпочтения в качестве целевой функции. Таким образом, модель будет отражать суждения политиков, а не пожелания населения.

** У читателя может возникнуть вопрос, почему я с готовностью принялся сотрудничать с Госпланом, отказавшись от участия в работе партийных комитетов по реформам. В главе 15, посвященной реформам 1968 г., я вернусь к данной проблеме.

Были у меня и серьезные теоретические возражения. Я считал тогда и продолжаю считать сейчас, что единую, сводную, все объединяющую «функцию благосостояния» определить невозможно. Другими словами, мы не можем однозначно утверждать, что есть «общественный интерес». Общество не является гомогенной единицей. Индивидуумы и группы людей имеют разные представления о благосостоянии, о распределении прибылей и затрат между нынешним и будущими поколениями и т.д. Конфликты интересов разрешаются на политической арене — там, где принимаются решения по бюджету, экономическому законодательству и планам в экономике. Экономист, создающий модели, такие решения принимать не может. Свои возражения я излагал и в печати*.

В период моих сомнений, связанных с «функцией благосостояния», в 1960-е годы я ничего не знал о той огромной теоретической работе, итогом которой стала самая продуктивная идея Кеннета Эрроу, разработанная им в знаменитой «теореме о невозможности»[101], а затем ставшая основой важного и результативного исследовательского направления**. Можно привести серьезные доказательства в пользу утверждения: нет такой процедуры демократического принятия решений, которая могла бы объединить отличные друг от друга индивидуальные предпочтения в одну общую функцию благосостояния***. Изучив впоследствии литературу по данному вопросу, я утвердился в мысли, что был прав в своем отрицании идеи о максимализации «функции благосостояния» как единственного квантитативного «оптимального критерия народного хозяйства», который был призван выражать интересы общества.

С этим же были связаны и мои политические и идеологические соображения, которые я тщательно обдумывал, но не публиковал. Нравилось мне это или нет, но приходилось учитывать, что фундаментальные решения при таком режиме принимались на верхушке партийной иерархии, а уже потом подгонялись на уровне Госплана и министерств. Если спущенные сверху цифры будущего плана казались нереальными, профессиональное чутье могло под-

---

* В спор включился и профессор Тинберген. Он выступал на стороне Рагнара Фриша, считая выработку «функции благосостояния» делом возможным и необходимым. Для меня большая честь, что Тинберген упомянул наш с ним спор в своей нобелевской лекции (1981 [1969], с. 21), где предложил следующее: «и Восток, и Запад должны попытаться определить свои функции благосостояния таким образом, чтобы прояснить, действительно ли их конечные цели так отличаются друг от друга, или нет». Предложение Тинбергена показывает, как сильно было в нем стремление к мирному сосуществованию и сотрудничеству и до какой степени благие намерения сочетались у него, увы, с политической наивностью.

** Выдающуюся роль в становлении и расширении теории социального выбора сыграла работа Амартьи Сена (1997 [1982]). Двадцать лет спустя мне повезло, и Амартья Сен стал моим другом и коллегой по Гарвардскому университету. Нам не раз выпадала возможность обсудить проблемы социального выбора.

*** Еще в 1940-е годы между теоретиками от экономики возник спор о трактовке «функции благосостояния» и среди прочего о подходе Абрама Бергсона и Пола Самуэльсона. Подробное сравнение различных теоретических построений на данную тему выходит за рамки автобиографии.

вигнуть плановиков на осторожные замечания, если выполнение спущенных показателей представлялось нереально, но, в конечном итоге, им не оставалось ничего, кроме как следовать распоряжениям.

В окружении плановиков, использовавших традиционные методы, я начал производить вычисления с помощью математических инструментов — я хотел сделать все так, чтобы *сохранить определенную дистанцию* от тех, кто принимал решения. Вместо споров о том, какую «функцию благосостояния» следует применить, мы применяли простую формулу: «официальный план» принимался как *данное*, а его количественные показатели использовались в роли ограничителей для модели. В качестве целевой функции принимался такой показатель, увеличение которого было бы бесспорно полезным. В нашем случае таким показателем было, например, улучшение сальдо текущего платежного баланса, рассчитанного в конвертируемой валюте. Модель, таким образом, выдавала такой план, который содержал все, что мог дать план, разработанный традиционными методами, и *вдобавок* сокращал долги Венгрии. Плановики могли работать над планом для страны независимо от нас, программистов-математиков. Мы это учитывали и *по сравнению с этим* пытались немножко подправить экономическое положение в стране. Как ни рассматривай политическую ситуацию и будущее, любой согласится, что сокращение долга — благо для страны*.

В те годы и в Советском Союзе возникла мысль о применении математических методов в планировании. В Москве и Новосибирске группы ученых разрабатывали плановые модели, а их интеллектуальным лидером стал Леонид Канторович, открывший математические основы линейного программирования. Риторика советской школы существенно отличалась от того, что предлагал в Будапеште я. Советские ученые обещали создать «оптимальные планы», но я подобным обещаниям не верил: они представлялись мне безосновательными и полными иллюзий, вводящих в заблуждение. Я последовательно полемизировал с венгерскими сторонниками этой точки зрения. Мои представления были куда скромнее: наши вычисления, в лучшем случае, могли привести к рекомендациям, способным ощутимо подправить официальный план.

Я ни минуты не думал, будто линейное программирование можно будет применить к оперативному планированию в экономике, т.е. использовать его при разработке ежегодных планов. Для меня было очевидно, что ежедневной координацией производства и потребления должен заниматься рынок, а не математическая модель. Я хотел работать исключительно в области средне- и долгосрочного планирования. Программирование по отраслям уже начало тогда заниматься выбором между альтернативными инвестициям, и мне хотелось продолжить эту работу на уровне моделирования для национальной экономики.

---

* В процессе вычислений мы пользовались различными целевыми функциями — например наряду с выполнением прочих задач официального плана рассматривали максимализацию потребления населения. Это приводило к созданию нескольких вариантов плана и увеличению выбора. Тем самым мы пытались внести свой вклад в разрушение догмы, согласно которой «возможен лишь один план» и двигаться можно только по одному пути.

Вычисления

Стоит коротко рассказать о практическом воплощении наших идей. К 1962–1963 гг. волна жестоких репрессий после 1956 г. начала стихать. Всеобщая амнистия затронула и моих друзей, попавших в тюрьму после 1956 г. Появились признаки того, что моя «ссылка» в легкой промышленности может подойти к концу. В рамках исследования, которое я проводил в текстильной промышленности, я сотрудничал с первыми венгерскими компьютерщиками — сотрудниками Центра вычислительной техники Венгерской академии наук, и они предложили перейти к ним на работу. Я с радостью принял предложение.

По работе я также был связан с Институтом экономического планирования при Госплане, который согласился первым применить математические методы в планировании*. Коллеги в институте при активной поддержке начальства начали вести работу по внедрению программирования в экономическое планирование на национальном уровне.

В соответствии со структурой, описанной в исследованиях Корнаи–Липтака, мы начали выстраивать сеть моделей: центральную модель и 18 отраслевых моделей для первых опытных вычислений. Для создания отдельных моделей я по очереди «вербовал» экономистов из различных центральных и отраслевых институтов. Параллельно я собрал основную команду из нескольких коллег, которые все рабочее время посвящали нашим вычислениям, и консультантов по конкретным проблемам. В кульминационный период у нас было целое небольшое войско из 150–200 человек, которые с энтузиазмом занимались созданием модели, сбором данных и вычислениями. Многие

---

* Начальство Института экономического планирования хотело, чтобы я работал у них штатным сотрудником, однако эта идея натолкнулась на запрет со стороны отдела кадров Госплана. Теперь, когда у меня есть возможность ознакомиться с полицейской документацией того времени, я могу реконструировать ситуацию, приведшую к запрету. Отдел кадров в Госплане запросил характеристику с моих предыдущих мест работы. Учреждения легкой промышленности, где я работал непосредственно до этого, не хотели чинить мне препятствий и прислали довольно нейтральные характеристики. Документ же, присланный Институтом экономики Академии наук, был выдержан в манере «и нашим, и вашим»: в нем подчеркивались мои профессиональные заслуги, но было сказано и о моей роли в событиях 1956 г., и о том, что меня уволили из института по политическим мотивам. Подобная информация вряд ли могла воодушевить Госплан. Параллельно был сделан запрос в Министерство внутренних дел. Отделы внутренней (III/III) и внешней (III/II) разведки МВД проконсультировались между собой на уровне полковников, проверили мой «материал» и установили, что «указанное лицо фигурирует в наших документах как участник действий в период контрреволюции» (ÁBTL V-145-288-a. C. 502–505. Распоряжение отдела III/III о начале расследования выдано 27 декабря 1962 г.). Госплан, очевидно, передумал брать меня на работу в связи с отказом МВД выдать разрешение. Вернуть Корнаи в Академию — это еще ничего, но взять его на работу в Госплан — это уже слишком! Моя жизнь протекала параллельно в двух измерениях, и данный пример — отличное тому доказательство. Видимую часть составляли мои усилия по внедрению математических методов планирования. В невидимом измерении отделы кадров и тайная полиция следили за мной и вмешивались в мою судьбу.

из разработчиков «двухуровневого планирования» на момент подключения к проекту находились в самом начале своей карьеры и впоследствии стали известными политиками, руководителями и исследователями в области экономики (Густав Багер, Пал Бенедек, Анна Йонаш, Андраш Надь, Ференц Рабар, Юдит Римлер, Мартон Тардош, Дёрдь Шимон, Йожеф Шивак и многие другие). Это было собрание лучших умов.

Как всегда бывает в подобных случаях, надо было раздобыть денег. Я по очереди обходил чиновников, пытаясь выбить материальную поддержку для создателей отраслевых моделей. Было подготовлено несколько информационных буклетов для тех, кто с нами работал, заказчиков, т.е. для руководящих работников, готовых нас поддержать, и для интересующихся коллег. Часть публикаций содержала инструкции по созданию моделей, проведению вычислений и теоретические объяснения к процедурам. Другая часть информировала о результатах вычислений. Большую часть этих брошюр я писал сам. В рамках проекта за эти годы из-под моего пера вышло не менее двух тысяч страниц для распространения среди венгерских экономистов.

Первая фаза проекта, которая проходила под моим руководством, началась в 1963 г. и продолжалась пять лет*. Вычисления по отраслям, по большей части, были проведены в срок и дали интересные результаты. С вычислениями для центра пришлось помучиться. Алгоритм Корнаи–Липтака, с учетом тогдашнего состояния вычислительной техники, оказался слишком медленным и требовал слишком большого количества вычислений. Вместо элегантного, но недостаточно эффективного, алгоритма пришлось прибегнуть к более грубым и приблизительным процедурам.

Параллельно мы создали еще одну, менее масштабную, модель планирования для всей экономики в целом и использовали ее для ряда вычислений. Цель наша состояла в следующем: раз уж результаты вычислений для большой двухуровневой модели запаздывают, данная небольшая модель позволит показать плановикам пользу линейного программирования**.

Шли годы, собирать данные и обрабатывать их на компьютере становилось все труднее и труднее, первоначальный энтузиазм стал угасать. Некогда бодрая команда единомышленников начала распадаться, а те, кто остался, устали от постоянной борьбы. Кто-то чувствовал себя обязанным достойно завершить проект и не бросать его. Однако окончательные результаты вычислений выглядели не слишком впечатляюще. Мы не говорили, да и не могли сказать,

---

* Последний растиражированный бюллетень о программировании в экономике с окончательными результатами вычислений вышел в 1968 г. По завершении первого опытного этапа программирования я больше не принимал непосредственного участия в работе, передав руководство проектом другим экономистам — моим прежним коллегам.

** Вместе с Жужей Даниэль (тогда еще Жужей Уйлаки, а впоследствии — моей второй женой) мы разработали модель и опубликовали результаты в совместной работе. В процессе этой работы мы очень сблизились. Будь это единственным результатом лет, потраченных на математическое планирование, — оно бы и тогда того стоило.

что получили математическую модель плана народного хозяйства, имеющую научное обоснование, рассчитанное при помощи компьютера.

К концу проекта нас уже обуревали смешанные чувства: налицо были признаки успеха и провала одновременно. Люди, работавшие в команде, никогда не собирались для совместного обсуждения полученного опыта. Отдельные результаты масштабного проекта публиковались в рамках индивидуальных исследований. Я тоже написал несколько статей. Часть моих наблюдений и выводов вошла в книгу о математическом программировании, второе издание которой содержало подробный отчет о модели программирования народного хозяйства, результаты проведенных вычислений и отдельные экономические выводы из этих вычислений*.

Стоило ли оно того?

Как оценить с позиции сегодняшнего дня это гигантское предприятие, потребовавшее от меня и других огромного количества усилий и времени? Попробую восстановить по пунктам, чего я ждал от этой работы, когда принялся за проект, и насколько ожидания оправдались. Анализ, в основном, посвящен моделированию на уровне национального планирования, однако часть сказанного относится к другим исследовательским проектам в области математического планирования.

Одно из ожиданий было связано с моим политическим окружением того периода. В предыдущей главе я писал о том, что к концу 1950-х годов ощутил, как программа эмпирических исследований, начало которой положила «Сверхцентрализация», зашла в тупик.

Если исследования могли привести к резкой критике существующего режима управления экономикой — а они вели именно к этому — публиковать их результаты становилось невозможно. Применение математических методов обещало выход из тупика. Комиссары, партийные референты и все те, кто контролировал работу институтов, издательств и журналов, не понимали языка математики. Стоило им увидеть в рукописи пару формул — они ее тут же с содроганием откладывали. Таким образом, этот язык становился защитой от глаз пытливых политиков и их приспешников, бдительных «политэкономистов». Математический формализм создавал (не без основания) впечатление политической нейтральности, ведь формула, уравнение или геометрическая фигура лишены партийной принадлежности. Потому-то данная область и казалась исследователю относительно спокойной.

В этом смысле мои ожидания оправдались. Никто никогда не выдвигал политических обвинений против тех моих исследований, которые базировались

---

* Второе издание моей книги «Математическое планирование экономической структуры» вышло в свет в 1972 г. Если рассматривать сделанные дополнения как часть исследований в области программирования национальной экономики, выходит, что я отдавал этому проекту бóльшую часть своего времени в течение почти десяти лет.

на математических методах. Могу сказать: выбор темы позволил мне перехитрить комиссаров, несмотря на всю их бдительность. До сих пор приятно это осознавать.

Мне казалось, что применение математических методов в ходе исследований обогатит мои познания и поможет освоиться в современной экономической науке. И эти мои надежды также полностью осуществились.

Я рассчитывал не только учиться, но и учить. В этом отношении реальный ход событий не только оправдал мои ожидания, но и превзошел их. От преподавания в университете я был отлучен; формально мне не было разрешено иметь учеников. Однако руководство многочисленной исследовательской группой, в которой оказалось куда больше народу, нежели планировалось заранее, в конечном счете, позволило мне стать преподавателем. О формальных отношениях студент–преподаватель, естественно, не было и речи. Моими коллегами были либо ровесники, либо люди старше меня по возрасту; официально я не был над ними начальником. Все они добровольно согласились на мое руководство в рамках проекта. Уверен, что сумел за это время передать им множество идей, и отраслевое программирование в экономике помогло им, как и мне, лучше познакомиться с современной микроэкономикой и понять ее.

Применение математических методов в экономических вычислениях и исследованиях стало не просто методическим направлением, в узком смысле, но превратилось в настоящее интеллектуальное движение. В этом своеобразном движении одну фракцию составляли мы, двухуровневики, но появились и другие группировки: сторонники анализа «затраты–выпуск», эконометристы, исследователи операций. Представления всех этих групп во многом совпадали. Нас объединял уход от тупиковой политэкономии 1950-х годов, стремление к точности, намерение изучать и перенимать результаты исследований современной (читай: западной) экономической науки. Мы устраивали конференции; объединившись с несколькими коллегами, создали секцию математической экономики при Венгерском экономическом обществе*.

Ранее я уже подчеркивал, что сознательно стремился стать частью западного научного сообщества. С этой точки зрения надежды мои более чем оправдались. Время шло, и я все сильнее ощущал, что нахожусь в русле мощного западного течения мысли. То был период, когда во Франции, Голландии, государствах Скандинавии и в других развитых странах создавались официальные институты экономического планирования, где использовались математические модели. Экономисты, занимавшиеся развивающимися странами, последо-

---

* К тому времени я уже был знаком с уставом Международного эконометрического общества и, по его образцу, предложил не избирать постоянного председателя, а каждый год выбирать нового. Так и вышло — но только в нашей секции. Поначалу председатели, первым из которых стал я, действительно работали по одному году. Однако процедура, основанная на ротации, стала раздражать наше начальство, руководство Венгерского экономического общества, где пост председателя был, можно сказать, пожизненным. Глава общества мог находиться на посту до тех пор, пока позволяли высшие политические органы. Спустя несколько лет секцию математической экономики вынудили последовать этому примеру.

вательно разрабатывали плановые модели для Индии, Мексики и Турции в сотрудничестве с коллегами из этих стран. В Индии был создан государственный плановый комитет, где влиятельную роль играли экономисты-математики.

Венгерское плановое моделирование вызвало огромный интерес у западных коллег. Модели Ланге–Малинво и Корнаи–Липтака сопоставлялись не только на теоретическом уровне. Практики сравнивали построение моделей программных вычислений для поддержки государственного планирования во Франции, Нидерландах, Индии, сбор данных и опыт применения моделей с работой, которая проводилась в Венгрии при поддержке венгерского Госплана. Нашу работу высоко оценили за рубежом и признали значительным интеллектуальным достижением.

Сравнивая ожидания и реальный ход событий, следует задать следующий вопрос, повлияла ли разработанная нами методология на практическое планирование. И ответ здесь совсем не однозначен.

С одной стороны, сами методы — сначала вычисления по системе «затраты–выпуск», а затем и линейное программирование — стали инструментами Госплана и министерств. Были созданы отделы или группы по внедрению этих инструментов — они регулярно предоставляли результаты вычислений руководителям планового аппарата, которые, по идее, должны были размышлять над полученными цифрами. Однако ответить на вопрос, принимались ли предложения разработчиков, я не могу*.

С другой стороны, что касается провалов: пока я мог наблюдать ситуацию изнутри, у меня складывалось впечатление, будто математическое планирование остается инородным телом в бюрократическом организме традиционного планирования и никак в него не встраивается. Наша работа находила отклик у многих руководителей Госплана и высоких чиновников в министерствах. Обладая некой аурой, она создавала впечатление, что использование математики и электронно-вычислительной техники делает планирование по-настоящему научным и современным. Так в чем же тогда была проблема?

Все проблемы были связаны с теми шестью вопросами, на которых я останавливался ранее, в связи с *теоретической* моделью двухуровневого планирования. Не только теоретическая модель в самых своих существенных деталях отличалась от практики, но и применение ее в планировании не отвечало повседневной реальности социалистического планирования. Если планирование осуществляется на базе математической модели, необходимо выполнить следующие условия:

1. Цели экономической политики должны быть четко продекларированы, и каждый раз, когда цели и намерения меняются, следует начинать планиро-

---

* С конца 1960-х годов я начал работать в другом направлении и непосредственного опыта в государственном планировании в последующие десятилетия у меня не было. Данная методология могла применяться и шире, чем я предполагаю. Возможно, с распространением персональных компьютеров и ростом их мощности возросла и роль математического планирования. Точный ответ дать невозможно, ведь аппарат Госплана был распущен после смены режима в 1989 г.

вание заново. Какой политик на такое согласится? Политик любит неопределенность. Его не смущает ситуация, когда заявленные им цели противоречат друг другу. Он любит говорить общими фразами и не готов демонстрировать в числовом выражении удельный вес политико-экономических устремлений и намерений, порядок приоритетов, т.е. те сведения, которые появляются в количественном выражении для целевой функции в одной из программных моделей. Политик этого боится, ведь потом цифровые показатели могут с него спросить.

2. Собрав материал для национального экономического программирования и обнародовав промежуточные результаты, мы обнаружили, что каждая организация, каждый человек воспринимают их по-своему. Если наши вычисления — на наше счастье — поддерживали то, что и так было запланировано, их ждал теплый прием. Если нет — адресат начинал высказывать упреки: модель упрощает реальность (и это правда), игнорирует то и это, основана на неточных данных (тоже правда) и т.д.

3. Политикам, вырабатывающим экономическую стратегию, и обслуживающим их плановикам зачастую сложно объяснить, что следует разделять цель, т.е. *направление* устремлений, доминирующих в экономической политике, и *ограничения*, влияющие на принятие решений. Как я уже отметил в пункте 1, политик, занимающийся экономикой, не любит говорить, что важнее: экономический рост или замедление инфляции. Он предпочтет определить цели для обоих процессов по отдельности. С точки зрения математической конструкции модели это не проблема: подобные макронамерения следует представить — в математическом смысле — как «ограничение». Остается неясным, согласуются ли эти произвольные, *субъективные* ограничения, представляющие намерения в экономической политике, друг с другом и возможно ли их совместное осуществление. Далее возникает вопрос, совместимы ли они с *объективными* ограничениями, отражающими внешние условия (например, природные ресурсы, производственные мощности, наличие рабочей силы, ограничения на импорт).

4. Мы сами не вполне доверяли тем данным, которые вводили в компьютер. Плановики пытались втюхать нам цифры и не очень-то делились информацией о расчетах, которыми пользовались для собственных оценок. Они чиркали цифры на бумажках и прятали их при любой возможности, ведь эти данные были для каждого плановика оружием в борьбе, которую он вел с другими плановиками за обладание скудными ресурсами и снижение слишком высоких обязательств.

5 и 6. В XXI в. с нашими компьютерами мы, вероятно, можем идти в ногу с подготовкой плана, но тогда это было нам недоступно. Наши вычисления запаздывали на порядок. Проще было прикинуть плановый баланс «на глазок», исходя из опыта, нежели высчитывать его при помощи строгой системы уравнений.

Причина у всех этих сложностей была одна: социалистическое планирование было настоящей тайной кухней, повара которой не доверяли свои секреты чужакам. Они терпеть не могли публичности и прозрачности. Математическая модель заставила бы их соблюдать дисциплину, прибавлять то, что надо прибавить, и отнимать то, что следует отнять. А для плановиков это было неприемлемо.

Анализируя проблему с сегодняшних позиций, мы придем к аргументации Хайека, о которой уже говорилось ранее. Невозможно собрать всю информацию, все знания в одном центральном органе или в центре и в дюжинах связанных с ним отраслевых центрах. Знания децентрализуются по мере надобности. Для их полноценного и эффективного использования необходимо, чтобы тот, кто обладает информацией, мог распоряжаться ею в своих целях. Децентрализованная информация должна сочетаться со свободным предпринимательством и частной собственностью. Не обязательно использовать децентрализовано абсолютно всю информацию, но стремиться к этому стоит.

Здесь мы уже выходим за узкие рамки одного вопроса (почему при нормальном функционировании социалистического централизованного планирования математическое планирование в него не встраивается) и сталкиваемся с проблемой куда более общего характера, почему центральное планирование не может работать эффективно в данной социалистической политико-социально-экономической ситуации.

В конечном итоге, годы работы в институтах, занимавшихся планированием, не только не примирили меня с идеей централизованного планирования, но еще больше отвратили от нее. Я резко отверг бюрократическую централизацию еще в 1956 г., когда исследовал проблему «снизу», на уровне предприятий и их непосредственных руководителей. Теперь же, в период между 1963 и 1968 г., я узнал, что происходит «наверху». Я лишь укрепился в своем убеждении: какими бы современными методиками ни пользовалось социалистическое планирование, оно не в состоянии оправдать надежды, возлагаемые на него приверженцами социализма.

Завершая сопоставление ожиданий и их реализации, хотелось бы сказать еще несколько слов о вере в реальность планирования. Многих в социализме привлекает именно возможность планировать и делать это сознательно. Мысль о том, что экономические процессы подчиняются интеллекту человека, а не слепой силе (рынку), действует успокаивающе. Успех планирования на уровне всей страны оправдывает веру в человеческий рационализм. Более того, осуществляя планирование на государственном уровне, социалистические страны предприняли невиданную ранее отважную попытку претворить эту веру и надежду в жизнь.

В своих мемуарах я пытаюсь рассказать об этапах моего последовательного разрыва с коммунистическими идеями и марксистской теорией. Политически я уже находился в абсолютной оппозиции и существенно отошел от политэкономии марксизма, но продолжал надеяться на способность централизованно-

го планирования сыграть действенную и прогрессивную роль в распределении инвестиционных ресурсов и определении стратегии развития различных секторов экономики в долгосрочной перспективе — особенно если при этом будут задействованы современные технологии (математические модели, компьютеры). Однако в этом своем ожидании я обманулся.

Разочарование смешивалось с сознанием того, что за время, проведенное среди плановиков, я многому научился. Это было немножко похоже на то, как этнограф месяцами живет среди тех, кого исследует. Мою работу можно назвать аутентичной, ведь я изучил социалистический режим изнутри. С этой точки зрения грандиозный проект по программированию национальной экономики оказался для меня неоценимым.

Здесь я позволю себе ненадолго отвлечься от рассказа о собственной жизни и порассуждать о перспективах планирования сейчас, в начале XXI века. К сожалению, крах коммунистической системы дискредитировал саму идею планирования. Был распущен не только Венгерский комитет по планированию, но и советский Госплан, и аппараты центрального планирования в других странах социалистического лагеря; институты, занимавшиеся планированием за пределами советского блока, также потеряли свое влияние, а их число сократилось. Сегодня необязательно быть коммунистом или сторонником марксистской идеологии, чтобы увидеть перспективы планирования на уровне национальной экономики. Необходимы вычисления, которые выходили бы за рамки одного или двух бюджетных лет и пробовали бы обрисовать альтернативные пути развития для конкретной страны. Подобное планирование не обязательно должно приводить к созданию принудительных инструкций по выполнению плана для субъектов экономической деятельности. Достаточно рассчитать альтернативные пути развития, которые могли бы стать источником размышлений и дискуссий для политиков и руководителей экономики, хотя бы в той степени, как это представляли себе в то время Рагнар Фриш, Ян Тинберген и французские плановики 1960-х годов, предлагая вместо *императивного* планирования коммунистической экономики *индикативное* планирование, совместимое с рыночной экономикой. Когда тягостные воспоминания об устаревшем планировании при коммунистическом режиме отойдут далеко в прошлое, может произойти возрождение идеи планирования. И тогда, возможно, окажется полезным что-то из опыта, накопленного нами в области математического программирования.

Сотрудничество с математиками

Вернусь к своей личной истории. Мы с Тамашем Липтаком предприняли не одну попытку продолжить сотрудничество после статьи 1965 г. Увы, это не получилось. Прогрессирующее серьезное психическое заболевание Тамаша подрывало его способность к исследовательской работе. После выхода статьи «Двухуровневое планирование» он уже не мог создать ничего существен-

ного, ни работая самостоятельно, ни в соавторстве со мной или другими учеными. Пока он жил в Венгрии, мы с друзьями пытались снабжать его работой (по крайней мере, какой-нибудь халтурой, чтобы он мог заработать). Позднее Тамаш эмигрировал в Англию, где от него тоже поначалу ждали выдающихся результатов, исходя из прежних заслуг, но затем расстались с этой надеждой и были вынуждены примириться с мыслью, что этот гениальный ум, который начинал так блестяще, уже не способен к продуктивной деятельности. Тамаш Липтак доживал свои дни на британском социальном пособии и умер в 1998 г. в результате травмы, полученной во время посещения Будапешта.

Когда я только начал заниматься математическим моделированием, мне казалось естественным, что подобную задачу должны решать совместно экономист и математик. Работая вместе, мы с Тамашем не только удачно дополняли друг друга как представители двух разных профессий, но и соединяли два типа мышления, сложившихся под влиянием двух дисциплин. Математика учат доходить до пределов абстракции, тогда как экономист приучен постоянно возвращаться к практическому миру. Идеально было бы, если бы способность к максимальной абстракции и обостренное чувство реальности могли соединиться в одном человеке, но подобное вряд ли можно ожидать.

После окончания совместной работы с Тамашем Липтаком я вел исследования по разным темам и публиковал статьи в соавторстве с другими математиками или с экономистами-математиками, изначально получившими математическое образование. Я плодотворно сотрудничал с Петером Веллишем, Балинтом Дёмёлки, Белой Мартошем, Йоргеном Вейбуллом и Андрашем Шимоновичем, и в каждом случае математика и экономика с пользой дополняли друг друга.

Позднее, познакомившись ближе с практикой экономических исследований на Западе, я увидел, что форма сотрудничества, которая казалась мне естественной и очевидной, встречается не так уж часто. Тот, кто хочет стать экономистом, должен овладеть математикой в таком объеме, чтобы самому быть в состоянии разработать качественный математический аппарат для своих работ. Если же экономист ведет совместные исследования, то в роли соавтора чаще всего выступают такие же «двойные» специалисты, т.е. экономисты, умеющие на высоком уровне применять математические методы.

Сложившееся положение, наверняка, имеет ряд преимуществ. Мне не хотелось бы обращать слабость в достоинство. Я часто сокрушался, что не получил «правильного» образования, которое придало бы мне уверенности в самостоятельном обращении со сложными математическими инструментами. Однако в том, что все, без исключения, экономисты занимаются теперь математикой самостоятельно, есть, возможно, и минусы. Они вынуждены ограничивать свои исследования рамками собственных математических знаний. Математики-профи утверждают, что подобные рамки слишком узки. В математической экономике *технические* границы в ряде случаев определяли ученые, получившие математическое образование и работавшие в этой области.

Достаточно вспомнить Яноша Нойманна (известного как Джон фон Нойманн) или Джона Ф. Нэша. Существует множество проблем слишком сложных *в математическом отношении* даже для экономистов, сведущих в математике, — хотя могли бы найтись математики, способные с ними справиться.

Сегодня речь часто заходит о важности междисциплинарных исследований. Стоит подумать, не найдется ли в многообразии будущих экономических исследований место для сотрудничества экономистов и математиков по типу Корнаи–Липтак.

9

ПОЕЗДКИ НА ЗАПАД — С 1963 г.

Летом 1963 г. сбылось мое давнее желание: я смог поехать на конференцию в Кембридж. Поездке предшествовала длинная цепь событий.

Предшествующие события

В 1959 г., когда книга «Сверхцентрализация» была опубликована в Англии, заведующий кафедрой экономики всемирно известной Лондонской школы экономики (LSE), профессор Елай Девонс, посвятил ей рецензию на целую страницу в одной из ведущих британских ежедневных газет «Манчестер Гардиан». По его инициативе Лондонская школа экономики еще в 1958 г. пригласила меня провести лекции и семинар. Ничего другого от меня не требовалось, и остальным временем я мог распоряжаться по своему усмотрению.

Это приглашение — первое в моей жизни приглашение в западный научный центр — поразило меня. Я тут же подал заявление на загранпаспорт и после длительной задержки получил отказ. Я снова и снова просил разрешения выехать в Англию, но мне снова и снова отказывали.

В 1962 г., в знак ослабления репрессий, мне позволили выехать — правда, не на Запад, но, по крайней мере, в другую соцстрану. Благодаря содействию друзей из легкой промышленности я смог посещать конференции и читать лекции в ГДР, Польше и Чехословакии. Это был мой первый зарубежный научный опыт.

В 1962 г. я получил приглашение на ежегодную конференцию Международного экономического общества (IEA), которая должна была состояться в 1963 г. в Кембридже (Великобритания) в режиме круглого стола на тему «Анализ деятельности в рамках долгосрочного роста и планирования» («Activity Analysis in Long Term Growth and Planning»). В то время под «анализом деятельности» понимали применение в экономике математического программирования и родственных ему математических технологий. Одним из главных организаторов конференции был Эдмон Мальво, редактор журнала «Эконометрика», который был знаком со статьей, написанной мною в соавторстве с Тамашем Липтаком. Хотели пригласить и Липтака, но, учитывая свое «криминальное»

прошлое, он даже не стал обращаться за паспортом. Я же снова подал заявление на выезд: на этот раз — по приглашению Международного экономического общества, а не Лондонской школы экономики, и, наконец, получил разрешение.

Кембридж, Англия

После пяти лет ожидания шлагбаум был поднят. Особенно радовало то, что приглашен был и мой друг, Андраш Надь. Нас вместе выгнали из Института экономики, а теперь мы вместе могли поехать в Англию.

В июле 1963 г. мы прибыли в Лондон и на следующее утро отправились в Кембридж. Местом проведения конференции был Клэр Колледж, где нас и поселили. Кембридж представился мне раем для молодых людей, жадных до знаний. Мы гуляли среди спокойных, гармоничных строений колледжа Клэр, по очереди осматривая прославленные колледжи: Кингз, Тринити, — восхищаясь знаменитыми английскими лужайками в закрытых квадратных двориках. С тех пор я много где бывал, но Кембридж, со своими великолепными зданиями и парками, до сих пор кажется мне одним из прекраснейших мест в мире. После шумного Будапешта все здесь источает покой и тишину.

Конференции Международного экономического общества — это закрытые круглые столы, где собираются лучшие специалисты в конкретных областях. Здесь читали свои лекции Морис Алле (впоследствии — лауреат Нобелевской премии по экономике), Сукхамой Чакраварти, Роберт Дорфман, Франк Хан, Леонид Гурвиц, Лайонел МакКензи, Рой Раднер, Тьяллинг Купманс и Ричард Стоун (также впоследствии нобелевские лауреаты) и многие другие. К тому моменту я уже достаточно ориентировался в литературе и знал имена большинства участников по их работам. Возможность увидеть всех этих ученых во плоти много значила для меня. Позднее я узнал, какими значительными фигурами в экономике были и остальные участники.

Уровень лекций и дискуссий был довольно высок — несравнимо выше, чем тот, к которому я привык в Будапеште. Хотя все относились ко мне дружелюбно, я испытывал сильное волнение во время заседаний и думал, что никогда, наверное, не смогу дорасти до этого сообщества*.

Тогда я еще не решался делать доклады по-английски. Я говорил по-немецки, мне помогал профессиональный переводчик, а иногда — Купманс и Гурвиц, знавшие немецкий язык. Перед своей лекцией я страшно нервничал[102]. (Страх и неуверенность перед публичными выступлениями сопровождают меня на протяжении всей карьеры. Возможность высказать свои мысли вживую наполняет меня радостью, но за каждое выступление перед аудиторией приходится платить нервным напряжением.)

---

* Приятно сознавать, что в момент, когда я пишу эти строки, я являюсь президентом того самого Международного экономического общества, которое в 1963 г. организовало данную конференцию.

Лекции читались на интересные и животрепещущие темы (все материалы конференции были потом изданы отдельным томом)[103]. Именно тогда я подробно ознакомился с моделью планирования Малинво, речь о которой велась в предыдущей главе. В рамках конференции эту модель уже начали сравнивать с нашей двухуровневой моделью.

Нас разместили в комнатах студентов — по сравнению с переполненными спальнями наших общежитий они были скорее похожи на удобные квартирки, оборудованные всем необходимым. Однажды утром ко мне зашли поговорить Тьяллинг Купманс и Леонид Гурвиц. Они принялись расспрашивать обо всем: о моих исследованиях, о ситуации в Венгрии. Это была моя первая личная встреча с Купмансом, который принял меня как друга и впоследствии всячески содействовал мне в работе. Купманса нельзя было назвать жизнерадостным, остроумным и непосредственным. Это был человек открытый, прямой и серьезный, истинный гуманист по складу ума — не склонный к патетическим заявлениям. Он считал важным то, что говорил ему собеседник, а не собственные слова, всегда был внимательным слушателем. Так было и на этот раз.

Наша беседа в определенном смысле была устным экзаменом, и лучших преподавателей мне было для него не найти. Тут же мы и познакомились. С одной стороны — два западных человека: Купманс, родившийся в Голландии, чьим учителем был Ян Тинберген, и Гурвиц, уроженец Польши, бывший ассистентом у Оскара Ланге; оба они долгие годы жили в США. Для них это, наверное, была первая встреча с человеком из-за железного занавеса, который, хотя и на ломаном английском, все же общался с ними на одном языке. Судя по всему, это знакомство и для них оказалось небезынтересным.

В тот же вечер Миклош Калдор (Николас Калдор) принимал у себя дома участников делегации (о нем я уже писал в первой главе). В числе гостей была и одетая в индийское сари Джоан Робинсон — выдающаяся фигура в экономике XX века, одна из создателей теории несовершенной конкуренции, чье имя было мне известно только по книгам*. Я вновь столкнулся с живой легендой.

После конференции я вернулся в Лондон и заехал в Лондонскую школу экономики. Профессор Девонс, инициатор моего приглашения в качестве лектора, представил меня директору (так в Лондонской школе экономики называют ректора), сэру Сидни Кейну. Сэр Сидни встретил меня в рубашке, полы кото-

---

* Джоан Робинсон всегда была в центре профессиональных и политических баталий. С возрастом она стала горячим приверженцем маоизма. В 1977 г. в доме у Калдора собралась небольшая группа венгров: Тибор Скитовски с женой Эржебет, Жужа и я. Беседа шла по-венгерски. Неожиданно в комнату вошла Джоан Робинсон — частая гостья у Калдоров. Мы не перешли сразу на английский. Джоан какое-то время терпела это молча, затем приказным тоном произнесла: «Корнаи пойдет со мной», — и вытащила меня из компании. Мы перешли в ее дом, который находился неподалеку, где начали говорить о Китае. Джоан Робинсон хотела любой ценой убедить меня в том, что именно китайцы нашли истинный путь к коммунизму, потому что там партийные функционеры и государство — цитирую ее дословно — «служат народу добровольно», а не из корыстных побуждений, как в Советском Союзе. Никакие контраргументы и рассказы о Восточной Европе на нее не действовали.

рой торчали наружу. Со мной такое тоже часто случается, и каждый раз, когда мне об этом говорят или я сам замечаю, заправляя рубашку, я вспоминаю сэра Сидни и перестаю стесняться.

Мы договорились, что на следующий год я приеду в Лондон, если ничто не помешает.

Лондонская школа экономики

Наш план удался, и в апреле 1964 г. я прибыл в Лондон поездом. Я был так взволнован, что умудрился оставить свой портфель на вокзале Виктория и заметил это только через несколько часов. Я бросился на вокзал и обнаружил портфель там, где его оставил. Этот случай укрепил мое доверие к англичанам*.

На следующий день я уже был в университете и вскоре начал преподавать. Я прочел курс лекций по применению математических методов. Мне казалось, что студенты, хотя и с трудом, но все-таки понимают мой английский и то, что я рассказываю: 10–15 аспирантов слушали внимательно. Некоторые приходили ко мне в кабинет обсуждать вопросы, которые я ставил в рамках своего курса. Особый интерес проявлял Майкл Элман, который уже тогда отличался остротой ума. С Элманом, ставшим впоследствии профессором амстердамского университета, у меня сохранились профессионально-дружеские отношения.

Для молодого западного ученого начать преподавать — не проблема. Он уже по собственному студенческому опыту знает, как происходит процесс преподавания в университете. Но мне, как человеку, который никогда не был студентом экономического факультета ни в Венгрии, ни за рубежом, эта задача казалась довольно сложной. Теперь, когда я вдруг оказался преподавателем в Лондоне, пришлось вырабатывать методику самому.

Работа в Лондонской школе экономики обогатила меня интеллектуально: я прослушал множество лекций преподавателей школы или приглашенных профессоров. Среди преподавателей был тогда О.У. Филлипс (чье имя носит теоретическая конструкция, кривая Филлипса, столь часто упоминаемая в макроэкономике). В переполненных аудиториях читали свои лекции выдающиеся американские экономисты Лоренс Клейн и Роберт Солоу. За два месяца я впервые ознакомился с тем, как преподают экономику в этой части света.

Я много учился, но, признаюсь, чувствовал себя одиноко. Из студенческого возраста я давно вышел, а преподаватели — после первого вежливого знакомства — не стремились завязывать дружеские отношения. Не исключаю, что они вообще не слишком тесно общались между собой. Близкая дружба связала меня только с экспертом LSE по Советскому Союзу профессором Альфредом Зауберманом, эмигрировавшим в Англию из Польши. Тогда же, в ходе поездки в Шотландию, я на долгие годы сдружился с Алеком Ноувом, всемирно извес-

* Я часто забываю свои вещи. Приятно сознавать, что у меня это не признак старения, а постоянная черта.

тным специалистом по истории и экономике СССР и, что еще важнее, добросердечным человеком с отличным чувством юмора. Мы не раз потом встречались и дискутировали. Он твердо верил не в «существующий социализм» (т.е. в систему, которая функционировала в Советском Союзе и Восточной Европе), но в «социализм осуществимый» (в улучшенной, более желаемой форме), тогда как мы, жители Восточной Европы, в большинстве своем уже разочаровались в этой идее.

В Лондонской школе экономики преподавал еще один венгр — Имре Лакатош, человек невероятного ума, чьи способности уже заметили и в Лондонском университете. Позднее он обрел мировую известность как выдающийся авторитет в области философии науки. Я немного знал Лакатоша по Будапешту. Наши общие венгерские знакомые признавали выдающиеся интеллектуальные способности ученого, но политическое прошлое изрядно подпортило его репутацию. Лакатош, возможно, подозревал, что я мог знать кое-что о его прошлом, или просто не испытывал ко мне симпатии. Результат был один: мы виделись всего раз или два, в течение нескольких минут, в остальное время он избегал моего общества.

По счастью, Имре Лакатош в своем стремлении отстраниться оказался исключением. Во время многочисленных зарубежных поездок я не раз испытывал внимание по отношению к себе со стороны венгерских коллег-эмигрантов и получал от них помощь в работе и в быту. Того факта, что я приехал из Венгрии, уже было достаточно для выражения солидарности и готовности помочь. Я с теплотой вспоминаю о дружбе, связавшей меня с Белой Баллаша, Томасом, Балогом, Вильямом, Фелнером, Яношем Харшани, Миклошем Калдором, Ричардом Квандтом, Тибором Ситовски и Томасом Виеторисом.

Пребывание в Англии стало для меня не просто знакомством с Лондонской школой экономики. Я давно хотел побывать в Лондоне. В детстве книга «Привет, говорит Лондон» была для меня одной из самых любимых[104]. Я выучил названия знаменитых улиц и площадей, исторических зданий и памятников, а теперь увидел все это собственными глазами!

После лет, прожитых в условиях постоянного дефицита, меня, как когда-то Петера Дёрдя и Миклоша Гимеша, поразили изобилие и покой этого мира. Уже в 1963 г. недолгая поездка в Кембридж дала мне некоторое представление об английской жизни. Теперь же я провел в Лондоне несколько месяцев. Я, конечно, и до отъезда представлял себе разницу между английской и венгерской жизнью, но одно дело читать об этом в книгах, слушать рассказы знакомых, и другое — увидеть вблизи, пережить самому. Здесь я по-настоящему начал заниматься сравнительной экономикой, и этот подход на долгие годы стал отличительной чертой моих исследований. Я сравниваю две системы с теоретических позиций и на базе статистических данных, но черпаю свои идеи и нахожу им подтверждение в *непосредственном опыте*, личном знакомстве с обеими системами.

Та же история глазами шпионов и сексотов

С тех пор прошло сорок лет, и мне в руки попали секретные документы, из которых я узнал, сколько всего происходило без моего ведома в связи с этой поездкой за кулисами, в кабинетах тайной полиции.

Экономист Тамаш Бачкаи служил информатором в политической полиции. В одном из его донесений, написанном от руки, речь шла обо мне[105]. «Примерно месяц назад беседовал с Яношем Корнаи. Он заявил, что марксистом не является... например, не признает абсолютной пауперизации рабочего класса, не признает руководящей роли рабочего класса... не признает руководящей роли государства в экономике».

Собирая документы для написания мемуаров, я прочел массу отчетов информаторов и обнаружил, что все они скроены по одному шаблону. Офицер тайной полиции, занимавшийся конкретным делом, изучал отчет и решал, какие дальнейшие инструкции получит агент. Процитирую комментарий, которым снабдил донесение Тамаша Бачкаи майор, ответственный за проверку отчетов:

«*Примечание.* Осенью Корнаи хочет поехать в Англию.

Оценка. Донесение ценное, так как раскрывает стойкое нежелание Корнаи отказаться от ревизионистских позиций. В таком случае, выезд его в Англию для нас нежелателен, так как Корнаи может быть легко подвержен влиянию и даже завербован.

Указание, Поговорить с Корнаи и вернуться к вопросам, по которым он не согласен с марксизмом».

Донесений Тамаша Бачкаи хватило на несколько пухлых папок*. Среди его коллег, друзей и родственников были, в основном, экономисты, литераторы и кинематографисты — о них он и писал в своих донесениях, используя даже те сведения, которые почерпнул из бесед с собственным отцом или сестрой. Бачкаи не принадлежал к числу тех, кого я называл своими друзьями, в строгом смысле слова, но нас связывали длительные приятельские отношения.

Позволю себе дополнить текст полицейского документа, связанного с разрешением на мою поездку в Англию, собственной гипотезой. В самые мрачные годы репрессий кадаровского режима, начиная с разгрома революции и заканчивая амнистией 1962–1963 гг., политическая полиция обладала большой силой, и в случаях, подобных моему, в получении паспорта обычно отказывали. По мере того как режим ослабил свою хватку и начал предпринимать попытки показать Западу более дружелюбное лицо, интересы внешней и культурной политики взяли верх над полицейской косностью. Меня выпус-

* Деятельность Тамаша Бачкаи в качестве информатора стала достоянием гласности в статье Эрики Лацик (2005). Он занимался этим пять лет, с 29 ноября 1956 г. по 16 августа 1961 г. В статье подробно рассказывается, в каких областях Бачкаи собирал сведения, на кого писал доносы. После выхода статьи Тамаш Бачкаи публично признал, что действительно был информатором. Далее я еще вернусь к этому вопросу и объясню, почему раскрыл имя Бачкаи и сохранил в тайне имена других информаторов.

тили, однако, как мы вскоре увидим, тайные агенты продолжали за мной следить.

В Лондоне я встретился с бывшим коллегой-журналистом Р.Р. Нашей дружбе на тот момент было уже 17 лет. Несовпадение наших политических взглядов было очевидно, ведь он работал в Лондоне корреспондентом венгерской коммунистической газеты. Несмотря на расхождения, я чувствовал, что мы друзья. До провала нашей акции я не раз обращался к Р.Р. за деньгами для помощи семьям арестованных, и он регулярно жертвовал на благое дело.

Между нами состоялось несколько долгих бесед. Р.Р. возил меня на машине, помог с покупкой африканской деревянной скульптуры — будучи страстным коллекционером, он знал, где можно недорого приобрести достойные вещи.

Недавно я получил копии досье, заведенного на меня спецслужбами, и с разочарованием обнаружил, что Р.Р. отослал своему начальству подробный отчет с описанием моих политических взглядов и наших разговоров[106]. Документ был составлен в 1965 г. Спецслужбы собирали тогда информацию обо мне и узнали, что Р.Р. — один из их постоянных агентов в Лондоне — близко знаком со мной. Агент получил приказ составить на меня донесение и немедленно выполнил задание — воспроизвел наши лондонские беседы.

Р.Р. писал доносы не только на меня, но и на других. У него была постоянная кличка. В своих отчетах Р.Р. точно передавал мою позицию, не приукрашивая (с точки зрения кадаровского режима), но и не преувеличивая моего недовольства существующими порядками. Своему начальству он сообщал только то, что я действительно говорил ему в доверительных дружеских беседах.

Несколько цитат из отчета: «[Корнаи] не видит себя коммунистом... Хочет отойти от политики... Просил помочь жене Пала Лёчеи... Не одобряет экономическую политику партии... Считает ее ненаучной и провальной...»

Значит ли это, что я не должен был говорить с Р.Р. искренне? Но кому же довериться, как не другу? Или я наивно и слепо верил, будто дружба сильнее верности коммунистической партии? Несмотря на разницу в политических взглядах, я считал Р.Р. своим другом. Он же в донесении обо мне начальству писал: «...до 1953–1954 гг. мы состояли в близкой дружбе, после чего между нами возникли разногласия, которые положили конец доверительным отношениям».

Я тщательно проверил все эти документы и точно знаю, кто такой Р.Р. То же самое относится и ко всем остальным информаторам, предателям и секретным агентам, чьи инициалы (не настоящие, а подобранные произвольно) приводятся в книге далее. У читателя, очевидно, возникает вопрос, если мне известны их имена, почему я их не называю.

В то время, когда я пишу эти строки, в Венгрии действует закон, по которому граждане имеют право *узнать*, кто их предавал, кто писал на них доносы*, но не имеют права *предавать* эту информацию *публичной огласке*.

---

* Другое дело, что этим правом не всегда можно воспользоваться, так как нужная информация оказывается недоступной.

В процессе падения коммунистических режимов по всей Восточной Европе шли бурные дебаты на тему, что делать с архивами прежних спецслужб. Многие поддерживали радикальное решение, принятое в Германии, где документы Штази стали доступны всем без исключения. В Венгрии тоже были сторонники подобного варианта, но он натолкнулся на сопротивление со стороны политических сил, находившихся у власти. В открытых дебатах приводились контраргументы правового и этического характера, затрагивались вопросы национальной безопасности. Не исключено, что здесь сыграли роль и соображения партийной политики. Отдельные партийные политики, учитывая интересы своих партий, могли испугаться, что в их рядах окажутся информаторы и предатели — даже если это не касалось их самих. Споры о необходимости изменить закон и предать гласности имена всех агентов, информаторов и сотрудников секретных служб периодически возобновляются. В начале февраля 2005 г., когда я заканчивал эту книгу, вновь вспыхнула публичная и закулисная полемика: что из данных, касающихся информаторов, их начальников и жертв, нужно и можно публиковать, а что нельзя. На момент сдачи рукописи в издательство вопрос еще не был решен.

Я спрашивал себя: если бы венгерские законы не запрещали оглашать имена, стал бы я это делать? Не хочу обходить этот вопрос и отмахиваться от него, ссылаясь на законы. Предпочитаю честно разобраться с этой этической и эмоциональной дилеммой.

Поскольку речь о подобных случаях заходит в книге не раз, мне пришлось снова и снова задумываться над этой проблемой. Каждая история непохожа на остальные. Были информаторы, или люди, выдававшие спецслужбам своих друзей и знакомых, с которыми я был едва знаком. Однако попадались среди них и те, кого я причислял к десятке самых близких друзей. Я вспоминал наши беседы пятнадцатилетней давности о работе, общественной жизни, семье, детях — как могли эти люди стать предателями? Человек, на которого доносит информатор, полностью подпадает под его власть. Волей-неволей доносчик вмешивается в судьбу своей жертвы, влияет на ее личную жизнь. Одно это делает поступки информатора возмутительными в глазах тех, для кого много значит свобода личной жизни. Что втравило бывших друзей в эту отвратительную игру? Ведь они играли в нее, как можно предположить, не только со мной.

Не знаю. За долгие годы, что я провел на Западе, в первую очередь в США, в моем сознании прочно закрепилось одно важное понятие: *due process*. Перевести его можно как «соблюдение норм права». Любой, кого в чем-то подозревают или обвиняют, должен иметь возможность защищаться. Если человек считает, что подозрения и обвинения ложны, пусть отвергнет их. Если есть смягчающие обстоятельства, надо дать шанс их предоставить. Тот, кто подозревает или обвиняет, обязан подтвердить свои заявления — независимо от признания обвиняемого. Необходимо сообщить об отягчающих или смягчающих обстоятельствах, если таковые имеются. Свидетели должны быть выслу-

шаны. При вынесении приговора следует учесть возможность апелляции и т.д. Кто может обеспечить соблюдение всех этих норм сегодня, спустя тридцать или сорок лет? Многих предателей уже нет в живых.

Тем не менее я решил не указывать имена по другой причине. Не мне выносить моральный приговор. Быть может, этих людей принуждали играть унизительную роль такими методами, которым и другие не смогли бы противостоять.

Я не пытаюсь их обелить, заявляя, будто информаторы сами стали жертвами жестокого режима. Да, мы, конечно, должны в первую очередь обвинить режим, но это не исключает моего убеждения в том, что каждый сам отвечает за свои действия. Были люди, способные сказать «нет». Были и те, к кому спецслужбы даже не обращались, потому что знали — этим доверять нельзя. Но мне не хотелось бы делать обобщений. Я не могу огульно обвинять всех доносчиков, ведь я не в состоянии взвесить аргументы обеих сторон.

Приговор я выносить не намерен. Мне чужда мысль о мести. Если я выдам имя информатора, то и сам совершу преступление. У меня нет права наказывать Р.Р. и остальных и, опосредованно, их семьи.

В первой редакции имя Тамаша Бачкаи не фигурировало, он был обозначен инициалами, как и другие. Пока я работал над рукописью, появилась та самая статья с разоблачением. Среди прочего в ней говорилось, что Бачкаи писал доносы и на меня. В такой ситуации я не видел смысла сохранять его анонимность.

В последние месяцы появилось много статей с разоблачениями информаторов. Этическая и правовая оценка данного процесса не входит в задачи моей книги. Хотелось бы только заявить, что я не намерен участвовать в кампании по разоблачению. Лишний раз обдумав изложенные ранее принципы, я решительно продолжаю придерживаться их в свете последних событий. Тот факт, что я привожу имена разоблаченных информаторов, которые сами признали свою вину, по моему убеждению, не противоречит этим принципам.

После отступления позволю себе вернуться к основной идее моего рассказа. Изучая документы того периода, я вновь увидел, как одновременно шли два параллельных процесса: в одном я участвовал непосредственно — ходатайствовал о получении разрешения на выезд, получил отказ, потом разрешение, съездил за границу, вернулся в Будапешт с мыслью, что больше меня не выпустят, и т.д. В то же время втайне от меня развивалась другая история — обо мне писали донесения, оценивали мои слова, давали оценку не только моим делам, но и мыслям. Говоря словами Оруэлла, выясняли, какие «мыслепреступления» я совершил.

Когда спецслужбы и тайная полиция со своей агентурной сетью (работавшие в тесной связи друг с другом) сняли вето на мои поездки, у них возникла мысль о том, чтобы меня завербовать. Предложение поступило после моего первого путешествия в Англию от одного из тайных агентов в Лондоне, сотрудника посольства Х.Х. Я отчетливо помню, как Х.Х. был ко мне расположен.

В своей тогдашней наивности я и не подозревал, что он — тайный агент венгерских спецслужб[107]. Помню, как он отвез меня в магазин тканей, где я смог купить отрез отличного английского твида со скидкой*.

Предложение Х.Х. восприняли серьезно и начали подробно интересоваться моей персоной и моими взглядами. Процитирую решение от 26 марта 1964 г.: «На основании предложения товарища Х.Х. проверили возможность оперативного использования указанного лица [читай, названного в верхней графе Яноша Корнаи]. В ходе проверки указанное лицо признано негодным для вербовки. Учитывая неустойчивую политическую позицию в течение последних десяти лет, инструктаж перед поездкой производиться не будет ни от имени МВД, ни от нашего имени. После поездки за рубеж и в зависимости от поведения, товарищ Х.Х. может его использовать втемную, но только в вопросах, связанных с законной деятельностью Х.Х. в посольстве»[108].

Здесь требуется небольшое пояснение: что на жаргоне венгерских спецслужб подразумевалось под «инструктажем» и «использованием втемную». Тот, кто выезжал на Запад, был лоялен к режиму и мог быть полезен при сборе политических разведданных, перед поездкой проходил инструктаж. Происходило это либо в отделе кадров на рабочем месте, либо в МИДе или полиции. Выезжающему объясняли, как вести себя за границей, с кем общаться, от кого держаться подальше, какой информацией интересоваться. Власти выражали желание получить подробный отчет о пребывании за границей. Инструктаж еще не означал, что человека завербовали, — с ним просто устанавливали связь. При этом сохранялась возможность укрепления такой связи. Политическая полиция и разведка решались на подобный предварительный контакт только с теми, в чьей лояльности были уверены. С их точки зрения, было бы унизительно, если бы проинструктированный товарищ выехал на Запад и там заявил, как проходит инструктаж. В моем случае тайная полиция считала (исходя из моих собственных заявлений и донесений агентов), что меня не только нельзя формально вербовать, но и инструктировать не стоит. Образ мыслей — отказ от основных идей коммунистической партии — стали защитой от попыток меня завербовать.

Для объяснения второго выражения из словаря спецслужб процитирую определения из глоссария, составленного Яношем Кенеди[109]: «*...сбор данных втемную*: разведчик или агент собирает ценные сведения в ходе разговора таким образом, чтобы его собеседник не подозревал, будто имеет дело с противником и служит для него важным источником информации. Он/она не догадывается о «темных» намерениях противника. Разведчик или агент планирует и готовит беседу». Выходит, когда мы с Х.Х. прогуливались по Риджент-стрит

* Его дружеские намерения казались мне столь искренними, что после первой поездки в Англию в 1963 г. и перед второй поездкой в 1964 г. я написал ему письмо из Будапешта, где сообщал, что снова приеду в Лондон и хочу немного позаниматься английским. Я просил его порекомендовать хорошие языковые курсы. Я был неприятно удивлен, обнаружив это личное письмо среди секретных документов агента Х.Х., — он сам приложил его к своим донесениям.

в сторону магазина тканей и беседовали на разные темы, он, на самом деле, старался выпытать у меня важные сведения для своего начальства и руководствовался хорошо продуманным планом. Ясно одно: хотя я и не подозревал, что имею дело с секретным агентом, пользы от меня им не было никакой.

Стоит упомянуть еще об одном документе из той эпохи. Когда я вновь обратился в полицию за разрешением на выезд, получив очередное приглашение, кто-то написал на меня характеристику — и, как выяснилось из ее текста, оказался вполне осведомлен о моей работе. Был ли это сотрудник спецслужб или эксперт со стороны, по уровню данной им оценки можно утверждать, что ее проводил *коллега-экономист*. Написал он (она) следующее: «Корнаи провел новаторские исследования в области экономического применения электронно-вычислительных машин (математического программирования). Все эти достижения он основывает исключительно на западных источниках; он не предложил ничего, что было бы неизвестно на Западе. Исследовательская деятельность Корнаи на родине не является оправданием для многочисленных приглашений из-за рубежа. Ничего нового Западу он дать не может»[110].

Общие замечания о поездках и зарубежных публикациях

В характеристике, данной экспертом для полиции, одно замечание в отношении моей работы безусловно соответствовало действительности: я постоянно получал приглашения из-за рубежа. Правда и то, что ученые на Западе и без меня знали, что такое хороший компьютер. Они пользовались машинами куда более современными, нежели наш громоздкий «Урал» советского производства, устаревший лет на десять-двадцать. Эксперт не погрешил против истины и в том, что я учился применять линейное программирование в экономике по западным книгам, а не зарубежные коллеги учились у меня. И все-таки мне, судя по всему, было что им сказать, ведь они хотели меня увидеть и услышать.

Приглашения, которые я получал, стали предметом обсуждения не только в кабинетах спецслужб. О них говорили и коллеги-экономисты. Как повелось у нас в Будапеште, сказанное за чьей-нибудь спиной рано или поздно доходит до ушей того, кого это касается. Так я узнал, что некоторые из моих коллег считают все происходящее результатом невероятной ловкости Корнаи, который умеет выстраивать связи и договариваться со знакомыми, чтобы те его пригласили.

Хотелось бы ответить на эти ядовитые замечания, особенно в связи с потоком приглашений, который начался после моих поездок на запад в 1963 и 1964 г. Меня звали во все новые и новые места, зарубежные поездки стали более частыми и регулярными. У меня нет желания рассуждать о том, на каких основаниях ездили за границу разные ученые *вообще* — предпосылки чужих поездок я не изучал. Я рассказываю только о собственных путешествиях.

Во всех, без исключения, случаях поводом для приглашения меня за границу была положительная оценка моей работы. Как я описывал выше, на кем-

бриджскую конференцию 1963 г. я попал благодаря тому, что две статьи в журнале «Эконометрика» произвели положительное впечатление на профессора Малинво, организатора конференции с французской стороны. В Лондонскую школу экономики меня позвали, потому что Девонсу, заведующему кафедрой, понравилась моя книга, изданная в Оксфорде. Приглашение на конгресс Международного эконометрического общества (Econometric Society) в 1966 г. в Риме я получил, потому что руководитель секции планирования Купманс знал меня по Кембриджу и посчитал мое выступление на той конференции заслуживающим внимания. Затем я принял участие в семинаре в Венеции, где встретились экономисты Востока и Запада. Интерес организаторов вызвала моя книга о сверхцентрализации*.

Я мог бы продолжать и дальше, но не вижу необходимости. Мне удалось побывать во многих местах и ни разу не приходилось обращаться к кому-то с просьбой устроить мне приглашение. Молодым коллегам я всегда, в этом смысле, советовал печататься в журналах, которые вызывают интерес профессионалов во всем мире. Подобная тактика рано или поздно приносит свои плоды, привлекая внимание к деятельности ученого. Кто-то из них следовал моим советам, кто-то нет.

Сегодня много говорят о важности *установления связей* в политике, бизнесе и культурном и научном мире. Некоторые люди превращают создание подобных связей в жизненную стратегию, считают успехом наличие обширной сети полезных знакомств. Мне бы не хотелось пускаться в споры о том, что есть правильная стратегия, или оценивать возможные варианты поведения ни с точки зрения целесообразности, ни с позиций морали. Для меня установление контактов всегда было не самоцелью, но скорее *побочным продуктом* исследовательской и преподавательской деятельности. Желание людей общаться со мной было в первую очередь вызвано реакцией на мои статьи, книги, лекции. Часть этих связей осталась на уровне знакомств с коллегами или отношений студент–преподаватель, некоторые контакты перерастали в дружбу. Сеть моих знакомств достигла огромных размеров. Количество нитей, связывающих меня с разными людьми, исчисляется даже не сотнями, а тысячами. Контакты первого порядка порождают вторичные связи, спустя какое-то время известность и репутация сами собой начинают генерировать контакты. Я же хочу подчеркнуть, *откуда берутся* первые контакты. В моем случае они были результатом прежде всего научных достижений.

Следуя за названием главы, возвращаюсь к поездкам. Обещаю читателям не перегружать повествование перечислением всех своих путешествий и не делить-

---

* Поначалу западные экономисты знали двух Корнаи. Для экспертов по Советскому Союзу и Восточной Европе, советологов и экономистов-компаративистов я был автором «Сверхцентрализации», а для математических экономистов — одним из создателей модели Корнаи–Липтака. За небольшим исключением советологи тогда не читали журнал «Эконометрика», а экономисты-теоретики не уделяли внимания литературе по коммунистическому хозяйству. Упомянутые приглашения приходили то из одного, то из другого лагеря. Прошло некоторое время, пока оба представления обо мне не слились в один образ.

ся туристическими впечатлениями. (У меня нет особого таланта к подобным рассказам. По возвращении из зарубежных путешествий я даже родным и друзьям не могу в красках описать увиденное.) Вместо этого я хотел бы сделать несколько общих замечаний, относящихся ко всем моим поездкам, и предложить вниманию читателей отдельные правила, установленные мною для себя в ходе путешествий и выступлений за границей, а также — в связи с зарубежными публикациями, которые неразрывно связаны с обсуждаемыми здесь проблемами.

После первых разрешенных выездов на Запад в 1963 и 1964 г. мне уже, как правило, не отказывали в разрешении. (К сведению западных читателей и представителей молодого поколения: венграм для выезда за рубеж действительного загранпаспорта было недостаточно. Каждый раз требовалось так называемое окошко — штамп о разрешении на выезд из страны.) Для получения «окошка» надо было подавать отдельное заявление за подписью вышестоящего лица, начальника отдела кадров и секретаря парторганизации. Сам по себе процесс был крайне унизителен, даже если можно было рассчитывать на благожелательное отношение тех, чьи подписи требовалось заполучить. И, хотя я регулярно получал разрешение на выезд, во мне каждый раз поднималась тревога: а вдруг именно в этот раз откажут?*

Смена режима принесла чувство освобождения — мучительная процедура была упразднена, и все, наконец, получили право выезжать за границу.

По возвращении из официальной поездки следовало представить отчет о ней начальству. После первых выездов на Запад я еще выполнял это правило, хотя мои отчеты уже тогда были всего лишь данью формальности. Когда же профессиональная моя репутация на родине немного укрепилась, я перестал писать эти отчеты. Несколько раз потом ответственные лица еще просили их написать, но потом смирились с тем, что ничего от меня не получат. Не то чтобы какие-то ищейки могли извлечь пользу из моих пустых отчетов — просто я не хотел выполнять обязанность, которую считал унизительной.

Я принимал зарубежные приглашения только в тех случаях, когда принимающая сторона брала на себя все расходы**. В каких бы организациях я тогда ни работал, все они, в конечном итоге, получали финансирование от государства. Мною, однако же, двигало отнюдь не желание гражданина сэкономить государственные деньги. Я думал о том, насколько ничтожны те средства, которые учреждения могут выделить ученым на командировочные расходы,

---

* В 1970 г. меня пригласили в Болгарию на международную конференцию, организованную Европейской экономической комиссией при ООН. Хорошо помню, с каким мрачным напряжением я переживал задержку разрешения на выезд из Венгрии и получил штамп в паспорт буквально в последний момент перед отъездом.

** Исключение составляли те поездки, для которых не требовалось приглашения, — т.е. когда меня командировала официальная организация или государство. Между Академиями наук СССР и Венгрии, например, было соглашение о том, что каждая сторона сама выбирает, кто поедет по обмену, и сама финансирует поездку. Советские коллеги, желая со мной познакомиться, не могли просто прислать мне приглашение. Им пришлось убеждать советскую Академию наук, чтобы та порекомендовала венгерской стороне командировать меня.

и какая борьба разворачивается за возможность поехать. По-человечески можно было понять желание людей выехать за рубеж, но я решил не участвовать в этой возне.

Я стремился везде оставаться собой и демонстрировать одно и то же лицо дома (и в других соцстранах) и на Западе. Задача была не из простых, ведь атмосфера свободы в странах Запада скорее подталкивала к откровенному выражению собственного мнения, нежели душная атмосфера угроз, доносов, цензуры и обвинений, царившая дома. Данное правило я установил для себя отчасти из соображений *самозащиты*. Читая лекции на Западе, я учитывал, что в аудитории могут сидеть и агенты венгерских спецслужб. (Подозрения мои были не беспочвенны. Среди тайных донесений мне попался отчет одного из агентов об одной из моих лекций в Нью-Йорке в 1985 г. Об этом я расскажу подробнее в последующих главах.) С другой стороны, вести двойную игру мне не позволяло не только стремление защитить себя, но и соображения морально-этического характера. Границы между избирательностью в устной и письменной речи, продиктованной желанием себя защитить, и двойной игрой стали размываться. К чему же могла бы привести меня привычка говорить и писать в одном месте одно, а в другом — другое?

В кругу самых близких друзей я позволял себе расслабиться больше, нежели на публике (это относилось и к Востоку, и к Западу). Однако мои публичные выступления или статьи, опубликованные в Восточной Европе, ничем не отличались от того, что я делал в Западной Европе или Америке.

В длительной перспективе я стремился к тому, чтобы все мои работы выходили параллельно на венгерском и английском языках (или на другом мировом языке). Цель была та же — не вести двойную игру. Ни одна из значительных моих работ не публиковалась исключительно по одну сторону железного занавеса.

Данное решение, обрисованное здесь довольно коротко и сухо, было одной из самых сложных проблем, с которыми я столкнулся в период с 1964 по 1989 г. В этом смысле со сменой режима я освободился от тяжкого груза.

Как был сорван «сфабрикованный процесс»

В данной главе речь не раз заходила о деятельности спецслужб. Вот еще одна история, относящаяся к этой теме. Сейчас, когда я пишу эти строки, в моем распоряжении находится фотокопия письма, которое написал мне американский экономист, профессор Йельского университета Джон Майкл Монтиас 14 октября 1964 г. Монтиас готовился приехать в Венгрию по стипендии и спрашивал совета по работе. В числе прочего он отмечал, что уже начал изучать венгерский язык.

У этого письма была небольшая предыстория. О работах Монтиаса я впервые узнал из публикаций, а в 1963 г. познакомился с ним лично в Будапеште, куда он приехал на конференцию по математике. Монтиас привлек к себе вни-

мание всех участников конференции тем, что вызвался синхронно переводить с русского на английский выступление всемирно известного советского математика-экономиста Леонида Канторовича, а после переводил в обе стороны прения по докладу. Будучи хорошим экономистом, он явно обладал исключительными лингвистическими способностями.

Впоследствии мы еще раз встретились в 1965 г. в Венеции на конференции экономистов, специализировавшихся на изучении Советского Союза и стран Восточной Европы.

Вернемся к письму Монтиаса, адресованному мне. Я взял его не из моего собственного архива, а из собрания документов спецслужб[111]. На почте личное письмо, написанное мне американским профессором, вскрыли, сфотографировали, затем конверт снова заклеили, а уж потом письмо привычным путем попало ко мне в руки. Все подозревали, что такое случается, но живое свидетельство подобной практики вызвало у меня особые чувства.

Непосредственно в те годы «дело Монтиаса» затронуло меня лишь эпизодически. Теперь же я могу более или менее реконструировать всю историю, опираясь на документы.

Джон Монтиас явно выделялся среди американских советологов. Большинство его коллег владели только одним из языков коммунистического лагеря, Монтиас же на многих языках говорил и еще на нескольких читал. В те времена советологи были в большинстве своем отличными экономистами и имели неплохое представление о политической и экономической ситуации в Советском Союзе или отдельных восточно-европейских государствах, однако все они не слишком разбирались в теориях современной экономической науки, изложенных формальным языком математики. По сравнению с ними Монтиас принадлежал к новому поколению, свободно владеющему современным научным аппаратом. (Однажды он даже был соавтором Купманса — выдающегося математика-экономиста, часто упоминаемого в этой книге)[112].

Я с радостью согласился помочь Монтиасу в подготовке к поездке в Будапешт — консультировал его в выборе темы, предложил познакомить с венгерскими коллегами. Мы несколько раз обменивались письмами. Монтиас на общих основаниях подал заявку с описанием своей научной программы и венгерских контактов. В соответствующей графе можно было увидеть и мое имя[113].

Пока на внешнем уровне все происходило в соответствии с правилами, принятыми в международных научных контактах, а Монтиас и его венгерские коллеги готовились к встрече, на заднем плане полным ходом кипела работа спецслужб. Сначала пришло предупреждение из Чехословакии: все признаки указывают на то, что Монтиас — агент ЦРУ*. Борцы со шпионажем наверняка почуяли серьезную добычу!

---

* Из доступных мне теперь документов ясно видно, в каком тесном сотрудничестве работали спецслужбы социалистических стран. Органы госбезопасности Чехословакии в 1963 г. провели тайный обыск в квартире находившегося тогда на их территории Монтиаса. В кармане пальто среди прочего была обнаружена записка с моим именем и номером домашнего теле-

По мере приближения даты приезда Монтиаса в Венгрию делом занималось все больше народу. Сотрудники спецслужб выудили «материалы» тех венгерских исследователей, которых Монтиас перечислил в своей заявке. Там были и другие имена; в ходе архивных изысканий я смог выяснить, какие действия производились в связи с моей персоной.

Были подняты документы, заведенные на меня в 1956–1959 гг., а затем — в период моих поездок в Англию в 1963 и 1964 г. в различных отделах III головного отделения. Капитан З.З. написал обобщающий отчет обо мне с учетом всех отягчающих обстоятельств[114].

В процессе изучения материалов спецслужб я натолкнулся на стенограммы собственных телефонных разговоров 1963 г. Тогда же был подготовлен список с именами всех, с кем я поддерживал отношения. Ничего интересного, с их точки зрения, обнаружено не было. В списке фигурировали будапештские друзья, родственники, коллеги-экономисты, среди иностранцев был Элай Девонс и Тьяллинг Купманс (о них я уже рассказывал). Еще одна цитата из примечаний к распечаткам разговоров: «Хельга? Ольга? Заплатила Корнаи деньги». А вот это подозрительно. Женщина платит Корнаи... На самом деле речь идет о давней и доброй знакомой, которую звали Эльга, — она заняла у меня денег во время летнего отдыха, и мы договаривались по телефону о возврате этой суммы. Можно, конечно, посмеяться над глупостью тех, кто меня прослушивал, если подобная мрачная история может вообще показаться забавной[115].

Начальник капитана З.З. сделал на отчете пометку от руки — по его мнению, меня нецелесообразно было использовать в качестве «подкидыша». Для прояснения термина пришлось обратиться к специалистам. Спецслужбам надо было найти надежного и послушного, по их понятиям, агента, который мог бы войти в доверие к объекту наблюдения. Этого агента подкидывали объекту наблюдения с целью получения информации, необходимой спецслужбам[116].

Вернемся к видимому уровню происходящего. Заявку Монтиаса приняли венгерские органы, ответственные за культурные связи, он получил въездную визу и прибыл в Будапешт. Джон Монтиас встречался и беседовал с венгерскими экономистами, начал изучать венгерский язык. В качестве преподавателя я порекомендовал ему свою приятельницу Кати Ханак. Монтиас быстро начал делать успехи. Он вел обычную жизнь иностранца в Венгрии: ходил с женой в оперу, периодически ужинал с венгерскими коллегами. Приходил в гости и к нам.

Из документов выясняется, что за Монтиасом была установлена слежка: спецслужбы прослушивали телефонные разговоры, следили за ним на улице. Я прочел донесения агентов — многостраничные тексты не дают никакого результата. Повторю то, о чем уже говорил: можно смеяться над этими донесениями, если не знать, какие гнусные силы двигали теми, кто вел слежку. Шпионские романы я не читаю. Есть, наверное, какое-то правило, по которому

фона. Об этом чехословацкие агенты также сообщили венгерским коллегам (IH 1956. 2/2-2358, с. 3. Датировано: 8 мая 1964 г. Далее IH3 4-4-797/1965, с. 4. Датировано: 23 апреля 1965 г.).

объекты слежки нельзя называть настоящими именами. Мы жили на проспекте Пустасери, поэтому в донесении нас называют не Корнаи и Лаки (фамилия жены), а «супругами Пуста». Семья Ханак жила на улице Гараш и, соответственно, превратилась в «семью Гараш»[117]. Монтиаса ни за что не назвали бы в документах внутреннего пользования Монтиасом — он стал «Цимелио» (в донесениях об уличной слежке его для разнообразия называют «Мастером»).

План был сформирован: Монтиаса надо было обвинить в том, что он, злоупотребив положением приглашенного исследователя, собирал данные о венгерской экономике и СЭВе (Совете экономической взаимопомощи), представляющие собой государственную тайну. Начали допрашивать венгерских экономистов, с которыми общался Монтиас.

Вызвали на допрос и меня. Перечитав протоколы уже в наши дни, я увидел, что ни один из свидетелей не дал показаний против Монтиаса. Никто не подтвердил подозрения спецслужб, будто Монтиас собирал секретную информацию[118].

Спустя короткое время Монтиаса срочным распоряжением выслали из Венгрии. Вышла статья с обоснованием, почему это было сделано[119]. В ней Монтиаса обвиняли в шпионаже и намерении сбора секретных данных. Однако фактов, свидетельских показаний или иных доказательств для подтверждения обвинений найти не удалось. Показательный шпионский процесс не удался.

История эта во многих отношениях показательна. Она наглядно демонстрирует то, о чем я уже не раз писал (и буду писать) в своих мемуарах: мир науки отнюдь не был привилегированной или защищенной территорией. Щупальца тоталитарного режима глубоко проникли в этот мир, следили за ним и терроризировали его.

Хотя между эпохами Ракоши и Кадара существовала преемственность, произошли и существенные перемены. Во времена прежнего АВО (органа госбезопасности) всех участников истории — американского профессора и его венгерских друзей — арестовали бы и пытали до тех пор, пока все не признали бы свою вину, а суд подтвердил бы, что они всю дорогу шпионили по поручению ЦРУ. Допросы и в 1965 г. были для венгерских свидетелей делом неприятным и мучительным, но у нас хотя бы была возможность отказаться от дачи ложных показаний*.

На момент дела Монтиаса в венгерской политике доминировали два противоположных направления. Сторонники более мягкого курса, ориентирован-

---

* Ранее я уже писал, что после 1956 г. принял решение войти в «западное сообщество экономистов». Я прекрасно осознавал, с каким риском это связано. У всех нас в памяти еще были времена, когда одного наличия «связей на Западе» было достаточно, чтобы возбудить подозрения, а невинные профессиональные контакты квалифицировались в ходе сфабрикованных процессов как «шпионаж». Этот кошмар преследовал нас все время, пока держался коммунистический режим. *Задним числом* мы, конечно, понимаем, что реставрации сталинизма не произошло. Но тогда никто не мог предвидеть *заранее*, что подобная попытка обязательно провалится.

ного на реформы, старались выстроить дружественные отношения с Западом, особенно в области науки и культуры, в то время как силовики, или противники реформ, стремились использовать любую возможность, чтобы разрушить отношения между Востоком и Западом. Разоблачение американского шпиона было бы на руку силовикам, но план оказался неудачным.

Данный случай требует двух послесловий.

Одно касается продолжения моих отношений с профессором Джоном Майклом Монтиасом. В 1970 г. я провел полгода в Йельском университете, где мы с Майклом встречались и много беседовали. К истории высылки его из Венгрии мы не возвращались. Он справедливо полагал разумным не поднимать эту тему, зная, что мне предстоит возвращение домой. Впоследствии мы виделись каждый раз, когда я приезжал в Йельский университет. Я даже выступал в институте, которым Монтиас руководил, а в 1976 г., после выхода его книги по сравнительной теории систем, опубликовал положительную рецензию[120]. И не только потому, что книга мне понравилась. Своей оценкой я хотел продемонстрировать, что считаю автора настоящим ученым. Монтиас был основателем и редактором журнала по сравнительной экономике (Journal of Comparative Economics), ставшего ведущим изданием в области сравнения экономических систем, где часто получали возможность высказаться экономисты, работавшие в социалистических странах. Я и сам опубликовал несколько статей в этом журнале.

В 1970-х годах Монтиас хотел снова посетить Венгрию, но власти не дали ему разрешения на въезд[121]. Имя ученого было вычеркнуто из списка персон нон грата только на излете существования старого режима, в 1989 г.[122]

К сожалению, венгерское приключение несколько охладило энтузиазм Монтиаса в отношении советологии. Для профессии это была большая потеря. Интересы ученого обратились в сторону истории искусств. Работа Монтиаса, посвященная голландской живописи XVII в., считается одним из классических исследований в данной области[123].

Закончить эту историю мне придётся печальным сообщением: не так давно, в 2005 г., Монтиас умер.

Второе послесловие относится к моим будапештским воспоминаниям. В 1998 г. я впервые сделал запрос на допуск к материалам по делу Монтиаса. Разрешение на ознакомление с документами я получил, но с различными ограничениями. Тогда еще нельзя было делать с документов копии. Когда я читал бумаги в архиве, вместе со мной в помещении присутствовал сотрудник учреждения. Он, видимо, должен был следить, чтобы я тайком не сунул в карман какой-нибудь документ. Сотрудник оказался приятным человеком. Когда я дочитал все до конца, он вступил со мной в разговор и в числе прочего произнес нечто вроде: «А поймать его нам тогда так и не удалось...» Дословно воспроизвести сказанное им я не могу — на пленку не записывал. Одно помню точно: говорил он так, будто полностью отождествлял себя с сотрудниками контрразведки — в первом лице множественного числа. Своеобразная преемственность.

10

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ — 1967–1970

«Антиравновесие»

Параллельно с занятиями математическим планированием я начал новую программу исследований в области критики неоклассической экономической теории, и в особенности теории общего равновесия. Результаты этой работы представлены в моей книге «Антиравновесие».

Предыстория книги

Рукопись первого сокращенного варианта книги была готова в 1967 г.[124] под заголовком «Эссе о теории экономического механизма и задачах исследования» (в дальнейшем я буду ссылаться на этот первый вариант как на «Эссе»)*. Рукопись была также переведена на английский[125].

Затем пришло приглашение от Кеннета Эрроу провести несколько месяцев в его институте в Стэндфордском университете. В 1972 г. Эрроу получил Нобелевскую премию и среди профессионалов единодушно считался одним из ведущих специалистов по использованию математического языка в экономической теории. Я взял «Эссе» с собой и продолжил работу над ним в Стэнфорде. Я чувствовал себя неудобно, ведь основную часть книги составляла критика той самой теории, которую, в современном ее варианте, разрабо-

---

* В процессе написания данной рукописи я уже выработал определенный режим: если работа требует от меня серьезной концентрации, я на это время «сбегаю». Вместо того чтобы работать в уютной домашней обстановке или в институтском кабинете, я предпочитаю собрать вещи и уехать в какой-нибудь дом отдыха или гостиницу, где я буду недоступен ни семье, ни коллегам, ни посетителям. Неделю, а то и две, я работаю в ускоренном темпе, ни с кем, кроме уборщиц и официантов, не разговариваю — пока запястье не заболит от битья по клавиатуре, и тогда я вынужденно прекращаю печатать на машинке (теперь уже на компьютере). Спустя некоторое время я подсел на подобный режим; если при написании большого доклада или книги не получается создать подобные условия, то чувствую, будто мне чего-то не хватает. Первый вариант «Антиравновесия» я начал в Шиофоке, продолжил писать книгу в Вишеграде и закончил ее в самом своем любимом своем месте — пансионате Академии наук в Матрахазе. С благодарностью вспоминаю это место и милейших его сотрудников, которые обеспечивали райские условия для сосредоточенной работы.

тали Эрроу и американский экономист французского происхождения, Жерар Дебре. Я не мог набраться храбрости и признаться Эрроу, что лежит у меня в столе. Он узнал о рукописи из другого источника, когда я уже показал ее некоторым коллегам, попросил посмотреть и прочел очень внимательно. (Эрроу обладал невероятной способностью воспринимать информацию и реагировать на нее. Говорил он тоже очень быстро — трудно было уследить. Мысли забегали вперед с такой скоростью, что простые смертные с трудом за ними поспевали.) Эрроу вовсе не обиделся и с энтузиазмом принял интеллектуальный вызов на территории, где до сих пор все без колебаний принимали его теорию. В ходе нескольких дискуссий мы проработали всю рукопись. Ему импонировало то, что критика теории Эрроу–Дебре основывалась на досконально ее знании, книга прежде всего подробно и объективно знакомила читателя с содержанием теории, а уж потом начинала ее критиковать. Эрроу сделал массу конструктивных замечаний к тексту. «Это будет прекрасный обелиск на могиле теории общего равновесия», — сказал он с улыбкой.

По возвращении в Будапешт я завершил переделку «Эссе», разросшегося (к сожалению) до размеров большой книги. К моменту, когда были готовы венгерский текст и английский перевод, я получил новое приглашение, теперь от Тьяллинга Купманса, для работы в «Комиссии Коуэлза» — исследовательском институте под эгидой Йельского университета. Для американских экономистов-математиков это было легендарное учреждение: именно здесь Дебре написал свою классическую «Теорию ценности» (Theory of Value), которую я пытался расчленить в своем «Антиравновесии». Сам Купманс, один из выдающихся сторонников современной математической теории равновесия, принял критику открыто и попросил меня прочесть лекцию на эту тему в рамках своего семинара. Он также снабдил расширенный вариант книги многочисленными комментариями*. Купманс и профессор Джеймс Тобин — еще один всемирно известный сотрудник института Коуэлза — поручили двум своим студентам отредактировать будапештский перевод.

Никогда не забуду щедрость, истинное научное величие, с которым Эрроу и Купманс, два великих экономиста, прилагали все усилия, чтобы моя критика *их же* интеллектуальных достижений стала максимально точной и качественной**.

---

* Просматривая документы, связанные с написанием «Антиравновесия», я с волнением обратился вновь к заметкам, полученным от Купманса, — постраничным комментариям к рукописи на двадцать одной странице, напечатанным им собственноручно. Со стороны такого выдающегося ученого и крайне занятого человека приложить подобные усилия для помощи молодому коллеге — большая редкость.

** Широту натуры Купманса иллюстрирует еще одна история. За разработку линейного программирования Купманс был удостоен Нобелевской премии вместе с советским экономистом-математиком Канторовичем. По мнению Купманса, премию надо было дать и Георгу Данцигу, ведь именно он выработал алгоритм, обеспечивший возможность практического применения линейного программирования. Таким образом, самому Купмансу полагалось получить не половину, а лишь треть премиальной суммы. В итоге, ученый отказался от разни-

Моя книга вышла в 1970 г. одновременно на венгерском и на английском; впоследствии она была переведена и на другие языки.

Что подтолкнуло меня к написанию этой книги

С тех пор как я стал рассматривать командно-административный механизм социалистической экономики с критических позиций, у меня возник целый ряд существенных вопросов.

Какая ценовая система могла бы лучше сориентировать тех, кто принимает решения? Можно ли доверить ценообразование свободной игре спроса и предложения? Нет ли необходимости вмешательства государства — по крайней мере, на отдельных этапах?

Возможно ли создать рыночную экономику в рамках социалистической системы? Совместима ли она с государственной собственностью и политической структурой коммунистического режима? Или политика и экономика слишком тесно связаны между собой?

Почему при сравнении двух «больших» систем капитализм оказывался эффективнее социализма? Потому ли, что первый скорее способен выверять цены, подталкивающие к созданию действенных комбинаций затрат и выплат, способных поддерживать рыночное равновесие? Существует ли иное, более важное объяснение привлекательности экономических достижений капитализма?

К этому времени я обладал знаниями, почерпнутыми не только в книгах по теории. Я месяцами жил в Лондоне и посещал многие западные города. Слова «рыночное предложение» теперь вызывали у меня в памяти универмаг «Селфридж» на Оксфорд-стрит в Лондоне или магазинчики на Банхофштрассе в Цюрихе. Что заставляло продавцов держать в запасе такой невероятный ассортимент товаров? От поездки к поездке появлялись новые товары (тогда, например, появились карманные калькуляторы, а потом и первые персональные компьютеры). Что подталкивало производителей постоянно предлагать новые товары?

Привязанность к теоретическим убеждениям сродни чувству влюбленности. Я был страстным приверженцем марксизма, и разрыв с его идеологией стал для меня потрясением. Затем я немного «влюбился» в неоклассическую теорию и поначалу был к ней несколько пристрастен. Влюбленному человеку свойственно прощать объекту своей любви некоторые недостатки до тех пор, пока чувство не пройдет. Однако моя привязанность к этой теории была куда слабее страсти к марксизму. Вскоре я прозрел; меня начала раздражать, а позднее даже злить, неспособность неоклассической теории дать удовлетворительные ответы на волновавшие меня вопросы — хуже того, я чувствовал: ответы, которые она дает, неверны.

цы между половиной и третей частью вознаграждения и пожертвовал эту существенную сумму международному исследовательскому институту.

Как я уже описывал ранее, одной из причин моего разрыва с марксизмом было отсутствие сопоставления теории с реальностью. Теперь я испытывал подобное в отношении неоклассической теории, хотя, в данном случае, проблема вставала менее остро. Исследователи выдвинули ряд частных положений и с достаточным энтузиазмом пытались подтвердить их опытным путем. Эконометрия, наука, специализирующаяся на анализе экономических замеров, разработала для этих целей первоклассные инструменты. Данной технике обучались все слушатели экономических факультетов в западных университетах. Теория противопоставлялась реальности на уровне частностей, а не *целого* — этого-то мне и не хватало. Не было общей теории, по единой системе капитализма и социализма. Подобные рассуждения и сделали так называемую теорию общего равновесия объектом моего критического исследования.

То, что экономика называет «неоклассической теорией», состоит из нескольких частных теорий. Популярные западные учебники по экономике дают неплохой обзор всего, что можно включить в данную теорию, приводят ее важнейшие концепции, вопросы, на которые она пытается ответить, описывают методы, служащие для подтверждения ее положений. Сегодня неоклассическая теория считается основным направлением экономики*. Теоретическое зерно всего этого собрания идей — общая теория равновесия, созданная во второй половине XIX в. швейцарцем Леоном Вальрасом. В упрощенном, по модели Вальраса, мире работают предприятия, нацеленные на максимальную прибыль. Далее система включает в себя домашние хозяйства, стремящиеся потратить деньги таким образом, чтобы обеспечить максимальную полезность. Теория демонстрирует наличие цен, приводящих в равновесие спрос и предложение предприятий и домашних хозяйств; таким образом, при определенных условиях формируется эффективное равновесие. Равновесие и эффективность — вот какой образ об обществе проецирует данная теория.

Модель Вальраса, *единственная* среди неоклассических моделей, делает попытку охватить всю экономическую жизнь целиком, не в концентрированном виде, как это происходит в макроэкономических теориях, но разбивая ее на составляющие. Здесь появляются субъекты экономики и потоки, существующие между ними. Это единственная модель, которая описывает рыночную экономику как *систему*. Я имел все основания полагать: если у меня возникают проблемы с ответами, полученными от неоклассической теории, следует подвергнуть критическому анализу именно теорию общего равновесия.

Сам Вальрас представил свою теорию в математической форме. Впоследствии Эрроу, Дебре, МакКензи, Купманс, Лайонел и другие способствовали

* Не существует единого мнения по вопросу, что считать «неоклассической теорией» или «основным направлением в экономике». Ситуацию осложняет и то, как интерпретации меняются со временем. Сегодня термины означают для многих совсем не то, что означали несколько десятилетий назад. Задача подробных и объективных трудов по истории экономической мысли — прояснить значение понятий. Я считаю допустимым не вдаваться в эти споры в ходе написания мемуаров и пользуюсь различными терминами с целью дать некоторое представление о том, какие группировки существуют в профессиональных кругах.

созданию куда более совершенного математического снаряжения для подтверждения теории. Теория эта отличается строгостью логики. Она прекрасна в своей последовательности, прозрачности и способна покорить любого, кто подробно с ней ознакомится. Так было и со мной, до тех пор пока у меня не возникли критические возражения.

Мое главное несогласие заключалось в том, что ни сама теория и разнообразные исследования, ставшие ее продуктом, ни общая научная программа основного направления в экономике не дают ответа на *главные* вопросы, не помогают глубже понять социализм и капитализм, не предлагают способов «исправления» мира. Это — если и не именно такими словами — я написал в предисловии к книге.

Сходство, наводящее на размышления

Модель Вальраса—Эрроу—Дебре можно сравнить с моделью Корнаи—Липтака, о которой было рассказано в главе 8. Модели описывают две диаметрально противоположные экономики — абсолютно децентрализованную и абсолютно централизованную. В первой модели цены являются носителями информации между самостоятельными децентрализованными равными друг другу единицами. Во второй — центр определяет для подчиненных ему субъектов количественные задачи, а субъекты обязаны их выполнять.

И тут обнаруживается нечто неожиданное. В обеих системах, в случае соблюдения определенных правил, наступает равновесие. Более того, при заданных оптимальных критериях и других условиях обе системы могут достичь оптимального состояния. Данное утверждение можно доказать математически.

Меня подобное сходство озадачило. Выходит, неважно, в условиях какой экономики мы живем — централизованной или децентрализованной? И между капитализмом и социализмом тоже большой разницы нет? Или же поразительное сходство — результат того, что обе модели не учитывают именно те особенности реальных, «живых» экономических систем, которые могли бы объяснить разницу между настоящим капитализмом и настоящим социализмом, между реально существующей рыночной экономикой и командно-административной системой?

Я и ранее обращал внимание именно на то, что обе модели игнорируют существенные элементы действительности. Хотя я уже отмечал это в главе, посвященной математическому планированию, позволю себе вернуться к вопросу еще раз.

Общим условием для обеих моделей будет доступ руководителей к точной информации. В реальности в обоих мирах информация подвергается случайным и намеренным искажениям. Но в реальности на этом сходство заканчивается и начинаются существенные различия. В капитализме, базирующемся на свободном предпринимательстве и частной собственности, возникает

связь между информацией и стимулом. Каждый может попытаться извлечь пользу из полученной или купленной информации. В его/ее интересах сделать так, чтобы информация эта была максимально точной. С другой стороны, при социализме разрозненную информацию следует поставлять в центр, как колхозу пшеницу — независимо от желания. Человек, который располагает этой информацией, первым нашел ее или собрал, не может ею распоряжаться: торговать, пустить в дело — все надо отдать в центр. Децентрализованная информация и децентрализованное стимулирование вместе придают капитализму мощную движущую силу, отсутствующую в социалистической системе.

Предполагается, что все процессы в модели Вальраса и двухуровневой модели происходят без отклонений: адаптация идеальна. На самом деле механизм адаптации работает небезупречно в обеих системах — но в разной степени. Социалистическая система отличается от капитализма большей косностью по многим причинам. В децентрализованной экономике большинство решений можно принять на самом низком уровне. В централизованной экономике, напротив, о возникшем препятствии следует сообщить наверх, на уровень, уполномоченный принимать решения по данному вопросу, а затем приходится спускаться вниз по той же иерархической лестнице для выполнения решения по устранению недостатка. Такой путь намного длиннее. С этим связан еще один фактор: слишком напряженные планы не позволяют накапливать ресурсы на каждой стадии утилизации, хотя только наличие запасных ресурсов может позволить быстро адаптироваться.

Сюда же относится еще одна проблема. В обеих моделях руководители, ответственные за принятие решений, действуют строго рационально — в том смысле, как понятие «рациональность» определяется в неоклассической теории. Они постоянны в своих предпочтениях и всегда выбирают из имеющихся вариантов тот, который соотносится с данными предпочтениями. Здесь мне тоже видятся серьезные проблемы. Выделю только одну. Модель Корнаи–Липтака предполагает, что центр планирования строго рационален и при вынесении решений соблюдает идеальное постоянство. Я много раз бывал в будапештском центре планирования и выслушивал рассказы о том, какие инструкции получают плановики от партийных властей. Рациональность? Постоянство? Отнюдь. Воплощение нереальных, оторванных от действительности пожеланий. На специалистов по планированию оказывали давление различные политические силы и профессиональные или региональные лобби. Изменения в соотношении сил приводили к смене приоритетов. Порой резкий поворот переворачивал все прежние предпочтения. (О рациональности и постоянстве индивидуальных решений, принимаемых в децентрализованной экономике, речь пойдет позже.)

Две общих модели систем похожи еще и своей статичностью. Тогда как одно из существенных отличий заключается в их динамике. При капитализме конкуренция становится тем импульсом, который подталкивает производи-

телей к постоянному техническому обновлению. В отличие от этого при социализме спонтанная сила конкуренции не работает: новые продукты вводятся в производство принудительно по бюрократическому указанию плановиков из центра*.

Чего можно и чего нельзя ожидать от общей теории?

Я попытался объяснить, почему у меня сформировалось предубеждение против обеих моделей. Но, хотя у меня были возражения относительно каждой из моделей, они вызывали разную реакцию. Возьмем, для начала, модель двухуровневого планирования. Я не стремился проводить глубокий теоретический анализ. В первом приближении, как я уже говорил в главе 8 и в ходе предыдущих рассуждений, можно рассматривать эту модель в качестве образца «идеального централизованного планирования». Если бы идеальное планирование было возможно, хотя бы на уровне абстрактной теории, поверхностный или предвзятый читатель мог бы, несмотря на все мои старания, принять этот факт за прославление социалистической системы.

Подобные соображения не мешали мне критиковать модель Вальраса–Эрроу–Дебре.

С сегодняшних позиций я вижу, что исходные теоретические положения моей критики содержали ряд серьезных ошибок**. В данной связи ключевой вопрос заключается в том, чтобы прояснить, *что можно ожидать от абстрактной теории.*

Создатель модели может допустить много ошибок, но его нельзя упрекать в отрыве от реальности. В этом и состоит суть построения моделей. Легко критиковать, говоря: модель предполагает одно, а в реальности всем очевидно другое.

Теоретическую модель можно использовать в различных целях. Выделю две из них, связанные между собой.

Теоретическая модель помогает выяснить, при каких условиях верно то или иное утверждение. В процессе построения теории ее создатель чаще всего руководствуется не исходными условиями, но предсказуемым выводом и начинает работу в обратном направлении. Что же следует предположить, чтобы

---

* Между двумя системами есть еще одно существенное различие, которое обе модели игнорируют. Занимаясь критикой теории равновесия, я уже решительно отказался от репрессивной политической структуры и официальной идеологии коммунистического режима. Но тогда я еще не понимал довольно сложной взаимосвязи, возникающей между демократией и экономической децентрализацией, с одной стороны, и диктатурой и экономической централизацией — с другой. Данный аргумент не только отсутствовал в моих опубликованных работах, но и не особенно влиял на ход моих мыслей.

** На эту ошибку в «Антиравновесии» указал Франк Хан в своей основательной и обширной рецензии, опубликованной в 1973 г. и озаглавленной словами Шекспира «Зима нашего недовольства» («The Winter of Our Discontent» — в привычном русском переводе «Зима тревоги нашей») — указание и на его, и на мою неудовлетворенность.

вывод был верным? Автор модели стремится выстроить ее максимально экономично. Какие условия будут достаточными и необходимыми для доказательства утверждения? Как только аргументация выстроена, она может стать исходной точкой для пересмотра массы других утверждений или, по крайней мере, поставить их под сомнение.

Теория Эрроу–Дебре, например, утверждает, что равновесие может наступить и (анализируя по определенным критериям) привести к оптимальному состоянию только если в систему поступает точная информация. Это не означает, будто Эрроу и Дебре сами не знали, сколько неточностей и неопределенностей может содержать информация*. Тот, кто интерпретирует модель правильно, может вычитать из ее аргументации предупреждение: когда информация ненадежна, искажена, не следует думать, будто рыночный механизм стопроцентно приведет экономику к оптимальному состоянию. Подобное возможно (в условном наклонении) только если информация будет точной.

Применив этот подход ко всем положениям модели Вальраса–Эрроу–Дебре, мы, в итоге, обнаружим в ней не апологию рынка, а исключительно точный список предупреждений. Если мы разрушим ту или иную абстракцию, то окончательный вывод теории уже не будет иметь силы, а рынок перестанет быть идеальным регулятором**.

С этим же связана следующая задача совершенно «чистых», обобщающих моделей: их можно использовать как мерило, эталон для сравнения. Рыночная экономика, работающая при реальном капитализме, далека от идеала Вальраса, но идеал — удобный способ оценить, насколько далека от него реальность. О фактически существующей информации можно, например, сказать, до какой степени она отличается от абсолютной точности, описанной в модели Вальраса. Точно так же можно установить, чем трения, присутствующие в действительности, отличаются от лишенной экономических трений вальрасовской модели. Должен признать, что и сам успешно применял модель Вальраса в своей книге «Дефицит».

Модель Корнаи–Липтака можно использовать точно так же — это я уже отмечал в главе 8. Чистая модель «идеального планирования» прекрасно соотносима с настоящим планированием, очень далеким от идеала.

Проблему следует искать не в моделях, показывающих идеальный до крайности мир, но в том, что многие неправильно анализируют эти модели, делают из них ошибочные выводы. Читатели теоретических работ зачастую склонны «забегать вперед» в своих мыслях, забывая обо всех строгих исходных пред-

---

* Эрроу — один из первых авторов фундаментальных работ о влиянии неопределенности и о провалах рынка. Он был, к примеру, первопроходцем теорий, доказывавших, что здравоохранение нельзя заставить функционировать рационально только при помощи *чистого* рыночного механизма.

** Ход рассуждений, который я применяю здесь в отношении модели Вальраса–Эрроу–Дебре, уже использован мною в главе 8 при разборе модели Корнаи–Липтака. Там я не стал заранее отмечать, что подобное приближение связано с особенно сложными проблемами философии науки.

посылках, и, как следствие, неверно оценивая утверждение, действительное лишь внутри модели. В модели Вальраса–Эрроу–Дебре, например, видят только восхваление рынка, целиком предоставленного самому себе и свободного от вмешательства государства, хотя это совершенно *не* следует из данной теории, если изучить ее вдумчиво. Подобное недопонимание, или даже неправильная интерпретация, заслуживают пристальной критики.

Теорию нельзя обвинять в отрыве от реальности, но тот, кто встраивает теорию в собственное мышление, должен быть более решительно предупрежден о том, что не было учтено и в чем мы отошли от реальности. Практикующих экономистов надо настойчивее приучать к соблюдению осторожности при попытках делать практические выводы из чистой теории и разговорах о «применении ее в экономической политике». В такой ситуации каждое отдельное предположение должно быть тщательно взвешено. Абстрагирование от реальности, необходимое при создании модели, может создать трудности в ходе практической деятельности, когда мы уже не можем не учитывать фактические условия.

В начале этого раздела я указал на существенную ошибку в «Антиравновесии» с точки зрения философии науки. Надо было критиковать не чистоту *теории* (т.е. абстрактный, оторванный от реальности характер ее положений), но то, что она используется в экономике вообще. Настоящим объектом критики должны стать *практика преподавания и исследовательские программы основного направления*. Автора чистой теории нельзя обязать включить в свою работу такое предупреждение. Однако всех, кто впоследствии интерпретирует и преподает эту теорию, уже можно призывать к ответу, если они не дают нужных пояснений. Хорошо ли преподают теорию? Что объясняют, а что забывают рассказать о правильной интерпретации теории? Какими предупреждениями должны бы снабжать свои работы авторы теоретических статей и о чем говорить своим студентам преподаватели теоретических дисциплин? Изучение каких тем надо поощрять, а какие стоит оставить на заднем плане? Было бы полезнее сосредоточить критический пафос книги именно на этих вопросах*. *Ошибка*, допущенная в «Антиравновесии», *с точки зрения философии науки* делает книгу менее убедительной даже там, где критика уместна и заставляет думать.

Рациональные руководители

Вернусь к тем моментам в книге, которые и сегодня представляются мне ценными.

Предположения относительно рационального поведения руководителей играют центральную роль не только в достаточно абстрактной модели

* Среди читателей венгерского издания данной книги я встречал тех, кто считал, будто приведенная здесь критика основного направления в образовании и исследованиях скорее применима к *сегодняшнему* положению после воцарения теорий «рациональных ожиданий», нежели к ситуации 35-летней давности, когда было написано «Антиравновесие». Тем самым, «Антиравновесие» получило признание задним числом как своеобразное предвидение будущих проблем.

Вальраса–Эрроу–Дебре, но и составляют важнейший элемент в образе мыслей всей неоклассической школы. Идея «рациональности» традиционно интерпретируется в экономике особым образом, не так, как это принято в других дисциплинах или в повседневном языке.

Для представителя мейнстрима в экономике понятие «рациональность» соседствует с требованиями свободы от противоречий и последовательности во времени*.

С учетом данной линии аргументации нам может помочь крайняя модель, описывающая строго последовательного руководителя. Она может служить эталоном, по которому мы определяем, какие непоследовательности демонстрирует в своем поведении *реальный* руководитель — в каких решениях, в каком направлении, до какой степени и как часто отходит он от *идеала* последовательного руководителя. Жаль, что в «Антиравновесии» эта важнейшая роль была подчеркнута недостаточно.

Увы, в сотнях моделей основного направления концепция последовательного рационального руководителя рассматривается отнюдь не в таком глубоком смысле. Вместо этого предполагается, будто строго последовательная, оптимизирующая модель худо-бедно, но все же как-то описывает типичное человеческое поведение. Приверженцы такой концепции утверждают, будто располагают *универсальной* объяснительной моделью, способной описать что угодно: не только узко понимаемые экономические решения, но любые ситуации выбора — от решения о разводе и количестве детей в семье до голосования в парламенте. В своей книге я с полным правом выступаю против подобного упрощающего подхода. Сказанное мною, в общих чертах, об ошибках в преподавании и толковании неоклассических моделей особенно актуально в отношении оптимализации, функций полезности и упорядочения предпочтений. Экономисты привыкли считать эту модель универсальной и продолжают мыслить в данных понятийных рамках даже тогда, когда это неверно.

Две обширные главы «Антиравновесия» посвящены этой проблеме, но здесь я хочу остановиться только на одной теме. Книга подробно рассматривает разграничение между повторяющимися и неповторяющимися решениями и между сопоставимыми и несопоставимыми решениями.

---

* Кратко охарактеризую суть идеи для тех, кто не слишком сведущ в теме. Руководителя можно назвать рациональным, если у него есть предпочтения и он их придерживается, т.е. выбирает вариант «А» в ущерб варианту «Б», или наоборот, или игнорирует оба. Однако, если однажды выбор уже был сделан в пользу «А», то в следующий раз он может выбрать «Б».

Большинство работ неоклассической школы исходит из того, что у руководителя есть «функция полезности» (utility function). Его поведение, таким образом, можно охарактеризовать как максимализацию или оптимизацию этой полезности. Можно доказать, что при определенных допущениях два типа формализма (упорядочение по предпочтению и максимализация функции полезности) эквивалентны друг другу.

Амартья Сен (1977) находчиво спародировал эту эквивалентность, когда написал, что «рациональный безумец» (rational fool) также вписывается в образ рационального руководителя, каким его видит данная модель. Такой руководитель считается рациональным, даже следуя безумным идеям, — если делает это последовательно.

Каждый день я могу выбирать, что буду пить к обеду. Даже если конкретный выбор зависит от меню или моего настроения, можно, наверное, определить в моем покупательском поведении четкую схему (pattern), с достаточным постоянством проявляющуюся в предпочтении одних напитков другим. Выбор напитка — повторяющееся решение, а сегодняшнюю проблему выбора, во всех отношениях, можно сравнить со вчерашней.

Сравним эту дилемму с другой проблемой выбора. Зимой 1956–1957 гг. открыли границу, можно было без особого риска выбраться из-за железного занавеса. До этого граница была закрыта, и все подозревали (как потом оказалось — небезосновательно), что скоро ее снова закроют. Уехать или остаться? Перед нами пример неповторяющегося решения. Многие бежали за границу потом, но это происходило уже при других обстоятельствах, изменились риски, да и принимали диссидентов иначе. Более позднюю дилемму «уехать или остаться» уже нельзя сравнить с проблемой выбора, вставшей перед нами зимой 1956–1957 гг.

Добавим еще два наблюдения.

Неоклассическая модель преференций подходит для анализа повторяющихся и сопоставимых проблем. С ее помощью, например, удобно оценивать расхождения. Однако модель «рационального выбора» нельзя применить в отношении неповторяющихся и несопоставимых решений.

Повторяющиеся «мелкие» решения первого порядка, конечно, интересны, особенно для экономистов. Они позволяют, например, оценить функции спроса путем регулярных наблюдений за покупательским поведением, или функции, описывающие поведение предприятий, в связи с повторяющимися решениями руководства.

Однако «большие», самые важные в жизни решения обычно уникальны и не повторяются. В жизни отдельных людей и народов случаются поворотные события, которые невозможно проиграть заново. Горе тем специалистам в области общественных наук, которые готовы объяснять поведение людей при принятии больших решений с помощью готовых упорядоченных предпочтений! Формулируя свое мнение по этому вопросу в 1967–1970 г. и вводя подобное разграничение, я, по сути дела, полагался на интроспекцию. Я не мог заглянуть в души других людей, проследить процесс принятия ими решений. Оставалось анализировать себя. В драматические минуты, когда приходится принимать серьезные решения: эмигрировать с теми, кто массово покинул страну после 1956 г., или остаться, вступить ли повторно в коммунистическую партию, что делать в разгар революции и так далее — заранее заданных преференций у меня не бывает*. Между ценностями (преференциями) и условиями, возмож-

* В главе 2 я описал процесс принятия решения, которое, в моем случае, привело к членству в коммунистической партии. Предварительно сформированных предпочтений у меня не было. Решение было продиктовано разнообразными мотивами. Когда же значительное, долгосрочное решение было принято, именно оно сформировало мои предпочтения в случаях с мелкими повторяющимися решениями в течение последующего периода.

ностями выбора возникает своеобразное взаимовлияние. «Ограничения» и «преференции» невозможно разделить. Также нельзя поднять вопрос строгой временной последовательности, ведь обстоятельства и проблемы судьбоносных решений в данный конкретный момент могут радикально отличаться от тех, с которыми мы сталкивались ранее.

Я по-прежнему считаю, что двигался в правильном направлении, проводя подобное разграничение и делая ряд критических наблюдений.

В этом смысле, трудно однозначно оценить развитие науки и образования за период, прошедший со времени написания «Антиравновесия». Отдельные достижения обнадеживают и развиваются в направлении, которое в книге представлялось наиболее целесообразным. Важнейшим их этих достижений стало сотрудничество между психологами и экономистами, достигнутое в ходе исследований процесса принятия решений и пересмотра идеализированной модели «последовательного руководителя». Исследования привели к интереснейшим научным результатам. Исследовательская программа, называющая себя «бихевиористской экономикой»*, выросла до уровня научной школы, предлагая свежий взгляд на человеческое поведение и пытаясь описать его с помощью моделей, более близких к реальности. В данном направлении особенно выделяются работы Амоса Тверски и Даниэля Канемана, сумевших показать некоторые аномалии теории, т.е. хорошо заметные отклонения от того, что должно было бы происходить согласно стандартной модели рационального принятия решений. Профессиональным признанием стала Нобелевская премия, присужденная Канеману (Тверски, к сожалению не дожил до награды)**.

Прочие тенденции вызывают большую тревогу. Модель рационального выбора начинают широко применять в социологии, политологии, даже, прости господи, в истории — дисциплине, которая играет исключительную роль в исследовании неповторяющихся событий. К сожалению, теория рационального выбора используется в указанных областях не в качестве тонкого инструмента (эталона), но зачастую в довольно сыром, упрощенном виде. Критика и предупреждение, сделанное десятилетиями ранее, не потеряли своей актуальности.

Неценовые индикаторы

В критикуемой теории субъекты системы обмениваются только одним видом информации — ценами. Меня смущала подобная исключительная роль цены.

---

* Буквально английский термин «behavioral economics» можно перевести как «поведенческая экономика».

** Достижения Тверски и Канемана принято оценивать хотя бы одобрительным покачиванием головы или в сносках. Однако экономист, работающий в рамках мейнстрима, продолжает свои исследования, будто этой новой теории никогда и не существовало.

В отношениях между предприятиями при социализме цены воздействуют на производство и потребление незначительно. Большое влияние оказывает иная информация: плановые инструкции, признаки роста или сокращения ресурсов, размеры очереди клиентов, ждущих конкретного товара, и сроки ее продвижения, размеры заказов и т.д. Если исключить все это из анализа, мы не сможем объяснить, какими особыми преимуществами обладают ценовые индикаторы в случае восстановления рыночного механизма.

В капиталистической рыночной экономике цены, конечно, тоже не являются единственным носителем информации. И здесь большую роль играют индикаторы неценового характера.

И в этом вопросе «Антиравновесие» шло по правильному пути. За прошедшие десятилетия индикаторы и роль информации стали предметом активных научных исследований.

Равновесие, рынок продавцов и покупателей

«В экономике особенно трудно определить категории... Недостаток точности всегда лежит в концептуальной сфере...»[126]. Эту цитату Джона фон Ноймана я использовал в своей книге. Понятие «равновесие» уже тогда вызывало замешательство.

Физика и естественные науки рассматривают равновесие как позитивную категорию. Само слово «равновесие» — эквилибрум (в латинском, английском или немецком языках), имеет отношение к весам, на каждой чаше которых находится равный вес. Если до весов дотронуться, после некоторых колебаний они вернутся в состояние равновесия. Сами по себе, без прикосновения, весы из равновесия не выйдут (статическое равновесие), так как не двигаются с места. В таком же ключе можем говорить о пути динамического равновесия. Система находится в движении, но если из фильма, снятого о ней, вырезать один кадр, мы увидим на нем систему в равновесии.

Неоклассическая школа экономической теории использует понятие «рыночное равновесие» в позитивном смысле. В статической теории рынок находится в равновесии, когда предложение и спрос для всех продуктов равны, — такое определение отвечает многим аналитическим целям. По мере распространения базовых экономических знаний это определение стало общеупотребительным, вошло в язык политиков-экономистов и прессы.

С этим был связан и *нормативный* подход к проблеме. Желательно, чтобы рынок находился в равновесии. Плохо, когда спрос превышает предложение и возникает дефицит, но в росте запасов, которые невозможно продать, тоже нет ничего хорошего.

Хотя я и признавал объяснительную силу такого прочтения и привлекательность его простоты для экономистов и общественности, оно казалось мне недостаточным и в момент написания «Антиравновесия», и продолжает не устраивать сейчас.

Рассмотрим сначала капитализм. Продавцы всегда хотят продать больше, чем можно продать по действительным ценам, учитывая всех продавцов и всех покупателей. Каждый продавец в отдельности готов, если ему повезет, продать больше, чем раньше. У него есть для этого свободные мощности и склады. *В этом смысле* предложение превышает спрос. Предложение — более длинная сторона, спрос — более короткая; транзакция, реальная купля — продажа реализуется всегда по короткой стороне. Если использовать понятие «равновесие» так, как в физике, это и есть равновесное состояние рынка в отличие от состояния «предложение равно спросу». Рынок возвращается к этому состоянию снова и снова, даже в том случае, когда его вытесняет торговый цикл. (Например, в период бума исчезают или резко сокращаются избыточные мощности и сворачиваются запасы.) Беспокоиться по этому поводу не стоит, ведь именно в этой асимметрии скрывается одно из проявлений силы капитализма. Именно она стимулирует соревнование и подхлестывает конкуренцию. Такая асимметрия дает преимущество покупателю. Это он выбирает продавца, а не наоборот. И самое главное: конкуренция стимулирует техническое развитие и вывод на рынок новой продукции.

Я ощущал эту асимметрию еще сильнее, так как жил в совершенно иных условиях, где продавцы имели преимущество и могли выбирать покупателей. Такую ситуацию не назовешь временным колебанием равновесия — повышенный спрос сохраняется всегда. Определенные политические и экономические условия постоянно поддерживают дефицит. Экономика дефицита — вот настоящее состояние равновесия при социализме, а вовсе не ситуация «спрос равен предложению».

В «Антиравновесии» я дал двум этим состояниям равновесия непривычные названия: «давление» и «всасывание». При первом продавец навязывает продукты покупателю, а при втором покупатель жадно поглощает продукты из мест, где они продаются. Вынужден констатировать, что оба термина не вошли ни в профессиональный, ни в обиходный язык. Впоследствии и я отказался от них в своих работах, перейдя на распространенные среди экономистов понятия «рынок покупателей» и «рынок продавцов». Эти термины уже не вызывали неприятия.

Должен с сожалением отметить, что главной проблемой стал не подбор терминологии. Основная идея — характерная для обеих систем половинчатость, асимметричное состояние, превосходство продавца *или* покупателя — не имела особого успеха. Я до сих пор придерживаюсь этих позиций и жалею, что не сумел убедить в этом своих коллег.

В теории Вальраса—Эрроу—Дебре появляется понятие «конкурентного равновесия» — состояния, при котором предложение и спрос равны друг другу в каждой части рынка. Признаю, что данная категория, в силу своей точности, может быть использована в качестве эталона. Нам будет легче описать реально существующую систему, если мы можем сказать, что она отличается от вальрасова конкурентного равновесия в том-то и том-то. Только вот слово

«конкурентный» тут не на месте! Настоящая конкуренция как раз и исчезнет, если капитализм достигнет вальрасовой точки покоя*. В такой ситуации уже не нужно ни бороться, ни обновляться, ко всякой дыре нашлась своя затычка, каждый производитель-продавец нашел своего покупателя. К счастью, при настоящем капитализме нормальное, длительное состояние равновесия — это мощная конкуренция между производителями и продавцами и постоянное обновление состава производимой продукции.

Теперь я, наконец, могу объяснить название книги, несущее двойной смысл. С одной стороны, она задумывалась как критика общей теории равновесия (general equilibrium theory). С другой, она была призвана противостоять тому, чтобы спокойное, лишенное обновлений состояние конкурентного равновесия было принято как желаемое.

Интерпретация общей теории равновесия с политической точки зрения

Радикальные критики капитализма обвиняют экономистов неоклассической школы в том, что они своими теориями защищают и восхваляют систему. Подобное обобщение я считаю неверным.

Неоклассическая теория и ее теоретическое ядро, общая теория равновесия с *политической точки зрения нейтральны.* Ни основные положения теории, ни ее понятийный аппарат не ангажированы политически. Среди ее приверженцев и пользователей можно найти консерваторов, либералов и социалистов. В «Антиравновесии» я решительно отстаивал эту позицию, возражая тем, кто в те времена называл исследователей, относящих себя к неоклассической школе, не иначе как «буржуазными экономистами» и «апологетами капитализма».

В западной экономике того времени я увидел две основные ошибки, с точки зрения исследователя, стремящегося сравнить системы и изменить существующий порядок. Первая: тенденция идеализировать рынок, не объясняя экономистам необходимость государства и прочих дополнительных механизмов. Вторая: неспособность показать настоящие преимущества реального рынка, истинные движущие силы капитализма, о которых только что шла речь. Картина рынка выходила и слишком радужной, и недостаточно радужной.

Я пытался добросовестно показать, где в радиальных трудах социалистического направления можно обнаружить сходство с моделью Вальраса—Эрроу—Дебре и, в целом, с неоклассическим образом мыслей.

Примером стали работы уже упоминавшегося в этой книге Оскара Ланге. Последний использовал интеллектуальный механизм теории Вальраса для создания своей знаменитой теории социализма.

---

* Как я уже писал, до публикации «Антиравновесия» было напечатано короткое «Эссе», в котором я сравнил вальрасову категорию конкурентного равновесия с отношениями между фригидной женщиной и мужчиной-импотентом. В дальнейшем я, по-видимому, решил сменить стиль на более целомудренный, потому что в книгу это удачное сравнение не вошло.

Более свежий пример — советская школа Канторовича, которая всерьез предлагала регулировать экономику с помощью теневых цен, полученных из линейного программирования, заменяя ими цены, сложившиеся на реальном рынке. Легко понять, почему западные экономисты признали в Канторовиче родственную душу: его система уравнений была вариантом вальрасовой системы уравнений в слегка измененной математической форме.

«Антиравновесие» также обнаружило черты сходства между системой уравнений во втором томе «Капитала», понятием динамического равновесия и теорией общего равновесия. Это возмутило моих читателей-марксистов.

Тем не менее радикальные социалисты были скорее готовы принять «Антиравновесие», нежели отвергнуть его. Они радовались тому, что «у нас общий противник», но не увидели в книге куда более мощной апологии капитализма, чем простое восхваление «конкурентного равновесия». Среди достоинств капиталистической рыночной экономики «Антиравновесие» выделяло то, что признавали в своем «Манифесте Коммунистической партии» даже Маркс и Энгельс, а Йозеф Шумпетер сделал центром своей теории: движущую силу технического прогресса и постоянных инноваций, порождаемых внутренними особенностями капиталистической системы*.

Реформа или революция в науке

Анализ состояния экономической науки на тот момент показал, что в нужном, по моему мнению, направлении ведется множество результативных исследований, заполняя пробелы между теорией Вальраса и действительностью. Однако изменения казались мне слишком медленными. Я считал необходимой не реформу существующей научной мысли, но научную революцию. Мне хватало скромности не заявлять, будто моя книга *означает* подобную революцию. Работа представлялась мне сырой. Это было не более чем выражение *жажды* революции.

Формулировал я довольно резко. Позаимствовав определение у Вернера Хайзенберга, я назвал теорию общего равновесия «математическим кристаллом», закрытой системой, недоступной для исправлений[127].

С сегодняшних позиций революционность эта кажется мне ошибочной**.

---

* В книгу входит детальная таблица с данными о том, когда и в какой стране появились важнейшие новые продукты, революционные в способе производства и потребления, в образе жизни. Из таблицы следует, что социалистические экономики за весь длительный период своего существования создали ничтожно мало таких «революционных» продуктов. Основная масса — порождение капиталистической экономики. Подобное сравнение уже само по себе было обвинением в адрес социалистического хозяйства.

** Когда я порывал с марксизмом, радикализм сослужил мне хорошую службу. Списав весь интеллектуальный капитал марксизма на нет, я отверг его целиком и полностью и впоследствии был готов вновь принять отдельные положения или методы после переосмысления, при условии, что я был убежден в их полезности. Радикализм того же толка (к которому я, судя по всему, имею склонность) не оправдал себя в отношении неоклассического мейнстрима.

С момента публикации в 1962 г. классического труда Томаса Куна по философии и истории науки[128] не прекращаются споры на тему, случаются ли настоящие революции в истории естественных наук. Ясно одно: если в развитии общественных наук и случаются повороты, прорывы, замены прежних подсистем мышления на новые, сохраняется непрерывность, целостность научной мысли. Элементы реформ и революций постоянно переплетаются.

Во время написания «Антиравновесия» я недооценивал способность и готовность экономики мейнстрима к развитию. Многие достижения, упомянутые в данной дискуссии и оставшиеся за ее пределами, подтверждают: эта школа смогла уйти далеко вперед, по сравнению со своим состоянием на 1960-е годы, и без видимых революций.

Должен, однако, заметить, что мое тогдашнее нетерпение вполне объяснимо и не ушло до сих пор. Способность к самообновлению очевидна, но так же очевидна и упрямая приверженность привычным и удобным шаблонам рассуждений, даже если они вызывают справедливые сомнения.

Первая реакция и долгосрочное влияние

Поначалу реакция на «Антиравновесие» была довольно бурной. Кеннет Эрроу и Герберт Саймон отметили справедливость отдельных положений книги в своих нобелевских лекциях, что было для меня настоящим признанием[129]. В первые годы после выхода книги на нее часто ссылались в статьях и других изданиях. Было опубликовано 38 рецензий в международной экономической периодике. Работа стала предметом активного обсуждения среди студентов-экономистов. Сам факт, что в какой-то книге автор осмелился подробно критиковать господствующую экономическую школу, вызывал интеллектуальное возбуждение и радовал многих.

Серьезное неприятие высказали всего один-два автора. Я думал, моя работа спровоцирует брожение, принесет плоды и окажет значительное влияние.

Вышло наоборот. Отрицательные отзывы не повлекли за собой новых, но перестали появляться и положительные. Споры утихли. После первоначального интереса, вызванного книгой, наступила тишина*.

Как я уже отмечал, во многих областях шли исследования как раз по направлениям, обозначенным в «Антиравновесии». Это было приятно. Однако, признаюсь честно, меня расстраивало, когда в публикациях «Антиравновесие»

Последний, говоря словами Имре Лакатоша, оказался научной программой, которая не дегенерирует, но имеет потенциал к развитию.

* Оливье Бланшар, знаменитый франко-американский макроэкономист, взял у меня интервью для одного журнала (1999, с. 205). В ходе разговора я упомянул, что «Антиравновесие» исчезло спустя несколько лет после выхода. Он отреагировал следующими словами: «У меня на родине, во Франции, это была одна из книг, которую мы все прочли. Она стала частью общего знания и в таком качестве перестала быть объектом упоминания. Подобное случается со многими идеями. Возможно, это признак успеха».

не упоминалось как одна из историко-теоретических предпосылок новых достижений*.

Почему на вызвала большего резонанса книга, о которой я думал, что она сможет сильно повлиять на экономическую мысль? У меня есть работы, вполне оправдавшие мои ожидания, а некоторые оказали даже большее влияние, нежели я предполагал. Почему «Антиравновесие» постигла неудача?

Одной из проблем стал стиль, или даже «жанр», книги. В ней слишком много математических символов, хотя они и не используются для математического анализа. Слишком много педантичных определений, снабженных подробными объяснениями, а затем не используемых в ходе серьезного анализа. Многие привычные категории обретают в книге новые имена. Подобный подход редко срабатывает, не помог он и здесь. Читателя оттолкнуло обилие новых понятий.

В «Эссе», первом варианте книги, не было формул, оно было намного короче, плотнее, сильнее воздействовало на читателя. Я неверно понял ситуацию. Многие авторы, которых я читал, использовали математический аппарат, и я хотел подстроить свою работу под этот жанр. Лучше было высказать все это в стиле эссе.

Тон моей критики был вежливым и цивилизованным, в нем не было и тени марксистско-ленинского высокомерия. И все-таки получилось слишком радикально. Я был поражен, прочитав текст Дэвида Лейбзона и Ричарда Зекхаузера об Амосе Тверски, выдающемся израильском психологе и экономисте, который вместе с Даниэлем Канеманом внес огромный вклад в понимание механизма принятия решений[130]. Тверски избежал всех «недипломатичных» ошибок, допущенных мной в «Антиравновесии». Он не говорил: «Начнем сначала!» — но признавал все достоинства прежних моделей. «Начнем с этого и продолжим вот так...» — коллегам было значительно легче принять подобный подход, когда он пытался убедить их в необходимости перемен.

Анализируя причины провала (или, если быть точным, полупровала), помимо жанровых или стилистических недочетов, следует раскрыть содержательную сторону.

Критика сама по себе может ослабить уважение к одной теории и поколебать интеллектуальное сопротивление в отношении новой теории, но она никогда не приведет к опровержению теории, принятой профессионалами и применяемой ими. Вакуума быть не может. Новая теория способна вытеснить

---

* Некоторые экономисты выступали с общей критикой неоклассической теории, по многим пунктам повторяя замечания, которые я рассматривал в своей книге 1970 г., но не ссылаясь на них. Почему они этого не делали? Исследователи могли быть не знакомы с «Антиравновесием» и сделать выводы самостоятельно. Или же когда-то прочли книгу, но память о ней ушла глубоко в подсознание, и мысль о моей работе даже не пришла им в голову в период подготовки лекции или публикации. Однако не исключаю, кое-кто мог и помнить, что его мысль уже фигурировала в «Антиравновесии», но не считал себя обязанным сообщить об этом читателям или слушателям.

старую только в том случае, если экономисты убедятся в ее большей жизнеспособности*.

«Антиравновесие» не предлагало новую теорию, потому и не стало прорывом.

Приведу один пример. Книга указывает на то, что модель Вальраса–Эрроу–Дебре проецирует образ гармонии: каждый спокойно находит себе место в равновесном состоянии. Надо было обратить более пристальное внимание на моделирование конфликтов. В работе приводится несколько примеров конфликтов, происходящих между отраслями государственной бюрократии или внутри предприятия. Предлагается подробнее изучать конфликты — задолго до возрождения теории игр.

В том-то и проблема. Анализ конфликтов получил фантастический толчок, когда Джон Нэш и его последователи выработали новые теоретические инструменты и принялись внедрять их при построении новых теоретических конструкций.

Нет ни одного примера, когда было бы достаточно всего лишь *предложить* большую и важную тему для начала продуктивной исследовательской программы. По-настоящему эффективная программа исследований начинается с появлением *конструктивного стимулирующего произведения.* В англо-саксонской литературе такие работы принято называть «оплодотворяющими» (seminal).

«Нет слуги, так сделай сам», — как принято говорить у нас в Венгрии. Большую часть научных задач, предложенных в «Антиравновесии», я попытался решить сам (в одиночку или вместе с коллегами). Некоторые попытки привели к теоретическим открытиям. (Об этом речь пойдет в следующих главах.)

Размышляя над этими проблемами, я должен касаться общей оценки своих научных достижений. У одних исследователей есть одна большая идея, по-настоящему оригинальная и важная мысль, и они посвящают всю свою жизнь разработке, развитию, пропаганде этой идеи, создают вокруг нее школу. Кто-то проделывает то же самое с двумя-тремя идеями. История теоретической науки доказывает: такая сосредоточенная исследовательская стратегия может принести значительные плоды. Вынужден признать, что мои собственные наклонности подталкивали меня к иной стратегии. Меня постоянно посещали новые мысли. Увы, у меня редко хватало терпения остановиться на той или другой идее и работать над ней, продвигать, прилагая максимум терпения, са-

---

* Это стало мне ясно до того, как появились отклики на публикацию. Коллеги обращали мое внимание на данную закономерность еще в процессе обсуждения рукописи. Я сохранил в своем архиве копию письма, посланного мною из Йельского университета в Будапешт одному из коллег в 1970 г., с отчетом о реакции на пять моих лекций, прочитанных на темы, отраженные в «Антиравновесии». Вначале я рассказывал о положительном приеме, а затем продолжал: «Другая группа мнений: смесь признания и неудовлетворенности... Один коллега остроумно назвал такое поведение шизофреническим — частью своего сознания они знают, что их действия неверны, но другой частью продолжают действовать. Перестанут они только тогда, когда кто-то предложит им подход получше».

мому создавать школу на ее базе. Когда подобный процесс начинался (а в нескольких случаях он действительно начинался), я уже устремлялся дальше, меня волновала следующая идея. Так происходило не всегда, но похожих примеров в моей работе наберется немало. Содержание «Антиравновесия» и его судьба хорошо иллюстрируют подобные метания. Несмотря на тщательную редактуру, книга галопом перескакивает от одной не до конца проработанной мысли к другой.

Стоило ли ее писать?

Публикация «Антиравновесия», безусловно, стала причиной многих трудностей в моей карьере. Отдельные зашоренные и твердолобые сторонники неоклассической школы сочли книгу непростительным проступком. Кроме того, я хотя и вижу сегодня в «Антиравновесии» больше ошибок и слабых мест, но по-прежнему считаю значительную часть книги актуальной. Я и сейчас смотрю на неоклассическую школу критически, без слепой веры. Характеризуя себя, я часто говорю, что одной ногой стою в мейнстриме, а другой — снаружи. В одних вопросах я приближаюсь к основному течению, а в других — пробую и дальше плыть против него. Такое половинчатое положение периодически провоцирует конфликты. Мои работы зачастую не отвечают вкусам редакторов и читателей, не готовых открыться инакости.

Как я набрался смелости написать эту книгу? У меня и до начала работы над ней не было сомнений, что острое критическое произведение вызовет яростный протест. Наверняка, сыграло свою роль стремление подвергать все сомнению и переосмысливать, в котором я укрепился с тех пор, как потерял веру в марксизм. Раз уж я когда-то был слеп и некритичен по отношению к марксизму, не хотелось становиться слепым и некритичным снова.

В предыдущих главах я уже писал, насколько невыгодно для меня было то, что я не мог учиться в хорошем университете, а вместо этого был вынужден заниматься самообразованием. Но у самостоятельного обучения есть свои преимущества. Я ознакомился с теорией экономики мейнстрима, но ее не вдалбливали мне на бесконечных лекциях и семинарах или во время подготовки к экзаменам до такой степени, чтобы я и во сне мог автоматически дать правильный неоклассический ответ на любой вопрос. Мне и в голову не пришло бы сравнивать себя с Гайдном, но я вижу некоторое сходство. Гайдн провел долгие годы вдали от центров мировой музыки (на самом деле он жил в Венгрии, в замке Эстерхази) и как-то писал: «Я был отрезан от мира, так что у меня была возможность развиваться, рисковать. В Эстерхазе не было никого, кто бы мог отвлечь меня или посеять в моей душе сомнения. Так я смог стать самим собой...»[131].

Если бы вся моя академическая карьера проходила в американских университетах, в том возрасте, когда я написал «Антиравновесие», я бы стал штатным профессором (full professor). Ведущие журналы отказывались бы от моих руко-

писей из-за того, что те содержат не до конца сформулированные, да еще и неортодоксальные идеи, которые критикуют основные догмы. Не надо забывать, что назначение на должность профессора зависит от количества публикаций в признанных журналах. На момент вынесения решения о моем назначении я бы, наверное, боялся вызвать гнев коллег, чье мнение могло стать решающим. С этой точки зрения, жизнь в далекой Венгрии играла мне на руку. Как бы странно это ни звучало, но мне было легче сохранять суверенитет. Я не был встроен в западную академическую систему, как это происходит там с молодыми учеными: высшая школа, первое назначение, а затем — процесс продвижения по карьерной лестнице.

Каков же ответ на вопрос, вынесенный мною в подзаголовок, стоило ли писать «Антиравновесие». Тут я могу использовать собственную личность как пример непоследовательности человеческого поведения. Иногда я думаю: «Вот бы я ее не писал!» А иной раз отношение мое меняется и я уже не хочу исключать критику неоклассической теории из числа своих работ даже задним числом. При этом было бы здорово, если бы я мог посредством какой-нибудь уловки, в духе Оруэлла, изъять версию 1971 г. и написать вместо нее новую, с точки зрения моих сегодняшних позиций и познаний. Неплохо было бы поставить ее на полки библиотек вместо пылящихся там экземпляров. Но, как сказал великий венгерский писатель Кальман Миксат, перефразируя известную пословицу: «Что раз написано, и топором не вырубишь».

Но, в целом, я не жалею о появлении «Антиравновесия». Самый основательный и острый критик книги, Франк Хан, слова которого я уже приводил, закончил свой критический разбор так: «...лучше пусть эта книга будет у нас, нежели ее не будет вовсе. Корнаи до такой степени честен, а его научная прямота столь очевидна, что внимание читателя неизбежно перемещается от ошибочных утверждений к полезным вещам. А среди последних есть несколько очень хороших»[132]. Это признание даже наполняет меня некоторой гордостью. Как пишет Хан: «...пусть эта книга будет...». Я сделал все, что мог, и книга принесла пользу: я многому научился в процессе ее написания и обсуждений. В любом случае, она — часть моей жизни.

Несколько субъективных замечаний в заключение

Наконец, я хотел бы ненадолго отвлечься от мира экономики и научной теории и сделать некоторые замечания личного характера в отношении «Антиравновесия». Один из читателей первого варианта мемуаров откомментировал эту главу следующими словами: «Зачем так подробно разбирать причины провала? Постарайся это преодолеть». Другой читатель заметил: «Люди не любят обиженных... То, что ты пишешь о рецензиях, продиктовано тщеславием. Не всем это покажется важным».

Признаюсь, было бы куда изящнее отмахнуться от всех проблем, возникших у меня в связи с этой книгой. Но я отношусь к иному типу людей и не

склонен отмахиваться. Завидую тем, кто способен повторить вслед за Эдит Пиаф: «Нет, я ни о чем не жалею...» О себе так сказать не могу. Бывает, я сожалею о чем-то, а иногда и нет. Некоторые свои поступки я даже задним числом не могу оценить однозначно. Бывает, что я по сей день продолжаю размышлять над проблемами выбора, которые стояли передо мной в прошлом. Сомневаюсь, тот ли путь я выбрал. Поражение я, безусловно, переживаю глубже, чем успех.

«Антиравновесие» — не просто один из пунктов в списке моих публикаций, но самый смелый проект в моей исследовательской карьере. Я поставил себе задачу большего масштаба и сложности, чем мог осуществить. Но даже осознавая это, я с трудом мирился с неудачей.

И успех, и провал не оставляют меня равнодушным. Уверен, большинство ученых испытывают те же чувства, но многие не хотят признаваться в этом. Они боятся, что общественное мнение негативно отреагирует на их поведение. Всем нравится, когда ученый, вне зависимости от оценки его работы, делает вид, будто, кроме прогресса науки и поисков истины, его ничто не интересует. Если это правда, откуда тогда в научной сфере, повторяя ситуацию в литературе, других видах искусства, в спорте, на производстве и в деловом мире, берутся награды, почетные звания, разнообразные знаки отличия и признания, и с другой стороны — негативные реакции, от умалчивания до публичных нападок и унижений? Есть, наверное, фанатики и святые, которых все это не волнует. Но для большинства людей, слабых и грешных, существует тесная положительная связь между интенсивными переживаниями успеха и провала и творческим драйвом. Радость познания и поиск истины действительно являются *главными* движущими силами исследовательского труда. Существуют, однако, и другие дополнительные мотивы, усиливающие этот драйв. Тот, кого по-настоящему (а не притворно) не волнует, что скажут другие о его достижениях, обычно и стараний прикладывает меньше.

В этой главе — как и на протяжении всей книги — я стремился к честному самоанализу. Я пытался выяснить, в какой степени я несу ответственность за то, что «Антиравновесие» имело меньший резонанс, нежели я рассчитывал. Искренние попытки дали мне, кроме прочего, моральное право задать вопрос, *только* ли я виноват в неуспехе. И когда я пробую ответить на этот вопрос, во мне говорит не обида. Я выступаю от имени многих исследователей, говоря о нежелании профессионалов принимать серьезную критику, о том, какая у них короткая память, — та самая память, которая должна была бы чтить появление важных новых идей, какими бы примитивными и неуклюжими они ни были.

Я с легкостью мог бы прислушаться к советам обоих читателей. Можно было исключить пару абзацев в главе 10, да и еще кое-где в книге, — спорные впечатления сразу и исчезли бы. В результате подобных манипуляций у читателя сложился бы образ, больше похожий на идеальный портрет ученого, но это был бы не мой портрет.

11

ИНСТИТУТ, УНИВЕРСИТЕТ, АКАДЕМИЯ — с 1967 г.

Из мира чистой теории перенесусь теперь в лишенную научной чистоты социальную атмосферу, которая окружала меня в Будапеште. Во время написания первого венгерского варианта «Антиравновесия» основным местом моей работы был еще Центр вычислительной техники, где я вполсилы продолжал заниматься математическим программированием — при этом я на полставки вернулся на прежнюю работу, в Институт экономики Академии наук, откуда меня выгнали в 1958 г. В 1967 г. Иштван Фришш, директор института, предложил мне вернуться на полную ставку. Я принял предложение, и начиная с этого момента институт на 25 лет стал местом моей работы в Венгрии.

Единоличный глава официальной экономики

Несколько слов об Иштване Фришше. Венгерская Академия наук и ее исследовательские институты выстроены в сложную иерархическую систему. Иштван Фришш возглавлял IX отдел Академии, отвечавший за экономику, право и прочие общественные науки. Он же был председателем комитета Академии по экономике, которая отвечала за эту дисциплину внутри IX отдела. И, наконец, он же был директором самого авторитетного исследовательского центра — Института экономики. Редкий случай в академической иерархии: Фришш занимал высшие посты на трех уровнях и, таким образом, был дважды начальником самому себе, плюс ревизором в политической структуре, где в руках человека, занимающего такую должность, концентрировалась значительная власть.

Фришш был личностью противоречивой. В его мировоззрении сталкивались разные ценности, в поведении просматривались различные сценарии, традиции и рефлексы. Прежде всего Фришш был коммунистом. В молодости он отдалился от богатого буржуазного окружения, избрал путь гонений, присоединившись к нелегальной коммунистической партии, и оставался до самой смерти верен своим ленинистским убеждениям. Некоторое время Фришш

прожил в московской эмиграции, где и перенял тамошнюю манеру поведения: соблюдение дистанции, недоверие к сотрудникам. Правда, строить из себя начальника, кичиться своей властью и авторитетом он не любил. Учился Фришш в Германии и Англии и до конца дней оставалось в нем что-то от джентльмена с тихим голосом и блестящими манерами. Как ученый, исследователь особого наследия он не оставил, с его именем не связана ни одна значительная оригинальная идея, однако достиг высот в качестве организатора науки. Когда была возможность (оговорка эта сама по себе абсурдна), Фришш уважал свободу подчиненных выражать свое мнение, не принуждал равняться на линию партии, как делали многие руководители такого уровня в Советском Союзе и в Восточной Европе. Особенно он поддерживал эмпирические исследования, наблюдения за действительностью.

Отношения между нами сложились двойственные. Иштван Фришш был старше меня на четверть века, так что с его стороны сюда примешивались нотки патернализма. Мы были на «ты»: он звал меня Янчи, я же — как и все остальные, обращался к нему: товарищ Фришш.

Рискуя повториться, позволю себе перечислить в совокупности некоторые события, речь о которых уже шла в предыдущих главах. Еще во времена моей работы в газете «Сабад неп» Фришш снабжал меня информацией и инструкциями в связи с экономической политикой партии. После увольнения из редакции он принял меня к себе в институт, но урезал зарплату до минимума. Когда я снова выделился своими работами, он стал меня продвигать и ставить в пример другим сотрудникам. Во время революции 1956 г. Фришш позвонил мне и пытался уговорить выступить по радио с поддержкой коммунистической партии, от чего я отказался. После краха революции он с партийной трибуны объявил меня предателем марксизма. Мой уход из института был инициирован другими людьми, но Фришш не препятствовал этому и как дисциплинированный солдат партии уволил меня по приказу сверху. С другой стороны, он же помог мне устроиться и содействовал выходу английского варианта моей книги.

Теперь Фришш звал меня обратно в институт. Что было дальше? Много и разнообразно говорил, как уважает и ценит мою работу. Когда я лежал дома после операции, он навестил меня и спросил, не хочу ли я в будущем сменить его на посту директора. Я отказался.

Будто ничего и не было...

Увольнение из института было одним из сильнейших потрясений в моей жизни. Возвращение проходило спокойно, безо всяких внешних проявлений. Будто ничего и не было... Иштван Фришш и руководство института не вспоминали о прошлом, равно как я и мои коллеги.

Во мне тогда смешались разные мысли и чувства. На тот момент уже полным ходом шла подготовка к внедрению в 1968 г. «нового экономического ме-

ханизма». За пару лет до возвращения в институт у меня состоялась короткая встреча с Режё Нершем, который был тогда секретарем ЦК и занимался реформами. Он как бы вскользь заметил: «Вы ведь знаете, что вас реабилитировали?» На что я ответил: «Откуда? Мне никто не сообщил». В подготовке реформ участвовали многие из тех, кто в 1956–1957 гг. прочел мою книгу, кто принимал участие в дискуссиях о ней и о предложениях по реформам, подготовленных нами в 1956 г., или те, с кем я тогда обсуждал эту тему. Я был уверен, что мои идеи на них повлияли. Да только ни один устно или в печати об этом влиянии не обмолвился. Даже Иштван Фришш не признавался, что теперь, следуя новой линии партии, поддерживает ту самую реформу, пионеров которой (особенно меня) он за несколько лет до этого клеймил от имени той же партии.

С другой стороны, меня бы смутило, если бы все начали копаться в прошлом, выясняя, какое я имел отношение к экономической реформе. Я тогда уже пережил фазу «наивного реформатора» и укрепился в мысли, что запланированные перемены не заходят достаточно далеко.

Мои разногласия с существующим режимом носили прежде всего политический характер. Я вспоминал, какие обвинения выдвигали против меня в 1958 г. отряженные в институт комиссары. *Они были правы*, считая меня идеологическим противником: я своими работами действительно способствовал подрыву коммунистического мировоззрения, а моя деятельность была частью революционного выступления интеллигенции. *Они были правы*, считая меня ненадежным элементом: многие из моих друзей попали в тюрьму, потеряли работу или жили в эмиграции. Из института меня выгнали не только из-за книги, но и потому, что я выступил против коммунистической партии. У них не было никаких поводов отыгрывать историю назад. В политическом смысле, «реабилитировать» можно было только того, кто оставался коммунистом, даже когда собственные товарищи отказывали ему в праве таковым называться*.

Те, кто принимал решение о восстановлении меня на работе в институте, не горели желанием отказаться от своих прежних взглядов. Что до меня, я не хотел создавать впечатления, будто между мной и теми, кто меня выгнал, а теперь восстановил, достигнуто взаимопонимание. Для обеих сторон единственным приемлемым решением было *не пытаться ничего прояснять*. Подобной формулой широко пользовались при кадаровском режиме.

Стремление все затушевать, перешагнуть через прошлое продолжали меня беспокоить. В прежней политической схватке я оказался временно проигравшим и должен был признать, что на данный момент именно такое решение было для меня оптимальным. Выходящему на политическую арену неког-

---

* В 1950-е годы был распространен такой анекдот: «Кона исключили из партии. Ночью ему снится сон, будто американские войска захватывают Венгрию. Президент Эйзенхауэр, словно Миклош Хорти в 1919 г., на белом коне въезжает в Будапешт. Матяш Ракоши на коленях протягивает ему ключи от города. Эйзенхауэр командным голосом произносит: “Ракоши! Прими Кона обратно в партию!”» Но я в 1967 г. уже был далек от комичных желаний бедняги Кона.

да зализывать собственные раны. Но как исследователь и ученый я понимал: в 1958 г. свободе в науке был нанесен тяжелейший урон. У Иштвана Фришша не хватило моральной смелости высказаться хотя бы об этой стороне дела.

Доверие и терпение

Далее я попробую рассказать, насколько я доверял своим коллегам. Речь не пойдет о тех, с кем меня связывали тесные дружеские узы еще до 1967 г.: ни об Андраше Наде (его выгнали из института вместе со мной, а потом точно так же позвали обратно в 1973 г.), ни о Юдит Римлер (я сам предложил ее взять)*, ни о Мартоне Тардоше (мы сблизились с ним где-то в 1956 г., а в конце 70-х годов он стал сотрудником института). Мой рассказ — об отношениях, которые связывали меня с большей частью институтского коллектива.

Когда я вернулся в Институт экономики, тягостное недоверие удерживало меня от разговоров непосредственно на политические темы. Во мне еще были живы впечатления от допросов, в ходе которых обнаружилось, что близкий друг выдал следователям мои замечания к его работе, носившие идеологический характер. Мне было трудно избавиться от мысли: а вдруг человек, с которым я сейчас разговариваю, сделает потом то же самое.

Коллеги чувствовали мою отстраненность. Я несколько лет проработал с рано ушедшей потом из жизни Кати Фаркаш. У нас сложились теплые дружеские отношения. Однажды она кротко, с легким упреком взглянула на меня и спросила: «Янош, скажи, отчего ты нам так не доверяешь?» Мы поговорили: я попытался объяснить, чем вызвано такое поведение с моей стороны. Важен даже не сам предмет той беседы, а то, как на меня повлиял ее настрой. Я начал понемногу «отходить» с теми, кто, по моим ощущениям, не стал бы злоупотреблять моим доверием. Однако процесс оттаивания шел медленно, постепенно и, в большинстве случаев, не до конца.

Даже впоследствии я никогда не позволял себе спонтанно и открыто высказывать свое мнение относительно важных политических новостей, не оценив предварительно, с кем имею дело. Я строго контролировал себя и оценивал всех, с кем доводилось общаться, сообразно личностным качествам, работам, словам и делам, после чего решал, как себя вести — сдержано или открыто. «Не трать свое доверие зря», — писал Аттила Йожеф[133]. Вот я и не тратил.

Если я и оказывал влияние на своих коллег, особенно на молодежь, то делал это не посредством выражения собственных политических взглядов, а иными способами. Они видели, как я работаю, выясняли в разговорах, каковы мои профессиональные требования, знакомились с моими интеллектуальными

* В 1959 г., во время моей «ссылки» в легкой промышленности, я получил возможность взять себе помощника и попросил знакомых из университета прислать лучшего студента. Им, точнее, ею, оказалась Юдит Римлер, первая за всю мою карьеру «научная ассистентка». Позднее она и сама стала признанным исследователем. При смене места работы я всегда настаивал, чтобы Ютка тоже могла перейти туда же, куда и я.

ориентирами из текстов. Тот, кто был открыт подобным впечатлениям, многое мог почерпнуть.

Со временем число тех, с кем я охотно общался, выросло. Спустя пару лет я смог привести в институт нескольких своих коллег. Позднее меня назначили руководителем группы. Под моим непосредственным началом работали молодые исследователи. В университете у меня училась семейная пара: Янош Гач и Мария Лацко. Я предложил взять одного из них на работу к себе в институт — два места выбить не удалось. Они решили, что работать ко мне пойдет Мари. Еще одна моя студентка — Юдит Сабо. Андраш Шимонович, выпускник математического факультета, попал ко мне по рекомендации Тамаша Липтака. Еще одним членом группы стал позднее Михай Лаки. Жужа Капитань, бывшая учительница математики, поначалу работала оператором ЭВМ с одним из коллег, а затем перешла ко мне в том же качестве. Впоследствии она постепенно переквалифицировалась в экономиста. Все, кого я перечислил, были моложе меня. Из моих сверстников с нами работал Бела Мартош — математик по образованию, правда, он не был членом группы.

Группу Корнаи объединяла, в первую очередь, общая работа, схожие профессиональные установки*. (Об этом речь пойдет в следующей главе.) Помимо этого нас связывала личная симпатия и дружба. Как я уже говорил, одних только рабочих отношений с коллегами мне было недостаточно. Так было в редакции «Сабад неп», так складывалось и теперь, в Институте экономики Академии наук, и потом, в Гарвардском университете. Допускаю, что подобный подход нельзя признать достаточно эффективным и профессиональным. Он не позволяет выстроить иерархические отношения, исходя исключительно из интересов работы. И все-таки я не жалею о своих привычках и принципах. Ничто не может заменить для меня дружбу, доверие и тепло человеческих отношений.

Для группы Корнаи стало традицией вместе ходить на обед ровно в 11.30. Признаюсь честно, такое раннее время обеда было моей идеей — я люблю есть рано, терпеть не могу ждать в ресторане, и хотел, чтобы нас обслуживали первыми. К нам всегда присоединялся кто-нибудь из коллег. Сама по себе еда была не очень вкусна, но мы радовались обществу друг друга и оживленным разговорам.

Своеобразный сплав дружбы и коллегиальности был характерен для моих отношений со всеми молодыми сотрудниками, которые приходили тогда на работу в институт, а не только с участниками моей исследовательской группы. Приведу лишь несколько имен из длинного списка: Тамаш Бауэр, Аладар Мадарас, Карой Аттила Шоош, Иван Майор, Янош Кёллё, Петер Пете, Габор Кертеши, Петер Михайи. С тех пор все они сделали достойную карьеру в науке и почти все стали университетскими профессорами. После смены режима некоторые экономисты какое-то время занимали высокие политические посты. Я познакомился с ними в момент формирования их мировоззрения. С одними

---

* В то время в институте параллельно работало несколько групп, каждую возглавлял кто-то из опытных исследователей. Понятие «группа» я использую здесь в *организационном* смысле.

я вел долгие беседы, с другими складывались менее тесные отношения, кому-то я преподавал в университете. Я старался не только внимательно читать и комментировать их учебные работы (сделанные тогда заметки я храню до сих пор), но и обсуждал с ними разнообразные этические и интеллектуальные проблемы общего характера, говорил об исследованиях и экономической реформе.

Беседы с членами моей группы и другими молодыми исследователями, чтение их работ были для меня поучительны. Я узнал много нового о функционировании венгерской экономики, о спорах между экономистами, о настроении в стране, об альтернативах на будущее. Приятно было находиться в этой освежающей интеллектуальной обстановке. Меньше могу сказать, каков был обратный эффект, насколько мои работы и общение со мной повлияли на них, об этом они могут рассказать только сами. Время от времени я с ними общаюсь, с некоторыми даже довольно регулярно, но этот вопрос в наших разговорах, по понятным причинам, не возникает.

Социологи могли бы с профессиональной точки зрения описать структуру отношений внутри института со всеми ее узловыми группами, стрелочками от одного человека к другому и цифрами, обозначающими градус отношений. На подобной карте можно было бы увидеть, как под влиянием различных факторов формировались группы и объединения.

Одним из факторов объединения, точнее разграничения, было отношение к использованию математических методов. В этом смысле ситуация в Венгрии была похожа на то, что происходило на кафедрах экономики в американских университетах десятилетиями ранее: большинство экономистов относились к применению математических моделей и эконометрического анализа отрицательно. У отдельных сотрудников нашего института развилась настоящая фобия по отношению к математике — они считали ее интеллектуальным жульничеством. И наоборот: те, кто использовал математические методы, ощущали некую солидарность, вне зависимости от своих политических пристрастий. На этой стороне были как приверженцы марксизма и кадаровского режима, так и его противники.

В коллективе института, как в любой крупной организации, выделялись сильные личности, вокруг которых группировались остальные. Эти личности привлекали к себе или отталкивали.

Решающим фактором в данном случае становилась система взглядов или политическая позиция*. В институте никто не декларировал свои политические взгляды публично, но их было нетрудно угадать. По моим наблюдениям, общность политических взглядов у нас имела большее значение, нежели в подобных учреждениях на Западе.

С точки зрения политических предпочтений коллектив института всегда был неоднороден и являл собой широкий спектр воззрений. Упертых сталинистов среди нас не было, но попадались консервативные коммунисты старой

* Группы, сформированные по различным критериям, частично пересекались. Любой сотрудник мог иметь более или менее тесные связи с той или иной группой.

закалки, сторонники партийных догм. Много было так называемых коммунистов-реформаторов, которые постепенно прозревали и стремились к изменениям. Они надеялись внедрить в систему рынок в больших или малых дозах, предоставить возможности для критики и добавить немного демократизма, однако чувствовали тесную связь с режимом Кадара. Были, наконец, и те, кто порвал или изначально не был связан с коммунистической партией и остро критиковал режим.

С течением времени политическая расстановка сил в институте менялась: одни уходили, другие приходили. Взгляды многих сотрудников тоже изменялись, порой очень даже радикально. Соответственно варьировались размеры и состав группировок. Однако в любой момент этого динамичного процесса можно было наблюдать образование неформальных групп на базе политических взглядов. При ближайшем рассмотрении было видно, что люди, исповедующие схожие убеждения, демонстрируют куда большее доверие друг к другу, нежели к представителям других группировок. Я и сам стремился поддерживать личные отношения с теми, чьи политические взгляды разделял*.

Группировки действительно были, но позиционных сражений мы не вели. Сотрудники, принадлежавшие к старшему и среднему поколению (я тогда относился к последним), несли на себе отпечаток травмы 1956 г. Каждый переживал этот опыт сообразно своим взглядам, но для этого поколения интеллигенции было характерно нежелание затевать промеж себя идеологические и политические войны. Мы поддерживали своеобразное *treuga dei* (мораторий на военные действия) между различными группировками: мы вам вреда не принесем, но надеемся, что и вы нам не навредите. *Живи и дай жить другим.* До открытых политических столкновений дело не доходило.

Как можно оценивать подобную ситуацию? Одни придерживались своих принципов и не позволяли себе ничего лишнего по отношению к остальным**. Другие выносили свою борьбу за стены института, если хватало боевых качеств. Третьи выражали свои взгляды посредством научной работы, если было что сказать по актуальным вопросам. Но дома, в стенах института, сложилась атмосфера взаимной терпимости, *толерантности.* Мы старались не причинять вреда друг другу: стоило разбудить этот улей, и нас постигли бы еще большие беды снаружи, со стороны тех, кто не гнушался куда более жестокими методами диктатуры. Видимо, сознание общей внешней опасности выработало в нас терпимость по отношению друг к другу, столь редкую сегодня в среде

---

* В моем случае это не означало, будто я строго придерживался границ подобных объединений на более позднем, мягком этапе кадаровского режима. Убеждения некоторых коллег существенно отличались от моих, и это было очевидно, что не помешало нам стать друзьями.

** Я сознаю, что с такой моей оценкой согласятся не все. Существует радикальная точка зрения, согласно которой подобные «перемирия» на местах были неприемлемым компромиссом и продлевали жизнь кадаровского режима. Может, и продлевали, но жизнь людям облегчали несомненно. Подобная оценка приводит нас к главному вопросу, должны ли люди подчинять стремление улучшить собственную жизнь великой общей цели — в данном случае, скорейшему свержению режима.

интеллектуалов. Расстановка сил внутри института обеспечивала тогда поддержку тем, кто открыто выступал на стороне режима Кадара и проповедовал марксистскую теорию. С радостью могу утверждать, что они с позиций своей власти не провоцировали политические споры, не «разоблачали» антимарксистские настроения и оставляли инакомыслящих в покое*.

По прошествии времени я вспоминаю институт как островок относительного покоя в бушующем море. Для меня главным делом была научная работа, требовавшая полной отдачи и максимальной концентрации. А для этого нужен покой**.

Неудавшаяся реформа института

В тот период я часто выезжал за границу, и уже не просто для участия в конференциях или чтения лекций, но и на более длительные сроки. Я начал знакомиться с жизнью изнутри, наблюдать за тем, как ведется научная работа и преподавание в западных научных центрах. Кое-что из увиденного мне хотелось внедрить и у нас в институте. В 1971 г. с двумя коллегами, Адамом Шмидтом и Яношем Ковачем, мы разработали предложение о реформе[134]. Хотя в проекте присутствовали идеи всех трех разработчиков, самые щепетильные и спорные предложения выдвинул я.

Я предлагал установить более тесную связь между публикациями и продвижением по институтской карьерной лестнице. Публикации следовало оценивать. Большей ценностью должны обладать публикации за границей, с учетом репутации в научном мире тех издательств и журналов, где сотрудники печатали свои труды.

В западной науке подобные требования подразумевались сами собой***. В Венгрии и речи не было о стандартах для публикаций. Наряду с содержательными исследованиями, выполненными на высоком уровне, легко могли получить доступ к читателю и работы профессионально несостоятельные. Ученые крайне редко печатались за рубежом, и еще реже отсылали свои статьи в престижные журналы. Хотя зарождающаяся система «рыночного социализма» признавала истинным критерием качества продукта его конкурентоспособность на западном рынке экспорта, продукты исследовательской деятельности подобную проверку не проходили.

---

* Определенно, сыграло свою роль и то, что директора института — Иштван Фришш, Режё Нерш, а затем и Аладар Шипош — не были инициаторами политических чисток. Напротив, когда начались политические нападки на Тамаша Бауэра и сверху потребовали его увольнения, директор Режё Нерш встал на его защиту.

** Спокойная обстановка на работе во многом помогла мне пережить кризис в личной жизни. Мой первый брак с Терезой Лаки распался. Когда в 1970 г. я вернулся в Венгрию после полугодового пребывания в Йельском университете, я сразу переехал в новую квартиру со второй женой — Жужей Даниэль.

*** Проблема заключалась (и заключается) в другом: постоянная гонка за количеством публикаций может обернуться и недостатками. К этому вопросу я вернусь в одной из следующих глав.

Для публикаций отсутствовал не только строгий международный тест на качество. Ряд сотрудников могли годами вести в институте вегетативный образ жизни и практически ничего не печатать. Раз тебя взяли в институт, ты можешь оставаться там всю свою жизнь, даже если на твое место найдутся более способные и продуктивные работники.

Другая проблема состояла в том, что те, кто печатался, по западным меркам, работали довольно неэффективно, хотя и не тратили часть энергии на преподавание, как университетские экономисты за рубежом. Количество публикаций (если брать только количественный критерий) было ничтожно мало по сравнению с объемом печатных работ западных коллег-ровесников, сотрудников первоклассных университетов.

Изложенные здесь соображения родились у меня не только под влиянием зарубежного опыта. Я делал попытку предъявить к другим те же профессиональные и этические требования, что и к себе, пробовал, как говорится, судить по себе. Я с радостью посвящаю небольшую часть рабочего дня разговорам, но остальное время предпочитаю отдавать продуктивной научной работе. Меня раздражало, когда люди проводили часы и целые дни в бесконечных беседах. Не стану спорить: диалоги, споры за закрытыми дверями в какой-то степени заменяли открытую общественную жизнь, свободный интеллектуальный и политический дискурс, помогали прояснить позиции, будили новые мысли и служили распространению знаний. Однако прогрессивная составляющая подобных разговоров неизбежно смешивалась с непродуктивной болтовней, отнимавшей ценное время от научной работы.

Руководство института пыталось поддержать рабочую дисциплину путем учета времени прихода на работу и ухода домой. Эта абсурдная административная мера, очевидно, не привела ни к какому результату. Импульс должен возникнуть изнутри. Взвешивая западный опыт, я думал, что у многих ученых внутренняя мотивация связана и с внешними стимулами — условиями приема в институт, сохранением рабочего места, продвижением по карьерной лестнице и формальным и неформальным признанием на работе. Мы предлагали внести серьезные изменения в систему стимулирования и продвижения сотрудников.

Реакция на наше предложение была смешанной. Несмотря на отдельные одобрительные отзывы, большинству сотрудников наши идеи не понравились. Одни жаловались, будто западные журналы и издатели заворачивают работы, написанные марксистами. (Это не так, можно привести множество противоположных примеров.) Другие заявляли, будто Запад не интересуется происходящим на Востоке. (Опять неправда. Возможность публикации зависит от профессионального уровня рассмотрения проблемы.)

Были и такие, кто в приватных беседах ссылался на запрет публиковаться легально из-за той критики, которой они подвергали систему. (Это был уж серьезный аргумент — о нем речь пойдет в одной из следующих глав.)

Я и тогда не верил, будто механизм отбора в западных журналах работает безупречно, и смотрел на редакторскую практику с критических позиций.

1



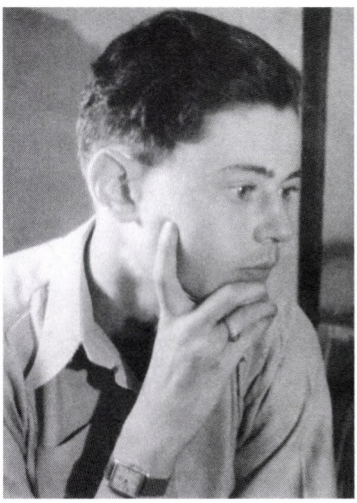
2



3



4



5



6



1. На руках у брата Банди, рядом сестра Лилли и брат Томи (1929).
2. С родителями, братьями и сестрой (1930).
3. Первый класс Немецкой имперской школы. Я сижу с правого края в самом нижнем ряду, рядом со мной – Петер Кенде. Над Петером – Ева Секей, впоследствии – олимпийская чемпионка по плаванию (1933).
4. Портрет в подростковом возрасте.
5. Будапешт, 5 район, улица Академия,18. На третьем этаже была наша квартира, а потом – папин кабинет. Сегодня весь дом занимает Администрация премьер-министра.
6. С братьями Банди и Томи (1943).

7

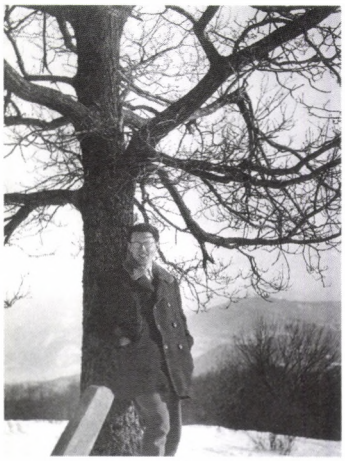


8



7. Миклош Гимеш, мой первый начальник в газете «Сабад неп», мученик революции 1956 года (ок. 1950).
8. С верой и оптимизмом (1948).
9. Зимние каникулы, в лесу у Гаятетё (1949).
10. По заданию редакции на конференции в Вене (1950).
11. Мои сыновья, Габор и Андраш (1964).
12. Моя первая жена, Тери, с нашими сыновьями, Габором и Андрашем (1966).

9



10



11



12



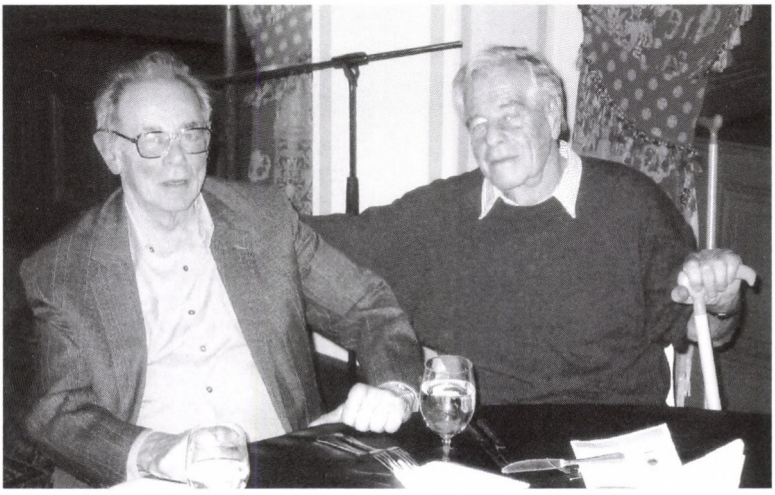
13



14



15



13. С Тамашем Липтаком, через тридцать лет после написания работы «Двухуровневое планирование» в английском Кембридже (1992).
14. Полувековой юбилей создания «группы Корнаи» в Институте экономики. Слева направо: Михай Лаки, Жужа Капитань, Андраш Шимонович, Мария Лацко и Юдит Сабо (2004).
15. С Андрашем Броди (2004).

16

00005 86
8.

VI/4. sz.utasitás "A"-tól Szigoruan titkos!

Minősítése megszűnt!

E r d e i elvtársnak!

L o n d o n .
Budapest,1964.március 26.

Tárgy: Kornai János ügye.

Szalai elvtárs korábbi javaslata alapján megvizsgáltuk tárgyban nevezett operativ felhasználhatóságát.Az ellenőr zés során azonban személyét nem tartottuk alkalmasnak arra,hogy beszervezzük.

Az elmult tiz év során tanusitott ingadozó politikai magatartása miatt kiutazása előtt nem igazitjuk el sem a KÜM,sem saját nevünkben.

Kiutazása után a viselkedésétől függően Szalai elvtárs sötéten felhasználhatja,de csak a legális követségi munkakörrel összefüggő kérdésekben.

17

Az ÁLLAMBIZTONSÁGI SZOLGÁLATOK TÖRTÉNETI LEVÉLTÁR-ában őrzött eredeti iratról készült másolat.

1981

KORNAI JÁNOS
magyar körgazdász
MTA Körgazdtud. Int., utdése
(Cimzetes egyetemi tanár
meghinsult beszervezés)

III/I-218-265/6

III/II-250 - 1/6 (1982!)

III/II-15

BRFK-46

III/II-80 {vendégprof. az USA-ban, meghivták a CIA ea-ra 85

ÁBTL 271 N017

ÁLLAMBIZTONSÁGI SZOLGÁLATOK TÖRTÉNETI LEVÉLTÁRA

18



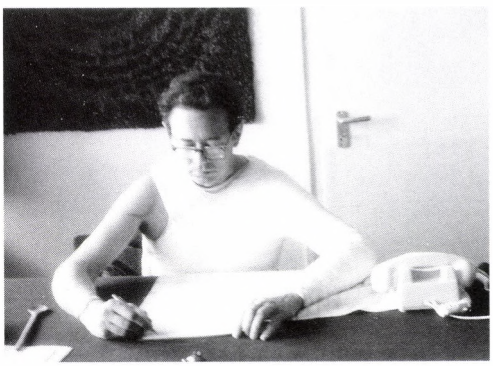
16–17. Решение секретных служб от 1964 г.: «... признан негодным для привлечения к работе в органах». На это указывает карточка, изготовленная в 1985 г.: «вербовка не удалась».
18. Клэр-колледж, место проведения круглого стола – конференции Международной экономической ассоциации 1963 г. (Кембридж, Великобритания). Здесь я впервые выступил с докладом на международном научном форуме.

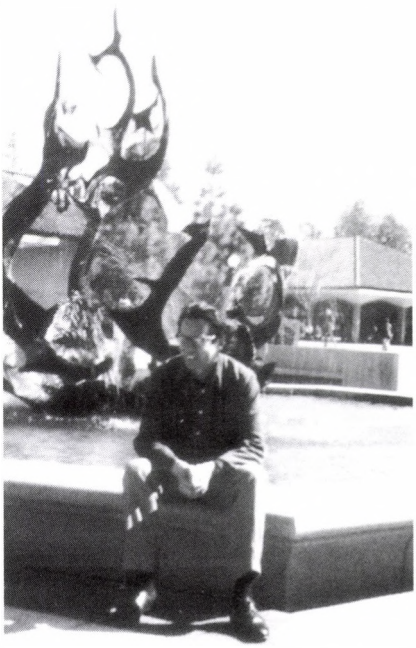


19. Мой первый учитель, бывший редактор журнала «Эконометрика» и организатор кембриджской конференции, Эмон Малинво, французский экономист (2001). Слева – Франсуа Адлер, атташе по культуре французского посольства в Будапеште.
20. Первая встреча с западными советологами на венецианской конференции 1965 г. Слева направо: Альфред Зауберман (Лондонская школа экономики), я, Дэвид Грэник (Университет штата Висконсин), Джон Монтиас, которого венгерские спецслужбы в 1966 г. выслали из Венгрии по подозрению в шпионаже (Иельский университет) и Ханс Раупах (Мюнхен). Автор снимка – Грегори Гроссман (Беркли, штат Калифорния), один из самых известных советологов.









21. В центре стоит Кеннет Эрроу, выдающийся экономист нашего времени. По его приглашению я приехал в Стэнфорд в 1968 г. В нижнем ряду справа сидит Селма, супруга Эрроу. Вторая пара – Алан и Джеки Манн, наши любимые стэнфордские друзья. В середине – Жужа. Снимок сделан в 2002 г., во время нашего визита в Калифорнию перед отъездом из Америки.
22. После первой операции на плече по пояс в гипсе сижу за письменным столом (1972).
23. Перед знаменитым стэнфордским колодцем (1973).

24



25



29



26



27



28



24. С Габором, Юдит и Андрашем в Тихани (1972).
25. С мамой.
26–27. Мама в свой восьмидесятый день рождения с тремя оставшимися в живых детьми: Томи, мною (у меня рука в гипсе после второй операции на плече – поэтому я так странно повернулся) и Лилли (1972). На втором снимке – мама с внуками и правнуками.
28. С Жужей (1972).
29. С Юдит на побережье в Нью-Джерси (1972).



30. На пресс-конференции торговой организации UNCTAD при ООН в Женеве (1974).
31. Со слушателями серии университетских лекций в Калькутте, Индия (1975).
32. Вид из окна нашей квартиры в пригороде Стокгольма Лидинге, где я писал книгу «Дефицит» (1976–1977).
33. Конгресс Эконометрического общества в 1978 г., за несколько минут до выступления с президентской лекцией. Меня представляет мой учитель и друг Тьяллинг Купманс.



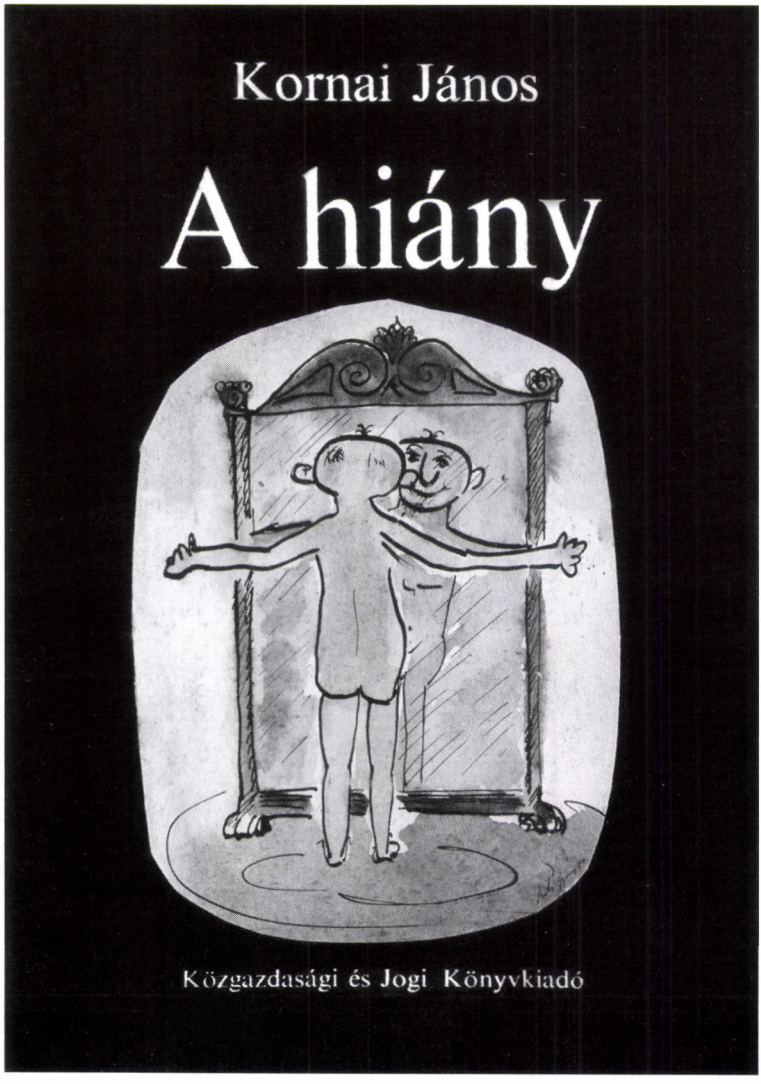




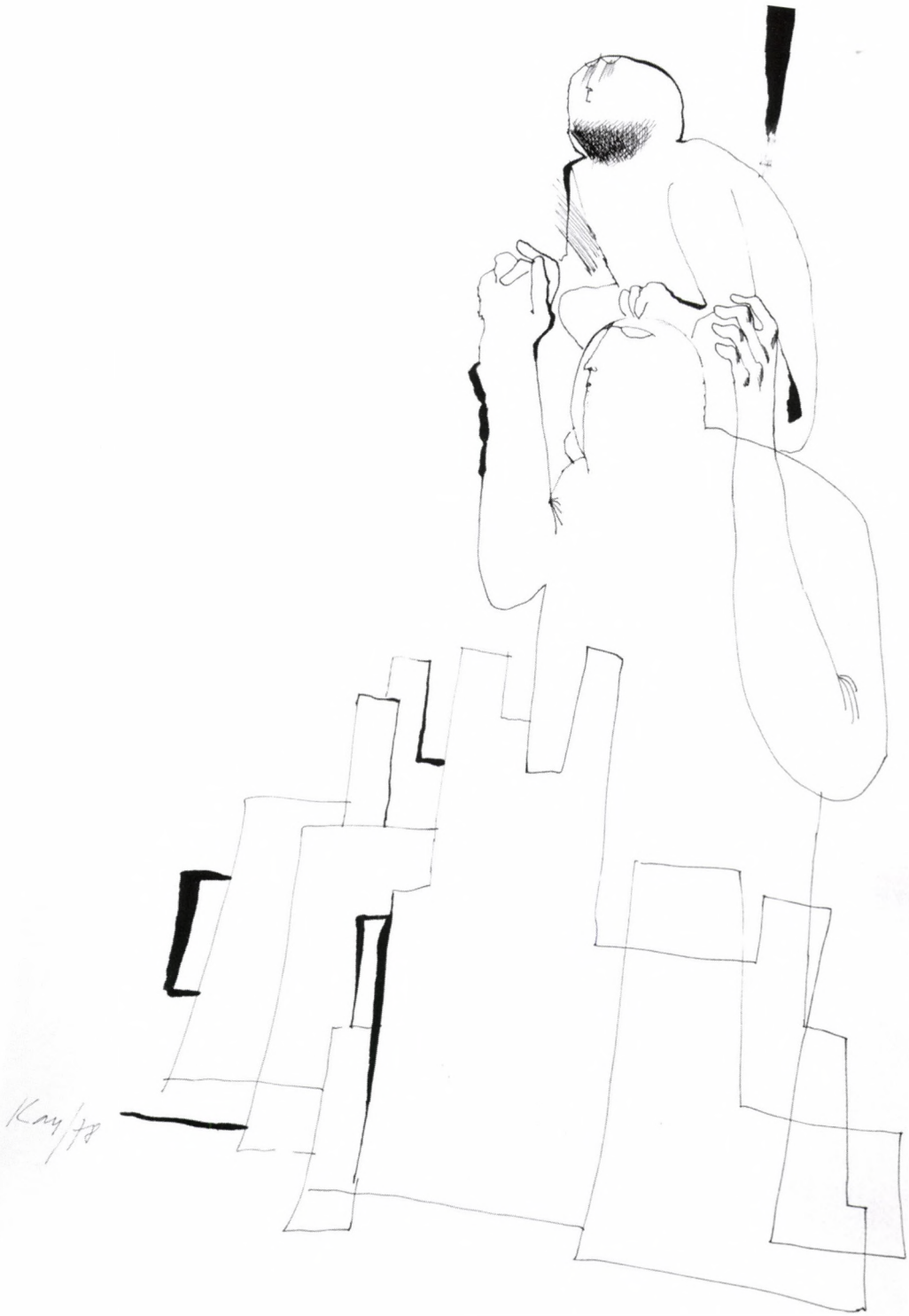
34



35



34. Ректор Сорбонны вручает мне диплом почетного доктора (1978).
35. Симпатичный рисунок «А король-то голый», созданный в техническом отделе для издания «Дефицита» (1980).
36. Янош Кашш, выдающийся художник-график, в 1978 г. ознакомился с рукописью «Дефицита» и, вдохновившись книгой, создал серию рисунков. Этот рисунок называется «Патернализм».



37. Литтауэр-центр в Гарвардском университете. С 1984 г. здесь находился мой рабочий кабинет.
38–39. Во время лекции: преподаватель объясняет, студенты записывают.
40. За столом в кабинете в Гарварде. На стене – плакат с портретом Бартока.
41. Гарвард-холл, одно из самых старых зданий в Гарварде, где в 1990 г. я читал лекции.

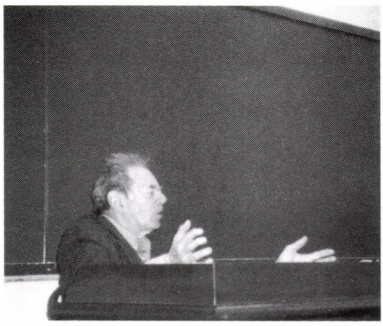
37



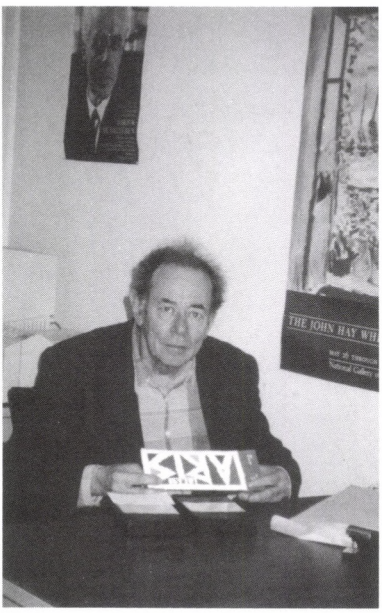
39



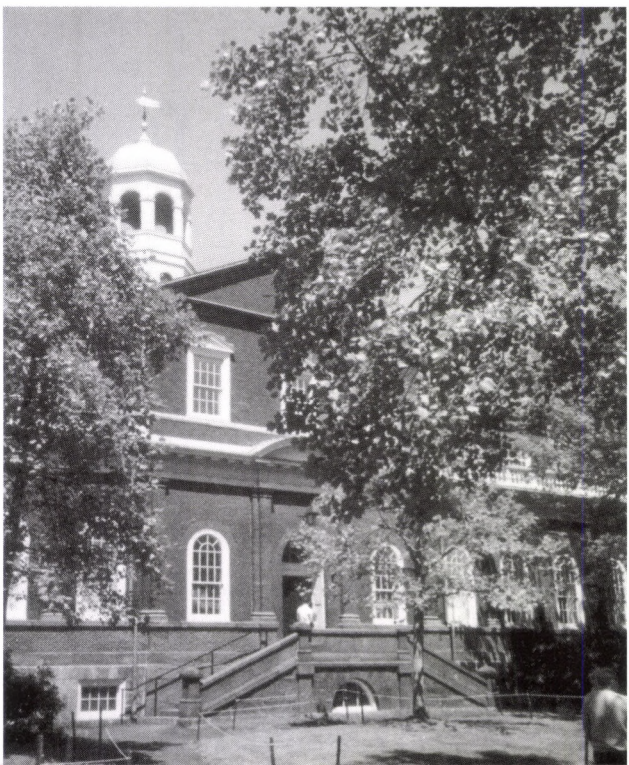
38



40



41



42. Мои лучшие китайские студенты, слева направо: Чэн Ганн Сюй (Лондонская школа экономики), И Цзян Ван (Университет штата Мичиган), Ини Цян (Калифорнийский университет, Беркли). Дэвид Ли (Университет Гонконга). После окончания учебы я встречался с каждым из них по отдельности. В январе 2005 г. мы все собрались вместе на конференции в Гонконге.
43. На одном из праздников по поводу окончания учебного года в Гарвардском университете.
44. В кембриджской квартире. Слева – Карен Эггельстон, моя ученица и впоследствии соавтор. Справа – Джон Макгейл, тоже ученик и соавтор по написанию статей и ведению семинаров. Рядом с Джоном сидит его супруга, Лиза (2001).
45. С Ини Цяном и Жужей в Пекине (1999).

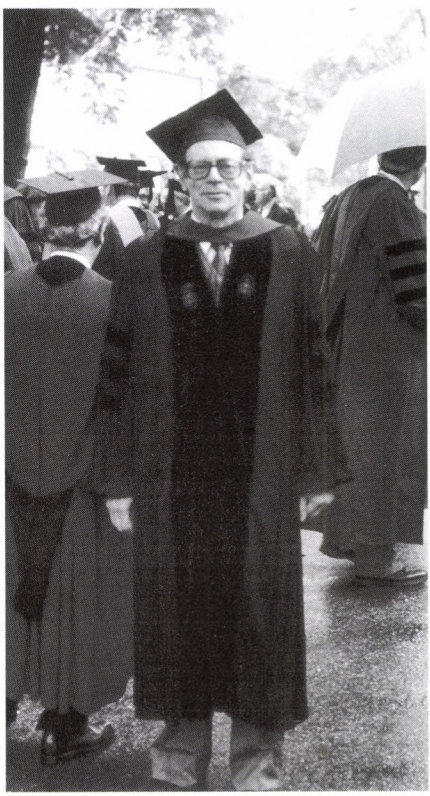
42



44



43

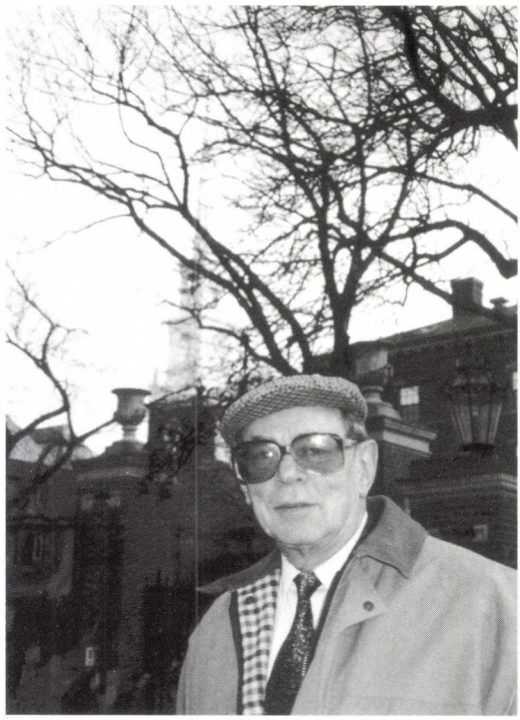


45



46. Портрет на фоне знаменитой гарвардской башни (1996).
47–49. Разбираем вещи по приезде и собираем их перед отъездом.
50–54. Китайская «конференция на теплоходе» 1985 г.

46



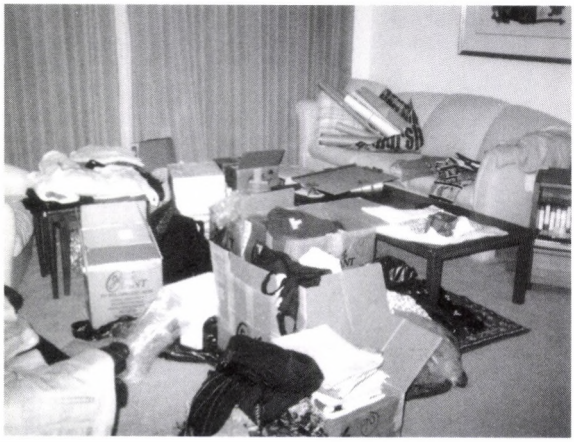
47



48



49



50. Во время одной из дискуссий.
51. Встреча с Чжао Цзыяном, премьер-министром, выдающимся руководителем реформы (которого потом до самой смерти держали под домашним арестом за сочувствие к восставшим студентам). В центре – Эд Лим, главный организатор конференции.
52. Групповая фотография на палубе теплохода. В первом ряду – китайские хозяева и семь приглашенных иностранных экономистов.



51







54



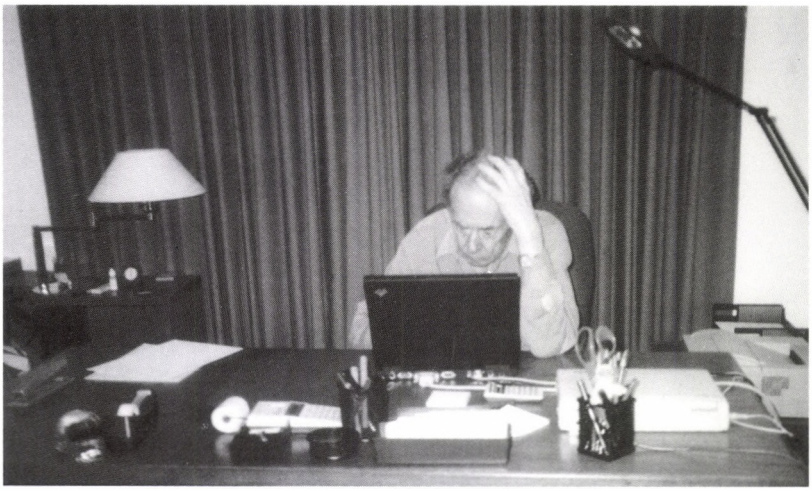
53. Короткий отдых: наблюдаем, как готовится знаменитая утка по-пекински.
54. Экскурсия на катерах к «Трём ущельям», похороненным под водами Янцзы во время строительства гидроэлектростанции.

55

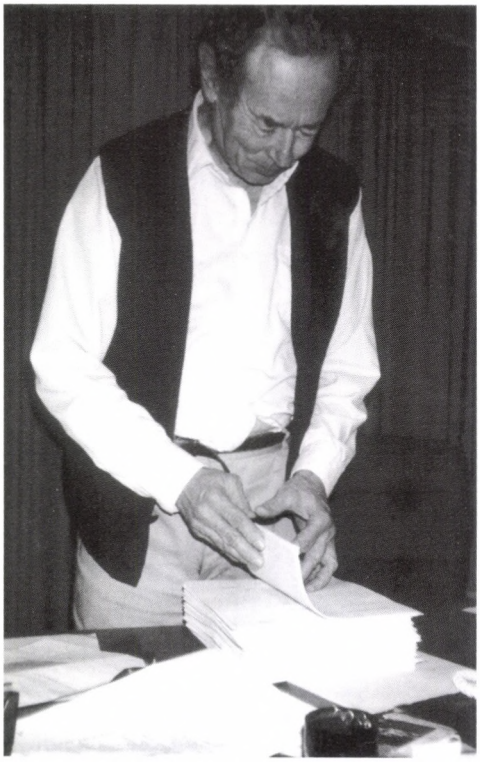


55. Беседую о «Пути к свободной экономике», написанной мною во время болезни, с пришедшими меня навестить Петером Кенде и Палом Лёчеи.
56. За рабочим столом в кембриджской квартире (2002).
57–58. Радостные минуты в жизни автора.
57. Прибыла корректура английского издания «Социалистической системы» (1991).
58. Держу в руках первый авторский экземпляр (1992).

56



57



58



59



59–63. Самая большая награда для автора: подписываю книги читателям.
59. Ханой, Вьетнам, студенты университета (2002).
60. Елена Калюжнова, российский экономист, в моем кабинете в Гарварде (1998).
61. Шанхай, Китай (1999).
62. Гонконг, студентка (2005).
63. Тайвань, сотрудники издательства (1994).

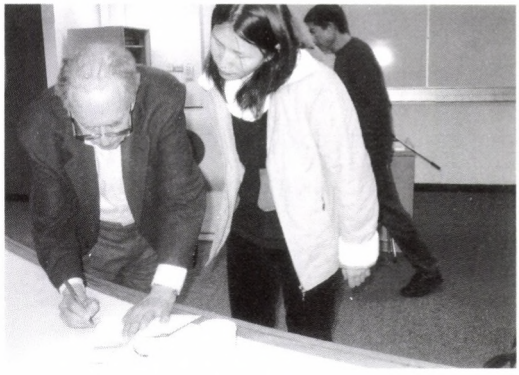
60



61



62



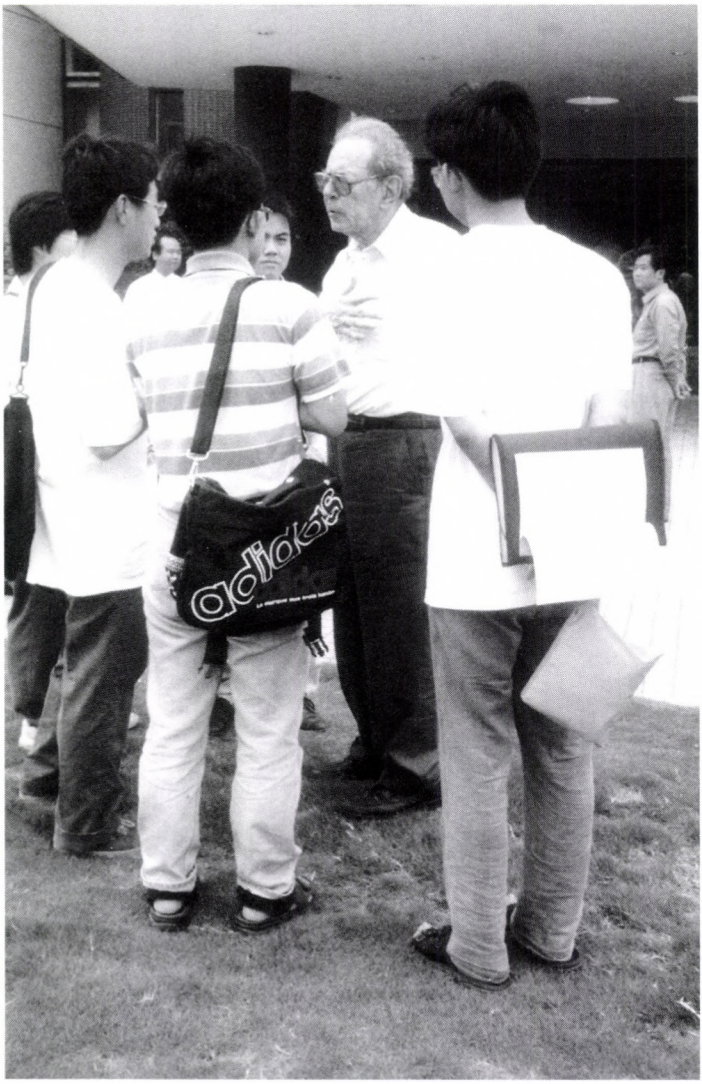
63



64



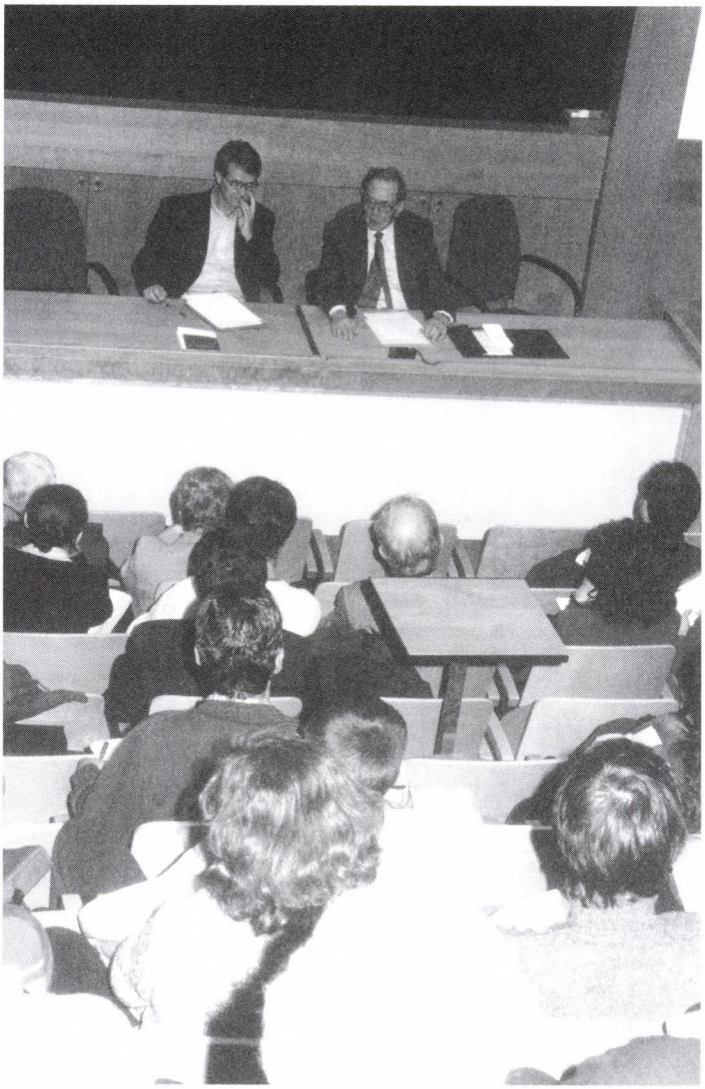
65



64. В Пожони перед презентацией моего сборника на словацком языке. Рядом со мной – редактор и составитель сборника Миклош Иван, который через несколько лет станет заместителем главы Правительства Словакии (1998).
65. Беседа со студентами после лекции в Шанхайском университете (1999).



66. Лекция в московском Новом университете. Ведет встречу один из основателей университета и приглашенный профессор, израильский экономист Гур Офер (2003).



68

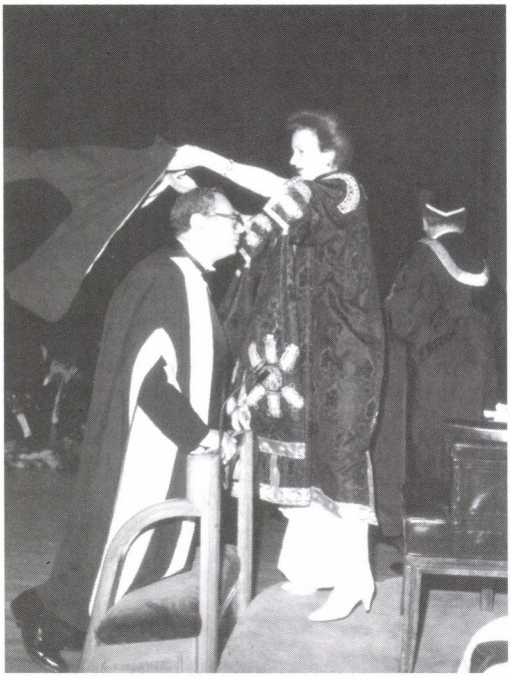


67. Париж, презентация сборника моих работ на французском языке. Рядом со мной – один из редакторов книги, Бернар Шаванс (2001).
68. Фотография (а позднее и видеосъемка) – моя страсть. Здесь я как раз снимаю Стену плача и мечеть Аль-Акса (1995).

69



70



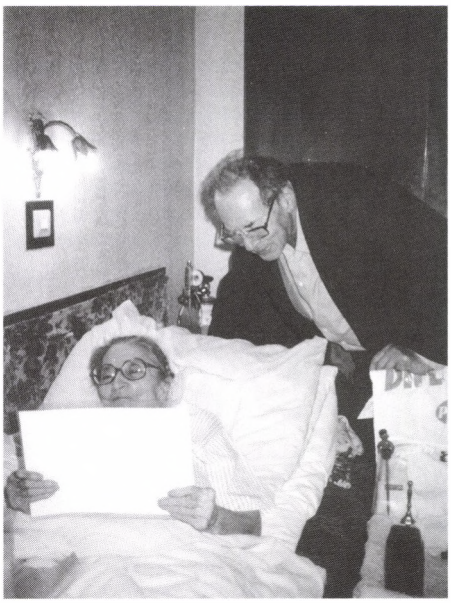
71



72



69. Вручение диплома почетного доктора Университета имени Лайоша Кошута в Дебрецене (2001).
70. Принцесса Анна, канцлер-ректор Лондонского университета, водружает мне на голову капюшон – один из символов почетного докторства (1990).
71. Вручение премии Франка Сайдмана в Мемфисе, США (1982).
72. Примерка фрака в Стокгольме перед вручением диплома почетного доктора Стокгольмской школы экономики (2001).





73. У постели больной сестры Лилли, показываю один из своих дипломов (1997).
74. Один из самых любимых снимков: с Жужей в день вручения французского ордена Почетного легиона (1997).
75. Вручение диплома почетного доктора в Торино (1994).



76



77



78



79



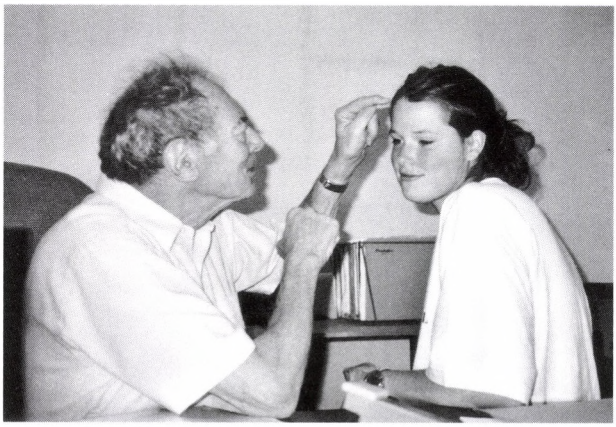
80



76. С Габором и его женой Тюнде (1990).
77. С Юдит на террасе нашей квартиры (1984).
78. С Андрашем на берегу океана в Бостоне (1990).
79. Учу плавать шведских внучек Жофи и Анну (1990).
80. Клан Корнаи почти в полном составе в доме отдыха Академии наук на Балатоне (1992).

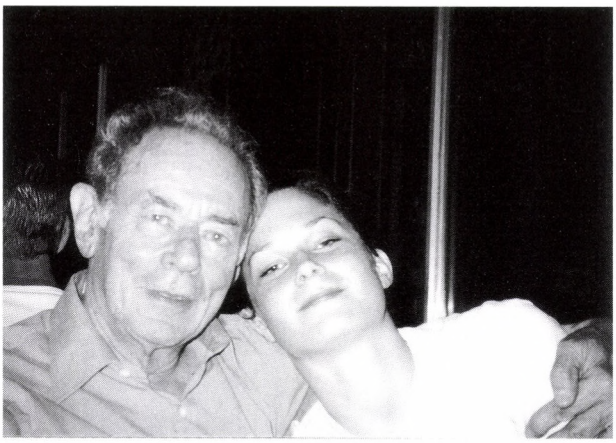


81. Внуки: Юльчи, Жофи, Анна и Томи – в футболках Гарвардского университета (1994).
82. В конце лета в семье традиционно проходит «подсчет веснушек». По результатам подсчета ведется серьезная статистика с графиками. На снимке я считаю веснушки у Анны (1999).
83. С Жофи (2000).



84



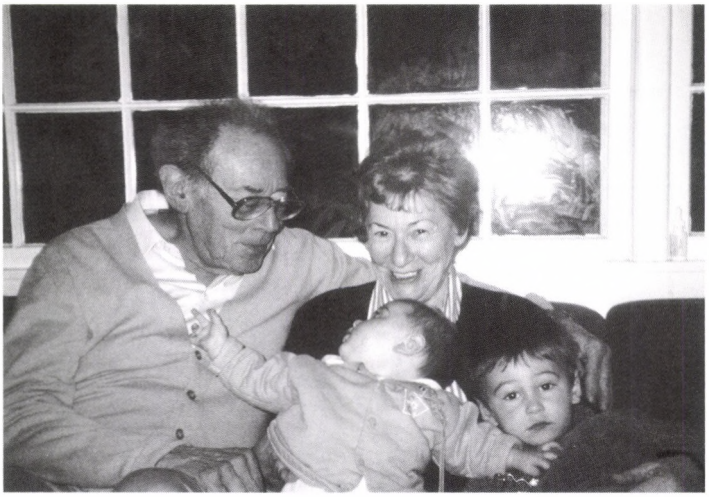


85



84. Прогулка в Нормафа: Юльчи, Томи, Жужа, Габи (2001).
85. Погрузились в чтение на берегу Балатона. Рядом со мной – внук Томи (1994).

86



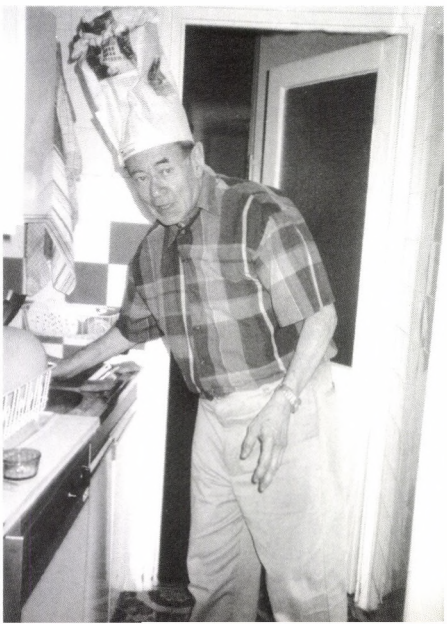
87



88



89



86 – 87. Американские внуки, Дани и Нори, с бабушкой и дедушкой и с мамой Аги.
88. Мишка, старший американский внук, наслаждается блинчиками, которые испекла Жужа (2000).
89. Исключительное событие, я готовлю для внуков «Янчи-лечо» по собственному рецепту (1996).



90–93. В обществе венгерских друзей.
90. Слева направо: Андраш Надь, Хана Б. Кенде, Агнеш Лошонци и Петер Кенде (2003).
91. Петер Кенде и Дёрдь Литван (1996).
92. Ужин в семье Лёчеи: Пал Лёчеи, Кати и Петер Ханак (1992).



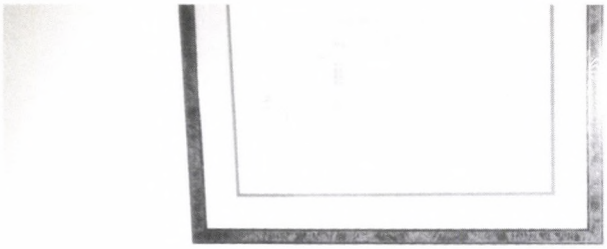
92





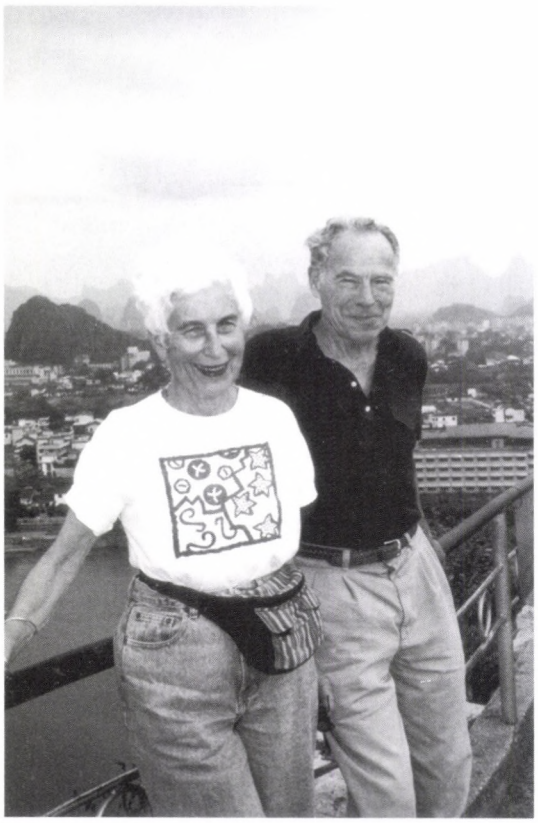
93. Прогулка в будайских горах: Дёрдь и Ева Литван, Жужа, а рядом со мной – ее сестра Мари (2003).

94





95



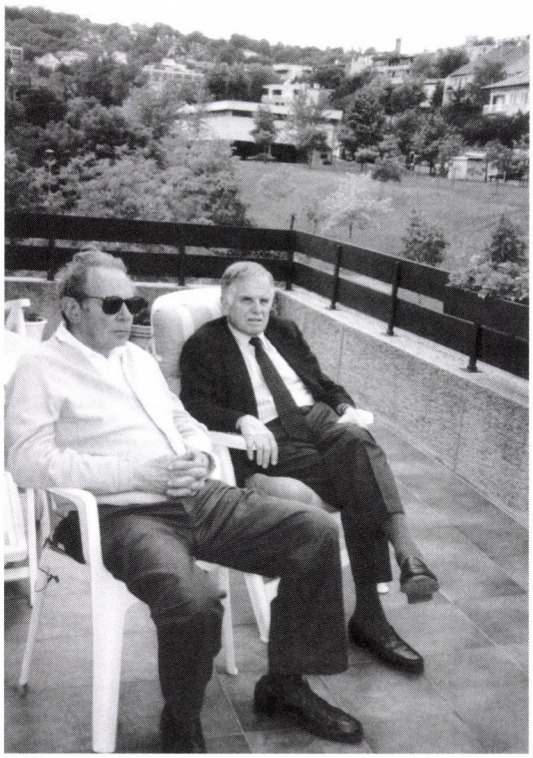
96



97



98



100



99



94 –100. Наши друзья за рубежом.
94. Роберт и Бобби Солоу.
95. Мими и Джерри Берлин.
96. Хелен и Герберт Левин.
97. Наш вьетнамский друг, переводчик моей книги, Ннуен Кванг А.
98. Френсис Батор (он же Фери Батор) на террасе нашей квартиры.
99. Тибор и Эржибет Ситовски.
100. Жужа с Тьяллингом и Трус Купманс.

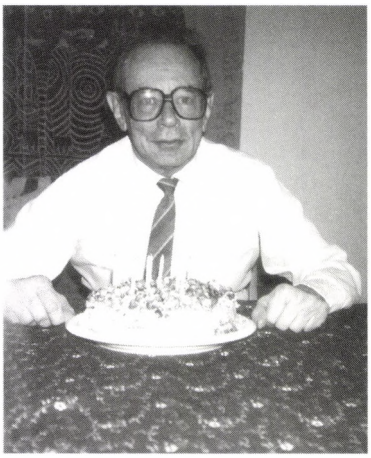
101



102



103



101. Друзья вручают мне юбилейный сборник, подготовленный к моему семидесятилетию. На снимке: Енё Колтаи, директор Института экономики, и Янош Гач, один из составителей сборника (1998).
102. Празднование моего 75-летия в Коллегиум Будапешт. Слева от меня Имре Кондор, ректор Коллегиума, справа – коллега Кати Сабо. Мужчина с бородой на заднем плане – Брайен Маклин, вот уже двадцать лет он переводит мои труды на английский (2003).
103. Празднование дня рождения дома: на столе – мой любимый марципановый торт, я вот-вот задую свечи (1999).

104



105

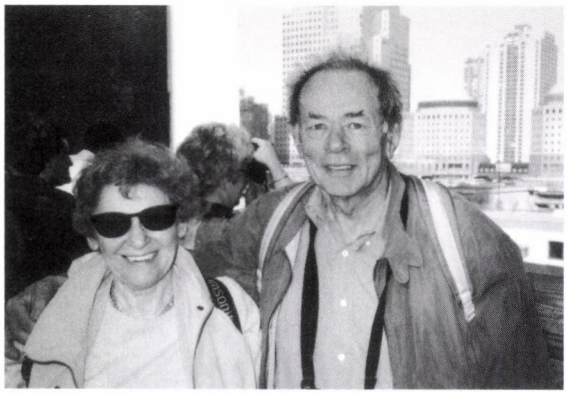


104. Едим уху у нас дома с другом из Америки Дейлом Иоргенсоном. В такой момент и салфетка на шее не помешает, чтобы не запачкаться.
105. Заканчиваю последнюю лекцию в университете, беру портфель...
106. У Бруклинского моста.

106



107



107. Прощание с Бостонской гаванью.
108 –109. На прощальном вечере в Гарвардском университете (2002).
108. Кеннет Гэлбрейт с супругой.
109. На заднем плане Джефри Уильямсон и Джефри Сакс, на переднем – супруга Сакса, Соня Эрлих и Эрик Маскин.

108



109



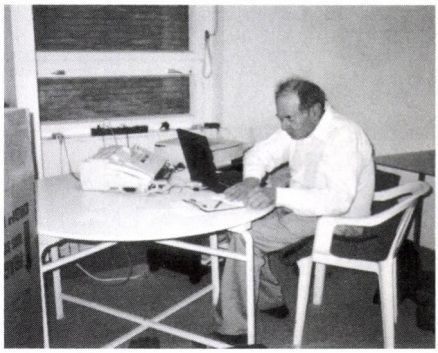
110



111



112



110 –111. Грузчики пакуют мебель в кембриджской квартире и грузят ее в контейнеры перед домом.
112. Полупустая старая будапештская квартира. Из садовой мебели я соорудил себе временный «кабинет»,
сижу, работаю,
рядом – упакованные коробки.
В такие минуты
Жужа и называет меня «стойким оловянным солдатиком».

113



114



115



113 –114. Открытие Коллегиума Будапешт в 1993 г. Арпад Гёнц и Виктор Каради, Рихард фон Вайзекер, Президент Германии.
115. В перерыве одного из мероприятий Коллегиума: с Домокошем Кошари, бывшим президентом Венгерской академии наук, и писателем Петером Эстерхази.

116



118



116. Перед знаменитой скульптурой Афины Паллады у здания Коллегиума на углу площади Святой троицы в Будайской крепости.
117. Фасад здания Коллегиума Будапешт со стороны улицы Ури. В комнате с эркером я работал со дня основания Коллегиума до 2003 г.
118. Три редактора сборников трудов международной исследовательской группы «Честность и доверие»: Сюзан Роуз-Акерман (Йельский университет), я и Бо Ротстайн (Гётеборг).

117

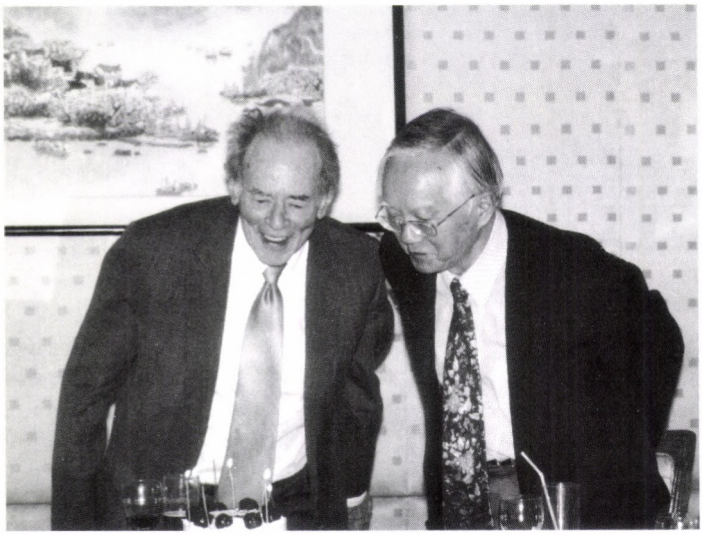


119

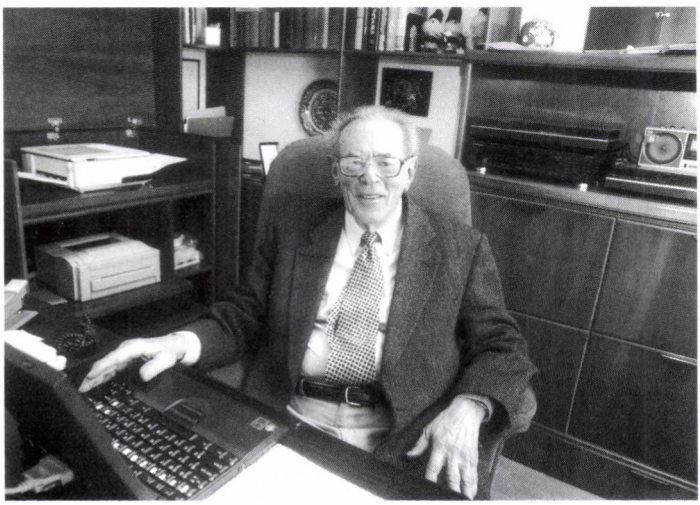


119. Лекция в Пекине.
Вступительное слово произнес мой ученик Дэвид Ли, профессор Гонконгского университета.
120. С профессором Ву Цзинляном, одним из ключевых лидеров китайской реформы, с которым нас связывает двадцать лет дружбы. Мы родились с небольшим разрывом почти в один день, и в январе 2005 г., во время моего визита в Пекин, пекинские хозяева устроили для нас общий торжественный ужин.
121. В новой будапештской квартире за письменным столом.

120



121



Фотографы:
30 – Л. Бьянко, Женева
34 – Студия Ороп, Париж
46 – Ева Кидьоши-Шмидт, Берлин
70 – Род Филипс, Мемфис, США
71 – Студия Иана Коатса, Вельмслоу
74 – Юдит Мюллер, Будапешт
114 – Надь Дёрдьне, Будапешт
117 – Ева Кидьоши-Шмидт, Берлин

Порой и там бывают неправы, отклоняя новаторские статьи, тем самым тормозя распространение важных результатов. Обратные ситуации тоже не редкость. Фильтр пропускает и не слишком ценные работы, которые, несмотря на недостаток действительно важных и смелых мыслей, подстраиваются под доминирующие интеллектуальные тенденции и перенимают их стиль и методику. Однако при всех ошибках и слабостях присутствует позитивная корреляция между истинной научной ценностью работ, с одной стороны, и попаданием их в авторитетные международные журналы, с другой. Поэтому и задним числом считаю, что был прав, пытаясь укрепить своих коллег в сознании необходимости печататься в изданиях высокого ранга.

В ходе обсуждения против нашего предложения был выдвинут еще один довод. Зачем делать такой упор на публикации? Не менее, а то и более важно то, в какой степени сотрудник принимает участие в формировании экономической политики, какую роль играет в ней в качестве эксперта, консультанта — при том, что его имя, естественно, не стоит под публикуемыми текстами государственных и партийных постановлений и законов. И этот довод мы сумели опровергнуть. Активное участие в формировании экономической политики, несомненно, важно и заслуживает уважения, но его недостаточно, чтобы продвинуться в науке.

В предыдущей части я описал, какие группировки с точки зрения политических и мировоззренческих позиций существовали в институте. Предложения по реформированию институтской деятельности провели новые разграничительные линии и заставили сотрудников перегруппироваться. Многие одобряли предложенные нами изменения, так как и сами успешно печатались в авторитетных изданиях, или поддерживали идею, планируя в будущем представить свои работы международной научной общественности*. Противниками нашего проекта — независимо от политических симпатий — стали все те, кому для соответствия западным профессиональным стандартам не хватало способностей, усердия или амбиций, те, кто не хотел вступать в соревнование публикаций, которое с большей или меньшей достоверностью может быть критерием научных достижений.

Наш проект практически сошел на нет. Институт не стал менять собственные нормы и правила в предложенном нами ключе. Все осталось по-старому.

Другой вопрос, какие решения относительно профессиональной и жизненной стратегии приняли непосредственно сотрудники. Относительно небольшая часть экономистов отнеслась к западным требованиям серьезно и последовательно, пытаясь иногда удачно, а порой и неудачно, публиковать свои работы на Западе и выступать перед зарубежными коллегами с лекциями и докладами. Большинство не стало в этом участвовать. Позднее, уже пос-

* У многих венгерских экономистов и до наших предложений по реформированию уже были внушительные списки достойных публикаций, впоследствии их число только росло, но главным критерием профессиональной пригодности публикации стали лишь спустя много лет после наших дебатов.

ле смены режима, я беседовал с коллегами, которые осознали, что совершили большую ошибку. Им так и не удалось компенсировать потерянные годы и десятилетия.

Меня запрещают, но я продолжаю преподавать

В главе 6 я уже рассказывал, как коллектив Института экономики подвергся чистке в 1958 г. Ласло Хай, глава партийной комиссии, тогда заявил: «Пока я ректор Университета экономики, Корнаи там преподавать не будет». Он не только сдержал свое слово, но и передал эстафету тем, кто сменил его на этом посту. Во многих зарубежных университетах меня с радостью принимали в качестве преподавателя. Однако университет, обладавший монополией на экономическое образование в Венгрии, будапештский Университет экономики имени Карла Маркса (MKKE) десятилетиями не приглашал меня на должность преподавателя. Могу предположить, что партийная верхушка приняла или, по крайней мере, одобрила решение, согласно которому Корнаи мог заниматься наукой, но к молодежи его нельзя было подпускать*.

Развал кадаровской системы уже шел полным ходом, когда в 1987 г. я получил первое предложение преподавать в венгерском университете от Чабы Чаки, бывшего тогда ректором Университета экономики. Процитирую свой ответ: «Твое предложение пришло как раз тогда... когда я уже принял приглашение Гарвардского университета. Благодарен тебе за внимание, но должен признаться: слишком поздно оно пришло. Жизнь можно прожить только один раз; не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы Университет обратился ко мне раньше. Могу заявить, до окончательного принятия предложения из Гарварда я в течение предыдущих тридцати лет был бы готов посвятить большую часть своих сил экономическому университету. В ходе всей моей научной карьеры я испытывал боль и горечь оттого, что меня не зовут преподавать туда, где готовят молодых венгерских экономистов, не хотят давать право учить их, влиять на их интеллектуальное формирование, общаться с ними. Для меня это стало невосполнимой потерей, и остальные достижения в области преподавания и исследования не в силах ее возместить»[135].

Хотя я и не получил пост профессора, но так или иначе мне удавалось преподавать в Университете экономики, и в 1968 г. мне присвоили звание «титулярного профессора» (т.е. профессора без кафедры). Это не давало мне права влиять на университетскую жизнь как полноценному профессору, но позволяло время от времени вести семинары или читать циклы лекций. В течение трех лет я вел так называемый спецсеминар. Образца перед глазами у меня не было, и я сам придумывал, что и как преподавать. В ходе каждого года мы интенсив-

* Партийные руководители помнили, какую решающую роль сыграли студенты университетов в октябре 1956 г., и стремились изолировать их от тех интеллектуалов, чье влияние представлялось опасным. Многим из осужденных после 56-го разрешили заниматься исследованиями в институтах Академии наук, но никого не пустили в университеты.

но занимались теми проблемами, с которыми я сталкивался в собственных исследованиях. Мне очень нравилась эта работа, и я до сих пор храню самые теплые воспоминания об участниках семинара. Надеюсь, наряду с огромным количеством официально предписанного и зачастую механически поданного учебного материала, мои занятия служили для студентов интеллектуальным противоядием, позволяли из первых рук ознакомиться с оригинальными научными идеями и приобрести нетрадиционные знания, недоступные в рамках официальной программы. Я стремился не столько передать знания, сколько разбудить в них дух критического мышления. Из слушателей этих семинаров вышло немало отличных экономистов-исследователей, преподавателей и хозяйственных руководителей.

Особенно я ценю узы, связавшие меня с Коллегиумом имени Ласло Райка (Райк Коллегиум), образованным при Университете экономики в 1970 г. Его директор и основатель, Аттила Чикан, превратил коллегиум в уникальную мастерскую идей. Принципы работы учреждения были во многом позаимствованы из традиций «народных коллегиумов», распущенных в эпоху Ракоши и Коллегиума имени Этвеша, а также из опыта элитных парижских школ (grandes écoles) и колледжей в Оксфорде и Кембридже. Перечисленные модели были переработаны и дополнены собственными разработками. В Райк Коллегиум отбирали лучших студентов Университета экономики. Их знакомили с современными областями науки, речь о которых не шла в рамках обычного университетского курса. Студентов приучали мыслить независимо, не придерживаться доктрин. Независимость проявлялась и в том, кого приглашали читать лекции. В список входили известные интеллектуалы, недавно выпущенные из тюрем, а также лидеры демократической оппозиции 1970-х годов, выступавшие против коммунистической системы.

Я читал лекции в Райк Коллегиуме несколько раз. Работая над очередным исследованием, я с радостью спешил опробовать его на внимательной и понимающей аудитории коллегиума.

В большинстве стран Запада аспиранты проходят подготовку к защите диссертации в университетах. В главе 5, рассказывая о своем образовании, я объяснял отличие этого процесса в странах, последовавших советскому примеру. Кандидатскую степень, эквивалент PhD, соискатель получал не в аспирантуре при университете, а в специально созданном для этого центральном учреждении — Научно-квалификационной комиссии. Именно там аспиранту назначают научного руководителя. Круг обязанностей последнего соответствует примерно тому, чем в западном университете занимается научный консультант (adviser). Помимо прочего ситуация отличается от нашей еще и тем, что консультанта студент выбирает сам, а научного руководителя назначает уполномоченный орган, т.е. Научно-квалификационная комиссия, исходя при этом из множества критериев — не в последнюю очередь политических*.

* В каждой из систем речь не идет об одностороннем решении: в обоих случаях консультант или научный руководитель *должны принять* предложение о руководстве.

Позднее я и сам выступал в качестве консультанта для многих аспирантов в Гарварде. В Венгрии все обстояло иначе. Кандидатскую степень я получил в 1956 г. и, по венгерским законам, с этого момента мог быть научным руководителем. Однако квалификационная комиссия за чуть ли не полувековую историю своего существования ни разу не назначила меня руководить написанием чьей-либо диссертации. Если перевести это на язык западных университетов, в Венгрии мне ни разу не доверили ни одного аспиранта.

Думать об этом больно. Когда профессор университета в Европе или Америке говорит о ком-то: «Он был моим студентом», — то имеет в виду, что работал с этим человеком в качестве научного консультанта в процессе получения им докторской степени. *В этом смысле* в Венгрии я ни о ком не могу так сказать. Небольшим утешением служат признания некоторых экономистов, считающих себя моими учениками.

Как я стал академиком?

Венгерская Академия наук, следуя советскому образцу, выполняла несколько функций. Как штатный сотрудник одного из исследовательских институтов Академии, я был наемным работником на зарплате. Всего в Академии наук работали более десяти тысяч человек.

Венгерская Академия наук одновременно выполняет традиционную научную функцию национальной академии, заявляя о себе как о собрании лучших ученых страны. Но как определить лучших? Если следовать букве закона, условия приема в Академию можно сравнить с правилами, которыми руководствуются в великих западных академиях. Академики выбирают новых членов на основании внимательной оценки большинством голосов тайным голосованием*. Стоит, однако, проанализировать, как на самом деле происходили эти выборы. Хорошим примером может послужить моя история.

При тщательном прочтении устава Академии того времени выясняется, что ее члены должны были разделять «самое прогрессивное мировоззрение» — читай, марксистско-ленинское**. Тут уже начинались проблемы у тех, кто хотел предложить мою кандидатуру***. Из моих заявлений, задокументированных в отделе кадров, однозначно следовало, что я отнюдь не марксист-ле-

---

* Членство в Академии подразумевает две ступени: член-корреспондент и действительный член АН. Получение первого звания — «большой прыжок». Надо было получить серьезную рекомендацию действительного члена Академии. Следующий шаг делался уже без проблем. Члены-корреспонденты спустя какое-то время становились действительными членами почти автоматически.

** Раздел (1) параграфа 1 устава Венгерской академии наук гласит: «Основой деятельности Венгерской академии наук является научное восприятие диалектического материализма».

*** Всегда были «самовыдвиженцы», которые сами занимались лоббированием своего членсовета в Академии, пытаясь заполучить рекомендации и уговорить академиков проголосовать за себя. Другие считали подобную саморекламу недостойной и полагались на профессиональную совесть коллег. Что касается меня, то я всегда принадлежал ко второй категории — и в вопросе членства в Академии, и в отношении других выдвижений. Те, кто выдвинул мою кан-

нинист. Точно такой же вывод мог сделать любой, кто внимательно ознакомился с моими работами.

Когда в начале 1970-х годов академики впервые подняли вопрос о моем членстве, я уже заработал себе имя не только в Венгрии, но и за границей. Самое смешное, что меня к тому времени уже избрали членом Американской академии наук (American Academy of Arts and Sciences) и других международных научных организаций. Кадаровский режим находился тогда в стадии, когда руководители государства хотели наглядно продемонстрировать, насколько цивилизованной, культурной и «западной» стала в Венгрии интеллектуальная жизнь. Как можно было допустить, чтобы венгерский ученый был членом Американской академии и не был академиком в Венгрии? Вопрос о моем членстве откладывать было уже нельзя.

Мне придется подробно описать формальный ход выборов, чтобы стало понятно, как все происходило на самом деле. Де-юре процедура состояла из двух этапов. Сначала секция Академии, отвечающая за обозначенную дисциплину (в моем случае, IX отдел экономики, права и прочих общественных наук), должна была тайным голосованием решить, чья кандидатура будет выдвинута на общем собрании Академии. Для этого кандидату надо было набрать простое большинство. После чего общее собрание Академии, куда входили все ее члены, опять же тайным голосованием избирало новых членов из кандидатов, выдвинутых от секций. Голосование на общем собрании было формальностью, кандидаты от секций обычно проходили подавляющим большинством. Настоящая борьба шла в секциях за выдвижение того или иного кандидата.

Академики, в большинстве своем, были членами партии. Все знали, что до официального заседания секции по выдвижению кандидата проходило партийное собрание, на котором члены партии договаривались, за кого из выдвиженцев будут голосовать. А раз коммунистов было большинство, то они, в итоге, и могли решить, кто станет новым членом Академии.

При первом выдвижении, во время подготовки избрания в Академию в 1973 г., мою кандидатуру зарубили уже на первом этапе, на партсобрании. Как я смог установить по доступным теперь архивным документам, соответствующий отдел комитета партии подготовил отчет для Политбюро о подготовке общего собрания академии в 1973 г.[136] В отчете было указано, чьи кандидатуры коммунисты поддержали, а чьи отклонили. Мое выдвижение поддержал Иштван Фришш, но большинство членов партии (включая Ласло Хаи, который после 1956 г. запретил мне преподавать в университете) проголосовали против*. Политбюро решило не поддерживать мою кандидатуру (читай: запретило меня выдвигать)[137].

дидатуру в 1970 г., сделали это по собственной инициативе и исходя из собственных профессиональных соображений.

* При моем повторном выдвижении в 1975 г. Михай Корнидес, глава соответствующего отдела комитета партии, напомнил собравшимся, какие мнения относительно моих трудов поступили к ним в связи с первым обсуждением моей кандидатуры в 1972 г. Цитирую по протоколу (MOL M-KS 288. f.5/682, 3-я минута собрания) слова, сказанные им на Политбюро: «...когда его

Следующие выборы были намечены на 1976 г. Им также предшествовал привычный подготовительный процесс. На этот раз противников моей кандидатуры на партсобрании было уже незначительное большинство. Однако и их было достаточно, чтобы вынести отрицательное решение о моем выдвижении.

По традиции, соответствующий отдел ЦК в октябре 1975 г. составил отчет о подготовке общего собрания Академии в 1976 г. Среди прочего в нем фигурировало и мое дело. В отчете упоминается негативное решение двухгодичной давности и приводится комментарий: «по существу, ситуация не изменилась»[138]. На этот раз Политбюро не стало сразу принимать решение о выдвижении кандидатур на членство в Академии, но постановило вернуться к данному вопросу позднее.

Затем история приняла неожиданный оборот. Вскоре после этого состоялось заседание академической секции экономики и права (секция IX Венгерской академии наук), в нем участвовали не только члены партии, но и все остальные академики. Как я уже говорил, именно этот орган де-юре принимал решение о выдвижении. Формально, при тайном голосовании я не мог бы получить здесь большинства голосов, если бы все академики-коммунисты голосовали согласно предварительной договоренности, т.е. против меня.

Ко всеобщему удивлению, моя кандидатура была поддержана убедительным большинством голосов. Получается, что члены партии, которые не могли выступить в мою защиту на партсобрании, при тайном голосовании нарушили партийную дисциплину и, прикрывшись анонимностью бюллетеня, все-таки проголосовали за меня.

Помимо меня необходимым большинством голосов прошел еще один экономист — с ним у партии не было политических проблем.

Положение осложняли два других кандидата-экономиста, получившие поддержку по партийной линии, которые в ходе тайного голосования набрали ровно по 50%. Если придерживаться буквы академического закона, их нельзя было выдвигать на общее собрание, так как они не получили большинства голосов.

Функционеры, отвечавшие за академические дела, сочли ситуацию неудобной. Корнаи, этот политически сомнительный тип, получил большинство голосов, а наши проверенные люди — нет. Проблема оказалась настолько сложной, что решить ее не смогли не только в стенах Академии, где, собственно говоря, и должны были принять решение, но и на среднем уровне партийного руководства. Решающее слово должны были сказать на самом верху, в Политбюро.

В январе 1976 г. на заседании Политбюро вновь рассматривался вопрос выдвижения кандидатов в академики. Подготовили новую докладную записку,

---

имя было впервые упомянуто, мы услышали противоречивые мнения о кандидате. Некоторые утверждали, что в профессиональном отношении он слаб, не дотягивает до уровня, считали его кабинетным ученым, оторванным от реальности, и политически неблагонадежным...».

и в процессе спора ее автор заявил, что мои труды были подвергнуты широкому обсуждению и, в итоге, получили одобрение[139]. И, наконец, Янош Кадар занял следующую позицию (цитирую протокол дословно): «Что касается этих изменений, Корнаи, по-моему, можно принять, ведь политический аспект не так уж важен. Сравнивать сложно, но речь ведь идет не о партийных функциях, не о членстве в партии, а об Академии наук, где даже человек, имеющий некоторые проблемы с политикой, будет полезным и эффективным академиком, если его научные достижения, в целом, позитивны. Так что его несоответствие идеологическим стандартам старых партийцев — не причина для отказа»[140].

Таким образом, дело было решено. Теперь история с моим членством в Академии могла развиваться привычным путем.

Однако в Политбюро по-прежнему хотели сохранить баланс: раз уж поступились одним правилом — придется забыть еще об одном. Кандидатов, получивших по 50%, тоже выдвинули на голосование на общем собрании: если вместе с Корнаи в Академию попадут три приличных, надежных, новых человека, необходимое равновесие будет достигнуто. Так и случилось, в том же 1976 г. Академия избрала четырех новых членов-корреспондентов в области экономики.

Вот так в 1970-е годы, при ближайшем рассмотрении, обеспечивалась автономия Академии, проходили тайные суверенные выборы и соблюдался устав. При отборе оценка настоящих научных достижений причудливым образом смешивалась со стремлением коммунистической партии утвердить свою власть в науке — как и во всех остальных сферах жизни. Селекция по политическим критериям накладывала заметный отпечаток на формирование состава Академии, последствия этого процесса проявляются и по сей день.

Мой случай можно сравнить с ситуацией, как если бы в Соединенных Штатах члены правительственного кабинета принялись обсуждать вопрос, может ли ученый Н. быть членом национальной или Американской академии. А потом президент вынес бы по нему решение. Чтобы почувствовать весь абсурд подобной процедуры, достаточно довести аналогию до логического конца.

Наряду с ущемлением академической автономии история эта иллюстрирует еще одно важное явление: готовность идти на уступки, характерная для культурной политики Кадара. Эти люди не боялись иногда идти на компромисс. Меня «пустили» в Академию в результате именно такого компромисса — раз уж часть непослушных академиков-коммунистов так этого захотела, прикрывшись тайным голосованием. В то же время они хотели убедиться в сохранении руководящих позиций, в дальнейшем — если это становилось формальным условием легитимизации их политической власти в «автономных» организациях — большинство, верно следующее линии партии, всегда должно было принадлежать им.

Привилегии академика

В коммунистической системе члены национальной Академии наук находились на особом положении. Им полагались повышенные зарплаты и множество других привилегий.

В Советском Союзе репутация у академиков по относительной шкале престижности рангов и званий была еще выше, чем в Венгрии. Спустя короткое время после моего избрания в Академию, по рекомендации моих советских друзей, которые были знакомы с моей научной деятельностью и хотели встретиться со мной лично, я получил приглашение посетить Москву от Академии наук СССР. Когда я прилетел, в аэропорту меня никто не встретил, но я каким-то образом сумел добраться до гостиницы (задача была тогда не из легких). На следующее утро в номере зазвонил телефон: представитель Международного отдела Академии рассыпался в извинениях. Накануне они еще думали, будто я всего лишь «доктор наук». Теперь же выяснилось, что меня недавно избрали в академики. Просили прощения за то, что не прислали за мной машину в аэропорт. С этого момента в моем распоряжении появился служебный автомобиль с шофером для поездок по Москве.

Титул академика много значил и в Венгрии. За несколько лет до моего избрания мы переехали из маленькой квартиры с телефоном в новую, более просторную. Наряду с многочисленными достоинствами у нового жилища был один недостаток — здесь не было телефона. Молодые читатели, которые ни на минуту не выпускают из рук мобильный телефон, жертвы конкурирующих операторов, стремящихся заставить абонентов звонить как можно чаще, даже и представить себе не могут, что в те времена приходилось годами ждать установки телефона. Иногда помогали личные связи. После переезда в 1975 г. я попросил Режё Нерша, нового директора Института экономики, помочь мне с телефоном. Не так давно он был могущественным партийным секретарем, к его словам и сейчас прислушивались все хозяйственники. Нерш поговорил с компетентными людьми о моем деле, а затем, со слов знакомых из почтового ведомства, сообщил, что мне пока телефон вне очереди не дадут. Надо подождать, когда я займу пост повыше и стану членом Венгерской академии наук, вот тогда можно будет еще раз попробовать. Так и произошло. Я стал академиком, Режё Нерш снова позвонил знакомым — и через два дня уже пришли телефонные мастера.

Привилегии связаны с моральными дилеммами. Я испытывал смешанные чувства. Меня беспокоило сознание того, что я получаю льготы, недоступные большому числу достойных венгерских ученых и интеллектуалов*. Но я решил

* Беседуя с западными коллегами, я неоднократно сталкивался с совершенно превратными представлениями о финансовых привилегиях академиков. Многие думали, будто социалистические академики живут на очень высоком, по западным меркам, уровне. Подобные фантазии были далеки от реальности. Повышенная зарплата академика была ничтожна по сравнению с их заработками. Дома отдыха ученых соответствовали примерно двух-трехзвездночным гостиницам, тогда как западные профессора могли позволить себе отель пошикарнее.

для себя, что получил эти льготы заслуженно. За мое избрание в Академию боролись ученые, относившиеся к моей работе с искренним уважением. Я чувствовал, что могу принять академические привилегии с чистой совестью.

Служебных авто за ними в аэропорт не присылали, но они без труда могли взять такси. И тем более им не надо было прибегать к протекции, чтобы после многолетнего ожидания получить телефон.

С академиками происходило то же, что и с другими группами льготников при социализме: материальные привилегии, которые они получали, были привилегиями только в сравнении с низким уровнем жизни остальных ученых. Для меня важнейшим преимуществом статуса академика было то, что он снимал некоторые (но не все) ограничения на поездки.

12

ПОИСК ПУТИ И ПОДГОТОВКА — 1971–1976

«Форсированный рост, неценовое регулирование»

Моя книга «Антиравновесие» вышла в 1971 г. В течение последующих шести-семи лет на меня влияли разнообразные интеллектуальные импульсы: книги, споры, собственные исследования по нескольким направлениям, путешествия, личные впечатления от обустройства нового жилья, ощущения потребителя. Оглядываясь назад на этот период, могу сказать: весь этот опыт был подготовкой к начатому в 1976 г. общему анализу социалистической экономики. Многое из пережитого в это время наложило отпечаток на всю мою последующую жизнь и на более поздние работы. Однако я только задним числом могу назвать этот период «подготовкой» к книге, которая будет написана значительно позже. В 1971 г. мне еще и в голову не приходило, что я напишу монографию, темой которой станет экономика дефицита. Одна из целей автобиографии — с помощью интроспекции, опираясь на собственный опыт, показать, как в ходе экономического исследования реализуется творческий процесс, как происходит узнавание и понимание, какими путями они движутся и как заходят в тупик. Ради этого я буду периодически возвращаться к теме связи между свежими интеллектуальными впечатлениями и позднейшими работами. В отличие от других частей книги содержание данной главы сложно выстроить в логическом порядке. Связующей силой для множества событий, следовавших друг за другом или параллельно, стал конечный результат — книга, законченная мною в 1980 г.

В венгерской экономике в эти годы произошли важные события. Реформа, с энтузиазмом начатая в 1968 г., к началу 1970-х годов забуксовала, на какое-то время чаша весов политической власти даже склонилась в сторону противников реформы. По отдельным показателям был сделан шаг назад. Стремление вернуть прежние ограничения ощущалось и в интеллектуальной жизни, на идеологическом фронте. Наряду с естественным влиянием среды, меня окружавшей, я испытывал воздействие и других импульсов.

Форсированный или гармоничный рост

Нидерландский профессор Ян Тинберген, первый, вместе с норвежцем Рагнаром Фришем, лауреат Нобелевской премии по экономике, пригласил меня прочесть лекцию в 1971 г. в рамках цикла лекций Де Фриса в Роттердамском университете.

Тинберген был одним из самых прекрасных людей, с которыми я когда-либо встречался. Невероятные знания, оригинальность мышления сочетались в нем с бесконечной простотой, скромностью, истинной добротой. Его можно было упрекнуть, наверное, только в одной человеческой слабости — наивной вере, будто и все остальные люди такие же, как он: рациональные, порядочные и искренние.

Я, как всегда, сильно волновался перед таким ответственным выступлением и чувствовал необходимость заявить какую-то новую тему. К тому моменту меня уже давно занимали возможности долгосрочного планирования, я принимал участие в спорах о выборе стратегий роста. Тему нидерландской лекции я выбрал из области теории экономического роста[141].

Начал я с аналогии: «...человек, у которого сверху надета рубашка из тонкого полотна, красивый галстук и элегантный пиджак, к нему — поношенные, но приличные брюки, а на ногах — ботинки с дырками в подошве, производит негармоничное впечатление»[142]. Такое же впечатление производят те страны, где разные секторы экономики развиваются неравномерно. Моя лекция содержала критику теории «социалистической индустриализации», пытавшейся представить как преимущество серьезную проблему диспропорциональности и дисгармоничности, вызванной принудительным экономическим ростом. В английском названии лекции присутствовало слово rush («гонка», аврал) — еще более выразительное, нежели «принудительный рост». Гонка продолжалась, темпы роста должны были постоянно расти, особенно в тяжелой промышленности, любой ценой; на задний план отходят повышение уровня жизни, профилактический ремонт государственной собственности — зданий, оборудования, станков, дорог, поддержка системы образования и здравоохранения, охрана окружающей среды; не идет накопление необходимых резервов на случай, если возникнут непредвиденные трудности.

Под заголовком «Принудительный или гармоничный рост» лекция была опубликована в книге и вступила в спор с наделавшей тогда много шуму теорией Альберта Хиршмана и Пола Стритена в защиту несбалансированного роста[143]. По их мнению, дефицит, нехватка отдельных продуктов и состояние дисбаланса были исключительно полезны для развивающихся стран, так как давали инертному обществу стимул к восстановлению пропорциональности и равновесия. Я же, с позиций горького опыта социалистической экономики, видел, что подобные диспропорции приносят больше вреда, чем пользы*.

---

* Книгу эту перевели, в числе прочих, и на китайский язык. Недавно я побывал в Китае, и речь там снова зашла об анализе, проведенном в книге. Оказалось, в Китае тоже проявляют-

Планы в социалистической экономике плохи не тем, что порождают инерцию, напротив, они провоцируют гиперактивность на макроэкономическом уровне, заставляют делать спешные инвестиции. Исследование затрагивало связь неравномерного, ускоренного роста с масштабным дефицитом — однако анализ причинно-следственных связей для обоих явлений я пока не проводил.

Наряду с теоретическим исследованием принудительного роста в соавторстве с несколькими коллегами я занимался построением и применением динамических симуляционных моделей с использованием венгерских статистических данных. Я только начинал ознакомляться с технологией компьютерной симуляции — удобным, гибким методом для анализа. Одно из вычислений, названное нами «зондирование плана», дало поучительную картину негармоничного роста, в особенности губительных последствий равнодушия к инфраструктуре*.

Приглашение в английский Кембридж

В 1971 г. я был участником конференции в Женеве, где вновь встретился с выдающимся британским экономистом Ричардом Стоуном. Мы познакомились во время моей первой поездки в Англию в 1963 г.** На этот раз Стоун предложил побеседовать наедине и в ходе разговора сообщил, что меня хотят пригласить на постоянной основе в Кембриджский университет. На кафедре обострилось напряжение между двумя группами экономистов. Лидером экономистов-математиков был Франк Хан, а группу противников математических методов возглавили Джоан Робинсон и мой соотечественник, Миклош Калдор (впоследствии — лорд Калдор). Предварительные переговоры дали Стоуну основания утверждать, что оба лагеря положительно отнесутся к моему приходу в качестве профессора. Я мог бы даже помочь ослабить напряжение. Таким образом, Стоун делал мне предложение не от своего имени, но по поручению коллег.

ся и слишком быстрый, чрезмерный рост, и сопровождающие его теневые стороны, и социальные потери односторонней «мании роста»; требования гармоничного развития актуальны сегодня как никогда.

* Соавторами в данной работе были моя жена — Жужа Даниэль, Анна Йонаш и Бела Мартош.

** Стоун не был кабинетным ученым, развивающим абстрактные теории, его, скорее, интересовали исследования, напрямую связанные с практикой.

Стоун руководил группой по разработке системы учета и статистики, принятой ООН, которая до сих пор обеспечивает единообразие и возможность сопоставления в международной экономической статистике. Несколько лет спустя Стоун получил Нобелевскую премию. В его характере легко уживались преданность научной работе и умение наслаждаться радостями повседневной жизни. Стоуна отличала необычайная элегантность в одежде, любовь к хорошей еде и напиткам. Он выполнял множество общественных функций и особенно гордился постом президента Винного комитета Кингз-колледжа. В обязанности комитета входит выбор вин для пополнения погребов колледжа.

Кембридж! Оплот экономической науки. Здесь работал Кейнс. Место, где я впервые вошел в мир западной науки. Вековые стены колледжей, цветущие парки, укромные берега реки, полные покоя. Передо мной снова открывалась возможность эмигрировать, но уже не в условиях неопределенности волны бегства 1956–1957 гг. С той поры прошло пятнадцать лет, и теперь мне на всю оставшуюся жизнь предлагали пост профессора, да еще и в одном из главных университетов мира.

Я попросил немного времени на обдумывание, переговорил с женой, которая тоже принимала участие в конференции, после чего поблагодарил за оказанную честь и отказался. В одной из последующих частей книги я подробнее остановлюсь на проблеме выбора: уехать или остаться. Здесь же я упомянул об этом событии только ради сохранения хронологического порядка.

По пояс в гипсе — Кейнс и Хиршман

В начале 1972 г. я перенес две операции. До операций у меня все чаще стали случаться вывихи обоих плеч: пришлось прибегнуть к операционному вмешательству, чтобы прекратить болезненные ощущения. Несколько недель после операции я провел в гипсе по пояс — нельзя было двигаться*. Идеальная возможность как следует почитать! В больнице я лежал в шумной палате на десять коек, стул негде было поставить. Потом, когда мне разрешили вставать, я проводил большую часть времени сидя в коридоре. Наконец, меня отпустили домой поправляться. Друзья, навещавшие меня в больнице, а потом и дома, удивлялись, видя у меня в руках вместо развлекательных детективов главный труд Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» («The General Theory of Employment, Interest and Money»).

За много лет до этого, примерно в 1957–1958 гг., в процессе самостоятельного «университетского обучения» я уже ознакомился с современной макроэкономикой, но тогда отложил эти знания в дальний уголок своей памяти. Перечитывая Кейнса, я вдруг осознал, что наша экономика дефицита, в определенном смысле, является зеркальным отражением кейнсовского неравновесия. У Кейнса *безработица* становится тем самым очевидным явлением, через которое можно показать и проанализировать проблемы капитализма. Синдром *дефицита* с противоположным знаком мог сыграть такую же роль в моем анализе. Кейнс описал такое состояние экономики, где сделки и операции между продавцом и покупателем *ограничены спросом*. Производитель мог бы производить и больше товаров по данной цене, но спрос недостаточен. Я пытался понять и объяснить зеркальное отражение подобной ситуации, когда операции

* Я представлял собой довольно забавную картину. Соседский ребенок испуганно расплакался, увидев меня в лифте. Рука, вытянутая вперед, была зафиксирована в горизонтальном положении. Мой сын Габор, со свойственным ему юмором, как-то заметил, что моя неподвижная рука отлично подойдет вместо вешалки для брюк, и тут же проиллюстрировал свое предложение, повесив на нее брюки.

между продавцом и покупателем *ограничены предложением*. Потребитель и купил бы больше по данной цене, но предложение недостаточно.

Еще одно сильное литературное впечатление того периода — восхитительная книжка Альберта Хиршмана «Выход, голос, лояльность» («Exit, Voice, Loyalty»). Основную мысль книги можно понять на простом примере. Постоянный посетитель ресторана неоднократно оказывается недоволен блюдами, которые ему приносят. Что он может сделать? Первое: пожаловаться управляющему (голос). Второе: перейти в другой ресторан (выход). Все бы хорошо, но в последнем случае многолетние отношения с этим рестораном могут удержать его от ухода (лояльность).

Под эту схему подходит множество ситуаций. Покупателю может что-то не понравиться в привычном магазине, держателю акций — на бирже, ученику и его родителям — в школе, куда ребенок до этого ходил. Услышит ли кто-нибудь их жалобы, будут ли приняты меры для устранения недостатка? Рискованно ли подавать голос? Какие последствия повлечет за собой выход? Можно ли вообще уйти? Именно эти провокационные вопросы Хиршмана привели меня к проблемам экономики дефицита. Руководители концернов «Фиат» или «Ситроэн» забеспокоятся, если автомобилисты начнут массово жаловаться на качество их машин. Однако они испугаются еще больше, если до сих пор верные им покупатели без предупреждения перейдут на «тойоты» или «фольксвагены». Но какое дело было заводам, выпускавшим «трабанты» и «шкоды» до голосов покупателей? Почему им надо было бояться ухода постоянных покупателей, если те были готовы годами ждать в очередях? В хронической экономике дефицита нет ни действенного голоса, ни угрозы ухода. Нравится, не нравится — ничего другого не получишь.

Хиршман подчеркивает: при правильном раскладе и голос, и выход как сигналы ассоциируются с обратной связью. Если механизм работает хорошо, под влиянием сигналов положение улучшается. Система или подсистема работает эффективно в том случае, когда оба сигнала могут поступать свободно и оказывать влияние.

Идеи Хиршмана распространяются не только на экономику. Он и сам упоминает о тяжелом положении членов сталинистской партии. У них нет возможности выразить свое мнение по действительно важным вопросам, но и выйти из партии добровольно нельзя — последуют тяжкие репрессии. Именно стремление заглушить обратную связь приводит к окончательному окостенению и дегенерации партий сталинского типа. Другая ветвь рассуждений ведет к проблеме эмиграции. Должен ли человек остаться на родине и высказать свое недовольство или лучше выбрать отъезд и, таким образом, выразить протест против положения в стране?

Тогда я был знаком с Альбертом Хиршманом только по его работам. Мы впервые встретились десять лет спустя, когда он пригласил меня в Принстонский институт специальных исследований (Institute For Advanced Study). Оригинальное мышление этого ученого, державшего дистанцию по от-

ношению к модным течениям, невероятно широкие познания и начитанность произвели на меня неизгладимое впечатление.

После операций я вернулся из больницы домой, но на семейном празднестве в честь восьмидесятилетия мамы я сидел по пояс закованный в гипс. Муньо с волнением ждала этого дня и немного переживала, доживет ли. На фотографиях с праздника все члены семьи окружают ее с восхищением и любовью. Несколько месяцев спустя мама спокойно заснула и не проснулась. В последние годы ее жизни мы очень часто виделись и каждый день разговаривали. Не могу выразить, как мне не хватает ее жизнерадостного голоса. Помню, с каким глубоким уважением она говорила о врачах, которые лечили ее или кого-нибудь из членов семьи, называя их «известными профессорами». Это звание было для мамы более значимым, нежели то, что может человеку дать богатство или чиновничий пост. Жаль, не дожила она до того дня, когда ее сын стал профессором! Жаль, что не смогла навестить нас в Америке! С какой бы гордостью она могла рассказывать об этом своим пожилым подругам, попивая кофе в кофейне «Салаи», рядом с домом.

Как я преподавал в Принстоне

Когда я оправился после операции в 1972 г., мы с женой на целый год уехали в Соединенные Штаты*. Первой остановкой был Принстонский университет, где я провел первый семестр академического года**. Интересно было наблюдать разные типы молодых экономистов. На моем курсе были студенты из Европы — они много размышляли над разнообразными недостатками капиталистической экономики и хотели бы видеть ее в исправленном варианте, с упором на государство всеобщего благосостояния. Под влиянием подобных идей они обращались к планированию и особенно интересовались, что видит человек, исследовавший плановую экономику изнутри. К моей радости, двое из студентов, с которыми у меня в Принстоне завязалась личная дружба, впоследствии многого сумели достичь. Первый, Лука Кацели, в начале 1980-х годов, при социалистическом правительстве Андреаса Папандреу стал председателем греческого Госплана, а сейчас возглавляет Центр развития Организации экономического сотрудничества и развития (OECD). Второй, Кемаль Дервиз, занял пост заместителя председателя Всемирного банка, а затем был отозван в Турцию для преодоления тяжелейшего экономического кризиса, где работал в качестве министра финансов в самые трудные годы. Не так давно Кемаль Дервиз стал главой Программы развития ООН (ПРООН), крупнейшего отде-

---

* Я уже обещал читателям не перегружать их путевыми заметками. Слово свое я сдержу. Хотя в этой и в других главах я упоминаю страны, где мне довелось побывать, но не делюсь туристическими впечатлениями, а рассказываю об интеллектуальном и политическом опыте, связанном с конкретными местами.

** С благодарностью и теплотой вспоминаю многочисленные проявления внимания и дружескую помощь, которую оказал наш соотечественник Ричард Квандт, профессор, автор многих известных работ по микроэкономике.

ления ООН по борьбе с бедностью. Конфликт между турками и греками уходит корнями в далекое прошлое и, по разным причинам, разгорается снова и снова. И то, что два студента, один из Греции, а другой из Турции, смогли подружиться семьями в наднациональном мире науки, давало мне некоторую надежду.

Лука Кацели, Кемаль Дервиз и многие другие студенты, разделявшие подобные взгляды, поддерживали идею реформирования капиталистической экономики с левых позиций. Они не хотели уничтожить систему и заменить ее на социалистическую. От революционных идей их удерживали и серьезные недостатки коммунистического режима. Однако была в Принстоне другая группа студентов — они называли себя «радикальными экономистами» и прилежно штудировали «Капитал» (не уверен, что они изучали его так же основательно, от фразы к фразе, как делал я за 25 лет до этого). Эти студенты знали, кто я, откуда приехал, знали они и то, что на моих занятиях обсуждаются проблемы *реального* социализма*. Несмотря на это (или как раз по этой причине), ни один из «радикалов» не записался ко мне на курс. Один раз, правда, они пригласили меня на внеурочное собрание для самоподготовки. Они показались мне искренними и наивными молодыми людьми, исполненными самых благих намерений.

На встречу я отправился, вооруженный не только опытом восточноевропейца. Еще в 1968 г., впервые посетив Америку, я ознакомился с идеями «новых левых» в Калифорнии — одной из колыбелей этого движения. Уже прошли студенческие волнения 68-го в Париже, во многих европейских странах, и дома, в Будапеште, я встречал «новых левых», снова и снова вступал с ними в споры — порой терпеливо, а порой и с раздражением. Меня смущал их протест против «колбасного (или гуляшного) социализма», тогда как в Венгрии незначительное повышение уровня жизни означало ослабление экономики дефицита; потребитель, наконец, получил доступ к ранее недоступным дефицитным товарам. Шаги по направлению к распространяющейся рыночной экономике, на мой взгляд, были не предательством высоких принципов, но торжеством здравого смысла в интересах улучшения жизни людей.

Примерно в это время мне попалась недавно вышедшая книга шведского экономиста Ассара Линдбека «Политэкономия новых левых: взгляд со стороны» («The Political Economy of the New Left: an Outsider's View»), где кратко и остроумно были изложены взгляды «новых левых» и противоположные им аргументы либералов.

На встрече с принстонскими молодыми «радикалами» я попытался противопоставить их позиции заранее подготовленные контраргументы. Безуспешно. Проблема не в социализме, настаивали они, а в том, что в Советском Союзе

---

* Многие восточноевропейские интеллектуалы используют прилагательное «реальный» в таком контексте с издевкой. По моему мнению, эпитет этот вполне уместен, и я с удовольствием употребляю его без кавычек. Социализм был реальностью, он был таким, как есть (а вовсе не таким, каким его изначально представляли сторонники социалистической идеи).

и остальных восточноевропейских странах социалистические идеи не нашли *правильного применения*. Надо все сделать правильно... Встреча в Принстоне и многочисленные подобные беседы с «новыми левыми» интеллектуалами в развитых странах подтверждали то, что я понял на собственном примере и описал в предыдущих главах: вера может оказаться сильнее рациональных доводов. Люди, которые верят глубоко и искренне, обычно совершают идейный поворот только в результате сильного переживания, некоего шока, способного основательно потрясти прежние убеждения.

За время нашего пребывания в Принстоне трое наших детей, Габор, Юдит и Андраш, каждый провели с нами по два месяца. Как преподаватель я узнавал, что думают о социализме американские, греческие или турецкие студенты, а в качестве родителей мы могли наблюдать, какое впечатление производит на трех венгерских подростков первое знакомство с Америкой. Дети все, конечно, разные, поэтому и впечатления каждый воспринимал по-своему. Но в чем-то они совпадали. Как все туристы, они конечно восхищались нью-йоркскими небоскребами, галереями, прекрасным кампусом Принстонского университета. Я же остановлюсь здесь на тех реакциях, которые кажутся характерными мне как исследователю экономики дефицита и социалистической системы. По крайней мере, первые несколько дней они жадно поглощали продукты и напитки, недоступные венгерскому ребенку на родине. Один не смог устоять перед мороженым и стряпней под названием «доктора Пеппера», другой до отвала наедался поп-корном. Один был поражен бесконечным выбором телеканалов и буквально приклеился к экрану. Другого потрясла рок-музыка и знаменитые музыканты, кое-кого детям даже удалось послушать на концерте. Андраш и Юдит недолго походили в школу, а Габор провел несколько недель в одном из колледжей Йельского университета. Из школьных впечатлений самым ценным дети посчитали богатство выбора, предоставляемого ученикам, — намного больше вариантов, чем в Венгрии. Опыт первого знакомства с американским образом жизни сильно повлиял на всех троих детей, и по возвращении домой им какое-то время пришлось адаптироваться к прежней жизни. Позднее, когда они повзрослели, положительный интеллектуальный эффект этого знакомства только закрепился. Сегодня и они, и мы, их родители, верим, что первая поездка в Америку сделала детей более открытыми и способствовала формированию системы ценностей, ориентированной на свободу.

В качестве эпилога следует добавить несколько слов о принстонском периоде 1972 г. В 1974 г. я получил приглашение от Принстонского университета занять должность штатного профессора — почти такое же, как и ранее из Кембриджа[144]. Даже обстановка была похожа на английскую: архитектурный стиль кампуса, чудесный парк, вызывающий в памяти атмосферу колледжей в Оксфорде и Кембридже. Еще одно соблазнительное предложение — и я опять ответил отказом.

Продолжение в Стэнфорде и Вашингтоне

Второй семестр 1973–1974 академического года мы провели в Стэнфордском университете. С этим периодом меня связывает множество воспоминаний. Мы сблизились не только с Кеннетом Эрроу, Аланом и Джэки Манн, но и с Тибором Ситовски и его женой Эржебет. Познакомились мы еще в 1970 г. в Йельском университете, но именно теперь наше знакомство переросло в настоящую дружбу.

Тибор родился и вырос в Венгрии. Его отец был заметной фигурой венгерской общественной и деловой жизни, занимал пост министра иностранных дел и президента крупнейшего коммерческого банка страны. Он придерживался консервативных взглядов, но сын, сохранив уважительные отношения с родителями, довольно быстро отошел от них в плане мировоззрения. Тибор выбрал либеральную идею и всегда сочувствовал бедным и неимущим, в особенности волновала его судьба самых отсталых стран. Он стоял на стороне экономической политики, способной улучшить ситуацию для таких стран и слоев населения.

К моменту нашего знакомства Тибор уже прожил в США несколько десятков лет. Этот изящный человек, с негромким голосом, всегда бывавший в хорошем настроении, соединял в себе лучшие черты европейской и американской культуры. В то время мы лишь в дружеских беседах рассуждали о том, как многие американцы не умеют по-настоящему наслаждаться жизнью, хотя и живут хорошо: мало ходят в театры и на концерты, здоровой и вкусной пище предпочитают фастфуд. Спустя годы эти критические наблюдения обрели научную и статистическую основу в великолепной книге Тибора «Невеселая экономика» («Joyless Economy»)*.

К сожалению, тогда, в 1973 г., наши разговоры не касались анализа рыночных операций. Позднее, уже после написания «Дефицита», выяснилось, что наши идеи имеют очень важную точку соприкосновения. Нас обоих занимала асимметрия в положении продавца и покупателя. (Что противоречило привычному подходу, склонному воспринимать участников сделки с обеих сторон как зеркальное и абсолютно симметричное отражение друг друга.) Скитовски прояснил один существенный аспект асимметрии между покупателем и продавцом в одной из совсем давних работ, проведя разграничение между поведением и ролями двух экономических субъектов, — один устанавливает цены на рынке (price-maker), а другой их принимает и не влияет на них (price-taker). Тогда, в 1973 г., я еще не знал, что именно Тибор ввел в экономическую науку данное разграничение и из скромности ни разу об этом не упомянул (возможно, поэтому данная тема и не возникала в наших разговорах).

В конце учебного года мы с женой на месяц отправились в Вашингтон. Представители Восточной Европы тогда еще не сменяли друг друга в междуна-

* За годы, прошедшие после выхода книги в 1976 г. в Соединенных Штатах, похоже, произошли существенные сдвиги в сторону преодоления прежних диспропорций в потреблении.

родных финансовых институтах столицы США. Если не ошибаюсь, я был первым ученым-экономистом из восточноевропейской страны, кто уже с 1968 г. принимал участие в работе отдела исследований Всемирного банка (заклейменного коммунистическим режимом как оплот империализма). Я подготовил для банка два исследования — оба они были опубликованы, и я открыто заявил, что их заказчиком был Всемирный банк.

Как раз во время нашего пребывания в Вашингтоне разразился уотергейтский скандал. Я тогда уже неплохо разбирался в американской жизни. Чтение таких газет, как «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», и раньше не оставляло меня равнодушным. Безымянные авторы редакционных статей в сжатой форме, при помощи безупречной логики и достоверной информации выражали близкую мне либеральную точку зрения. Не менее интересны были для меня в этих газетах страница мнений и редакторских комментариев (opinions and editorials), где шли открытые дебаты и схлестывались точки зрения. Еще мне нравились вечерние новости на Общественном канале (канал некоммерческий, финансируется, в основном, на частные пожертвования) — знаменитый «Час новостей МакНила и Лерера», в котором объективные новости сочетались с дискуссией. Если речь шла о внутренней политике, то в студии сидели рядом республиканец и демократ и выражали свою позицию по проблеме, если на повестке дня стоял конфликт между Индией и Пакистаном, на передачу приглашали послов обеих стран. Выслушивались абсолютно все мнения, и даже в разговоре с противником тон оставался цивилизованным. Ведущий не вставал ни на чью сторону, но задавал все неудобные вопросы. По комментариям к ежедневным событиям я понял, что означает свобода слова и культура спора. Все это стало для меня школой демократии*.

Итак, к началу уотергейтского скандала я уже имел представление о том, как работает свободная пресса. Но даже там, где свобода прессы веками является частью гражданского общества, необычна ситуация, когда журналисты ежедневной газеты находят уязвимое место у непопулярного президента, игнорирующего права и свободы, и после этого с упорством полицейской ищейки идут по следу, обнаруживая все новые и новые компрометирующие факты. Дома, в Венгрии, не только представители официальной линии, но и плохо информированная независимая интеллигенция в один голос утверждали в своих комментариях, будто на Никсона напали ультрареакционеры за смягчение жесткой позиции Америки по отношению к Китаю и Советскому Союзу. Я же, напротив, мог, до какой-то степени, смотреть на вещи изнутри и понимать, что про-

* Я не читал бульварную прессу и не смотрел бесконечные и бессмысленные программы по телевизору, но был открыт для лучших образцов американской прессы и телевидения — журналистики высочайшего класса. Вскоре я увидел, что *одного без другого не бывает*. Свобода прессы дает возможность высказываться на высоком уровне, в любой момент подвергать критике правительство, но одновременно открывает шлюзы и для культурного мусора. Это, увы, две стороны одной медали. Свобода прессы связана с рыночной экономикой и свободой предпринимательства, а издание и продажа трэшевой культурной продукции обещает невероятные коммерческие возможности.

исходит в США. Нападение было совершено совсем с другой стороны. Никсона хотели сместить с поста те, кто стремился уберечь демократию и права человека от помешанного на власти президента, который ко всем относился с подозрением и жаждал править твердой рукой, используя методы, балансировавшие на грани законности или переступившие эту грань. Никсон подвергся нападкам не только за незаконную предвыборную деятельность, но и за более поздние попытки замести следы преступлений и заставить свидетелей или участников событий дать ложные показания или вообще от всего откреститься. Мы словно стали зрителями лихо закрученного детектива — сидели, как зачарованные, у телевизора и следили за показаниями свидетелей и слушаниями в Конгрессе.

Мы уже покинули Америку, когда уотергейтское дело завершилось. Дома мы с удовлетворением узнали, что Никсон ушел в отставку.

«Вегетативное регулирование экономической системы»

В начале 1970-х годов, после выхода «Антиравновесия», вместе с коллегами — Белой Мартошем, Андрашем Шимоновичем и Жужей Капитань мы начали выстраивать математические модели для некоторых идей, описанных в книге*. В 1973 г. вышла наша первая, совместная с Белой Мартошем, публикация по данной теме под названием «Вегетативное регулирование экономической системы». В том же году работа была опубликована на английском языке в журнале «Эконометрика»[145].

Метафора вегетативного регулирования позаимствована нами из неврологии. Центральная нервная система отвечает за контроль на высшем уровне, а более простые задачи, например дыхание, пищеварение, кровообращение, автоматическая работа сердца, легких, желудка, кишечника, почек регулирует вегетативная (или автономная) нервная система. Подобное разделение труда наблюдается в экономической системе, где многие повторяющиеся, почти автоматические функции регулирования обеспечиваются простыми механизмами.

В статье дается общая характеристика данной идеи, а затем приводится пример, подробно обработанный в математической форме: регулирование, основанное на сигналах о состоянии ресурсов. Представим себе супермаркет. Для постоянного пополнения запасов товара нет смысла ждать до тех пор, пока из-за избыточного спроса или предложения не поднимется или опустится цена на товар, расширятся или сузятся границы прибыли. Достаточно следить за товарными запасами. Если запас какого-либо товара сократился, надо заказать еще. Если товара больше, чем нужно, ждут, пока его запас сократится, и тогда заказывают новую партию, и т.д. В традиционной практике бесперебойное снабжение покупателя можно обеспечить и без ценовых сигналов, просто отслеживая рост и сокращение запасов.

---

* Я намеренно рассказываю об этом во множественном числе, ведь речь идет об общих идеях группы исследователей. В статье, написанной в 2003 г., Андраш Шимонович назвал такое исследовательское направление «Венгерской школой теории регулирования».

Мы занимались разными видами сигналов. Еще один неценовой сигнал — портфель заказов, или сходная информация о длине очереди на данный товар. Для каждой очереди определяется «нормальная» длина. Если очередь длиннее обычного, следует предложить большее количество товара или больший объем услуг. Если в очереди стоит слишком мало заказчиков, есть смысл перераспределить ресурсы туда, где очередь длиннее, чем обычно*.

Из данных наблюдений можно сделать разные выводы.

Многие авторы описывают социалистическую экономику так, будто все регулирование сосредоточено в руках центра. Это не соответствует действительности. На самом деле, какой бы централизованной ни была система, многие процессы все равно контролируются децентрализовано посредством механизмов вегетативного типа, как было описано выше.

Подобная вегетативная, автономная децентрализация не в состоянии обеспечить *эффективное* распределение ресурсов. Она не способна руководить развитием техники или адаптироваться к требованиям создания новых продуктов. Для функции контроля последнего типа необходимы цены, полноценно отражающие нехватку товаров, а также стимулы, реагирующие на цены, расходы и доходы. Вегетативное регулирование может обеспечивать координацию только для привычных технологий, существующих комбинаций затрат и выпусков, спроса и предложения. Можно сказать, что такое регулирование пригодно лишь для элементарной координации производства с целью поддержания существующих схем, т.е. оно может худо-бедно обеспечивать функционирование экономики.

Одной из центральных концепций нашего исследования стала «жизнеспособность»**. Мы хотели понять, как социалистическая система умудряется выживать изо дня в день, несмотря на искаженные цены и ошибочные стимулы. (Забегая вперед, замечу: после смены режима в обществе, да и среди профессионалов, распространилось мнение, будто социализм потерпел крах, потому что «не работал». Звучит неплохо, но не выдерживает критики. Базовые процессы системы «работали» до последнего дня: люди приходили на работу и работали, в магазинах обслуживали покупателей, в школах учили детей, в больницах лечили больных и т.д. Система работала, но *плохо*, она была ослаблена собственными дисфункциональными чертами, брошена своими приверженцами, не могла больше противостоять внешнему давлению, если мы хотим провести настоящий анализ, список причин можно продолжить. Однако система до самого конца была способна удовлетворять элементарным условиям выживания.) За счет чего? Для ответа на этот вопрос недостаточно ссылки на плано-

---

* В книге «Дефицит» отмечается еще один вид неценовой информации — сигнал «катастрофа». Отдельные решения откладываются до тех пор, пока не случится что-нибудь серьезное. А когда катастрофа уже разразилась, начинают предпринимать шаги.

** Эффективность и оптимальность зависит от жизнеспособности, однако данное утверждение не имеет обратной силы. Неэффективная неоптимальная система может оставаться жизнеспособной.

вые указания из центра или дисциплинирующее влияние репрессий. Важную часть ответа дает нам вегетативное регулирование.

Хотя мы сосредоточили внимание на анализе социалистической экономики, наши исследования вышли за ее границы. Вегетативное регулирование присутствует в любой экономической системе, и везде именно оно отвечает за контроль над значительной частью примитивных, элементарных функций.

При создании нескольких моделей мы исходили из того, что регулирование отдельных элементарных процессов несколько похоже на механизм, который используется в квартирах для регулирования центрального отопления. Мы устанавливаем термостат на нужную температуру. Назовем ее *нормой* температуры. Если реальная температура выше нормы — отопление отключается и температура понижается, если ниже — отопление включается и температура повышается. Этот процесс мы назвали *регулированием по норме*. Нам представлялось, что подобный механизм управляет и различными процессами в экономике (и даже в неэкономических сферах общественной жизни). Мы не занимались тем, как складываются эти нормы. Но если они уже существуют, то регулирование по норме возможно и *жизнеспособно*.

Сотни примеров подтверждают как наличие норм, так и стремление общества разными способами вогнать в рамки этих норм те личности и организации, которые от них отдаляются. Мы сами наблюдали это при социализме, который не был склонен мириться с теми, кто выбивался из общей массы и отличался в своем поведении от шаблона. Мы были убеждены, что речь здесь идет о явлении более общего порядка, которое в разнообразных формах проявляется и в других системах*. Результаты нашего исследования мы сначала публиковали в журналах, в форме статей, а затем издали в сборнике, вышедшем значительно позднее периода, обозначенного в данной главе, в 1981 г. Сборник назывался «Регулирование без ценовых сигналов»[146]. В этой связи имеет смысл дать обзор всех моих наблюдений относительно нашего исследования за практически десятилетний период. Если измерять результаты только уровнем академических публикаций, у нас не было причин для недовольства. Статьи печатались в авторитетных журналах, сборник наших работ вышел в знаменитой «зеленой серии»** престижного издательства «Норт-Холланд»[147]. И все-таки не могу не сказать, что ждал большего отклика на разработанное нами научное направление***.

---

* Известен еще один механизм вегетативного регулирования, в нем наблюдаемая переменная может перемещаться только в рамках установленных между верхней и нижней границами — границами толерантности системы.

Тогда еще начинающий (а впоследствии — пользующийся большим авторитетом в профессиональных кругах) польско-французский экономист Ирена Гросфельд разработала математические модели механизма, оперирующего границами толерантности. Данный механизм реализуется не только в узкой экономической сфере, но и в политике, и в регулировании общественного поведения.

** Речь идет о серии «Вопросы экономического анализа» («Contributions to Economic Analysis»). Наш сборник составил 133 том серии.

*** Об ожиданиях и оценке реализации я могу говорить здесь только от своего имени. Не знаю, разделяют ли мое мнение остальные члены группы.

Подозреваю, что причин было несколько. Во-первых, многие экономисты, специализирующиеся на сопоставлении общественно-политических и экономических систем, интересовались скорее теми исследованиями, где присутствовала политико-идеологическая составляющая или хотя бы подобный уклон. Рынок против централизованного планирования, цены против распоряжений, централизация против децентрализации — такие темы вызывали настоящий интерес, на чьей бы стороне ни стоял исследователь. Явление же, наблюдаемое во всех системах, не так волновало советологов, специалистов по экономике Восточной Европы и Китая*. Особенно это относится к тем исследователям, которые выступали против коммунистической системы (будучи внутри нее или за пределами соцлагеря). Они хотели видеть модели (и я в других своих работах создавал такие модели), способные продемонстрировать недостатки социалистической системы. Их куда меньше интересовало, почему социалистическая экономика, несмотря на свои дисфункциональные черты, способна продолжать своё существование.

Рассмотрим другую группу экономистов — чистых теоретиков. Я легко могу понять, что, скажем, в Институте экономики за нашим исследованием с болезненным вниманием следили противники применения математических методов. Но почему же не было реакции среди венгерских и зарубежных экономистов, которые и сами верили в формальный теоретический анализ? Вряд ли у них не было возможности ознакомиться с нашими работами, ведь журнал «Эконометрика» и «зеленые книжки» издательства «Норт-Холланд» были для них регулярным чтением. Признанию некоторых моих трудов на Западе мешало отсутствие математических описаний, но здесь об этом речи быть не могло, ведь наши идеи были поданы на языке математических моделей с современным, могу даже сказать, с элегантным формализмом.

Думаю, главное объяснение кроется в *теоретическом аппарате*. В наших исследованиях отсутствовали «оптимальные критерии». Мы не обсуждали, существуют ли функции полезности для субъектов экономики, есть ли у них цели, к которым они стремятся. В нашей модели поведение субъектов экономической системы имело более простой, элементарный характер (что делало модель слишком общей, с различных точек зрения). Тот, кто принимает решения, получает некий импульс и реагирует на него по определенным правилам. С этой простой формулой (импульс–реакция) согласуется используемый математический аппарат: разностные и дифференциальные уравнения**. Мы не вели поиск оптимальных решений, но хотели узнать, существуют ли у системы устойчивые динамические линии при данном механизме регулирования, и

---

* Допускаю, что в этой области много экономистов, которых изначально пугает использование математического аппарата в исследованиях. Должен пояснить, что те из экономистов, кто с удовольствием читают работы, написанные формальным языком математических моделей, равнодушно отнеслись к нашему *специальному* математическому подходу.

** Системы разностных и дифференциальных уравнений применялись в экономике и раньше, но, в основном, для создания макроэкономических моделей. В нашем исследовании мы, с помощью данного аппарата, моделировали микроэкономические процессы.

если существуют, то каковы их отличительные характеристики. Таким образом, наши модели должны были описать простые законы движения для экономической системы или подсистемы. На самом деле модели демонстрируют аналогии с естественнонаучным подходом.

Идея невозможности существования модели без оптимизации глубоко укоренилась в сознании ученых, работающих в рамках основного направления в экономике, и в особенности теоретиков, применяющих математические методы. Толковая микроэкономика требует определить функцию полезности для руководителей. Необходимо доказать, что некое макрорегулирование хорошо совмещается с микрообоснованием, т.е. с неоклассическими условиями, которое относится к рациональному руководителю, доводящему полезность до максимума. За последние годы данное требование не только не сошло на нет, но стало более агрессивным. Прошли расслабленные времена, когда, под влиянием Кейнса, исходя из одних только эмпирических наблюдений, можно было говорить о том, что импульс (например, рост процентной ставки) вызывает какую-то реакцию. Исследователь обязан показать, совместимо ли данное регулирование с положениями неоклассической теории о поведении на микроуровне! Предложенный нами набор моделей нарушал эту строгую дисциплину и выбивался из мира ортодоксальной теории принятия решений.

Ситуация неприятная, но не безнадежная. Я не одинок в своем убеждении, что монополия одной узкой теории ограниченного радиуса действия рано или поздно начнет тормозить процесс познания и понимания. Доктринерский микроуровень может служить исходной точкой для объяснения различных вещей. Однако при описании многих явлений в экономике и обществе подобный подход оказывается либо чересчур строгим (например, не оставляет места для «вегетативного регулирования»), либо просто вводит в заблуждение (как в случае анализа политической сферы или связей между политикой и экономикой). А раз многие так думают, настанет день, когда наука избавится от этих пут.

«Скрипучий механизм адаптации»

В 1974 г. я подготовил исследование под названием «Скрипучий механизм адаптации» (далее я буду ссылаться на него как на «Скрипучий»)[148], многие идеи которого получили развитие в книге «Дефицит». Название оказалось удачным. Однако в тексте было много неуклюжестей, аргументация была еще не разработана, а концептуальный аппарат готов лишь наполовину. В ходе дискуссии, развернувшейся в институте, кое-кто усмотрел в работе имманентные достоинства, однако досталось и от критиков. Самая яростная критика исходила от моего коллеги Петера Эрдёша.

Я уже несколько раз упоминал это имя. Когда в 1955 г. я впервые попал в институт и оказался с ним в одном кабинете, Эрдёш стал для меня интересным собеседником. Какое-то время я был назначен ему в ассистенты. Позднее мы отдалились друг от друга, особенно когда в 1957 г. Петер одним из первых всту-

пил во вновь созданную коммунистическую партию, а я, наоборот, отказался. При всем этом мы продолжали поддерживать дружеские отношения.

Ум Петера был острее бритвы. Марксистская подкованность сочеталась у него с глубоким знанием западных источников, в первую очередь работ Кейнса. Эрдёш умудрялся совмещать открытость, критический взгляд на реальную политическую и экономическую ситуацию с безусловной приверженностью идеям коммунизма. Его не раз отстраняли, даже исключили на время из партии, но он до самой смерти стоял на стороне коммунистов.

Если работа ему не нравилось, он не просто принимался ее критиковать, но не оставлял камня на камне, используя не только рациональные доводы, но и высокомерно издеваясь над ней. Петеру было у кого научиться подобной манере: у Маркса, у Ленина — но в этом он, пожалуй, переплюнул своих учителей. С проявлениями интеллектуального садизма я встречался не только у марксистов, но и в других кругах. Некоторым людям доставляет явное удовольствие размазывать по стенке труд коллеги, унижать автора интеллектуально. Я с содроганием наблюдал, как Эрдёш нападает на других, критикуя их работы. Теперь настала очередь «Скрипучего».

Я выжил. И мог бы даже благодарить за критику. Надо было не отсылать сырой текст издателю, а опубликовать потом куда более зрелый «Дефицит». Однако унижать его, для того чтобы ученый потом основательно пересмотрел свою работу, вовсе не обязательно*. Критик может высказать справедливые замечания так, чтобы наряду с анализом ошибок выделить достижения и достоинства исследования, а главное, перспективу (если она есть), и призвать исследователя к дальнейшим размышлениям и поиску новых формулировок.

После такой жестокой критики ученому надо, стиснув зубы, заставить себя продолжить работу, иначе можно потерять к ней всякий интерес. Хорошо, что у меня хватило решимости и веры в правильность выбранного направления.

Параллельно с работой над «Скрипучим» я руководил еще одним исследованием — смелой попыткой построить гигантскую макросимуляционную модель на основе венгерских данных. Проект застопорился и остался незавершенным. Мне жаль огромных усилий, вложенных в эту работу, но еще больше жаль энергии, которую потратили на проект мои молодые ассистенты, в первую очередь Янош Гач и Мария Лацко.

Если говорить о моей собственной «модели поведения» в качестве исследователя, типичным ее примером можно считать период с 1971 по 1976 г. Многим

---

* Возникает вопрос, почему я просто не отмахнулся от этой истории или не посмеялся над собой. Поступи я так, читатель был бы ввергнут в заблуждение. Не так давно я прочел поучительную книгу Доуве Драайсма о природе памяти. Показательно, что человеческая память с исключительной точностью хранит воспоминания об унижении — более детально, нежели воспоминания о минутах радости и успеха. «Похоже, — пишет Драайсма (2003, с. 169), — обиды выделяются из общей массы воспоминаний, или, скорее, не сжимаются вместе с остальными воспоминаниями. Они сохраняют не только изначальную силу, но и цвет, вкус, остроту. Они и в старости не теряют своей яркости, которую нам хотелось бы оставить для других воспоминаний».

западным ученым было легче анализировать отдельные проблемы капиталистической экономики, имея готовую мыслительную конструкцию, в которую можно было вкладывать свои кирпичики. Готовой конструкции для объяснения социалистической экономики просто не существовало. Тем, кто жаждал обрести истинное понимание ситуации, приходилось бродить по нехоженым тропинкам и неизбежно оказываться в тупике, откуда надо было поворачивать обратно и продолжать поиски нового пути.

О себе могу сказать, что вел эти поиски без особых разочарований. Я одновременно начинал несколько параллельных проектов, каждый из которых мог заполнить все рабочее время. При таком подходе проблема возникает из-за *широты* научного фронта. У меня нет причин стыдиться количества или качества произведенного мною научного продукта. Однако, если оглянуться назад, соотношение затрат и результатов пугает. У меня много публикаций, но много и незаконченных исследований, которые рассыпались, так и не созрев для публикации. Было много проектов с привлечением большого количества сотрудников, но они прекратились. Часть результатов этих параллельных исследований, в итоге, вошла в «Дефицит», но часть была утеряна безвозвратно. Так бывает, когда скульптор начинает работу над слишком большой глыбой мрамора: пока скульптура не будет готова, он потеряет массу времени и ценного материала.

Проблема эта стала очевидной для меня давно. Измениться я, похоже, уже не смогу. И до сих пор ловлю себя на том, что трачу силы впустую.

Строим новое жилье

Все то время, пока я с энтузиазмом занимался наукой, приходилось отдавать много сил и другому занятию: постройке нового жилья. В 1974 г. завершилось строительство нового кооператива, где, кроме нас, должны были получить квартиры еще четыре семьи. С точки зрения правовой и организационной подобная форма проведения тогда называлась «строительство своими силами». Это означало, что на стройке не было единого подрядчика. Будущие хозяева дома сами нанимали всех работников: малых предпринимателей с официальным разрешением или «шабашников», относившихся к сфере теневой экономики. Нам самим приходилось доставать значительную часть материалов и инструментов.

По мере развертывания работ мы с женой стали невольными управляющими стройкой. Мы столкнулись с невозможностью достать необходимые материалы: если надо было раздобыть клинкерный кирпич или кафель для ванных комнат, приходилось вести долгие поиски и неизбежно понижать нами же установленные стандарты качества*. Мы прошли все круги ада, уготованные покупателю в экономике дефицита — впоследствии я упорядочил этот опыт

* Чтобы достать ванну, пришлось подключить связи моей тещи, еще жившей тогда в Сольноке. Ей удалось добыть ванну, правда, второго сорта и с изъяном, которую нам потом пришлось тащить за 100 километров в Будапешт.

в «Дефиците». Помимо дефицита товаров мы на себе испытали последствия дефицита рабочей силы, когда то здесь то там квалифицированный рабочий вдруг исчезал и из-за него останавливалась вся стройка. Нам пришлось узнать, как дефицит ведет к коррупции. Мы выучили, на каком заводе сколько надо дать на лапу кладовщику, чтобы получить недостающие материалы, и какую марку коньяка предпочитает ответственный работник в райсовете, выдающий разрешения*.

В те годы я уже часто ездил за границу и каждый раз брал с собой список покупок. Составляя список, мы думали не о том, какие товары за рубежом дешевле или какие вещи можно купить только в одном конкретном месте, а о тех товарах, которые дома было не достать, но можно было приобрести в условиях нормально функционирующей рыночной экономики.

Воплощением разницы в отношениях продавец—покупатель в соцстранах и на Западе для меня стала одна московская история. В западной части мира перед аэропортом в очередь стоят такси. Пассажиры один за другим садятся в такси и говорят, куда им ехать. В Москве же такси подъезжает, к нему бросаются пассажиры и спрашивают, куда едет водитель. Кому подходит направление, тот и садится. Кто должен выбирать цель поездки: пассажир или водитель?

Подобный опыт был у всех. С кем бы я ни говорил: от ученого до уборщицы, от директора предприятия до шофера — все переживали истории, неприятности и злоключения, связанные с экономикой дефицита. Истории эти оседали в моей памяти и всплыли тогда, когда я принялся за книгу о дефиците.

Рыночная реформа глазами калькуттских маоистов

В 1975 г. по инициативе индийских коллег мы с женой отправились на два месяца в Индию с лекциями и в научную командировку. Впечатлениям от этой поездки я мог бы посвятить целую главу, но остановлюсь только на одном эпизоде.

Еще до приезда в Индию я, по данным статистики, представлял, на каком этапе экономического развития находится эта огромная страна с богатейшими культурными традициями. Я был знаком с первоклассными индийскими экономистами: с Сукхамоем Чакраварти, впоследствии председателем Госплана, я встретился во время первой поездки в Англию в 1963 г., а с Тирукодикавалом Шринивасаном (или с ТиЭн, как звали его друзья) подружился в 1968 г. в Стэнфорде. Они многое объяснили мне заранее, до начала путешествия по стране, но одно дело слова или буквы на бумаге — и совсем другое то, что человек видит своими глазами. Меня потрясло зрелище целых семей, живущих в палатках по обочинам улиц Калькутты. Я видел, как женщины моют кастрюли в грязных канавах, видел, как на улице валяются полумертвые люди.

---

* Янош Кенеди написал книгу в форме дневника, описывая аналогичный опыт «самостроя». В качестве эпиграфа он остроумно выбрал старый лозунг Матяша Ракоши: «Страна — твоя, для себя и строишь». Она вышла в серии «Книги венгерских тетрадей» («Magyar Füzetek Könyvei»), издаваемой группой венгерских эмигрантов в Париже.

Специалисты считают Калькутту (которая теперь официально называется Колката) самым многонаселенным городом в Индии с самой высокой концентрацией нищеты.

Индийская компартия распалась тогда на две части. Промосковское крыло симпатизировало Советскому Союзу, с его хоть и медленными, но все-таки реформами, а радикальное, революционное крыло было на стороне Пекина и Мао. В последнем были группы, которые не брезговали и террористическими методами. Калькутта была духовным центром маоистов.

Я прочел курс лекций, но особенно запомнилась дискуссия после одной из них*. Я говорил о венгерских реформах 1968 г. и о дилеммах, вызванных изменениями. Отдельные ораторы резко, даже с возмущением, отрицали любые идеи, способные сдвинуть социализм в сторону рыночной экономики. Пусть лучше будут талоны, пайки, дефицит, зато каждый будет обеспечен в равной мере! Мы против анархии рынка! Они отстаивали отнюдь не организационные преимущества плановой экономики, эти люди были готовы согласиться, что она далеко не совершенна. Их не интересовало, какая макроэкономическая политика и микроэкономические стимулы повышают производство и предложение. Умы и чувства занимала, на самом деле, одна проблема — справедливое распределение. Я мог понять того, кто так рассуждает в окружении калькуттской нищеты, — будь это даже университетский профессор. Понять мог, но согласиться — нет. Я всегда верил, что из нищеты по-настоящему может вывести не распределение, но реформа производства. Карточная система равного распределения нищеты может ненадолго утолить чувство справедливости, но решить проблему не в состоянии.

Спор продолжился и после лекции, в более узком кругу, дома у одного из профессоров. Индия была тогда единственной из развивающихся стран, где действовала парламентская демократия. У правительства была легальная оппозиция, правящую партию можно было заменить в ходе выборов, пресса могла критиковать власть имущих, суд не зависел ни от партии, ни от правительства. Но радикальные противники капитализма говорили об этом с пренебрежением. Чего стоят пустые демократические порядки, когда миллионы голодают? Пусть лучше будет диктатура, но справедливое распределение, способное победить голод, чем пустая буржуазная демократия, влекущая за собой голод и нищету.

Годы спустя стало известно, что и в Китае при Мао миллионы умирали от голода. Социалистическая собственность и плановая экономика не могли предотвратить страшный мор. Диктатура была способна лишь утаить эти ужасающие события от китайской и мировой общественности, тем самым воспрепятствовать любым попыткам оказания помощи.

Во время путешествия по Индии я еще ничего не знал об ужасных последствиях «большого скачка», хотя его провал мог бы стать важным аргументом в нашей полемике. Мы спорили, но убедить друг друга нам не удалось.

---

* Я тогда сделал предварительную попытку выстроить ход рассуждений, который затем сформулировал в статье «Эффективность и социалистическая мораль».

13

КАРТИНА СКЛАДЫВАЕТСЯ — 1976–1980

«Дефицит»

Ранней осенью 1976 г. мы с женой приехали в Стокгольм по приглашению профессора Ассара Линдбека для работы в качестве приглашенного исследователя в Международном научно-исследовательском институте экономики. Поначалу жизнь наша в Швеции складывалась не слишком удачно. Нам долго не удавалось найти подходящую квартиру, а в гостинице мы чувствовали себя неуютно. Потом я забыл в метро толстенные папки со всеми выписками из научной литературы, которые я делал в течение нескольких лет. Да и погода в эту пору бывает в Скандинавии довольно мрачной. Как-то дождливым, ветреным утром по дороге в университет меня прорвало: не могу больше в Стокгольме, вернемся лучше домой.

И хорошо, что мы не уехали!* Бригитта Элиасон, секретарь института, отзывчивая и дружелюбная женщина, в результате неустанных поисков нашла нам симпатичную квартиру. Мои записи нашлись, я получил их назад в полном порядке. Условия работы в Стокгольме сложились просто идеальные — по моим ощущениям, именно здесь начался самый продуктивный период в моей карьере, период написания книги «Дефицит».

Источники вдохновения

В научных кругах ведутся бурные споры о том, как надо финансировать исследования. Там, где распределение финансов находится в руках государства или межгосударственного аппарата, бюрократия обычно требует от исследователя, претендующего на деньги, предоставить план «проекта»; он обязан точно сказать заранее, чего хочет достичь, назначить сроки и представить в эти сроки готовый «продукт». Подобной процедуры придерживается все большее количество общественных и частных фондов.

---

* Если бы мы тогда уехали, наша дочь не вышла бы в Швеции замуж, и наши шведско-венгерские внучки, Жофи и Анна, не появились бы на свет. Нам повезло, что мы тогда не поддались первым неприятным впечатлениям.

Если бы кто-то захотел втиснуть в это прокрустово ложе мои стокгольмские исследования, я бы, наверняка, потерпел неудачу. До приезда в Швецию я не смог бы четко сформулировать тему своего проекта. В голове вертелась некая общая идея: «Пересмотр "Антиравновесия"». Прошло несколько спокойных недель, дела наши в Стокгольме, наконец, устроились, и тема начала обретать более ясные очертания. По счастью, те, кто меня пригласил, смотрели на вещи куда шире, нежели те бюрократы, о которых я говорил выше. Мне дали свободу делать то, что я захочу, не привязывая ни к какому «проекту».

Работал я очень много — в основном, дома, а в институт, куда меня пригласили, наведывался нерегулярно, только чтобы решить какую-нибудь проблему или послушать интересного лектора. Изначально меня пригласили на 12 месяцев, но по истечении срока я не был готов и попросил продлить его еще на три месяца, которые мне дали без колебаний.

Работу, которую я выполнял дома, ни с кем не общаясь, удачно дополняла живая и полноценная интеллектуальная атмосфера*. Я мог общаться со знающими коллегами. По собственной инициативе прочел курс лекций по социалистической экономике. Старшекурсники и преподаватели стали «подопытными кроликами», первыми слушателями, на которых я проверял, какие реакции могут вызвать мои рассуждения. После каждой лекции меня окружали толпы людей и с готовностью делились своими замечаниями и предложениями.

Впоследствии некоторые читатели, узнав из предисловия к «Дефициту», что книга была написана в Швеции, интересовались, не мешало ли мне при описании экономики дефицита и социалистической системы отсутствие восточноевропейского контекста, опыта повседневной личной жизни. Отнюдь! До приезда в Стокгольм я накопил достаточно впечатлений, а для написания книги мне был прежде всего необходим покой, удаленность от тяжелых конфликтов, постоянной борьбы по мелочам, метаний и потрясений жизни на родине.

В главе 12 я привел ряд предпосылок — впечатления от прочитанных книг, споры, личные переживания — послуживших подготовкой к написанию книги. Интерес к экономике дефицита возник у меня очень давно, она занимала мои мысли еще со времен написания кандидатской диссертации, где я посвятил этой проблеме целую главу. В течение двадцати лет я снова и снова возвращался к данному вопросу с различных позиций. Однако результатом многолетней работы были до сих пор лишь обрывки мыслей, накапливавшихся

* В предыдущей главе я уже упоминал, как наблюдения за общественной жизнью в Америке стали для меня школой демократии. Процесс продолжился и в Швеции. Никогда не забуду, как премьер-министр Улоф Пальме выступал по телевидению, когда социал-демократическая партия после 44 лет правления впервые проиграла выборы. Для него это было, безусловно, тяжелейшее потрясение, но держался он безупречно. Пальме с улыбкой признал поражение и самым естественным образом заявил, что передает бразды правления победителям. Тогда я понял: легче всего определить демократию по тому, можно ли сменить правительство цивилизованным путем и готово ли оно передать власть.

у меня в голове. И вот, во время спокойной жизни в Швеции, кусочки мозаики сложились в целостную картину.

Принявшись за написание книги, я начал работать с бешеной скоростью, зачастую на главу уходила всего неделя*. Многое уже заранее сложилось в голове, оставалось только записать. И, как уже бывало со мной раньше, по мере работы над текстом прояснились многие вопросы и связи между ними.

До моей книги проблема дефицита в социалистической экономике затрагивалась в трудах многих экономистов. Данной теме часто посвящали пару абзацев в статье, а в отдельных книгах — и целые главы. Тем не менее «Дефицит» стал первой монографией, посвященной исключительно этой проблеме. Пока я писал ее, все время искал работы, на которые можно было бы сослаться как на источники. Если находил немногочисленных теоретических предшественников, включал ссылки на них в свой текст, как принято. Точно так же я с благодарностью перечислил в книге тех, кто помогал мне советами или сотрудничал со мной в ходе подготовительных исследований**. Таким образом, я не утверждаю, будто все идеи, высказанные в книге, впервые пришли в голову именно мне или я первым их записал. Могу, однако, заявить, что вдохновили меня на написание этой книги вовсе не соображения по данной теме других авторов. Не выделю ни одной работы, для которой «Дефицит» стал бы продолжением. Были, конечно, книги, косвенным образом подтолкнувшие меня к написанию «Дефицита», — работы Маркса, Кейнеса и Хиршмана например***. В предыдущих главах я уже говорил об этих влияниях. Но у всех перечисленных авторов речь не шла о хроническом дефиците, возникающем при социализме.

Я испытывал влияние всего корпуса теоретических знаний, почерпнутых мною с 1955 г. из литературы, эмпирических исследований в Венгрии, личных дискуссий, лекций, дебатов на конференциях, длительных заграничных командировок. «Сверхцентрализацию» писал наивный исследователь, наблюдающий за действительностью широко открытыми глазами. «Дефицит» — работа профессионального экономиста, хорошо подготовленного члена экономического сообщества, который уже лучше ориентируется в обществе, экономике и политике, опираясь на литературу и на собственный опыт.

---

* По мере готовности каждой главы Жужа тут же ее прочитывала и комментировала. Эта традиция сложилась у нас еще в прежние годы, но за время написаний «Дефицита» подобный ритуал настолько вошел в привычку, что я и представить себе не мог, как без него работать. За каждую главу я получал от жены коробку вкуснейших шведских конфет. (Тогда я еще не следил за уровнем холестерина.) Не исключаю, что и шоколад тоже повлиял на скорость работы.

** Книга содержит два математико-экономических приложения. Соавторами в их написании стали Юрген Вейбулл и Андраш Шимонович.

*** Особенным источником вдохновения стал для меня «Капитал». Маркс рассматривал безработицу не как случайную погрешность рыночной адаптации или следствие неправильной экономической политики, но как *характерную черту* капиталистической системы. Маркс был одним из первых, кто попытался распознать и объяснить глубоко специфичные дисфункциональные характеристики для конкретных политико-общественно-экономических систем. В этом смысле Маркс был и остается для меня примером. Мое уважение никак не противоречит моему же радикальному отходу от мировоззрения и политических программ марксизма.

Здесь я ненадолго вернусь к тому, о чем уже писал в самом начале главы: я взял с собой в Стокгольм многокилограммовые выписки, сделанные из прочитанных работ. Признаюсь, что на самом деле я почти не заглядывал в них в процессе работы. Так было и с другими книгами. Идеи, вычитанные мною из литературы, очевидно, хранятся где-то памяти и в нужный момент выскакивают сами собой. Поиск источников или записей по ним только мешал бы мне во время работы. Я бы тогда слишком их придерживался, вместо того чтобы думать своей головой. Обычно мне достаточно обратиться к источникам для уточнения ссылок, когда первый вариант рукописи уже готов.

Идея книги

Написание «Дефицита» преследовало две цели. С одной стороны, я хотел показать, как функционирует социалистическая система в целом. С другой — стремился представить проявления, причины и последствия экономики хронического дефицита с методической точки зрения. Лучше даже отбросить все эти «с одной стороны», «с другой стороны» и сказать, что, описывая экономику дефицита, я хотел дать более широкую и глубокую ее картину, нежели просто причины и следствия данного явления. Экономика дефицита является той *частью*, с помощью которой можно показать *целое*. Поскольку все граждане соцстран сталкивались с дефицитом каждый день, они должны были почувствовать: речь теперь идет о них, об их жизнях. Само название «Дефицит» было провокацией, призванной проникнуть в суть вопроса. Я ставил себе задачу обобщить повседневный опыт и поднять его до уровня общей теории.

Последнего, наверное, легче было бы достичь, начни я описание явления со сферы потребления, ведь в роли потребителя выступают постоянно все, без исключения. Однако с точки зрения логики изложения это было бы неправильно, ведь корни проблемы уходят в производство. Именно поэтому я начал книгу с функционирования предприятий, где определяются затраты на производство. (У меня были свежие впечатления, как у невольного добытчика материалов для строительства кооператива.)

Случаи дефицита проявляются в любой экономике. Пассажир не может вовремя улететь, потому что у него из-под носа увели последний билет на данный рейс. Хочешь посмотреть новый, разрекламированный фильм — стой в очереди перед кинотеатром. В подобных явлениях нет ничего особенно серьезного, они случайны и длятся недолго. Об *экономике дефицита* мы можем говорить в том случае, когда дефицит ощущается во *всех* (или практически во всех) секторах экономики: на производстве, в быту, в сфере товаров и услуг, в распределении рабочей силы, в области текущих расходов и инвестиций. Дефицит — явление не переходное, но *хроническое*. Предложение существенно отстает от спроса, и разрыв зачастую очень велик — другими словами, дефицит растет *интенсивно*.

Коротко говоря, для экономики дефицита характерен хронический и интенсивный дефицит, охватывающий всю экономику. Рынок в такой экономике не испытывает временных колебаний вокруг равновесного состояния спроса и предложения. Он последовательно отходит от того, что в одной из предыдущих глав я назвал «вальрасовым равновесием». Хронический дефицит — не исключительный случай, а *нормальное состояние* системы.

Дефицит (и я не стану все время называть его «обширным, хроническим и интенсивным») влечет за собой тяжелые последствия.

При дефиците покупатель зачастую вынужден приобретать не то, что собирался купить изначально. Вынужденная замена уничтожает радость потребления. Обретение дефицитного товара связано с утомительными поисками, долгим стоянием в очередях. Валовой объём потребления обещает потребителю в условиях экономики дефицита меньший рост благосостояния, нежели при хорошо обеспеченной рыночной экономике.

Недостаточные, неравномерные поставки материалов, полуфабрикатов, запасных частей наряду с острой нехваткой рабочей силы приводят к задержкам на производстве и снижают производительность труда*.

Производитель в условиях экономики дефицита может без проблем продать свой товар изголодавшемуся покупателю. Производители не борются за покупателя. Таким образом, дефицит уничтожает один из важнейших стимулов технического развития, что и является одной из основных причин технической стагнации при социализме.

Выше я перечислил прямые экономические убытки, причиняемые дефицитом. Не менее важно влияние, которое он оказывает на общее состояние людей**. Верховенство производителей и продавцов ведет к деградации человеческих отношений. Покупатель отдан на милость производителя, точнее, продавца, и часто попадает в унизительное положение. Распределение многих продуктов и услуг нельзя обеспечить иначе, кроме как путем административных распоряжений. Бюрократия, таким образом, получает в распоряжение важный инструмент для усиления ее власти над людьми.

Из последнего утверждения можно заключить, будто власти намеренно создают дефицит. Это не так. Продавец действительно извлекает выго-

---

* Расширение ассортимента товаров, быстрый рост производительности труда и развитие технологий после смены режима стали результатом совокупности нескольких факторов. Многие исследования на основании подробного статистического анализа подтверждают: *самым существенным фактором* стало соревнование производителей за покупателя. Читая работы Карлина и его соавторов, изданные в 2001 г., или труды Дьянкова и Марелла от 2002 г., я отметил, что результаты постсоциалистических преобразований на производстве подтверждают одно из главных положений моего «Дефицита».

** Иностранные студенты (да и современная венгерская молодежь) понятия не имеют, какие муки может причинять дефицит. Объясняя на лекциях, что такое дефицит жилья, я всегда приводил в пример случай с молодой парой: супруги оформили законный развод, но были вынуждены остаться жить в общей квартире. Дефицит жилья вынудил бывшую и новую жену делить одну и ту же кухню и ванную комнату. Каждый раз, когда я доходил в рассказе до этого места, студенты всегда начинали хохотать. Эта жуткая, унизительная ситуация казалась им забавной.

ду из дефицита, ведь покупатель не может ни выбрать товар, ни вернуть его обратно. Однако продавец и сам является покупателем, потребителем разнообразных товаров и услуг, и в этой роли он сам оказывается слабым и зависимым. Многочисленные представители бюрократии (только если они не принадлежат к ее высшему эшелону) и сами страдают от дефицита. На самом деле дефицита не хочет никто, а он все равно возникает. Если бы все зависело от воли нескольких людей, их, наверное, можно было бы принудить к прекращению дефицита и изменению соотношения сил на рынке. Но дефицит вызывает к жизни не воля ограниченного круга людей, но *сама система*. Хотят этого участники процесса или нет — хронический дефицит возникает и постоянно воспроизводится.

Ни один фактор не в состоянии дать удовлетворительное объяснение тому, как возникает и воспроизводится дефицит. Для полноценного объяснения необходимо понять сложный причинно-следственный механизм. Важным звеном этой причинно-следственной цепи становится то, что я в своей книге назвал «мягким бюджетным ограничением». Данная концепция и объясняющая ее теория вызвали бурные отклики: концепция вышла за рамки «Дефицита» и начала жить собственной жизнью. Концепции «мягких бюджетных ограничений» будет посвящена отдельная глава.

Последним звеном в цепи причин и следствий является система институтов социалистической экономики. Процитирую последние страницы из «Заключения» к «Дефициту»: «...определенные общественные отношения, институциональные условия порождают определенные формы поведения, экономические нормы и ограничения. Их невозможно отменить решением государства. Инвестиционная напряженность, хронический дефицит рабочей силы, тенденция к взвинчиванию цен не прописаны в постановлениях правительства или государственном плане — и никакое постановление правительства или государственный план не в силах их прекратить, до тех пор пока существуют условия, постоянно воспроизводящие подобные явления»[149]. Экономика дефицита — неотъемлемый, системный атрибут социалистической системы. Реформы могут смягчить эти проблемы, но ликвидировать их не в состоянии.

Вот в чем заключалась идея моей книги «Дефицит».

Самоцензура

Книга открывала ряд важных истин. Каждое слово я наносил на бумагу с сознанием, что пишу правду, только правду и ничего, кроме правды. Но я также знал, что *всей* правды она содержать не может.

Мы жили в одном из пригородов Стокгольма, на острове Лидинг, у залива. Ярким воспоминанием остались долгие прогулки по прибрежным лесам, в продолжение которых мы с женой снова и снова обсуждали, что оставить в книге, а что из нее убрать.

Мы исходили из того, что книга адресована, в первую очередь, венгерским читателям, а мы после Швеции опять вернемся в Венгрию*. До каких пределов можно было дойти в рукописи, которую я намеревался впервые опубликовать на родине, да еще в виде книги, которая будет печататься и распространяться законным путем? С самого начала я думал, какая судьба ждет книгу в других соцстранах. Можно ли будет ее издавать? А если нет, сочтут ли ее «происками врага», будут ли преследовать ее читателей?

Еще до отъезда в Швецию я посмотрел знаменитый фильм Андраша Ковача «Стены», в котором противники бьются на саблях в темной комнате, стараясь не попасть по стенам — но они не знают, где расположены стены, и потому вынуждены передвигаться только по центру комнаты**. Зрители отлично понимали, на что намекает режиссер.

Я точно знал не только о существовании стен, но и о том, *где* они. Хотя в Венгрии пространство для передвижений было намного шире, чем в Румынии или Албании, но для легальных публикаций политические ограничения были и у нас.

Я также учитывал тот факт, что к концу 1970-х годов я сумел заработать международную репутацию, которая гарантировала мне некоторую защиту и, следовательно, несколько расширяла ограничительные рамки для моих высказываний. К тому же я стремился не просто достичь своих пределов, но и преодолеть их. С помощью именно этой книги я надеялся раздвинуть пространство, ограниченное идеологическими стенами, и ослабить давление как для себя, так и для тех, кто мог последовать моему примеру.

Но даже с учетом некоего запаса должен признать: да, у меня было пространство для маневров, но изложить *все* свои мысли по теме в книге, предназначенной для легальной публикации, я не мог.

Я стремился избежать трех моментов. Во-первых, не хотел говорить о Советском Союзе, об отношениях стран соцлагеря и СССР и об их торговых и экономических связях. Во-вторых, не хотел развивать мысль о роли коммунистической партии в социалистической экономике. В-третьих, не хотел предсказывать, как могло бы измениться положение, если бы государственная собственность уступила частной.

---

* Мы с женой обсуждали эти вопросы до мельчайших деталей и, в конечном итоге, всегда приходили к общему мнению. И все же я как автор нес большую *личную ответственность* за содержание книги и поэтому в дальнейшем считаю уместным приводить аргументы в защиту своей позиции от первого лица и в единственном числе.

** Приведу цитату из сценария (Kovács, 1968, 37 p.). Указания режиссера даны курсивом. Главный герой фильма, Бенке, комментирует происходящее:

«Фехтующие начинают искать друг друга.

Бенке: Видите, как они боятся стен? А ведь стены далеко.

Противники продолжают игру, избегая друг друга, но передвигаются только по центру помещения.

Бенке: Помещение, на самом деле, куда больше, но они не используют пространство и потому кажутся более неуклюжими, чем на самом деле».

Все это были отнюдь не второстепенные вопросы. Они играли ключевую роль в понимании социалистической системы. Я не хотел ограничиваться полуправдой, но позволить себе солгать тоже не мог. И счел лучшим вообще *умолчать* о них.

Я надеялся обратить внимание проницательных читателей на спорные проблемы опосредованно. Во «Введении» я подчеркнуто перечислил те вопросы, которые в книге *не* затрагивались, в том числе и роль партии, указав, что речь пойдет исключительно о государственных предприятиях, а «вторая экономика», «неофициальный сектор» останется за пределами анализа.

Для меня было важнее, чтобы читателя заинтересовали не только намеки, но само повествование, чтобы он принял логику моего повествования — тогда он сможет *рассуждать дальше*, полагаясь на силу собственного интеллекта. Книгу завершает глава 22. Решение закончить книгу именно здесь — плод долгих и непростых размышлений, в ходе которых меня не покидала надежда на то, что ненаписанная глава 23 сама собой сложится у читателей в голове. В книге не говорится, что причиной постоянного, интенсивного и хронического дефицита является коммунистический режим, и поэтому условием окончательной ликвидации дефицита будет смена режима. В ней не идет речь о том, что основополагающие элементы системы недоступны для реформирования. И тем не менее, большинство читателей однозначно увидели это в книге*.

Я привел здесь лишь фактическое описание механизма самоцензуры. В конце главы я еще вернусь к политическим и морально-этическим дилеммам, связанным с «Дефицитом».

Отзывы редакторов и рецензентов

Жители Запада, не знакомые с законами коммунистической системы, часто верят в существование цензуры как специального института. Органы цензуры действительно работали в отдельных странах в период становления социалистического режима. Консолидированный режим в них уже не нуждался. Функции цензоров передавались тем, кто лично отвечал за напечатанное (или произнесенное на радио или телевидении) слово; это мог быть главный редактор журнала или газеты, директор издательства, руководитель радиостанции или телеканала. Данные функции руководитель мог делегировать своим подчиненным, но его самого это от ответственности не избавляло. Он или она были обязаны отчитываться перед вышестоящими инстанциями. (Директор государственного издательства, например, находился в подчинении Главного управления по печати при Министерстве образования и культуры.) Но в ко-

* Не так давно один физик, интересующийся политикой и экономикой, прочитавший книгу после первой публикации, рассказал мне, какое впечатление произвело на него тогда чтение «Дефицита» и как его потрясло предположение о необходимости смены режима. Спустя двадцать пять лет он был совершенно уверен, будто подобное утверждение встречается в книге, до тех пор пока я не показал ему, что ничего такого в ней нет.

нечном итоге, руководитель любого государственного учреждения нес ответственность перед коммунистической партией. Если кому-то из партийцев (на практике это был какой-нибудь партийный руководитель или ответственный функционер ЦК) не нравился текст, у него были рычаги, позволявшие запретить его публикацию или применить санкции после выхода книги.

В более жесткие времена гайки закручивали потуже. Стоило тексту оказаться чуть проблематичнее, например, в нем содержалась слишком острая критика или иные «отклонения», ответственный редактор самолично выполнял роль строгого цензора и отклонял текст. Если же он сомневался, то пересылал рукопись в партийные органы для вынесения заключения. Редактор ни за что бы не взял на себя ответственность за публикацию, ведь если из-за нее разгорался скандал, его могли ждать жесткие карательные меры.

Момент завершения моей книги совпадает с относительно мягкой фазой кадаровского режима. Посмотрим, какие стадии проверки ей пришлось пройти.

Директор издательства не хотел препятствовать публикации рукописи. Главный редактор, Ласло Фебо, принял ее с восторгом и сделал все, чтобы она пошла в печать. На Западе авторы научных трудов привыкли, что издатель — без согласования с авторами — назначает рецензентов и ждет от них объективного мнения. Анонимность охраняет рецензентов от гнева авторов в случае негативного отзыва. В социалистических странах имя рецензента, наоборот, помещали на титульном листе, вынуждая взять на себя профессиональную и, что еще неприятнее, политическую ответственность за книгу. В моем случае (как это происходило нередко), главный редактор выступил в роли сообщника и договорился со мной, кто будет рецензентом. В одной фигуре объединить все необходимые качества было сложно, и мы решили: один рецензент будет признанным научным авторитетом, а второй — обладателем необходимого политического веса.

Согласно нашей договоренности, издатель выбрал на первую роль Андраша Броди, моего коллегу по институту[150]. Его профессиональная подготовка ни у кого не вызывала сомнений, ведь к тому моменту он сделал себе имя не только на родине, но и за рубежом. Когда-то нас связывали тесные дружеские отношения, но со временем дружба поостыла. Я знал, что ряд моих прежних работ ему не слишком нравился. Тем не менее Броди взял на себя политический риск и полностью встал на сторону книги. Он сформулировал свой отзыв со щедростью, достойной истинного ученого, заявив, что в «Дефиците» я дал картину социализма, сравнимую с описанием капитализма у Адама Смита. Я искренне благодарен Андрашу Броди за доверие и поддержку.

Вторым рецензентом издательство пригласило Лайоша Фалувеги, бывшего тогда министром финансов[151]. (Впоследствии он занял еще более высокий пост, став председателем Госплана.) Фалувеги был профессиональным экономистом, а не партийным функционером, но в высших партийных кругах его ценили и доверяли его мнению. Министр принадлежал к убежденным реформаторам. Сейчас, когда я впервые рассказываю историю отзыва Фалувеги,

чувствую себя немножко неудобно. Андреа Деак, мой близкий друг, была доверенным лицом министра. У людей, занимающих высокие посты, случается, что материалы, распространяемые от их имени, речи например, пишут не они сами, а кто-то из команды. Составление отзыва на «Дефицит» шеф поручил Андреа. Все бы ничего, да только текст писала не она, а я. Уж и не помню, кто сделал первый шаг: то ли Андреа попросила, то ли я сам предложил. В любом случае, было ясно, что я лучше знаком с содержанием книги и мне будет легче написать текст. Отзыв я подготовил в умеренном ключе, признавая (но не преувеличивая) достоинства книги и ни словом не упомянув о далеко идущих выводах, которые можно из нее сделать.

Все это происходило в абсолютной тайне. Никто, включая издателя, не знал, кто настоящий автор второй рецензии. Да это было и неважно. В момент передачи текста шефу Андреа взяла на себя ответственность. Если бы возникли проблемы, Фалувеги спросил бы с нее. И, что еще важнее, Фалувеги, который, очевидно, просмотрел книгу, прежде чем подписать отзыв, тоже должен был принять ответственность, на случай, если в высших партийных кругах будут недовольны.

Таким образом, у издателя оказалось два положительных отзыва. Книга прошла венгерскую цензуру. Редакторы и рецензенты (цензоры) не попросили меня вымарать ни одной буквы*. Я точно рассчитал, где находятся стены. Как ни пришлось ограничивать собственные мысли, все сокращения я произвел заранее и самостоятельно.

Первые впечатления

Помню ту радостную минуту, когда в 1980 г. мы с женой первый раз увидели мою книгу в витрине книжного магазина на Университетской площади. Первый тираж разошелся быстро. В еженедельной газете «Элет еш иродалом» («Жизнь и литература») появилась заметка «“Дефицит” в дефиците»[152]. Всего книга выдержала в Венгрии три издания.

Почти одновременно с венгерским изданием вышел и английский перевод. С редактором издательства «Норт-Холланд» — женщиной понимающей и готовой во всем помочь — мы договорились, что «Дефицит» будет опубликован, даже если по какой-то причине в Венгрии книгу не одобрят.

---

* В ходе переговоров по поводу обложки художники издательства с улыбкой предложили нам два варианта. На первой обложке (ее потом и выбрали) были только буквы. На другой был цветной рисунок: голый человек перед зеркалом. А король-то голый! Этот симпатичный набросок до сих пор висит у меня в кабинете. Репродукцию второй обложки читатель найдет среди фотографий, опубликованных в книге.

Жена втайне провела настоящий семинар по «Дефициту» для великолепного графика Яноша Каша, который создал целую серию блестящих рисунков по мотивам книги. Рисунки эти я получил в подарок от Жужи на день рождения. Они и теперь украшают нашу квартиру. Позднее художник продолжил серию, и рисунки послужили иллюстрациями для моих работ, опубликованных в Венгрии и Японии. Один из этих рисунков я также поместил в автобиографии.

Затем последовали издания на французском, польском и китайском языках. В Китае книга вышла тиражом в 100 000 экземпляров и через год после выхода была удостоена звания «бестселлер года» в категории «нон-фикшн». «Дефицит» был напечатан и в Чехословакии, но в продажу книга не поступила, ее распространяли по научно-исследовательским институтам. Русский перевод сначала ходил по рукам в виде самиздата. Только в конце эпохи Горбачёва появилась возможность легально издать «Дефицит», который с успехом разошелся в России тиражом 70 000 экземпляров.

Распространению идей, изложенных в книге, способствовала лекция, прочитанная мною в качестве председателя конференции Международного эконометрического общества в 1978 г., в которой я суммировал основные положения книги. Лекция была напечатала в журнале «Эконометрика»[153].

В ряде ведущих западных экономических журналов вышли рецензии, и практически все дали книге высокую оценку. Что касается стран социалистического лагеря, там реакция зависела от степени жесткости режима. Особенно важным стало для меня то, что и в Советском Союзе нашелся экономист, в лице Р.Г. Карагедова, который взял на себя смелость опубликовать положительный отзыв на «Дефицит»[154]. Сделанный им обзор английского издания облегчил распространение книги в русском самиздате.

За несколько лет количество цитат из «Дефицита» в работах западных и восточных экономистов стало исчисляться сотнями. Книгу начали использовать как учебное пособие. Как было приятно узнать, что в Райк Коллегиуме при Университете экономики из года в год проводятся семинары по «Дефициту», на которых последовательно обсуждаются все главы.

Меня впервые пригласили и в Университет экономики прочесть цикл публичных лекций о «Дефиците» перед широкой аудиторией. (До сих пор я вел только семинары для небольшого числа студентов.) Каждую неделю большой лекционный зал заполнялся студентами и слушателями со стороны*.

Спор со школой «неравновесия»

Я не стараюсь создать впечатление, будто книга моя триумфально шествовала по своему пути. Кто-то состроил кислую мину, кому-то показался неактуальным выбор темы. Многие и в Венгрии, и за рубежом высказывали возражения или открыто критиковали мою работу. В данной главе я хочу привести два примера расхождений во мнениях. (В одной из последующих глав я подробнее остановлюсь на споре вокруг интерпретации «Дефицита» между сторонниками и противниками венгерских реформ в системе управления экономикой.)

---

* На первой лекции признание аудитории было завоевано, когда я объяснил феномен принудительной адаптации, людского унижения и конформизма, приведя строчку из популярной песенки известного певца и композитора Зорана Стефановича: «...пиво-то теплое, а нам и так сойдет...».

В начале 1970-х годов американские экономисты Роберт Дж. Барро и Хершель И. Гроссман разработали новую модель для изучения тех рынков, которые не находятся в состоянии равновесия (по Вальрасу), но испытывают избыток предложения или спроса[155]. Модели были названы «моделями неравновесия». Данный подход обнаруживает очевидное родство с проблемами, поднятыми мной сначала в «Антиравновесии», а затем, уже в более проработанном виде, в «Дефиците».

Теоретическую структуру модели Барро–Гроссмана впоследствии принял и использовал для эконометрических вычислений английский экономист Ричард Портес, чьи усилия в то время были направлены на изучение социалистической экономики. Портес создал школу, где вместе с коллегами и последователями разработал ряд моделей неравновесия для различных социалистических экономик[156].

С Ричардом я познакомился в конце 1950-х годов, когда он аспирантом изучал в Будапеште плановое хозяйство. Мы периодически встречались и чаще всего были единодушны в своей интерпретации экономических проблем. Теперь же между нами разгорелся серьезный спор.

Я возражал против того, что Барро и Гроссман, а за ними и Портес, со своими последователями, описывают потребительский рынок как *макгроагрегат*. Рынок, в том искаженном виде, как его представляют модели данного типа, демонстрирует то избыток спроса, то избыток предложения и может перемещаться туда-сюда между двумя состояниями неравновесия. Разве можно, говоря об экономике Польши, например, где люди страдают от острого дефицита, утверждать, будто она даже на небольшие промежутки времени может оказаться в состоянии *общего* избыточного предложения? Эконометрические вычисления подкрепляют подобные выводы только в том случае, если при построении модели ее авторы исходили из неверных предположений и определений.

В книге я подчеркивал, что дефицит нельзя удовлетворительно охарактеризовать с помощью агрегатных параметров. В социалистической экономике одновременно сосуществуют и дефицит, и излишки. Из-за плохой адаптации они не предотвращают возникновения друг друга: в то время как одних товаров и услуг катастрофически не хватает, нераспроданные товары продолжают накапливаться, а нереализованные мощности растрачиваются впустую.

Дефицит вообще невозможно измерить, используя статистические показатели, на которых Портес и его коллеги основывали свои вычисления. Если реальные покупки совпадают со спросом, тогда анализируемые данные по покупкам и продажам адекватно отражают спрос. Однако если покупателям не удалось реализовать свои намерения, кто знает, каков был реальный изначальный объем неудовлетворенного спроса? Ответ на этот вопрос получить тем сложнее, чем чаще покупатель, реагируя на дефицит, покупает совсем не то, что собирался приобрести изначально. Вынужденная замена частично или полностью вбирает в себя излишки спроса.

Еще одно возражение с моей стороны состояло в том, что модели Портеса сотоварищи описывали исключительно потребительский рынок, изолируя его от рынка инвестиций. Но ведь центральной проблемой как раз и является постоянное напряжение в инвестиционной сфере: те, кто управляет экономикой, и руководители предприятий испытывают неутолимый инвестиционный голод и готовность расширяться, из-за чего на этом рынке спрос всегда превышает ресурсное предложение.

У Портеса и его коллег было, по сравнению со мной, огромное преимущество: они использовали данные из доступной им статистической базы, а затем могли производить математико-статистические вычисления. Это всех впечатляло. Мне оставалось лишь взывать к интуиции, точнее, к здравому смыслу коллег, но противопоставить квантифицированным моделям Портеса аналогичные квантифицированные модели Корнаи я не мог*.

Требовались новые методы для измерения объемов дефицита. Мы начали их разработку. Хорошим примером может служить индикатор, разработанный Аттилой Чиканом, директором Райк Коллегиума, с его помощью были получены количественные определения для венгерских данных. В экономике дефицита запасы предприятия со стороны выпуска сокращаются, ведь покупатели стремятся скупить все, что только возможно. Со стороны потребления запасы, наоборот, разбухают, проявляется тенденция нагромождения. В страхе перед будущим дефицитом предприятие запасается материалами и полуфабрикатами, как хомяк на случай голода. Важным индикатором становится соотношение запасов на входе и на выходе: если этот показатель уменьшается, дефицит растет, если увеличивается, дефицит снижается.

Исследователи начали отслеживать и систематически собирать и другие индикаторы дефицита (например, время стояния в очереди на получение различных товаров и услуг, распределение и частота принудительного замещения). Потребовалось бы пять или десять лет, чтобы на базе собранных данных (а для их получения нужны были длительные наблюдения) построить эконометрическую модель. Только мы принялись за эту работу, как экономика дефицита приказала долго жить! И слава богу, хотя спор наш из-за этого остался неразрешенным. Я, со своей стороны, продолжаю придерживаться собственных логических умозаключений, однако так и не смог (и уже не смогу) противопоставить вычислениям Портеса и его коллег другие, более убедительные данные.

В Венгрии подобные споры зачастую отравляют человеческие отношения между участниками дискуссии. К счастью, между мной и Портесом (теперь уже сэром Ричардом) этого не произошло, и наши отношения остались такими же теплыми и дружескими, как и до начала спора.

---

* Первые результаты выглядели многообещающе. В Венгрии в первую очередь мои коллеги и ученики принялись за эмпирические исследования в духе теории, разработанной в «Дефиците». Некоторые исследователи за рубежом также вели свои изыскания в этом направлении. Среди них хочется отметить статьи Жерара Ролана, опубликованные в 1987 и 1990 г.

Дебаты с ортодоксальным советским экономистом

Второй спор случился у меня в Афинах, в 1981 г., на круглом столе — конференции Международного экономического общества под председательством выдающегося британского экономиста сэра Джона Хикса*. В своем выступлении я кратко изложил идеи только что вышедшей книги и сделал упор на том, что дефицит является специфическим недостатком социалистической плановой экономики. В прениях по докладу с резкими возражениями выступил профессор В.Р. Хачатуров, бывший тогда председателем Экономического общества СССР. Он не отрицал проявлений дефицита. (Проявлений? Да, Венгрия на тот момент уже была страной изобилия по сравнению с Советским Союзом, где наблюдался не только крайний дефицит жилья, но и нехватка одежды и продуктов первой необходимости в магазинах.) По мнению Хачатурова, все эти проявления дефицита были связаны с ошибками в планировании. Надо поднять стандарты планирования — и проблема будет решена.

На том же заседании присутствовал и великий математик-экономист, пионер теории линейного программирования Леонид Канторович, удостоенный в 1975 г. Нобелевской премии. Он был там и смолчал.

В заключительном слове Хикс выразил согласие с моей позицией, но не стал комментировать нашу полемику с Хачатуровым. Точно так же вели себя и другие западные экономисты в ходе встреч между представителями двух лагерей. Хикс не хотел открыто вмешиваться в спор, возникший между двумя экономистами — представителями социалистических стран**.

Резкий тон выступления Хачатурова укрепил меня в изначальной мысли о том, что идея «Дефицита» содержит в себе серьезную политическую составляющую.

«Вклад» в расшатывание системы

Выше я рассказал о том, какой прием получила моя книга с точки зрения публикаций, тиражей, рецензий и цитирования. Однако помимо очевидного эффекта важным было то, какое влияние она оказала на образ мыслей интеллигенции, жившей в условиях социалистической системы.

Спустя много лет после выхода книги я как-то пришел на прием к новому участковому врачу. Он встретил меня радушно, точно старого знакомого. Врач признался, что в 1980-е годы прочел «Дефицит», и — цитирую — может без преувеличения сказать, что книга изменила его взгляд на мир. Он стал смотреть

---

* Я уже упоминал это имя. Сэр Джон Хикс способствовал английскому изданию моей первой книги.

** На той же конференции я познакомился с профессором У Цзиньлянем, который впоследствии стал одним из архитекторов китайской реформы. Он признался, что находит мои доводы убедительными, и выразил надежду, что в Китае тоже смогут ознакомиться с моими идеями и они окажут воздействие на развитие страны. С тех пор мы не раз встречались — Цзиньлянь активно способствовал изданию моих книг в Китае.

на социалистическую экономику другими глазами. Вскоре после этого я поехал в Краков, где почти слово в слово услышал то же самое от одного польского социолога.

Подобные утверждения я встречал не только в личных разговорах, но и в опубликованных текстах. Позволю себе ограничиться мнениями только российских экономистов*. Даниэль Ергин и Йозеф Станислав в книге, опубликованной в 1998 г. и посвященной смене режима, приводят беседу с Егором Гайдаром, премьер-министром правительства, которое руководило масштабными экономическими изменениями. Авторы суммируют мнения Гайдара следующим образом: «Единственный из ныне живущих экономистов, кто может сказать о себе, что повлиял на умы целого поколения, жившего в условиях коммунистического режима, это Корнаи. Он методично разложил по полочкам систему плановой экономики и продемонстрировал ее иррациональность и тенденцию к саморазрушению. Он так же доказал неосуществимость рыночного социализма как одного из вариантов ее развития». В заключение авторы цитируют слова самого Гайдара: «В восьмидесятые он повлиял на нас больше других... Его анализ экономики дефицита в начале 1980-х гг. произвел на всех нас большое впечатление. Он говорил о наших проблемах. Мы знали все его книги»[157].

Дэвид Хоффман, бывший корреспондент газеты «Вашингтон пост» в Москве, несколько лет назад написал книгу «Олигархи: богатство и власть в новой России», в которой приводит воспоминания молодых экономистов из окружения Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Позволю себе цитату: «И тут появился неожиданный источник вдохновения. Их глубоко воодушевил 630-страничный двухтомник, опубликованный в 1980 г. венгерским профессором экономики Яношем Корнаи. “Дефицит” лучше любых других текстов проникал в суть недостатков советского социализма». Хоффман приводит слова одного из членов группы: «Книга впервые попала в Ленинград в виде контрабандных фотокопий и сразу стала нашей “библией”. У нас были и собственные идеи, но книга стала чем-то вроде катарсиса. Она стимулировала наше мышление. При встрече с кем-нибудь достаточно было спросить: “Ты Корнаи читал?” И это становилось отправной точкой для дискуссии»[158].

Если бы у меня спросили, каким из своих достижений в жизни я больше всего горжусь, я бы ответил: этим! Я рад, что моя книга заслужила признание многих интеллектуалов, экономистов и представителей других профес-

---

* Венгерские отзывы охарактеризовал в своей статье 2004 г. Аттила Чикан. В связи с впечатлением, произведенным книгой на родине, хотел бы привести еще один ряд статистических данных. В 1989 г. двое венгерских исследователей, Дёрдь Зух и Иштван Янош Тот, опубликовали «наукометрическое» исследование, в котором подробно проанализировали, кого и с какой частотой цитируют в венгерской экономической литературе. Среди прочего в работе приведена таблица (с. 1207), определяющая авторов по уровню цитации за пятилетние периоды. С 1963 по 1972 г. на первом месте стоит Маркс. Между 1978 и 1982 г. Маркс по-прежнему лидирует, а за ним идут Ленин и Корнаи. В период с 1973 по 1978 г. порядок поменялся, и я вышел на первое место по количеству ссылок и сохранял первенство с 1983 по 1987 г., когда в работах венгерских экономистов цитат из моих произведений было в два раза больше, чем из трудов Маркса.

сий, расшевелила их и помогла по-новому взглянуть на социалистическую систему.

После падения Берлинской стены возникло множество теорий относительно предпосылок этого события. Различные политические силы пытались присвоить себе эту заслугу. Одни указывали на твердость позиции Рейгана и американское военное давление, другие говорили о прозорливости Горбачёва. Кто-то считал самым важным фактором выступления диссидентов — Андрея Сахарова, Вацлава Гавела, Адама Михника, кто-то ставил на первое место коммунистов-реформаторов. Я считаю ошибочной саму постановку вопроса. Хотя перемены в 1989–1990 гг. шли с невероятной скоростью, им предшествовал длительный процесс ослабления и разрушения социалистической системы. И, как в случае с любым комплексным масштабным историческим процессом, этот распад объясняется *совокупностью многих факторов.* В интеллектуальном смысле мне кажутся подозрительными любые попытки объяснить все наличием одного-единственного фактора, ведь они бесконечно упрощают запутанность исторических процессов. За подобными односторонними объяснениями обычно стоят политические намерения или стремление преувеличить собственную роль.

Одним из существенных факторов, сыгравших важную подготовительную роль (не будучи при этом единственной или самой главной причиной), стали фундаментальные изменения, которые постепенно происходили в умах представителей руководящих политических, экономических и культурных слоев при социалистическом режиме. Никакой режим, даже диктаторский, не удержится у власти без группы сторонников, верящих в его законность и жизнеспособность. Одной из основ социалистического здания были коммунисты, которые верили в свое дело, считали все беды преходящими, а мессианское сознание делало их готовыми на жертвы. Не только репрессии и военные приказы помогали Гитлеру и его приспешникам вести войну — до самого ее конца находились те, кто продолжал верить в дело фашизма. Социалистическую систему отчасти похоронила ослабленная вера в режим. Круг сочувствующих распался, а внутренний круг — партийные кадры растеряли свою убежденность и принялись искать новые пути.

Интеллектуальная эрозия возникала, в первую очередь, из личного опыта: проблемы в экономике, российские потери в афганской войне, ожесточение в обществе. Отдельные произведения, которые в этот период дошли до политизированной интеллигенции, ускорили распад и помогли осознать происходящее. Можно перечислить целый ряд произведений. На первое место я бы поставил «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, ставший настоящей сенсацией; но были еще и Оруэлл, и Кёстлер, чьи тексты попали к читателям с опозданием на десятилетия. «Дефицит» тоже внес свой вклад в формирование образа коммунизма. Упомянутые авторы разоблачали в своих произведениях прежде всего жестокость и изощренность репрессий и лживую, антигуманную сущность режима. Спокойный и объективный тон моей книги был обращен к мыслям

и чувствам читателя на ином уровне. Он существенно подрывал наивное представление, согласно которому социализму достаточно придать «человеческое лицо», и тогда он сможет исполнить свое историческое предназначение. Ленин совершенно справедливо утверждал, что социализм одержит победу, если сможет обеспечить большую производительность, чем капитализм. Читатели «Дефицита» понимали: победное преимущество не будет достигнуто никогда.

Не знаю, многие ли представители политически активной интеллигенции были знакомы с моей книгой непосредственно или из вторых рук и на скольких она совершенно не повлияла. Ни тогда, ни потом достоверных опросов никто не проводил. Но сам я обнаружил, что многие из тех, кто, по моим ожиданиям, мог бы прочесть «Дефицит», хотя бы потому, что в течение нескольких месяцев книга была модной и служила предметом обсуждения в «салонах» интеллектуалов, даже не брали ее в руки*.

Все это удерживает меня от переоценки своей работы. Но даже если ограничить подсчеты скромной констатацией фактов и примерной оценкой широты и силы оказанного воздействия, можно сказать: влияние книги было существенным.

Еще несколько слов о политической и этической сторонах публикации

По возвращении из Стокгольма я отправился в дом отдыха Академии наук в Матрахазе, где встретился с Ференцем Донатом, одним из лидеров оппозиционного движения интеллигенции против кадаровского режима (я уже не раз говорил о нем в предыдущих главах). Последнюю главу «Дефицита» я написал именно там. Мы с Ференцем обедали за одним столом, вместе гуляли по лесу, вели доверительные беседы о науке, политике, экономике.

Во время одной из прогулок Донат рассказал, что занимается редактурой юбилейного сборника памяти Иштвана Бибо**. Можно было предположить,

---

* Я прочел дневник известного венгерского писателя Ференца Каринти, где автор перечисляет прочитанные книги. Мы были знакомы лично — и это тоже могло привлечь его внимание к моей книге, но Каринти очевидно никогда не читал «Дефицит», и в его кругах о книге не говорили.

Габор Кланицаи, выдающийся историк, в своих потрясающих мемуарах рассказывает, какие книги повлияли на его поколение, представителей венгерской интеллигенции, родившихся в 1950-е годы. Моих работ среди них нет.

** Инициатором издания юбилейного сборника к семидесятилетию Иштвана Бибо был Янош Кенеди. Работа над книгой началась после смерти Бибо. Ференц Донат взял на себя роль председателя редакционной коллегии, в которую вошли Дёрдь Бенце, Арпад Гёнц, Янош Кенеди, Янош Киш, Пал Рез, Йенё Сюч, Задор Тордаи, Ализ Халда и Шандор Чори. Сборник предложили для официальной публикации издательству «Гондолат» («Мысль»), которое — явно после консультации с партийной верхушкой — отказалось его печатать. Книга вышла в самиздате в 1981 г. После смены режима в 1991 г. сборник был снова напечатан, теперь уже в типографии издательства «Сазадвег» («Конец века») под редакцией и с предисловием Пала Реза.

что законным путем книгу издать не дадут и придется публиковать ее в самиздате. Многие известные люди уже предложили написать для сборника. Спросил он и меня. Я однозначно и решительно отказался. Ференцу была хорошо известна моя позиция относительно легальных и нелегальных публикаций, к тому же он знал, над чем я работаю, и настаивать не стал. Просто принял к сведению мой отказ.

Ни тогда, ни впоследствии я не почувствовал в его словах никакой неприязни. Мы не раз встречались и после этого, вели интересные и доверительные разговоры. Летом 1983 г., когда я был в Мюнхене, Ференц наблюдался у тамошних врачей и навестил меня. Потом я посетил его в больнице, в Будапеште, и был поражен, увидев, как он героически, с привычной ироничной усмешкой, ведет борьбу со смертельным недугом. Мы избрали в жизни две совершенно разные стратегии, что нисколько не умаляло нашу дружбу и взаимное уважение.

Ференц Донат — не единственный из близких мне людей, кто участвовал в работе нелегальных и полулегальных организаций при кадаровском режиме и относился к моему выбору с пониманием и тактом. С их стороны я всегда ощущал уважение к избранному мною пути и признание моих достижений.

В главах 5 и 7 я уже вспоминал, как в 1955–1956 гг. принял решение не влиять на ход событий при помощи нелегальных публикаций, и снова укрепился в этом решении в 1957 г. Я уже тогда определил для себя цель — стать профессиональным экономистом, членом западного научного сообщества, ученым, который хочет оказывать влияние посредством законных, официальных публикаций. С самого начала пришлось идти на компромисс. И я был готов делать уступки до тех пор, пока они не наталкивались на запреты, установленные моей совестью.

Я стремился следовать этой стратегии, и то, что я написал «Дефицит», но отказался дать статью в юбилейный сборник, посвященный Бибо, вовсе не противоречит моим жизненным установкам.

Самоцензура потребовала от меня болезненных жертв. Есть, наверное, такие социологи, или, скорее, поэты и писатели, которые испытывают интеллектуальное удовольствие, пряча свои мысли между строк и хитроумно обходя бдительных цензоров. Я никакой радости в этом не находил и упорно стремился (и продолжаю стремиться) к ясности и однозначности сказанного. Мне казалось, что я совершаю членовредительство, когда заставляю читателя выискивать в тексте то, чего я не говорил. Самоцензура — унизительный процесс. Потому-то одна из причин, по которым я воспринял смену режима как освобождение, это избавление от постоянного чувства горечи.

Те, кто писал для самиздата, могли с полным правом ощущать себя свободными от любых ограничений. У них была возможность писать все, что им представлялось правдой на данный момент. И я завидовал этой возможности*.

---

* Спустя много лет после моего разрыва с марксизмом, когда мои взгляды на идеи Маркса окончательно сформировались, я мог бы написать что-нибудь полемическое по этому пово-

Отказывать другу, разделяющему твои политические убеждения, крайне неприятно. Как будто подводишь товарищей по оружию. Я не раз оказывался в подобной ситуации: кто-то хотел, чтобы я написал статью в самиздат или подписал протестное письмо. Я последовательно отклонял все эти предложения.

Я не хотел менять свою жизненную стратегию, перескакивать с одного на другое. Я не просто пытался избежать периодов молчания, запретов на публикации. Мне хотелось сохранить право на выезд за рубеж. И, могу сказать с уверенностью, вовсе не ради туристических впечатлений, а потому, что каждое новое путешествие подтверждало: я стану полноправным представителем своей профессии, только если буду регулярно встречаться с западными коллегами, если буду проводить достаточно времени в цитаделях академической науки и получать современные знания из первых источников. Жизнь в пределах замкнутого интеллектуального мирка Восточной Европы опасна для мышления — оно может остаться провинциальным. Те из представителей моего поколения, кто ознакомился с миром международной науки только после смены режима, быстро поняли, в каком невыгодном положении они оказались.

Некоторые люди склонны задним числом оправдывать собственные поступки, утверждая, будто выбор, который они сделали, был единственно возможным решением с точки зрения морали. В минуту слабости они, может, и допускали небольшие отклонения. Если кто-то поступает более радикально, то его назовут горячей головой, безумцем, приносящим своей неосторожностью больше вреда, чем пользы, а того, кто пошел на уступки, соглашателем, продавшимся властям.

Я склонен быть более терпимым, оценивая чужие поступки с морально-этических позиций. Но не приемлю беспринципный моральный релятивизм. Бывают компромиссы, которые заходят слишком далеко и становятся в моих глазах предательством. Есть люди, склонные задираться без причины, ничего при этом не достигая. Особенно ненавижу политических хамелеонов, меняющих свое мировоззрение, как перчатки, и вечно готовых предать свои убеждения ради политической власти или в надежде урвать жирный кусок.

Однако должен с уверенностью признать: в жизни может существовать не одна, а несколько *морально приемлемых* стратегий, и многие из них заслуживают *уважения*. Я испытываю глубокое уважение и восхищение по отношению к тем, кто вел борьбу за демократию, за права человека, и ради этой борьбы рискнул покоем, свободой, а когда было надо, и жизнью.

Но вернемся к моей проблеме выбора. Было бы наглостью с моей стороны утверждать, будто публикация в самиздате расходится всего в нескольких сотнях экземпляров, и то обычно в пределах одной страны, тогда как опубликованный официально (и подвергнутый самоцензуре) «Дефицит» стал доступен

ду. Но легально опубликовать подобное я бы не смог, и потому все мои соображения остались при мне.

десяткам тысяч людей дома и за рубежом, во всем мире. Это правда — но тут же можно привести и контраргумент: самиздат позволял авторам более радикально выражать то, на что я мог только намекнуть. Обе формы издания книг в условиях диктатуры, как мне кажется, не конкурируют между собой, но *дополняют друг друга*. Я искренне рад тому, что находились люди, которым хватало смелости и самопожертвования редактировать и распространять нелегальные газеты. Как человек, верящий в венгерскую демократию, я горжусь такими современниками и продолжаю жить со спокойным сознанием того, что наши работы оказывали друг другу взаимную поддержку.

14

ПРОРЫВ — с 1979 г.

«Мягкие бюджетные ограничения»

За несколько дней до того как я приступил к написанию этой главы, в «Журнале экономической литературы» — самом читаемом издании по экономике — было опубликовано наше совместное с Эриком Маскином и Жераром Роланом исследование, в котором мы делаем обзор литературы, занимающейся мягкими бюджетными ограничениями[159].

Это понятие я впервые использовал в печати в 1979 г.: за двадцать пять лет идея распространилась в широких кругах.

Значение и важность понятия

Словосочетание «бюджетные ограничения» взято мной из микроэкономики домашнего хозяйства. Предположим, что в домашнем хозяйстве составляют бюджет. Расходы следует планировать таким образом, чтобы они покрывались доходами, которые могут пополняться сэкономленной ранее наличностью. Все финансовые источники, доступные домашнему хозяйству, и образуют бюджетные ограничения, расходы же не могут его превышать.

Рассмотрим теперь, как ведется хозяйство на государственном предприятии в рамках социалистического режима. Если все идет хорошо, доходы покрывают расходы и формируется прибыль. Но что произойдет, если расходы превысят доходы и исходные денежные резервы истощатся? Возможны два варианта. В первом — предприятие бросают на произвол судьбы. Бюджетные ограничения в таком случае *жесткие*, предприятие в результате постоянных убытков рано или поздно разоряется. Или же какой-либо вышестоящий орган бросается на помощь предприятию и спасает его из беды. (По-английски эта операция называется *bail-out*, «спасение, выручка».) В последнем случае бюджетные ограничения *мягкие*, в действительности они не ограничивают расходы. Даже если расходы превышают доходы и исходные денежные резервы в течение долгого времени, убыточное предприятие остается на плаву.

Знакомая история для тех, кто имеет представление о социалистическом хозяйствовании. Проблема особенно остро встала в тех странах, которые, как Венгрия например, уже начали делать осторожные шаги по направлению к реформам и включили в рост прибыли заинтересованность руководства предприятий. Произносились громкие слова о важности прибыли, а на самом деле подрывались истинные движущие силы. Если предприятие рентабельно — хорошо, а убыточно — тоже невелика беда, все равно спасут от банкротства. Здесь стало ясно видно, чем отличается псевдорыночная экономика от настоящей — в последней есть не только победители, но и проигравшие.

Мягкость бюджетных ограничений наносит огромный ущерб. Даже если цены разумны, предприятие недостаточно *восприимчиво* к колебаниям цен, расходов, прибылей. Жесткие бюджетные ограничения автоматически налагают тяжелое наказание на того, кто не удержал своих позиций в конкурентной борьбе и показал убыточные результаты. Мягкость ограничений обеспечивает иммунитет к такому наказанию и делает низкую эффективность терпимой. Производитель начинает делать безответственные заказы (т.е. лишает спрос реальной базы), ведь если он сам не в состоянии заплатить, со счетами разберется тот, кто занимается его спасением. Вот главное объяснение раздутых планов по капиталовложениям: как правило, они изначально предусматривают низкие затраты, а заканчивается все пугающим перерасходом.

В конечном счете, жесткость или мягкость бюджетных ограничений ориентирует руководителей предприятий, на что на самом деле стоит обращать внимание*. Если ограничения жесткие, следует, в первую очередь, заниматься эффективностью и доходностью производства. Если же они мягкие, для руководства предприятия самым важным становится поддержание хороших отношений с вышестоящими инстанциями, которые могут обеспечить финансовую поддержку и спасут в случае неудачи. Полезнее «светиться» в коридорах власти и приемных начальства, чем в заводских цехах.

Почему эта идея вызвала такой отклик и распространилась в столь широких кругах? Потому что она зафиксировала релевантное явление, очевидное для всех, синдром, у которого есть понятные, объяснимые причины, закономерности и последствия, и последствия эти, бесспорно, очень *тяжелы*. Я с самого начала подчеркивал, что подобное явление, хотя и значительно шире, распространено в социалистической, нежели в какой-либо другой экономике, свойственно также и рыночной экономике, базирующейся на частной собственности. Однако я, особенно вначале, стремился показать наличие мягких бюджетных ограничений в жизни предприятия, обращал внимание на то, что похожую проблему можно наблюдать и в других организациях, например в уч-

---

* Между крайней жесткостью и крайней мягкостью есть, конечно, переходные стадии. В своих работах по данной теме я подробно занимаюсь этим вопросом, а также мягкостью бюджетных ограничений. Цель автобиографии — обрисовать в общих чертах суть идеи так, чтобы ее мог понять и читатель-неэкономист. Именно поэтому я излагаю теорию в самом упрощенном виде.

реждениях здравоохранения или образования, общественных организациях или в органах местного самоуправления. Более того, симптомы этого синдрома ощущаются в экономике целых стран, когда ситуация, при которой отдельная страна терпит финансовый крах, а международные финансовые организации и мировое финансовое сообщество ей помогают, становится привычной.

Широкое распространение этой идеи объясняется не только практической актуальностью, но и удачным стечением обстоятельств: ее теоретическая структура хорошо согласуется с изысканиями в рамках основных направлений экономической дисциплины. Каждому, кто когда-то изучал микроэкономику, уже с первых занятий знакомо понятие «бюджетные ограничения». Любое рассуждение легче начинать с расширения и уточнения смысла какого-нибудь хорошо известного понятия. В одной из предыдущих глав я пришел к выводу, что наши идеи относительно вегетативного регулирования, возможно, не получили распространения, так как по отдельным позициям не вписывались в шаблонный ход мыслей экономистов — представителей мейнстрима. На этот раз дело, к счастью, обстояло совсем наоборот. Теория, выстроенная на знакомом всем понятии «бюджетные ограничения», сразу же вызвала живой и непосредственный интерес.

Предпосылки

Размышлять над теорией мягких бюджетных ограничений в теоретическом ключе я начал очень давно. В главе 7 я рассказывал, как с введением стимулирования прибылью венгерские предприятия сразу начали требовать, чтобы в случае убытков им выплачивали компенсацию. «Надо ли корректировать систему распределения прибыли?» — под таким заголовком вышла в 1958 г. моя статья. Проблема эта не оставляла меня в покое: я чувствовал, что здесь мы имеем дело с важным явлением.

В 1972 г. Андреас Папандреу — будущий премьер-министр Греции, а на тот момент профессор экономики в канадском университете — прислал мне свою книгу «Патерналистский капитализм» («Paternalistic Capitalism») с автографом. Книга обратила мое внимание на исключительно важное общественное явление. Во многих обществах наблюдаются патерналистские черты, меня, естественно, больше всего интересовало, как они проявляются в социалистической системе.

Даже в периоды самых безжалостных репрессий кровавый коммунистический диктатор с готовностью играл роль отца, пекущегося о народе. Когда диктатура в Венгрии начала смягчаться, фигура жесткого, деспотичного отца сменилась на более радостный образ. Если анализировать с точки зрения политической структуры, патернализм означает, что центр власти присваивает себе права на принятие решений, которые в других обществах принимаются на уровне личности, семьи, небольшой группы людей или на самом нижнем уровне организации (например, предприятия). Как было принято в семьях в ран-

ние исторические эпохи, право решать принадлежит отцу, но на него ложится и ответственность за заботу о семье. Патерналистское общество воспринимает своих членов как несовершеннолетних детей, почти как младенцев. Оно не ждет, что люди сами будут о себе заботиться, и считает естественным, когда они рассчитывают на помощи сверху в решении любой своей проблемы.

У меня выстроился ход рассуждений, который связывал патернализм с помощью убыточным предприятиям в социалистическом обществе — впервые я изложил эту идею в 1975 г., в лекции, прочитанной мною в университете города Осло. Для описания отношений между предприятием и государством я использовал аналогию с семьей и воспитанием детей. Я выделил пять степеней патернализма: от четвертой до нулевой. Четвертая степень — *естественные гарантии, пассивное принятие.* Так ведет себя новорожденный ребенок, который все получает от родителей, но просить еще не может. Третья степень — *естественные гарантии, активное выражение желаний.* Ребенок становится старше и продолжает получать все от родителей, но уже может говорить и сообщать взрослым свои пожелания. Две эти степени напоминают положение государственного предприятия в строго централизованной экономике. Ему спускают из центра план и выделяют ресурсы. Если диктатура жесткая, у предприятия даже ничего не спрашивают (4 степень), если же давление не такое сильное, предприятие и власти могут торговаться насчет плановых показателей (3 степень).

Вторая степень получила название «денежное пособие». Под эту категорию подпадает ребенок (например, типичный американский студент), когда он уже уехал из дома, но сам еще не зарабатывает. Родители снабжают его карманными деньгами. Если деньги заканчиваются, студент просит папу с мамой выслать еще и, обычно, получает дополнительную сумму. Аналогичная экономическая ситуация: предприятие получает финансовое пособие на инвестиционный проект и само распоряжается деньгами, но если они закончатся, за предприятие все равно расплатятся по счетам.

Первую степень я назвал «самообеспечение — с оказанием помощи», а нулевую — «самообеспечение — безо всякой поддержки». Ребенок становится взрослым. Он зарабатывает, как правило, достаточно, чтобы содержать себя, но что будет, если возникнут финансовые проблемы? На помощь может прийти семья (1 степень). Или же родственники могут решить, что каждый сам несет ответственность за собственную судьбу и выросший ребенок должен сам разбираться со своей проблемой (0 степень). Применительно к предприятию, первая степень ориентирована на рынок и отражает условия наполовину реформированной социалистической экономики, в которой предприятие обладает самостоятельностью, но в случае хронических убытков ему помогут. Нулевая степень реализуется в условиях жесткой рыночной конкуренции, свободной от патернализма. Обанкротился — твоя проблема, не рассчитывай, будто кто-то станет оплачивать твои убытки.

Данное теоретическое описание степеней патернализма с проведением аналогии между семьей и обществом было затем включено в «Дефицит».

В Осло я еще не оперировал понятиями «мягкие» и «жесткие бюджетные ограничения», но уже использовал эти термины для описания модели патернализма в книге. Вторая, и в особенности первая, степень патернализма формируют явление, которое я назвал «*мягкими* бюджетными ограничениями», нулевая же степень соответствует *жестким* бюджетным ограничениям.

Термин пришел мне в голову *не* в результате размышлений над ролью бюджетных ограничений или стремления уточнить концепцию. Отправной точкой для меня стали *реальные экономические явления и практические наблюдения.* Само название выскочило случайно, само собой. Я готовил цикл из двенадцати лекций для Стокгольмского университета, в ходе которых собирался описать модель функционирования предприятия математическими уравнениями, включая нижние границы выпуска продукции и верхние границы доступных ресурсов. Ради полноты картины я должен был добавить и финансовые ограничения. Хотя бюджетные ограничения обычно не фигурируют в стандартной микроэкономической модели предприятия, направленного на максимизацию прибыли, я все-таки вписал их в свою модель. Но я сразу сообразил: это же не эффективные ограничения! Предприятие будет не в состоянии преодолеть материальные ограничения — например квоту на сырье, но бюджетные ограничения у него мягкие, ведь на предприятии знают, что в случае беды вышестоящие органы все оплатят.

Читая лекцию, я уже употребил выражение «мягкие бюджетные ограничения». Помню, как после лекции ко мне подошли двое преподавателей — швед, Бенгт-Кристер Исандер, и американский экономист Харви Лэпхем, и один студент, Ларс Свенссон (ставший впоследствии известным ученым-экономистом), и сказали, что им очень понравилась мысль, связанная с мягкими бюджетными ограничениями. Эти одобрительные слова также подтолкнули меня к более тщательному осмыслению термина и дальнейшей работе над смежными теоретическими проблемами.

Начиная с этого момента описание и анализ мягких бюджетных ограничений как характерной дисфункциональной черты социалистической системы занял центральное место в моих статьях и выступлениях.

В истории познания, безусловно, найдутся теории, которые возникали в головах их создателей в уже готовой зрелой форме. Со мной такого никогда не случалось. Если начать историю с уже упомянутой статьи 1958 г. и закончить ее статьей в «Журнале экономической литературы», опубликованной в 2003 г., основная мысль не претерпела существенных изменений, однако метод описания, принципы объяснения причин и показа следствий за сорок пять лет существенно изменились. Моя сегодняшняя позиция изложена в статье 2003 г. и в итоговой книге «Социалистическая система: политэкономия коммунизма» 1992 г. Позволю себе выделить два изменения, отличающие мою нынешнюю позицию от прежней, так как они выходят за узкоспециальные рамки.

Объясняя причины мягких бюджетных ограничений в ранних публикациях, я придавал большое значение патерналистской роли государства.

Государство не может оставить в беде «собственного ребенка» — предприятие, находящееся в его собственности. Государство само создает это предприятие, отвечает за его жизнь и обязано заботиться о безопасности работающих на нем людей. Многие увидели здесь финальную точку причинно-следственного анализа. Но об этом и речи не шло! Сам себе я уже в свое время задавал вопрос ребром, *почему* при социалистической системе государство так себя ведет. Как связано принятие на себя роли «заботливого родителя» с требованием абсолютной власти? Как все это согласуется с политической структурой режима и его официальной идеологией? В книге «Дефицит» за главой 22, посвященной патернализму, должна была следовать еще одна — в которой рассматривались бы данные взаимосвязи. Однако я не стал ее писать, исходя из соображений самоцензуры (см. предыдущую главу). Как я уже говорил, к счастью, нашлись многочисленные читатели, сумевшие самостоятельно представить себе дальнейшее развитие идей, предложенных в «Дефиците». Но не все сумели продолжить мой ход рассуждений. Они думали, что мне больше нечего сказать по этому поводу*. К сожалению, они предположили, будто я даже не заметил, что пишу о системе, в которой реализуется диктатура коммунизма, а политическая структура накладывает отпечаток на отношения предприятия и государства. Напрасно пытался я намекать между строк. На заключительных страницах книги в довольно общих выражениях шла речь о роли «институциональной системы». Для читателей с ограниченной фантазией этого, похоже, оказалось недостаточно.

В предыдущей главе я объяснил, какую горькую цену пришлось мне заплатить за возможность легально опубликовать «Дефицит» и другие работы. Решение замкнуть цепочку причин дефицита на патернализме вызвало у многих недопонимание. Могу отнести это к печальным элементам платы за легальность. Когда обрушились стены самоцензуры, я, наконец, смог *полностью* изложить ход своих рассуждений относительно мягких бюджетных ограничений в книге «Социалистическая система» в 1992-1993 гг.

Обращусь теперь ко второму изменению, которое произошло в моем сознании. Я по сей день продолжаю пребывать в убеждении, что между бюджетными ограничениями и хроническим дефицитом существует причинно-следственная связь, но сейчас придаю другое значение ее силе.

Необходимым условием формирования в социалистической стране всеобъемлющей, хронической, интенсивной экономики дефицита становится наличие в значительной части производства мягких бюджетных ограничений для предприятий. Условие это необходимое, но не достаточное. Должны действовать и другие факторы: запрет на свободное предпринимательство, административные ограничения на конкуренцию с импортом, искажения ценовой системы и т.д. «Дефицит» делал слишком большой упор на мягкие бюджетные

* Десятилетиями я обнаруживал, что некоторым из моих западных коллег и в голову не приходило, что я как гражданин коммунистической страны могу испытывать ограничения цензуры или самоцензуры. Я не уставал удивляться, сталкиваясь с подобным непониманием.

ограничения. Этот недостаток нельзя объяснить самоцензурой и необходимостью добровольно урезать причинно-следственный анализ в интересах легальной публикации книги. Суть в том, что осмысление проблемы не достигло еще зрелого уровня.

Другой аспект подобного одностороннего подхода проявляется в рассмотрении последствий мягких бюджетных ограничений. Так как главной темой книги был дефицит, меня, в первую очередь, интересовало, каким образом синдром мягкого бюджетного ограничения влияет на быстро растущий, безудержный спрос. Данное влияние крайне важно, но еще важнее то, что волнует всех авторов, занимающихся этой проблемой: вредное влияние мягких бюджетных ограничений на производительность, дух конкуренции и мотивацию. «Дефицит» указывал на этот фактор, но здесь мне хотелось бы поставить его на первое место в списке пагубных последствий мягких бюджетных ограничений.

Подтверждение опытным путем

Я считал важным подтвердить теоретические выкладки на практике. В 1983 г. мы вместе с Агнеш Матич, молодой преподавательницей Университета экономики имени Карла Маркса, принялись за составление базы данных по основным финансовым показателям для всех венгерских госпредприятий за несколько лет. По нашим подсчетам, в наших компьютерах (а они были тогда куда менее эффективными, нежели теперь) было собрано около 1,3 миллиона данных, Агнеш с коллегами перевели цифры в удобную для анализа форму. Проведя ряд показательных эконометрических анализов, мы увидели, какими разнообразными и запутанными каналами перемещается прибыль, получаемая предприятиями. Сумма, которая после зигзагообразного бюрократического распределения попадает, наконец, на предприятие под видом «итоговой прибыли», настолько отличается от исходной, т.е. от полученной прибыли или убытков, что узнать ее невозможно. Вычисления определенно подтвердили, что в результате бюрократического перераспределения существенная часть прибыли изымается у тех предприятий, которые изначально были самыми доходными, и передается туда, где наблюдаются убытки. Получалось, что прибыльные предприятия наказывали, а убыточных производителей поощряли. Таким образом, мы получили конкретное доказательство существования мягких бюджетных ограничений. В соавторстве с Агнеш Матиц мы опубликовали результаты вычислений в книге «Бюрократическое перераспределение прибыли предприятий» в 1987 г.

До смены режима эмпирические исследования, связанные с проверкой теории мягких бюджетных ограничений, спорадически публиковали и другие авторы. Забегая вперед, можно увидеть, что ученые получили новый импульс только в 1990-е годы, когда произошел прорыв в умах. Западные специалисты, приезжая в социалистические страны, вдруг начали осознавать, что мягкие

бюджетные ограничения стали раковой опухолью для экономики, унаследованной от прошлого режима. Наряду с этим многие также поняли, что ужесточение данных ограничений становится ключевым условием реформы. Был проведен ряд исследований, основанных на тщательном сборе статистических данных и эконометрической экспертизе. Помимо исследований ни один отчет Всемирного банка или Европейского банка реконструкции и развития по социалистической или постсоциалистической экономике не обходился без анализа мягких бюджетных ограничений для предприятий конкретного региона.

Создание математической модели явления

Как и в случае с эмпирическим анализом, создавая математическую модель для синдрома мягких бюджетных ограничений, я чувствовал: формальный теоретический анализ надо разрабатывать самому. К счастью, я нашел великолепного помощника в лице Йоргена Вейбулла*. Йоргену не нравился термин «мягкие бюджетные ограничения», но он не имел ничего против идеи патернализма. Математическая модель, которую нам удалось разработать, подтвердила: если убыточным предприятиям оказывают патерналистскую помощь, корпоративный сектор теряет осторожность, делая заказы, и спрос растет интенсивнее, нежели в ситуации, когда конкурирующие предприятия сами вынуждены отстаивать свои позиции[160].

Интересные модели создавались и в Принстоне. Ричард Квандт, столько раз помогавший мне, когда я там преподавал, теперь начал изыскания в области теории мягких бюджетных ограничений. Вместе с коллегами он провел серию теоретических исследований в этой области, демонстрируя, среди прочего, эффект Корнаи, т.е. подтверждая теоретическую связь между мягкими бюджетными ограничениями и ростом спроса предприятия на затраты[161].

Переворот в теоретических исследованиях произошел с появлением модели Эрика Маскина, профессора экономики в Гарварде, и тогда еще аспиранта, Матиаса Дэватрипонта[162]. Я в то время уже преподавал в Гарварде, и в начале 1990-х годов мы с Эриком часто обсуждали вопросы социалистической экономики, в том числе и проблемы мягких бюджетных ограничений. Дэватрипонт и Маскин к тому моменту уже давно занимались одной из известных тем в теории игры — проблемой «обязательства» (commitment). Связи «игроков» (или участников, которые в конкретной ситуации либо кооперируются, либо всту-

---

* Судьба распорядилась так, что Йорген, который студентом был слушателем одного из моих семинаров в Швеции, стал для меня не только соавтором в написании двух статей, но и мужем нашей дочери и отцом моих шведских внуков.

Наше исследование о патернализме было написано в начале 1980-х годов. Мы начали работу во время одного из визитов Йоргена в Будапешт и завершили ее посредством постоянной переписки между Стокгольмом и Будапештом. При современном господстве Интернета в этом не было ничего примечательного: ученые, живущие далеко друг от друга, теперь намного чаще пишут статьи в соавторстве.

пают в конфликт) складываются по-разному, в зависимости от того, соблюдают ли обе стороны ранее взятые на себя обязательства или, наоборот, задним числом меняют свою позицию и отказываются от обещаний. Станет ли их поведение с течением времени последовательным или непоследовательным? Оба экономиста-теоретика пришли к выводу, что мои мягкие бюджетные ограничения носят характер *специфически непоследовательного явления.*

Рассмотрим простой пример. Крупный банк дает предприятию кредит на финансирование инвестиционного проекта и берет на себя обязательство обеспечить выполнение кредитного договора. Банк бросает предприятие на произвол судьбы и предполагает, что оно сможет устоять на ногах. Предприятие начинает испытывать финансовые трудности и не может выполнить изначальные условия кредита. И вот банк, несмотря на свои прежние обязательства, все-таки предлагает финансовую помощь попавшему в беду инвестору, демонстрируя готовность пересмотреть условия кредита или предложить новый кредит.

Анализ модели показал, что «выкуп» должника входит в круг узких финансовых интересов банка. Раз уж он с самого начала ссудил деньги на инвестиционный проект, можно понять, почему он «гонится за деньгами».

Модель Дэватрипонта–Маскина представляет особый интерес по двум причинам. С одной стороны, она обогащает причинный анализ и больше не сводит его к тем случаям, когда организация берет на поруки убыточное предприятие по политическим, макроэкономическим или социальным причинам*. Даже банальный личный интерес может заставить ориентированный на прибыль банк выручить убыточную организацию. Подтверждение тому можно наблюдать в практике деловой жизни. Известно, что крупные банки спасают убыточных и ненадежных клиентов. Подобные действия могут оказаться менее мучительными и привести к меньшим потерям, нежели простое списание долгов.

Вторая привлекательная особенность модели Дэватрипонта–Маскина состояла в том, что она облегчила анализ проблемы при помощи математического аппарата теории игры. В 1990-х годах теория игры вновь обратила на себя внимание экономистов — сотни исследователей с удовольствием использовали ее методы. Говоря на сленге американских ученых, теория игры стала «горячим» научным направлением, а те, кто умело применял ее впечатляющую, изящную и гибкую технику, могли теперь описать мягкие бюджетные ограничения посредством понятных моделей.

За первой моделью Дэватрипонта–Маскина последовали вариации на ее тему. Каждая новая модель освещает различные аспекты проблемы, причины и следствия возникновения данного синдрома.

---

* Когда та или иная операция по спасению (rescue operation) становится оправданной? Окажутся ли ожидаемые благоприятные макроэкономические или социальные последствия выкупа (bail out) важнее, чем его более долгосрочное и устойчивое негативное влияние на поведение тех, кто надеется на подобную помощь? Обсуждение этих насущных и сложных нормативных вопросов выходит за рамки данной автобиографии.

История первой обобщающей статьи

Вернемся немного назад. В «Дефиците» и во многих моих статьях шла речь о мягких бюджетных ограничениях, и к 1984 г. я понял: пора написать обобщающую статью, посвященную исключительно этой теме. Мне хотелось, чтобы эта работа заинтересовала не только советологов и специалистов по Восточной Европе, но и широкую научную общественность. Я был уверен: чем больше экономистов ознакомятся с этой, тогда еще не очень известной идеей, тем скорее у них появится стимул распространить ее и на рыночную экономику. В статье не было математических моделей, а мысль автора от первого до последнего слова была передана вербально. В качестве иллюстраций я привел несколько таблиц, но предполагал, что данные будут говорить сами за себя. Я не предлагал математико-статистического анализа данных, равно как и эконометрического анализа.

Статью я отослал в самый авторитетный журнал — «American Economic Review» («Американский экономический обзор», AER). Спустя несколько месяцев пришел ответ от главного редактора. Статью прочли три рецензента. Один рекомендовал ее к публикации с незначительными изменениями, двое других написали резко отрицательные отзывы. Главный редактор отмечал, что тон критических отзывов оказался жестким, даже слишком жестким. С учетом ситуации, мне предлагалось оформить свои идеи в виде обзора об исследовании (survay) и опубликовать их в другом журнале Американской экономической ассоциации — «Journal of Economic Literature». По сведениям главного редактора AER, этот журнал уже договорился со мной о написании подобной статьи[163].

Причиной такого вежливого отказа стало объективное заблуждение. На тот момент я действительно уже работал над исследованием для указанного журнала, только по другой теме: общий обзор и оценка венгерской экономической реформы. (Об этом будет рассказано в следующей главе.) Две статьи практически не имели точек соприкосновения.

Говоря простым языком, AER отказал мне в публикации. В качестве второй попытки я предложил статью швейцарскому журналу «Kyklos» («Цикл»), где ее приняли и напечатали без изменений[164]. Статья стала самой цитируемой из моих работ.

Я мог бы успокоить себя мыслью, что такие же отказы получали и другие, куда более знаменитые авторы. Много позже двое американских ученых, С. Ганс и Джордж Б. Шеперд, опросили известных экономистов, был ли у них подобный опыт*. Начиная с Роя Харрода, пионера современной теории эко-

---

* Спрашивали и меня, но я тогда решил воздержаться от ответа и рассказывать ничего не стал. Теперь, когда в журналах «Journal of Economic Literature» и «Кёзгаздашаги Семле» («Экономический обзор») вышли обзорные статьи о распространении идеи мягких бюджетных ограничений, думаю, пришло время предать гласности этот эпизод. Автобиография дала мне возможность поместить его в соответствующий контекст.

номического роста, и кончая двумя самыми признанными американскими экономистами XX в., Милтоном Фридманом и Полом Самуэльсоном, — похожие истории случались у всех: какой-нибудь из ведущих журналов отклонял их статьи, многие из которых стали потом классикой экономической теории. Я мог бы оставить эту тему в покое с осознанием, что мой случай — не исключение.

Однако у этой истории было любопытное продолжение. Прошло несколько лет, и Ини Цянь (тогда еще студент Гарварда, а сейчас профессор Калифорнийского университета) предложил в тот же самый «American Economic Review» статью на тему, как дефицит, проявляющийся при социализме, связан с мягкими бюджетными ограничениями[165]. Данная взаимосвязь рассматривалась при помощи оригинальной математической модели и усовершенствованного варианта описанной ранее модели Дэватрипонта–Маскина. Теоретические положения были изложены четким математическим языком и снабжены безупречными доказательствами — в соответствии с требованиями журнала.

Автор должным образом ссылался на интеллектуальные источники своей работы: «Дефицит», статью в «Kyklos» и труды Дэватрипонта–Маскина. Данное исследование было частью докторской диссертации Цяня. Эрик Маскин и я были его преподавателями и официально назначенными консультантами по диссертации. Мы оба читали рукопись и — как положено консультантам — помогали автору советами. В статье он выражал благодарность за помощь.

В работе Цянь поднял актуальные вопросы и обогатил обширную литературу по данной теме оригинальными, свежими идеями, сумев выразить их с образцовой точностью и ясностью. Редакция, как мне кажется, совершенно справедливо приняла и напечатала статью. Со спокойной совестью могу сказать, что не испытываю по отношению к молодежи зависти или ревности, свойственной пожилым людям. С Ини Цяном у нас сложились дружеские отношения, еще когда он был студентом, и связь эта с годами только окрепла. Я всегда стремился расчистить путь для своего ученика, да и сам он не раз оказывал мне профессиональное содействие и при личных встречах всегда относился ко мне с искренней дружбой и вниманием*. Публикация одного из лучших моих учеников в престижнейшем экономическом издании стала для меня большой радостью.

И все-таки хочется понять, почему AER отклонил первую статью и напечатал вторую? Хотя я поднимаю вопрос с позиции отвергнутого автора, личный случай ведет нас к обсуждению общих проблем. Какими критериями руководствуются те, кто принимает решение печатать статью или нет? Как факт публикации влияет на научную карьеру? И еще более серьезный вопрос, как должен вести себя ученый, чтобы его публиковали, назначали и продвигали.

---

* Когда мы с женой во второй раз приехали в Китай, Цянь не пожалел времени и прилетел из США, чтобы помочь мне в общении с китайскими коллегами. У нас были большие проблемы с переводчиками, и он был готов переводить для нас. Цянь шутливо заявлял, что отлично владеет тремя языками: китайским, английским и «языком Корнаи».

Некоторые уроки этой истории

Прежде чем дать ответ, должен признаться: да, вопросы я поставил масштабные, и полноценно ответить на них в рамках автобиографии невозможно. Причинный анализ, в моем случае, не претендует на полноту и сводится только к тому, что связано с моей историей*. Многие критерии отбора текстов для публикации и позитивные и негативные аспекты их влияния остались за рамками моего анализа. Я не говорю, например, о том, какое положительное влияние оказывают высокие профессиональные требования, выдвигаемые редакторами и рецензентами к статьям, предназначенным для публикации в данных журналах, хотя и считаю это крайне важным.

Процесс отбора работ для ведущих журналов содержит элемент случайности. Очевидно, имеют место ошибки двух видов: достойные статьи отвергают, а недостойные — публикуют. Решения принимают люди, а людям свойственно ошибаться. Вопрос в том, являются ли эти ошибки систематическими. Можно ли говорить о регулярных отклонениях в практике одобрения и отказа? Многие полагают, будто подобные тенденции существуют, и я бы хотел обсудить одну из них поподробнее.

В сфере общественных наук по-настоящему оригинальные, новаторские идеи редко возникают сразу в точной и безупречной формулировке**. Они часто появляются в виде туманных соображений и становятся началом длительного процесса рассуждений и озарений. Ошибочное утверждение зачастую может подстегнуть стремление опровергнуть ошибку путем экспериментов, которые, в свою очередь, приближают к истине.

С тех пор как математика вошла в арсенал экономической науки, ее роль в исследованиях значительно возросла. И все же, насколько я в состоянии проследить, исследователи-первопроходцы обычно фиксируют свои существенные новые открытия сначала вербально, а *не* с помощью математических моделей. *Сначала* появились тексты Адама Смита о координирующих действиях невидимой руки, а уж только потом Вальрас разработал математическую теорию равновесия (которая с сегодняшней точки зрения представляется не вполне точной). Последовали Эрроу и Дебре со своей большей точностью. *Сначала* был Кейнс, со своими более или менее неточными теориями процента и предпочтения ликвидности, и только потом — модель LM Хикса, которая продемонстрировала эти идеи и отточила их в математической форме[166]. *Сначала* был Роулз со своей теорией справедливости, а потом Эрроу принялся за формализацию одного из положений Роулза[167]. *Сначала* Шумпетер опубликовал свою книгу о роли предпринимателя без какого бы то ни было матема-

---

* Мои соображения относятся исключительно к области общественных наук. Я мало знаком с методологией естественнонаучных исследований и тем, какие процессы ведут в них к совершению открытий.

** Есть, конечно, и исключения. «Теорема невозможности» Эрроу, очевидно, является одним из них — поистине гениальное, оригинальное открытие сразу обрело точную математическую форму.

тического анализа[168], и лишь десятилетия спустя Филипп Айон и некоторые другие экономисты сумели оформить идеи Шумпетера в виде строгих математических моделей[169].

Прибегая к сознательному упрощению, попробую представить экономическое исследование — точнее, зарождение и развитие по-настоящему важного открытия — в виде трех последовательных (а иногда и перекрывающих друг друга) этапов. На первом этапе некто выделяет и формулирует проблему, представляя возможности ее разрешения в первом приближении. На втором этапе происходит чистка аргументации, приводится в порядок понятийный аппарат, уточняются формулировки, проясняются посылки и абстракции, необходимые для логического подтверждения предположений. В ходе третьего, финального этапа делаются выводы, способные одновременно вызвать новые теоретические вопросы и предложить практические решения для экономической политики.

На первом этапе огромную роль играет интуиция, воображение, способность увидеть проблему и по-новому связать отдельные наблюдения и утверждения. Анализ с применением математических моделей появляется, главным образом, на средней стадии исследования как исключительно важный (а для некоторых тем просто незаменимый) инструмент. На третьем этапе делаются теоретические выводы и происходят когнитивные процессы, похожие на те, что идут в первой фазе. Практические же выводы, главным образом, зависят от глубокого знания реальности и критического чувства, которое позволяет сравнить теоретические тезисы и практическое их применение.

Я не пытаюсь утверждать, что каждое значительное открытие в экономике следует данной схеме из трех этапов. Мне встречались исследователи, которые уже на первом этапе начинают писать математические формулы, создавать модели или представлять отношения в виде геометрических построений, но знаком я и с теми, кто этими инструментами не пользуется. Зачастую процесс имеет цикличный характер: начальные опыты второго этапа возвращают ученого к осмыслению первого этапа — т.е. заставляют уточнить постановку вопроса и разработать новые гипотезы. При выполнении коллективной работы задания на разных этапах выполняются разными людьми. В своем разборе я делаю упор не на временной последовательности, но на разграничении более свободных и жестких компонентов когнитивного процесса*.

Как показывает мой собственный опыт, титаны математической экономики хорошо представляют себе сложность когнитивного процесса и знают о распределении ролей. Я никогда не слышал, чтобы Эрроу или Купманс с презрением отзывались о какой-либо идее, которая обладала бы новизной, но не была представлена в совершенно отчетливом виде, или же пренебрежи-

* В своих критических наблюдениях я хотел бы выделить два явления: нетерпеливость при отборе не до конца сформулированных новых идей и предрассудки по отношению к неформальному, вербальному методу подачи. На практике две эти проблемы часто переплетаются и требуют совместного рассмотрения.

тельно говорили о ее создателях*. Как остроумно заметил британский экономист Уилдон Карр: «Лучше быть приблизительно правым, чем стопроцентно ошибаться»[170].

Вернемся к критериям отбора в научных журналах. Где должны появляться ценные, новаторские, но не до конца проработанные идеи? Значит ли это, что в авторитетных журналах могут быть напечатаны только окончательно оформленные, четко продуманные работы? Должны ли редакторы принимать текст только в случае абсолютной уверенности в правоте автора?**

Ничего бы не случилось, если бы, предположим, «American Economic Review» специализировался только на публикации работ, созданных, по моей классификации, на «втором этапе» исследований, но одновременно существовали бы и другие, *не менее авторитетные* журналы, где могли бы появиться разработки «первого этапа» (наряду с более проработанными теориями), статьи, представляющие совсем еще свежие идеи в первом приближении***.

Еще раз хочу подчеркнуть определение «не менее авторитетные журналы». К счастью, они есть и готовы публиковать многообещающие, не совсем готовые произведения. Однако подобные публикации, как правило, имеют куда меньший вес, когда речь заходит о предложениях работы или продвижении конкретных ученых. Здесь-то и встречаются две группы интересов: критерии отбора ведущих университетов и авторитетных журналов. Помню, как я был поражен, впервые услышав от одного шведского коллеги полуироническое-полусерьезное замечание, мол, в Швеции двух статей, опубликованных в «Эконометрике», достаточно, чтобы стать профессором. Даже если это не совсем так, но от истины недалеко. Свежеиспеченному доктору наук для быстрой академической карьеры в западном мире нет смысла выдвигать революционные, но сырые идеи и ломать голову над новыми открытиями. Лучше пойти проверенным путем: взять известную, признанную теорию и испытанную

---

* При этом я отлично помню, как экономист-математик средней руки уничижительно отзывался о работе Хиршмана «Выход, голос и лояльность» (1970), о которой я упоминал ранее. В небольшой книжечке новаторские идеи представлены совершенно по-новому, но наш экономист этого не оценил и решил, что в работе слишком много длиннот и пустых рассуждений, — он не понимал, как можно так много написать на такую простую тему.

** Если значительная теория уже появилась, и к ней даже разработана некая модель, от редактора или рецензента не требуется особой прозорливости, чтобы определить, все ли в порядке с каким-нибудь новшеством в проверенной модели или признанной теории. Настоящий нюх нужен там, где приходится выбирать из незавершенных теорий и предположений, определяя, что из этого может вырасти в зрелую теорию, а что лишено ценности и стройности. Первое надо печатать, а второе отвергать.

*** Могу привести пример из истории собственных публикаций. В 1978 г. я представил ряд основных идей «Дефицита» на конференциях Эконометрического общества в Чикаго и Женеве. Книга тогда находилась в процессе написания, мои доклады от начала до конца были оформлены «в прозе» и не содержали математических моделей, а теоретические выкладки не были полностью завершенными. Несмотря на это, главный редактор журнала «Эконометрика» Хьюго Зонненшайн предложил напечатать доклад. Думаю, публикация текста, столь далекого от математики, была исключительным событием в истории «Эконометрики» и делает честь смелости профессора Зонненшайна, который не испугался новых, непривычных идей.

математическую модель, внести незначительные изменения, все определения должны быть точными, а предположения — снабжены безупречными доказательствами. Тогда есть шанс пристроить публикацию, скроенную по данному рецепту, в одном из так называемых топовых журналов* — и трамплин для дальнейшей карьеры обеспечен.

Такой процесс отбора представляется мне вредным. Талантливые люди теряют желание пробовать свои силы. Редакторы журналов считают: слишком велик риск ошибок — но ведь попасть в точку можно только путем проб и ошибок. Исследователь привыкает красться по стеночке, вместо того чтобы учиться смелости. Швейцарский экономист Бруно Фрей шокировал своих читателей уже одним названием статьи, опубликованной в 2003 г.: «Публикация как проституция? Выбор между собственными идеями и академическим успехом» («Publishing as Prostitution? Choosing between One's Own Ideas and Academic Success»).

Молодому ученому сегодня негде по-настоящему расправить крылья. Его сразу втискивают в рамки, о которых я только что рассказал. И процесс этот ширится, набирает обороты, воспроизводя сам себя. Журналы все чаще стремятся стать AER в миниатюре, копировать его редакционную политику. Второразрядные, и даже третьеразрядные, университеты пытаются следовать за первой пятеркой или десяткой и требуют от доцентов и преподавателей пропустить каждую клеточку своего мозга через мясорубку публикаций, чтобы у них уже не хватило сил на «рискованные» с точки зрения публикации мысли. Из молодых людей, отфильтрованных таким образом для академической карьеры, будут потом отбирать рецензентов для ведущих журналов, которые отдадут предпочтение работам, похожим на их собственные. Заданные предпочтения консервируются, а журналы становятся совершенно однотипными по стилю, содержанию, формату, структуре дискуссий и методологии.

Рассуждая далее, должен признать, что подобные предвзятые американские стандарты для публикаций становятся образцом для кафедр экономики и периодических изданий в других странах. Что еще опаснее, дурной пример экономической науки в Америке начинают перенимать и другие общественные науки, такие как социология и политология. От специалистов по данным дисциплинам порой начинают требовать: либо ты пишешь модель для явления, которое изучаешь, либо мы не считаем твои изыскания научными. Считается, будто применение математических инструментов придает вес публикации, в первую очередь, в экономике, но все чаще и в других общественных науках. Даже если мысль можно высказать просто, обыденным языком, разумнее представить ее в усложненном виде, снабдив математическими формулами. И хотя это затруднит понимание, зато будет создавать впечатление «научности». Зачастую математическая формула или уравнение болтаются на

* Подступаться к большой новой теме невыгодно уже только потому, что она потребует публикации обширного материала, тогда как журналы предпочитают короткие, компактные статьи.

аргументации, как побрякушки на платье, — объяснительной функции они не имеют, но призваны произвести впечатление.

Моя критика не направлена на формализацию теории или на применение математических инструментов самих по себе. Я всегда был и остаюсь их сторонником и использую сам, по мере сил. Я выступаю против преувеличения и предвзятого отношения или же агрессивной монополии на конкретный подход. Больше всего я хочу, чтобы новаторство, интеллектуальный эксперимент, оригинальность получили поддержку и признание.

Я, бывало, сокрушался, жалел, что не смог провести жизнь в спокойной атмосфере научной жизни в Америке. Уверен, я и там сумел бы пройти путь от ассистента до профессора. Скольких тупиков и обходных путей я мог бы избежать и двигаться к цели по прямой! Иной же раз мне казалось, что все обернулось к лучшему. С момента начала научной карьеры я ни разу не поддался давлению навязываемой мне догмы. Я, скорее, выбирал роль аутсайдера, но не превращался в подражателя. Из-за этого я не раз оступался, терпел поражение, но сумел сохранить независимость мышления.

В последнее время развернулись масштабные дебаты относительно критериев отбора в ведущих журналах и их влияния на развитие экономики*. Надеюсь, своими аргументами я тоже смогу внести вклад в это обсуждение. Я позволил себе пространные рассуждения, будучи уверен в типичности моей истории, и решил не множить жалобы обиженного автора, но выразить свое отношение к важному и распространенному явлению.

Несколько глав тому назад я рассказал о предложениях по реформе, разработанных мною в будапештском Институте экономики в 1971 г. Тогда я настаивал на придании большего веса публикациям при выдвижении и назначении сотрудников. Я призывал восточноевропейских коллег не бояться конкуренции и пробовать печататься в известных международных журналах. Признаюсь, тогда, 35 лет назад, я был менее сведущ в недостатках селективного процесса в западной экономической науке. Но даже зная обо всех опасных искажениях, описанных выше, я бы не отказался от данного тогда совета: ученые Восточной Европы должны стремиться публиковать свои работы в серьезных международных изданиях. Разовью метафору, использованную в главе 11, относительно экспорта на западный рынок. Чтобы венгерские (и вообще восточноевропейские) товары стали более качественными, они должны пройти проверку на требовательных западных рынках. Это справедливо, даже при условии, что рынок не идеален и на отбор влияет множество факторов: монополии, силовые преимущества гигантских корпораций, предубеждение покупателей по отношению к неизвестным производителям и т.д. Нельзя замыкаться в рамках национальных границ, нельзя упорствовать в своей провинциальности и тешить себя успехами на привыч-

* Одним из инициаторов данной дискуссии стал Гленн Эллисон, до недавнего времени — шеф-редактор ведущего журнала по теоретической математической экономике «Эконометрика», который подверг острой критике существующую практику публикаций.

ной родной почве. Все это может привести лишь к застою и снижению стандартов качества.

Именно поэтому я не стану отказываться от прежнего своего предложения о публикациях и, несмотря на критическое отношение к мировой экономической науке, продолжаю настаивать на необходимости учитывать их при назначении профессоров и избрании академиков в Венгрии.

15

ДРУЖЕСКАЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ КРИТИКА — 1968–1989

«Процесс венгерских реформ: мечты, надежды и реальность»

Югославия отказалась от сталинской системы управления народным хозяйством и создала собственную модель самоуправления уже в 1949 г., после разрыва с гегемонией Советского Союза и странами социалистического блока. Венгрия же стала первой страной соцлагеря, которая попыталась соединить коммунистическую систему в политике и рыночную экономику. В 1968 г. с командно-административной экономикой было покончено. Государственные предприятия перестали получать указания из центра, что им производить, сырье, энергия, трудовые ресурсы или зарплаты больше не распределялись из центра. Классическую сталинскую модель сменила система, названная «новым экономическим механизмом».

Не впадая в националистическую предвзятость, можно сказать, что влияние венгерских реформ распространилось далеко за границы страны. Этот процесс разбудил новые надежды повсюду, где до сих пор доминировала косная, жесткая система, подавлявшая любые рыночные начинания. Многие в этот период увидели в Венгрии пример, достойный подражания. Венгерский опыт повлиял на реформы в Китае, на мышление советских и восточно-европейских экономистов и стал предметом тщательного изучения западных экономистов, специализировавшихся на исследовании коммунистических экономик.

Надежды реализованные и разбитые

За грандиозным поворотом 1968 г. последовали два суматошных десятилетия. Соотношение сил в политике менялось, и реформы то буксовали, то снова набирали ход, а иногда, под влиянием противников реформ, начинались обратные процессы. В конце концов, прогрессивная тенденция оказалась сильнее, на исходе 1980-х годов приметы рыночной экономики, по сравнению с

1968 г., стали в Венгрии куда заметнее. Однако до самой смены режима в 1989–1990 гг. система оставалась гибридом, противоречивой комбинацией бюрократии и рынка.

В том, что сформировалось в государственном секторе экономики, было нечто ненастоящее, искусственное, наигранное. Детальные плановые распоряжения перестали поступать, право принятия решений перешло к директору. Но о какой независимости можно было говорить, если директора назначали комитет партии и министерство, они же могли его и снять. В условиях настоящего рынка продавец и покупатель устанавливают цены путем соглашения. В нашем случае большую часть цен определяли не продавец с покупателем, а центральное ценовое ведомство. В лучшем случае, рынок пытались стимулировать, устанавливая цену, которая отвечала соотношению спроса и предложения. В худшем случае, рыночную цену никто и не пытался стимулировать, ее устанавливали таким образом, что одни товары или целые предприятия оставались убыточными, а другим высокая цена изначально гарантировала прибыль. Роль прибыли существенно возросла: теперь руководству предприятия приходилось уделять прибыльности значительно больше внимания, чем раньше. Да только стимулы к получению прибыли были ненастоящие, отчасти из-за перекоса цен, речь о котором шла выше, отчасти — в результате бюрократического перераспределения прибыли. Если у какого-то предприятия прибыль была слишком высока, ее изымали и отдавали тем, кто терпел убытки. В этом соревновании были победители, но не было побежденных. Другими словами, бюджетные ограничения оставались мягкими.

Те, кто надеялся на победу рыночного механизма, могли быть довольны лишь наполовину. Та же смесь недовольства и удовлетворенности переполняла сторонников сохранения централизованной системы хотя бы для принятия важнейших решений. Идея состояла в том, чтобы заменить прежнее *прямое* регулирование в виде плана на *опосредованное* регулирование, при котором намерения центра сообщались бы производителям и потребителям через меры фискальной и монетарной политики, процентные, обменные и налоговые ставки и государственные субсидии.

Увы, все это были пустые мечты*. «Меня посетило видение, — писал я в 1982 г., — будто бы я вошел в современную диспетчерскую какого-то завода с кучей «регуляторов»: сотни кнопок, переключателей, инструментов и мигающих лампочек. Кругом шныряют диспетчеры — то кнопку нажмут, то рычаг потянут. Перехожу в цех: рабочие тачками возят сырье, мастер орет благим матом. Производство не стоит на месте, но процесс никак не зависит от того, на какую кнопку нажмут во внушительной диспетчерской. Неудивительно, что между цехом и диспетчерской нет прямой связи»[171]. Недоставало соединительного кабеля: чего стоят все процентные ставки или курсы валют, если предприятия по-прежнему недостаточно чутко реагируют на цены и затраты? Реакция притуплялась, ведь из-за бюрократического перераспределения по-

* Ласло Антал (1982) удачно охарактеризовал это явление как «иллюзию регулирования».

лучение прибыли так и не становилось для предприятия вопросом жизни и смерти. Карьера управленца продолжала зависеть от связей наверху, а не от успеха на рынке.

Бюрократическая власть попробовала ослабить узду для руководителей, что повлекло за собой определенные преимущества: у предприятия оставалось какое-то пространство для инициативы и для воздействия рыночных импульсов. Дефицит на многие товары и услуги прекратился, хотя экономика дефицита по-прежнему проявлялась в важнейших областях — например в торговле импортными товарами, секторе аренды жилья, обеспечении услугами телефонной связи, здравоохранении.

Параллельно с расширением децентрализации на микроуровне ослабла и макроэкономическая дисциплина. К моменту, когда регион оказался на пороге смены режима, именно в странах, проводивших эксперименты с реформами, в Венгрии, а потом и в Польше, быстрее всего стала расти инфляция, смягчились механизмы удерживания роста заработной платы и пошла вверх спираль иностранной задолженности. Старая сталинская коммунистическая административная дисциплина уже не могла сдерживать эти негативные макроэкономические тенденции, но настоящая заинтересованность в прибыли, настоящая конкуренция и настоящий рынок еще не начали оказывать необходимое дисциплинирующее влияние. Страны, вводившие половинчатые реформы, выдавали худшие показатели, нежели жесткие коммунистические диктатуры — Чехословакия при Гусаке, или Румыния при Чаушеску, где ценой снижения уровня жизни населения удалось получить лучшие показатели по текущим счетам и более стабильный уровень цен и зарплат.

Реформа 1968 г. заострила внимание на создании нового экономического механизма для государственного сектора. Расширение *негосударственного* сектора товаров и услуг стало практически побочным продуктом процесса реформ. Формы собственности представляли собой неоднородную смесь. Так называемые малые кооперативы были уже относительно независимы в отличие от обычных кооперативов, которыми, на самом деле, руководили партийные назначенцы. Были также кустарные артели, предприятия мелкорозничной торговли и фирмы по оказанию услуг, находившиеся целиком в частной собственности. Еще одна любопытная форма — хозяйственные трудовые товарищества на предприятии (VGMK), островки частной собственности в трясине госпредприятий. И, наконец, существовала многообразная «вторая экономика», в которой десятки или сотни (кто знает?) тысяч людей работали на себя, сохраняя свои рабочие места и продолжая трудиться в «первой экономике» (выполняя различные объемы работы). Все заговорщически цинично закрывали глаза на отход от классического социализма (хотя это и не поощрялось) — и это была отличительная черта именно венгерских реформ, государственная собственность утратила свою монополию, а затем и преимущество.

От наивного реформатора к критическому аналитику

Краткий обзор не может дать детальной картины сложнейших взаимосвязей, характерных для венгерских реформ. В нем лишь выделено то, что я всегда считал самыми характерными чертами «нового экономического механизма». Данный отчет также не в состоянии отследить динамику процесса и лишь дает неподвижное изображение венгерского экономического механизма 1980-х годов. Говоря о реформе в рамках данной книги, я, в первую очередь, должен изложить собственную позицию относительно процесса обновления социализма. Что я думал и делал по этому поводу?

Точкой отсчета в подзаголовке раздела стал 1968 г., ведь именно в этом году было покончено с командной экономикой, официально он стал первым годом работы «Нового экономического механизма». История, конечно, началась еще раньше. Я уже писал об этом в предыдущих главах, но позволю себе вкратце вернуться к этой истории и моей роли в ней, рискуя повториться.

С 1954 г. я с растущим интересом и энтузиазмом стал размышлять над вопросами обновления социалистической экономики. Хотя темой моей книги о сверхцентрализации и был позитивный анализ старого механизма, вся она была пронизана верой в возможности обновления. В продолжение этой работы летом 1956 г. я с несколькими коллегами начал составлять предложения по реформе. Я находился под влиянием идей реформаторского социализма и в первые дни революции 1956 г., когда формулировал экономическую программу для Имре Надя.

После разгрома революции и волны жесточайших репрессий от этой веры не осталось и следа. Период «наивного реформаторства» в моей жизни закончился*, и вере, которой я служил ранее, не суждено было возродиться. Теперь я уже не рассчитывал, что под руководством коммунистической партии может функционировать экономика, совместимая с личной свободой и правами человека. В результате *политических* и *этических* рассуждений я разочаровался в восточноевропейском варианте «рыночного социализма», который, с одной стороны, стремился сохранить власть коммунистической партии (или, по крайней мере, смирялся с ней), а с другой, в целях повышения эффективности, мечтал скрестить ее с рыночной координацией, столь успешно работающей в капиталистических странах.

В 1957 г., когда от партийного центра поступило предложение войти в новый комитет по реформам, долго думать над ответом мне не пришлось. Я не

---

* Выражение «наивный реформатор» я впервые употребил в статье, написанной для «Journal of Economic Literature» (JEL — Журнала экономической литературы) в 1986 г., название которой я привел в подзаголовке данной главы. «Наивными реформаторами» я назвал Дёрдя Петера, отца венгерских реформ, Влодзимежа Бруса, интеллектуального архитектора польского движения за реформы, и Оту Шика — главного экономиста Пражской весны. К ним я причислил и Горбачёва. Многие экономисты прошли через стадию «наивного реформаторства», каждый в свое время. (Кое-кто так и не расстался с наивной верой.)

хотел водить дружбу с *теми*, кто вернулся к власти на броне советских танков, кто бросал друзей в тюрьмы и жаждал мести.

Глубокое отвращение не покидало меня, оно же удержало от участия в комитетах, организованных партией в 1960-х годах. Меня тошнило от одной мысли, что я должен буду выяснять, руководствуясь свежими сплетнями, можно ли склонить товарища Х., партийного босса, который на данный момент отвечает за экономику, к мысли об установлении курса валют согласно предельным издержкам или он по-прежнему держится критерия средних издержек. Я не желал принимать участие в выработке компромиссных предложений, которые были предназначены для обсуждения на партийном форуме и, в лучшем случае, могли быть одобрены.

В кадаровскую эпоху многие влиятельные представители венгерской интеллигенции в той или иной форме лично контактировали с Дёрдем Ацелом — главным начальником по делам культуры. В задачи моей книги не входит оценка деятельности Ацела, не мне взвешивать на аптекарских весах, сколько он принес пользы или вреда и когда это произошло. Я не осуждаю тех, кто с ним регулярно или изредка ужинал, обивал пороги его ведомства или совершенно бескорыстно пытался просить за своих товарищей, которые томились в тюрьме. Мне, скорее, представляется символичным то, что я принадлежал к числу тех немногих представителей интеллигенции, кто никогда не обращался к Ацелу*.

Признаю, что был в своем поведении непоследователен. Я бежал от Ацела, как от чумы, но не постыдился, как уже рассказывал, обратиться к Режё Нершу с просьбой помочь мне в установке телефона. А ведь Нерш оставался членом ЦК после того, как лишился поста в высшем руководстве партии и был «сослан» директором к нам в институт. Я не принимал участия в «рабочих комиссиях» и комитетах при партийном центре, что не мешало мне поддерживать дружбу с коллегой, который состоял в институтской парторганизации и даже какое-то время выполнял функции ее секретаря. Я не делил людей по принципу принадлежности к партии. Однако, будучи не совсем последовательным, отказался от активного участия в подготовке реформ, в первую очередь, из боязни, что это свяжет меня с руководством партии *организационно* и я окажусь в числе «попутчиков», группирующихся вокруг партийной организации.

Отмечая политический фактор как первостепенный, должен обрисовать связанную с ним природу моего поведения и задач, которые я ставил перед собой после 1956 г. Я строго (признаюсь, возможно, слишком строго) разграничил для себя два возможных варианта карьеры: эксперта-консультанта, принимающего политические решения или стремящегося на них влиять, или ученого-

---

* Осенью 1980 г. Ацел через Лайоша Фалувеги, председателя Госплана, выразил явное недовольство в связи с моей статьей о конфликте между эффективностью и социалистической моралью. (Как мы скоро выясним, он был не одинок в своем неприятии.) Я выслушал мнение Ацела и сказал только: «Похоже, мы друг с другом не согласны». Позднее Фалувеги передал мне критические замечания в письменном виде.

го-исследователя. Я не обсуждаю здесь, как эти роли соотносятся при демократии, но показываю ситуацию, в которой дилемма возникла для меня и моих коллег — т.е. когда к услугам экспертов прибегало тоталитарное государство. Для каждой роли нужны свои способности и умения, выбор одной из функций предполагает выработку конкретной схемы поведения. Эксперт-консультант должен быть ловким тактиком, уметь маневрировать, обладать гибкостью, уметь идти на компромисс, если это ведет к успеху. На политической арене все перечисленные качества являются достоинствами, они же представляют опасность в научном исследовании. Безотчетная вера в собственные слова может усилить доверие к деятелю в сфере политики, но исследователь обязан оставаться объективным — оценивать доводы и контраргументы, исходя из соображений рациональности, и сохранять изрядную долю сомнения даже применительно к собственным убеждениям. Человек, исполненный мессианского ощущения, стремится перекроить общество сообразно собственному видению и с трудом сохраняет в себе те свойства, которые присущи ученому.

Не люблю делать что-то наполовину. Я не мог посвятить сердце и мозг частично выполнению функций эксперта, консультанта при правительстве (желая, чтобы это правительство исчезло с политической сцены), а другую половину — отдать науке. Кто-то, может, и способен на это, но только не я. Боюсь, если бы я попытался, то потерпел бы крах в обеих ипостасях.

Прошу прощения у читателей за то, что снова и снова возвращаюсь к этой дилемме. Не могу даже пообещать, что не буду больше говорить о ней до конца книги, ведь эта проблема сопровождает меня всю жизнь. Мне приходилось делать нелегкий выбор между участием в политике и полным уходом в научную деятельность в совершенно разных исторических условиях и в конкретных специфических ситуациях. Вот почему проблема выбора стала ведущим мотивом автобиографии, ведя к неизбежным повторам.

В конце концов, по завершении периода «наивного реформаторства» я стал аналитиком, критикующим реформу социалистической экономики. О том, чтобы я закрыл глаза на проблему, и речи быть не могло. Она занимала меня даже в те годы, когда я не посвятил ей ни строчки. Какую бы книгу или статью мне ни приходилось читать, я постоянно думал, как можно их соотнести с социалистической экономикой. Особый интерес к данной теме не ограничивался изучением. Я чутко следил за изменениями в практике управления экономикой.

Несколько лет спустя проблемы реформ вышли на первый план и в моих исследованиях. В «Антиравновесии» уже затрагивались отдельные аспекты проблемы. В «Дефиците» я стремился показать, как типичные для социалистической экономики черты дисфункциональности можно объяснить через *фундаментальные* характеристики социализма. Последние можно смягчить с помощью частичных реформ *внутри* системы, но не уничтожить. Именно изучение недореформированной, якобы ориентированной на прибыль венгерской экономики обратило внимание на *мягкие бюджетные ограничения*.

Впоследствии я написал несколько работ с целью описать и проанализировать реформы. *Тематически* эти работы можно сравнить с тем, что писали те мои коллеги, кого обычно называли «экономистами реформ». Мы печатались в одних и тех же венгерских журналах. Случалось вместе делать доклады на одних и тех же венгерских и международных форумах.

В своих трудах и лекциях я демонстрировал явную симпатию в отношении идеи реформ. Я не подыгрывал ее противникам, а, напротив, был бы рад успеху преобразований. В моей критике состояния реформы тоже не было ничего особенного — «экономисты реформ» делали то же самое в не менее резкой форме. Существенная разница проявлялась, однако, в нашем подходе к проблеме. Ключевым выражением реформаторов были слова «*еще* не...» Ценовая система еще не достаточно хороша. Государственная бюрократия все еще не достаточно удалилась от жизни предприятий. Рынок капитала еще не работает и т.д. «Еще не...» — категория временная. В конечном итоге, все образуется.

Я в отличие от них не верил в столь оптимистичный сценарий. Мои чувства на тот момент можно было назвать «реформенным скептицизмом». Мой друг Михай Лаки иронически окрестил нас и еще нескольких коллег, разделявших наши взгляды, «реформаторами-привередами». Нам было противно все, что было в этой реформе фальшивого, ложного, надуманного. Это была не настоящая рыночная экономика, и, следуя по такому пути, она не могла стать настоящей!

Перейдем к семидесятым и восьмидесятым годам. Прошло немало лет с тех пор, как я потерял веру в обновление социализма в результате политической и морально-этической травмы. С той поры чтение западной литературы, непосредственное знакомство с развитой западной экономикой, критическое и рациональное осмысление связей между общественной и частной собственностью, бюрократией и рынком убедило меня как экономиста и исследователя общества в следующем: рынок не сможет играть главную роль в координации экономических процессов в экономике, которая, главным образом, базируется на общественной собственности. Проблема не в том, что та или иная составляющая рыночной экономики «еще не» реализована. Правда состояла в том, что только капиталистическая экономика может быть настоящей (а не поддельной) рыночной экономикой*.

Это убеждение настраивало меня против того, что предлагали самые ярые реформаторы. Насколько их предложения могли приблизить настоящую рыночную экономику? Разве они не создавали иллюзии? Разве не поселяли в сердцах многих наивных, благодушных людей с более или менее социалистическими взглядами надежду (ложную, пустую надежду), будто они смогут со-

* Экономическая теория Маркса насаждает подозрительность по отношению к рынку. Верные марксисты-ленинисты были совершенно правы, утверждая, будто сторонники рыночных реформ исповедуют «антимарксистские» взгляды. Я остерегался высказывать подобные вещи в своих работах, так как не хотел отягощать совесть реформаторов, с готовностью объявлявших себя марксистами.

единить политическую структуру, проповедующую «антикапитализм» с марксистско-ленинских позиций, перекос в сторону госсобственности и рынок? Вот еще парочка энергичных мер по внедрению реформ, думали они, и перед нами откроется «третий путь», в котором и есть социализм, и нет его, а рыночная экономика присутствует, но не несет в себе безобразных черт реального капитализма. Экономисты-реформаторы по-прежнему верили в возможность осуществления рыночного социализма, и это составляло основу моих с ними теоретических разногласий.

Я участвовал в различных дебатах. Иногда спор шел лицом к лицу, порой оппоненты полемизировали со мной опосредованно, критикуя мои взгляды или поведение. Стрелы сыпались со всех сторон. Позволю себе поделиться некоторыми эпизодами, чтобы читатель мог представить мою тогдашнюю ситуацию.

«Вместо того чтобы сказать, что нам делать...»

Легендарной фигурой в период реформ стал Тибор Лишка. Мы не раз схлестывались по разным вопросам, но я и сегодня с теплом и уважением вспоминаю его горячие харизматичные выступления, остроумные реплики, прямоту, верность принципам и отказ от дешевой тактики. Лишка был пророком своеобразного социалистического капитализма или капиталистического социализма. Ему представлялось, что каждый гражданин должен получить свою долю коллективного народного имущества и затем распорядиться этим стартовым капиталом как предприниматель в условиях экономики, которая в остальных своих проявлениях является рыночной*. Отдельные пункты плана Лишка проработал с исключительной тщательностью, но другие важные моменты остались совсем без освещения. К замыслу примешалась и чистая вера Тибора в благородный моральный постулат о равенстве возможностей, уважение к предпринимательству в духе капитализма и уверенность в том, что любая утопия осуществима, надо только сильно захотеть**.

Лишка был настоящим гуру, окруженным верными учениками. Он проводил «сеансы», на которые приглашал известных экономистов. Те пробовали спокойно возражать, но Лишка всегда сбивал их с ног несколькими мощными доводами и выигрывал вчистую. Однажды он вызвал на интеллектуальный бокс и меня. Я, в свойственной мне манере, высказал свои соображения, дал объективную оценку состояния венгерской экономики, отметил сильные и слабые стороны идей Лишки и остановился на реальных возможностях и ог-

---

* Можно понять, почему некоторые последователи Лишки с таким упорством боролись за ваучерную приватизацию государственного имущества после смены режима.

** Свой знаменитый труд «Экономстат» Лишка написал в 1966 г., но в продолжение двадцати двух лет книга ходила по рукам только в самиздате и была впервые опубликована на закате кадаровской эпохи, в 1988 г. Однако представления Лишки о реформе так и не получили систематического воплощения. Современные читатели лучше всего могут ознакомиться с идеями экономиста по статье его сына, Тибора Ф. Лишки, написанной в 1998 г.

раничениях преобразования общества[172]. Тибор рассердился. Было бы интересно привести его речь дословно, но записей, увы, не осталось. Поэтому я попытаюсь реконструировать сказанное им, опираясь на его воспоминания: «...все это умничанье [то есть лекция Корнаи] сводится к рассуждениям: насколько глубоко мы увязли в дерьме, что это за дерьмо, но не дает ответа, как из него выбраться. И тут есть фундаментальная разница; одно дело, если кто-то задумал проанализировать дерьмо и хочет понять, доходит ли оно до шеи или уже льется в рот, а то глаза щиплет, и совсем другое дело, когда человек говорит: не важно, докуда оно доходит, главное — выбраться из него побыстрее»[173].

Здорово было бы тогда парировать какой-нибудь остротой, но я никогда не был силен в подобных поединках и сумел сформулировать лишь пару сухих, трезвых контраргументов вроде того, что задача науки — наблюдать и понимать действительность. Но на возбужденную аудиторию они не подействовали. Я говорил, что венгерские экономисты должны не придумывать смутные картинки, а основательно изучать венгерскую действительность и настоящую рыночную экономику, чтобы выбрать реалистичный путь к улучшению ситуации.

Одним из лидеров венгерских экономистов-реформаторов был Ласло Антал, ведущий сотрудник Института финансовых исследований. В отличие от Лишки он был не пророком, но зорким наблюдателем, одним из лучших специалистов по современной венгерской экономике и здравомыслящим аналитиком-реалистом. В отличие от меня он был сторонником реформ до мозга костей. Участие в принятии решении было (и, думаю, осталось) для Антала истинной страстью и важной составляющей его жизни. Ему было важнее давать полезные советы тем, кто обладал реальной властью, нежели привлекать внимание к собственным публикациям на родине. Знакомству зарубежных коллег со своими работами Антал вообще не придавал значения. В 1983 г. литературный еженедельник «Элет еш иродалом» («Жизнь и литература») взял у него интервью. На вопрос журналиста Шандора Сенаши: «Вам нравится называть себя экономистом-реформатором — что отличает вас от «обычного» специалиста?» — Антал ответил так: «Если надо провести разграничение, я бы сказал, что есть экономисты, которые только наблюдают, описывают реальность и выдают свой диагноз с этических, относительно безопасных позиций, но ничего не предлагают. Хотя я и признаю их право на подобное поведение, такая позиция меня раздражает. Я открыто и честно стремлюсь оказывать влияние на принимаемые решения»[174].

Не в свои сани не садись. Но я и тогда принял слова Антала на свой счет. Я чувствовал, что мое отношение к реформам вызывает неодобрение и у него, и у других экономистов-реформаторов.

Здесь я должен вернуться к мысли относительно авторов самиздата, высказанной в одной из предыдущих глав. Я не считаю собственный тип поведения единственно верным, другие же типы поведения меня не раздражают. Есть вещи, которые я отвергаю и презираю, но некоторые позиции кажутся мне мо-

рально оправданными. Хорошо, что были люди, активно занимавшиеся политикой в эмиграции. Хорошо, что на родине оставались те, кто боролся нелегально, рискуя быть схваченными полицией. Хорошо, что были реформаторы, пытавшиеся своими речами помочь официальным руководителям социалистической экономики выбрать лучшее направление. И хорошо, что были объективные аналитики, которые пытались вскрыть истинную природу системы при помощи научных изысканий. В конце концов, хорошо, что между подобными формами поведения произошло разумное разделение труда.

Порой и я испытывал возмущение по отношению к компромиссу с власть имущими, на который пошли экономисты-реформаторы, но я, в конечном итоге, сумел побороть в себе эти чувства и никогда не выражал их открыто. Я осознал, что в их деятельности было больше пользы, а соглашательство не принесло такого уж вреда. Мои чувства, возможно, не нашли отклика у отдельных экономистов-реформаторов. Могу судить лишь по тому, что они писали и говорили, но что творилось у них в душе, мне не известно.

Еще одно замечание относительно поведения. В рамках избранного мною пути главным аргументом в пользу научного анализа социалистической системы была его *утилитарность*. И здесь, и в предыдущих главах я подчеркивал, что теоретическая критика оказалась полезным *инструментом* в процессе расшатывания основ коммунистического режима и, в конце концов, пережила его, приведя к краху. Какой бы важной ни была эта функция, мне бы не хотелось сводить роль общественных наук к использованию их в качестве политического инструмента в благих целях. Познание имеет *ценность само по себе*. Для кого-то познание и понимание — само по себе радость. Так было и будет всегда, до тех пор пока находятся люди, считающие науку своим призванием.

Эффективность и социалистическая мораль

В 1979 г. меня пригласили в Ирландию прочесть лекцию на ежегодных Geary Lecture в честь известного экономиста и специалиста по статистике Р.С. Джири. Там я представил научной общественности в более законченной форме доказательства концепции, впервые высказанной мною в Индии*.

Я противопоставил две системы ценностей. Первая: какие требования должны быть выполнены, чтоб рыночный механизм наиболее эффективно содействовал экономической деятельности. Вторая: какие требования устанавливает социалистическая мораль. В ходе рассуждений я пришел к выводу, что удовлетворить оба набора требований сразу невозможно. Доказать эту «теорему невозможности» с помощью строгой математической модели я не мог. (До сих пор жалею, что никто не занялся этой проблемой.) Я просто рассуждал над

* Я никогда не читаю лекции по заранее написанному тексту. Сначала я представляю свои аргументы в устной форме, по возможности несколько раз. Исходя из реакции слушателей, стремлюсь подправить, обкатать идею. И только когда ощущаю, что идея созрела, оформляю ее в письменном виде.

гипотезой и иллюстрировал ее непоследовательностью венгерских реформ. Обязательства солидарности и помощи слабым, например, могут прийти в конфликт с экономической конкуренцией, при которой отстающие терпят серьезные убытки и попадают в критическое положение.

Мои слова были адресованы, в первую очередь, тем, у кого социалистические убеждения слишком легко уживаются с поддержкой рыночных реформ — как будто этот неожиданный симбиоз будет свободен от любых конфликтов.

Я закончил свое выступление, слово взял виновник тожества, сам Р.С. Джири. Ему очень нравилось, что в коммунистических странах нет безработицы, и даже наблюдается дефицит рабочей силы. В западном же мире плюсом было отсутствие дефицита и наличие любых товаров. Можно ли совместить преимущества обеих систем, избежав их недостатков?

В ответе на этот вопрос я привел сравнение, которое впоследствии использовал в качестве заключительного абзаца своей статьи, опубликованной в журналах «Валошаг» («Реальность») и «Cambridge Journal of Economics» («Кембриджском экономическом журнале») в 1980 г.: «...возникла идея: надо создать «оптимальную экономическую систему»... Те, кто стремится к ней, представляют себе нечто вроде похода в супермаркет. На полках лежат элементы механизма, соединяющие достоинства всех систем. На одной полке — полная занятость, как в Восточной Европе. На другой — высокая организация производства и дисциплина, как в Западной Германии или Швейцарии. На третьей полке — экономический рост без рецессии, на четвертой — стабильность цен, на пятой — быстрая адаптация внутреннего производства к требованиям рынка за рубежом. Создателю системы остается лишь собрать эти «оптимальные элементы» в одну корзину, а затем дома составить из них «оптимальную систему». Увы, все это наивные мечты. История не держит таких супермаркетов, где можно выбрать, что пожелаешь. Тем, кто решает, какой системе отдать предпочтение, приходится выбирать из «пакетных предложений...»[175].

Работа вышла на нескольких языках и вызвала широкий отклик, ведь она противостояла доминирующим представлениям о гармоничном функционировании «социалистической рыночной экономики».

Не могу удержаться и не вспомнить короткий эпизод, связанный с данным исследованием. Примерно в то время в общественной жизни Венгрии появилась фигура Ласло Лендела. Поначалу он наточил свое перо против замечательных историков экономики Ивана Т. Беренда и Дёрдя Ранки, которые отвергли его замечания. Затем, объединившись с Миклошем Полгаром, Лендел вступил в дискуссию по моей статье об этике и эффективности. Они выдвигали две идеи. Во-первых, за любой этической концепцией стоят интересы определенных групп. Во-вторых, неправда, будто противоречия, изложенные в моей статье, являются причиной проблем, связанных с реформой.

Вульгарный марксизм первого утверждения не стоил даже возражений, но оставлять без ответа второе я не хотел. Ответил я резко, призвав авторов к честному спору. Во введении к работе я заявлял, что *не* собираюсь проводить *при-*

чинно-следственный анализ. В статье не было ни слова о том, будто конфликт между двумя системами ценностей является причиной неудач венгерской экономики или проблем с реформами. Комментарии Лендела и Полгара искажали содержание статьи и по другим пунктам.

Критическим замечаниям на мои работы нет числа, но не в моих правилах было на них реагировать. Если я с чем-то не соглашался, я просто возвращался к своим делам, не вступая в споры, если же критика казалась мне ценной, ее влияние становилось заметным в моих последующих работах. В замечаниях Лендела и Полгара мне показалось неприемлемым нарушение неписанной этики дискуссий*.

В автобиографическом интервью, данном Элемеру Ханкишшу, Ласло Лендел вернулся к нашему поединку: «Наша манера вести дискуссию берет начало у Маркса, с его непримиримостью, насмешками и стремлением унизить оппонента, или назовем это плохими манерами в науке... В семидесятые годы я издевательски нападал на Корнаи, Беренда, Ранки. Хотя я и был во многом прав, признаю, что хотел пропесочить их лично»[176]. Искренний тон самокритики достоин уважения, но я обратился к этому эпизоду, увидев, что Лендел осуждает лишь собственную наглость и развязные манеры. Однако дело тут было не только в *стиле* критики, но, в первую очередь, в этически неприемлемых *методах.* Лендела подводит память, когда, вспоминая о нашем споре, он утверждает, будто «был во многом прав...». Перечитав материалы дискуссии, я еще раз осознал: критика была ошибочной и по своему *содержанию.* Оппоненты искажали мои доводы, произвольно конструируя некие утверждения, которые затем приписывали мне, — и на них же возражали. Я возвращаюсь к давней полемике, видя, что подобная «техника спора» жива и сегодня, и даже стала применяться в широких кругах. Считаю неприемлемым распространение подобной практики в венгерской общественной жизни, прессе и научных работах, когда идеи оппонента искажаются и фальсифицируются, а затем становятся объектом критики.

Значение прав собственности

Одним из участников дискуссии 1983 г. о реформе в журнале «Валошаг» стала социолог и экономист Андреа Сегё[177]. Она подчеркивала, что не стремится реставрировать сталинизм, но призывает к большей централизации с использованием современных методов. Атака на реформы «слева» содержала несколько одобрительных ссылок на «Дефицит». Из моей книги Сегё вынесла идею о том, что общественная собственность порождает экономику дефицита,

* В свое время я подвергался серьезным нападкам со стороны идеологов кадаровского режима. Тогда критика была неприемлемой с политической и интеллектуальной точек зрения, но я не испытывал *морального* возмущения. Мои оппоненты находились по другую сторону интеллектуальной баррикады и не искажали мои идеи. Они критиковали то, что я действительно думал и утверждал.

т.е. такое явление, когда производство определяет не спрос, но централизованно выделенные ресурсы. Пока общественная собственность будет доминировать, реформа не сможет изменить основную природу социалистической системы. Общественная собственность совместима, скорее, с централизованным контролем, нежели с рыночным механизмом*.

Очень скоро в полемику с Андреа Сегё вступили экономисты-реформаторы. В этом смысле, типичной стала статья Тамаша Бачкаи и Элемера Дёрдя Тертака, опубликованная в 1983 г. Они отвергли «левацкую» интерпретацию моих идей и обращали внимание на то, что мои работы ориентированы на поддержку реформ**.

Подобные аргументы заставляли меня испытывать неловкость. Я, безусловно, желал, чтобы реформа достигла максимальных успехов, и любая «левацкая» реставрация представлялась мне опасной. *В этом смысле*, я был на стороне реформаторов. И в то же время, понять основную мысль моей теории сумела именно Андреа Сегё, а вовсе не те, кто хотел меня от нее защитить. Хочешь получить рынок, придется захотеть и частную собственность. Если же, наоборот, настаиваешь на главенстве общественной собственности, — не удивляйся тому, что снова и снова будешь получать бюрократический контроль. Все ухищрения реформаторов по скрещиванию общественной собственности и рыночной координации не обеспечивают бесперебойное и устойчивое функционирование экономики. В одной из последующих работ я остановился на этом вопросе более детально: существует тесная связь как между частной собственностью и рыночной координацией, так и между общественной собственностью и бюрократической координацией[178]. В ходе принудительного объединения общественной собственности и рынка естественное родство пытаются заменить искусственно созданными правилами.

В работах, опубликованных мною в 1981 и в 1986–1987 гг., я дал общую оценку венгерских реформ и ясно показал, насколько важным считаю развитие негосударственного сектора во всей его гибкости и многообразии. В нем, и только в нем, рынок становился реальностью!

В 1980-е годы радикальные сторонники реформ вывели на повестку дня «реформу собственности» [179]. Мартон Тардош, один из интеллектуальных лидеров экономистов-реформаторов, предложил сформировать «холдинговые компании», аналогичные холдингам, работающим в современной капиталистической системе. Холдинговые компании должны были управлять предприятиями вместо министерств, а их руководство — представлять «интересы собственника».

---

* Впоследствии, в 1991 г., Андреа Сегё раскритиковала «Дефицит», используя методологию польского экономиста М. Калецки, и отмежевалась от моих теорий.

** Ни соавтор статьи, ни читатели, включая меня, не подозревали тогда, что ярый реформатор Тамаш Бачкаи многие годы — как я уже писал об этом в главе 9 — являлся осведомителем спецслужб. Тот же самый Тамаш Бачкаи, который теперь меня защищал, в 1960 г. счел необходимым уведомить политическую полицию о том, что я порвал с марксизмом.

Симуляция настоящего капитализма в условиях экономики, управляемой коммунистическим партийным государством, дошла в этом проекте до гротеска. Достаточно представить себе, как главные бюрократы будут назначать других бюрократов и напутствовать их: «Ведите себя так, будто вы — хозяева...». В той статье, где я сопоставлял концепцию реформированного социализма с реальностью, был поставлен вопрос: «Может ли стимулировать интересы собственника искусственно созданное образование, которое по указанию (чьему? бюрократии?) должно представлять общество в качестве «собственника»?[180]

Позднее, уже в период смены режима, я продолжил полемику с теорией «рыночного социализма». Тема так и не была снята с повестки дня, хотя бы потому, что в Китае, Вьетнаме и на Кубе по-прежнему ищут пути преобразования общества, политики и экономики и концепция рыночного социализма не теряет своей привлекательности.

Модель Ланге и реальность венгерских реформ

Споры о венгерской реформе шли не только внутри страны, но и на Западе. В Венгрии все, кто по существу принимал участие в обмене мнениями, более или менее представляли себе ситуацию. Оппоненты, скорее, расходились в вопросе, что можно ожидать от реформы и каковы ее перспективы. За границей я, напротив, сталкивался с поверхностными, книжными представлениями. Самая читаемая книга по сравнительной теории экономических систем — учебник Пола Р. Грегори и Роберта С. Стюарта пишет о венгерской реформе управления экономикой следующее: «В целом, новый экономический механизм очень напоминает модель Ланге»[181]. Глубокое заблуждение! Возвращаю читателей к главе 7, в которой идет речь о теории социализма Оскара Ланге. Он представлял себе экономику, в которой все предприятия находятся в общественной собственности. Центр осуществляет контроль над предприятиями единственным образом — поднимает и снижает цены, реагируя на чрезмерный спрос или чрезмерное предложение.

В Венгрии на практике все обстояло иначе. Контроль, по модели Ланге, наблюдался лишь в узком сегменте координационного процесса — там, где цены устанавливались централизованно и их часто меняли, а не фиксировали намертво. Остальные цены формировались иначе. Кроме того, государственная бюрократия вмешивалась в экономические процессы массой иных способов. Настоящей конкуренции между предприятиями не было, так как ее удерживали мягкие бюджетные ограничения. И, наконец, самым существенным отличием от модели Ланге было то, что общественная собственность утратила свою гегемонию и появился (к счастью) частный сектор, а с ним и настоящий, не симулированный рынок.

К сожалению, путаница в понятиях оказалась слишком велика, и прояснить их не удается до сих пор. Если концепцию «рыночного социализма»,

связанную с изначальной идеей Оксара Ланге, применить к экономике, сочетающей в себе общественную собственность и рыночную координацию, то венгерскую экономику 1968–1989 гг. *нельзя было* назвать рыночным социализмом. Но это понятие не является зарегистрированной торговой маркой исключительно для обозначения того, что имел в виду Ланге. Перевернем процедуру подбора названий в обратную сторону. Дана система, в которой у власти находится коммунистическая партия, и сама система официально называет себя социалистической. В данной системе в ограниченных сферах появляются отдельные элементы рыночной координации, искаженные разнообразными бюрократическими ограничениями. Кто может запретить собственным идеологам системы-гибрида называть ее «рыночным социализмом»? (Или, если объединять слова иначе, можно назвать его «социалистической рыночной экономикой».) Ни одному режиму нельзя отказать в праве самоназвания. В то же время, как я стремился подчеркнуть в своих работах, в ходе преподавания истории экономической мысли в аудитории важно не перепутать теоретическую модель и ее историческую реализацию.

Отступление: еще один фрагмент венгерской реальности

В заголовке предыдущего раздела есть слово «реальность» применительно к Венгрии. Раз уж речь зашла об этом, нельзя ограничиваться ярко освещенным миром высоких теоретических рассуждений. Где-то на глубине, в темноте происходили совсем другие события. Пока я излагал свои соображения относительно рыночного социализма и венгерских реформ на венгеро-американском семинаре или на лекции в Нью-Йорке, кое-кто в аудитории тщательно все записывал.

Собирая материалы для написания мемуаров, я просматривал архивы бывших секретных служб и обнаружил документы, из которых явствует, что политическая полиция получала донесения своих зарубежных агентов, касавшиеся некоторых из моих лекций.

Один из отчетов вошел в «Ежедневную оперативную информационную сводку» от 10 декабря 1981 г.[182] Сводка содержала краткое обобщение самых важных новостей, полученных от десятков тысяч сотрудников агентурной сети и машины политической полиции. Главным адресатом был чиновник, занимавший самую высокую позицию в иерархии политической полиции, — министр внутренних дел. Копии отправлялись главам аппарата МВД — тайной полиции, а резюме шло на стол руководителям партии и правительства. Итак, в пункте 6 отчета от 10 декабря описывалось, как в ходе недавно проведенного в Будапеште венгеро-американского семинара «Янош Корнаи, известный венгерский специалист, дал подробную и конфиденциальную консультацию американцам о внутреннем положении в СЭВ, экономических трудностях Советского Союза, а также о проблемах в отношениях Венгрии с другими социалистическими странами. Корнаи детально проанализировал экономичес-

кие трудности и проблемы нашей страны. До приезда в Будапешт американские экономисты посетили Польшу и, с помощью Корнаи, пытались проверить достоверность полученной там информации в отношении экономической политики — и, по сведениям нашего источника, преуспели в этом»[183].

В отношении меня было немедленно начато расследование, о котором я, естественно, ничего не знал. В конечном итоге, установили, что я не выдал государственную тайну, и дело решили не возбуждать. (Отмечу, что всегда придерживался строгого принципа ни в каких лекциях или беседах не ссылаться на секретные данные, даже если считал секретность некоторых сведений смешной.)

Еще одна информационная сводка датирована 26 апреля 1985 г.[184] Согласно пункту 7, 7 марта я выступал с лекцией в одном из институтов Нью-Йорка. По данным отчета, институт «работает под патронажем ЦРУ». По указанию заместителя начальника отдела, генерал-майора полиции И.И., снова было начато расследование. Я, как и в предыдущем случае, естественно, ничего не знал. «Пусть отдел III/II-1 займется Корнаи», — отдал приказ генерал-майор. Это означало, что мое личное дело снова принялись проверять*: от первого документа ко второму, третьему и т.д. — т.е. все материалы, которые содержали компрометирующие меня сведения. Не могу отследить, в каком порядке они просматривали мои досье. Похоже, им снова попался отчет 1981 г., упомянутый выше. На карточке, написанной от руки, можно прочесть основную информацию: «Янош Корнаи, венгерский экономист, сотрудник Института экономики Венгерской академии наук, почетный профессор (вербовка не удалась)». Затем следуют номера досье с данными обо мне. Последняя рукописная заметка на том же листе[185]: «III/II-20: 85 пригл. проф. в США. Приглашен в ЦРУ на лкц»**.

Стоит обратиться к этим событиям, чтобы оценить, в рамках какой общественно-политической структуры шел процесс реформ. Спереди, перед кулисами представители венгерской и западной интеллигенции поддерживают дружеские отношения и со всей серьезностью спорят об Оскаре Ланге и о ценах, а за кулисами продолжаются доносы, слежки и предательство.

Оглядываясь назад сегодняшними глазами

Вернемся в мир экономической реформы. Перечитывая собственные работы, посвященные венгерской реформе, могу с облегчением сказать, что и сегодня готов подписаться под тем, что говорил тогда. Если бы я стал их заново публиковать, то добавил бы максимум пару пояснений или дополнений там,

---

* «Из провода мой голос взят бесстрастно — / зачем звонил? кому? / Подслушана мечта. Учтен причастный / к раздумью моему. / И очной ставки ждет уж картотека, / куда и мысль, и право человека / забиты, как в тюрьму». (Из стихотворения Аттилы Йожефа «Воздуха!», написанного в 1934 г. Перевод приводится по изданию: Аттила Йожеф. На ветке пустоты. М. 2005, с. 240).

** Полагаю, «лкц» означает лекцию. Здесь явная ссылка на донос 1985 г. Авторы отчета не сомневаются, что речь шла о «лекции в ЦРУ».

где самоцензура не дала мне сказать все, что я хотел. Мои работы совершенно обоснованно обращали внимание на двойственную природу реформы и стремились развенчать связанные с ней ложные ожидания.

Могу задним числом подтвердить свои заслуги в позитивном описании и анализе ситуации. *Оценка* — другое дело. Сегодня я бы дал более высокую оценку реформе, в плане ее достижений. Задним умом, как говорится, все крепки. В свое оправдание могу сказать только, что речь тогда шла о явлениях, справедливо оценить которые можно лишь обладая знанием о последующих событиях.

Предположим на мгновение, что советская империя не распалась бы и партия сохранила бы свое господство в Восточной Европе. Половинчатая реформа с ее своеобразной иллюзорной идеологией способствовала бы консервации кадаровского режима. Реформаторы были бы вынуждены пойти на компромиссы и отложить настоящие радикальные перемены*.

К счастью, все вышло иначе. Когда произошла смена режима, гибридная, квазирыночная реформа оказалась неплохой подготовительной школой, если смотреть с сегодняшних позиций. Передовой отряд социалистов-реформаторов или, по крайней мере, самая способная и профессионально подготовленная часть экономической элиты сумели подготовиться к тому, как работает рынок, почему надо следить за расходами, за ценами и прибылью, осознали смысл частного соглашения и т.д. За время реформы многие поняли, что значит быть предпринимателем, работая в частном секторе. Благодаря «школе реформ» Венгрия получила на старте определенное преимущество перед другими постсоциалистическими странами.

Увы, по истечении первых пятнадцати лет преимущества были размыты. Это можно сравнить с тем, какую роль в карьере отдельного человека играет хорошее образование. На старте оно дает безусловные преимущества, однако энергичные и удачливые, несмотря на более слабую подготовку, могут догнать, а то и перегнать прежних лидеров. То же самое произошло и с экономическими преобразованиями в странах Центральной и Восточной Европы. В Чехословакии, где попытки провести реформы были подавлены в 1968 г., царила самая жесткая диктатура и была самая централизованная экономика. Вскоре после смены режима страна, ко всему прочему, еще и разделилась на два государства. И все-таки она не уступила Венгрии (лидеру реформ при социализме) в процессе освоения институтов рыночной экономики.

Все это приводит нас к ключевому вопросу. Что же мы на самом деле оцениваем? Значение событий 1970–1980-х годов, с точки зрения их важности для *будущего* страны двадцать лет спустя? При оценке с позиций коллективистской философии и в долгосрочной перспективе на века подобный подход, возможно, и оправдывает себя. Но у человека всего одна жизнь. Если сегодня сравнивать двадцать с лишним лет, прожитые венграми и чехами с 1968 по 1989 г.,

* Это напоминает двойственный эффект современной китайской реформы, которая, в определенной степени, помогла стабилизировать и узаконить власть коммунистической партии.

я бы сказал, что венграм пришлось легче. Атмосфера была посвободнее, проще было ездить за границу, больше товаров и проявлений современной культуры просачивалось с Запада. Жизнь была более терпимой*. Как бы банально это ни звучало, но Венгрия действительно была самым веселым бараком социалистического лагеря по сравнению с Чехословакией, ГДР или Румынией. Реформы в экономике были тесно связаны с ослаблением гнета и косности сталинской эпохи. И, оглядываясь назад, я сегодня считаю их более ценным и значительным достижением, нежели представлял когда-то.

* Родители, бывшие в оппозиции к режиму, чьи дети на момент самых жестоких репрессий были совсем маленькими или достигли подросткового возраста, оказались перед сложнейшим выбором. Если дома говорить совершенно открыто, еще не вполне зрелый и морально закаленный ребенок может выдать родительские взгляды там, где не надо. Если же не быть искренним с домашними из соображений безопасности, ребенок лишается необходимого политического просвещения и не может противостоять дезориентирующему влиянию прессы, пропагандистской машины и, зачастую, школы.

У нас, по счастью, подобных проблем не возникало. Мы были в состоянии честно обсуждать с детьми даже щекотливые политические проблемы. Мы были с ними на одной волне и не знали конфликта поколений, который часто возникает между родителями и детьми по основным политическим и этическим вопросам. Формирование взаимопонимания облегчало и то, что на момент, когда детей начали интересовать проблемы общества и политики, атмосфера стала уже менее удушающей и разговоры стали более открытыми не только дома. Относительная открытость и была одной из составляющих «терпимой жизни».

16

ГАРВАРД — 1984–2002

Осенью 1983 г. я прогуливался по парку принстонского Института специальных исследований (Institute for Advanced Study), и вдруг мне навстречу в рубашке и сандалиях на босу ногу выходит Альберт Эйнштейн. Я глазам своим не поверил. Все совпадало точь-в-точь: лицо, развевающиеся седые волосы, взгляд, одежда. Я не мог понять, что это? Или мне привиделось?

Оказалось, в Принстоне снимали фильм — в месте, где Эйнштейн работал с момента приезда в Америку; здесь он любил гулять по парку, глубоко погрузившись в мысли.

Мы к тому времени уже несколько недель жили в доме 45 по Эйнштейн-драйв, в одном из небольших домиков поселка, спроектированного нашим соотечественником Марселем (Марцеллом) Бройером.

Принстон, Институт специальных исследований

Культ Эйнштейна жив в Принстоне и по сей день, и его дух продолжает вдохновлять тех, кто сюда приезжает. Прежде чем вернуться к собственным впечатлениям, коротко опишу принстонский Институт специальных исследований. Исследовательский институт, работающий вне университетских рамок, в Америке редкость. Практически все ученые посвящают значительную часть своего времени преподаванию. Многие американские коллеги завидовали сотрудникам советских и восточноевропейских академических учреждений, освобожденных (или отлученных) от преподавания. Когда Эйнштейн приехал в Америку, те, кто его пригласил, решили: пусть хотя бы он не будет вынужден тратить целые дни на занятия со студентами. Значит, надо создать институт, где Эйнштейн сможет обратить всю свою энергию на исследования. И раз уж второго и третьего Эйнштейна не найти, придется привлечь постоянными сотрудниками еще несколько выдающихся ученых. Затем в область их интеллектуального притяжения можно будет призвать способных исследователей со всех концов света, чтобы они проводили в институте один-два года. Вдали от своих институтов и университетов, свободные от преподавательских и административных обязанностей, они могли посвятить все силы работе над любимой темой.

На пожертвования богатых и щедрых американских спонсоров был создан фонд, и институт вскоре начал свою работу. Изначально он стал идеальным центром главным образом для физиков-теоретиков и математиков. Здесь провел все свои годы в Америке венгерский математический гений Джон (Янош) фон Нойман. (Его именем назвали другую улицу поселка, Нойман-драйв.) Здесь работал и гигант математической логики Курт Гёдель. Великий физик Роберт Оппенгеймер возглавлял Принстонский институт с 1947 по 1966 г.

В 1973 г. была создана Школа общественных наук (School of Social Science), где каждой дисциплиной заведовал один профессор. В 1983–1984 академическом году, когда я работал в Принстоне, за экономику отвечал Альберт Хиршман, за политологию — Михаэль Вальцер, а за антропологию — Клиффорд Гирц. Каждый из них был авторитетнейшим специалистом в своей области.

За годы существования институт разросся, но сохранил характерную структуру: немногочисленный постоянный состав и вокруг него — в пять-шесть раз больше приглашенных исследователей, которые сменяются раз в год и отбираются постоянными сотрудниками. С самого начала здесь собирались специалисты в различных областях; одной из притягательных черт института был междисциплинарный характер работы.

Я расценил приглашение в Принстон как большую честь, и проведенный здесь год стал одним из самых интересных и продуктивных в моей жизни. Если в загробном мире пожелают устроить специальный рай для людей науки, за образец надо будет взять Принстонский институт. Здания окружает огромный парк, посередине — озерцо, но если пройти дальше, попадаешь в лес, принадлежащий институту, через него протекает ручей, сквозь густую чащу проложены тропинки — идеальное убежище для тех, кто, вроде меня, любит предаваться размышлениям, прогуливаясь на природе. Тот, кто жаждет общения, может встретиться с коллегами за вкуснейшим обедом.

Отбор в институт проходит частично на основании материалов, поданных кандидатами, и частично по рекомендации постоянных сотрудников. Альберт Хиршман собрал в 1983–1984 гг. исключительно тех экономистов, кто выделялся из общей массы сторонников неоклассической догмы. Компания собралась прелюбопытная. Здесь был и Аксель Лейонхуфвуд — шведско-американский профессор, известный своей интерпретацией Кейнса[186]. Моим собеседником также был Джодж Акерлоф, ставший, благодаря остроумной статье о рынке «лимонов» (подержанных машин), одним из основателей теории несимметричной информации. За эту работу он впоследствии был удостоен Нобелевской премии по экономике. Дон МакКлоски, со своим заиканием, неизменно предлагал новые и интересные темы для разговора; его работа по «риторике» экономики стала настоящей сенсацией. (Если упростить его рассуждения до крайности: в общественных науках «истиной» считается только то, в чем ты можешь убедить своих коллег при помощи модных и принятых методов)*.

* Никто не мог предугадать, что атлетичный Дон спустя несколько лет подвергнет себя операции по смене пола и продолжит блестящую научную карьеру как Дейрдре МакКлоски.

Признаться честно, я тогда находился в некотором творческом кризисе. Я уже завершил все то, что хотел написать в связи с «Дефицитом», и не знал, что станет следующей большой задачей. Я отчаянно размышлял над выбором пути.

В «нормальные» годы то, что я читал, было обычно связано с текущими исследованиями. Теперь же я использовал райскую свободу Принстона для расширения кругозора и сбора информации. Я прочел работы Роберта Даля[187] и Чарльза Линдблома[188] о демократии, ознакомился с теорией справедливости Джона Роулза, вдохновенными идеями Томаса Шеллинга о стратегии[189] и, конечно, с трудами моих товарищей по институту — Лейонхуфвуда, Акерлофа, МакКлоски, а также с книгами Амартьи Сена и Оливера Уильямсона, которые приезжали в институт для чтения лекций. Кроме того, я вновь обратился к уже прочитанным мною примечательным работам нескольких венгерских экономистов, например к книге Тамаша Бауэра о циклах инвестиций и к труду Иштвана Габора и Петера Галаши о второй экономике. Здесь перечислены лишь некоторые из работ, произведших на меня за этот год сильное интеллектуальное впечатление*.

Тем временем у меня начала вызревать идея *объединить* в одной работе все, что я понял и узнал о социалистической системе за годы исследовательской работы. В Принстонском институте был подготовлен первый набросок книги, которая через десять лет вышла под заголовком «Социалистическая система».

В том-то и состоит главный организационный и финансовый вклад в науку учреждений, подобных Институту специальных исследований! На момент приезда я еще не определился, чем хочу заниматься, но в процессе размышлений долгосрочные научные планы начали принимать очертания, и за время пребывания в Принстоне я сумел сделать первые наброски к книге. В итоге, понадобилось еще восемь–десять лет, чтобы первые принстонские идеи созрели окончательно и я смог положить на стол издателю готовую рукопись. Обивая пороги общественных или частных фондов в поисках финансирования, исследователь вынужден заранее сообщить в деталях, что собирается делать. Однако насущной необходимостью является и такая форма финансирования, при которой строгие условия заранее не ставятся**. Ученый, которого пригласили в Институт специальных исследований, естественно, отмечает в своем заявлении, чем бы хотел заниматься. Однако это ни в коем случае не обязательный бюрократический «рабочий договор», по которому он обязан сдать обещанную работу к определенному сроку. Как показывает мой случай, приезжающий в

Заслуживает уважение поразительное мужество ученого, сумевшего осознать себя и принять столь непростое решение.

* Прочитанное также отражает мое стремление выйти за рамки темы, обозначенной в «Дефиците», и включить в анализ вопросы политической структуры, общественных отношений и идеологии.

** Мне посчастливилось много раз участвовать в подобных программах свободных исследований по приглашениям западных организаций. В главе, посвященной написанию «Дефицита», я упоминал, например, что у меня не было никаких особых обязательств перед Международным исследовательским институтом экономики Стокгольмского университета.

Принстон наслаждается практически безграничной свободой. Принимающий институт берет на себя риск не получить осязаемый результат даже в ответ на щедрые ассигнования. Единственная гарантия, при условии качественного отбора, что приглашенный ученый все равно испытывает страсть к исследованиям и максимально использует предоставленную свободу и время*.

Пока я находился в Принстоне, в институт однажды позвонили: меня разыскивал Майкл Спенс, заведующий кафедрой экономики в Гарвардском университете, с предложением провести публичную лекцию**. Когда я сообщил об этом Альберту Хиршману, бывшему до Принстона долгое время профессором в Гарварде, лицо его озарила странная улыбка, значения которой я тогда не понял. В любом случае, я с радостью принял приглашение и спустя пару недель прочел лекцию в Гарварде.

Как назначают профессоров в Гарварде

Прежде чем рассказать историю моего собственного назначения, забегу вперед, чтобы описать, какой я увидел процедуру назначения, когда принимал в ней участие уже в роли члена кафедры.

В Америке штатный профессор (full professor) занимает постоянную должность по специфическому асимметричному контракту, который по-английски называется «tenure». Профессор на ставке может уволиться в любой момент, если ему не нравится место работы или в другом месте предлагают лучшие условия***, но работодатель, университет не может его уволить, даже если не доволен его работой****.

---

* Столь подробное описание механизма работы Принстонского института (условия приглашения, требования к ученым и т.д.) связано с тем, что Принстон стал образцом и для других институтов специальных исследований, включая Коллегиум Будапешт — первое подобное учреждение в Восточной Европе, постоянным сотрудником которого я являюсь со дня его основания.

** Гарвардский университет, как другие американские университеты, организован иначе, нежели подобные учебные заведения в континентальной Европе, включая Венгрию. Соответственно, отличаются и названия частей, из которых они состоят. В Гарварде «школа» или «факультет» под руководством декана — понятие более широкое, чем их венгерский аналог. Экономика относится к Школе искусств и наук наряду со всеми общественными и естественными науками. Школы делятся на отделы (departments), которые, в свою очередь, больше, чем то, что у нас называют «кафедрами». Во главе отдела стоит председатель (заведующий), ответственный за координацию учебного процесса и административные функции, однако он лишь «первый среди равных» и не является начальником над преподавателями. Ни приглашенные, ни штатные профессора ему не подчиняются. Это существенно отличает американский отдел department от немецкого Lehrstul или венгерской кафедры, где между заведующим и членами кафедры существует вертикальное подчинение.

*** В Гарварде и нескольких других американских университетах ставку и все льготы, с ней связанные, получает только преподаватель самого высокого ранга — штатный профессор. В большинстве же университетов подобные льготы делаются и для приглашенных, внештатных профессоров.

**** Бывают, конечно, исключения, например, если профессор совершил преступление.

Целесообразность таких правовых отношений можно подвергнуть сомнению, но они пользуются поддержкой в широких кругах, поскольку считают полную защищенность важнейшей гарантией академической свободы. Ничье существование не окажется под угрозой из-за политических или научных взглядов. Сторонники системы ссылаются на времена сенатора МакКарти, когда штатные должности защитили в Америке не одного университетского профессора от охоты на ведьм.

Поскольку избавиться от штатных профессоров очень сложно, необходимо их тщательно отбирать. Общих правил для всех университетов США не существует, поэтому я познакомлю только с процедурой в Гарварде. Наряду с собственным опытом буду ссылаться на книгу Генри Росовски «Университет — руководство пользователя» («The University: an Owner's Manual»). Автор долгое время проработал деканом самого большого факультета — Школы искусств и наук, вряд ли кто-то лучше него смог разобраться в университетской «кухне».

Возьмем гипотетический пример: кафедре экономики нужен преподаватель по корпоративным финансам. Право выбора кандидатуры на первом уровне принадлежит исключительно комиссии из штатных профессоров. Ни остальные преподаватели, ни студенты не принимают участия в процессе. Ежемесячное собрание преподавателей сначала рассматривает саму идею. Действительно ли именно эта область нуждается в усилении? В случае положительного ответа назначается «поисковый комитет» (search committee). С этого момента небольшая группа в течение несколько месяцев занимается проблемой. Ее участники читают свежую литературу по теме, делают запросы и после продолжительных дискуссий выдвигают конкретного кандидата. Планка устанавливается на самой большой высоте. Приведу слова Росовски о критериях отбора: «Кто самый умный, самый интересный и многообещающий? ...кто лучше всех в мире подходит к данному кругу обязанностей? ...кого в мире считают главным авторитетом по данной теме?»[190] Один из моих давних коллег по Гарварду сформулировал ожидания, предъявляемые кандидату, следующим образом: «Благодаря его/ее вкладу данная дисциплина *изменилась*, то есть стала иной, нежели до появления его/ее работ».

Поисковый комитет не просто «вбрасывает» имя, сопровождая его короткой рекомендацией. Председатель комитета должен прочесть по всем правилам лекцию о деятельности кандидата, чтобы убедить остальных профессоров кафедры в том, что кандидатура соответствует высоким критериям. Каждый член поискового комитета высказывает свое мнение, затем начинается дискуссия. Свои позиции отстаивают те, кто лично знаком с кандидатом или читал его работы. Правда ли, что его/ее научные достижения носят выдающийся и новаторский характер, как утверждают члены поискового комитета? Каков исследовательский потенциал кандидата на будущее? Те, кто не согласен, высказывают свои замечания. Обсуждается личность кандидата — если кто-то знает, какой он/она преподаватель, любят ли его/ее студенты, все это также учитывается. Последнее — к моему удивлению — не считается решаю-

щим фактором. Главную роль играют научные достижения и исследовательский потенциал.

Следует долгое обсуждение, но решение пока не выносится. Заведующий кафедрой сначала рассылает письма известным специалистам в данной области (в нашем примере, по корпоративным финансам). В письме перечислены несколько имен, включая имя кандидата, рекомендованного поисковым комитетом, но не сообщается, кого именно предлагают к назначению. Адресатов просят расположить имена в иерархическом порядке и объяснить, почему каждое имя стоит на своем месте. Поскольку эксперты не знают, о ком думают в Гарварде, их ответы называют «письмами вслепую» (blind letters). Получается закрытый опрос общественного мнения среди лучших специалистов по теме.

Профессорам раздают биографию кандидата, список публикаций и две-три его/ее работы, а также другие труды для изучения. Домашнее задание: ознакомиться с работами кандидата из первых рук. Через несколько месяцев предложение снова выносится на собрание профессоров, и начинается обмен мнениями. Консенсус может быть достигнут уже на втором заседании. Если нет, вопрос ставится на повестку дня еще раз. Наконец, когда мнения иссякли, наступает черед открытого голосования, все голоса заносятся в протокол. Если кандидат получает большинство голосов — завершается первый акт, но не сама выборная драма.

Только на этом этапе заведующий кафедрой официально обращается к кандидату с вопросом, хочет ли он/она войти в штат. Участвовать в конкурсе на должность невозможно*. Приглашение стать штатным профессором в Гарварде получает тот, кого высоко оценивают будущие коллеги. Чаще всего кандидат дает положительный ответ, но, в некоторых случаях, он/она выражает благодарность за приглашение, но отказывается потому, например, что хорошо чувствует себя на прежней работе или не хочет переезжать по семейным обстоятельствам. В таком случае все начинается заново: поисковый комитет выдвигает новое имя и т.д.

Предположим, кандидат готов принять назначение. На этом этапе его/ее согласие выражает лишь принципиальное желание, ведь кандидат осознает, что остались еще второй и третий этап процедуры назначения. Следующий шаг: переговоры с деканом о материальных условиях назначения. Кафедра не имеет права голоса в этом вопросе. Зарплата — дело строго личное. Никто на кафедре, включая заведующего, не знает, сколько получают коллеги. Дело касается только кандидата и декана. Экономисты относительно «дешевы», ведь им нужна только зарплата и, возможно, материальная помощь для переезда, если они

* Чаще всего новые штатные профессора приходят со стороны. Если выдвигают кого-то из сотрудников университета, порядок несколько отличается. Приглашенный профессор сам решает, проходить ли процедуру рассмотрения на штатную должность. Решение это рискованное, ведь часто все заканчивается отказом предоставить должность, и кандидат переживает серьезное душевное потрясение. Многие предпочитают заранее перейти в другой университет, где им предлагают более высокую штатную должность.

переезжают из другого города*. Профессор физики или химии — дорогое приобретение; они могут запросить лабораторию стоимостью в несколько миллионов долларов и целый штат ассистентов. Для штатных профессоров не существует фиксированной шкалы заработной платы, под которую можно было бы подогнать нового члена преподавательского коллектива. Зарплата и прочие финансовые условия обсуждают между собой только декан и приглашенный кандидат.

Как только они пришли к соглашению, декан делает предложение президенту университета о назначении кандидата. Каждый член кафедры пишет декану письмо, в котором объясняет, почему проголосовал «за» или «против». Президент получает эти заявления и письма, написанные «вслепую» экспертами.

Большинство голосов кафедры и согласие декана — необходимые условия назначения. Необходимые, но не достаточные. Университет хочет быть уверен, что на кафедре не взяла верх какая-либо научная, мировоззренческая, политическая или дружеская группировка, с целью протащить своего союзника. Для этого президент созывает комитет специально по этому поводу (ad hoc committee). Одним из членов будет профессор Гарварда — специалист по данной теме, но работающий на другой кафедре (например, экономист, но преподающий в Школе бизнеса). Кроме него, приглашают еще двух внешних экспертов из других университетов, а то из-за рубежа. Члены комитета заранее получают материалы кандидата и обязаны тщательно их изучить, если уже согласились выполнить это задание.

Затем президент, декан и члены специального комитета собираются в кабинете президента в обстановке абсолютной секретности. (Поскольку я сам побывал членом такого комитета для другой кафедры, у меня была возможность пронаблюдать весь процесс.) Собрание начинается с выслушивания «свидетелей». Заведующий кафедрой не принимает участия в заседании: он и есть первый «свидетель», который должен изложить мнение большинства членов кафедры. Участники собрания задают ему вопросы, затем он удаляется. После выступают другие свидетели, в первую очередь, специалисты по данной дисциплине. В качестве «свидетелей» выслушивают и тех, кто выступил против назначения. Присутствующие стремятся как можно подробнее ознакомиться с доводами оппонентов. После выступления свидетелей президент просит членов специального комитета по одному высказать свою позицию и объяснить, почему данную кандидатуру надо поддержать или отклонить. Никто не голосует, так как комитет не имеет права принимать решение. Президент закрывает собрание, приглашая всех отобедать.

Наконец, наступает финальный этап: президент принимает решение**. В большинстве случаев он принимает рекомендации кафедры и декана, но бы-

---

* Другой вопрос, что экономисты принадлежат к категории высокооплачиваемых специалистов в академической среде, так как их услуги активно востребованы на рынке. Лучших зовут и в правительство, и в бизнес, и это заставляет поднимать зарплаты.

** Строго говоря, решение принимает высший орган Гарвардского университета по рекомендации президента. Но это лишь формальность, окончательное решение принимает сам президент.

вает, что и отклоняет их. Отрицательное решение президента всегда вызывает большой переполох.

Процесс, который начинается с выявления вакансии и заканчивается официальным назначением, может длиться до двух лет.

Я был поражен, когда осознал глубинный смысл данной процедуры. Дома я привык к предвзятому и часто циничному отношению к «личным делам». Профессиональные критерии, конечно, играли роль и в Венгрии, но на самом деле все решали связи кандидата. Кого и какие силы пытаются спротежировать или завалить? На каких основаниях будут выдвигать: исходя из политических позиций или взамен личной лояльности кандидата по отношению к тем, кто выдвигает, или просто по дружбе, в обмен на оказанную услугу или на ее оказание в будущем? Меня впечатлило, что критерием отбора для Гарвардского университета являются высочайшие научные достижения. Профессора с готовностью поддерживают статус Гарварда как университета № 1*. И без того занятые люди посвящают массу времени и усилий, чтобы выбор был качественным. Преподавательский коллектив чувствует: принятие решений по этому вопросу — самое важное дело. Если профессора хороши, все будет в порядке. Если нет — университет неминуемо скатится на посредственный уровень.

Никто не станет утверждать, будто традиционная процедура работает безупречно. Бывают и ошибки. Кто-то, как выясняется впоследствии, не оправдывает возложенные на него надежды. И наоборот, тот, кого не пригласили, делает затем блестящую карьеру. Рассказывают легенды об истории Пола Самуэльсона, который учился в Гарварде. В качестве докторской диссертации представил свое классическое произведение «Основы экономического анализа» (Foundation of Economic Analysis)[191]. Он был блестящим математиком в эпоху, когда это еще не стало общим требованием для всех экономистов. Однако должность в Гарварде ему так и не предложили**, и Самуэльсон отправился в Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology) в американском Кембридже. Там он реорганизовал кафедру экономики так, что она под его интеллектуальным влиянием стала одним из центров изучения мировой экономики. Самуэльсон стал первым американским экономистом — лауреатом Нобелевской премии.

---

* Общественное мнение Америки традиционно считает Гарвард самым авторитетным университетом. В последнее время различные учреждения публикуют рейтинги университетов, используя разнообразные методы для их оценки. Приведу данные только одного источника — «The Times Higher Education Supplement» («Приложение о высшем образовании к журналу «Таймс»), который регулярно составляет рейтинги мировых университетов, используя комбинацию критериев (опросы ученых, индекс цитации работ преподавателей, соотношение преподавателей и студентов и т.д.). Согласно опросу 2004 г. Гарвард занимает первое место со 100 очками по сравнению с 88 у второго по уровню университета и 79 у третьего.

** Почему? Кто-то объясняет это откровенным антисемитизмом, царившим в то время. Другие полагают, что профессора старой закалки, не разбиравшиеся в математике, боялись острого ума Самуэльсона и его критических замечаний.

Исключительно высокие стандарты отбора, возможно, связаны с тем, что посторонние называют «гарвардским высокомерием». Как представители всех учреждений, гордящихся своими традициями и достижениями, гарвардские профессора не думают, будто задирают нос, однако остальные часто воспринимают их поведение именно так и относятся к нему негативно.

Хотя у процедуры назначения есть свои теневые стороны, я наблюдал и принимал в ней участие с уважением и благоговением.

Переезжаем в Кембридж

Вернусь теперь к истории собственного назначения. Работая над мемуарами, я задумался: нельзя ли, спустя столько лет, ознакомиться с материалами, протоколами, «письмами вслепую», подготовленными в ходе процедуры моего выдвижения. Я спросил совета у опытных коллег, и они решительно отговорили меня от этих попыток, напомнив о том, что я знал и сам: одна из основ процесса — его конфиденциальность. Выражая свое мнение по кандидатуре, люди делают это будучи совершенно уверены, что их замечания ни при каких условиях не будут доступны тому, кого они касаются. Это также позволяет им свободно высказывать негативные суждения без опасения нарушить коллегиальные отношения, если когда-нибудь придется вместе работать или выступать на одних и тех же конференциях. Однако — как мне посоветовали — можно, не нарушая правил конфиденциальности, спросить у одного-двух членов кафедры, что они помнят о тех событиях.

Из того, что мне удалось выяснить относительно различных этапов общей процедуры, можно проследить историю в общих чертах. Где-то в районе 1983–1984 гг. на кафедре экономики в Гарварде ощутили потребность в специалисте по изучению коммунистической экономики. Поиск подстегивало и то, что самый авторитетный представитель американской советологии Абрам Бергсон, который вписал свое имя и в теорию экономики благосостояния, предложив функцию благосостояния, названную его именем, собрался на пенсию. На какой-то стадии поиска всплыло мое имя. Меня хорошо знали лично коллеги из многих американских университетов; кого-то я даже мог назвать своими друзьями, но в Гарварде у меня ни с кем особых отношений не было, за исключением шапочного знакомства с парой профессоров. Поэтому со мной захотели познакомиться.

Сначала меня пригласили прочесть лекцию, за которой последовали ужин и беседа на профессиональные темы за накрытым столом. Следующий шаг — мне предложили престижную профессорскую стипендию Тауссига на 1984–1985 гг. Я должен был переехать, а кафедра — помочь с жильем. Вести надо было всего один курс, а остальное время можно было потратить на исследования. Я с радостью принял приглашение, и из Принстона мы переехали в Кембридж.

Там я впервые прочел цикл лекций, которые расширял и исправлял в течение последующих лет, пока они не превратились в книгу «Социалистическая

система». Я знакомился с Гарвардом, а гарвардские экономисты — как это теперь очевидно — знакомились со мной. По случаю назначения приглашенным профессором меня попросили представить автобиографию и некоторые публикации. Думаю, эти материалы уже тогда рассматривались в ходе процедуры поиска.

И вот настал день, который я уже охарактеризовал как конец первого акта. Заведующий кафедрой экономики Гарвардского университета профессор Джерри Грин сообщил мне, что кафедра решила пригласить меня в качестве профессора и декан готов обсудить со мной финансовые условия.

(Двадцать лет спустя я в письме спросил Джерри Грина, что он может рассказать о тех событиях. Процитирую отрывок из его ответа: «Мы назначили подкомитет, чтобы его члены прочли несколько твоих работ и сделали доклад перед группой. В результате никто и не сомневался... За твое назначение кафедра проголосовала единогласно... Не думаю, чтобы кто-то был против того, что я тебе говорю это столько лет спустя»)[192].

Когда события достигли данной стадии, у меня уже было три других предложения: одно от Лондонской школы экономики — первого западного университета, который я посетил; второе — от Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Но настоящую конкуренцию гарвардскому приглашению составил Стэнфорд, где кафедральное голосование уже состоялось и меня были готовы принять. Я встретился с деканом факультета в Гарварде, а затем отправился с женой в Стэнфорд посмотреть, какие там возможности. Я свел выбор к двум вариантам: Гарвард или Стэнфорд.

В Стэнфорде меня привлекало многое. В Гарварде я почти никого не знал, а в Стэнфорде у меня было много друзей: Кеннет Эрроу, Тибор Ситовски, Алан Манн и Масахико Аоки — с ними я сблизился еще в первый свой приезд в 1968 г. На кафедре собралась отличная команда — главные конкуренты Гарварда и Массачусетского университета. К тому же удивительная по красоте природа Калифорнии, море, леса, бурлящий Сан-Франциско — все это изрядно затрудняло выбор.

Мы с женой буквально заболели от напряжения. Заведующий кафедрой в Стэнфорде пустил нас на выходные в свой загородный дом. Мы оказались там, переполненные хорошими новостями и соблазнительными перспективами, в окружении волшебной природы — и меня скрутил жуткий радикулит, я едва мог передвигаться. Приступ, наверняка, был вызван стрессом. У жены тем временем резко поднялась температура из-за отравления. Ситовски с женой приехали за нами на машине и увезли обратно в Стэнфорд.

Наконец, после длительных обсуждений мы решили выбрать Гарвард в силу серьезных профессиональных причин. Концентрация интеллектуальных сил казалась там максимальной по сравнению со всеми остальными университетами, особенно если учесть близость Массачусетского и других университетов в Бостоне. Это, в особой степени, относилось к моей дисциплине, так как в Гарварде и соседних исследовательских центрах собралось куда боль-

ше специалистов по Советскому Союзу, Восточной Европе и Китаю и сравнительному анализу экономических систем, нежели в Стэнфорде.

Калифорния нас заворожила, но мы уже успели полюбить Бостон — самый английский, самый европейский из городов Америки. Здесь мы чувствовали себя органичнее. Мы учли еще один важный фактор. В обоих случаях я заявил, что собираюсь проводить в Америке только половину своего времени, а во вторую половину — брать отпуск за свой счет и работать в Венгрии. Мое условие приняли в обоих университетах, хотя и без особого энтузиазма, ведь руководство хотело, чтобы я посвятил их учреждениям все свои силы. И раз уж мы решили, что будем приезжать-уезжать, путь из Европы до Бостона был короче дороги до Сан-Франциско на целый континент.

С деканом мы договорились. Мне пообещали помочь с поисками постоянного жилья и его обустройством. Помимо зарплаты нам с женой оплачивали раз в год авиабилеты до Будапешта. В то же время меня предупредили, что все это лишь предложение и мне придется ждать окончательного решения, которое может быть и негативным.

Последующие недели прошли в наряженном ожидании. (Как я потом понял, именно тогда должен был собираться специальный комитет.) Наконец, мне сообщили окончательное решение: Гарвардский университет назначил меня штатным профессором.

Мы начали искать жилье и нашли квартиру в строящемся кондоминиуме. По англо-саксонской традиции у дома было имя — «Юниверсити Грин» (University Green). Он был расположен на Маунт-Обёрн-стрит, поблизости от университетского кампуса и Гарвард-сквер. Эта знаменитая площадь — центр жизни Кембриджа. С одной стороны ее окружает Гарвардский двор — обширный луг, на котором расположены здания со старейшими аудиториями, главные административные корпуса и общежития. Дальше по периметру площади находятся офисные здания, рестораны, банки, лавочки и, главное, большие книжные магазины, открытые допоздна. По субботам и воскресеньям на площади и прилегающих улицах выступают музыканты, актеры, торговцы, иногда устраивают целую ярмарку. Возможность жить рядом с пульсирующим центром города сделала выбранное жилье еще привлекательней.

На 1985–1986 учебный год мы с женой вернулись домой, в Венгрию. По возвращении в Кембридж осенью 1986 г. мы на несколько дней остановились в факультетском клубе, но не могли дождаться, когда, наконец, переедем в новую квартиру. Она стояла уже готовая, но абсолютно пустая. Мы взяли у друзей напрокат два матраца и спали на них, пока не купили мебель.

Радости и тяготы преподавания

Судьба распорядилась так, что я начал регулярно преподавать в том возрасте, когда другие уже занимаются этим десятки лет и могут проводить занятия без особой подготовки.

Сравним мою ситуацию с положением какого-нибудь гарвардского коллеги, который преподает, например, микроэкономику. Он еще в студенческом возрасте подробно изучил предмет и за время учебы мог наблюдать, как его преподают. К тридцати годам он уже был младшим преподавателем, а к 50–60-ти годам преподает одно и то же уже на протяжении двадцати-тридцати лет. Ежегодно ему приходится менять свой курс лишь по мере появления в литературе новых и достойных изучения идей и обновлять статистические данные в примерах, которые он приводит на лекциях. Результаты собственных исследований можно легко включить в лекционный материал. Широко распространена и допускается практика, при которой преподаватель берет за основу своего курса структуру опробованного учебника или совмещает материал из нескольких источников, добавляя собственные результаты и материалы.

Мне в 56 лет все пришлось начинать с нуля. Основной предмет, который я преподавал, назывался «Политическая экономика социалистической системы». Мой курс был рассчитан исключительно на старших студентов, т.е. на тех, кто готовился стать магистром или получить докторскую степень. Я рекомендовал для чтения отдельные главы из западных учебников, однако стремился дать представление о теме по-своему. На лекциях других профессоров по данной дисциплине я никогда не бывал и не знал, как другие делают то, что предстояло теперь мне. Я, конечно, использовал обширную литературу, но содержание материала и способ его подачи отрабатывал сам от первого до последнего слова.

К тому же моя дисциплина не попадала в разряд устоявшихся, разработанных субдисциплин, вроде стандартной микро- или макроэкономики. Реальность, описываемая этими теориями, достаточно прочно устоялась и меняется из года в год незначительно. Разговор о социалистической экономике был, напротив, подобен стрельбе по движущейся мишени. Я начал преподавать в Гарварде в середине 1980-х годов. В коммунистическом лагере на тот момент шло брожение, события мирового исторического значения следовали друг за другом. В Советском Союзе началась *гласность* и *перестройка*. В Пекине миллионы вышли на площадь Тяньаньмэнь, и за выступлениями последовали кровавые репрессии. И, наконец, главный поворот: падение Берлинской стены в 1989 г. Пришлось переименовать курс: «Политическая экономия социализма и постсоциалистического переходного периода». То, что я рассказывал о коммунистической экономике и о реформах, осуществляемых в рамках системы, до смены режима не теряло своей актуальности для студентов. Однако теперь пришлось первую часть курса сократить и оставить место для объяснения проблем, связанных с постсоциалистическим переходным периодом. В информации недостатка не было, самые свежие новости поступали бесперебойно, но я, естественно, не мог озвучивать наспех скомпилированные обзоры прессы с университетской кафедры. Требовался более глубокий систематический анализ.

Думаю, коллеги по кафедре не вполне представляли, с какой сложной задачей я столкнулся. Я и так был вынужден наверстывать то, что другие получили в процессе обучения и работы в западных университетах, одновременно пытаясь одолеть серьезные интеллектуальные препятствия, связанные с моей темой. Пришлось побороть множество внутренних противоречий и сомнений, и даже чувство профессиональной несостоятельности, прежде чем я осмелился предстать перед студентами Гарварда — молодыми людьми, прошедшими строжайший отбор и привыкшими воспринимать любую лекцию критически.

Наверняка у меня случались промахи. Слушателям явно не доставлял радости мой неисправимый венгерский акцент. Но при этом могу с удовлетворением отметить, что мне все-таки удалось завоевать внимание и уважение студентов. По сравнению с обычным количеством слушателей факультативных курсов для аспирантов на моих занятиях присутствовало необычно много народу. Изначальные цифры не только не сократились, но и регулярно увеличивались*, отчасти благодаря тому, что проблемы коммунистической системы все чаще становились объектом внимания мировой политики. Еще одним фактором могло быть и то, что о моих занятиях заговорили.

В Гарвардском университете оценки выставляют не только профессора. В конце года студентам раздают анкеты, и они — на условиях анонимности — пишут свое мнение о работе преподавателя. Заполненные анкеты сдаются на кафедру. Я до сих пор с гордостью храню эти листочки. Бывали и критические замечания — отдельные студенты, например, были недовольны моим выбором обязательной и дополнительной литературы. Я боялся, что многие будут жаловаться, почему я не пишу на доске уравнения или не разбираю математические модели. Некоторым мой курс показался недостаточно «техническим», но подобная критика встречалась редко. Положительных оценок было куда больше. Оказалось, студентов часто привлекал ко мне на лекции именно «прозаический» стиль изложения, казавшийся им глотком свежего воздуха. В ходе лекций я не раз обращался к личному опыту, к наблюдениям, полученным из первых рук. Иногда я ссылался на фильмы или романы, которые могли дать слушателям объемную картину особенностей коммунистической системы. Студенты высоко оценили такой подход, ведь он делал рассказ о далеком от них мире более достоверным. Убедительность моим лекциям придавало и то, что я всегда честно отвечал на вопросы — зачастую личные, и даже слишком.

Философия и методология моих лекций и работ, которые я использовал в качестве учебного материала, во многом отличалась от того, чему учили студентов на остальных занятиях. Но вместо того чтобы отпугивать их, именно

---

* В начале каждого учебного года мы с женой держали пари: сколько студентов запишется ко мне на курс. Каждый писал цифру, клал в конверт и запечатывал его. Побеждал тот, кто точнее угадывал реальное число студентов. Мои ожидания всегда были намного пессимистичнее, чем у жены, — она всегда выигрывала. Победитель выбирал ресторан, где мы вместе отмечали это событие.

это и притягивало слушателей на мои лекции. Во многих анкетах респонденты отмечали, что я преподавал не просто экономику, в узком смысле слова, но давал анализ политической структуры, идеологии, общественных отношений в социалистической системе. Когда-то на этой кафедре преподавал Шумпетер, один из величайших деятелей в области интеграции общественных наук, но теперь, полвека спустя, студенты довольно редко сталкивались с междисциплинарным подходом.

Я бы не хотел преувеличивать значение анкет. Это не был опрос *всех* аспирантов Гарварда. Речь идет о тех, кого специалисты — исследователи общественного мнения называют «self-selected» (т.е. те, кто откликнулся или сам себя отобрал). Мой курс не входил в число обязательных предметов. Студенты выбирают факультативы добровольно, но уже если заявился, ты обязан ходить на занятия и сдавать экзамен. Ко мне изначально записывались студенты, интересующиеся данной темой; на основании рассказов своих предшественников они приблизительно представляли, на что можно рассчитывать. Поэтому я не стану утверждать, будто мой подход нравился гарвардским студентам вообще. Мой вывод куда скромнее и уже. Несмотря на все волнения и терзания, я из года в год чувствовал себя увереннее, когда видел немало студентов, находивших в моих занятиях интеллектуальное удовольствие; ответы же, почерпнутые ими из моих лекций и работ, стимулировали работу мысли.

Разнообразие и толерантность

Хотя мои лекции отличались от других по духу, необычным явлением это назвать было нельзя. Гарвардский университет, подобно многим учреждениям высшего образования в Америке, подчеркнуто стремится к разнообразию. Студенты могут выбирать из всевозможных интеллектуальных направлений, философий и научных школ.

Амартья Сен делил свое время между кафедрами экономики и философии и много лет вел философский семинар вместе с Робертом Нозиком. Когда на небосклоне философии появилась книга Нозика «Анархия, государство и утопия» («Anarchy, State and Utopia»), автора стали называть новой звездой либертарианского мировоззрения*. Сен находился на другом конце политического спектра. Он занимался проблемами бедности, голода и считал, что государство, безусловно, обязано играть распределяющую роль. Разница во взглядах не мешала им оставаться друзьями и делала их общий семинар таким захватывающим.

На нашей кафедре тоже были представлены разные экономические школы и выразители не просто отличных друг от друга, но и диаметрально противоположных политических взглядов. Здесь преподавал Стив Марглин, ради-

* Позднее Нозик изменил свои ранние радикальные либертарианские взгляды по некоторым вопросам. Смелый мыслитель, отличный писатель и человек удивительной доброты, с мягким чувством юмора, ушел в самом расцвете сил в 2002 г.

кальный левый экономист, и несколько кейнсианцев старой закалки. В то же время членом кафедры был и Роберт Барро, совмещавший теоретические исследования с регулярными комментариями по текущим вопросам экономической политики в самой консервативной газете «Уолл Стрит Джорнал» («Wall Street Journal»). Некоторые профессора в течение более или менее длительного времени занимали должности в правительстве, а затем возвращались в университет. К моему приезду Джону Кеннету Гэлбрейту было уже за восемьдесят, но он по-прежнему заходил на кафедру (его долговязую фигуру можно было регулярно увидеть в бассейне). Широчайшую известность Гэлбрейт приобрел не только благодаря своим книгам, но и принадлежности к ближнему кругу президентов Кеннеди и Джонсона, а также — деятельностью в роли посла США в Индии. Сложнейшую организационную и педагогическую задачу по экономической подготовке аспирантов выполнял Мартин Фельдштейн. Он представлял иное политическое полушарие и несколько лет проработал старшим советником при президенте Рейгане. Еще один коллега — Ларри Саммерс сменил преподавание на должность вице-президента Всемирного банка, а затем стал заместителем министра финансов в администрации Клинтона и, наконец, министром финансов. По истечении президентского срока Клинтона Ларри Саммерс вернулся в Гарвард. Оставаясь номинально членом кафедры, он стал президентом университета в 2001 г.* Как и на кафедре философии, у экономистов тоже был тандем преподавателей — Роберт Барро и Грегори Манкив, которые представляли слушателям свои противоположные взгляды в рамках общего семинара.

В ходе лекций и занятий или во время публичных выступлений полемика нередко достигала настоящей остроты, и преподаватели не скрывали свои политические симпатии, тем не менее на заседаниях кафедры никогда не бывало споров, вызванных политическими или мировоззренческими расхождениями профессоров. Дискуссии, различия во взглядах не препятствовали плодотворному сотрудничеству. Я единственный, наверное, кого это удивляло, все остальные воспринимали подобную ситуацию как должное.

Среди наших друзей была одна супружеская пара, где муж был республиканцем, а жена — сторонницей демократов. В компании мы развлекались, слушая, как жена, женщина острая на язык, отпускала колкости по поводу консервативных взглядов мужа. И все это ничуть не мешало «мирному сосуществованию» супругов на протяжении нескольких десятков лет. Мы вспомнили историю одного венгерского друга, который после смены режима жаловался, что с трудом садится за общий стол со взрослыми детьми, так как молодые пары проявляют нетерпимость к политическим взглядам друг друга.

---

* В 2006 г. преподаватели Гарвардского университета выразили Саммерсу недоверие, и он был вынужден подать в отставку. — *Прим. пер.*

Этические ограничения

На меня произвело сильное впечатление то значение, которое гарвардские преподаватели придают требованиям профессиональной этики. Было бы любопытно посмотреть, что изменилось в американских университетах с момента, когда студентки начали резко выступать против сексуальных домогательств и был введен строгий запрет на отношения подобного рода между студентами и преподавателями*. У меня непосредственного опыта не было, да и сплетни, наверняка ходившие вокруг, до меня не добирались. Ревностные поборники политкорректности в те годы требовали, чтобы преподаватели-мужчины сохраняли дистанцию по отношению к коллегам-женщинам. Надо было вести себя так, будто ты даже не замечаешь, что они женского пола. Я же и в Будапеште, и в Гарварде безо всяких колебаний делал своим коллегам комплименты по поводу нового платья или прически, если они казались мне симпатичными, или отпускал едкие замечания, когда что-то не нравилось, но не слишком задумывался, является ли мой стиль политически корректным. По моим ощущениям, коллегам-женщинам больше импонировала человеческая интонация, нежели лицемерная сдержанность.

Стоит, однако, остановиться здесь не на этой теме, а на этических проблемах, связанных с преподаванием и исследовательской деятельностью.

В наши дни теоретические исследования, разработка практического применения и процесс использования результатов исследований в коммерческих целях тесно связаны между собой. Где заканчивается академическая деятельность, осуществляемая исключительно в научных целях и на альтруистических началах, и начинается финансово мотивированная работа? В Гарвардском университете не стремятся ханжески замалчивать проблему**. Гранты, полученные от бизнеса, составляют важный источник финансирования исследований. Университет, таким образом, старается — помимо разграничения *юридически* допустимой или запрещенной деятельности — создавать четкие правила для определения того, насколько проект отвечает или не отвечает *этическим* нормам.

В университете различают два типа конфликтов: конфликт интересов и конфликт обязательств (conflict of interest и conflict of commitment). Преподаватель или любой сотрудник университета несет моральное обязательство по поддержанию материальных интересов университета. Например, нельзя безвозмездно пользоваться лабораторным оборудованием университета для проведения

---

* Гэлбрейт написал покаянное письмо в студенческую газету и в нем признался, что в бытность молодым преподавателем совершил подобный грех. Студентка, с которой он тогда сблизился, вскоре стала его женой, и с тех пор они не расставались.

** Для подробного отчета по данной проблеме и выдвижения конкретных предложений по регулированию контактов и сотрудничества между университетом и деловым сообществом, а также для выработки принципов разрешения возможных конфликтов был сформирован комитет из профессоров под председательством одного из ведущих сотрудников администрации Гарвардского университета.

исследований, отдельно оплачиваемых коммерческой фирмой. Если ученый выполняет параллельно две задачи (например, наряду с университетской деятельностью выполняет работу по контракту для фирмы), это не должно происходить в ущерб его обязательствам перед университетом.

Преподаватели университета периодически получают задания от разведывательных и секретных служб США. Речь идет не о шпионских заданиях, известных по фильмам, когда секретный агент взламывает чужой кабинет и крадет оттуда военные данные. Остановимся на экономистах: было известно, что ЦРУ регулярно обращается к американским экспертом за составлением подсчетов ВВП Советского Союза, так как официальные статистические отчеты СССР резонно не вызывали доверия. Это было серьезное научное задание, и ни один американский экономист, политически преданный своей стране, не видел в этом ничего дурного. Все так, но куда девается независимость и политическая чистота университета, если его сотрудники работают на благо разведки? Могут ли университетские ученые втайне получать финансовую помощь для своей исследовательской работы от армии или от секретных служб? Каким объектом для критики дома и за рубежом может сделать университет подобная практика?

Университет изучил проблему и вывел следующее правило: в пределах университетского кампуса запрещено проводить исследования, квалифицированные как «секретные». Что касается консультаций, каждый должен выбирать, принимать ли материальную помощь на исследования, проводимые от своего имени, от военных или от спецслужб, сообразно собственной совести. Тем не менее о подобном решении ученый обязан заявить публично. Например, если он публикует результаты исследования, то должен указать, что работа профинансирована Пентагоном или ЦРУ.

Какими бы выверенными, обдуманными и подробными ни были правила и предписания, встречаются пограничные случаи. В связи с этим в Гарварде были созданы различные комитеты по этике. Преподаватель или другой сотрудник университета может обратиться за советом в комитет или, в более простых случаях, к одному из его членов*. Комитет может начать расследование, если ему станет известен случай, проблематичный с этической точки зрения.

Не хочу создавать впечатление, будто в Гарварде или других ведущих американских университетах все так безоблачно в отношении этики. Проблема не только в том, что возникают двойственные ситуации — там, где работают люди, такое неизбежно случается. К сожалению, бывает, что и руководству университета, и университетской общественности не удается разобраться

* Однажды я обратился за советом, принимать или не принимать подарок от студента. Поскольку подарок был символическим выражением благодарности и не имел особой материальной ценности, а студент уже сдал экзамен, мне порекомендовали принять подарок, чтобы не оскорбить студента отказом.

с подобными случаями должным образом — они не могут занять однозначную позицию и не предают ее гласности.

Обсуждая с университетскими друзьями один конкретный случай, я обнаружил, что все хотели бы установить высокую этическую планку и укрепить авторитет Гарварда и американской академической жизни вообще. Было бы неплохо, если бы и их позиция дошла до публики.

17

ДОМА В ВЕНГРИИ И ДОМА ЗА РУБЕЖОМ — с 1985 г.

Предлагая мне должность профессора, руководство Гарвардского университета хотело, чтобы я работал там с полной нагрузкой. Затем пожелание было высказано повторно. Мне дали понять: если я захочу подать документы на получение американского гражданства, поддержка университета мне обеспечена. Если же мне это не нужно, то я могу с помощью университета подать документы на получение «грин кард» — разрешения на постоянное проживание в США. Я отклонил все предложения. Как я уже говорил ранее, в ходе всех переговоров я настаивал на возможности проводить половину времени в Венгрии.

Почему?

Что держит меня в Венгрии

Выполняю данное ранее обещание вернуться к проблеме эмиграции. Я не покинул страну вместе с волной эмигрантов после поражения революции 1956 г. Я отказался от предложений о работе в английском Кембридже и в Принстоне (США) — оба варианта означали, что я должен буду покинуть Венгрию. В 1985 г. в ходе переговоров с Гарвардом (и, параллельно, с другими американскими университетами, которые делали мне предложения) я вновь отказался от возможности эмигрировать. (Именно в 1985 г. вопрос возник снова, но уже в обостренной форме, требовавшей четкого ответа — потому я и указал эту дату в качестве отправной точки в подзаголовке данной главы.) Ссылаться на семейные обстоятельства, в этой связи, я уже не могу. У нас трое детей: один сын живет в Венгрии, дочь — в Швеции и второй сын — в Америке*. Вместе с ними в трех разных стра-

* Наш сын Габор изучал экономику, но по-настоящему понял, что значит создать компанию и успешно ею управлять, на практике. Он управляет успешной фирмой, занимающейся информационными технологиями, а оставшееся время с огромным удовольствием посвящает преподаванию менеджмента в университете города Печ. Дочь Юдит тоже в свое время закончила Будапештский экономический университет и теперь работает программным директором в Бизнес-школе при Стокгольмском экономическом университете, организуя курсы повышения квалификации для ведущих бизнесменов. Сын Андраш — единственный, кто ни-

нах живут и семеро наших внуков. Если мы живем рядом с семьей кого-то одного из детей, все остальные оказываются далеко. Поэтому на наше решение повлияли совсем другие причины.

Мы с женой обсуждали этот вопрос снова и снова, и мнения наши совпали не только относительно самого решения, но и в обосновании его причин. Однако, сохраняя сложившуюся стилистику мемуаров, продолжу рассказ от первого лица, поскольку хочу поделиться собственными мыслями и переживаниями.

С Венгрией меня связывают сотни невидимых нитей. Каждый раз, когда я возвращаюсь из-за границы и машина проезжает по Цепному мосту или мосту Эржибет, я испытываю восхищение, любуясь панорамой города. Сборники стихов Араня, Ади, Аттилы Йожефа и других венгерских поэтов, произведения Каринти всегда были у нас в двух экземплярах: один в будапештской, а другой в американской квартире. На стене моего кабинета в Гарварде висел портрет Бартока.

Я думаю по-венгерски. Никогда не читаю свои англоязычные лекции по бумажке, только рассказываю. Свободно формулирую и излагаю свои мысли по-английски, но писать предпочитаю по-венгерски и делаю это куда лучше на родном языке. Готовя книгу к публикации, обращаюсь к профессиональным переводчикам для перевода рукописи на английский. Я считаю по-венгерски и вижу сны на венгерском языке, хотя редко эти сны запоминаю.

Нет смысла говорить, что я люблю венгерский народ. Собственная жизненная философия, все мои чувства восстают против подобных обобщений по отношению к каким-либо группам людей. Среди граждан Венгрии есть люди, которых я люблю, и те, к кому я равнодушен, кого-то я презираю, на кого-то злюсь, чьи-то грехи кажутся мне непростительными. То же самое я испытываю к американцам, немцам или израильтянам. Настоящие друзья есть у меня и в Венгрии, и за границей, но друзей, с которыми мы понимаем друг друга с полуслова, нахожу только дома.

Венгрия — страна, судьба которой интересует меня больше всего. Я знаю о ее истории больше, нежели об истории других стран. Сколько себя помню, меня всегда волновало, что происходит в Венгрии. Даже проводя в Америке целый год, всегда следил за событиями «снаружи» и бурно сопереживал. Мы всюду заказывали доставку венгерских газет, а когда появился Интернет, стали с его помощью следить за венгерскими новостями, испытывая настоящий «внутренний» интерес ко всему, что происходит на родине.

Идеи национального превосходства мне чужды. И все-таки меня наполняют особой гордостью Оскар Иштвана Сабо за фильм «Мефисто», олимпийские ме-

---

как не связал свою жизнь с экономикой; он получил докторскую степень по математике и еще одну — по лингвистике. На данный момент в качестве основной деятельности он занимается прикладными исследованиями в Америке в одной из самых интересных областей — развитии Интернета. Андраш любит приезжать в Будапешт, где помогает аспирантам Технического университета как приглашенный профессор.

дали венгерских спортсменов или беседа с американскими друзьями, когда мы обсуждали пьесу Ласло Немета «Галилей» и разговор свернул на будапештскую школу, где учились Джон (Янош) фон Нойманн, Юджин (Енё) Вигнер и Уильям (Вилмош) Феллнер, или хвалебные статьи в газете «Нью-Йорк Таймс» о фильме Илдико Энеди «Мой двадцатый век», или концерт пианиста Андраша Шиффа. Где бы я ни был: в Америке, Китае или Советском Союзе, — мне было приятно слышать, как специалисты признают новаторскую роль венгерских экономистов в международном дискурсе, посвященном социализму. За неимением более удачных определений назову это чувство национальной гордостью.

Я не сторонник излишнего пафоса; не стану ссылаться на строки из «Призыва» Вёрёшмарти: «...должен ты / здесь жить и умереть»*. Предпочитаю пользоваться сухим языком экономики и требовать от самого себя *постоянства*. Я уже говорил об этом ранее в другом контексте. Я не отказался от венгерского паспорта, хотя мне годами не давали выезжать и потом каждый раз требовали подавать заявление, чтобы получить разрешение на выезд. Какой смысл менять гражданство теперь, когда путешествовать, наконец, стало проще? Я решил остаться в Венгрии во времена репрессий и ограничений свободы, приняв все недостатки, связанные с венгерским гражданством. Стоило ли отказываться от него, когда старая система сначала ослабла, а потом и вовсе развалилась?

Основной причиной моего решения стали эмоциональные привязанности. Должен, однако, добавить, что за отказом от эмиграции стояли и профессиональные соображения. Я специализировался на изучении социалистической системы, а затем — постсоциалистического перехода. На Западе этой темой занимаются многие ученые, но мои работы с первой книги и до последней статьи сохраняли особую аутентичность, так как были написаны человеком, который сам жил внутри системы и видел все своими глазами. Я проводил исследования общего характера, но в качестве примера брал Венгрию. Во многих работах это обозначено уже в заголовке: главное название обозначает общий предмет исследования, а подзаголовок содержит пояснение типа: «в свете венгерского опыта». И ни разу меня не упрекали за это в провинциализме. Я как раз и стремился к тому, чтобы по результатам сравнительного подбора фактов и изучения информации перейти от наблюдений за частными случаями к анализу целого.

Индивид обладает суверенным правом выбирать, где ему хочется жить. Моя система ценностей спокойно допускает ситуацию, когда человек, родившийся в Венгрии, на определенном этапе жизни решает покинуть страну. Причин у такого поступка может быть много: бегство от преследований, разочарование в конкретной социальной среде или просто ощущение, что он/она обретет счастье в другом месте.

Что касается представителей интеллигенции, участвующих в политике, то эмиграция для них — возможность выразить политический протест, как

* Цит. в пер. Н. Чуковского. — *Прим. пер.*

это было в случае с Лайошем Кошутом, Михаем Карои, Оскаром Яси, Белой Бартоком и многими политиками-демократами после 1945 г. С их стороны это был героический жест, сопряженный с огромными жертвами. Я ни в коем случае не считаю такой путь морально ущербным по сравнению с решением остаться, но и превосходства за ним не признаю. Неужели противники угнетательского режима могут выразить свой протест только через отъезд? Означает ли это — если следовать данной логике, — будто все, кто остался, проявили трусость? Подобная классификация представляется мне неприемлемой. Можно согнуться и в эмиграции и можно продолжать жить на родине с гордо поднятой головой. Судить о жизненном пути любого человека можно только по его реальным делам, а не по тому, какую страну он выбрал местом своего проживания.

Сравнения: повседневная жизнь в Кембридже и в Будапеште

Полгода здесь, полгода там — постоянные переезды неизбежно подталкивают к постоянным сравнениям: что в каждом из вариантов лучше, что хуже, а что просто иначе устроено. Я сравнивал не Америку с Венгрией или Восточной Европой, но всего лишь доступный мне непосредственно тонкий срез жизненных явлений в каждом из этих миров. Моя задача — не сравнить здесь две системы или две культуры, как это делается в сотнях книг и исследований; я и сам кое-что писал об этом. Я всего лишь хочу поделиться некоторыми личными воспоминаниями и впечатлениями. В рамках одного опроса меня как-то попросили назвать три вещи, которые мне понравились в Америке, и три, которые не понравились. Такая постановка вопроса кажется мне удачной.

Меня очаровали улыбки на лицах американцев. Имею в виду не обязательную улыбку из разряда «keep smiling», но те искренние, сердечные улыбки, которые появлялись на лицах профессоров и студентов, продавцов и официантов, репортеров в утренних новостях и героев их передач куда чаще, чем дома, в Венгрии. У американцев не меньше забот, но они не стремятся моментально переложить их на того, с кем только что встретились. Моя первая американская секретарша и помощница Мэделин Ле Вассер самоотверженно ухаживала за смертельно больной матерью, а затем и за мужем, который долго и мучительно боролся с болезнью. Жизнь у нее была не из легких. И все равно каждый раз, когда я входил в приемную, она улыбалась и никогда не жаловалась. Другая секретарша на кафедре, симпатичная девушка Сьюзен, перенесла операцию по удалению раковой опухоли, и после химиотерапии у нее выпали волосы. Она шутила и смеясь демонстрировала парик и новую шляпку, спрашивая с милой естественностью, подходят ли они ей под цвет лица.

Каждый раз, возвращаясь домой после пребывания в Штатах, мы выслушивали целый хор жалоб. Все они имели под собой основания, но вопрос тут не столько в тяжести проблем, но в том, кто и как их воспринимает. Первое

время, пока мы были еще новичками в жизни на два дома, по возвращении в Будапешт на вопрос «Как поживаешь?» я еще осмеливался отвечать с сияющим лицом: «Отлично!» На что сразу получал реакцию: «Правда, отлично? Ну, конечно, легко тебе, ты же в Америке живешь...» Впоследствии я стал осторожнее и заранее готовился на что-нибудь пожаловаться. После обмена жалобами мы с собеседником достигали полного взаимопонимания.

Американцы, с которыми нам доводилось иметь дело, были людьми честными и порядочными. Я не пытаюсь здесь сравнивать, какая социальная система или страна порождает больше злоупотреблений властью, проявлений коррупции или политических обманов. Я думаю о мелочах. Когда я плачу в магазине, правильно ли мне дают сдачу? Если мастер говорит, что придет в среду в 9 утра, действительно ли он появится в это время? Если получаю информацию по телефону, соответствует ли она действительности? Если оставляю на автоответчике просьбу перезвонить, перезвонят ли мне? В Кембридже у нас было куда меньше шансов усомниться в порядочности и надежности, нежели в Будапеште.

В Америке тоже существует серая, теневая экономика, хотя ее масштабы меньше, чем в Восточной Европе. Но даже когда мы с ней сталкивались, она работала по каким-то более приемлемым правилам, нежели дома. При переезде нам потребовалась помощь «фиксера» — мастера на все руки, который обычно сверлит дырки в стенах, переносит розетки, собирает книжные полки. Стив пришел к нам после работы и переделал все дела — не стал только вешать карнизы. Днем он работал в фирме по изготовлению занавесок и счел неприличным составлять конкуренцию собственному работодателю своей «халтуркой».

В Америке поражают профессионализм и жесткая профессиональная дисциплина работников. В какой бы области и на каком бы уровне нам ни приходилось сталкиваться с людьми, мы всегда чувствовали, что они знают свое дело и делают его по совести. И это относится не только к профессионалам высокой квалификации, таким, например, как наш «врач первой помощи» (круг его обязанностей соответствует должности участкового врача), который постоянно находится в курсе новейших достижений науки и немедленно заметит, если отношение к какому-нибудь лекарству или способу лечения изменилось. Мастер по починке видеокамер, автомеханик, маляр — все эти специалисты (по крайней мере, нам так казалось) были лучше подготовлены и тщательнее концентрировались на работе, чем их венгерские коллеги. Меньше болтовни и бездельничанья на рабочих местах. У нас сложилось представление об определенном типе «трудолюбивого американца» — «hard-working American». Не все американцы, конечно, принадлежат к этому типу, да и в Венгрии, естественно, немало трудолюбивых специалистов — и в последнее время их число, кажется, растет. Однако, думаю, я не ошибаюсь, утверждая, что в Америке это явление распространено шире и может считаться одним из важнейших источников экономического роста и производительности в стране.

Перейду к трем негативным впечатлениям. Начну с языка, с которым у меня было много проблем. Виной тому, конечно, не выразительный английский язык сам по себе, но, главным образом, то, что для человека, выросшего в другой стране, почти невозможно овладеть произношением и невероятно богатым словарным запасом. Дело, очевидно, в моей неспособности к языкам. Вот два прокола из опыта моих первых лет в Америке. Я сдавал экзамен на права в Бостоне, и дорожные полицейские показывали мне различные знаки, а я должен был сказать, что они означают. На один из них — «No hitchhiking» («Автостоп запрещен») я автоматически выпалил: «No hijacking» («Угон автомобиля или самолета запрещен»), чем вызвал приступ хохота у экзаменаторов, — но права все-таки получил. В другой раз я читал лекцию о проблемах накопления резервного фонда и, к вящей радости студентов, умудрился три раза употребить слово «whorehouse» («публичный дом») вместо «warehouse» («склад продукции»). Впоследствии я достиг определенной степени уверенности в языке, но до последнего дня работы испытывал трудности, когда приходилось разбирать своеобразные акценты китайских или японских студентов или расшифровывать информацию, передаваемую по телефону с пулеметной скоростью.

Вторая проблема оказалась намного серьезнее. Меня смутил своеобразный провинциализм мышления, пронизывающий общество. Речь, правда, идет о «провинции» немалых масштабов. И все же, несмотря на центральную позицию, которую страна занимает в мировой политической, экономической и научной жизни, США обращены исключительно внутрь себя. В качестве иллюстрации достаточно проанализировать самые влиятельные вечерние выпуски новостей на трех основных телеканалах, где редко попадется новость не об Америке. Если же вдруг выходит репортаж о событиях за рубежом, они почти наверняка каким-то образом связаны с Америкой. Европейские страны, в особенности небольшие государства, куда более открыты миру.

И, наконец, характерное явление, к которому у меня сложилось двойственное отношение: вечный оптимизм американцев и вера в действие. Если на какой-то регион обрушивается стихийное бедствие, люди в большинстве своем не падают духом и не требуют вмешательства государства или помощи от властей. Вместо этого можно услышать: «Как-нибудь преодолеем... Разберемся... Да, начнем сначала...» И вот они уже рассказывают, с чего начнут, строят планы. Перед лицом беды позиция «помоги себе сам» достойна уважения.

Однако эта готовность к действию нередко соседствует с наивностью и недооценкой сложности ситуации. Сталкиваясь с проблемой, американец уверен, что ее можно решить. Он даже представить себе не может существования неразрешимых проблем и зачастую тут же выдвигает предложение, которое должно все уладить. К сожалению, подобный подход нередко основан на упрощенном описании ситуации, а предложенные решения оказываются примитивными.

Готовность быстро действовать порой творит чудеса; там, где европейские гамлеты и обломовы сомневаются или смиряются с неизбежным, американ-

цы мобилизуют силы. Но в иных случаях торопливые действия могут завести не туда. Достаточно вспомнить (и здесь я забегаю вперед) американских консультантов, которые после краха коммунистического порядка сразу знали, что надо делать, и начали повсюду предлагать одни и те же решения. Где-то их советы сработали, а где-то привели к катастрофическим последствиям.

Центр мировой культуры

Когда отдельные высокомерные венгерские интеллектуалы начинают пренебрежительно рассуждать о примитивизме или невежестве американцев, мне это кажется непростительным преувеличением. Попадаются, конечно, грубые и необразованные американцы — таких людей достаточно везде: и в Венгрии, и в любой другой стране Европы. Но мне повезло, я оказался в одном из центров мировой науки и культуры. В Бостоне и его пригородах насчитывается семь университетов; причем два из ведущих — Гарвард и Массачусетский технический — расположены в десяти минутах друг от друга на одной и той же улице, Массачусетс-авеню. Во многих уголках земного шара я встречался с учеными, обладавшими огромными знаниями, но рискну утверждать, что такой концентрации ярчайших умов, талантов и образования нет больше нигде.

Будапештский музей изящных искусств был бы счастлив иметь в своей коллекции картины Ван Гога, Гогена, Бекмана, Климта или работы Ласло Мохой Надя, которые можно увидеть в музее Гарварда, не говоря уже о сокровищах Бостонской галереи, Музея изящных искусств.

Нам было достаточно сесть в метро, чтобы через несколько минут оказаться у концертного зала «Бостон Симфония-холл» — площадки одного из лучших мировых оркестров, Бостонского симфонического. Какие концерты довелось нам здесь слушать! Любой известный музыкант, приезжая в США, почтет за честь быть приглашенным в Бостон. У нас было еще два любимых концертных зала: Джордан-холл — с теплым звуком, обитый изнутри деревянными панелями, и большой лекционный зал Гарварда Сандерс-холл, куда мы ходили на концерты столько лет подряд, что знали в лицо больше зрителей, чем в будапештской Академии музыки.

Мы часто ходили в кино. Сколько бы ни было фильмов в видеопрокате, домашний просмотр не сравнится с удовольствием от похода в кинотеатр. (Нас тогда еще радовала возможность посмотреть фильм сразу после его выхода на экран. Сегодня это можно сделать и в Будапеште.) Некоторые фильмы так и не дошли до Венгрии — например, удивительная адаптация чеховского «Дяди Вани» — «Ваня с 42-й улицы», или «Тридцать две истории о Гленне Гоулде» — фильм, посвященный эксцентричному фортепианному гению.

А книги! В двух минутах ходьбы от нашей квартиры, на Гарвард-сквер — три гигантских книжных магазина с бесконечным ассортиментом, где всегда толпятся студенты и другие любители книг. Магазины эти открыты даже ночью. Когда к нам приезжали шведские внуки, они первым делом всегда бежа-

ли в книжные магазины на площади. Просматривая книги, мы знакомились с новинками (с удовольствием читали воскресное литературное приложение к газете «Нью-Йорк Таймс» или «Нью-йоркское книжное обозрение», чтобы как-то сориентироваться в бесконечном потоке новых названий).

Если нам не хватало того, что предлагала культурная жизнь Бостона, рядом были Нью-Йорк и Вашингтон. Не проходило года, чтобы мы на несколько дней не съездили в один из этих городов. Если добавить к концертным залам, оперным площадкам, театрам и галереям Нью-Йорка и Вашингтона еще и бостонские — выбор у нас был практически бесконечный. Мы постоянно чувствовали, будто пропустили что-то, что надо бы было услышать или увидеть, но у нас не хватало на это времени — оно уходило на другие дела.

Дружеские связи

Дружба для меня — жизненная необходимость. Отношения с разными друзьями отличаются друг от друга по силе эмоций, степени откровенности и частоте общения, но между друзьями и просто знакомыми всегда можно провести четкую грань. Мне приятно, когда удается наладить близкие отношения со всеми окружающими меня людьми, в каком бы качестве они ни были.

Как я уже говорил, я хорошо чувствую себя на рабочем месте, если нахожусь в дружеских отношениях со всеми своими коллегами. В Гарварде мне в этом плане очень повезло. Секретаршами у меня работали очаровательные милые девушки. Об одной из них, Мэделин, я уже рассказывал. С другой, Кейт Пилсон, рабочий день начинался не только с обсуждения планов на день, но и с разговора о политических событиях, фильмах и литературных впечатлениях. Лорен ЛаРоза вручила тетрадочку со своими стихами, и я расценил это как знак большого доверия. Я уже много лет не виделся с ними, но со всеми тремя продолжаю обмениваться письмами и иногда беседую по телефону.

Я никогда не занимал руководящих должностей, но прибегал к помощи других научных сотрудников (research assistants), когда в большей, когда в меньшей степени. Особой удачей для себя считаю тот факт, что с 1985 по 1997 г. со мной работала Мария Ковач: Марчи, как называют ее друзья, закончила Экономический университет имени Карла Маркса в качестве выпускницы Райк Коллегиум и согласилась работать у меня на полную ставку. Она помогала мне во всем: собирала данные, редактировала рукописи, вела переписку, поддерживала связи, разбиралась с документами. Марчи настолько глубоко вникла в мои дела, что мне и говорить ничего было не нужно, — она всегда знала, что надо делать. С началом работы в Гарварде Мария Ковач согласилась регулярно сопровождать нас в Америку.

После Марчи у меня работали Агнеш Бенедикт, а затем — Янош Варга. Оба, как и Мария Ковач, кочевали вместе с нами между Будапештом и Гарвардом. И Агнеш, и Янош изначально нанимались на два года, но затем добровольно соглашались поработать еще по году каждый.

Все трое были мне не просто помощниками, но и друзьями, которых мы с женой воспринимали как своих детей или внуков. (По возрасту они как раз попадали между двумя этими категориями.) Мы были рады помочь им, если у них возникали какие-то проблемы, и часто встречались вне стен университета ради любимых ими кулинарных опытов моей жены Жужи.

Отношения студент—преподаватель перешли в дружбу с теми, кто не просто пользовался моими консультациями в качестве аспиранта, но ассистировал мне в исследовательской работе, помогал в написании книг. Анна Селени, Ини Цянь, Ченган Су, Карла Крюгер, Джейн Прокоп, Александра Вакруа, Карен Эггельстон, Джон МакХейл — я не только выражаю благодарность всем этим людям за оказанную помощь в работе над книгами и статьями, но с любовью храню их имена в своей памяти. Помимо университета мы встречались в тесном семейном кругу, а с тех пор как покинули Гарвард, продолжаем общаться и поддерживать дружеские связи — с кем-то чаще, с кем-то реже.

В Гарварде мы искали кого-нибудь для работы по дому и увидели объявление на дереве. Мы позвонили по указанному номеру, и вскоре в нашей квартире появилась милейшая Сьюзан Райен-Воллмар. Девушка недавно закончила колледж, периодически писала статьи и стихи, но наряду с литературными устремлениями хотела заработать на жизнь уборкой. Мы договорились, и Сьюзан стала приходить к нам. Когда мы уже подружились, нам удалось уговорить девушку не бросать учебу и вернуться в университет. Так она и сделала: записалась на высшие журналистские курсы, затем получила работу в небольшой газете, а после — в одной из ведущих газет Бостона, где сегодня выполняет обязанности заместителя главного редактора.

Сьюзан уже работала у нас некоторое время, когда попросила разрешения привести в помощь свою подругу. Теперь девушки работали вдвоем: журналистка Сьюзан и ее подруга — Линда Крото, школьная учительница. Как бы ни шла вверх карьера Сьюзан и как бы ни была загружена в школе Линда, подруги нас не бросали и из дружеских побуждений продолжали помогать по дому до самого конца нашего пребывания в Гарварде. Знакомство с девушками оказалось очень интересным. Работали они отлично, уборку делали с невероятной тщательностью*. В перерывах мы обсуждали новости текущей политики и прочитанные книги. Если у меня возникали проблемы с английским, я обращался за помощью к Линде или к Сьюзан. Сообщение о том, что Сьюзан ждет ребенка, стало для нас настоящей семейной радостью. Уже после отъезда из Америки мы узнали по телефону, что она родила второго.

* Когда Гарвардский университет устроил ужин в мою честь в связи с моим выходом на пенсию, я, естественно, пригласил туда и Сьюзан с Линдой. Гости сидели за большими круглыми столами, и соседи по столикам спрашивали друг у друга, кто есть кто. Сьюзан с подругой оказались в окружении университетских профессоров и на вопрос, чем они занимаются, ответили: «Мы — уборщицы у Яноша Корнаи». Гости были слегка удивлены, ведь даже в либеральном Гарварде присутствие уборщиц на преподавательском банкете казалось непривычным делом. Потом уж выяснилось, что одна из девушек — журналистка, а другая — учительница.

Как-то в бассейне Жужа завязала разговор с красивой, спортивной седовласой дамой. Регулярные беседы переросли в дружбу. Мими Берлин — преподаватель русской истории на вечернем отделении в Гарварде, и Джерри Берлин, первоклассный адвокат, кларнетист-любитель, а в прошлом — активист борьбы за права человека, стали одними из наших ближайших друзей. У нас сложилась традиция проводить первый вечер по приезде из Европы в Кембридж дома у Берлинов и прощаться с Кембриджем перед отъездом в Европу за вкуснейшим ужином, приготовленным Мими. К счастью, мы смогли встретиться с ними и в Будапеште, уже после отъезда из США.

Сколько увлекательных вечеров провели мы с Робертом и Бобби Солоу, часто посещая концерты. Любой экономист знает, что значит имя Солоу для экономической науки. Слушать его лекции — одно удовольствие*. Не знаю никого, кто бы умел объяснить сложные и запутанные идеи с такой ясностью, энтузиазмом и юмором, безо всякого важничанья. Но и за столом, в кругу друзей, мы могли наслаждаться его мощным интеллектом и вдобавок проявлениями искреннего человеческого внимания, интереса к собеседнику, готовности помочь.

Большинство наших друзей были коллегами по университету: Цви Грилихес и его жена Диана, Дейл и Линда Йоргенсон, наш земляк Фрэнсис (Фери) Батор и Джей Рузвельт, Амартья Сен и Эмма Ротшильд, Роберт и Нэнси Дорфманн, Франк и Матильда Хольцманн, Роберт Шульман с супругой, Юдит Фейеш — список можно продолжить. Некоторых — Цви Гиличеса, Роберта Дорфмана, супругов Хольцман — уже нет с нами, и нам их очень не хватает.

Распространенная форма общественной жизни в Америке — это вечеринки (parties). Обычно собирается очень много народу: все стоят с напитками в руках и общаются то с одним, то с другим гостем. Чаще всего за ни к чему не обязывающей болтовней следует ужин за столом, где принято беседовать с соседями справа и слева (порой совершенно незнакомыми вам людьми) по очереди, в течение целого часа, а то и двух. Если с соседями не повезло, вежливая беседа может показаться бесконечно скучной и утомительной.

Должен сказать, что за все годы пребывания в Америке мы ни разу не устраивали подобных вечеринок, а когда приглашали нас — старались, соблюдая все приличия, уклониться от участия. Мы больше любим, когда в гости приходят двое–четверо друзей и все участвуют в общем разговоре. Уж если речь заходит о чем-то, можно серьезно поговорить и поспорить, а не просто перескакивать с одной темы на другую каждые пять минут.

Меня раздражает бессмысленная болтовня, то, что по-английски называется «small talk». Кто-то объяснил нам, что среди американских интеллектуа-

---

* Наша дочь Юдит еще не знала, в какой университет поступать, когда в 1972 г. впервые отправилась с нами в Америке на конференцию, где среди прочих участников выступал и Роберт Солоу. Прослушав его выступление, она решила: раз экономика такой интересный предмет, есть смысл поступать в Экономический университет. Впоследствии ей пришлось немного разочароваться: не все лекторы-экономисты похожи на Солоу.

лов не принято обсуждать профессиональные вопросы, так как это может задеть тех, кто не связан с данной областью. Однажды у нас в гостях были три супружеские пары: двое крупных экономистов, один столь же известный политолог и их жены — научные работники и представительницы мира искусства. С нашей стороны это был ответ на приглашения, полученные ранее. Мы заранее предвкушали настоящий интеллектуальный пир. Вместо этого гости до самого конца вечера вели обычные разговоры на нейтральные темы, осторожно избегая дискуссий по профессиональным вопросам. Этот случай нас многому научил. Впоследствии мы пробовали направлять беседу в иное русло, подбрасывая в нужный момент вопрос или замечание, способные послужить началом для интересного и захватывающего разговора. Друзья же, видя, что нам нравится подобный способ общения, уважали наши стремления и включались в беседу. Постепенно нас перестали звать на вечеринки и вместо этого стали приглашать в небольшие, интимные компании, где люди собирались, чтобы поговорить. Если бы надо было выделить главное, что мне понравилось в Кембридже, на одно из первых мест я бы поставил разнообразную и многостороннюю светскую жизнь, богатую интеллектуальными впечатлениями.

Гости с удовольствием приходили к нам еще и ради необычайно вкусной еды. Жужина выпечка прославилась на весь Кембридж до такой степени, что один из менее близких знакомых даже интересовался, как бы получить приглашение к Корнаи, чтобы попробовать знаменитый миндальный торт.

В клубе преподавателей Гарварда я чувствовал себя как дома. Недели не проходило без одного-двух обедов с коллегами или гостями. Те, кто всю жизнь проводит в западных университетах, воспринимают подобные вещи как нечто само собой разумеющееся. Я пристрастился к такой форме общения: доверительная беседа за накрытым столом, когда участники обсуждают, в первую очередь, профессиональные проблемы, а также вопросы политики, культуры и личной жизни.

Но какие бы тесные узы ни связывали нас с новообретенными американскими друзьями, этим отношениям не хватало одного — общего прошлого. Друзей в Венгрии становилось все меньше. Кто-то ушел сам, с кем-то мы перестали общаться, потому что отдалились друг от друга душой или же мысли наши и политические пристрастия разошлись. Дружба подверглась испытаниям. Верность, лояльность, характеры проходят строгую проверку истории. Но отношения, которые выдержали такую проверку, стали более прочными — их глубину не сравнить с дружескими связями, возникшими позже.

Если в разговоре с американцами речь заходила о репрессиях в коммунистической стране, наши друзья сразу вспоминали эпоху МакКарти, а мы думали, как можно сравнивать политические преследования нескольких сотен людей, потерявших работу, с жестокими репрессиями периода Ракоши или с безжалостной расправой 1957–1958 гг., в результате которой в маленькой стране в наказание за десять дней революции 299 человек были приговорены к смертной казни, а тысячи провели долгие годы за решеткой[193]. Что могут

американцы знать о тоталитарном режиме? С другой стороны, сами они видели, что мы не в состоянии почувствовать, как ущемление прав может сказаться на обществе, привыкшем к свободе. Напрасно и мы, и они пытались понять чувства друг друга путем рациональных рассуждений и обращения к истории. Слишком уж отличались ощущения тех, кто пережил репрессии на собственном опыте.

Похоже обстояли дела и с разговорами о холокосте. Все наши друзья — и евреи, и неевреи — искренне осуждали это страшное преступление, но никто из них желтых звезд на одежде не носил. Судьбы евреев занимали многих американских друзей куда больше нашего, и все же сочувствие, солидарность, ощущение моральной ответственности и травма, пережитая лично, — вещи разные.

Общий опыт нелегкой жизни может нас по-настоящему связывать только с венгерскими друзьями. Каждый раз, возвращаясь после длительного отсутствия, мы с нетерпением ждали их отчетов о произошедшем. Мы вместе с волнением наблюдали, как события начинают ускорять свой ход, как проявляются признаки ослабления кадаровского режима и развала советской империи. В Будапеште мы, как и в Кембридже, избегали посещать входящие в моду вечеринки, шумные собрания и «интеллектуальные салоны». Мы и здесь предпочитали встречи в узком кругу, серьезные и задушевные разговоры, которые случались у нас с историком Петером Ханаком и его женой Кати, или с Палом Лёчеи и Евой Кенде, или с Андрашем Надем и Агнеш Лошонци*. С четой Литванов мы встречались не только за ужином, но и во время прогулок по будайским холмам. Нам также было очень приятно общество моих бывших коллег и учеников Михая Лаки, Кати Фаркаш, Тамаша Бауэра, Яноша Гача, Мари Лацко, Андраша Шимоновича и Жужи Капитань. В Будапеште мы продолжили приятную традицию кембриджских клубных обедов. Так я встречался с Евой Чато, с которой был знаком еще со времен работы в газете «Сабад Неп», с Илушем Лукачем — одним из переводчиков «Дефицита» или с Аги Матич — с ней мы вместе проводили обширное эмпирическое исследование по мягким бюджетным ограничениям. Со всеми этими людьми я познакомился на работе, и наше знакомство переросло в крепкую дружбу. Здесь, в кругу венгерских друзей, мы получали то, чего не могли нам дать никакие связи в Америке.

Среди экономистов Европы и мира

С 1983 г., когда я приехал в Принстон, почти половину своей жизни я стал проводить в Америке. Но наполовину американцем я из-за этого не стал. Слишком многое связывало меня с другими странами и их жителями.

Задолго до этого я уже попробовал брать на себя ответственность, которая распространялась за пределы одной страны, когда в 1972 г. меня, по пред-

---

* Особая история — мои встречи с Петером Кенде и его супругой Ханой Б. Кенде. До смены режима Петер не мог вернуться в Будапешт, поэтому мы старались использовать любые возможности для встреч, когда я выезжал за границу.

ложению Тинбергена, назначили вице-президентом Планового комитета по развитию при ООН. Эту должность я занимал до 1977 г. Вместе с коллегами из Индии, Мексики, Франции, СССР, Нидерландов, Польши мы пытались разработать рекомендации по экономической политике для развивающихся стран, чтобы затем предложить их другим органам ООН.

Позднее я стал активно участвовать в деятельности Эконометрического общества — международной организации экономистов-математиков. Сначала меня выбрали членом исполнительного комитета, а затем, в 1978 г., — президентом общества*. Выполняя стандартные обязанности президента, я считал необходимым обеспечить экономистам из социалистических стран возможность принимать участие в конференциях и помочь им влиться в мировой научный процесс в области экономики.

Я стремился использовать любые возможности, чтобы способствовать продвижению коллег из Восточной Европы и Советского Союза — предлагал их в качестве приглашенных исследователей или преподавателей, содействовал выступлению на международных форумах.

Работа в Европейской экономической ассоциации (EEA) совпала по времени с моим пребыванием в Гарварде. Ассоциация была создана благодаря усилиям и по инициативе бельгийского профессора Жака Дрезе, человека, которого я уважаю не только за выдающиеся научные достижения, но и за активную и бескорыстную общественную деятельность. Я также выступил одним из создателей организации. Осознание единых европейских ценностей пришло ко мне задолго до вступления Венгрии в Европейский Союз в 2004 г. В 1986 г., когда Ассоциация под председательством Дрезе была сформирована, железный занавес еще существовал. На второй год кандидатами в президенты выдвинули Франка Хана и меня. С Ханом я познакомился в ходе первой поездки в Англию, на кембриджской конференции 1963 г. Именно он написал статью «Зима наших разочарований», в которой подверг острой критике мою книгу «Антиравновесие». (Об этой статье я рассказал в главе 10.) Нас связывали дружеские отношения: Франк с готовностью оказал помощь в устройстве Тамаша Липтака, когда тот эмигрировал. Вернусь к выборам: в такой ситуации обоих кандидатов спрашивают, согласны ли они с выдвижением. Мы оба согласились, и я получил большинство голосов.

Как и ранее, в Эконометрическом обществе, я и здесь продолжал стараться на благо коллег, живущих в социалистических странах. Мне удалось договориться, чтобы на первый конгресс Ассоциации, проходивший в Вене, получили приглашение многообещающие ученые, чьи имена были еще не знакомы западной науке. Среди приглашенных были Лесек Балцерович, тогда — молодой польский экономист, а впоследствии — один из лидеров польских преоб-

---

* Выборы в Эконометрическом обществе проходят в два этапа. Сначала из кандидатов выбирают будущего президента (President Elect), и он работает в этом качестве один год, знакомясь с будущими обязанностями. На следующий год на бюллетенях для голосования в качестве кандидата фигурирует уже только его/ее имя.

разований, социолог Татьяна Заславская, получившая мировую известность благодаря своим критическим исследованиям советской системы, и совсем еще юный Владимир Длухи, ставший затем партийным лидером и министром чешского правительства после смены режима в стране.

На конгрессе 1987 г. в своем вступительном слове в качестве президента я среди прочего сказал: «Я — гражданин социалистической страны. Очевидно, что для меня особенно важно участие экономистов из стран Восточной Европы». Далее шел перечень специфических трудностей, с которыми сталкиваются жители Восточной Европы. Затем я обратился за помощью к представителям западных стран, которым «повезло избежать проблем, стоящих перед их восточными товарищами. У многих из нас, граждан стран Восточной Европы, часто возникает горькое чувство, будто западная интеллигенция отождествляет Европу исключительно с западной ее частью. Напомню: граница континента проходит отнюдь не по Эльбе. Мы хотим, чтобы нас тоже считали европейцами»[194].

Обязанность президента состоит в определении главной научной темы для ежегодного конгресса. Вокруг нее строится речь самого президента и доклады двух основных выступающих. Я подумал: для нас сейчас важнее всего говорить о свободе. Мой доклад назывался «Личная свобода и реформа социалистической экономики» («Individual Freedom and Reform of the Socialist Economy»)[195]. Одним из двух основных докладчиков я пригласил Амартью Сена, который выбрал следующую тему: «Свобода выбора: концепция и содержание» («Freedom of Choice: Concept and Content»)[196]. Вторым докладчиком стал Ассар Линдбек, чей доклад назывался: «Личная свобода и политика государства всеобщего благосостояния» («Individual Freedom and Welfare State Policy»)[197].

В собственном докладе я на венгерском примере стремился показать, что децентрализация, распространение частной собственности, ослабление дефицита и снижение бюрократических преград на рынке труда способствуют не только экономической эффективности, но и росту личной свободы и расширению возможностей выбора. В качестве важного достижения я выделил отход социалистического мира от состояния «максимального государства» в сторону уменьшения роли государства и роста личной свободы.

Поездка в Китай

Летом 1985 г. Академия общественных наук Китая и Всемирный банк пригласили нас с женой провести четыре недели в Китае. Сначала мы поехали в Пекин, где приняли участие в конференции по вопросам государственных предприятий. Само по себе событие было любопытным, но то, что началось потом, я не могу сравнить ни с чем из предыдущего опыта.

Китайцы предложили семерым зарубежным экономистам прокомментировать ситуацию в стране и ее перспективы на будущее. Были приглашены: Джеймс Тобин, профессор Йельского университета, выдающийся специалист

по макроэкономике (за несколько лет до этого он получил Нобелевскую премию), Отмар Эммингер, бывший президент западно-германского Бундесбанка, Мишель Альбер, бывший председатель французского планового комитета, сэр Александр Кернкросс, профессор из Оксфорда, один из главных экономических советников британского правительства и лейбористской партии в 1960-е годы, профессор Александр Байт, признанный эксперт по вопросам югославского рабочего самоуправления, Лерой Джонс, американский профессор, автор книги о планировании в Южной Корее, и ваш покорный слуга*.

Семерых экономистов и сопровождавших нас китайских коллег принял премьер-министр Чжао Цзыян**. В ходе двухчасовой беседы премьер министр рассказал, какие проблемы интересуют правительство и на какие вопросы они хотели бы получить ответы ученых из-за рубежа.

На следующий день всех приглашенных и группу китайских экономистов на самолете переправили в Чункин, где всех посадили на теплоход, который медленно поплыл по гигантской реке Янцзы. Обслуживали нас, как туристов, по высшему разряду – в ресторане подавали невероятные блюда китайской кухни, на палубе был даже бассейн. Однако времени на отдых и развлечения оставалось у нас немного.

Хозяева заставили нас работать с полной самоотдачей. Каждый зарубежный гость должен был провести дискуссию, рассчитанную на полдня. Начиналось все с лекции приглашенного эксперта, затем самые авторитетные китайские коллеги задавали вопросы. Ведущие экономисты Китая не хотели открыто демонстрировать свои позиции по самым уязвимым вопросам реформы. Вопросы же со стороны молодых участников, похоже, вообще не приветствовались. Они наверняка договорились обсудить все между собой и сделать выводы после отъезда иностранных гостей.

К тому времени Китай уже преодолел первый этап реформ. Хотя сами китайцы описывали ситуацию согласно «линии партии», на самом деле была ликвидирована социалистическая система сельского хозяйства и с ней — грандиозное китайское нововведение, «народные коммуны». Вместо них в ре-

---

* Одним из главных организаторов встречи западных и китайских экономистов был Эл Лим, возглавлявший на тот момент китайское представительство Всемирного банка. Его деятельность — лучший пример того, как западный консультант может лучше всего содействовать процессу перехода от одной системы к другой в социалистической стране. Он не предлагал готовых рецептов и не стремился любой ценой уговорить местных жителей следовать им. Вместо этого Эд Лим пытался представить все разнообразие существующих путей. Из списка приглашенных видно, что китайцы хотели ознакомиться с опытом Америки, Азии, Западной и Восточной Европы — и Эд Лим сумел им помочь.

** Чжао Цзыян был одним из пионеров китайской реформы. Главным руководителем ее стал Дэн Сяопин, но Чжао Цзыяна считают основным архитектором и организатором первых фундаментальных реформ.

Чжао Цзыян был единственным членом китайского руководства, кто во время миллионных студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь вышел к протестующим и говорил с их лидерами. После подавления выступлений Чжао Цзыян лишился поста премьера и был заключен под домашний арест до самой смерти в январе 2005 г.

зультате крестьянского движения, сумевшего уничтожить любое сопротивление, возродилось сельское хозяйство, основанное на частной собственности. Мучительный дефицит продовольствия сменился изобилием. В области сельского хозяйства Китай далеко опередил все то, что происходило в Венгрии, не говоря уже о разнице между жизнеспособной китайской деревней и вымученной, деградирующей советской колхозной системой. Вслед за успехом сельскохозяйственной реформы встал вопрос, что делать с остальной экономикой.

В Америке, готовясь к своей лекции, я постарался, как можно основательнее ознакомиться с ситуацией в Китае. Я считал особенно важным прояснить для себя, в чем Китай похож на Венгрию и чем эти две страны отличаются друг от друга. Речь шла не об очевидных различиях между страной с населением больше миллиарда и десятимиллионным государством и несхожести двух культур, азиатской и европейской, или исторического прошлого Китая и Венгрии (или Восточной Европы). От меня, в первую очередь, ждали анализа венгерских реформ, чтобы понять, чему можно научиться из нашего опыта: что стоит позаимствовать, каких проблем нужно избегать. Таким образом, мне предстояло проанализировать сходства и различия в ситуации и оценить возможности венгерской и китайской реформ.

Уже на первой конференции в Пекине и позже, в беседах с китайскими экономистами и хозяйственными руководителями, я ощутил, что, несмотря на огромное расстояние между нашими странами и историко-культурные различия, в определенном смысле, чувствую себя в Китае, как дома. О каком бы явлении ни заходила речь, все казалось мне знакомым. Китайцы сталкивались с теми же проблемами, что и мы в Венгрии. Они, конечно, могли многому научиться у американского специалиста по макроэкономике или главы Центрального банка Германии, но мы, представители Восточной Европы, лучше всего ориентировались в общем для нас с китайцами идеологическом контексте.

Венгрия распрощалась с командной системой, работающей на основе распоряжений из центра, еще в 1968 г. Было доказано, что экономическая система способна продолжать работать даже при доминировании госсобственности и под руководством коммунистической партии. Бюрократический и рыночный механизм могли сосуществовать, хотя и с большими трудностями. Находясь в Будапеште, я критически оценивал половинчатость реформы, но был уверен: для Китая сам по себе отказ от командной экономики уже будет означать большой шаг в продвижении реформ. В этом и состоял положительный опыт, значение которого я хотел подчеркнуть для китайского руководства. Надо было также обратить внимание на проблемы и опасности: половинчатую суть венгерских реформ, «мягкие бюджетные ограничения», и искажения в ценовой системе. В середине 1980-х годов Китай строил невероятно масштабные планы экономического роста, рассчитанные на много лет вперед. Я указал на риски, связанные с резко увеличивающимся темпом роста: угрозу инфляции и игнорирование отдельных секторов. Напомнив коллегам о важной роли, ко-

торую играет в китайском мышлении и культуре идея гармонии, я рекомендовал ориентироваться на гармоничное развитие вместо искусственного ускорения его темпов.

Что огорчало на тот момент и в Китае, и в Венгрии, так это продолжение политических репрессий и отсутствие свобод. Мы ощущали это по косвенным проявлениям. На обычной экономической конференции в Европе или Америке по атмосфере в зале, лицам слушателей и, естественно, по их замечаниям легко определить, понравилось ли выступление докладчика. Здесь же, на корабле, выяснить реакцию аудитории было невозможно. На лицах председателя и слушателей я не мог прочесть ничего. Успех или провал приходилось определять иначе. В перерывах меня толпой окружали молодые китайские экономисты и закидывали вопросами на не слишком хорошем английском, хотя понять их было можно. Они начали обсуждать со мной возможности издания моих книг. К этой истории я еще вернусь, а пока продолжу рассказ про теплоход.

Мы периодически причаливали к берегу на полдня в качестве перерыва. В один из дней мы сошли на берег и посетили рынок в прибрежном городке, где своими глазами могли наблюдать результаты сельскохозяйственной реформы: богатый выбор прекрасных фруктов, овощей, рыбы, раков, черепах и большой ассортимент мяса. В другой раз мы посетили «Три ущелья» — одну из самых известных достопримечательностей Китая. Там мы пересели в лодки и насладились красотой этого чуда природы. Тогда уже шли разговоры о затоплении района и строительстве гигантской гидроэлектростанции, в результате чего «Три ущелья» должны были скрыться под водой. Через несколько лет плотина действительно была построена, и чудо природы исчезло. Путешествие мы завершили в Вухане, где я прочел лекцию в университете.

Как выяснилось впоследствии, «конференция на теплоходе», или «Басан Лун» (как ее называли потом в китайской прессе), оказала значительное влияние на развитие экономической мысли в Китае. Ее материалы были изданы в книге, а отдельные доклады — опубликованы в журналах[198]. Китайские экономисты регулярно ссылаются на советы и консультации, полученные от участников конференции, и до сих пор считают ее выдающимся событием.

Год спустя, в 1986 г., в Китае вышел перевод моей книги «Дефицит» тиражом в сто тысяч экземпляров, а в 1998 г. книга была переиздана. Книга послужила теоретической базой в период ликвидации командно-административной системы в экономике Китая и использовалась в качестве учебника для студентов-экономистов. Всего в Китае вышло восемь моих книг, включая «Дефицит». Снова посетив Китай, уже спустя много лет, я был тронут, когда университетские преподаватели, руководители предприятий и мэр одного города говорили мне: «Я ваш ученик...».

Где же дом?

Нашим главным домом была и остается Венгрия. Однако мы стремились обустроиться и в Кембридже. Гарвардскую квартиру мы обставили с тем же тщанием, что и будапештскую, — привезли туда фотографии, памятные предметы. Мы не только приобрели много друзей, но и завели массу знакомств среди окружавших нас людей: от консьержа до парикмахера, от врача до работников бассейна. Мы чувствовали себя как дома в Гарварде, в Кембридже, в Бостоне, и в Америке вообще.

Я снова перешел на множественное число, ведь мы с Жужей не только спонтанно реагировали на короткие или длительные путешествия, включая пребывание за границей в течение нескольких месяцев. Спустя какое-то время мы выработали сознательную стратегию: куда бы мы ни ехали, мы везде хотели чувствовать себя как дома. Используя доступные технические и финансовые возможности, мы старались сделать свое физическое и общественное окружение по возможности индивидуальным. Задачу, конечно, облегчало то, что мы принадлежали к академическому миру. Различия между национальными культурами и историческим наследием стран действительно велики, и все же, где бы я ни встречался с профессорами экономики или студентами: в Индии, Японии или Мексике, — мы всегда легко понимали друг друга и обнаруживали общность интересов и сходство в образе жизни.

Приятно сознавать, что у меня есть друзья не только в Венгрии и США, но и во многих других странах, мы следили за работой друг друга, время от времени обменивались письмами и, по возможности, встречались лично. Мне хотелось бы по именам перечислить тех, чьи интересы не ограничивались чтением моих работ и возможного написания рецензий или комментариев к ним, тех, кто был готов связываться с издателями в своих странах, а иногда и браться за переводы и редактирование моих книг. Это Мари Лавинь, Бернар Шаванс и Мердад Вахаби во Франции, Сяомен Пен в Китае, Нгуен Куанг А во Вьетнаме, Цунео Морита в Японии, Карел Куба в Чехии, Тадеуш Ковалик и Гжегож Колодко в Польше. Они приложили все усилия, потратили массу времени и энергии для того, чтобы мои труды дошли до читателей их стран.

В «глобализированном» академическом мире мы повсюду чувствуем себя как дома. Однако мне не хотелось бы показывать это чувство только с одной стороны. Постоянное кочевье между Венгрией и Америкой, частые поездки по всему миру сопряжены еще и с тем, что, повсюду ощущая себя дома, я везде остаюсь немного чужим. Нигде нельзя по-настоящему отогреться — труба уже зовет, пора в дорогу. Возвращаемся в Будапешт — грустим из-за разлуки с американскими друзьями, расстраиваемся, что пропустим какой-нибудь стоящий концерт, я скучаю по студентам. Мы вновь и вновь жалеем о том, что пропускаем в одном месте, находясь в другом. Постоянно приходится прощаться.

В 1970–1980-е годы в Будапеште часто рассказывали один анекдот: «Старый Кон эмигрировал в Америку. Пожил там какое-то время — не понравилось,

решил вернуться в Будапешт. И здесь не находит себе места, снова уезжает, снова возвращается. Когда в очередной раз подает заявление на загранпаспорт, его спрашивают: "Скажите, дядя Кон, вы вообще-то где хотите быть?" — "В пути..."»*

Мы вспоминали этот анекдот, когда почему-либо чувствовали себя в том или ином месте не в своей тарелке. Вспоминали его и остальные, когда речь заходила о наших постоянных переездах, правда, делали они это с некоторой издевкой, мол, нам тоже, наверное, нравится в пути. На самом деле в процессе постоянных переездов мы ощущали себя совсем иначе. Путешествия утомляли нас, хотелось домой.

Усталость была вызвана не только необходимостью сначала упаковывать все вещи, записи, книги в одном месте, а потом распаковывать в другом; каждый выезд из Венгрии начинался с подачи документов на визу и прочих административных процедур. Да еще и разница во времени, к которой приходилось мучительно приспосабливаться**.

Я имею в виду не только физическую усталость от путешествий, которая с возрастом становится все сильней. Куда большим грузом было вынужденное раздвоение нашей жизни. Каждое действие в Венгрии, каждая ниточка, которая нас с ней связывала, были продублированы в Америке. И там, и тут у нас было жилье, машина***, в обоих странах приходилось платить за нее налог и страховку, заполнять налоговые декларации, держать счета в банке, вести учет и заносить в каталоги все документы, работы — не буду даже продолжать. Хотя я всегда получал зарплату только от одного работодателя, а на другой работе находился в отпуске за свой счет****, это вовсе не означало, будто мне приходилось заниматься проблемами только на одном рабочем месте. Нагрузка в сумме составляла отнюдь не по 50% с каждой работы — в сумме явно выходило больше 100%.

Несмотря на постоянную смену места жительства, Жужа продолжала активно работать над собственным исследованием в области распределения жилья и жилищной политики в Венгрии. Пока мы находились в Кембридже,

---

* Анекдот представляет несколько идиллическую картину эмиграции. На самом деле к тому времени те, кому не было запрещено выезжать, могли это делать без особого труда. И, если выезжающий не заявлял заранее, что собирается остаться за границей, то вполне мог путешествовать. В Америке, между прочим, иммигранты тоже не получали вид на жительство автоматически.

** По пути из Америки в Венгрию мы при каждом удобном случае делали остановку в Стокгольме, чтобы провести несколько дней с Юдит, Жофи и Анной. Юдит готовила нам любимые блюда, окружала любовью и заботой и помогала заново привыкнуть к европейской жизни. Она тактично «не замечала», как я порой засыпал посреди ужина, не переключившись еще на местное время. Отдохнув за долгими доверительными беседами, мы были готовы отправляться дальше в Будапешт.

*** Любимый подержанный фольксваген «Гольф» 1980 г. верно служил нам долгие годы: ветхий на вид, но с исправным мотором, он продержался до самого отъезда из США в 2002 г.

**** В моем окружении многие этого не знали и думали, будто я получаю зарплату сразу в двух местах.

она знакомилась с западным опытом и проводила сравнения на международном материале, сохраняя решимость продолжать работу по венгерской теме и в США, невзирая на все трудности и расстояния.

Такая двойная жизнь, постоянные переезды, а к ним еще и путешествия в другие части света требовали от нас большого напряжения*. Но дело того стоило! Я пользовался всеми преимуществами западной жизни, стал частью научного сообщества, находившегося в авангарде современной экономики, и в то же время сумел сохранить венгерские корни.

В Венгрии, да и во многих других странах много говорят об утечке мозгов. Богатейшие страны мира, и в первую очередь Соединенные Штаты, привлекают таланты и ослабляют тем самым интеллектуальный потенциал мест, откуда эти таланты приезжают. Образ жизни, который я выбрал, принимая приглашение в Гарвард, является одним из вариантов противостояния утечке мозгов. Можно одной ногой находиться в Америке, а другой — оставаться дома, где родился и вырос**.

В отношении нашего специфического образа жизни мы часто слышали от американских друзей выражение «Enjoying the best of both worlds» — т.е. что мы берем лучшее от обоих миров. И это правда. Я знаю, что Гарвард, Кембридж и Бостон — это не Америка, но, возможно, лучшее, что Америка может дать интеллектуалу, жадному до науки и культуры (хотя, возможно, это говорит во мне «гарвардская спесь», и лучше сказать: одно из лучшего). В другом мире Венгрия была «самым веселым бараком социалистического лагеря», а позиция ученого, академика открывала передо мной возможность жить интереснее и достойней, чем большинство остальных граждан коммунистических стран. И за это я благодарен судьбе.

---

* Большую помощь оказали мне в Америке мои секретари и научные ассистенты. Работать в Будапеште мне помогали Ица Фазекаш, а затем Кати Сабо. Юлиана Парти редактировала и добросовестно отслеживала все мои работы, а ее муж, Брайан МакЛин, стал постоянным переводчиком моих венгерских текстов на английский язык. Я мог практически дистанционно передавать свои просьбы — настолько все эти люди были в курсе моих дел и стремились облегчить мне выполнение задач и в периоды моего отсутствия. Что же касается помощи товарищей по работе, я оказался в привилегированном положении, даже по сравнению с западными коллегами.

** Нет смысла игнорировать тот факт, что выбор имеет свои финансовые последствия. Возьмем тех венгерских ученых, кто получил предложение работать в американских университетах. Выбрав работу в Америке, а с ней и эмиграцию (и подобный выбор сделали немало венгерских ученых), они обеспечили себе существенное материальное преимущество перед оставшимися в Венгрии коллегами, как в период активной деятельности, так и после выхода на пенсию. Мой вариант сокращает преимущества примерно наполовину. Ученый, выбирающий схему 50 на 50, жертвует половину предлагаемого ему излишка ради возможности проводить дома половину времени. При этом его материальное положение все равно будет лучше, чем у того, кто зависит только от венгерской академической зарплаты.

18

СИНТЕЗ — 1988–1993

«Социалистическая система»

Решение написать обобщающий труд о социалистической системе созрело у меня еще в 1983 г., когда я находился в Принстонском институте специальных исследований. Прочитанные там источники послужили интеллектуальным толчком к созданию первых набросков книги.

Преподавание в Гарвардском университете дало мне новый стимул. Сначала, в 1984 г., я прочел общий курс политической экономии социализма. Первым рукописным вариантом книги можно считать раздаточные материалы для студентов, подготовленные в 1986 г.

В университете мои лекции привлекали международную аудиторию. Среди слушателей были и китайский студент, сосланный в деревню во времена Мао, и молодой польский экономист, знакомый с миром плановой экономики изнутри, и те, кто ничего не знал о функционировании социалистической системы. Приходили и ярые антикоммунисты, и «новые левые» из Германии и Америки с наивной верой в идею, но без какого-либо представления о настоящей природе тоталитаризма. Я читал этот курс несколько раз, и от года к году он менялся и развивался. Вопросы и дискуссии заставляли меня формулировать идеи для слушателей (а впоследствии и для читателей) максимально ясно. Нет лучшей подготовки для написания работы, чем несколько раз представить материал заинтересованной аудитории.

Как писалась эта книга

Весной 1988 г. я ставил первый вариант книги и разделил материал на главы. Вскоре после этого у меня появилась великолепная возможность спокойно продолжить работу в Хельсинки, в Международном научно-исследовательском институте экономики развития (WIDER) при Университете ООН. Директор института, ныне покойный Лал Джавайардена, предложил мне поработать в рамках института. В мае 1988 г. мы переехали в Хельсинки, где про-

вели больше полугода. Нам была оказана максимальная поддержка, включая удобную, приятную квартиру и идеальные условия для работы.

Вокруг царил абсолютный покой. Летом в Хельсинки прохладно, но в тот год было необычно тепло, и мы могли купаться не только в олимпийском бассейне, но и в Балтийском море. Несколько месяцев, проведенных непосредственно на побережье, любование морскими закатами произвели на нас, жителей страны, отрезанной от моря, незабываемое впечатление. В конце длинного рабочего дня в десять вечера было еще достаточно светло, чтобы пройтись по берегу моря, по ближайшему островку, с музеем на открытом воздухе, или вдоль какой-нибудь бухты и обсудить с женой написанное за день или планы на завтра. Трудились мы действительно ударно, но многое помогало нам расслабиться: походы на рынок за свежей рыбой, которую мы покупали у рыбаков с лодок, пришвартованных у берега, прямо рядом с рынком, концерты в зале «Финляндия» или в церкви, вырубленной в скале, экскурсии на волшебные финские озера.

Институт экономики развития привлекал экономистов со всего мира и среди них — наших друзей, которые с радостью навещали нас. Жак Дрезе прервал ради этого свое большое путешествие под парусом. К нам приезжали друзья по Гарварду — Стив Мартин и Амартья Сен, как-то на ужин заглянул и консультант по первым моим работам Эдмон Малинво. Здесь же мы встретились и с выдающимся индийским экономистом Скхамоем Чакраварти, и нашим очаровательным шведским другом Бенгтом-Кристером Изандером*. Множество интересных и увлекательных бесед состоялось у нас и с «местными» — директором института, его сотрудниками, финскими коллегами.

Благословенный покой, природа и интеллектуальное окружение определенно вдохновляли меня и позволили работать над книгой в таком же быстром темпе, как когда-то над «Дефицитом» в Швеции: я выдавал по новой главе чуть ли не каждую неделю**. Помимо внешних обстоятельств еще одним ускоряющим фактором стало то, что эта книга вобрала в себя результаты всей моей научной деятельности, ее написанию предшествовали тридцать два года работы. Если же рассматривать период непосредственной подготовки — в общей сложности, на него ушло пять лет. В Хельсинки мне достаточно было сесть за компьютер, и я начинал печатать практически без остановки, ведь то, что я хотел написать, уже обрело форму у меня в голове.

В книге собраны не только идеи, которые я вынашивал в течение долгих лет, но и обширный аппарат, иллюстрирующий содержание: многочисленные таблицы, графики, статистические данные, ссылки на источники, цитаты, библиография. К счастью, у меня была целая команда помощников, состоявшая

---

* Это была последняя встреча с обоими. И Чакраварти, и Изандер ушли от нас в самом расцвете творческих сил.

** Речь идет, естественно, о первом, черновом варианте рукописи. Как и «Дефицит», эта книга подвергалась многочисленным правкам — например по следам ценных замечаний, предоставленных коллегами, которых я попросил прочесть текст.

из студентов, в Венгрии и США, в нее вошли не только мои непосредственные студенты, но и те, кто считал себя продолжателями моих идей, те, с кем меня давно связывали профессиональные и дружеские отношения. Подобная интеллектуальная близость позволяла им быстро и эффективно выполнять мои просьбы, где бы я ни находился — в Хельсинки, Будапеште или в Кембридже.

Тем временем из дома приходили новости о распаде системы и усилении идейной и политической оппозиции. Пока мы находились в Финляндии, венгерские события казались мне похожими на шум артподготовки, доносящийся с удаленной линии фронта. Телефонные разговоры с Будапештом на какое-то время выбивали меня из привычного ритма и напоминали, в каком критическом состоянии находилась социалистическая система, переживавшая конец агонии восточноевропейских режимов, отчаяние населения, ежедневные политические схватки. Я же сознательно стремился отвлечься от подобных мыслей. В течение этих месяцев я так сильно сконцентрировался на написании книги, что практически растворился в работе. Я был переполнен осознанием того, что делаю нечто важное и получается у меня хорошо, что бы там ни случилось. Несколько месяцев, проведенных в Хельсинки, как казалось мне тогда, были одним из счастливейших, если не самым счастливым, периодов моей жизни, чувство это сохранилось и теперь, пятнадцать лет спустя. Каждый, кто любит свою профессию, будь он плотник, скульптор или дорожный рабочий, радуется, когда ему удается что-то сотворить. Мне повезло, и я могу сказать о себе, что часто испытывал подобную радость, но никогда она не была столь сильной и незабываемой, как летом 1988 г. в Хельсинки.

Осенью того же года мы вернулись в Будапешт. Теперь уже артиллерия грохотала совсем близко. Половина книги была готова, но оставалось еще немало работы. С этого момента я продолжал писать урывками: сначала в Будапеште, потом в течение первого полугодия 1989 г. в Кембридже. Во втором полугодии я отложил работу над «Социалистической системой», понимая, что должен сказать свое слово в процессе смены режима и выступить с практическими предложениями в области экономической политики. Ради этого и была написана книга «Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований» (в дальнейшем: «Путь к свободной экономике»), которая станет центральной темой следующей главы. Я упомянул о ней лишь потому, что параллельно работал тогда, с одной стороны, над «Путем к свободной экономике» и изданием этой книги и ее вариантов на разных языках, а также над исследованиями, касающимися смены режима, а с другой — над очередными главами «Социалистической системы». Если быть более точным, я нетерпеливо перескакивал с одной работы на другую, насколько позволяли время и силы, остававшиеся от преподавания в Гарварде. Обращаясь к сиюминутным проблемам, я начинал жалеть, что оставляю в стороне главную, большую работу, а когда вновь садился за «Социалистическую систему», чувствовал вину за то, что не уделяю должного внимания вопросам актуальной экономической политики. Сочетая два вида деятельности, я все-таки умудрялся в Будапеште

или в Кембридже посвящать написанию книги дни, а то и недели, а летом 1991 г. удалось выкроить целых два месяца. Каждый раз, когда я отвлекался от минутной действительности, откладывал остальные дела и перечитывал написанное, то с удовлетворением отмечал: текст вышел крепкий, способный выдержать испытание временем. В период с 1989 по 1991 г. социалистическая система в Советском Союзе и Восточной Европе рухнула. Многие, в том числе большинство экспертов, считали необходимым пересмотреть сказанное по данной теме ранее. Приятно было осознавать, что мне ни на йоту не надо было менять текст уже готовой первой части книги. Описание и анализы выдержали первый удар исторической бури. Вторая часть была посвящена реформам и нуждалась в доработке, кое-где — в дополнениях. Хотя черновой вариант и предсказывал провал половинчатых реформ, но одно дело — предсказывать, а другое — анализировать уже случившийся провал.

Наконец, в 1991 г., спустя три года, книга была написана. Хотя я писал по-венгерски, вскоре был готов и английский перевод. «Социалистическая система» — одна из немногих моих работ, вышедшая сначала на английском, а уж потом, чуть позже, на венгерском языке.

Стремление к обобщению

Главной моей целью было обобщить основные результаты собственных исследований. В течение нескольких десятилетий я обращался к различным темам, искал ответы на все новые и новые вопросы, вихрем проносясь по всем разделам экономики. Какими бы разными областями я ни занимался, все мои работы дополняли друг друга, охватывая отдельные части целого. При этом я постоянно возвращался к отдельным проблемам (например, к явлениям несбалансированности, нарушения равновесия), но, по моим собственным оценкам, с каждым разом повышая уровень подхода. Возьму на себя смелость утверждать, что цепочка работ образует некое подобие арки. Теперь же я хотел выработать аналитическую конструкцию, с помощью которой можно было бы расположить в логическом порядке ранее разрозненные составляющие моих исследований*.

В то же время, я не хотел ограничивать задачу обзором исключительно собственных научных достижений. Я хотел встроить в концептуальную конструкцию все казавшиеся мне важными идеи и выводы других авторов. Я многое почерпнул в трудах венгерских и зарубежных коллег. Особенно хочется выделить влияние, которое оказала на меня бурная экономическая жизнь Венгрии. Большую роль играли не только опубликованные работы, но и разговоры, которые велись вокруг, оживленный венгерский дискурс о проблемах социализ-

* Я стремился не только собрать воедино прежние научные работы, но и обобщить свой непосредственный опыт. Того, кто дочитал мои мемуары до этого места, уже не надо убеждать в том, что я черпаю знания не только из книг, но и из собственных впечатлений. Это касается, например, моих работ о централизации и тоталитарном характере власти, о дефиците, потере веры в социалистическую идею и многих других явлениях.

ма и возможностях его совершенствования. Цитаты, приведенные в книге, и обширная библиография помогают читателю сориентироваться, где я обращаюсь к идеям других авторов. Следует, однако, отметить, что я не ставил себе задачу написать историю экономической мысли и свести воедино противоположные, порой совершенно несовместимые точки зрения. Я стремился включать только то, с чем был согласен сам. Через этот фильтр были пропущены все идеи и выводы. Таким образом, темой книги является социалистическая система, какой она видится автору.

Представляя читателям «Дефицит», я уже в предисловии подчеркнул, что предметом книги не является политэкономия социализма в целом, но лишь ее часть. Я даже проиллюстрировал свое заявление в цифрах: если взять книгу, представляющую социалистическую экономику во всей ее полноте, за 100%, то «Дефицит» покрывает всего 30%. Пришло время попытаться достичь полноты и написать книгу, которая сможет претендовать на стопроцентный охват. Не в том смысле, конечно, что она вберет в себя все детали. Решить подобную задачу невозможно, да она и не может стать целью научного исследования, нацеленного на обобщение и лаконичность*. Пусть анализ будет полным в том смысле, чтобы выделить все существенные черты социалистической системы. В книге, следовательно, должны рассматриваться все особенности, необходимые и достаточные для возникновения и функционирования общественно-политического и экономического организма, который мы называем *социалистической системой.*

В «Дефиците» речь не шла о политической структуре и идеологии системы. «Социалистическая система», напротив, начинает анализ именно с этой темы, сразу после вводных глав. Книга также отличается от многочисленных известных работ по сравнительной экономике тем, что исходным пунктом в ней становится не централизованное планирование и не государственная собственность, но самая характерная черта политической сферы — единовластие коммунистической партии. Ранее, в главе, посвященной «Дефициту», я уже говорил о том, что политическая обстановка и, как следствие, самоцензура, исключали обсуждение данной темы. Когда же я начал работать над набросками к новой книге в 1983 г., то решил для себя перешагнуть эти границы. Начиная с лекций в Гарварде 1984 г. я стал свободно излагать свою позицию относительно роли коммунистической партии, политической структуры и официальной идеологии. В раздаточных материалах для студентов 1986 г., равно как и в более позднем, опубликованном варианте текста, аргументация начиналась с объяснения роли коммунистической партии. В этом смысле, я написал *настоящую* работу по политической экономии.

---

* В том же предисловии я произвел обратные вычисления: если книга в 600 страниц составляет 30% от полного анализа, для изложения последнего потребуется 2000 страниц. Однако при написании книги, претендующей на полноту, я стремился к большей лаконичности. Я так старался, что вместо 2000 вышло «всего» 600 страниц. Тематическое совпадение с «Дефицитом» занимает менее 30%, так как я ужал содержание 24 глав книги до двух или трех глав в «Социалистической системе».

Мало было свести воедино темы, общие для экономической науки и политологии, — я хотел включить в анализ позиции, присущие другим общественно-научным дисциплинам, социологии, социальной психологии и политической философии, таким образом, чтобы книгу можно было считать не только работой по экономике, но и междисциплинарным исследованием в области интегрированных *общественных наук*.

Большинство трудов, посвященных социалистической экономике, занимаются *частным* анализом, исследуя одну выделенную область или характерную особенность системы. Я же поставил себе целью объяснить, как из частей составляется *целое*. Политика, экономика, общественные отношения, идеология находятся в тесном взаимодействии и все вместе формируют правила поведения для различных групп и общественных ролей. Я предпочитаю называть подобный подход *парадигмой системы**. Первым крупным представителем данной парадигмы был Карл Маркс. Он был автором многих частных работ, но в «Капитале», главном его произведении, капитализм представлен как система. Маркса интересовало, каким образом связаны между собой характерные отношения в современном ему обществе, как они определяют существования друг друга. В предисловии к «Социалистической системе» я подчеркиваю, как сильно повлиял Маркс на мой образ мыслей. (Предисловие было написано в 1991 г., как раз тогда ссылки на Маркса вышли из моды. От него вдруг разом отвыкли те, кто раньше постоянно его цитировал.) Влияние Маркса на меня выразилось, в первую очередь, в применении парадигмы системы.

Наряду с Марксом в предисловии упомянуты Джозеф Шумпетер и Фридрих Хайек. Книги «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетера или «Путь к рабству» Хайека являют собой яркий пример трудов, относящихся к парадигме системы, и, в этом смысле, они также оказали существенное влияние на мой образ мыслей**.

Работая над обобщающим произведением, я не мог позволить себе просто примкнуть к какой-либо из теоретических школ в области общественных наук. Любой, кто попытался бы уложить «Социалистическую систему» в один из знакомых «ящичков», оказался бы в замешательстве. Книгу нельзя отнести ни к марксистской, ни к неоклассической школе, ни к работам в духе Кейнса или Хайека.

---

* В обыденном языке слово «парадигма» слишком часто употребляют в разных туманных значениях, и его смысл стирается. В современную теорию науки это понятие ввел Томас Кун в своей гениальной книге 1962 г., и я вместе с ним понимаю парадигму как характерный подход, теорию, методологию, аппарат и способ аргументации, разделяемый или применяемый группой ученых.

** Среди тех, кто больше всего повлиял на меня в интеллектуальном плане, в предисловии указан и Джон Кейнс. Так оно и было, однако он оказал мне неоценимую помощь, в первую очередь, в понимании проблем макроэкономики и неравновесия. Кейнс в своих работах не исповедовал подхода, который я называю «парадигмой системы», и поэтому я не упоминаю его в этом ряду.

Я хотел не просто подытожить свои соображения в отношении социалистической системы, но использовал анализ данной конкретной системы, чтобы проиллюстрировать подход, *научную методологию*, применение которой считаю достойным популяризации.

Позитивный анализ и ценности

В процессе написания книги я старался избежать *нормативного* подхода. Я даже не ставил вопрос, что есть «правильное общество», и не пытался выяснить, подходят ли социалистические планы Маркса, Ленина или их наследников для создания «правильного общества». Я всячески избегал подобных вопросов, старясь придерживаться *позитивного* подхода. Дана группа стран, в которых коммунистическая партия давно обладает абсолютной властью. В середине 1980-х годов к этой группе относилось 26 государств, в них проживала треть всего населения Земли. Я всего лишь намеревался показать, что *в действительности* характеризует политическую, общественную и экономическую жизнь указанных стран, а вовсе не то, какой эта жизнь должна была бы быть, если бы социализм функционировал так, как хотелось бы его приверженцам.

Цель книги не состояла в вынесении «приговора». После падения Берлинской стены это было делом легким и безопасным. «...Сегодня некоторое мужество требуется уже тем, — писал я в предисловии, — кто собирается писать о социалистической системе, используя бесстрастный научный тон, и избегает слишком осуждающих эпитетов»[199].

Однако стремление провести объективный позитивный анализ не означает, что описание главных черт социалистической системы будет свободно от ценностей, формирующих фундамент моего собственного мировоззрения. Особенной ценностью обладают для меня свобода, права человека, суверенитет личности, человеческое достоинство. Изо всех сил стремясь к объективности, я считал себя вправе резко осуждать игнорирование данных ценностей.

Экономические достижения занимают более низкую ступень в моей системе ценностей, но я придаю им достаточно большое значение. При их оценке я пользовался привычными экономическими критериями, анализируя формирование благосостояния населения, темпы роста, скорость технического развития и способность экономики создавать новшества и внедрять их. В конечном итоге, я прибег к критерию, заявленному Лениным в начале трансформации социализма: в соревновании капитализма и социализма победит та система, которая достигнет большей производительности. Книга показала, почему — именно на основании ленинского критерия — поражение социализма было неизбежно.

Я не мог решить, как лучше назвать предмет исследования: коммунистической или социалистической системой. В западной политической литературе и повседневном языке употреблялось слово «коммунистический». Однако

правящие коммунистические партии, следуя марксисткой манере, понимали под «коммунизмом» неосуществимый утопический порядок, при котором блага распределяются согласно потребностям. Для обозначения действительности они предпочитали не столь многообещающий термин «социализм». Выбирая один из двух терминов, я решил: если предприятия, объединения, партии и государства могут сами решать, как им называться, почему более крупное образование должно быть лишено этого права? Если данная система (или ее руководители) сама называет себя социализмом, пусть так и будет! Я не видел причин резервировать это понятие для обозначения некоего идеализированного, нормативного «истинного социализма» и отказывать в нем двадцати шести государствам в реальном мире, эти страны построили «реальный социализм», и я буду называть их социалистическими.

Общие модели

Сравнительная (компаративная) экономика обычно сосредотачивает свое внимание на Советском Союзе, описывая предпосылки революции 1917 г., затем — формирование нового советского порядка, его стабилизацию, развитие и распад. Обычно анализ дополняет история развития стран-спутников. Часто используется выражение «экономика советского типа». В особых случаях отдельно рассматривается Китай.

Подобный подход, определяющий специфику каждой страны через ее индивидуальность и уникальное историческое развитие, имеет право на существование и может помочь в понимании социалистической системы. Я же в своей универсальной работе предпочел прибегнуть к иному методу. Я стремился к обобщению, предлагая забыть о различиях между всеми этими странами и выделить нечто общее для всех двадцати шести. Если мы найдем у них характерные черты сходства, которые отличают эти страны от всех остальных, значит, мы имеем право говорить об их общности как об особой системе. Следующей задачей будет выделить существенные (и *только* существенные) черты.

Цель создания общей модели состоит не в том, чтобы дать максимально детализированное описание. Придерживаясь главной темы книги, я не стремился описывать в подробностях историю и характерные особенности Советского Союза, затем Восточной Европы и, наконец, Китая и Вьетнама. Я, напротив, старался показать, что было *общего* в советской, албанской и монгольской политике и экономике. Искусство создания концептуальной модели как раз и состоит в том, чтобы отобрать основные черты максимально экономно, даже с некоторой «скупостью»*. Основных черт должно быть как можно меньше — ровно столько, сколько потребуется для адекватной характеристики.

* Понятие «скупости» появляется здесь в связи с принципом конструирования теорий, известным как «бритва Оккама» и названным так по имени английского философа XIV в. Уильяма из Оккама. Он считал, что теория всегда должна базироваться на как можно меньшем количестве предпосылок, т.е. следует ограничивать себя в исходных положениях.

В рамках общей дискуссии я разделил историю социалистической системы на три периода. Первый — переход от капитализма к зрелому социализму. В Советском Союзе этот период закончился коллективизацией сельского хозяйства и первыми большими процессами против внутрипартийной оппозиции (1936–1938 гг.). Таким образом, в Советском Союзе речь шла о процессе, длившемся почти два десятка лет (дольше, чем обратный переход от социализма к капитализму). В Восточной Европе, в результате советской военной оккупации, первый период оказался значительно короче, чем в СССР, который первым вступил на путь социализма.

Систему, формирующуюся на втором этапе, я назвал *классическим социализмом.* На этой стадии все основные черты системы уже реализуются в консолидированной форме. Некоторым читателям не понравился термин «классический». Многие думали, будто в нем содержится некий намек на восхваление. На самом деле термин не несет никакой оценки и указывает лишь на то, что система, до сих пор находившаяся в стадии формирования, наконец, обретает все свои основные черты. Другие испытывали особую слабость к слову «социализм» и считали неудачным связывать начало классического периода с показательными процессами, казнями, массовыми депортациями и арестами.

На третьем этапе социалистические страны отходят от классического состояния в различных направлениях, проводя *реформы* в рамках социалистической системы. Где-то стремятся оптимизировать централизованное планирование, прибегая к реорганизации и современной вычислительной технике. В Югославии экспериментировали с самоуправлением. Там же, в Югославии, а затем в Венгрии и в других социалистических странах возникла идея соединить рыночный механизм с сохранением монополии коммунистической партии на власть и доминирования государственной собственности. Внедрение подобных механизмов всегда было связано с некоторым ослаблением репрессий. Реформе сопутствовало разрушение системы.

Благодаря делению на три периода книга обрела *историческое* измерение, но опять в форме модели, ведь она рассказывает не историю отдельной конкретной страны, но описывает жизненный путь целой *системы.*

Социалистическая система формировалась в значительной степени под влиянием идей Маркса, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна и т.д. Книга, в частности, вступает в спор с теми, кто пытается освободить Маркса от интеллектуальной ответственности за недостаток эффективности в социалистической системе. Маркс, утверждают они, хотел, чтобы все было иначе, просто его идеи неверно воплотили. Правда состоит в том, что важнейшим элементом программы по преобразованию общества, предложенной Марксом, был отказ от частной собственности и рынка и замена их общественной собственностью и бюрократической координацией. В конечном счете, социализм потерпел поражение именно *благодаря* реализации марксистской программы — следовательно, те, кто фанатично проповедовал эту программу, несут интеллектуальную ответственность перед историей.

Но я не принял и сторону тех, кто утверждает, будто возникла она исключительно как продукт идейного вдохновения и воплотила *именно то*, что пророки и лидеры социализма спланировали заранее. Большую роль сыграло и спонтанное, эволюционное развитие. В «Социалистической системе» я выразил мысль о том, что коммунистическая партия, придя к власти, приступила к осуществлению программы, в которой был заложен отказ от частной собственности и рынка. Последнее сработало как «генетический код», запустив процесс и управление им. С этого же момента начал действовать и принцип естественного отбора в отношении учреждений. Предпринимались эксперименты с различными формами государственного строительства и управления экономикой. Формы, которые оказывались нежизнеспособными в данных обстоятельствах, рано или поздно отмирали, а то, что способствовало функционированию системы, становилось ее частью. Маркс и Энгельс не разрабатывали подробный план, не приводили конкретных итоговых показателей и не предписывали объединять отделы кадров в каждой организации с политической полицией. Так сложилось по ходу дела, исходя из логики развития событий.

Одна из основных идей книги состоит в том, что в результате естественного отбора и эволюционного развития между различными элементами классической социалистической системы возникает некое родство. Они идеально подогнаны друг к другу в механизме тирании, точно шестеренки. Классический социализм тоталитарен, он оказывает жесткое давление — и при этом образует единое, *согласованное* целое.

Данное единство разрушается в процессе реформ. Репрессии сходят на нет, централизация ослабевает. Все это делает жизнь более приемлемой — и одновременно подрывает основы системы. Девиз пражской революции, «социализм с человеческим лицом» — несбыточная мечта. Чем человечнее лицо системы, тем хуже она функционирует.

Как только люди, искренне считающие себя коммунистами, начинают терять веру, система остаётся без поддержки. Если по мере продвижения политической реформы действительно становится возможно выбирать идеологию, веру и политических представителей, большинство людей *не* выбирают прежнюю систему.

Во второй части «Социалистической системы» я привожу аргументацию в деталях, последовательно рассматриваю различные направления реформ и показываю, как все они поочередно зашли в тупик.

Слишком поздно или слишком рано?

После выхода венгерского издания «Социалистической системы» я дал интервью Габору Каршаи, автору профессионального и положительного отзыва на книгу в деловом еженедельнике «Фидьелё» («Обозреватель»). В ходе разговора он спросил, не опоздал ли я со своей книгой. Признаюсь, вопрос, заданный из

лучших побуждений, глубоко меня задел. В газете это выглядело следующим образом: «Если бы Корнаи удалось закончить эту книгу лет на пять пораньше и издать ее на венгерском, она стала бы экономическим бестселлером, как когда-то «Дефицит». За нее с жадностью принялась бы вся интеллигенция, претендующая на образованность, она послужила бы научной базой и источником ссылок для пробуждающегося лагеря сторонников смены режима». И несколькими строчками ранее: «...у кого сейчас найдется время осилить книгу о прошлом из разряда специальной литературы объемом почти в 700 страниц?»[200]

Во вступительном слове к «Социалистической системе» я привел цитату из только что опубликованной тогда захватывающей работы Симона Шама по истории французской революции: «Говорят, когда премьер-министра Китая Чу Чжоу Эньлая спросили, что он думает о значении французской революции, он ответил: «Слишком рано еще об этом говорить». Спустя двести лет, наверное, все еще слишком рано (или слишком поздно) говорить об этом»[201], — и после слов Шама добавил: «Я как раз хочу присоединиться к иронически двусмысленному замечанию Шама: спустя двести лет исследователю общества еще слишком рано — или, возможно, уже слишком поздно — говорить о великом событии. Ясно одно: автор данной книги не собирается ждать. Я беру на себя все риски, связанные с близостью к событиям»[202].

Я *не мог* закончить книгу раньше и *не хотел* делать этого потом.

Для такого смелого проекта мне потребовался длительный период подготовки. Приходилось снова и снова обдумывать принципы обобщения. В начале 1990-х годов появилась масса работ, авторы которых торопились высказать верные или наполовину верные предположения относительно коммунизма. Я же хотел представить более качественное исследование, где каждый довод был тщательно продуман и строго логичен, а каждая ссылка была точной и сопровождалась множеством убедительных данных.

Я чувствовал, что надо торопиться. Помню, как в факультетском клубе Гарварда моим гостем за обедом был социолог из Будапешта, известный представитель демократической оппозиции. Он спросил, чем я занимаюсь, и я ответил, что пишу книгу о социалистической системе во всей ее полноте. Никогда не забуду его удивленного взгляда. Мой собеседник ничего не сказал, но в глазах читался вопрос: «С ума сошел? Нашел, на что тратить время! И это сейчас?» Ироническая реакция была мне понятна. Как я уже отмечал, после 1989–1990 гг. актуальные задачи постоянно отрывали меня от написания книги. Если бы я не смог заставить себя написать «Социалистическую систему» тогда, какими бы глазами на меня ни смотрели, книга осталась бы ненаписанной, заключенной в моем сознании. Только самодисциплина и чувство, что я обязан это сделать, позволили мне закончить книгу, до последней таблицы и ссылки, и сдать ее в типографию.

Обидно было бы бросить работу, потерять ее. Другие, конечно, напишут еще об этой эпохе. Найдутся, наверное, и те, кто, спустя столетия, как рекомендовал Чу Чжоу Эньлай, смогут занять более объективную позицию. Но и они

будут вынуждены использовать в качестве источников наши труды. Мы — живые свидетели. И свидетельства моего поколения обладают особым значением, по крайней мере, в Восточной Европе, ведь мы были там как наблюдатели и участники от начала до конца.

Признание на Западе и на Востоке

Книга вызвала серьезный резонанс в профессиональных кругах. Было опубликовано более сорока рецензий, по крайней мере, столько дошло до меня. «Социалистическую систему» перевели на немецкий и французский языки, а затем она вышла в нескольких странах, которые в прошлом были (или до сих пор остаются) социалистическими: Болгарии, России и Вьетнаме. Особенно любопытен факт присутствия в списке Вьетнама. Представим, что в стране, где коммунистическая партия по-прежнему обладает политической монополией, выходит книга, в которой обсуждаются разрушительные последствия подобной политической структуры для экономики и общества. В стране, где официальной партийной линией является «реформируемый социализм», появляется книга, подчеркивающая половинчатый характер таких реформ*.

Отзывы о книге, в большинстве своем, были положительные. Позволю себе процитировать две рецензии. Покойный Алек Ноув, на тот момент главный британский специалист по Советскому Союзу, назвал ее «безусловно, выдающимся достижением. Книгу Корнаи полезно прочесть жителям Востока и Запада, экономистам и всем, кто интересуется политикой, специалистам по коммунистическим режимам и начинающим исследователям. Хорошо организованная работа демонстрирует прекрасное владение материалом и являет собой пример ясности изложения. Автор детально знаком с принципами работы «восточных» учреждений и сочетает это с завидными познаниями в области соответствующих экономических теорий»[203]. В заключение Ноув заявляет, что книга «мастерски описывает основные характеристики социалистической системы и доходчиво объясняет, почему попытки реформировать ее закончились неудачей, и потому заслуживает нашей благодарности и широкого интереса читателей»[204].

Ричард Эриксон, профессор Колумбийского университета Нью-Йорка: «Это воистину монументальный труд, подводящий итоги размышлениям целой жизни... Работа мастера, наполненная мудростью и проникновением в суть вещей»[205].

Отторжение справа и слева

Положительные отзывы, естественно, содержали и ряд критических замечаний по вопросам экономики. Некоторые рецензенты пошли дальше, отрицая саму идею книги. Приведу для симметрии два примера негативных отзывов.

---

* В Китае также были предприняты шаги по подготовке книги к публикации. Был сделан перевод, но пока неясно, получит ли издатель официальное разрешение.

Большую рецензию на книгу написали Вацлав Клаус и Душан Тришка. Клаус был тогда министром финансов и лидером своей партии. Позднее его карьера пошла вверх и он стал премьер-министром, а с 2003 г. — президентом Чешской Республики. Тришка на момент написания рецензии был министром приватизации.

У авторов не нашлось ни единого доброго слова в адрес моей книги. Главное их возражение — и не только в отношении «Социалистической системы», но и применительно ко всем моим работам, как они утверждали, — состояло в том, что я необоснованно отошел от испытанной методологии и проверенного концептуального аппарата. По их мнению, подобный отказ не имел под собой никакой почвы. Коммунистическая система не обладала ни одной чертой, которую нельзя было бы исследовать привычным способом, с помощью оптимизирующих моделей и набора стандартных микро- и макроэкономических инструментов.

Тон критики стал еще более раздраженным, когда дело дошло до анализа роли коммунистической партии, предложенного в работе. По мнению рецензентов, роль политической сферы уже получила полноценное объяснение в теории общественного выбора, согласно которой поведение любого политика определяется материальными интересами и стремлением к максимизации собственной власти. В случае с коммунистической партией достаточно дополнить эту модель известной экономической теорией монополии. Коммунистическая партия, как любой монополист, перекрывает свободный доступ на политический рынок.

Если бы университетские кафедры и факультеты политических наук прислушались к авторам данного отзыва, им пришлось бы самораспуститься, а ученым — поголовно переквалифицироваться в неоклассических экономистов.

Я не привык спорить с рецензентами, да и мемуары — неподходящее место для профессиональной полемики. Предпочитаю задать лишь один вопрос — и тот не из области экономики, а из области психологии. Стоит задуматься, что могло заставить двух серьезных политиков, целиком погруженных в важные государственные и партийные дела, написать столь подробный отзыв на научную работу, да еще и сдобрить его личными нападками в адрес автора?

Резкая критика прозвучала в адрес книги и с противоположного конца политического спектра, со стороны венгерского историка Тамаша Крауса*. Главное его возражение сводится к тому, что в моей работе отсутствует исторический подход. Краус остался недоволен использованием «стерильных моделей, лишенных специфической исторической базы». Среди прочего он заключает: «С исторической точки зрения... главный методологический недостаток работы Корнаи имеет отнюдь не технический характер — проблема состоит

* Данная автобиография не ставит себе задачей определить, какое место занимают работы Тамаша Крауса среди интеллектуальных группировок радикальных социалистов. Отмечу только, что в его взглядах на мою книгу я нашел много общего с идеологией «новых левых», как их называют на Западе.

в том, что автор воспринимает мировую экономику не как структурированное целое, которым управляют исторически сложившиеся структурные особенности (такие, например, как система связей между странами центра, полупериферии и периферии; структура разделения труда; отношения эксплуатации и лишения прав; неравный обмен и неравные отношения политики и власти и т.д.)». Не могу удержаться и приведу еще одну цитату: «Царство «добра» и «зла» представлено в работе как борьба двух основных мировых принципов: экономической рациональности, чистой рыночной логики, с одной стороны, и иррациональной государственной эксплуатации, с другой»*[206].

По мнению Клауса и Тришки, главный недостаток моей книги — отсутствие лояльности по отношению к идеям и аппарату неоклассического мейнстрима. Краус же считает меня (цитирую) «венгерским корифеем либеральной экономики»[207].

Всем не угодишь. Тот, у кого есть собственная интеллектуальная позиция, четко сформулированная точка зрения, не должен рассчитывать на всеобщее признание и понимание. Тот факт, что «Социалистическая система» не понравилась ни Вацлаву Клаусу, ни Тамашу Краусу, скорее обрадовал меня, чем расстроил, и это вовсе не удивительно.

Странный эпизод

В конце 1988 г. мне сообщили, что вскоре я получу орден «За социалистическую Венгрию». Странно было, что меня награждают таким орденом в момент моей активной работы над книгой, критикующей социалистическую систему.

Я позвонил одному из руководителей Академии наук и сообщил, что не намерен принять награду. Было бы разумно вмешаться в процесс и остановить его, пока не поздно. Возник спор. Чиновник от Академии спросил, почему я тогда не отказался от Государственной премии. Я ответил, что принял премию как признание моих заслуг научным миром, а нынешнюю награду мне хотело дать правительство с очевидной политической целью. Я поспешил изложить свои возражения в письме, обращенном к остальным руководителям Академии.

Мое вмешательство результата не принесло. Академия не могла или не хотела остановить процесс награждения. Я получил приглашение от коллеги — академика Бруно Ф. Штрауба, Председателя Президиума Венгерской Народной Республики, прийти и получить награду. Новость о моем награждении появилась и в официальном печатном органе — газете «Мадьяр Кёзлёнь» («Венгерский вестник»). Я отправил письмо Председателю Президиума ВНР со словами: «С уважением сообщаю, что не могу принять награду, которая носит политический характер. Я не согласен с программой правительства и его

* Я специально несколько раз просмотрел собственную книгу, но так и не нашел в ней ни слова об иррациональной или эксплуататорской природе государства.

экономической политикой. В течение нескольких десятилетий я избегал выражать несогласие в форме действий оппозиционного характера. Однако хотел бы воздержаться и от обратного: принять награду правительства означало бы для меня выразить молчаливое согласие с ним»[208].

Отказ от ордена «За социалистическую Венгрию» и написание книги, ставшей итогом всей моей деятельности, стали для меня прощанием с социалистической системой — опытом, определившим мою жизнь.

19

ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ — 1989–1992

«Путь к свободной экономике»

10 ноября 1989 г. началось разрушение Берлинской стены. Меня часто спрашивали, рассчитывал ли я, что это может произойти. Или, формулируя вопрос иначе, предвидел ли я распад советской и восточноевропейской социалистической системы.

В ноябре 1989 г. в книжные магазины поступила моя книга «Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований». Уместно было бы ответить так: книга пишется не за пару дней; вот вам и доказательство того, что я предвидел распад задолго до того, как он произошел.

На самом деле история вышла куда более запутанная. Попробую рассказать, как все было.

Границы предсказаний

Предвидел ли я заранее крах системы? И да, и нет.

Да. Сотни страниц «Социалистической системы» подтверждают гипотезу о том, что внутренние реформы не могут спасти систему и вместо этого подрывают ее основы. Чем меньше давление, чем шире рамки бюрократического принуждения, тем сложнее удержать прежние властные отношения.

Нет. Ни моя книга, ни любой другой научный анализ социалистической системы ничего не говорил, да и не мог сказать, о том, *когда* именно ей придет конец.

Здесь мы оказываемся перед важной проблемой из области философии науки, которой я хотел бы посвятить несколько предложений. Одним из способов проверить теорию вероятности Эйнштейна было вывести из нее предсказание о том, как Солнце искривляет лучи, идущие от звезд. Теоретическое предположение проверили и подтвердили астрономы во время солнечного затмения 29 мая 1919 г.[209] Предсказание оказалось абсолютно точным, и весь мир чествовал Эйнштейна. Однако движение звезд подчиняется несравнимо более простым законам, нежели историческое движение общества, состоящего

из сотен миллионов людей. Ученый-обществовед, берущий на себя смелость утверждать, будто он способен заранее предсказывать, где и когда разразится революция или война, *основываясь на научной теории*, демонстрирует непозволительное интеллектуальное высокомерие.

Да. Люди, хорошо знакомые с социалистической системой изнутри, с 1986–1987 гг. чувствовали, как множатся признаки распада. На это указывали не столько экономические проблемы, ведь советская экономика, например, находилась в куда более плачевном состоянии, когда гитлеровские войска оккупировали западные регионы страны. Намного важнее было растущее разочарование людей в старой системе со стороны народа, и в особенности, политической, экономической и военной элиты*.

По мере приближения к такому значительному событию, как падение Берлинской стены, которое, по всеобщему согласию, принято считать точкой отсчета для новой исторической эпохи, уже пошли процессы, сигнализировавшие о конце старого режима: переговоры между властью и оппозицией в ходе парламентских выборов в Польше, переговоры за круглым столом в Венгрии.

Впрочем, с точки зрения глобального падения режима самым важным было не то, что происходило в Венгрии или в Польше, хотя и эти события сыграли свою роль в крушении системы. Самое важное происходило в Советском Союзе. Реформы, начатые во второй половине 1980-х годов не достигли того, на что надеялся их вдохновитель, Горбачёв, — они не привели к обновлению социализма, усилению Советского Союза, но все же оказали влияние на ход мировой истории. Атмосфера стала свободнее, режим «смягчился», и за этим последовал фундаментальный поворот в советской внешней политике и военной доктрине. Ранее советские танки вводились в Венгрию, в Чехословакию, даже в Афганистан. Но за несколько лет до распада империи казалось, что Советский Союз уже не способен на подобные шаги ни внутри страны, ни за ее пределами. Это было всего лишь предчувствие, а не точный прогноз, разработанный на научной основе. Для подобных прогнозов требуется детальное знание системы, ведь иначе мы не можем трактовать значение различных наблюдений, но еще нужна и изрядная доля интуиции. Себя могу отнести к тем, кто подозревал, что мы движемся и даже несемся в сторону кризиса.

И снова *нет*. Хотя люди и чувствовали скорость происходящего, никто не мог заранее предвидеть, что все пойдет *так* быстро. Легко быть умным задним числом, можно даже нарисовать математическую модель. Так называемая теория хаоса описывает подобные сложные системы, которые при определенном сочетании параметров продолжают работать в более или менее стабильном режиме, однако достаточно небольшого изменения нескольких параметров, и система неожиданно обрушивается. Это и произошло.

---

* Кое-кто вспоминал слова Ленина (1974 [1920], с. 66): «...для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому».

Все могли лишь строить догадки. Есть, наверное, специалисты по коммунизму, способные доказать своими работами и произнесенными речами, что они предсказали крах коммунизма ровно за пять месяцев до случившегося. Но и это ничего не доказывает в отношении возможности точно спрогнозировать событие, не имеющее аналогов в мировой истории. В лотерее тоже бывают выигрышные номера с вероятностью один к нескольким миллионам.

Я не стыжусь признать, что скорость развития событий превысила мои самые смелые ожидания.

Решения, принятые в парке Гарвардской школы бизнеса и на горе Геллерт в Будапеште

Я пытался интеллектуально подготовиться к радикальным изменениям. Набрал книги, посвященные переходу стран Латинской Америки от диктатур к демократии в ее начальной стадии. Вернулся к учебникам по макроэкономике, чтобы освежить свои знания. Беседовал с историками, расспрашивая их о том, как распадались и рушились великие империи*.

Я не раз дискутировал о перспективах радикальных преобразований с коллегой по Гарварду, профессором Джефри Саксом. Сакс и его супруга Соня, чешка по происхождению, были нашими близкими друзьями. Они помогали нам обустроиться в Кембридже, знакомили с Бостоном. Сакс прославился, когда с помощью его консультаций удалось приостановить гиперинфляцию в Боливии. Именно это, должно быть, повлияло на решение Леха Валенсы и его экономических советников обратиться к ученому с предложением стать экономическим консультантом «Солидарности». Сакс тогда начал проявлять острый интерес к Восточной Европе, а я — к макроэкономической стабилизации. Так что нам было о чем поговорить.

Еще важнее было решить для себя, какую линию поведения выбрать, если наступит политический поворот. В конце главы 7 я писал о выбранной мною после 1956 г. «жизненной стратегии». К 1989 г. я мог с полным правом сказать, что следовал ей практически во всем, с незначительными отклонениями. Но теперь начиналась новая эпоха.

До сих пор я жил в условиях политического режима, к которому находился в оппозиции с рациональной, моральной и эмоциональной точек зрения. Теперь же возникла надежда на приход демократии, возникновение такого политического и экономического порядка, который я смогу принять. Так что пришло время подумать над выбором новой «жизненной стратегии». Не пора ли, наконец, сменить род занятий?

---

* Помню один разговор, где-то в 1987 г., в компании друзей, когда я поставил вопрос ребром перед двумя выдающимися венгерскими историками. Оба, хотя и активно участвовали в политике, ни разу не пытались провести подобную аналогию и потому уставились на меня с удивлением.

Я не люблю импровизировать. Мне не всегда удается с ходу принять верное решение, особенно если меня к этому вынуждают. Однако я могу заранее как следует продумать, какие могут возникнуть ситуации, и предпочитаю загодя определить для себя общие критерии выбора, на основании которых я смогу принять конкретное решение.

В Кембридже у нас с Жужей было любимое место для прогулок — парк Гарвардской школы бизнеса, на дальнем берегу реки. Весной 1989 г., гуляя по этому парку, мы снова и снова возвращались к этим вопросам. Из Будапешта доходили новости о событиях, которые перевернули венгерскую жизнь и наши души. 22 марта был сформирован круглый стол оппозиции. 10 июня — достигнуто соглашение с Венгерской социалистической рабочей партией, бывшей тогда у власти, о начале трехсторонних переговоров с оппозицией и «третьей стороной» — представителями неправительственных организаций. Больше всего нас поразило то, что мы смогли лишь на мгновение увидеть в американских новостях 16 июня: перезахоронение Имре Надя и его товарищей, погибших мученической смертью, и среди них — Миклоша Гимеша, чье имя навсегда останется в моей памяти.

К концу учебного года мы вернулись домой. Важные новости теперь обрушивались на нас практически каждый день. Вот один пример: 1 августа венгерское правительство открывает западные рубежи. Через австро-венгерскую границу в страну сотнями устремляются восточные немцы, которые раньше не могли пересечь границу с Западной Германией в собственной стране; они пытаются через Венгрию попасть на Запад. Их становится все больше — многие неделями ждут возможности выехать, в основном, в Будапеште, и, наконец, правительство Венгрии принимает знаменательное решение: поднять железный занавес и пропустить восточных немцев через границу.

Одним из наших любимых мест для прогулок в Будапеште всегда был склон горы Геллерт. Нам надо было найти решение сложных эмоциональных и этических проблем — к ним я вернусь еще не раз. Во время одной из прогулок нам удалось принять самые важные решения. Мы с женой обсуждали эти вопросы вместе, но публичной фигурой был я, и потому решения касались, в первую очередь, моей стратегии поведения.

Самое главное решение состояло в том, что я не буду менять направление своей деятельности. В течение последних 32 лет я всегда делал выбор между политической и научной карьерой в пользу последней и решил поступить так и на этот раз.

В 1956 г. я порвал с коммунистической партией и с тех пор не присоединялся ни к какому политическому движению. Я решил не изменять себе и не вступать ни в одну из формирующихся партий, не примыкать ни к одному из движений.

Я давно определился с представлениями об экономической политике, политическими убеждениями, системой ценностей и мировоззрением. Причин что-то менять я не видел и предпочел остаться верным своей точке зрения.

Прежде мною на жизненном пути управляли принципы, а не упрямство или неспособность меняться. Говоря о решении, принятом на этом судьбоносном этапе, я хочу повторить сказанное ранее об одной из основных идей, которой я руководствовался в жизни: вынося суждения о себе или о других, более всего я ценю постоянство. Бывают ситуации, когда люди, прошедшие самую строгую моральную проверку, чувствуют, что им необходимо изменить свое мнение, систему ценностей, по отношению к главным вопросам жизни. Но я испытываю отвращение к тем, кто меняет свои взгляды на мир под влиянием власти или денег.

Поворот от однопартийной системы к свободным выборам и парламентской демократии, основанной на многопартийной системе, потребовал от меня только одной существенной перемены: я должен был подготовить предложения, чтобы помочь стране встать на ноги экономически и совершить переход к рыночной экономике. До сих пор я занимался позитивной научной работой, а с этого момента пришлось уделять внимание нормативному подходу и учитывать задачи экономической политики.

Как была написана книга «Путь к свободной экономике»

В начале августа 1989 г. мне предложили публично высказать свои соображения по поводу экономических задач, стоящих перед страной. Большой зал для конференций Института исследования конъюнктуры и рынка (KOPINT) был переполнен. Среди слушателей были лидеры и экономические консультанты нескольких уже действующих оппозиционных партий и политических движений и многочисленные представители науки, включая тех, кто впоследствии занял ведущие позиции в политике.

Я думал над темой лекции в течение нескольких месяцев. Пытался отслеживать, какие идеи формируются в профессиональных кругах и среди членов новых партий и какие экономические предложения содержатся в их программах.

К лекции я подготовился основательно и, тем не менее, состояние у меня было напряженное, хотя по лицу или по голосу никто бы не определил, что я волнуюсь. Многие из тех, кто пришел в аудиторию, уже неделями напролет носились с одной встречи на другую, и моя лекция, возможно, была для них одной среди прочих. Я же, наоборот, пережил ее как исключительное событие. Тридцатью тремя годами ранее, летом 1956 г., я, молодой наивный реформатор, представлял свои общие предложения в Институте экономики. Спустя несколько недель, по поручению ближайших соратников Имре Надя, я начал работать над экономической программой, которая так никогда и не была предложена парламенту революционным правительством. С тех пор я ни разу больше не выступал с программными предложениями. Лекция открывала новый этап в моей личной карьере, и этот момент стал для меня глубочайшим внутренним потрясением.

За часовой лекцией последовала острая дискуссия — комментарии «за» и «против», вопросы и ответы.

Через два дня я ощутил крайне болезненный спазм в нижней части спины. Меня настигла болезнь, которую у нас в Венгрии принято называть «люмбаго», или, на немецкий манер, «Hexenschuß» («ведьмин выстрел»). Больной в такие минуты ощущает, что не может двинуться ни на миллиметр. Я с трудом добрался до постели — и, начиная с этого момента, провел десять недель в лежачем положении. Врачи установили, что причиной жуткой боли стал нерв, защемленный между двумя позвоночными дисками. Мне прописали разнообразное лечение: уколы, сильные лекарства, а потом — лечебную физкультуру и плавание, чтобы ослабить спазмы.

Забегая вперед, скажу, что в 1990 г. в Нью-Йорке я обратился к профессору Джону Сарно — автору теории, стоящей особняком в ревматологии (в этой области тоже есть свой мейнстрим), согласно которой спазмы и прочие нарушения органов движения могут быть следствием напряжения и стресса. От него я получил несколько полезных советов по предотвращению подобных проблем. Ставя самому себе диагноз, могу предположить, что летом 1989 г. именно это со мной и произошло. Я в буквальном смысле заболел от слишком большого чувства ответственности, ведь теперь я мог — и внутренний императив внушал мне, что и должен — внести свой вклад в создание программы возрождения страны. Этой истории уже достаточно в качестве аргумента против выбора политической стези — даже при отсутствии иных доводов. Что было бы, если бы политик заболевал при каждом важном появлении на публике?

Как только боль немного отпустила, я захотел вернуться к работе. Сначала я думал сделать из лекции статью, но, когда начал излагать сказанное на бумаге, быстро понял: выйдет не статья, а книга. Я всегда писал и продолжаю писать свои исследования и книги сам, раньше пользовался пишущей машинкой, потом пересел за компьютер. Но тут у меня не было выбора — пришлось диктовать текст. Коллеги взяли на себя нелегкий труд по расшифровке надиктованного и превращению в письменный текст, готовый к печати. Работа растянулась на несколько недель.

На сердце теплеет, когда вспоминаю, какой любовью и заботой окружили меня друзья. Близкий друг — врач-ревматолог Геза Балинт часто навещал меня и лично ухаживал за мной. Когда я начал поправляться, другая наша подруга, Эстер Драшкоци, физиотерапевт, стала со мной заниматься. Если жене надо было куда-то уйти, а меня нельзя было оставить без присмотра, особенно в начале болезни, рядом всегда была Марианн Дикер, моя свояченица, или кто-то из друзей. Постоянно приходили посетители, и по мере готовности рукописи я давал ее прочитать разным людям, чтобы получить комментарии. Приходили консультироваться экономисты из нескольких политических организаций. Появились и журналисты. Помню первую встречу с неподражаемой Каталин Бошшани: она непринужденно присела на край кровати, протянула мне микрофон и так записала со мной длинное интервью.

На шестую неделю пребывания в постели, 11 октября, «Путь к свободной экономике» был готов. Никогда еще не было у меня такого энергичного и милого редактора, как Агнеш Эрени. Она чудом (учитывая тогдашние обстоятельства) сумела сделать так, что книга появилась в магазинах уже в середине ноября.

Первые отклики

Первые отклики на книгу появились в венгерской прессе (в газетах, еженедельниках, толстых журналах). Короткая хвалебная заметка Гашпара Миклоша Тамаша называлась «Бомба от Корнаи». И, хотя разветвленная дискуссия о способах выхода из кризиса и будущих преобразованиях уже активно шла и устно, и письменно, «Путь к свободной экономике» действительно произвел в этом дискурсе эффект разорвавшейся бомбы.

Один из моих докторов в перерыве между выстукиванием моей спины и уколами заметил: «Сейчас кран откроешь — и оттуда Корнаи льется». За несколько недель вышло, по меньшей мере, пятьдесят откликов на книгу. Голоса звучали всякие. Многие приняли ее с энтузиазмом. Кто-то занял половинчатую позицию, принимая отдельные моменты. Попадались мнения резко оппозиционные. Возражения были, по большей части, изложены аргументировано, в цивилизованной форме, однако встречались в прессе и грубые личные нападки. Здесь вновь пришлось неоднократно столкнуться с той самой «техникой спора», о которой я писал в одной из предыдущих глав: возьми текст оппонента, искази самое важное, вынь из контекста — и вот с этим утверждением спорь!

Книга стала бестселлером и выдержала несколько переизданий. Споры продолжались три недели, дошли до высшей точки и после затихли. Пресса и общественное мнение заинтересовались другими вопросами.

Уже в сентябре 1989 г., к началу учебного года, надо было ехать в Америку, но из-за болезни я не мог этого сделать. Мы отправились в Кембридж лишь к концу календарного года и наблюдали затухание дискуссии уже издалека. Тем временем к изданию готовилась английская версия книги.

В английском варианте книгу назвали немного иначе: «Путь к свободной экономике. Переход от социалистической системы: пример Венгрии» («The Road to Free Economy. Shifting from a Socialist System: The Example of Hungary»). Главный заголовок вызывал в сознании читателя ассоциации с классической работой Хайека «Путь к рабству». Заголовок и предисловие американского издания давали понять, что конкретные предложения книги обращены именно к Венгрии, но автор стремится изложить их так, чтобы обобщенные выводы можно было использовать применительно к экономическим преобразованиям в других странах. За публикацией на английском языке последовали остальные (в порядке выхода): на русском (книга выходил трижды в трех разных издательствах), чешском, словацком, французском, итальянском, испанском,

польском, украинском, эстонском, японском, сербском, тамильском, сингалезском (на последних двух языках говорят в Шри-Ланке), китайском (сначала в КНР, а потом в другом издательстве, на Тайване) и, наконец, на вьетнамском языках*.

Где бы книга ни выходила, резонанс был мощный и незамедлительный. О «Пути к свободной экономике» писали ведущие газеты мира: от «Нью-Йорк Таймс» до «Ле Монд», от «Нойе Цюрихе Цайтунг» до «Файнэншл Таймс»[210]. Мнения, как и в Венгрии, разделились; от активного признания через смесь похвал и упреков к ядовитому неприятию. Особенно книга не понравилась тем, кто хотел заменить государственный социализм если и не коммунизмом, то, во всяком случае, не капитализмом.

Для английского издания я переработал оригинальный венгерский текст — вставил несколько исправлений и дополнений, учитывая замечания к венгерскому варианту. Внесенные изменения я опубликовал в венгерском экономическом журнале «Кёзгаздашаги семле»[211]. Все последующие иноязычные издания брали за основу исправленный английский вариант.

В тот период я читал лекции и публиковал в журналах статьи, тесно связанные с «Путем к свободной экономике», расширяя отдельные разделы, иногда внося дополнения.

В 1990 г. меня пригласили в Нидерланды прочесть ежегодную лекцию в честь Яна Тинбергена. Мне посчастливилось вновь встретиться с одним из своих первых учителей — Тинберген был уже слаб физически, но сохранял неизменную свежесть ума. Я использовал эту возможность, чтобы прояснить свою точку зрения относительно принципов приватизации[212].

В 1992 г. Американское экономическое общество оказало мне честь, пригласив прочесть традиционную лекцию в память Ричарда Эли (Ely lecture) на очередной конференции общества. Здесь я говорил о роли государства в процессе постсоциалистического перехода[213]. Именно в этой лекции прозвучала фраза, за которую меня часто критикуют, хотя я не собираюсь от нее отказываться: социалистическая система породила «недоношенное государство всеобщего благосостояния».

Я также выступил с лекцией в честь выдающегося шведского экономиста Гуннара Мюрдаля в 1992 г. в Стокгольме. Темой лекции стало укрепление финансовой дисциплины и ужесточение бюджетных ограничений[214].

Далее я хотел бы коротко обобщить основные рекомендации, изложенные в книге и связанных с ней лекциях (отсюда и дата в подзаголовке — 1992), учитывая также отклики, возникшие непосредственно после публикации, и дополнить все это оценкой «Пути к свободной экономике» с точки зрения сегодняшнего дня.

---

* Книга вышла на 17 языках. Насколько мне известно, это рекорд для исследования в области общественных наук, написанного венгерским автором.

Хватит симуляций!

Книга «Путь к свободной экономике» подвергала острой критике абсурдные идеи по изменению отношений собственности, которые возникали на последней стадии реформаторского социализма. Согласно этим идеям, должен возникнуть рынок капитала без настоящего частного капитала; одно государственное предприятие может посредством совместного владения становиться пайщиком другого госпредприятия, и наоборот; появятся «холдинги», которыми будут управлять государственные бюрократы-назначенцы. Они будут вести себя так, будто они и есть собственники; на предприятиях будет введено самоуправление, как в Югославии, и т.д. В книге я так и заявил: «...хватит симулировать. Мы уже перепробовали всякие симуляции. Государственное предприятие симулирует поведение компании, максимизирующей прибыль. Бюрократическая «структурообразующая» промышленная политика симулирует конкуренцию. Ценовой комитет симулирует рыночное регулирование цен. Последние дополнения — симулированные акционерные общества, якобы существующий рынок акций и биржа. По моим представлениям, это похоже на Уолл-стрит из пластика! Это не настоящий банк, не настоящее акционерное общество и не настоящая биржа. Эдакая своеобразная игра в «Монополию». Своеобразная, потому что играют в нее не дети с игрушечными деньгами, а взрослые чиновники с финансами государства»[215].

Именно эта критика вызвала возмущение у венгерских экономистов, которые пытались ползком протащить реформу социалистической экономики в тесном сотрудничестве с самыми просвещенными и склонными к переменам представителями экономической и партийной элиты. Они были активными участниками, создателями и, одновременно, главными идеологами этого процесса. В одной из предыдущих глав я уже подробно рассказал, как оцениваю их деятельность и как эта группа относилась к моим работам. Сейчас, перечитывая отклики пятнадцатилетней давности на «Путь к свободной экономике», можно проследить: самое резкое отторжение мои предложения вызвали у ведущих «экономистов-реформаторов», и некоторые из них высказались о них в грубом, оскорбительном тоне, недостойном интеллектуальной дискуссии.

Экономист Иван Сегвари писал: «Книга Корнаи ошеломила венгерских экономистов и вызвала у них стойкое неприятие и интеллектуальное несварение. Причина в том, что Корнаи поставил под сомнение многие аксиомы экономики венгерских реформ. Это ужасно неприятно как в ретроспекции, так и в отношении будущего. Обращение в прошлое заставляет людей взглянуть на собственную, слишком удобную с интеллектуальной точки зрения реформаторскую позицию: им-де известна истина, то есть суть истинной реформы — просто политика, руководство государства или внутренние и внешние силы реформы вообще ее саботируют...»[216]. Андраш Шемьен усмотрел в агрессивно негативной реакции социально-психологический феномен. «Книга Корнаи, — пишет Шемьен, — утверждает, что король голый, и сколько ни

ряди государственную собственность в маскарадное платье, она и дальше не станет вести себя как частная собственность. Недостаточно просто забыть политэкономию социализма. Все эти «завоевания» экономики реформ, предложенные в качестве противоядия, оказались всего лишь балластом, от которого надо избавиться!»[217]

Если расположить по степени важности то, что я хотел сказать своей книгой, получится следующий ряд: хватит латать социалистическую систему. Третьего пути нет. И в венгерском тексте я заявлял об этом со всей решительностью, но в английском варианте хотел подчеркнуть свою мысль еще и через название. Именно поэтому я использовал определенный артикль: The (вместо A) Road... — то есть «тот самый, единственный путь». С первого слова хотелось дать понять: я считаю, что третьего пути нет. После отказа от социалистической системы постсоциалистическим странам придется встать на путь, ведущий к капиталистической системе*.

Тема эта, на какое-то время вроде бы сошла с повестки дня. На самом деле идея «третьего пути» неистребима и как раз снова начинает обращать на себя внимание. Капитализм неизбежно влечет за собой несправедливость и унижение человеческого достоинства. С появлением экономических проблем люди склонны винить сложившиеся отношения. Большинство не хочет возвращения старого режима, но многие обращаются к идее отказа и от нового. В хороводе идей возникает старый, давно знакомый вариант: «народный», романтический антикапитализм, ненависть к банкирам, причем, с нацистским душком, протест против плутократии и звериного оскала капитализма или новая левая идея, склонная демонизировать транснациональные корпорации и глобализацию. Отдельные позиции заслуживают критики не столько за свое конкретное экономическое содержание, но за туманность анализа и путаницу в понятиях. Именно так обстоит дело с умеренными социал-демократическими предложениями, которые не заходят дальше ограниченного реформирования отношений между государством и экономикой — просто словосочетание «третий путь» лучше звучит в таком контексте.

Оглядываясь назад, я по-прежнему вижу свою заслугу в том, что пытался своей книгой донести до читателя простые и однозначные истины в момент, когда экономическая мысль в Восточной Европе являла собой смесь размытых идей и концепций. Будем называть вещи своими именами! Требование это остается актуальным и сегодня.

---

* В 1991 г. мне выпала большая честь — меня пригласили в Стэнфорд прочесть лекцию Тэннера. Ранее среди докладчиков были Раймонд Арон, Кеннет Эрроу, Сол Беллоу, Иосиф Бродский, Мишель Фуко, Юрген Хабермас, Вацлав Гавел, Роберт Ноцик, Карл Поппер, Джон Ролз, Роберт Порти и Хельмут Шмидт. В своей лекции под названием «К вопросу о рыночной экономике» («Market Socialism Revisited») я подробнее, чем в «Пути к свободной экономике», осветил вопрос: какие общественные и политические факторы препятствуют осуществлению теоретических представлений Оскара Ланге.

За здоровое развитие частного сектора

Книга выдвигает в качестве первоочередной экономической задачи при смене системы трансформацию отношений собственности. Я следовал линии аргументации, начатой в «Социалистической системе», согласно которой отношения собственности являют собой более глубинные и решающие пласты системы, нежели формы координации (как относительный вес рыночных сил или бюрократического регулирования, например). Надо создавать не социалистическую рыночную экономику, но и не просто рыночную экономику, «без ярлыков», как тогда любили говорить, а настоящую рыночную экономику, капиталистическую по определению, где доминирующая роль будет принадлежать частной собственности.

В этом месте я хотел бы перенести изложенную в моей книге позицию в плоскость международных дискуссий. Экономисты предлагают два варианта действий. Одна стратегия, впервые предложенная в «Пути к свободной экономике», предполагает *органическое развитие частного сектора.* Важнейшая задача — разрушение преград, стоящих перед частным предпринимательством, и либерализация входа в производство. Создание новых частных предприятий необходимо поощрять и даже поддерживать на государственном уровне. Нельзя разбазаривать собственность госпредприятий — их надо продавать по справедливой цене. Следует избегать бесплатной раздачи государственной собственности. Если госпредприятие нежизнеспособно, надо его ликвидировать. Все эти изменения должны сопровождаться ужесточением бюджетных ограничений.

Подобные изменения отношений собственности не могут происходить в ускоренном темпе, только постепенно. В западных дискуссиях такую стратегию принято называть *градуалистической.*

Во втором, конкурирующем варианте упор делался на скорейшее избавление от государственной собственности. Это стратегия *ускоренной приватизации.* Поскольку старые госпредприятия за один день не продашь, сторонники данной стратегии предлагают не ждать покупателя. Надо разделить государственное имущество и раздать его населению в форме ваучеров. Каждый гражданин имеет право на свою долю госсобственности, а при посредничестве инвестиционного фонда ваучер может превратиться в собственность на акцию предприятий, бывших ранее в собственности государства. Сторонники такого пути, естественно, не возражали против создания новых частных компаний, однако сосредотачивали внимание политиков, экономистов и государственной администрации именно на ваучерной приватизации. Я в своей книге решительно выступил против планов бесплатной раздачи собственности. «По моим оценкам, замысел отдает гротеском. Возникает картина, будто наш общий папочка, то есть государство, неожиданно умер, а мы, сироты, теперь делим его наследство поровну. Главное — не просто раздать собственность, а сделать так, чтобы она попала в руки по-настоящему хорошего хозяина»[218].

У меня была возможность ознакомиться со взглядами на приватизацию двух крупнейших и, наверное, самых известных широкой публике американских экономистов — Милтона Фридмана и Пола Самуэльсона*. Милтон Фридман высказал свои замечания в письме. Они признавал значение моей работы и соглашался с некоторыми предложениями, однако не одобрял моей градуалистической позиции в отношении приватизации**. «В этом отношении, как мне кажется, господин Корнаи недостаточно радикален. Необходима шоковая терапия. С учетом деталей, я, хотя и согласен с ним в нежелательности реализации государственной собственности иностранцам по бросовой цене, но не согласен с тем, что приватизация предприятий, ранее бывших в управлении государства, должна идти медленными темпами».

В ответе Фридману я отстаивал свою точку зрения не только в отношении приватизации, но и по другим вопросам и в конце добавил: «...наши взгляды расходятся по одной и той же причине, и это — удаленность от той территории, о которой ведется дискуссия. Я смотрю на это пространство изнутри, из Будапешта, Варшавы или Праги, и чувствую, что данную точку отсчета следует учитывать с позиций реальности. Я также понимаю, что человек, который рассматривает эти страны издалека, может увидеть проблемы, оставшиеся незамеченными для тех, кто слишком погружен в ситуацию на месте. Поэтому я благодарю Вас за критические замечания и обязательно обдумаю их еще раз»[219].

Самуэльсон сначала высказал свое мнение о книге в ходе разговора за обедом в преподавательском клубе Массачусетского технологического института, а спустя несколько недель написал статью в одну из американских газет***. Первая половина статьи посвящена китайской реформе, после чего автор обращается к моей новой книге. «Я только что видел перевод книги [«Путь к свободной экономике»] на английский язык и всячески рекомендую ее прочесть». Самуэльсон приводит несколько рекомендаций, включая предложения, направленные на развитие частного сектора: «Корнаи настаивает на том, что население должно научиться «общественному уважению» по отношению к частному сектору. Зависть и приравнивание тех, кто стремится к прибыли, к мошенникам и акулам капитала контрпродуктивны. Венгрии нужен *новый*

---

* На первый, черновой вариант перевода «Пути к свободной экономике» откликнулись также Кеннет Эрроу, Мартин Фельдштейн, Ричард Масгрейв и Джефри Сакс. Ограниченное пространство не позволяет мне привести их комментарии.

** Фридман разошелся со мной еще по одному вопросу. Он яростно возражал против предложения зафиксировать обменный курс валют в течение переходного периода распоряжением государства. Он считал, что это несовместимо с требованиями рыночной свободы. Я не мог разделить его точку зрения. Как и другие экономисты, я был убежден, что в первые бурные годы перехода необходимо ввести фиксированный обменный курс. Подобный «якорь» помогает стабилизации и формированию новых ценовых соотношений.

*** Признаюсь, даже название статьи мне польстило: «Если вам нужен план реформирования социализма, послушайте Яноша Корнаи» («For Plan to Reform Socialism, Listen to János Kornai»).

средний класс [курсив Самуэльсона]. Наполеон презрительно отзывался об англичанах как о нации лавочников. Корнаи — не Наполеон»[220].

Вернемся к двум стратегиям формирования частного сектора. Каждый вариант предполагает выбор определенных ценностей. Сторонники интегрированного развития придают особое значение изменению стратификации общества, усилению буржуазных тенденций, формированию нового среднего класса собственников и предпринимателей. Те же, кто верил в бесплатное распределение, поклонялись *скорости*. «Скорость, вот что мы считали абсолютной необходимостью, — писали в рецензии на «Социалистическую систему» Клаус и Тришка, — поэтому ни одна стратегия не казалась нам осуществимой, если она не могла принести быстрых результатов»[221].

В тот период сторонники «скоростных» методов одерживали верх в дискуссиях западных специалистов, которые шли в международных финансовых институтах Вашингтона, политических кругах и на кафедрах экономики в ведущих институтах. Верх взяла позиция «ускорителей». Кое-кто был на моей стороне и поддерживал идею постепенного перехода, но на Западе мы оказались в меньшинстве. Большинство западных экспертов, обладавших влиянием на правительства бывших социалистических стран, отстаивали идею ускоренной приватизации.

Реальная скорость преобразований отличалась от страны к стране. Где-то доля госимущества, предназначенного для бесплатной дележки, была очень велика, где-то она составляла меньшую или вовсе ничтожную пропорцию. Самым показательным примером насильственно ускоренной приватизации стала Россия. Именно эта стратегия, в значительной степени, сыграла свою роль в необратимом и злополучном процессе мирового масштаба, который привел к невероятной концентрации имущества и власти в руках нескольких «олигархов».

В Венгрии у схемы раздачи госсобственности тоже нашлось немало влиятельных и видных сторонников. Они даже подали предложение в парламент. В конечном итоге, стратегия ускоренной приватизации не была реализована в нашей стране; реальное развитие событий оказалось куда ближе к тому, что предлагал «Путь к свободной экономике». Но была ли в том непосредственная роль моей книги, сказать никто не сможет.

Сейчас, спустя десять-пятнадцать лет, большинство экспертов вынуждены признать: сторонники постепенного перехода оказались правы*.

Стоит также указать на одну ошибку, допущенную в книге в рассуждениях о собственности. Мои рекомендации не исключали притока иностранного капитала и указывали на преимущества прямых иностранных инвестиций. Однако я недостаточно подчеркнул этот аспект и не сумел предугадать, что именно инвестиции станут мощнейшим двигателем венгерской экономики

---

* Джефри Сакс изначально был со мной согласен, но потом встал на сторону ускорения. Помню наши разговоры, в ходе которых мы безуспешно пытались переубедить друг друга. Много позже, увидев, как развиваются события в России, Сакс признал, что я тогда был прав.

и нового частного сектора внутри ее и сыграют ключевую роль в развитии экспорта и технологий.

Ответственность за общественные фонды

Если доля частного сектора в экономике растет постепенно, а не за счет одного большого скачка, то и государственный сектор моментально не исчезнет. Государственная и частная собственность продолжат сосуществовать бок о бок. В книге «Путь к свободной экономике» я выразил недоверие к государственной собственности. Я возражал против того, чтобы рассматривать руководителя госпредприятия в качестве предпринимателя, который якобы обладает такой же самостоятельностью и экономической свободой, как и менеджер, который несет ответственность перед реальными владельцами за производительность предприятия. Тот, кто занимается бизнесом на государственные деньги — не предприниматель. Особенно я опасался схем, при которых собственность передавалась наемным работникам, а на деле — попадала в руки менеджеров.

Следует хорошенько присмотреться к руководителям госпредприятий — предупреждал я, и последующие события подтвердили мои опасения. Жаль, что я так неловко пытался перевести правильную мысль на юридический язык. (Я, например, предлагал, чтобы парламент одобрил основные рамки ассигнований для государственного сектора экономики.) Те, кто в ходе рыночных социалистических реформ бился за увеличение власти руководителей госпредприятий, саркастически упрекали меня в желании восстановить сталинскую систему планирования*.

Увы, истинная суть предупреждения, изложенного в «Пути к свободной экономике», так и не была услышана. Количество госпредприятий постепенно сокращалось, хотя они по-прежнему составляли немалую долю, а их функционирование и приватизация сопровождались многочисленными нарушениями и проявлениями коррупции. Контроль со стороны государства и политических сил был недостаточно эффективен, процессам приватизации недоставало прозрачности, а пресса и гражданское общество были не в состоянии следить за происходящим. Подобные явления были характерны не только для Венгрии, но и для всех стран региона.

В книге я на самом деле пытался привлечь внимание к проблеме более общего характера: как с помощью демократических процедур следует публично контролировать государственные расходы. Надзор над госпредприятиями — всего лишь один из аспектов такого контроля, хотя очень важный. Рекомендации относительно государственных расходов я проиллюстрировал на примере ак-

---

* Наводит на размышления тот факт, что предложения по госпредприятиям вызвали протест только в Венгрии, там, где они могли лишить руководителей госпредприятий привилегий, с трудом добытых ими в ходе реформ. Книга вызвала немало критики за рубежом, но данной проблемы критические замечания не касались.

туальной для того времени проблемы: «Идут споры, стоит ли Венгрии браться за проведение Всемирной выставки World Expo 1995. Запланировано обсуждение вопроса на заседании парламента. Я предложил бы следующий вариант:

Государственные чиновники, члены комитетов, министерские служащие, которые берут на себя ответственность за проведение мероприятия, предлагают в качестве залога личное имущество: принадлежащие им квартиры, дачи, машины, предметы искусства. Стоимость этих активов, конечно, покроет лишь часть планируемых инвестиционных затрат. Однако данный залог должен представлять существенную долю всех материальных богатств, накопленных этими людьми за годы работы. Закон о Всемирной выставке должен заранее предусматривать щедрый бонус для тех, кто подготовил данное предложение, в случае, если выставка пройдет с обещанным успехом. Тот же самый закон должен предписывать реализацию без остатка всего залогового имущества, если выставка закончится финансовым крахом. Для этого необходимо обеспечить временное жилье, куда смогут переселиться авторы предложения о проведении выставки в случае ее неудачи. Подобные условия ясно дадут понять авторам проекта, что такое риск, когда речь идет о собственном кармане»[222].

Эту ироничную притчу несколько раз цитировали в парламенте. В конце концов, правительство отказалось от идеи проведения Всемирной выставки в Будапеште, хотя я не берусь утверждать, что мы приблизились к тому, к чему я хотел призвать данным примером: к последовательной личной ответственности со стороны тех, кто принимает решения об использовании государственных денег.

Хирургическая операция по стабилизации

Глава «Пути к свободной экономике», посвященная макроэкономике, на мой сегодняшний взгляд, содержит как верные, так и ошибочные положения.

Думаю, я поступил правильно, подчеркнув в книге необходимость обуздать инфляцию. Ускорение инфляции представляло реальную опасность для постсоциалистического пространства, и в некоторых странах региона она приняла угрожающие масштабы. В Венгрии, в период, предшествовавший смене системы, инфляция росла из года в год все быстрее[223], а в год написания «Пути к свободной экономике» достигла 17%*. Столь же обоснованным оказалось требование восстановить бюджетное равновесие. На момент выхода книги консенсус по этим вопросам достигнут не был. Многие склонялись к мысли, что высокий уровень инфляции и большой бюджетный дефицит — естественные спутники трансформации, и бороться с ними невозможно, да и не стоит. Укрепление фискальной и монетарной дисциплины не казалось чем-то само собой разумеющимся.

* Правительство не приняло настоятельных рекомендаций, изложенных в моей книге. Инфляция продолжала расти; в 1991 г. индекс потребительских цен вырос уже на 35%.

Одно из ключевых макроэкономических положений книги оказалось ошибочным: я предсказывал, что падения производства не будет. Некоторые эксперты уже в то время поняли, что глубокие изменения во внутренней структуре страны, сужение восточноевропейских рынков и конкуренция со стороны товаров, поступающих из-за рубежа вследствие растущей либерализации импорта, сократят спрос на товары местного производства, а значит, начнет сокращаться и предложение, что приведет к дальнейшему сокращению спроса; итогом этой цепной реакции станет глубокая рецессия.

«Путь к свободной экономике» вызвал бурные споры своим призывом к *быстрому* проведению макростабилизации и связанной с ней либерализации цен — на фоне *постепенного* изменения отношений собственности. Я предлагал подвергнуть больную венгерскую экономику *хирургической операции по стабилизации*. Для начала определюсь с терминологией. В международных дискуссиях получил распространение термин «шоковая терапия». Я, по возможности, стараюсь его избегать по двум причинам. Те, кто предлагают подобную стратегию, настаивают на очень быстрых действиях и в области приватизации, и в восстановлении макроравновесия. Я же стоял на позициях «градуализма» — постепенного перехода от одних отношений собственности к другим, одновременно одобряя радикальные и быстрые меры применительно к макростабилизации. Именно поэтому для меня было важно сохранить в названии слово «стабилизация». Вторая причина отказа от термина связана с негативными ассоциациями на словосочетание «шоковая терапия». К тому времени венгерская общественность уже была знакома с романом Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и его великолепной экранизацией. Главного героя, бунтаря (в фильме его роль исполняет Джек Николсон) подвергают воздействию электрошоковой терапии и тем самым разрушают его личность. Вопрос о применении шоковой терапии в психиатрии остается предметом дискуссий, но сама по себе аналогия вызывала жутковатые ассоциации и могла ввести в заблуждение. В период стабилизации экономики сам по себе «шок» не является лекарством. Его можно скорее рассматривать как побочный эффект, с которым есть смысл мириться ради ожидаемого положительного результата.

В ходе дебатов 1989–1990 гг. я, со своей идеей стабилизации, оказался в Венгрии в изоляции, ее не приняли ни экономисты, ни влиятельные политические силы. В других странах — в первую очередь, в Польше, Чехии и России — выбор был сделан в пользу именно этого радикального решения. В первых двух странах процесс пошел успешно, тем самым опровергнув опасения критиков «Пути...», будто операция по стабилизации обречена на провал*. Что касается России, эксперты внутри страны и за рубежом по-прежнему ве-

* Выражение «хирургическая операция по стабилизации» вызвало у моих критиков приступ черного юмора: «Операция удалась, пациент умер». Или еще один анекдот: «Доктор, мы оперируем или вскрытие делаем?» Шутки в сторону, во многих странах история однозначно показывает: ускорение стабилизации сопровождается как преимуществами, так и недостатками, так что результат может быть как положительным, так и негативным, однако рассматривать этот процесс как смертельную угрозу, по-моему, сильное преувеличение.

дут споры, стоило ли проводить стабилизацию с такой скоростью и серьезными жертвами, надо ли было стремиться ее избежать и чего с точки зрения развития страны она принесла больше — пользы или вреда.

Как может увидеть читатель, я подверг свою книгу в 1989 г. критическому переосмыслению. Я не боюсь пересматривать свою прежнюю точку зрения, однако должен признать, не могу занять однозначную позицию. Венгрия продолжала вести популярную экономическую политику в духе «гуляшного коммунизма» на протяжении многих лет после 1989 г. Правительства сменяли друг друга, но все они пытались оттянуть момент восстановления макроравновесия, ведь это потребовало бы введения болезненных и непопулярных мер. К 1995 г. популистские черты экономической политики привели страну на грань кризиса (речь об этом пойдет в следующей главе). На этом этапе нашлись политики и экономисты, сумевшие признать, что надо было еще в 1990 г. принять рекомендации, изложенные в «Пути к свободной экономике» и осуществить пакет мер по восстановлению макроравновесия. Процесс был бы болезненным и в 1990-м, и в 1991 г., но тогда он, возможно, лег бы на плечи населения менее тяжелым бременем, чем пять лет спустя. Кроме того, на волне эйфории, связанной со сменой режима, легче было бы смириться с неизбежными жертвами стабилизации, нежели потом, когда многие уже начали испытывать разочарование.

Что было бы, если... Такие вопросы интересны с точки зрения исторического анализа, но ответить на них, в конечном итоге, невозможно. Факт остается фактом: для проведения операции по стабилизации не хватило *политической воли*, а состояние страны не было достаточно критическим, чтобы заставить ее применить.

Баланс

Когда я оглядываюсь на книги, написанные в эти судьбоносные годы, то задаюсь вопросом: верный ли я выбрал ритм, правильно ли распределил свои силы. Может, надо было поторопиться с «Социалистической системой» и опубликовать ее раньше? Или подождать с «Путем к свободной экономике», отшлифовать получше?* На первую часть вопроса я уже ответил в предыдущей главе отрицательно, ведь в «Социалистической системе» я не пытался дать ответ на злободневные вопросы. Надеюсь, это не прозвучит слишком самоуве-

* * В 1999 г. меня пригласили в Вашингтон прочесть лекцию под названием «Путь к свободной экономике: десять лет спустя. Оценка автора» (Ten Years after 'The Road to a Free Economy: The Author's Self Evaluation) (Kornai, 2000a). Я взял несколько пунктов своих рекомендаций, оценил, что произошло с ними за эти годы и как я вижу их теперь. Под чем-то я был готов подписаться по-прежнему, но были идеи, к которым десять лет спустя я отнесся критически. Я снова пал жертвой собственной наивности. Я надеялся, что десятая годовщина смены режима заставит многих руководителей и влиятельных консультантов самокритично пересмотреть собственные взгляды. К сожалению, этого не случилось. Боюсь, в своем дон-кихотском стремлении к самопроверке я остался одинок.

ренно, но я задумал эту книгу как рассказ *о дне вчерашнем*, максимально полноценный отчет живого свидетеля социалистической системы для потомков. Свидетельство очевидца должно быть точным! Я придавал значение каждому предложению, каждому описанию и не хотел ничего делать на скорую руку.

«Путь к свободной экономике», напротив, был обращен ко дню завтрашнему, к самым актуальным проблемам постсоциалистического перехода. Если я нахожусь со своими идеями хотя бы на шаг впереди, если у меня уже есть, что сказать, я должен сделать это как можно скорее. В «Личном послесловии» к книге я подчеркивал: «Я стремился написать эту работу как можно скорее, что, естественно, не спасает ее от ошибок. В любом случае, я избегал многократно менять формулировки, как это бывает в ходе более спокойных исследований»[224]. Я знал, что риск велик. Из-за спешки больше вероятность пропустить в тексте ошибки. Те, кто опубликовал свои труды позже, могли извлечь уроки из споров, возникших в связи с первой работой по теме. Многие авторы выступили со своими более выверенными и основательными предложениями спустя год-два. Правда, нет гарантии, что эти рекомендации точнее попали в цель.

Один из способов избежать неточностей и преувеличений — работа в команде. Проблемы экономической политики поднимались и ранее, во время совещаний за круглым столом, хотя тогда в центре внимания были политические и конституционно-правовые вопросы переходного периода[225]. Пока я писал свою книгу ударными темпами, в одиночку, прикованный к постели, программы многих политических партий и прочие политических организаций уже были готовы или находились в процессе подготовки[226]. В Будапеште даже работали в обычном режиме два авторитетных комитета: они подбирали материалы, периодически заседали, спорили, достигали соглашений и, наконец, выдавали рекомендации[227]. Их результаты во многих отношениях совпадали с моими, но были мягче сформулированы, не столь провокативны и не вызывали бурных споров.

Я прекрасно понимаю, что тщательная подготовка законов, постановлений правительства или масштабных планов действий неизбежно требует коллективного мышления, работы в команде, консенсуса сторон. Я восхищаюсь коллегами, которые посвящают изрядную часть своего времени и сил работе в комитетах. Признаюсь честно, я всегда отлынивал от подобных поручений. Я предпочитаю четко выражать собственную позицию и избегаю ситуаций, когда приходится идти на уступки ради консенсуса. Знаю, это необходимо, но предоставляю заниматься подобными делами людям гибким, дипломатичным, менее склонным раздражаться. Демократическая процедура принятия решений предусматривает подготовительный этап, в ходе которого стороны выражают свое мнение в достаточно резкой форме, прежде чем смягчить острые углы. Затем наступает период столкновения мнений и выработки *приемлемого* решения. В этом деле, как и во всем остальном, я остаюсь приверженцем общественного разделения труда и, по возможности, стараюсь участвовать в первом этапе. Согласия ни у кого для этого спрашивать не нужно, достаточ-

но собственной инициативы и готовности идти на риск, отстаивая собственные идеи.

В этом отношении мнения также разделились. Тот факт, что я в одиночку разработал экономическую программу для страны, один из рецензентов назвал «беспримерным достижением мысли». Другим же не понравилось как раз мое поведение «рыцаря-одиночки».

Перечитывая книгу и полемику по ней, я испытал смешанные чувства. Зарубежные рецензии просматривал с интересом профессионала, без особых эмоций, а вот венгерские дебаты всколыхнули былые страсти. Пусть в моих нынешних чувствах не было прежней глубины, но я вновь ощутил настроение исторического момента двадцатилетней давности. Истинные поворотные моменты нечасто случаются в жизни целых народов, а уж в жизни отдельного человека подобное может произойти один-единственный раз.

Приятно осознавать, что, создавая «Путь к свободной экономике», я смог стать частью этих событий. Вне зависимости от того, были ли мои рекомендации верными или ошибочными, были ли они приняты или отвергнуты, могу с уверенностью заявить, что оказал существенное влияние на общественное мнение. Все вопросы, затронутые в книге, носились тогда в венгерском воздухе. О них спорили различные политические группы, на них ссылались в материалах партийных программ, но идеи эти существовали еще в неустоявшемся и с точки зрения интеллектуальной дисциплины разрозненном виде. Значение своей книги я вижу в том, как она сумела структурировать аморфные дискуссии, выработать приоритеты или, как теперь принято говорить, определила повестку дня*. С того момента, как «Путь к свободной экономике» стал частью венгерского дискурса, отпала необходимость обсуждать, о чем надо спорить. Книга подействовал даже на тех, кто отнесся к ней негативно; сами того не замечая, критики «Пути...» начали говорить о том, что моя работа привнесла в массовое сознание.

Наряду с приятными ощущениями, в процессе чтения материалов по обсуждению книги в Венгрии всплыли и дурные воспоминания. До сих пор болезненно воспринимаю недружественный, практически враждебный тон некоторых откликов. Я человек тонкокожий, плохо переношу оскорбления, особенно когда они исходят от тех, с кем я ранее был близок. Это лишний раз доказывает, что я не создан для политики. Что эти несколько грубых выпадов в ходе той дискуссии по сравнению с сегодняшней практикой общественной жизни? Как бы я мог проглатывать оскорбления в свой адрес и спокойно продолжать публичное выступление, если на меня оказывали такое убийственное действие статьи, искажавшие мои слова, — а ведь с точки зрения сегодняшнего стиля ведения дискуссий их даже можно назвать сдержанными.

---

* Пользуясь языком современных аналитиков и журналистов, можно сказать, что «Путь к свободной экономике» задал темы для дебатов по экономической программе. Мода на подобные формулировки, вроде «определить повестку дня» или «задать тему», быстро приходит и уходит. Те, кто будут читать книгу в будущем, возможно, уже и не поймут эти выражения.

Прошло какое-то время, и я сумел преодолеть эти горькие ощущения и на долгое время забыть о них. Типичный случай вытеснения по Фрейду. Чувство обиды явно было где-то там, в глубине моего сознания, и воспоминания заставили меня не только переоценить прошлое с рациональных позиций, но и вызвали к жизни прежнюю эмоциональную реакцию.

Книга еще не поступила в магазины, когда Пал Рети, один из редакторов еженедельника «Хети Вилаггаздашаг» («Еженедельник мировой экономики»), взял у меня интервью и среди прочего задал следующий вопрос: «Вам не кажется, что вашу программу приняли бы с большей готовностью, если бы она не была «внепартийной», а принадлежала какой-нибудь из партий?»

Книгу свою я написал еще до первых в стране свободных выборов. Она предназначалась, в первую очередь, будущему парламенту и правительству, которое должно было быть сформировано в результате демократического процесса, и на тот момент я еще не мог знать, из кого они будут состоять. Журналисту я тогда ответил: «...не думаю, что следует довериться некоей экспертной «надпартийной» организации, которая выслушает мои предложения, а затем воплотит их в жизнь. Это можно будет сделать только в том случае, если партия или партии, имеющие поддержку большинства депутатов в парламенте, примут мои рекомендации, а за пределами парламента не будет оппозиционных сил, способных им противостоять». Затем последовал еще один вопрос: «Собираетесь ли вы в будущем стать консультантом или взять на себя роль политика?» Ответ мой прозвучал так: «Прежде всего, я бы хотел остаться ученым, исследователем и не желаю быть ни министром, ни депутатом, ни правительственным консультантом»[228]. Я также добавил, что буду рад поделиться своими соображениями, если, например, кого-то из членов нового правительства заинтересует мое мнение.

Однако это тема уже следующей главы.

20

НА СТЫКЕ НАУКИ И ПОЛИТИКИ — с 1990 г.

«Поиск пути», «Муки и надежда», «Реформа здравоохранения»

Вернемся к началу 1990-х. В марте 1990 г. вместе с Джефри Саксом мы организовали конференцию, куда пригласили экономистов из стран, переживающих смену системы; все они работали до сих пор в университетах или академических институтах и демонстрировали интерес к экономической политике на практике. Конференция проходила в Хельсинки, на базе института WIDER при Университете ООН, где я когда-то начал работу над «Социалистической системой». Развернулись интереснейшие дебаты о стабилизации, приватизации, политических альтернативах переходного периода. К концу второй сессии один из участников, чешский экономист, заявил, что дольше оставаться не может и должен торопиться домой. «Кто сейчас не в Праге, не на площади Венцеслава, тот министром не станет», — заявил он полушутя-полусерьезно.

Спешка себя оправдала: наш коллега вскоре получил пост министра. Любопытно сегодня перечитывать список участников хельсинкской конференции; в течение 1990-х годов большинство ее участников на более или менее длительные промежутки времени становились министрами, президентами центральных банков, депутатами или чиновниками высокого ранга*.

Что касается меня, я ни на какую венгерскую площадь Венцеслава не спешил. С самого начала, да и потом, разные политические движения прощупывали меня на предмет прихода в политику. Предлагали разные посты — министра, главного партийного консультанта, члена парламента. Однажды в прессу даже просочилась информация, что меня назначат президентом Центробанка. На деле я вежливо отклонял все предложения еще на стадии неформальных бесед. Могу честно сказать, что никаких соблазнов в связи с политической властью не испытывал.

Меня не назначили ни на один из высоких постов, а значит, и сместить не могли. Я не взлетел вдруг вверх по лестнице власти, но и падать с самой вер-

---

* В Венгрии все обстояло так же. В политической жизни со всех сторон тон задавали представители академической и университетской сферы.

хушки не пришлось, как это бывало с другими. Я не изменил своим прежним принципам и, в основном, оставался в мире научных исследований и преподавания. При этом я уже не ощущал, будто страна находится во власти сил, противоречащих моим принципам. При демократии каждый гражданин несет ответственность за происходящее. Я должен был осознать, что передо мной как перед преподавателем и гражданином возникла новая ситуация: с этого момента я начинал работать на стыке науки и политики.

Позиции в делах венгерской макроэкономической политики

Отказ от постов во власти вовсе не означал, будто я равнодушен к событиям венгерской политической жизни. Напротив, где бы я ни был — в Будапеште или в Кембридже, я постоянно следил за происходящим, пытался осмыслить процесс постсоциалистического перехода и опубликовал целый ряд работ по актуальным вопросам. Все они выходили за рамки чистого анализа и содержали рекомендации по экономической политике. Перечислю лишь отдельные темы: по каким принципам следует проводить приватизацию, что надо делать для укрепления финансовой дисциплины и ужесточения мягких бюджетных ограничений, как должна измениться роль государства, какими ценностями следует руководствоваться в ходе реформы здравоохранения и пенсионной системы.

Научные изыскания, предшествовавшие написанию данных работ, сочетались с новым периодом интенсивной учебы. Я стремился освежить все, чему научился ранее, и дополнить свои знания новыми достижениями в области макро- и микроэкономики. В молодости рядом со мной не было никого, к кому бы я мог обратиться за советом. Теперь же я оказался в выигрышном положении, проводя половину своего времени в одном из мировых центров экономической науки. Если требовался совет, я мог проконсультироваться с лучшими специалистами в данной области.

Мои статьи выходили в специальных изданиях. Руководствуясь собственной системой ценностей, могу сказать, что считаю своим настоящим достижением, наряду с книгами, представленными в предыдущих главах, работы, написанные мною для профессионалов, причем не только с позиций научной ценности, но и с точки зрения их вклада в формирование экономической политики. При этом я бы хотел дать критическую оценку обстоятельствам, которые заставили меня представить свои идеи более широкой аудитории.

Многие интеллектуалы с готовностью пишут колонки в ежедневных газетах, чтобы как можно чаще, шире и быстрее распространять свои выводы и рекомендации среди широкой читательской аудитории. Они используют любую возможность обратиться к сотням тысяч людей с экрана телевизора. Я отдаю себе отчет в том, что подобная практика может пойти на пользу обществу, если применяется во имя благого дела. Мне бы не хотелось оправдывать собственные принципы, по которым я — за некоторыми исключениями — стара-

юсь избегать подобной публичности, доводами «элитарного» или «аристократического» характера. В данном вопросе, как и в других аспектах поведения, я придерживаюсь либеральной точки зрения. Я искренне уважаю тех, кто берет на себя смелость часто выступать в средствах массовой информации (при условии, что он или она делает это хорошо), но не осуждаю и тех, кто избегает таких проявлений. Лично я редко и с трудом могу себя заставить заниматься подобными вещами. У меня есть собственное мнение по многим вопросам, но я, как правило, отклоняю предложения высказаться непосредственно по какой-либо теме*. Ловкий политик должен уметь изложить свою позицию находчиво и в сжатой форме за несколько секунд. Мне такая форма представляется крайне неудобной: если я не могу изложить свои доводы в привычном режиме, то лучше промолчу.

Мое лицо не примелькалось на телеэкране, люди не обращаются ко мне с вопросами на улице. Иногда я немного завидую тем экспертам и ученым, которые прославились на всю страну благодаря СМИ, но после отгоняю от себя тщеславные мысли, радуясь тому, что не изменил своим привычкам.

Я уже отмечал, что изредка нарушал собственные правила. Чаще всего обратиться к широкой аудитории заставляли проблемы, замеченные мною в венгерской экономической жизни**. В 1992 г. я написал большую статью в газету «Мадьяр хирлап» («Венгерская газета») по актуальным макроэкономическим проблемам[229]. Меня угнетало состояние стагнации в экономике, я предлагал осторожное приспособление, «полуповорот», после которого можно было бы сделать больший упор на рост реальной экономики. Эта статья ввела в венгерский обиход понятие «полуповорот». Судьба этой концепции лишний раз доказывает, как опасно вбрасывать какую-то идею или удачное понятие на политическую арену. Напрасно я приводил в статье четкие формулировки, напрасно предупреждал об осторожном употреблении этого понятия. Кто мог запретить тем или иным политическим силам использовать мою концепцию в своих интересах в ходе борьбы?

В 1994 г. ухудшающаяся макроэкономическая ситуация вновь заставила меня высказаться. С одной стороны, меня беспокоило состояние равновесия, в особенности в связи с разрушением текущего платежного баланса, а с другой — опасение, что слишком жесткое вмешательство, сопряженное с ограничениями, может приостановить экономический рост. Другие экономисты уже начали бить в набат, но я еще какое-то время размышлял над проблемой. Наконец, и я решился. В скоростном темпе написал большую статью под названием «Самое важное: долгосрочный рост. К вопросу о макроэкономической напряженности и экономической политике правительства». Поддавшись

---

* В Америке ко мне тоже часто обращались журналисты и телевизионщики с просьбой коротко прокомментировать свежие новости. За некоторыми исключениями я обычно отказывался давать интервью.

** Бывали случаи, когда я выступал по личным причинам — давал интервью в связи с выходом книги или по поводу круглой даты. В подобных случаях я обычно уступал уговорам и отвечал на вопросы журналистов.

на уговоры своего друга Каталины Бошшани, я согласился отдать работу в газету «Непсабадшаг» («Народная свобода»)[230]. Со стороны газеты, где обычно печатаются статьи небольшого формата, публикация моего исследования по частям в пяти номерах подряд была довольно смелым шагом. Такой объем позволил мне детально изложить свои соображения и снабдить их подробной аргументацией.

Серию статей, которые я начал публиковать с конца августа 1994 г., можно во многих отношениях рассматривать как интеллектуальную подготовку к дальнейшему созданию программы по корректировке и стабилизации. Меня беспокоил перекос соотношения между потреблением и инвестициями в сторону потребления. Резкий рост зарплат и расходов на социальные нужды все больше нарушал состояние равновесия в экономике. В этом смысле я в своих статьях не просто предлагал непопулярные, болезненные меры в области экономической политики, но и объяснял, почему они неизбежны. Тогда же я подчеркнул: выправление курса надо проводить таким образом, чтобы процесс не сопровождался обычной для стабилизационных и коррекционных реформ драматической рецессией.

Как и другие мои публикации, данные статьи также вызвали противоречивые отклики: одни одобряли мой подход, другим мои предложения казались недостаточно радикальными, кто-то вновь пытался исказить и неверно интерпретировать мою точку зрения. Я ощутил интеллектуальное удовлетворение много позже, когда эксперты, далекие от венгерских словесных баталий, высоко оценили эту работу. В юбилейном сборнике, изданном к моему семидесятилетию, крупнейший авторитет в сфере макроэкономики Роберт Солоу поместил подробные комментарии к этому исследованию. Соглашаясь с моей позицией, ученый отмечает: «...во-первых, рост слишком важен, чтобы убавлять его до слабого; во-вторых, сокращение ВВП значительно усложняет решение остальных стабилизационных задач; и, в-третьих, если стагнация или упадок будут продолжаться несколько лет, возобновить рост, при необходимости, окажется куда сложнее»[231]. По мнению Солоу, философия данного исследования выходит за рамки конкретной венгерской ситуации и останется актуальной за пределами Венгрии.

В марте 1995 г., когда министр финансов Лайош Бокрош выступил со стабилизационной программой правительства (так называемым пакетом Бокроша), я счел своим долгом полностью поддержать его. Я сам предложил дать телеинтервью, в котором попытался простым языком объяснить, почему болезненные перемены, сопряженные с жертвами, так необходимы. Беседа эта затем была опубликована под заголовком «Крутой подъем»[232].

Я также выступил инициатором встречи с Иваном Сабо, членом оппозиции и последним министром финансов в правительстве Венгерского демократического форума (MDF) 1991–1994 гг., и пытался убедить его в неизбежности принятия программы жестких ограничений. Я рекомендовал Сабо убедить своих коллег по оппозиции, чтобы те не выступали против стабилизационной

программы в парламенте. У меня сложилось впечатление, будто собеседник с пониманием отнесся к моим рассуждениям. По крайней мере, он не возражал; однако мое вмешательство результата не принесло, и тогдашняя оппозиция выступила против программы самым резким образом.

Отдельные положения программы были вынесены на рассмотрение Конституционного суда. На этом этапе я обратился к Ласло Шойому, председателю Конституционного суда — не с целью тайного лоббирования, но действуя в рамках допустимой законом практики как «друг суда», amicus curiae, изложил свое мнению судье до вынесения решения, как гражданин, непосредственно не заинтересованный в деле*. Я привел подробные профессиональные доводы в пользу необходимости быстрых и радикальных мер. Незадолго до этого случился кризис в Мексике, принесший стране огромные потери. Подобного кризиса надо было избежать любыми путями, и в таком безвыходном положении принятие немедленных и крутых мер без предупреждения вполне отвечало духу конституции. Решением суда большая часть важных положений пакета была аннулирована, таким образом, мои аргументы и здесь не нашли понимания.

Позднее, в 1996 г., когда прошло какое-то время и результаты программы стали очевидны благодаря статистическим данным, я написал работу под названием «Корректировка без рецессии», опубликовал ее в Венгрии и прочел в качестве доклада на конференции Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) в Париже. Используя международные данные, я показал, что выполнение столь болезненной операции без значительного спада производства и резкого скачка безработицы было поистине значительным достижением по сравнению с тем, например, как это всегда происходило в результате коррекционных послекризисных программ в Латинской Америке.

Экономисты в большинстве своем были согласны с подобной оценкой, однако высказывались и противоположные точки зрения. Дёрдь Матолчи опроверг мои аргументы в статье, которая уже самим названием полемизировала с моей работой: «Корректировка с рецессией». Во всех своих работах по макроэкономике я призывал к осторожности: коррекционные меры следует разрабатывать таким образом, чтобы они обеспечивали долгосрочное развитие и удерживали экономику в состоянии равномерного роста. Матолчи, в свою очередь, уже тогда отстаивал теорию, которую затем воплотил в жизнь, став министром экономики: его не пугала идея *принудительного* роста. Применение чрезмерных фискальных стимулов уводит экономику с пути постоянного роста в сторону нарушения равновесия, которое рано или поздно наступает.

Интервью, данные мною до и после выдвижения коррекционно-стабилизационной программы, а также газетные и журнальные статьи того периода в 1996 г. вышли в сборнике «Муки и надежда». Название сборника отражает мою реакцию на события и, наверное, психологическое состояние страны в целом.

---

* В 2005 г. Ласло Шойом был избран Президентом Венгерской Республики.

В ходе сражений за программу я одновременно ощутил и свою силу, и свою слабость. Проведенный мною макроэкономический анализ, результаты которого я последовательно излагал в интервью и статьях, безусловно, способствовал прояснению задач, а болезненные меры, в глазах многих, стали более приемлемыми. Хотя личность масштаба Кейнса (если брать в пример кого-то из ученых-экономистов), наверняка, смогла бы достичь большего. Он сумел бы убедить в своей правоте и противников, и колеблющихся, а главное, у него хватило бы настойчивости поговорить с как можно большим количеством людей, и с каждым — на его языке. Во мне слишком сильна наивная вера в силу печатного слова, книги или статьи, и я, как правило, не занимаюсь «лоббированием» собственных предложений. Ситуация до выработки коррекционной программы была близка к кризису — именно поэтому я взял на себя непривычную роль.

Ценой немалых жертв в рамках программы была осуществлена радикальная коррекция экономики. Полтора-два года спустя начали проявляться впечатляющие результаты: показатели равновесия улучшились, а *рост* ускорился. К сожалению, так и не удалось раз и навсегда разрешить непростые проблемы, возникшие в середине 1990-х годов. Прошло еще несколько лет, и все началось сначала. Дух «гуляшного коммунизма», со свойственными ему популистскими тенденциями — непродуманным подъемом зарплат и расходованием государственных денег, не ушел в прошлое с падением кадаровского режима. Этот дух все еще жив и продолжает нас искушать. И левое, и правое правительства под руководством социалистических или консервативно-националистических сил продолжали проводить популистскую экономическую политику. Вновь дали знать о себе прежние разрушительные экономические тенденции.

В 2003 г. в финансовой сфере страны вновь возникли затруднения. Авторитетные экономисты один за другим начали публиковать статьи с критикой монетарной и фискальной политики, призывая к немедленным действиям. Ситуация заставила меня дать длинное интервью газете «Непсабадшаг». Я хотел подчеркнуть, что моя философия в области макроэкономики не претерпела изменений со времени написания серии статей в «Непсабадшаг» в 1994 г. Именно поэтому, по моему желанию, интервью вышло под тем же самым заголовком: «Самое важное: долгосрочный рост»[233].

Увы, прошел еще год, прежде чем общественность прислушалась к предостережениям, высказанным мною в интервью — наряду с заявлениями других экономистов. Мы призывали уменьшить государственные расходы, наложить ограничения на безответственно разросшуюся программу жилищного кредитования и урезать зарплаты, которые росли слишком быстро по сравнению с производительностью. Жаль, что возвращение экономики на путь устойчивого роста оказалось таким запоздалым и непоследовательным.

Реформа здравоохранения

Еще в начале постсоциалистического переходного периода в лекции, прочитанной мною в 1992 г. по приглашению Американского экономического общества, я затронул проблемы реформирования государства всеобщего благосостояния. Структуру, возникшую в рамках кадаровского режима, я назвал тогда «недоношенным государством всеобщего благосостояния», так как оно брало на себя обязательства, несоизмеримые с экономическим потенциалом страны, и было не в состоянии их выполнить. Если я чего-то и достиг этим, так это неприятия и упреков со стороны кое-кого из коллег, которые теперь пребывали в уверенности, что социальные достижения социалистической системы надо защищать от меня, а не от неизбежных и реальных диспропорций. Один из моих старых друзей даже перестал со мной разговаривать с тех пор, как я написал эти слова. Я также сумел добиться того, что все мои рассуждения, связанные с идеей «благосостояния», стали неизбежно вырывать из контекста и цитировать в извращенном виде.

Однако проблемы, о которых я говорил в 1992 г., не только не исчезли, но и усугубились. Потом я понял: речь здесь идет не о специфических проблемах Восточной Европы. Государство всеобщего благосостояния находится в кризисе и там, где оно сформировалось преждевременно, и там, где оно успело «созреть», т.е. в Северной и Западной Европе. Здесь мы имеем дело с одним из сложных внутренних противоречий нашей эпохи. С одной стороны, государство всеобщего благосостояния как значительное достижение XX в. сделало жизнь миллионов людей более безопасной. Стоит вмешаться, тут же раздаются протесты всех, кто, по понятным причинам, опасается, что реформы создадут угрозу безопасности. С другой стороны, доминирующие демографические тенденции и дорожающие новые медицинские технологии при данных темпах развития делают невозможным поддержание государства всеобщего благосостояния в рамках прежних форм финансирования. Острота конфликта проявляется не только в противостоянии реформам в Венгрии или в Польше, но и в политических бурях, демонстрациях, протестах, вызванных относительно умеренными и непоследовательными попытками реформ в Германии и Франции. И все же те правящие политические силы, которые по-настоящему несут ответственность за собственную страну — будь это левые, как в Германии и Польше, или правые, как во Франции, — вынуждены принимать меры по ограничению расходов государства всеобщего благосостояния.

Этот вопрос занимает и мучает меня с тех пор, как я столкнулся с данной проблемой. Я пробовал подойти к теме с разных сторон. Вместе с одним из моих бывших учеников, ирландцем по происхождению, преподающим сейчас в Канаде, Джоном Макгейлом, мы провели международное сравнение методами эконометрии[234]. При участии рано ушедшего из жизни Ласло Чонтоша и Иштвана Дёрдя Тота из Института социальных исследований (TÁRKI) было организовано исследование общественного мнения на тему, как население

могло бы воспринять различные варианты реформ[235]. С другой командой по материалам откровенных интервью с врачами и пациентами мы оценили объем неофициальных вознаграждений, которые получают врачи, и то, как к этому относится общество[236].

В 1997 г. я написал книгу о реформе здравоохранения[237]. Мнения о ней разделились. Одни сочли мои предложения своевременными и выполнимыми. У других книга вызвала настоящий гнев. Меня обвиняли в пособничестве различным партиям или в подготовке почвы для жадных до прибыли капиталистов, которые будут безжалостны к пациентам. Ясно одно: все эти возмущенные критики даже не услышали, что я предлагал отнюдь не радикальные, неожиданные перемены, способные нанести травмы, но вполне сбалансированную и осторожную реформу, нацеленную на поиск компромисса между несовместимыми требованиями*.

Книга вовсе не предлагала вводить безграничную и безудержную рыночную конкуренцию. Правда, и противоположный вариант представлялся мне неудачным. Нельзя успокаиваться на том, чтобы в данной сфере сохранялась монополия на финансирование ее из государственных средств, а все решения по пенсиям, обеспечению здравоохранения и прочим социально-бытовым услугам по-прежнему принимались исключительно политиками и бюрократами на патерналистской основе.

Большинство экономистов и политиков, работающих в области здравоохранения, при оценке необходимости и возможностей реформы исходят из специфического положения отрасли и ее задач, а также из проблем финансирования. Этические аспекты они рассматривают только во вторую очередь или вообще их игнорируют. Те же, кого интересует именно моральная сторона вопроса, могут сами попытаться выяснить, какие этические принципы скрываются за конкретными предложениями по реформе, если они там вообще присутствуют. Моя книга была выстроена совершенно по другому принципу. Я *исходил* из выбранной мною системы ценностей, этических принципов и пытался свести их к практическим действиям.

На первый план выдвигались два основных постулата. Первый — принцип суверенитета личности. Продвигать следует только те преобразования, которые расширяют правовые полномочия личности при принятии решений в сфере социально-бытовых услуг и сужают эти полномочия для государства. Данный принцип распространяется не только на право личности принимать решения, но и на ответственность индивида за свою жизнь. Пора отвыкать от опеки патерналистского государства.

Второй постулат — *принцип солидарности*. Тем, кто испытывает страдания, попал в беду или ограничен в своих возможностях, надо помогать. Здесь, в от-

---

* Пал Ковач, политик и бывший министр здравоохранения, был не согласен со мной, но аргументированным возражениям предпочел шутку. На вопрос телерепортера, какую пользу он собирается извлечь из моей книги, Ковач ответил, что она по толщине как раз подойдет вместо подставки под сломанную ножку письменного стола.

личие от взглядов либертарианцев и сторонников сведения роли государства к минимуму, я считаю деятельность государства по перераспределению не только допустимой, но даже необходимой, если эти действия направлены на поддержку нуждающихся.

Говоря об исследованиях, связанных с реформой системы здравоохранения, стоит заметить, что эта новая область нашла отражение и в моей преподавательской работе в Гарвардском университете. Совместно с Джоном Макгейлом мы организовали семинар с целью проанализировать реформу государства всеобщего благосостояния с международной точки зрения. Часть докладов прочли известные эксперты по той или иной теме, а остальные были прочитаны студентами. Среди тем можно назвать следующие: реформа американской пенсионной системы (доклады Мартина Фельдштейна и Питера Даймонда), предложения Всемирного банка по восточноевропейской пенсионной реформе, реформа сектора здравоохранения в Китае, инструменты сокращения безработицы (доклад на эту тему прочел профессор Колумбийского университета Эдмунд Фелпс), распределение доходов в различных регионах мира и т.д. Публика с большим интересом слушала выступления докладчиков; и студенты, и преподаватели, включая меня, смогли вынести много поучительного из богатого материала.

Что касается моей книги 1998 г. о реформе здравоохранения, я понял, где был недостаточно убедителен, из споров, но не столько из печатных рецензий, сколько из спокойных личных бесед. Вместе с Карен Эггельстон, одной из моих бывших гарвардских студенток, выбравшей в качестве специализации экономику здравоохранения, мы засели за переработку книги. Расширенное и переработанное издание увидело свет в 2001 г. на английском языке под названием «Благосостояние, выбор и солидарность в переходный период: реформирование здравоохранения в Восточной Европе» (Welfare, Choice and Solidarity in Transition: Reforming the Health Sector in Eastern Europe)[238]. В новом варианте книги я отстаивал те же принципы и рекомендовал выбрать то же направление реформы, что и в первом, венгерском издании. В то же время работа теперь опиралась на куда более широкий международный материал, критически анализировала положительный и негативный опыт систем здравоохранения в других странах и происходящие там изменения. В отличие от первого варианта в книге предлагается более детальное и точное описание плана реформ, подробно оцениваются особенности, присущие сектору здравоохранения. Я хотел показать, какие опасности и риски появляются, если организовать эту сферу *исключительно* на *коммерческой* основе, но стремился не отпугнуть людей, а объяснить, как посредством законов, механизмов уравновешивания и перераспределения и различных вмешательств можно эти опасности предотвратить. Я ставил себе задачу объективно рассмотреть преимущества и недостатки различных схем стимулирования.

Первые отклики на английское издание были довольно положительными. К радости авторов, книга вышла также на польском, китайском и вьетнамском

языках. Новый, расширенный и переработанный вариант книги на венгерском был опубликован как раз в процессе написания автобиографии. Он попал в руки читателя как раз в момент острой дискуссии относительно реформы здравоохранения. Профессиональное обсуждение уступило место гневным и враждебным политическим словесным баталиям. Общественные деятели и должностные лица, объявившие себя борцами за народные интересы, а на деле представляющие интересы мелких группировок, то и дело схлестывались на телеэкранах в непримиримых спорах. Кто знает, будет ли услышан негромкий и объективный голос нашей книги?

Размышляя над реакцией на мои макроэкономические изыскания и на первую книгу о здравоохранении, я пришел к более общему вопросу, а слышат ли меня те, кто принимает окончательные решения в области экономической политики.

«Спрашивают ли у тебя совета? Прислушиваются ли к тебе?»

Дома и за рубежом друзья не раз задавали мне эти вопросы. Я бы и рад ответить однозначно, да не могу.

Задать такие вопросы можно по-разному. Во-первых, буквально: находят ли руководители венгерской экономики нужным интересоваться моим мнением *в частных беседах*?

Первым министром финансов после смены режима стал Ференц Рабар, я хорошо знал его по 1960-м годам, со времен «двухуровневого планирования», когда он, по моей просьбе, участвовал в работе большой группы. Впоследствии мы не раз встречались, когда Рабар работал в Международном институте анализа прикладных систем (IIASA) в Лаксенберге близ Вены, а затем — в Госплане. Летом 1990 г. я приехал в Венгрию на летние каникулы. Рабар позвонил мне и попросил о встрече. Я пришел к нему в министерство и хотел сесть за стол для переговоров, но он улыбнулся и предложил мне свое кресло за письменным столом со словами: «Здесь тебе надо бы сидеть». Рабар с энтузиазмом выразил согласие с предложениями, изложенными в «Пути к свободной экономике». Встречались мы и после, и он всегда с большим вниманием выслушивал мои рекомендации.

Михай Купа, сменивший Рабара на министерском посту по призыву Венгерского демократического форума, собрал большую неформальную группу консультантов разного толка. В нее вошел Иштван Хетени, исключительно знающий экономист, обладатель обширного практического опыта, в прошлом — заместитель председателя Госплана, а затем, до 1986 г., — министр финансов. Еще одним членом группы стал Дёрдь О'шват, личный экономический советник премьер-министра Йожефа Анталла. Были здесь и сторонники Союза свободных демократов (SZDSZ), и приверженцы Союза молодых демократов (FIDESZ) — причем ни одна из этих партий не была членом коалиции. Когда Купа пригласил в группу и меня, я, после некоторых разду-

мий, согласился. Михай Купа всегда прислушивался к мнению членов группы. Помимо этого мы много раз беседовали с глазу на глаз. Мне было приятно, что он открыт моим соображениям, хотя несколько смущало сознание того, что наши отношения могут быть расценены как поддержка, с моей стороны, политики правительства, к которой, на самом деле, у меня были большие претензии. Двусмысленная ситуация разрешилась с отставкой Купы. Как считают политические аналитики, причиной удаления его от выработки экономической политики стало то, что Купа, по мнению правительства, слишком далеко зашел в деле преобразования экономики и усилении макроэкономической дисциплины.

Опыт, полученный за время пребывания Купы на посту министра, убедил меня в необходимости и дальше придерживаться собственных принципов. Если кто-то из членов демократически избранного правительства интересуется моим мнением по конкретному вопросу, я с радостью поделюсь своими соображениями. Однако никаких формальных назначений в качестве «советника правительства» или официального эксперта в составе консультационного совета я не приму, какие бы политические силы ни были у власти. В своих рекомендациях я стремлюсь избегать даже намека на поддержку политики действующего правительства. От любого эксперта, формально назначенного консультантом при правительстве, ожидают, что он будет проявлять лояльность по отношению к правительству, т.е. не будет предавать гласности расхождения во мнениях и открыто критиковать его действия. Я же хотел сохранить возможность публично высказывать все, что считаю нужным.

За пятнадцать лет существования парламентской демократии, до конца 2004 г., в Венгрии сменились десять министров финансов. Иногда я сам предлагал встретиться, порой инициаторами встреч были министры*. Некоторых вообще не интересовало, что я думаю об экономическом положении и задачах на будущее.

Время от времени я встречался также и с другими политическими и государственными лидерами, обменивался с ними мнениями или выражал свои мысли в письменном виде.

В 1991 г. ко мне обратился Янош Киш, на тот момент — президент Союза свободных демократов, с предложением стать регулярным участником консультационного органа партии. Процитирую отрывок из своего ответа Кишу от 14 апреля 1991 г.: «...с радостью обсудил бы снова с тобой проблемы страны. Однако почетное предложение стать регулярным участником заседаний политсовета Союза свободных демократов принять не могу. Позволь мне объяснить причину отказа. Мое поведение в политике и в профессии и конкретные шаги, в значительной степени, определяются желанием сохранить максимальную независимость, политическую и интеллектуальную автономию. Именно

* После ухода некоторых из них с министерского поста я встречался с теми, с кем водил дружбу еще до назначения их министрами, так как хотел показать, что сидение в министерском кресле или уход с него ничего не меняют в наших коллегиальных отношениях.

этот фактор, среди прочего, повлиял на мое решение не примыкать ни к каким партиям или политическим движениям после разрыва с коммунистической партией в 1956 г. Я прекрасно понимаю, что регулярное участие в заседаниях партийного органа формально не предусматривает обязательного членства в партии. Однако подобное сотрудничество с конкретной партией не укладывается в мои собственные принципы, о которых я говорил выше. Я вполне могу позволить себе делиться своими соображениями с лидерами партий и экономическими консультантами, если они находят мои мысли важными. На основании субъективной оценки политики конкретной партии и личности того, кто обращается ко мне за советом, я каждый раз принимаю решение, готов ли я к такому разговору. Уверен, изложенные здесь принципы остаются приемлемыми и с точки зрения политической морали. Я также далек от мысли, будто подобное поведение является единственно правильным. Партии крайне нуждаются в активных политиках. Я не имею ничего общего с теми, кто отрицает парламентскую демократию, выстроенную на конкуренции между партиями. По-человечески, я испытываю огромное уважение к тем, кто отдается партийной работе и готов ради нее принести в жертву успехи, которых, наверняка, мог бы достичь в другой области»[239].

Приведу еще несколько отрывков из письма, посланного мною из Америки 24 октября 1992 г. Виктору Орбану, президенту Союза молодых демократов, в ответ на его просьбу прокомментировать проект экономической программы партии:

«Основные принципы, по моему мнению, сформулированы недостаточно четко.

— Понятие «либерализм» вводить необходимо, но его смысл остается неясным. Следует подчеркнуть, что оно, в первую очередь, относится к свободе: личность должна иметь возможность пользоваться своими правами, предприниматель — свободно заниматься бизнесом, государство — не вмешиваться во все и т.д.

— Большинство людей не до конца понимают, что такое «прагматизм». Требуется четче определить, что вы хотите соединить твердые принципы с гибкостью, выступаете против косного доктринерства и на практике готовы идти на компромисс.

— В списке отсутствуют три идеи, которые, по моему мнению, обладают особой важностью. Выделю их как три ключевых слова; над ними надо поработать:

а) *Модернизация*. Современные технологии, современный стиль жизни, современная мораль, общественные связи — а не возрождение «старого».

б) *Честность и законность* в бизнесе и политике. Меры против обмана, мошенничества, коррупции, уклонения от ответственности, проявлений кумовства, этических конфликтов и нарушений закона.

в) *Безопасность и предсказуемость*. Правительство должно держать свои обещания; все, что оно заявляет, должно заслуживать доверия».

В связи с экономической программой я написал следующее: «...главное, в программе должно быть ясно указано, что она собирается сделать, чтобы поднять страну на ноги, направить на новый путь развития и создать новые рабочие места без нагнетания инфляции. Нельзя решать этот вопрос при помощи монетарных стимулов. Следует больше подчеркнуть открытость иностранному капиталу и добавить, какую опасность представляют ксенофобия и национализм. В документе не обозначено ясной позиции в связи с "крупными системами" распределения. Что вы собираетесь делать в отношении децентрализации и приватизации здравоохранения и социальных программ? Если говорить в целом о социальных программах, я бы ожидал не популистских обещаний, но в первую очередь максимальной предсказуемости будущего...»[240].

И сегодня, двенадцать лет спустя, я продолжаю придерживаться принципов, изложенных в этом письме.

Встречи или обмен корреспонденцией сами по себе не демонстрируют реального интереса. Все зависит от второй стороны. У одних партнеров я ощущал неподдельный интерес к тому, что я говорю; они обдумывали мои доводы, сравнивали их с другими точками зрения, делали свои выводы. Однако в некоторых случаях мои собеседники проявляли лишь показную заинтересованность. В ходе беседы им скорее хотелось услышать собственный голос. Иногда они начинали устную или письменную дискуссию уже после того, как приняли какое-то политические решение, и под видом «спрашивания совета» стремились получить подтверждение сделанного выбора. Если я действительно выражал согласие, тогда на меня можно было ссылаться в других беседах. Если же мы расходились во мнениях, можно было попросить «совета» у кого-нибудь еще из экспертов, перебирая их до тех пор, пока не найдется единомышленник. Мне, признаюсь, противна сама мысль о подобных «дискуссиях», однако такое порой случается. Тот, кто соглашается на неформальный обмен мнениями с ведущими политиками, должен быть готов и к «ложным» обращениям за консультациями.

Встречаясь с политиками или представителями правительства на совещаниях или празднествах, я нередко слышал фразу: «Так ты здесь? А я думал, ты в Америке. Мне обязательно надо с тобой поговорить. Я с тобой свяжусь». На том и расставались. Проходили недели, но меня никто никуда не звал. Подобная ситуация повторялась раз пять или десять то с одним, то с другим знакомым. Возможно, в каждом конкретном случае человек искренне чувствовал необходимость услышать мои соображения, но потом наваливалась рутина, да и стремление проконсультироваться не было таким уж сильным, чтобы, отложив остальные дела, спокойно побеседовать с ученым.

Я считаю крайне недопустимым, когда политик пытается использовать беседы с экспертами, в частности со мной, исключительно с целью саморекламы. Он как будто стремится показать публике: вот видите, какие серьезные ученые дают мне советы. По неопытности я пару раз становился участником подобных пропагандистских акций. Впоследствии у меня уже выработался защитный рефлекс, и я стал осторожнее. Теперь я всегда стараюсь заранее прояс-

нить: действительно ли политика интересует мое мнение. Если же на встречу приглашены пресса и телевидение, я старался быть особенно осмотрительным. Не то чтобы я старался сохранить в тайне беседы с ведущими политиками. Предложения о встрече я считаю для себя почетными, и у меня нет причин что-то замалчивать; я готов поделиться своим мнением с теми, кого оно и впрямь интересует. На *это* я согласен, и в таких случаях публичность мне не мешает — но участвовать в пиар-акциях я не хочу.

Из сказанного следует, что данный вопрос стал для меня поводом к серьезным размышлениям. Роль политика и роль ученого, обеспокоенного судьбой общества, отделяет друг от друга тонкая грань. Первым я быть не хочу, а вот вторую роль готов выполнять. Иногда я чувствую, что перешел границу, которую сам же себе и определил. А иногда вижу, что недостаточно к ней приблизился. Но где же проходит эта грань?

Все эти истории, возможно, позволяют понять, какие психологические барьеры удерживают меня от частых публичных выступлений по вопросам, которые неизбежно привели бы меня в эпицентр политических баталий. Я предпочитаю углубиться в исследовательскую работу, где чувствую себя как дома и могу оптимально использовать (говоря языком экономики) свои «сравнительные преимущества».

Реальное влияние

До сих пор речь шла о первом вопросе — спрашивают ли меня. Теперь поговорим о втором: прислушиваются ли.

В поисках ответа на этот вопрос я бы не хотел сводить все к конфиденциальным беседам с глазу на глаз или к заявлениям, критическим замечаниям и предложениям, сделанным в узком кругу или личных письмах. Все, что я считаю по-настоящему важным, — за исключением ситуаций, когда это противоречит интересам безопасности или экономическим интересам страны — я привык излагать открыто в своих книгах, научных работах или иных публикациях. Оказали ли они какое-то влияние на ход событий?

Начну ответ с некоторых статистических показателей[241]. За период с 1990-го по 2003 г. венгерский парламент ссылался на меня, точнее, на мои работы, 46 раз. В наши дни подсчетом количества цитирований занимается целый раздел науки; ученые соревнуются между собой за количество ссылок на свои труды. В таких случаях обычно подсчитывают ссылки в научных журналах. Меня эти цифры, конечно, тоже интересуют, но тут речь идет о другом соревновании! Приятно осознавать, что члены парламента в своих спорах цитируют мои работы, особенно учитывая мое стремление оставаться вне повседневных политических баталий.

Каждый политик, естественно, ссылается на мои труды, чтобы подкрепить собственное мнение. В двух третях случаев меня упоминали представители правительственных партий (Венгерской социалистической партии и Союза

свободных демократов), и одна треть ссылок принадлежит партиям оппозиции (ФИДЕС — Венгерская гражданская партия, Венгерский демократический форум, Венгерская демократическая народная партия и Партия мелких хозяев). Чаще всего цитировали «Путь к свободной экономике», но упоминали и «Дефицит», и «Борьбу и надежду» или книгу о реформе здравоохранения. Частотность цитирования достигла пика в 1995 г., в период стабилизации и коррекции экономики. Как ученому, мне, безусловно, льстит упоминание моих работ в парламентских протоколах, когда двое парламентариев спорят, кто из них лучше понял мою идею.

Однако ссылки на меня в парламенте, о каком бы успехе они ни свидетельствовали, ничего не говорят о влиянии моих работ на реальный ход событий. Боюсь, достоверный ответ на этот вопрос я дать не смогу. Методологически я всегда отстаивал принцип многопричинного (мультикаузального) анализа. Если мы ищем причинное объяснение для сложного явления, то, за редким исключением, возникновение такого явления невозможно возвести к какой-то одной причине. Если же требуется сопоставить влияние нескольких факторов, установить их относительный вес бывает очень сложно.

Из того, что отдельные процессы в Венгрии и других постсоциалистических странах пошли в направлении, предложенном в моих работах, еще не следует, будто они выбрали этот путь именно под моим влиянием. Возможно, это простое совпадение, и истинные движущие силы надо искать в другом месте*. Допускаю также, что мои труды действительно оказали некое влияние, однако воздействие других факторов было куда сильнее. И, наконец, нельзя совершенно исключить вероятность того, что какая-то из моих идей оказала существенное влияние, зачастую опосредованное, на формирование мировоззрения тех, кто принимает решения.

Именно в Венгрии были впервые введены насильственные меры по ужесточению мягких бюджетных ограничений. По оценкам Дж. Баркли Россера мл. и Марины В. Россер, приведенных в одном из самых известных учебников по сравнительной экономике[242], существенную роль в этом могли сыграть и мои работы**. Не стану отрицать — я действительно был самым громогласным сторонником ужесточения бюджетных ограничений, и мои работы по данной теме вызвали широкий отклик.

---

* Герой одного из рассказов Фридьеша Каринти — тихий сумасшедший, который стоит на шумном перекрестке и машет палочкой, словно он дирижер. Все, что случается независимо от его воли, кажется ему происходящим по его велению. «Вон те две машины за угол заворачивают... Правильно... Напротив должен стоять трамвай. А это что? Здесь сейчас солдаты должны пройти... Ага, вот и они. Навстречу идут...» (2001 [1914]б, с. 157) Я бы ни в коем случае не хотел быть похожим на этого персонажа Каринти, размахивающего своей палочкой.

** «...из всех бывших социалистических стран самые жесткие бюджетные ограничения наблюдаются в Венгрии... Можно предположить, что это результат исключительного влияния Яноша Корнаи на экономическую политику родной страны» (Rosser and Rosser, 2004, p. 374–378).

В вопросах более общего характера можно говорить лишь о том, что предложения делались целой группой экспертов, а я был лишь одним из многих или, по крайней мере, одним из лидеров. Да, я был в числе тех, кто рекомендовал проводить приватизацию постепенно и, что еще важнее, выступал против «третьего пути» вместе с остальными. Точно так же я резко выступил в составе целой группы интеллектуалов с предложением о согласовании макроэкономического равновесия с требованиями роста. Могу предположить, хотя и без доказательств, что мой голос оказал существенное влияние на данные процессы.

Помимо воздействия на конкретных политиков и решения в сфере экономической политики необходимо рассмотреть еще одно явление, а именно: оказали ли мои идеи какое-то влияние на *общественное мнение*, на мировоззрение людей, находящихся вне властных структур, в первую очередь, на представителей бизнеса и интеллигенции. Данных, основанных на опросах, я привести не могу. Как я уже упоминал в связи с «Дефицитом», отрывочные отклики ко мне поступали. Врач в приемной, сосед по дому или историк, с которым я столкнулся в доме отдыха, вдруг говорили, что читали какую-нибудь из моих книг и нашли ее убедительной. Читатели часто благодарили меня за то, что мои статьи лучше официальных источников помогали им понять конкретную проблему и пути ее решения. Для исследователя уже сам факт, что его работы помогли читателю сориентироваться, воспринимается как достижение. Как ни приятно мне слышать подобные признания, установить, насколько широк их круг, невозможно.

Участие в формировании денежной политики

В 1995 г. Дёрдь Шурани, президент Национального банка Венгрии, спросил меня, не соглашусь ли я стать членом совета Центробанка, главного органа, определяющего кредитно-денежную политику в стране. Я попросил дать мне время на раздумье, так как хотел понять правовое и политическое положение совета*. Решающим фактором в пользу данного предложения стала гарантия *независимость* Центрального банка. По закону совет Центробанка не зависел от правительства и политических партий. Кандидатуры членов совета предлагал премьер-министр по результатам консультаций с президентом Национального банка Венгрии, затем этот выбор должен был одобрить парламент, а окончательное назначение входило в компетенцию Президента Республики.

На первый трехлетний срок меня рекомендовал Дюла Хорн, премьер-министр от коалиции социалистов и либералов, а на второй — премьер-министр от консервативной коалиции Виктор Орбан. В обоих случаях мое назначение поддержали все соответствующие комитеты парламента (бюджетный и эконо-

* В 2001 г. было принят новый закон о руководстве кредитно-денежной политикой. Здесь я описываю более ранний в законодательном отношении этап — период моей работы в совете Центробанка.

мический), а в их составе — и проправительственные, и оппозиционные силы. На заседаниях комитетов мне задавали профессиональные вопросы, лишенные политической окраски, я же постарался дать максимально объективные ответы. Меня успокоил и обрадовал тот факт, что я мог полагаться на широкий консенсус. Мне хотелось, чтобы политические круги увидели во мне человека независимого, который подчиняется не политическим привязанностям, но профессиональным требованиям и собственной совести. Подтверждение правильности подобной тактики я нахожу в том, что два правительства, одно за другим, были готовы возложить на меня столь ответственное задание, находясь при этом в состоянии острейшей политической борьбы.

Я проработал в совете Центробанка почти шесть лет. Я тщательно готовился к каждому заседанию, часто «в порыве усердия» даже подавал свои соображения заранее, в письменном виде. Я старался не просто ознакомиться со свежими статистическими данными и прочей актуальной информацией, но и детально проработать теоретические источники по вопросам повестки дня, а также изучить опыт аналогичных ситуаций в прошлом. Все это происходило в тишине, за закрытыми дверями. В задачи совета входила выработка краткосрочной и среднесрочной кредитно-денежной политики, в первую очередь, политики регулирования процентных ставок. Во взаимодействии с правительством необходимо было определить институциональные рамки, которые определяли бы зазор для валютного курса*. Венгерская кредитно-денежная политика того периода заслужила самую высокую оценку, и лидеры мировой финансовой деятельности приводили Венгрию в пример остальным государствам, переживающим переходный период. Могу без ложной скромности заявить, что в этом была и моя заслуга.

Работа в совете многому меня научила. Я смог заглянуть вглубь механизма выработки экономической политики на самом высоком уровне. Подготовка каждого непростого решения была настоящей проверкой на профессионализм. Приятно признать, что наши дискуссии проходили в спокойном режиме — особенно пока не начались политические волнения вокруг Национального банка. В ответ на аргументы надо было приводить свои доводы, а не эмоции. Работа проходила в атмосфере коллегиальности и взаимного уважения.

В августе 2001 г., за несколько недель до истечения срока моего мандата, я написал открытое письмо Президенту Республики с отказом от членства в совете Центробанка. По моим ощущениям, новый, только что принятый тогда закон о Центральном банке изменил правовые рамки членства в совете. После вступления закона в силу все члены вновь сформированного Кредитно-денежного совета становились сотрудниками Национального банка Венгрии

---

* На профессиональном языке это называется «режим валютных курсов». Например, требуется выбрать между фиксированной ставкой обмена валют и свободным обменным курсом. Иногда открывают дорогу рыночным силам, но заранее определяют границы изменения валютного курса. В последнем случае необходимо решить, насколько широким будет колея, в рамках которой может изменяться валютный курс.

(и, соответственно, подчинялись его президенту), что ограничивало независимость так называемых внешних членов совета*. Новое положение было несовместимо с принципами, которые я определил для себя.

На тот момент еще невозможно было точно предсказать ошибки, допущенные вследствие кредитно-денежной политики, но тучи уже начинали сгущаться. Раньше меня не беспокоило то, что мы работали за закрытыми дверями и позиции членов совета были недоступны общественности. Теперь же я боялся остаться со своим мнением в меньшинстве. Волей-неволей мне придется участвовать в проведении такой кредитно-денежной политики, с которой я не смогу согласиться, — а возможности высказать свое особое мнение перед коллегами-экономистами и гражданами страны у меня не будет.

Возможно, те, кто лучше разбирается в политической тактике и обладает дипломатическим талантом, смогли бы действовать с пользой и в новых условиях: например уравновешивать ошибочные представления других членов совета собственными выступлениями (с большим или меньшим успехом). Я же не чувствовал к этому ни желания, ни склонности.

С чистой совестью оглядываюсь я на шесть лет, в течение которых принимал участие в проведении успешной кредитно-денежной политики, и с такой же чистой совестью вспоминаю, как имел возможность свободно критиковать в прессе и профессиональных дискуссиях ошибки в формировании этой политики в 2002 г., когда уже освободился от обязательств члена совета.

Комментарии по преобразованиям в других странах

Во всех постсоциалистических странах политический поворот 1989–1990 гг. неожиданно вызвал большой спрос на зарубежных консультантов. Не хотелось бы выносить здесь какой-то общий приговор. Я знаю консультантов, которые стремились как следует изучить страну, в которой они собирались работать, тщательно готовились к работе и подавали свои рекомендации со всей возможной скромностью. К сожалению, мне знаком и иной тип: экономист, не имеющий ни малейшего представления о местной ситуации, но уверенно пытающийся навязать собственные идеи.

Я получал много предложений поучаствовать в планировании пост-социалистического перехода в разных странах. Приглашения приехать и поделиться идеями поступали от коллег и друзей, с которыми я был знаком еще со времен оппозиции социалистическому режиму.

Из всего сказанного мною до сих пор следует, что мне приходилось отклонять большую часть приглашений. Большую — но не все. Я ни в коем случае

---

* По предыдущему закону о Центральном банке, совет состоял частично из представителей руководства Национального банка Венгрии («внутренние члены») и частично из людей науки — в их число входил и я («внешние члены»). Последние сохраняли в качестве места постоянной работы свои должности в университетах и научно-исследовательских институтах, а формированием кредитно-денежной политики занимались «по совместительству». Такой статус гарантировал им полную личную независимость.

не хотел гастролировать по странам со своими идеями и уговаривать живущих там людей принять именно мои предложения, а не советы других экономистов. Однако я чувствовал, что отвергать все приглашения подряд нехорошо, ведь мой опыт мог помочь этим странам в выборе пути, да и я сам мог почерпнуть из путешествий много нового. Я съездил в Россию и еще в несколько восточноевропейских стран, где читал лекции и проводил обмен опытом с местными экономистами и политиками. По приглашению Международного валютного фонда и Всемирного банка я несколько раз посетил Вашингтон, где делился своими идеями в ходе лекций и неформальных дискуссий. В течение многих лет я был членом научного совета при Европейском банке реконструкции и развития (EBRD), который оказывал помощь бывшим соцстранам Европы путем предоставления инвестиционных кредитов и консультаций.

Насколько могу судить сам, грех интеллектуального высокомерия меня миновал. Я не утверждал, как некоторые мои коллеги (слышал это от них собственными ушами), будто существует лишь один путь, а именно тот, который предлагает данный консультант. Я всегда подчеркивал: решаем не мы, иностранцы, а граждане самой страны, те, кто хорошо знаком с ситуацией, и именно на их плечи ложится ответственность за сделанный выбор. Мы можем взять на себя лишь передачу опыта, полученного в других странах, а также выводов, сделанных нами из теоретической литературы. Чем осторожнее и скромнее ведет себя иностранный консультант, тем больше у него шансов быть услышанным.

Особые впечатления остались у меня от поездок в Китай в 1999-м и 2005 г., а также от первого знакомства с Вьетнамом в 2001 г. Предлагать с доктринерской упертостью готовые восточно-европейские рецепты преобразований в этих двух странах было бы непростительной ошибкой. Если они и напоминали что-то, то не Восточную Европу 1990-х годов, а скорее позднюю кадаровскую эпоху 1980-х. Экономическая реформа, т.е. формирование рыночной экономики и частной собственности, зашла уже довольно далеко, во многих областях — значительно дальше, нежели венгерская экономика 1980-х годов. Однако политическая реформа оставалась еще только в проекте. В обеих странах коммунистическая партия сохранила монополию на власть, политические репрессии продолжались. Было запрещено публично подвергать сомнению идеологию и риторику марксизма-ленинизма, к тем, кто выражал оппозиционные взгляды и пытался создавать независимые организации, применялись карательные меры. Приезжая сюда, зарубежный консультант должен помнить, где он находится, и формулировать свои рекомендации таким образом, чтобы не только сделать приятное радикальным противникам существующей системы, но и не напугать тех, кто еще сомневается и принимает идею политической реформы лишь наполовину.

Поездки в Китай и Вьетнам произвели на меня особое впечатление еще и потому, что в этом мире я ощущал себя как дома. Я не знаю ни китайского, ни вьетнамского языков, и все же мог разговаривать с жителями этих стран на

одном наречии, ведь я по своему опыту хорошо знаю, как люди разочаровываются в социализме, как ищут новый путь и сомневаются в необходимости реформ. В ряде откровенных, дружеских бесед китайские и вьетнамские коллеги признавались мне, что как собеседник я был им ближе американских, французских или немецких экономистов; они чувствовали, что я тоже когда-то проходил те же самые стадии в своем развитии, и потому доверяли моим словам.

Я рад, что мои книги и статьи регулярно публикуются в этих двух странах. Надеюсь, они внесут свой вклад в дело интеллектуального просвещения по подготовке будущих реформ. Очень хотелось бы дожить до того дня, когда эти далекие, но столь близкие моему сердцу страны тоже придут к демократии. Для этого мне надо постараться прожить подольше, а им — поторопиться*.

* В 2004 г. по просьбе одного из институтов Университета Флориды я написал исследование об уроках восточно-европейских преобразований применительно к Кубе, если эта страна когда-нибудь встанет на путь демократии и рыночной экономики. Задание показалось мне таким же интересным, как и осмысление проблем Китая и Вьетнама.

21

ПРОДОЛЖАЯ НАЧАТОЕ — с 1990 г.

«Смена системы: что это значит и чего не значит»

Вернусь ко второй составляющей своей деятельности — к работе, которую всегда считал главным призванием в жизни, к исследованиям и преподаванию.

Анализ смены системы

Смена режима или системы открыла новый период в моей жизни, ведь начиная с 1990 г. я снова почувствовал своим долгом прибегнуть к *нормативному* подходу, осмыслить практические предложения в области экономической политики для Венгрии и других стран, переживающих переходный период. В то же время я не умалял важности *позитивного* подхода, необходимого для объективного понимания данной ситуации, ее описания, причинного анализа и теоретических изысканий.

Концепция системы всегда была центральной темой моих научных исследований. На протяжении десятилетий я занимался сравнительным анализом систем, сосуществующих одновременно. Теперь же мне представилась уникальная возможность пронаблюдать и проанализировать то, как различные системы *сменяют друг друга.* Хотя выражения «смена режима» или «смена системы» употребляют все, кому не лень, к месту и не к месту, к общему знаменателю мы пока так и не пришли. Некоторые толкования этого понятия настолько противоречат друг другу, что вызывают неразбериху в ходе политического дискурса.

Для себя я прояснил данную проблему, работая над книгой «Социалистическая система», где «система» фигурировала как центральное понятие уже в самом названии. Я уже говорил об этом ранее, но считаю необходимым еще раз обобщить три главных характеристики, позволяющие различать «великие» системы между собой: 1) политическая структура и связанная с ней правящая политическая идеология; 2) отношения собственности и 3) механизмы координации (рыночная координация, бюрократическая координация и относи-

тельное распространение других механизмов). Характеристики перечислены не в произвольном порядке, но по своей значимости. Заданные изначально, они определяют остальные важные черты системы: правила поведения, устойчивые рыночные силы и т.д.

Характерные черты классической социалистической системы: враждебная по отношению к частной собственности и рыночной экономике монополия коммунистической партии на власть, перекос в сторону общественной собственности и бюрократической координации. Характерные черты капиталистической системы: политический режим, поддерживающий частную собственность и рынок, доминирование частной собственности и рыночной координации. Смена системы происходит в тот момент, когда новая система, пришедшая на смену социализму, начинает демонстрировать характеристики капитализма.

Я попытался в самом что ни на есть сжатом виде охарактеризовать две системы и ситуацию смены системы, прибегнув к минимальному количеству критериев. Именно поэтому хочу обратить внимание читателей на то, что *не* относится к концепции смены системы в моей интерпретации.

Я не выношу никаких оценочных суждений. Это не означает, будто я хочу от них воздержаться — к вопросу оценки я еще вернусь. Однако концепция, сама по себе, остается позитивным, дескриптивным понятием, свободным от оценок. Я могу радоваться смене системы, а кто-то другой — осуждать процесс, но ничто не мешает нам договориться о *значении* этого слова. Было бы заблуждением смешивать наши ожидания относительно «хорошего, правильного» общества с позитивным определением новой системы. Социалистическая система — не империя зла, а капиталистическая система — вовсе не общественное воплощение гармонии, справедливости и свободы. Речь здесь идет об общих моделях реальных исторических структур.

Смена системы означает радикальную трансформацию структур, учреждений, общественных отношений, связей, типичных взаимодействий, а не смену караула между отдельными личностями или группами людей. Безусловно, существует корреляция между процессом изменения структур и институтов и процессом изменения ролей и позиций отдельных лиц. Первый процесс, до определенной степени, влечет за собой второй, хотя и с определенным опозданием. Он же без сомнения является определяющим, тогда как второй процесс можно рассматривать, скорее, как побочный эффект.

Наконец, еще одно предупреждение: смена системы может произойти и в том случае, если новым методом управления будет не демократия, а какая-нибудь тирания, авторитарный политический режим, военная диктатура и т.д. Данное мною определение подразумевает лишь то, что новая система поддерживает проявления капиталистической экономики — частную собственность и рынок, и не препятствует, но способствует их распространению. На смену политической структуре социалистической системы может прийти военная хунта на манер пиночетовской, власть семейной клики, выросшей из

бывшей номенклатуры (как это произошло в странах Центральной Азии), или долгосрочная гегемония группы, по-прежнему называющей себя партией марксистско-ленинского толка (возможный сценарий для Китая или Вьетнама). Восточной Европе исторически невероятно повезло, ведь у нас смена системы привела к замене диктатуры на демократию.

Капиталистическая экономика может существовать и без демократии. В истории тому есть целый ряд примеров. Обратная же ситуация невозможна. Как показывают логика и исторический опыт, демократия без капиталистической системы существовать не может*.

«Переход от социализма к капитализму: что он означает и чего не означает» — исследование под таким заголовком было опубликовано в 2000 г. в самом читаемом американском экономическом журнале «Journal of Economic Perspectives»**. Хотя данная работа рассматривает проблему с позиций теории общественно-экономических изменений, в ней содержится и политическое послание. Часто можно услышать демагогические и популистские комментарии о том, что «никакой смены системы еще не произошло». Боюсь, те, кто распространяет подобные заблуждения, не понимают значений самих слов «система» и «смена системы».

Конечно, сам факт перехода от одной «великой» системы к другой, замены социализма на капитализм оставляет многие вопросы открытыми. Капитализм бывает разных типов. В одном на государство возлагается бóльшая роль, в другом — меньшая. Где-то неравенство при распределении власти, прав, имущества и доходов будет более или менее существенным. Разные типы капитализма подразумевают различную степень заинтересованности в техническом развитии и т.д. Настоящий вопрос сводится не к самому факту смены системы, а к тому, в каком конкретном направлении движутся процессы преобразования. С этим связан и нормативный вопрос, в каком направлении мы хотим идти. И здесь мы уже вынуждены выносить оценки.

Ожидания и разочарования, пессимизм и оптимизм

Многие жители Венгрии и других восточноевропейских стран пережили разочарование. От смены системы они ждали другого — большего и лучшего. Я имею в виду не только тех, кто действительно проиграл в процессе перехода: потерял работу, спустился вниз по социальной лестнице, лишился определен-

---

* В отношении данного утверждения следует оговориться: мы имеем в виду демократию, действующую в рамках современного индустриального общества. Очевидно, что ее исторический предшественник — древнегреческая демократия, была связана с иным экономическим порядком.

** Сначала я опубликовал расширенный вариант статьи в Англии (1998 a). Главный редактор упомянутого журнала позвонил мне с просьбой подготовить сокращенный вариант для специального выпуска, посвященного началу нового тысячелетия. Работа также вышла на венгерском в 1997 г. под заголовком «Смена системы: что это значит и чего не значит», а затем была переведена и на другие языки.

ных привилегий. Разочарование постигло и представителей интеллигенции, среди них и тех, чье материальное положение не ухудшилось, а улучшилось, тех, кто никоим образом не пострадал, но, порой, даже получил большее признание. Они огорчены масштабами несправедливости, бесчестности, разбазаривания государственной собственности, расстраиваются из-за пустых словесных баталий, царящих в политической жизни, от неприкрытой коррупции, от разоблачений, не несущих за собой никаких последствий, или из-за отсутствия подобных разоблачений вообще, из-за взаимопроникновения бизнеса и политики, и голосов, полных ненависти. Их чувство справедливости страдает от зрелища показного богатства и ужасающей бедности рядом с ним.

Я и сам разделяю чувство горечи и возмущения со своими товарищами. Однако не сказал бы, будто чувствую себя обманутым. Мы испытываем разочарование, когда ждем чего-то большего, а мои ожидания, судя по всему, оказались скромнее, нежели прогнозы друзей и знакомых, которым кажется, что смена режима не оправдала их надежд.

В одной из предыдущих глав я уже цитировал работу, опубликованную в 1980 г. В ней я с иронией описывал тех, кто представляет себе историю в виде удобного супермаркета, где можно погрузить в тележку любые понравившиеся составляющие различных систем и забрать домой в комбинации, составленной по собственному вкусу. История предлагает нам «наборы» — среди них и нынешний капитализм, со всеми его имманентными проблемами, характерными именно для этой системы.

В 1983 г. я опубликовал работу под названием «Здоровье наций»[243], в которой кратко описал патологию семи тяжелых заболеваний: инфляции, безработицы, дефицита, несоразмерного роста внешнего долга, проблем роста, опасного неравенства и бюрократизации. (Список, конечно, можно было и продолжить). Затем я взял на себя смелость утверждать, что абсолютно здоровых социоэкономических систем не существует, зато болезни мы можем выбирать сами! Надо радоваться, если нам удастся создать такой общественный порядок, в котором будут присутствовать лишь две или три болезни. В худшем случае, страна будет мучиться от четырех или пяти заболеваний.

Массовая безработица как результат перехода от социализма к капитализму не вызвала у меня удивления. Максимум, что мы могли сделать, — попытаться существенно сократить ее масштабы, но совершенно избежать безработицы мы не могли. Я совсем не удивился, когда разрыв в доходах стал резко расти. Радикальное выравнивание было невозможно, однако стоило приложить усилия и помочь неимущим, а также гарантировать условия для сохранения человеческого достоинства.

Реалистичность моих ожиданий по сравнению с представлениями многих представителей интеллигенции была обусловлена рядом факторов. Сравнение систем — моя профессия. Десятилетиями я стремился познать природу социализма и капитализма и сравнивал две эти системы. Кроме того, мои представления о развитых капиталистических странах основывались не только на кни-

гах и случайных туристических поездках, но и на многолетнем повседневном опыте жизни в этих государствах. У меня была возможность сопоставить утверждения источников с тем, что я видел собственными глазами. Могу с уверенностью заявить: никаких иллюзий по отношению к капитализму я не испытываю*. Осознавая все его недостатки и морально отвратительные черты, я решил для себя, что предпочту капиталистическую систему жизни в самом веселом бараке социалистического лагеря.

Должен добавить еще одно объяснение, почему смена системы не разочаровала меня. В моем сознании глубоко укоренилось правило анализа: при изучении явления следует строго разграничивать позитивный и нормативный подходы. Каждый имеет право следовать за мечтой. Было бы совсем грустно, если бы поэты разучились это делать. Но меня раздражает, когда люди, считающие себя специалистами в области общественных наук, смешивают утопию с реальными возможностями. Особенно неприятно наблюдать, как они путаются в идеях и обращают эту путаницу в преимущество, а потом лишь пожимают плечами, когда с них требуют отчета о возможности реализации их мечтаний.

Бывает, что в компании интеллектуалов я остаюсь в одиночестве, считая смену системы огромным достижением. Ощущение, что я участвую в счастливом повороте истории, не покинуло меня после спада первой эйфории 1989–1990 гг. Я продолжаю так считать и сегодня, пятнадцать лет спустя.

Когда-то я пытался привезти с Запада целый чемодан дефицитных товаров, недоступных дома; сегодня выбор в будапештских магазинах богаче, чем в Бостоне. Было время — приходилось по блату ставить телефон; теперь же телефонные кампании соревнуются за меня как за абонента. Может статься, именно я, автор книги под названием «Дефицит», и остался тем единственным человеком, который придает такое значение уничтожению хронического дефицита. Остальные, даже те, кто постарше, уже и не вспоминают, как мы когда-то роптали.

Раньше мне приходилось просить секретаря парторганизации и начальника отдела кадров о разрешении на выезд за границу. Сегодня я могу сесть в поезд или самолет, когда пожелаю. Бывало, мы понимающе перемигивались, если кому-то удавалось протащить в опубликованном тексте критический выпад. Сегодня только ленивый не нападает на политических лидеров в газетах или на телевидении. Я не воспринимаю проделанный нами путь как нечто *само собой разумеющееся*. Стоит сказать об этом друзьям, как все соглашаются. «Ну да, конечно, ты прав, но...» — говорят они и тут же снова начинают жаловаться или возмущенно перечислять все, что их раздражает в дне сегодняшнем.

---

* Я наблюдаю сходство двух видов иллюзий. «Новые левые» создавали фантазии на тему социалистической утопии и с отвращением отвергали реализованный социализм. В то же время до смены режима у многих представителей интеллигенции сложилось иллюзорное представление о Западе, тамошней демократии и рыночной экономике. Столкнувшись с реальным капитализмом, они испытали разочарование, ведь они сравнивали его не с реальными ожиданиями, а с собственной утопией.

Я вовсе не утверждаю, будто начисто свободен от разочарований. Случались вещи, к которым я не был готов, а если и был, то не думал, что они проявятся с такой силой. Говорю об этом со всей самокритикой. Речь не о разрушительных или отвратительных явлениях, которые нельзя было предугадать, но о том, что я мог бы предусмотреть, если бы проанализировал возможные изменения глубже и тщательнее.

Я, например, был несколько наивен в своих представлениях о работе парламента. Это заметно в «Пути к свободной экономике». Я ожидал слишком многого от разделения ветвей власти, думая, что законодательная ветвь сможет действенно контролировать исполнительную. Возможно, я представлял себе отношения между Президентом США и Конгрессом как один из величайших моментов истории американской демократии. Я находился под сильным впечатлением от уотергейтского дела, когда сенаторы и депутаты, включая товарищей Никсона по Республиканской партии, довели до конца расследование, приведшее, в конечном итоге, к отставке президента. Кроме того, я смотрел по телевизору заседания сената и палаты представителей и видел, как законодатели пытаются контролировать работу правительства, зачастую выходя за рамки односторонних партийных интересов. «Зачастую» — слово не случайное, так как им не всегда это удавалось*. Даже в условиях устоявшейся демократии было бы наивно полагать, будто один факт избрания депутатом поднимает человека на моральную высоту, на которой он будет думать исключительно о благе страны и своих избирателей, независимо от интересов собственной партии и правительства, которое она поддерживает. Следовало более трезво оценивать совместную работу парламентского большинства и правительства в нормальных условиях. Пришлось мне усвоить этот урок на примере новых демократий в Венгрии и других восточноевропейских государствах.

Я не был готов к проявлениям национализма, буквально взорвавшим бывший социалистический мир. В какой-то степени я мог этого ожидать, но не думал, что они окажут столь значительное влияние на политическую и интеллектуальную жизнь и на отношения между людьми.

Распались этнически гетерогенные федерации, такие как Советский Союз и Югославия. В бывшей Югославии войны начали вспыхивать одна за другой. На территории СССР шла война между Азербайджаном и Арменией, и долго продолжался вооруженный конфликт с чеченцами. Даже там, где дело не дошло до вооруженного конфликта, вырвались наружу стремления к национальной независимости, которые до сих пор всячески подавлялись. Чехословакия распалась на два государства. Между соседними государствами Восточной Европы то тут то там возникают очаги напряженности в связи с положением национальных меньшинств. Этнические меньшинства требуют для себя все

* Те, кто верит в американскую демократию в самой стране и за ее пределами, с тревогой отмечают, что законы, предназначенные для предотвращения террористической угрозы, ограничивают также и права человека. Надеюсь, силы американской демократии смогут защитить свои достижения, как уже не раз случалось в прошлом.

больше прав. В прошлом доминирующие этнические группы (например, русские) вдруг становятся меньшинствами (иногда притесняемыми меньшинствами) в новообразованных государствах.

Параллельно с международными конфликтами на национальной почве в отдельных странах проявляются столь же разрушительные и отвратительные явления внутреннего порядка. К ним я бы причислил ксенофобию, презрение по отношению к народам, населяющим соседние государства, а также антицыганские и антисемитские настроения. Все эти явления поначалу проявляются спорадически, затем набирают силу и, наконец, становятся социально приемлемыми.

В первой и второй главах данной книги я писал о том, что значил для меня в детстве и юности тот факт, что я родился евреем. В последующие пятьдесят лет своей жизни я, конечно, не забывал об этом, но особого значения своему происхождению не придавал. Мне было все равно, что Маркс был евреем, а Сталин не был; сначала я верил обоим, а после разочаровался и в первом, и во втором. Мне было все равно, что Ракоши был евреем, а Кадар не был; поначалу я обоим доверял, но впоследствии был в оппозиции и к Ракоши, и к Кадару. Мне было все равно, есть ли евреи среди тех, чьи труды оказали на меня влияние, кто нападал на мои работы и публиковал их, кто не давал мне преподавать в университете и приглашал меня на должность профессора. Я не расист. Мне все равно, кто считался евреем по нюрнбергским или венгерским законам, предписывавшим носить желтые звезды. Я вспомнил о своем еврейском происхождении, когда прочел статью венгерского поэта Шандора Чори, заявившего, будто после Освенцима бессмысленно рассчитывать на то, что евреи, живущие в Венгрии, станут настоящими венграми*. Я, значит, для него не вполне венгр?

Я не намерен перенимать у антисемитов и прочих расистов классификацию по расе или религии. Могу сформулировать свою позицию по этому поводу следующим образом: я еврей, ради защиты собственного человеческого достоинства, из чувства самосохранения. Если передо мной антисемит, то я с гордо поднятой головой заявляю: да, я еврей. В целом, дискриминация людей по какому бы то ни было признаку представляется мне аморальной и отвратительной.

Вынужден признать: я не думал, что доживу до того дня, когда найдутся люди, способные вернуть «еврейский вопрос» на повестку дня. В этом смысле эпоха, наступившая после смены режима, принесла мне разочарование.

Я уделил достаточно места описанию негативных явлений и тому, как некоторые из них застигли меня врасплох, дабы не предстать перед читателем в качестве некритичного наблюдателя произошедших перемен. Общество, в кото-

---

* «Советская республика, эпоха Хорти и, в особенности, Холокост положили конец возможности интеллектуальной и духовной интеграции... теперь либеральное венгерское еврейство стремится ассимилировать венгров в отношении стиля и мировоззрения. С этой целью была даже создана парламентская платформа, о которой ранее и речи быть не могло» (Csoóri, 1990. 5 p.).

ром мы живем, находится в стадии брожения, в нем уживаются и добро, и зло, и высокое, и низкое. Объективных правил по вычислению пропорций не существует, и каждый испытывает эту необычную смесь на собственном опыте.

Вокруг себя я вижу много пессимистов. «Что на это скажешь?» — спрашивают меня друзья и начинают пересказывать очередную жуткую историю. Что я могу им ответить? Если я начну описывать позитивные стороны смены системы и результаты будущего развития, это будет похоже на казенный оптимизм партийных агитаторов и работников культпросвета. Автобиография позволяет ограничиться обоснованием собственного пессимизма и оптимизма.

До смены режима я склонялся к пессимизму особого свойства. «Пессимизм не может удержать от действий», — писал я в 1983 г. в исследовании «Здоровье наций». Там же я процитировал отрывок из «Чумы» Камю, где главный герой, врач Риэ, беседует со своим другом Тарру, который помогает ему бороться с чумой: «— Да, — подтвердил Тарру, — понимаю. Но любые ваши победы всегда были и будут только преходящими, вот в чем дело. — Риэ помрачнел. — Знаю, так всегда будет. Но это еще не довод, чтобы бросать борьбу»*[244].

В 1986 г. в предисловии к американскому изданию моей книги «Противоречия и дилеммы» я писал: «Должен предупредить читателя: это не оптимистичная книга. Но и не пессимистичная. У венгров есть вековая традиция: ты покоряешься судьбе, отчаиваешься, гневаешься, благоприятный исход событий кажется маловероятным — но ты продолжаешь честно работать ради лучшей доли. Те, кто читал классиков венгерской драмы или поэзии (некоторые переведены на английский) или слушал музыку Бартока, поймут это противоречивое настроение. Возможно, представитель серой и менее философической профессии, а именно экономист, сумеет сохранить эту традицию»[245].

Что касается меня, смешанные пессимистически-оптимистические настроения после смены режима обратились в оптимизм. Было бы безответственно оценивать в нескольких строках благоприятные и неблагоприятные черты перемен, происходящих в мире и в стране, — на это и еще одной книги будет мало. Отмечу лишь некоторые явления, чтобы проиллюстрировать, какие изменения повлияли на мое мировосприятие. Не стану отрицать наличие проблем, я их отлично вижу. И все же, с тех пор как для сотен миллионов жителей постсоциалистического пространства открылся путь к свободе, я стал иначе видеть будущее. Новая мощная волна демократии обогатила прежние демократические устремления. Рассуждая с исторической точки зрения, площадь территорий, находящихся под властью тиранов, существенно сократилась, стало куда больше мест, где действуют сильные или слабые демократические институты. Если же кое-где процесс затормаживается или даже поворачивает вспять, я уверен, что это явление временное. Я тоже содрогаюсь, когда узнаю об ужасах терроризма, и чувствую, к каким непредвиденным последствиям может привести ситуация, если оружие массового поражения по-

* Цит. по пер. Н. Жарковой: *Камю, Альбер.* Избранные произведения. М., 1993. С. 180. — *Прим. пер.*

падет в руки террористов. Несмотря на это, я верю, что исторический процесс распространения демократии, учитывая тенденцию прошлых десятилетий и столетий, будет продолжаться и в будущем.

Производство растет повсюду, хотя и неодинаковыми темпами, развивается техника, а с ней — и качество источников энергии, доступных человеку. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что новые трудности будут возникать постоянно, но и рыдать над недостатками «общества потребления» или проблемами, вызванными старением человечества и распространением компьютеров, не намерен. Я радуюсь, когда в деревнях проводят электричество или строят водопровод, когда удается победить эпидемию или продлить срок человеческой жизни, когда современные информационные технологии позволяют эффективнее связывать людей друг с другом. Я стал оптимистом, который видит проблемы и стремится их устранить.

Коллегиум Будапешт

После смены режима условия моей работы в Будапеште существенно изменились. С 1955 г. я был сотрудником Института экономики Венгерской академии наук, за вычетом тех девяти лет, когда был вынужден работать в другом месте. В 1992 г. меня пригласили принять участие в работе нового учреждения — Коллегиума Будапешт. Я принял приглашение и стал одним из основателей Коллегиума, основного места работы в Будапеште вместо Института экономики. Как всегда при переходе с одного места на другое, я испытывал смешанные чувства. С институтом меня связывало множество эмоциональных нитей, воспоминаний, дружеских отношений. Со многими его сотрудниками я продолжаю поддерживать тесную связь*.

Инициатором создания Коллегиума стал профессор Вольф Лепенис, ректор аналогичного учреждения Wissenshcaftskolleg (WIKO) в Берлине. Берлинский институт был создан по образцу Принстонского института специальных исследований. Как я уже описывал выше, институт подобного типа дает уникальную возможность приглашенному исследователю в течение целого года полностью посвятить себя размышлениям, исследованиям, написанию работ, обучению, освобождая его от преподавания и административных обязательств. Вольф Лепенис и его ближайший коллега Йоахим Неттельбек, секретарь Берлинского института, решили, что пришло время создать институт специальных исследований и в Восточной Европе. После некоторых сомнений и оценки возможностей в Польше и Чехии они, наконец, выбрали в качестве партнера Венгрию и начали собирать команду спонсоров из нескольких западноевропейских правительств и фондов.

---

* В главе 11, описывая институтскую жизнь, я упомянул о нашей традиции вместе собираться на обед в 11.30. Годы моей работы в институте не прошли даром. Бывшие сотрудники группы Корнаи, которые до сих пор работают в институте, и по сей день ходят на обед в 11.30 — не только, когда я их навещаю, но и в другие дни.

Профессор Лепенис предложил мне сотрудничество еще на первой стадии переговоров. Пост ректора я занять не мог, так как проводил половину времени в Гарвардском университете, но согласился стать постоянным сотрудником Коллегиума, членом его немногочисленного административного штаба.

Я с радостью посвятил часть своих сил работе на благо Коллегиума — так, например, я каждый год участвовал в отборе приглашенных исследователей. Коллегиум является международным институтом, действующим на территории Венгрии. Наша цель — приглашать в равных пропорциях венгров (включая тех, кто живет и за пределами страны) и иностранцев, как с Востока, так и с Запада.

Коллегиум является центром междисциплинарных исследований, что и делает его столь привлекательным. За обедом можно услышать беседу сидящих рядом генетика и музыковеда, философа и историка. Каждый член Коллегиума обязан отчитаться перед остальными о своей работе в рамках семинара таким образом, чтобы его поняли представители других областей науки. При выборе кандидатов большое внимание уделяется разумному балансу дисциплин.

Часть приглашенных исследователей работает в одиночестве, в своей области. Другие объединяются в группы. Периодически формируются фокус-группы для работы по определенной теме. Я трижды выступал инициатором создания подобных исследовательских групп. Последней группой я руководил совместно с профессором Сьюзан Роуз-Акерманн из Йельского университета. Тема нашего исследования, в котором принимали участие экономисты, социологи, политологи, антропологи, философы и правоведы, была заявлена как «Честность и доверие в свете постсоциалистического перехода». Было подготовлено более сорока работ, а избранные материалы исследования — опубликованы в двух томах в 2004 г.[246]

В ходе данного проекта я обнаружил, какие высокие стены отделяют друг от друга различные общественные науки. Это постоянно проявлялось на внутренних семинарах фокус-группы, когда ее члены знакомили коллег со своей работой: каждая дисциплина пользовалась собственным языком, собственным понятийным аппаратом, привычными методами исследования. Все отлично владели классическими источниками и новейшими, самыми модными теориями в своей области, но плохо разбирались в языке, литературе и методологии других дисциплин. Необходимость обращаться к представителям других общественных наук и объяснять им свои идеи на понятном для всех языке вынуждала участников группы к непривычной дисциплине мышления. Мы регулярно выясняли, например, что вещи, очевидные для экономистов, вовсе не являются таковыми для социологов или юристов, привыкших к иным аксиомам и методам. Будучи членами группы, все мы не только обрели новые знания и достигли научных результатов, но и получили опыт междисциплинарного сотрудничества.

В делах Коллегиума порой *приходилось* принимать непростые решения. Не раз *приходилось* воевать за сохранение целостности института как уникаль-

ного для Венгрии учреждения, его интеллектуальной и политической независимости, тактично, но решительно отклонять любые попытки оказать на нас политическое давление. Работа, с этим связанная, не привлекала к себе внимания общественности и не получила никакого признания. И все же я отношу ее к самым значительным достижениям своей жизни.

На сегодняшний день, я — единственный научный сотрудник института, который работает в нем со дня основания. Получив статус почетного постоянного члена Коллегиума, я был освобожден от административных обязательств и продолжаю участвовать в жизни института как ученый. Как и в тот день, когда я впервые вошел в прекрасное и полное достоинства здание, я и сегодня испытываю интеллектуальную и эстетическую радость от всего, что меня здесь окружает. Стоит вечером ступить за ворота, взглянуть на подсвеченную колокольню собора Матяша, как проникаешься удивительным настроением улочек и площадей будайской крепости и снова и снова понимаешь, какая это привилегия — работать в таком волшебном окружении и в таких спокойных условиях.

Великолепное интермеццо: семидесятый день рождения

Предыдущий и последующий разделы посвящены работе, но мне хотелось бы рассказать об эпизоде личного характера, который имел место в Коллегиуме Будапешт.

Моя супруга Жужа подготовила празднование моего семидесятого дня рождения в полнейшей тайне. Как я выяснил впоследствии, тогдашний ректор института, Габор Кланицаи, оказал ей всяческую помощь и предложил провести праздник в Коллегиуме.

Вечером того дня Жужа попросила меня одеться как следует, под предлогом праздничного ужина. Я даже галстук повязал. Мы сели в машину и отправились в Коллегиум. Тут-то все и раскрылось: меня ждал банкет по случаю дня рождения! Жужа пригласила пятьдесят человек — всех членов семьи, живущих в Венгрии и за рубежом, и самых близких друзей. Все приехали и до последнего хранили свое прибытие в тайне. Я действительно только на месте узнал, зачем мы собрались.

Когда все подоспели, мы собрались в лекционном зале. Первой на трибуну вышла Жужа и начала с благодарности всем, кто помог устроить праздник. Первым она упомянула нашего дорого друга, Петера Ханака, историка, который принимал участие в приготовлениях, но, к сожалению, ушел от нас незадолго до праздника. Она могла бы говорить и дольше, но после первых фраз голос ее задрожал, слезы подступили к глазам. Под аплодисменты Жужа сошла со сцены.

За трогательной прелюдией последовало выступление квартета «Ауэр», исполнившего струнный квартет Моцарта, моего любимого композитора. Музыкантов пригласил Лайош Векаш, первый ректор Коллегиума Будапешт, большой любитель музыки.

Затем прозвучали жизнерадостные поздравления друзей, в которых они вспомнили забавные эпизоды прошлых лет. Петер Кенде рассказал о первых годах нашей дружбы в начальной школе: когда родители предложили Петеру пригласить меня на день рождения, он сказал: «Нет-нет, он же драчун!» Я не мог поверить своим ушам — как это, я — и вдруг драчун? После этого слово взял Дёрдь Литван, за ним Андраш Надь поделился воспоминаниями о нашей институтской жизни. Всем, кто близко знает меня, известно: ни один обед не проходит без того, чтобы я не уронил или не пролил на себя что-нибудь. Такое случилось со мной и в самом начале моей работы в институте, причем я умудрился запачкать совершенно новый костюм. Друзья предложили быстро отнести брюки в ближайшую химчистку, где бы мне сразу вывели пятно. Я заперся в кабинете в одних трусах, и тут вдруг зазвонил телефон. Из химчистки сообщали, что брюки будут готовы только к следующему утру. На мое счастье, это оказалась всего лишь шутка, и вскоре я получил их назад.

Михай Лаки тоже рассказал несколько смешных историй, связанных со мной. Как-то он отдыхал с семьей в доме отдыха в Матрахазе, я тоже был там, но вместо отдыха с головой погрузился в работу. Тем не менее, я присоединялся к друзьям во время прогулок. Прежде чем отправиться гулять, я обычно смотрел на часы и говорил: «У меня есть час на прогулку». История вполне достоверная. С тех пор эта фраза стала нашей семейной поговоркой. Когда мы идем гулять, я смотрю на часы и сообщаю, сколько у нас «времени Лаки» на прогулку.

Начался ужин. За столом мой сын Андраш выступил с шутливой речью от имени детей, а затем Жофи, моя шведская внучка, на чистейшем венгерском языке произнесла трогательные слова от имени внуков, наконец, Ютка Римлер произнесла тост от имени друзей и преподнесла специально изготовленную для этого случая табличку «Орден Великого Пса». Это действительно была большая честь, ведь Ютка ценит собак превыше всего.

Оглядывая сидящих за столом, я испытал настоящее счастье. Мне выпала редкая возможность собрать вместе троих детей, всех внуков и ближайших родственников в Будапеште, а с ними — и многочисленных друзей. Это не был круг друзей, которые встречаются регулярно. Некоторые были знакомы между собой, но были и те, кто встретились здесь впервые. И связало их вместе желание поздравить меня.

Мне и раньше доводилось участвовать в подобных чествованиях. У нас в семье стало традицией отмечать дни рождения не просто короткими поздравлениями и вручением подарков, но устраивать целую серию мероприятий. Я горжусь тем, что не раз принимал участие и в других, более официальных церемониях: когда получал почетные докторские звания в различных университетах, когда французский посол в Будапеште пригласил моих друзей на вручение мне ордена Почетного легиона или когда коллеги и друзья поздравляли меня с семидесятым и семьдесят пятым днем рождения. По случаю семидесятого дня рождения мне вручили два юбилейных сборника — в Будапеште

и в Кембридже, один — под редакцией Яноша Гача и Яноша Кёллё и второй — под редакцией Эрика Маскина и Андраша Шимоновича[247]. Каждое такое событие было для меня большой радостью, но вечер, устроенный Жужей в честь моего семидесятилетия, стоит особняком. В этот вечер я был окружен необычайной любовью и теплом и вспоминаю о нем как об одном из счастливейших моментов своей жизни.

Гарвард: преподавание и прощание

Мои ежегодные перелеты из Будапешта в США и обратно продолжались и после смены режима. Теперь и в Гарвардском университете приходилось отвечать новым требованиям, которые поставили передо мной события 1989–1990 гг.

В западном мире Гарвард традиционно выполнял роль центра по изучению Советского Союза и коммунистической системы благодаря нескольким факторам. Именно здесь продолжал свою работу после отъезда из СССР автор классической экономической теории Александр Гершенкрон, а также лауреаты Нобелевской премии по экономике Василий Леонтьев и Саймон Кузнец. Все трое сохранили интерес к тому, что происходило в восточной части земного шара, а те, кто интересовался Советским Союзом, коммунистической системой и Восточной Европой, рано или поздно оказывались в знаменитом Русском исследовательском центре. В университете также работал известный Центр дальневосточных исследований, в работе которого принимали участие виднейшие специалисты по Китаю. В период своего пребывания в Гарварде я поддерживал тесную связь с данными научными центрами и многими сотрудниками и не раз выступал в них с лекциями.

Падение Берлинской стены вызвало бурю страстей. Не было, наверное, ни одного профессора, который бы — пусть и на короткое время — не заинтересовался новыми государствами, возникшими на постсоветском пространстве, и странами Восточной Европы. У одних коллег времени и сил хватило лишь на пару молниеносных визитов на конференции. Другие — и среди них попадались люди исключительно способные — в течение нескольких лет посвящали всю свою энергию проблеме постсоциалистического перехода.

У меня дома часто раздавались звонки: то один, то другой коллега собирался в Будапешт или в одну из бывших соцстран и просил меня рассказать, как там обстоят дела. Меня приглашали на различные университетские семинары. Однажды мне даже пришлось популярно объяснять (в одной-единственной лекции!) тысячной аудитории, состоявшей из студентов старших курсов, как работает социалистическая система, и что означает переход от одной системы к другой. Выступление в Сандерс-театре — обитом деревом зале, где мы с женой часто слушали концерты, — запомнилось мне надолго.

В течение нескольких лет после смены режима я проводил в преподавательском клубе «семинары за ужином» и приглашал на них всех преподавателей,

кто так или иначе занимался переходным периодом в постсоциалистических странах — изучал его, преподавал или давал консультации. Мы собирались регулярно, и каждый участник семинара делился своими впечатлениями, после чего начинались любопытнейшие дискуссии; порой доходило и до настоящих столкновений.

Интерес к новой ситуации проявляли не только преподаватели, но и студенты. На мой курс по социалистической системе всегда записывалось много народу, значительно больше, чем на другие факультативные семинары для аспирантов. Теперь же число студентов возросло даже по сравнению с недавним прошлым. С наступлением 1990-х годов стало приезжать все больше студентов из бывших соцстран — среди них было немало русских, украинцев, румын, болгар, узбеков и, как и раньше, очень много китайцев. Особенно приятно мне было видеть венгерских студентов.

Преподавание всегда требовало от меня длительной подготовки, но теперь задача усложнилась. Политический поворот, смена режима предъявляли серьезные требования ко всей сравнительной экономике, «советологии» и к специалистам по Восточной Европе. Некоторые коллеги просто прекратили исследования в этой области, так как прошлый опыт казался им бесполезным. Другие же экономисты, включая меня, засучили рукава и принялись за работу.

Мои соображения по поводу социалистической системы вызревали долго, за ними — десятилетия исследований, библиотечной работы. Что же касается учреждений, политической и экономической структуры постсоциалистического пространства, то они находились (и продолжают находиться) в состоянии постоянной и быстрой трансформации. Я прекрасно понимал и откровенно признавался студентам, что в этом случае могу передавать им еще не окончательно сформированный материал. Но и это представлялось мне более полезным, нежели молчание.

Быть специалистом по транзитологии — т.е. экономике переходного периода, можно только временно. Смысл заложен в самом названии: когда переход заканчивается, исчезает и сама область исследований. Однако если мы сумеем удачно использовать уникальную возможность, то приобретаем неоценимый опыт, который затем сможем применить в разнообразных целях. История предоставляет нам лабораторию, где мы своими глазами можем наблюдать, как в крайне сжатые, по меркам мировой истории, сроки происходит масштабная трансформация. Оглядываясь назад, я жалею не о том, что с несколькими коллегами занялся транзитологией, но о том, что экономика (и общественные науки в целом) не сумела в полной мере воспользоваться фантастическими возможностями для исследований.

На первом этапе преподавания экономики переходного периода я думал, что не смогу в одиночку дать надлежащую картину явления. Я организовал серию лекций и пригласил в качестве выступающих «тяжелую артиллерию». На лекции пришло много студентов, они задавали интересные вопросы. Тем не менее, в личных беседах студенты стали все чаще признаваться в том, что

материал не укладывается у них в головах. Каждый лектор привносил в аудиторию собственные теории, методы исследования и заранее выработанные мнения (и это нормально); но студенты были не в состоянии систематизировать услышанное. Когда контуры переходного периода стали более или менее проясняться, я попробовал прочесть серию лекций сам, исходя из единой структуры и линии рассуждений. Студенты приняли такой формат с удовольствием. Однако здесь я не стал пытаться повторить опыт курса по социалистической системе и не переработал лекционный материал в книгу, хотя необходимость в обобщающей монографии по экономике переходного периода не отпала — но это задача уже следующего поколения исследователей.

Время шло, пора было задуматься о будущем. Предваряя дальнейшее повествование, должен немного рассказать об условиях выхода на пенсию в Америке. В этой стране закон запрещает дискриминацию по возрасту. Работодатель может уволить работника на том основании, что не нуждается в его услугах — и последнему может быть и 30, и 70 лет. Закон, однако, не допускает ситуации, когда человеку в определенном возрасте, лет, скажем, в 60 или 65, сообщают, мол, время пришло, пора на пенсию. Старость не может являться законным основанием для увольнения. В случае со штатным профессором подобная защита дополняется еще рядом привилегий. Как я уже рассказывал, в связи с этим своеобразным институтом, университет не может уволить штатного профессора. В конечном итоге выходит, что для данной привилегированной категории, к которой относился и я, не существует обязательного пенсионного возраста в отличие от европейской практики, где подобная граница есть. Университетский профессор в США может сам решать, когда ему выходить на пенсию. При желании он может работать до тех пор, пока позволяет физическое состояние.

Существует сравнительно скромная государственная пенсия, примерно, на уровне прожиточного минимума — на нее имеет право любой гражданин, делавший отчисления в фонд социального страхования. Помимо этого в течение всего времени работы преподавателя университет производит пенсионные отчисления в некоммерческий частный пенсионный фонд. Выходя на пенсию, преподаватель получает доходную часть от этих выплат, но сумма не является гарантированной, и результат зависит от многих факторов. В первую очередь — от выслуги лет и заработной платы, а также от того, какой инвестиционный портфель выбрал работодатель и каковы были доходы от выплат на момент начисления.

Что означает выход на пенсию для университетского преподавателя в Америке? Относительно денежного вознаграждения выбор очень широк: можно взять все деньги единовременно, подписать договор на ежегодные выплаты, попросить, чтобы после смерти деньги продолжали выплачивать вдове, и т.д. Если стаж преподавателя от сорока до сорока пяти лет и он прошел все ступени университетской карьерной лестницы, то выход на пенсию не означает резкого сокращения доходов и одновременно приносит освобождение от административных и преподавательских обязательств. Но если преподаватель,

вышедший на пенсию, выражает желание продолжить научную деятельность, университет поддержит его запрос на финансирование исследований, предоставит помещение и иную помощь. Пенсионер может по-прежнему находиться в бодрящей интеллектуальной атмосфере университета, ходить в библиотеку, посещать университетский бассейн, заглядывать на заседания преподавательского клуба и получать медицинское обслуживание в рамках программ, финансируемых университетом. В целом, университетский профессор в США почти ничего не теряет ни в финансовом, ни в интеллектуальном плане, зато приобретает независимость. Неудивительно, что большинство профессоров по достижении определенного возраста добровольно выходят на пенсию.

В моем случае все обстояло иначе. Ни закон, ни контракт не вынуждали меня уходить на покой. Однако нам с женой надо было заранее обдумать, до каких пор мы сможем выдерживать двойную нагрузку. Хватит ли нас и дальше на ежегодные переезды по два раза в год? До каких пор мы будем в состоянии выполнять массу административных функций параллельно в Будапеште и в Кембридже, не говоря уже о том, каких усилий требовала работа в двух местах. Мы не хотели дожидаться момента, когда неожиданная болезнь решила бы вопрос за нас, и вместо этого определили завершить американскую часть своей карьеры, пока силы позволяли нам сделать это наиболее эффективно.

По сравнению с американскими коллегами сокращение нагрузки и освобождение от преподавания оборачивались для нас не только облегчением, но и огромными потерями. Возвращение в Венгрию означало отказ от ни с чем не сравнимой интеллектуальной и культурной среды Гарварда, Кембриджа и Бостона. Напрасно мне предлагали сохранить кабинет в университете, продолжать работать в крупнейшей в мире академической библиотеке и обедать в преподавательском клубе с коллегами — всеми этими правами я уже пользоваться не могу.

После долгих размышлений мы решили: 2000–2001 академический год станет последним годом моей работы в Гарварде, а затем мы окончательно вернемся на родину.

Своим студентам я сообщил, что они станут моими последними учениками. Приятно вспомнить, как тепло они проводили меня на последнем занятии и какие душевные слова написали в анонимном опроснике кафедры по итогам обучения.

Многие пожилые люди в Будапеште рассказывали мне, как коллеги и начальство устраивали им формальные, совершенно бессмысленные проводы на пенсию. Могу со спокойной душой заявить, что моя «отвальная» прошла в атмосфере искренней дружбы и была очень содержательной. Дейл Йоргенсон в своей краткой лекции не просто дал высокую оценку моей профессиональной и общественной деятельности, но и продемонстрировал присущую ему обстоятельность. Следующим оратором стал Эрик Маскин — к тому времени он был уже экономистом не в Гарварде, но в Принстонском институте специальных исследований, откуда и приехал в Кембридж на мою прощальную вечеринку. Изрядно

снабдив свое выступление забавными эпизодами, Эрик рассказал о нашей совместной работе над теорией мягких бюджетных ограничений и о том, как мы оба занимались с одними и теми же студентами, особенно с группой исключительно способных студентов из Китая. Джефри Сакс признался, что всегда сильно нервничал, показывая мне свои работы, так как знал, что я склонен к строгим и беспристрастным оценкам. По его мнению, самым важным в моей деятельности было то, что я рассказал *правду* о мире, где царили тирания и обман. В этом отношении он сравнил меня с Адамом Михником и Вацлавом Гавелом, и это утверждение я воспринял как серьезный комплимент.

После выступлений коллег слово взял мой сын Андраш, живущий в Бостоне, и со свойственным ему юмором рассказал, какое место в моей жизни занимает наука и Гарвардский университет с точки зрения его собственного семейного опыта.

Наконец, и я произнес небольшую речь, отчасти в серьезном, отчасти в ироническом ключе. Я не мог и не хотел показать, насколько я тронут. Сложно высказать словами то, что так прекрасно может выразить музыка Шуберта: человек способен одновременно испытывать и счастье, и печаль. Целых восемнадцать лет я провел в удивительной атмосфере, учился сам, учил других, завел новых друзей. Грустно было теперь расставаться со всем этим.

За церемониями последовала череда прощаний. Мы говорили «до свидания» друзьям, прогуливались по знакомым улочкам и площадям Бостона. В последний раз совершили ночную вылазку на Гарвард-сквер и даже заглянули в ночной книжный магазин.

Мы попрощались с Андрашем, его женой Аги и детьми — теперь они будут навещать нас нечасто. Расстояния особенно мешают нам следить за тем, как растут наши американские внуки — Мишка, теперь он уже подросток, и Дани и Нори, которые только-только вступают в школьный возраст.

Мы принялись разбирать квартиру на Маунт-Обёрн-стрит, обустроенную когда-то с такой любовью. Что-то из вещей мы раздали, часть забрали с собой в Будапешт. Одна за другой наполнялись коробки, ящики, прибыли грузчики, погрузили все в контейнер и отправили в Венгрию.

Ощущение было такое, словно мы заново прокручиваем пленку с событиями первых дней, проведенных нами в квартире на Маунт-Обёрн-стрит. Снова пришлось спать на надувных матрацах. Я устроил себе импровизированный письменный стол и книжную полку в кабинете, там же поместил компьютер и папки с текущими делами. Всегда есть над чем поработать, даже в последнюю минуту. Жужа в такие моменты называет меня «стойкий оловянный солдатик». Мы даже сняли небольшое видео о последних днях в Гарварде — таких забавных и печальных.

И вот день настал. Мы отправляемся в Европу. Первым делом мы, как обычно, направились в Швецию, где провели несколько дней с нашей дочерью Юдит и внучками — Жофией и Анной. Затем — домой в Будапешт. В аэропорту нас встречали мой сын Габор с семьей — Тюнде, Юльчи и Томи. Мы надеем-

ся, что время от времени будем посещать Кембридж, но это будет уже совсем не похоже на возвращение *домой* после долгого пребывания в Будапеште. Этот период нашей жизни безвозвратно завершился.

Снова дома

Переезд в Будапешт летом 2002 г. отнял у нас много сил и времени. Стало слишком тяжело подниматься на четвертый этаж в квартиру на улице Добшинаи, где мы прожили 28 лет. Надо было найти квартиру с лифтом. Наконец, в районе Обуда нам удалось найти квартиру своей мечты. Мы обставили ее вещами, которые напоминают о любимых местах нашего прошлого. Здесь можно увидеть мебель, картины и книги, купленные в Кембридже, и рядом — предметы, украшения и снова книги, перевезенные из старой будапештской квартиры.

Любой, кто в своей жизни переезжал, знает, насколько это утомительно. В нашем случае ситуация осложнялась необходимостью объединить в новой квартире два дома — венгерский и американский. Отбирать вещи оказалось ужасно тяжело. Что оставить, что подарить, а что выбросить? Мы наблюдали, как наши пожилые американские друзья с трудом решали эту проблему, переезжая из просторных пригородных домов в небольшие городские квартиры. Теперь и мы узнали, что значит расставаться с привычной мебелью, книгами, старыми рукописями. И все же переезд пришелся ко времени. Переговоры и споры с рабочими, покупка арматуры и облицовочных материалов*, расстановка книг, коллекции аудио- и видеозаписей и тысячи других дел отвлекали наше внимание, не оставляли времени ностальгировать по Кембриджу.

«Вы что, с ума сошли? Решили переехать сюда, когда там у вас было все: работа, квартира, прекрасное окружение?» Этот вопрос нам задавали не раз.

Да, нас с тех пор окружает много неприятных и возмутительных вещей. Стоит включить телевизор или радио и послушать новости, как хочется все выключить. Не хватает сил выслушивать все эти грязные нападки, бесконечные разговоры о разоблачениях или ложных разоблачениях, от грубого тона хочется заткнуть уши. Очень уж много пустых обещаний и поверхностной информации.

Слишком часто сталкиваюсь я с грубостью, и не только в политике, но и в других проявлениях повседневной жизни. Раздражает, когда водитель принимается нервно сигналить, потому что ему пришлось прождать у светофора лишнюю секунду, раздражает невнимательность официанта или продавца в магазине.

---

* Опыт, полученный при обустройстве квартиры на улице Добшинаи, вдохновил меня на написание «Дефицита». Сравнивая ремонт в 1974-м и 2002 г., я бы мог написать неплохое ситуационное исследование о том, как рынок продавцов трансформировался в рынок покупателей, а экономика ограниченного предложения — в экономику ограниченного спроса. Тогда благодаря личным связям мы доставали на заводе бракованную ванную, теперь же могли выбирать отделочные материалы из огромного ассортимента в магазинах, забитых товарами под самую крышу.

И все же в этом мире я чувствую себя дом. Даже плохое здесь кажется своим, домашним. Я знаю, как себя вести. Знаю или догадываюсь, от чего злится водитель машины, почему продавец думает не о работе, а о чем-то другом.

Был такой старый анекдот про венгерскую делегацию в Китае. Мао Цзэдун спрашивает делегатов: «Сколько народу живет в Венгрии? — И, услышав ответ, замечает: — Везет же вам! Ведь если вас так мало, наверняка все друг друга знают».

В Америке перед гарвардским профессором открыты многие двери, но в этой огромной стране я был крохотной, никому не известной точкой. Дома все по-другому. Здесь я провел 77 лет. И знают меня, если не все, то очень многие. Хотя я и не пользуюсь широкой популярностью, многим все-таки известно, кто я такой. Захочу поговорить с министром — он наверняка меня примет, позвоню в редакцию газеты — долго представляться не придется.

Хотя физически мы теперь находимся далеко от нашего сына Андраша, живущего в Америке, зато Габор с семьей рядом, да и до Юдит с дочерьми в Швецию добираться из Будапешта ближе, не говоря о том, что мы стали гражданами Евросоюза. Особенно приятно, что теперь можно беседовать на серьезные темы и с внуками — Юльчи работает учительницей в гимназии, Жофи, Анна и Томи учатся в университете, а уж если у меня возникает проблема с компьютером, я всегда могу рассчитывать на помощь Томи. (Взвешивать плюсы и минусы в этом случае, конечно, смысла нет. Близость одного ребенка или внука никак не компенсирует тот факт, что другие дети и внуки живут далеко.)

Мы снова привыкли постоянно жить в Венгрии, не считая недолгих путешествий за рубеж. Не хватает того ощущения, которое бывало у нас в прошлом, когда, утомленные домашними бедами, мы знали, что скоро сядем в самолет и оставим позади все венгерские проблемы и вновь насладимся покоем и красотой Кембриджа*. Если же подобные мысли посещают нас, мы утешаем себя сознанием того, что теперь к концу лета нам уже не надо думать, когда начинать собирать вещи и приводить в порядок записи к лекциям. На протяжении восемнадцати лет мы жили промежутками времени по полгода или по году. Постоянные переезды туда-сюда разбивали время на мелкие отрезки. Теперь время течет равномерно.

Мы дома.

«Над чем работаешь?»

Об этом спрашивают меня каждый раз при встрече друзья и знакомые. Не могу даже представить, как бы я ответил «ни над чем». Я был дважды удостоен звания почетного профессора — в Гарвардском университете и в

---

* Весь этот покой и красота были доступны нам в том, другом мире, потому что мы были венграми, приезжавшими в Америку всего на несколько месяцев. В конечном счете, мы всегда оставались там аутсайдерами. Политические бури и социальная напряженность в США беспокоили нас куда меньше, чем наших американских друзей.

Коллегиуме Будапешт. Можно было бы прекратить работать, а на достойную жизнь нам хватило бы и без доходов от продолжения деятельности.

Наверное, придет время, когда нужно будет остановиться, но пока что (чтобы не сглазить), мне есть что ответить на этот вопрос.

Пост президента Международной экономической ассоциации (IEA) налагает на меня множество обязанностей. Кульминацией моего президентства станет Всемирный конгресс ассоциаций в 2005 г. в Марокко. В нем примут участие сотни делегатов с огромным количеством докладов. У меня, естественно, много помощников, но ответственность, в конечном счете, все равно лежит на президенте. Я уже начал готовить свою речь и, как первый представитель Восточной Европы на посту президента ассоциации, посвящу ее проблемам постсоциалистического переходного периода или, рассуждая шире, характеристикам великих исторических трансформаций. Я планирую развивать эту тему и в будущем, когда сложу с себя президентские полномочия.

А пока я отложил все дела, чтобы написать мемуары. Необычный жанр для исследователя, который всю жизнь писал монографии и научные статьи. Пора заканчивать. Меня ждет другая работа.

Ссылки

При ссылках на архивы используются следующие аббревиатуры:
ÁBTL – Исторический архив служб государственной безопасности;
IH – Архив информационной службы;
MOL – Венгерский национальный архив;
MTALt – Архив Венгерской академии наук;
OHA – Архив устной истории;
PIL – Архив политической истории и профсоюзного движения.

[1] О еврейских заложниках в школе для раввинов на улице Рёкк Силард см.: Braham, 1988 [1981], т. I, с. 386–387, далее Brámer, 1997 [1972].

[2] Fóthy, 1945. В книге Фоти имя отца не упоминается, но автор пишет об адвокатах, которых переправили с улицы Рёкк Силард в Хорти-лигет и вскоре угнали в лагеря смерти.

[3] Braham, 1988 [1981] т. II, с. 325, далее: Thassy, 1996, с. 372–376, 394–396, 418–419.

[4] Sztálin, 1951 [1924], с. 51.

[5] Ady, 2004, с. 724.

[6] Lukács, 1945; 1949 [1945].

[7] Текст заявления, прозвучавшего в начале 1920-х годов, см.: Mádl, Győri, 1980, с. 110.

[8] ÁBTL V-145-288-a, с. 514–515. Датировано 14 июня 1950 г.

[9] Kornai, 1951d, с. 5.

[10] Kornai, 1951c.

[11] Kornai, 1951b, с. 1.

[12] Kornai, 1951a, с. 1.

[13] Я не смог восстановить, какие именно работы Карделя читал после 1953 г. В качестве источника ссылаюсь на воспоминания Карделя. Составители сборника добавили в приложение несколько важных его работ, среди них – речи и статьи о самоуправлении, созданные в период с 1945 по 1955 г. (Kardelj, 1981, с. 242–264). Полагаю, мне тогда попала в руки какая-то из этих работ.

[14] Lange, 1968 [1936–1937].

[15] Kornai, 1954b.

[16] Kornai, 1954c.

[17] Nagy, 1954, с. 169.

[18] Nagy, 1954, с. 132.

[19] Kornai, 1954a.

[20] Описывая собрание «бунтарей», я опирался на следующие источники: Aczél, Méray, 1989 [1959]; Kende, 1966; Löcsei, 1995; Nagy, 1994; Szalay, 1994. Протоколы собрания хранят-

ся в MOL M-KS 276. f. 89/206. ő.e. Там же содержатся материалы Отдела агитации и пропаганды ЦК Венгерской рабочей партии, относящиеся к газете «Сабад неп», включая протоколы собраний, состоявшихся 22, 23 и 24 октября 1954 г.; резолюция, принятая на собрании, и отчет о собрании, подготовленный Отделом агитации и пропаганды.

[21] Aczél, Méray, 1989 [1959].

[22] MOL M-KS 276. f. 89/206, ő.e., c. 161–219.

[23] MOL M -KS 276. f. 53/205, ő.e., c. 1–3, 7–76.

[24] MOL M-KS 276. f. 53/ 206, ő.e., c. 31–51, 73–79.

[25] MOL M-KS 276. f. 53/ 206, ő.e., c. 34.

[26] MOL M-KS 276. f. 53/ 206, ő.e., c. 73, 74, 76.

[27] MOL M-KS 276. f. 53/208. ő.e., далее 276. f. 53/206. ő.e.

[28] Центральный комитет Венгерской рабочей партии, 1955.

[29] MOL M-KS 276. f. 53/228. ő.e.

[30] Liska, Máriás, 1954.

[31] Hegedűs, 1990.

[32] Heller, 1988 [1919–1920].

[33] Péter, 1954; 1956.

[34] Kornai, 1994c.

[35] Kende, 1955. Рукопись хранится у автора.

[36] ÁBTL, документ V-145-288/2, c. 325–326. Признание Шандора Фекете, написанное собственноручно, пункты 2 и 5. Датировано: 18 декабря 1958 г.

[37] Péteri, 2001, c. 51. Для более широкого обзора см.: Péteri, 1997.

[38] Kornai, 1990a [1957], c. 3–4.

[39] Kornai, 1990a [1957], c. 30.

[40] Kornai, 1990a [1957], c. 99.

[41] Kornai, 1990a [1957], c. 101.

[42] Kornai, 1990a [1957], c. 128.

[43] Kornai, 1990a [1957], c. 185.

[44] Kornai, 1990a [1957], c. 175–177.

[45] MTALt TMB 891/368. Протокол защиты диссертации Яноша Корнаи. Датировано: 24 сентября 1956 г. См. также: Esze, 1956.

[46] MTALt TMB 891/368, c. 41. Слова Дёрдя Петера цитирую по протоколу с некоторыми лингвистическими поправками.

[47] Мария Аугустинович на тот момент носила фамилию мужа — Герё Тамашне (жена Тамаша Герё). Под этой фамилией ее реплики были зафиксированы в протоколе.

[48] MTALt TMB 891/368, c. 2–11.

[49] Один экземпляр предложения хранится в моем личном архиве.

[50] Kornai, 1956.

[51] ÁBTL, документ V-150-352/1, c. 442. Датировано: 16 апреля 1957 г. MOL M-KS XX-5-h. I.d. 3. k., c. 92–97. Датировано: 13 июля 1957 г. Участие в подготовке правительственной программы было отмечено в моем «деле» (номер моего досье: ÁBTL C-R-N 0082-479-2. Виденный мною экземпляр датирован 21 декабря 1966 г. До этого, наверняка, существовало еще одно досье).

[52] Vida, 1992, c. 34.

[53] Gimes, 1956.

[54] Halda, 2002, c. 167.

[55] Kornai, 1990a [1957], c. 6.

[56] Esze, 1956.

[57] Péter, 1957.

[58] Ripp, 1957, c. 3.

[59] Molnár, 1957, c. 45.

[60] Gulyás, 1957–1958, c. 31.

[61] Molnár, 1957, c. 45.

[62] Kornai, 1994b [1957]. В 1957 г. вышло первое венгерское издание, а в 1958 г. — первое издание на английском языке.

[63] Статья в *Financial Times*, подписанная инициалами R.N.W.O., 1959 г., и Devons, 1959.

[64] Spulber, 1960, c. 763.

[65] Nove, 1960, c. 389.

[66] MOL M-KS XX-5-h. 50. d. 1. k. c. 48–54. Датировано: 20 марта 1957 г. Далее MOL M-KS XX-5-h 52. d. 1. k. c. 10–13. Дата: 8 мая 1958 г.

[67] MOL M-KS XX-5-h, 1. d. 4. k. c. 57–59. Дословная цитата со с. 2 и 3 протокола. Датировано: 16 апреля 1957 г.

[68] MOL M-KS XX-5-h. 86. d. 5. k. c. 49–67. Протокол допроса П.П. Отчет об участниках собрания, на который ссылается офицер, проводивший допрос, содержится на с. 51. О планах Гимеша относительно создания газеты и фактическом ее выпуске речь идет на с. 51–54. Датировано: 10 апреля 1957.

[69] MOL M-KS XX-5-h. 1. d. 4. k. c. 57–59.

[70] MOL M-KS XX-5-h. 86. d. 4. и 5. k.

[71] Исследование «Хунгарикус» было размножено и распространено довольно небольшим количеством экземпляров в узком кругу. Венгерский вариант был опубликован только в 1989 г.

[72] В 1957 г. Фейтё написал статью о «Хунгарикусе». Само исследование было напечатано без сокращений во французском переводе в издательстве Института Имре Надя в Брюсселе.

[73] ÁBTL, документ V-145-288/3, c. 482–492. Протокол допроса Й. Василиу. Датировано: 11 июня 1959 г. См. далее: Vasziliu, 1999.

[74] ÁBTL, документ V-145-288/2, c. 327. Признание Шандора Фекете, пункт 11. Далее: ÁBTL, документ V-145-288/3, c. 482–492. Протокол допроса Й. Василиу. Датировано: 11 июня 1959 г.

[75] ÁBTL, документ V-145-288/9, c. 156–160, далее c. 233.

[76] Novobáczky, 1956, c. 1.

[77] ÁBTL, документ V-145-288/3, c. 482–492. Протокол допроса Й. Василиу. Датировано: 11 июня 1959 г. ÁBTL, документ V-145-288/2, c. 326. Признание Шандора Фекете, пункт 7.

[78] ÁBTL, документ V-145-288/2, c. 327. Признание Шандора Фекете, пункт 8.

[79] Samuelson, 1976 [1948].

[80] Samuelson, 1983 [1947].

[81] Tinbergen, 1957 [1949].

[82] Hayek, 1975 [1935].

[83] Hicks, 1946 [1939].

[84] Arrow, 1951.

[85] Hayek, 1975 [1935].

[86] Bergson, 1948.

[87] Lange, 1968 [1936–1937], c. 70.

[88] Kende, 1959.

[89] Kornai, 1959.
[90] Kende, 1964.
[91] Sartre, 1991 [1946].
[92] Kornai, Lipták, 1959.
[93] Kornai, Lipták, 1962.
[94] Dorfman, Samuelson, Solow, 1987 [1958]; Koopmans, 1957.
[95] Bródy, 1969.
[96] Samuelson, 1983 [1947].
[97] Kornai, Lipták, 1963.
[98] Kornai, Lipták, 1965.
[99] Arrow, 1971.
[100] Malinvaud, 1967.
[101] Arrow, 1973b [1963].
[102] Kornai, 1967b.
[103] Malinvaud, Bacharach, 1967.
[104] Juhász, 1934.
[105] ÁBTL, M 13417/1. Отчет обо мне и его оценка на с. 35 комплекта документов. Согласно отчету, Бачкаи беседовал со мной 10 июня 1960 г. Обширное досье, в котором помимо прочих документов содержится и отчет обо мне, было заведено 25 июня 1957 г.
[106] Номер распоряжения о подготовке отчета обо мне: IH IV/1-A, датирован: 15 апреля 1965 г. Номер донесения Р.Р. обо мне: 35-634/65, 2/B-530, датирован: 4 мая 1965 г. Должен здесь отметить, что привожу в ссылках номера дел, обозначенные на копиях документов, предоставленных мне в июне 2004 г. Архивом информационной службы. По моим предположениям, оригиналы этих документов были взяты из досье, которые находились на учете правопредшественника Архива информационной службы, где у досье были свои номера для внутреннего пользования. Эти номера мне неизвестны. То же самое относится ко всем документам, которые были предоставлены мне Архивом информационной службы и на которые я буду ссылаться в дальнейшем.
[107] IH 134-216/64. Донесение Х.Х. обо мне. Дата: 2 марта 1964 г.
[108] IH VI/4-A. Дата: 26 марта 1964 г.
[109] Kenedi, 1996, с. 438. В сносках Кенеди сообщает, что основой для глоссария послужил «Словарь терминов государственной безопасности», вышедший ограниченным тиражом в издательстве Министерства внутренних дел в 1980 г., который автор дополнил из других источников.
[110] Впервые экспертное заключение было подготовлено в 1966 г., в связи с заявлением на получение заграничного паспорта для одной из моих поездок за рубеж. В одном из более поздних документов имеется ссылка на данное заключение – оттуда я и взял цитату, приведенную в тексте. Источник данного документа: IH 40-27-245/64, 213-3019, датирован 12 июня 1964 г.
[111] На фотокопии едва различим регистрационный номер: H 111/1-1 -A. 8153.
[112] Koopmans, Montias, 1971.
[113] IH – без номера. С. 18–22 в копиях документов, связанных с делом Монтиаса.
[114] IH 34-4-797/1965. Датировано: 23 апреля 1965 г.
[115] Донесение капитана З. З. IH 34-A-1027/1965. Датировано: 26 мая 1965 г.
[116] IH 34-4-797/1965. Датировано: 23 апреля 1965 г. Распоряжение, написанное от руки на странице 1.
[117] IH 59/2581-4/1965. Датировано: 22 ноября 1965 г.

[118] IH 189-193/66. Датировано: 18 мая 1966 г. IH 189-191/66. Датировано: 19 мая 1966 г. IH 189-220/66. Датировано: 6 июня 1966 г.

[119] Bolygó, 1966.

[120] Montias, 1976; Kornai, 1978a.

[121] ÁBTL 0004-470-5-MRG, c. 24. Датировано: 1 апреля 1971 г.

[122] ÁBTL 0004-470-5-MRG, c. 47. Датировано: 29 января 1989 г.

[123] Montias, 1982; 1989; 2002.

[124] Kornai, 1967a.

[125] Kornai, 1968.

[126] Neumann, 2003 [1955], c. 348–349.

[127] Kornai, 1971, c. 391. Относительно идеи «математического кристалла» см.: Heisenberg, 1967 [1958], c. 231–232.

[128] Kuhn, 2002 [1962].

[129] Arrow, 1974, c. 254; Simon, 1979, c. 508.

[130] Laibson, Zeckhauser, 1998.

[131] Слова Гайдна я прочел в одной газете. Определить источник мне не удалось. Несмотря на это, я все-таки использовал цитату: похоже, текст действительно принадлежит Гайдну, а кроме того, он иллюстрирует мою мысль.

[132] Hahn, 1973, c. 330.

[133] Из стихотворения Аттилы Йожефа «Утешение» (1933). József, 2003, c. 390.

[134] Kornai, Kovács, Schmidt, 1969.

[135] Копия письма хранится в моем личном архиве.

[136] Тибор Хусар обратил мое внимание на источники, касающиеся избрания меня академиком. MOL M-KS288. f. 36/1. ő.e. c. 9.

[137] MOL M-KS 288. f. 5/675. ő.e. c. 10.

[138] MOL M-KS 288. f. 5/675. ő.e. c. 10.

[139] MOL M-KS 288. f. 5/682. ő.e. c. 3.

[140] MOL M-KS 288. f. 5/682. ő.e. c. 7.

[141] Kornai, 1972.

[142] Kornai, 1972, c. 5.

[143] Hirschman, 1988 [1958]; Streeten, 1959.

[144] Письмо с приглашением хранится в моем личном архиве.

[145] Kornai, Martos, 1971; Kornai, Martos,1973.

[146] Kornai, Martos, 1981b.

[147] Kornai, Martos, 1981a.

[148] Kornai, 1974.

[149] Kornai, 1989a [1980], c. 583.

[150] Копия рецензии Андраша Броди хранится в моем личном архиве.

[151] Копию рецензии Лайоша Фалувеги хранится в моем личном архиве.

[152] Заметка была опубликована в еженедельной газете «Елет еш иродалом» 4 октября 1980 г. в колонке «Нечетная сторона».

[153] Kornai, 1978b.

[154] Karagedov, 1982.

[155] Barro, Grossman, 1971.

[156] Типичный пример многочисленных публикаций в духе Барро, Гроссмана и Портеса: Portes, Winter 1980.

[157] Yergin, Stanislaw, 1998, c. 277.

158 Hoffman, 2002, с. 89–90.

159 Kornai, Maskin, Roland, 2003. Венгерский вариант см.: Kornai, Maskin, Roland, 2004.

160 Kornai, Weibull, 1983.

161 Goldfeld, Quandt, 1988; 1990; 1993.

162 Dewatripont, Maskin, 1995.

163 Переписка с журналом и заметки рецензента хранятся в моем личном архиве.

164 Kornai, 1986a. Венгерский вариант статьи см.: Kornai, 1986d.

165 Qian, 1994.

166 Hicks, 1937.

167 Arrow, 1973a.

168 Schumpeter, 1980 [1911].

169 Aghion, Howitt, 1998.

170 На эту фразу я наткнулся в одной статье, автор которой ошибочно приписал высказывание Кейнсу. На самом деле слова принадлежат Уилдону Карту. См.: Shove, 1942, с. 323.

171 Kornai, 1982, с. 9.

172 Kornai, 1985.

173 Цитата из интервью, записанного Тибором Лишкой для Архива устной истории (ОНА) (интервью № 39, с. 346). Я лишь внес небольшие поправки с точки зрения языка в расшифрованный текст.

174 Szénási, 1983, с. 7.

175 Kornai, 1980, с. 20.

176 Lengyel, 2002, с. 157–158.

177 Szegő, 1983.

178 Kornai, 1983b.

179 Tardos, 1982; 1988a; 1988b.

180 Kornai, 1987, II, с. 27.

181 Gregory, Stuart 1997 [1974]. Цит. по изданию 1980 г., с. 299. В последующих изданиях учебника авторы уточнили свои представления о новом венгерском хозяйственном механизме.

182 Мюллер дает детальное описание целей, методов и организации сбора «Ежедневных оперативных операционных сводок» (NOIJ). См.: Müller, 1999.

183 ÁBTL NOIJ III/1-218-265/6, с. 3. Датировано: 10 декабря 1981.

184 ÁBTL NOIJ 111/11-80, с. 5. Датировано: 26 апреля 1985.

185 ÁBTL, замечание, написанное от руки к документу ÁBTL NOIJ III/II-80A.

186 Lejjonhofvud, 1968.

187 Dahl, 1979 [1971].

188 Lindblom, 1977.

189 Schelling, 1980 [1960].

190 Rosovsky, 1990, с. 194–195.

191 Samuelson, 1983 [1947].

192 Письмо хранится в моём личном архиве.

193 Szakolczai, 2001, с. 92.

194 Kornai, 1988b, с. 739.

195 Kornai, 1988a.

196 Sen, 1988.

197 Lindbeck, 1988.

[198] В 1985 г. издательство китайской газеты «Экономик дейли» (*Economic Daily*) подготовило сборник избранных материалов «конференции на теплоходе». В венгерском переводе книга называлась «Управление макроэкономикой и ее реформа: избранные материалы докладов на международной конференции по управлению экономикой». Так как мне не удалось выяснить выходные данные книги, она не указана в списке литературы. Часть докладов, поданных на конференцию, хранится в моем личном архиве.

[199] Kornai, 1993a, c. 25.

[200] Karsai, 1993, c. 19.

[201] Schama, 1989, c. XIII.

[202] Kornai, 1993a, c. 23.

[203] Nove, 1992, c. 101.

[204] Nove, 1992, c. 103.

[205] Ericson, 1994, c. 495, 497.

[206] Krausz, 1994, c. 158.

[207] Krausz, 1994, c. 157.

[208] Копия письма хранится в моем личном архиве.

[209] Coles, 2002.

[210] *New York Times:* Passel, 1990; *New York Times Book Review:* Bosworth, 1990; *Le Monde:* Salgó, 1990; *Neue Zürcher Zeitung:* подписано «Gy» 1991; *Financial Times:* Denton, 1990.

[211] Kornai, 1990b.

[212] Kornai, 1992b.

[213] Kornai, 1992a.

[214] Kornai, 1993c.

[215] Kornai, 1989b, c. 34–35.

[216] Szegvári, 1990, c. 5.

[217] Semjén, 1990, c. 7.

[218] Kornai, 1989b, c. 40.

[219] Переписка (в копиях) хранится в моем личном архиве.

[220] Samuelson, 1990.

[221] Klaus, Tříška, 1994, c. 482.

[222] Kornai, 1989b, c. 39.

[223] Источник данных — Центральное статистическое управление, 1996, с. 314.

[224] Kornai, 1989b, c. 122.

[225] Материалы переговоров за круглым столом опубликованы в восьми томах. Мне бы хотелось обратить внимание на пятый том — в нем содержатся важные документы по экономической политике: Ripp, 2000, c. 15–79, 571–633.

[226] Обзор программ по экономической политике различных партий и политических организаций см.: Laki, 1989; 1990.

[227] В работе комитета «Голубая лента» принимали участие венгерские и иностранные специалисты, а в группе «Мост» работали исключительно венгерские экономисты. Оба комитета представили свои предложения весной 1990 г. См.: Kék Szalag Bizottság, 1990; Hídcsoport, 1990.

[228] Réti, 1989, c. 5.

[229] Kornai, 1995b.

[230] Kornai, 1994a.

[231] Solow, 2000, c. 408.

[232] Kornai, 1996b, c. 129–144. Интервью брал Жолт Ласло Сабо, оно вышло в эфир на канале «Дуна Телевизио» 9 апреля 1995 г.

[233] Blahó, 2003.

[234] Kornai, McHale, 2001.

[235] Csontos, Kornai, Tóth, 1996a; 1996b.

[236] Bognár, Gál, Kornai, 2000.

[237] Kornai, 1998.

[238] Kornai, Eggleston, 2001. Венгерский вариант: Kornai, Eggleston, 2004.

[239] Переписка (в копиях) хранится в моем личном архиве.

[240] Копия письма хранится в моем личном архиве.

[241] Выступления, прозвучавшие на заседании парламента, содержатся на диске «Парламентский дневник 1990–2002», выпущенном издательством «Арканум», а также выложены в Интернете. Мы пересчитали ссылки, обнаруженные в выступлениях, и сгруппировали их по различным критериям. Сводные таблицы хранятся в моем личном архиве.

[242] Rosser, Rosser, 2004 [1996], c. 377–378.

[243] Kornai, 1983a.

[244] Camus, 2001 [1942], c. 117–118.

[245] Kornai, 1986b, c. ix.

[246] Kornai, Rose, Ackerman, 2004; Kornai, Rothstein, Rose, Ackerman, 2004.

[247] Gács, Köllő, 1998; Maskin, Simonovits, 2000.

Библиография

Труды Яноша Корнаи

Kornai János 1948. Marx Tõkéje magyarul. *Társadalmi Szemle,* 3. évf. 8–9. sz. 615–619. p.

– 1951a. A megnövekedett feladatok terve. *Szabad Nép*, 9. évf., január 9., 1. p.

– 1951b. A munkaidõ jobb kihasználásáért. *Szabad Nép*, 9. évf., július. 4., 1. p.

– 1951c. A takarékosság – a munkaverseny egyik központi feladata. *Szabad Nép,* 9. évf., március 18., 1. p.

– 1951d. Kövessük a csepeli példát. *Szabad Nép,* 9. évf., április 7., 5. p.

– 1954a. A Központi Vezetõség iránymutatásával tovább a júniusi úton. *Szabad Nép,* 12. évf., október 11., 3. p.

– 1954b. A villamos energia kérdése. *Szabad Nép,* 12. évf., február 11., 1. p.

– 1954c. „Egy évtized". Nagy Imre elvtárs válogatott beszédei és írásai. *Szabad Nép,* 12. évf., október 6., 2–3. p.

– 1956. Gyökerestül irtsuk ki a bürokráciát. *Szabad Nép,* 14. évf., október 14., 3–4. p.

– 1958. Kell-e korrigálni a nyereségrészesedést? *Közgazdasági Szemle,* 5. évf. 7. sz. 720–734. p.

– 1959. „Mennyiségi szemlélet" és „gazdaságossági szemlélet". *Közgazdasági Szemle,* 6. évf. 10. sz. 1083–1091. p.

– 1967a. *Anti-Equilibrium. Esszé a gazdasági mechanizmus elméleteirõl és a kutatás feladatairól.* Sokszorosí tva. Budapest, MTA Közgazdaságtudományi Intézet. На англ.: *Anti-Equilibrium: On Economic Systems Theory and the Tasks of Research.* 3rd ed. Amsterdam: North-Holland, 1991. (First ed. published in 1971.)

– 1967b. Mathematical Programming of Long-Term Plans in Hungary. In Malinvaud, Edmond – Bacharach, M. O. L. (eds.): *Activity Analysis in the Theory of Growth and Planning.* London – New York, Macmillan – St. Martin's Press, 211–231. p.

– 1968. *Anti-Equilibrium.* Mimeographed. Budapest, Institute of Economics, Hungarian Academy of Sciences.

– 1971. *Anti-Equilibrium.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

– 1972. *Erõltetett vagy harmonikus növekedés.* Budapest, Akadémiai Kiadó. На англ.: *Rush versus Harmonic Growth: Meditation on the Theory and on the Policies of Economic Growth.* Amsterdam: North-Holland.

– 1973 [1965]. *A gazdasági szerkezet matematikai tervezése.* Lipták Tamás és Wellisch Péter közremûködésével. 2. bõví tett kiad. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На англ.: *Mathematical Planning of Structural Decisions.* With contributions by Tamás Lipták and Péter Wellisch. 2nd enl. ed. Amsterdam: North-Holland; Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. (First ed. published in 1965.)

– 1974. *Az adaptáció csikorgó gépezete.* Sokszorosí tva. Budapest, MTA Közgazdaságtudományi Intézet.

– 1978. John Michael Montias: The Structure of Economic Systems. *Journal of Comparative Economics,* Vol. 2. No. 2. 277–292. p.

– 1979. Resource-Constrained Versus Demand-Constrained Systems. *Econometrica,* Vol. 47. No. 4. 801–819. p.

– 1980. Hatékonyság és szocialista erkölcs. *Valóság,* 23. évf. 5. sz. 13–21. p. На русск.: Эффективность и принципы социалистической этики: некоторые дилеммы венгерской экономики // Экономика и математические методы, 1987, т. 23, № 6, с. 1077–1087.

– 1982. A magyar gazdasági reform jelenlegi helyzetérõl és kilátásairól. *Gazdaság,* 16. évf. 3. sz. 5–34. p. На англ.: Comments on the Present State and Prospects of the Hungarian Economic Reform. *Journal of Comparative Economics,* Vol. 7. No .3. 1983, 225–252. o.

– 1983a. A nemzetek egészsége. *Valóság,* 26. évf. 1. sz. 1–12. p. На англ.: The Health of Nations: Reflections on the Analogy between the Medical Sciences and Economics. *Kyklos*, Vol. 36. No. 2. 191–212. p.

– 1983b. Bürokratikus és piaci koordináció. *Közgazdasági Szemle,* 30. évf. 9. sz. 1025–1038. p. На русск.: Бюрократия и рынок // Вопросы экономики, 1989, № 12, с. 69–74.

– 1985. Játékszabályok és társadalmi realitások. In Siklaki István (szerk.): *Koncepció és kritika.* Budapest, Magvetõ, 311–322. p.

– 1986a. The Soft Budget Constraint. *Kyklos,* No. 39. No. 1. 3–30. p.

– 1986b. *Contradictions and Dilemmas.* Cambridge, MA., MIT Press.

– 1986c. The Hungarian Reform Process: Visions, Hopes and Reality. *Journal of Economic Literature,* Vol. 24. No. 4. 1687–1737. p.

– 1986d. A puha költségvetési korlát. *Tervgazdasági Fórum,* 2. évf. 3. sz. 1–18. p.

– 1987. A magyar reformfolyamat: ví ziók, remények és a valóság. *Gazdaság,* 21. évf. I. rész 2. sz. 5–46. p.; II. rész 3. sz. 5–40. p. На русск.: Венгерская реформа: подходы, надежды и реальность // Вопросы экономики, 1988, №12, 1989, № 1.

– 1988a. Individual Freedom and the Reform of the Socialist Economy. *European Economic Review,* Vol. 32. No. 2–3. 233–267. p. На русск.: Личная свобода и реформа социалистической экономики // Экономика и математические методы, 1989, т. 25, № 3, с. 405–422, № 4, с. 590–598

– 1988b. Report from the President to the Members of the European Economic Association. *European Economic Review,* Vol. 32. No. 2–3. 737–739. p.

– 1989a [1980]. *A hiány.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На русск.: Дефицит, М., Наука, 1990.

– 1989b. *Indulatos röpirat a gazdasági átmenet ügyében.* Budapest, HVG Kiadó. На русск.: Запальчивый памфлет по поводу перехода к рынку, М., Международный научно-исследовательский институт проблем управления, 1990.

– 1990a [1957]. *A gazdasági vezetés túlzott központosí tása. Kritikai elemzés könnyû ipari tapasztalatok alapján.* 2. kiad. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

– 1990b. Kiegészí tések a „Röpirathoz". *Közgazdasági Szemle,* 37. évf. 7–8. sz. 769–793. p.

– 1990c. *The Road to the Free Economy. Shifting from a Socialist System: The Example of Hungary.* New York, W. W. Norton. На русск.: Путь к свободной экономике, М., Экономика, 1990.

– 1992a. The Postsocialist Transition and the State: Reflections in the Light of Hungarian Fiscal Problems. *American Economic Review,* Vol. 82. No. 2. 1–20. p.

– 1992b. The Principles of Privatization in Eastern Europe. *De Economist,* Vol. 142. No. 2. 153–176. p.

– 1992c. *The Socialist System. The Political Economy of Communism.* Princeton–Oxford, Princeton University Press – Oxford University Press. На русск.: Социалистическая система // Вопросы экономики, 2000.

– 1992d. Visszaesés, veszteglés vagy fellendülés. *Magyar Hí rlap,* 25. évf., december 24., 12–13. p.

– 1993a. *A szocialista rendszer. Kritikai politikai gazdaságtan.* Budapest, HVG Kiadó.

– 1993b. Market Socialism Revisited. In Peterson, Grethe B. (ed.): *The Tanner Lectures on Human Values.* Vol. 14. Salt Lake City, University of Utah Press, 3–41. p.

– 1993c. The Evolution of Financial Discipline under the Postsocialist System. *Kyklos,* Vol. 46. No. 3. 315–336. p. На русск.: Эволюция финансовой дисциплины в постсоциалистической системе // Общественные науки и современность, 1994, № 4, с. 19–31.

– 1993d. *Útkeresés*. Budapest, Századvég Kiadó.

– 1994a. A legfontosabb: A tartós növekedés. [5 cikkből álló sorozat] *Népszabadság,* 52. évf., augusztus 29. 11. p., augusztus 30. 11. p., augusztus 31. 11. p., szeptember 1. 11. p., szeptember 2. 11. p. На русск.: Устойчивый рост как важнейший приоритет. Макроэкономические проблемы и экономическая политика венгерского правительства // Вопросы экономики, 1996, № 10, с. 23–38.

– 1994b [1957]. *Overcentralization in Economic Administration*. Oxford, Oxford University Press.

– 1994c. Péter György, a reformközgazdász. In Árvay János – Hegedûs B. András (szerk.): *Egy reformközgazdász emlékére: Péter György, 1903–1969*. Budapest, Cserépfalvi Könyvkiadó – T-Twins Kiadó, 75–89. p.

– 1996a. Kiigazítás recesszió nélkül. Esettanulmány a magyar stabilizációról. *Közgazdasági Szemle,* 43. évf. 7–8. sz. 585–613. p. На англ.: Adjustment without Recession: A Case Study of Hungarian Stabilization. In *Lessons from the Economic Transition: Central and Eastern Europe in the 1990s.* Edited by Salvatore Zecchini, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. 123–152. p.

– 1996b. *Vergődés és remény. Gondolatok a gazdasági stabilizációról és a jóléti állam reformjáról*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На англ.: *Struggle and Hope: Essays on Stabilization and Reform in a Post-Socialist Economy.* Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997.

– 1997. Mit jelent és nem jelent a rendszerváltás. *Kritika,* 26. évf. 8. sz. 2–8. p. На русск.: От социализма к капитализму и обратно // ЭКО, 1999, № 7, с. 2–24.

– 1998. *Az egészségügy reformjáról*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

– 2000a. Tíz évvel a Röpirat angol kiadásának megjelenése után. A szerzõ önértékelése. *Közgazdasági Szemle,* 47. évf. 9. sz. 647–661. p.

– 2000b. What the Change of the System from Socialism to Capitalism Does and Does Not Mean. *Journal of Economic Perspectives,* Vol. 11. No. 1. 27–42. p.

– 2001. Ten Years After the Road to a Free Economy: The Author's Self Evaluation. In Pleskovich, Boris – Stern, Nicholas (eds.): *Annual Bank Conference on Development Economics 2000.* Washington, D.C., The World Bank, 49–66. p.

– 2004. *What Can Countries Embarking on Post-Socialist Transformation Learn from the Experiences so far?* Cuba Transition Project. Institute for Cuban and Cuban-American Studies, University of Miami.

Bognár Géza – Gál Róbert – Kornai János 2000. Hálapénz a magyar egészségügyben. *Közgazdasági Szemle,* 47. évf. 4. sz. 293–320. p.

Csontos László – Kornai János – Tóth István György 1996a. Adótudatosság, fiskális illúziók és a jóléti rendszer reformja: egy empirikus vizsgálat elsõ eredményei. In Andorka Rudolf – Kolosi Tamás – Vukovich György (szerk.): *Társadalmi Riport.* Budapest, TÁRKI, 238–271. p. На англ.: 1983a. Comments on the Present State and Prospects of the Hungarian Economic Reform. Journal of Comparative Economics 7 (3), pp. 225–252.e State: Hungarian Survey Results. *Economics of Transition*, Vol. 6. No. 2. 1998. 287–312. p.

– 1996b. Az állampolgár, az adók és a jóléti rendszer fogalma. *Századvég,* „új folyam", 1. évf. 2. sz. 3–28. p.

Kornai János – Dániel Zsuzsa – Jónás Anna – Martos Béla. 1972. Tervszondázás. *Közgazdasági Szemle,* 19. évf. 9. sz. 1031–1050. p. На англ.: János Kornai – Zsuzsa Dámiel – Anna Jónás – Béla Martos: Plan Sounding. *Economics of Planning.* Vol. 11. No. 1–2. 1971. 31–58. p.

Kornai János – Eggleston, Karen 2001. *Welfare, Choice and Solidarity in Transition: Reforming the Health Sector in Eastern Europe.* Cambridge, MA., Cambridge University Press.

– 2004. *Egyéni választás és szolidaritás. Az egészségügy intézményi mechanizmusának reformja Kelet-Európában.* Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó.

Kornai János – Kovács János – Schmidt Ádám 1969. *Észrevételek Intézetünk munkájához: Munkastí lus, irányí tás, nevelés, szervezet.* Sokszorosí tva. Budapest, MTA Közgazdaságtudományi Intézet.

Kornai János – Lipták Tamás 1959. *A nyereségérdekeltség matematikai vizsgálata.* Sokszorosí tva. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

– 1962. A Mathematical Investigation of Some Economic Effects of Profit Sharing in Socialist Firms. *Econometrica,* Vol. 30. No. 1. 140–161. p.

– 1963. Kétszintû tervezés: Játékelméleti modell és iteratí v számí tási eljárás népgazdasági távlati tervezési feladatok megoldására. *Magyar Tudományos Akadémia Matematikai Kutató Intézetének Közleményei,* 7. évf. B. sorozat 4. sz. Budapest, Akadémiai Kiadó. На русск.: Планирование на двух уровнях (в соавторстве с Т. Липтаком) // Применение математики в экономических исследованиях / Под ред. В.С. Немчинова, М., Издательство социально-экономической литературы, 1965, т. 3 с. 107–136.

– 1965. Two-Level Planning. *Econometrica,* Vol. 33. évf. No. 1. 141–169. p.

Kornai János – Martos Béla 1971. Gazdasági rendszerek vegetatí v mûködése. *Szigma,* 4. évf. 1–2. sz. 35–50. p.

– 1973. Autonomous Control of the Economic System. *Econometrica,* Vol. 41. No. 3. 509–528. p.

Kornai János – Martos Béla (eds.) 1981a. *Non-Price Control.* Amsterdam, North-Holland.

Kornai János – Martos Béla (szerk.) 1981b. *Szabályozás árjelzések nélkül.* Budapest, Akadémiai Kiadó.

Kornai János – Maskin, Eric S. – Roland, Gérard 2003. Understanding the Soft Budget Constraint. *Journal of Economic Literature,* Vol. 41. No. 4. sz. 1095–1136. p.

– 2004. A puha költségvetési korlát. *Közgazdasági Szemle,* 51. évf. 7–8. sz. 608–624. p.; 9. sz. 777–809. p.

Kornai János – Matits Ágnes 1987. *A vállalatok nyereségének bürokratikus újraelosztása.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

Kornai János – McHale, John 2001. Eltérnek-e a nemzetközileg szokásostól a posztszocialista országok egészségügyi kiadásai? *Közgazdasági Szemle,* 48. évf. 7–8. sz. 555–580. p. На англ.: Is Post-Communist Health Spending Unusual? A Comparison with Established Market Economies. *Economics of Transition* Vol. 8. No. 2. 2000. 369–399. p.

Kornai János – Rose-Ackerman, Susan (eds.) 2004. *Building the Trustworthy State in Post-Socialist Transition.* New York, Palgrave Macmillan.

Kornai János – Rothstein, Bo – Rose-Ackerman, Susan (eds.) 2004. *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition.* New York, Palgrave Macmillan.

Kornai János – Weibull, Jörgen W. 1983. Paternalism, Buyers' and Sellers' Market. *Mathemetical Social Sciences,* Vol. 6. No. 2. 153–169. p.

Работы других авторов

Aczél Tamás – Méray Tibor 1989 [1959]. *Tisztí tó vihar. Adalékok egy korszak történetéhez.* 1–2. kötet. Szeged, JATE.

Ady Endre 2004. *Ady Endre összes versei.* Budapest, Osiris.

Aghion, Philippe – Howitt, Peter (eds.) 1998. *Endogenous Growth Theory.* Cambridge, MA., MIT Press.

Akerlof, George A. 1970. The Market for „Lemons". Quality Uncertainity and the Market Mechanism. *Quarterly Journal of Economics,* Vol. 84. No. 3. 488–500. p.

Antal László 1982. Fejlõdés kitérõvel – A magyar gazdasági mechanizmus a 70-es években. *Gazdaság,* 14. évf. 2. sz. 28–56. p.

Arrow, Kenneth J. 1951. Alternative Approaches to the Theory of Choice in Risk-Taking Situations. *Econometrica,* Vol. 19. No. 4. 404–437. p.

– (ed.) 1971. *Selected Readings in Economic Theory from Econometrica.* Cambridge, MA., MIT Press.

– 1973a. Rawls's Principle of Just Saving. *Scandinavian Journal of Economics,* Vol. 75. No. 4. sz. 323–335. p.

– 1973b [1963]. *Social Choice and Individual Values*. 2. ed. New Haven, Yale University Press.

– 1974. General Economic Equilibrium: Purpose, Analytic Techniques, Collective Choice. *American Economic Review,* Vol. 64. évf. No. 3. 253–272. p.

Arrow, Kenneth J. – Karlin, Samuel – Scarf, Herbert E. 1958. *Studies in the Mathematical Theory of Inventory and Production.* Stanford, Stanford University Press.

Babits Mihály 1998 [1936]. *Az európai irodalom története*. Budapest, Merényi.

Bácskai Tamás – Terták Elemér György 1983. Mesterséges érdek – növekedési kényszer. *Valóság,* 26. évf. 10. sz. 91-94. p.

Baráth Magdolna 1999. Az MDP vezetése és a rehabilitáció. *Múltunk,* 44. évf. 4. sz. 40–97. p.

Barro, Robert J. – Grossman, Herschel I. 1971. A General Disequilibrium Model of Income and Employment. *American Economic Review,* Vol. 61. No. 1. 82–93. p.

Bergson, Abram 1948. Socialist Economics. In Ellis, Howard S. (ed.): *A Survey of Contemporary Economics*. Philadelphia, Blakiston, 412–448. p.

Blahó Miklós 2003. A fõ cél a tartós növekedés. Interjú Kornai Jánossal. *Népszabadság,* 61. évf., 2003. január 25., 23. és 27. p.

Blanchard, Olivier 1999. Interjú Kornai Jánossal. *Közgazdasági Szemle,* 46. évf. 3. sz. 201–212. p. На англ.: An Interview with János Kornai. Macroeconomic Dynamics, Vol. 3. No. 3. 427–450. p.

Bolygó János 1966. Mit kutatott professzor Montias Magyarországon? *Magyar Nemzet,* 22. évf., 1966. július 3., 7. p.

Bosworth, Barry P. 1990. Which Way to the Market? *New York Times Book Review,* Vol. 139. May 27, 17. p.

Boulding, Kenneth E. 1966 [1941]. *Economic Analysis*. 4. ed. New York, Harper and Row.

Böhm-Bawerk, Eugen von 1926 [1896]. Zum Abschluss des Marxschen Systems. In Weiss, Franz X. (Hrsg.): *Eugen von Böhm-Bawerks kleinere Abhandlungen über Kapital und Zins. Der gesammelten Schriften 2. Band.* Wien–Leipzig, Hölder-Pichler-Tempsky A.G., 321–435. p.

Braham, Randolph L. 1988 [1981]. *A magyar holocaust*. I. kötet. Budapest–Wilmington, Gondolat – Blackburn International Incorporation.

Braham, Randolph L. 1988 [1981]. *A magyar holocaust*. II. kötet. Budapest–Wilmington, Gondolat – Blackburn International Incorporation.

Brámer Frigyes 1997 [1972]. Koncentrációs tábor a Rabbiképzõ épületében. In Scheiber Sándor (szerk.): *Évkönyv*. Budapest, Magyar Izraeliták Országos Képviselete, 219–228. p.

Bródy András 1956. A hóvégi hajrá és gazdasági mechanizmusunk. *Közgazdasági Szemle,* 3. évf. 7–8. sz. 870–883. p.

– 1969. *Érték és újratermelés*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

Camus, Albert 2001 [1942]. *A pestis*. Fordí totta Győry János. Budapest, Európa Könyvkiadó.

Carlin, Wendy – Fries, Steven – Schaffer, Mark E. – Seabright, Paul 2001. Competition and Enterprise Performance in Transition Economies: Evidence from a Cross-Country Survey. *EBRD Working Paper,* Nr. 62.

Chikán Attila (szerk.) 1989. *Készletek, ciklusok, gazdaságirányí tás. A magyar gazdaság készletalakulása és befolyásoló tényezõi, 1960–1986*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

– 2004. A hiány szerepe az átmenet szellemi elõkészí tésében. *Magyar Tudomány,* 49. évf. 7. sz. 698–707. p.

Coles, Peter 2002. *Einstein és a napfogyatkozás*. Budapest, Alexandra.

Csoóri Sándor 1990. Nappali hold. 2. rész. *Hitel,* 3. évf. 18. sz., szeptember 5. 5. p.

Dahl, Robert A. 1979 [1971]. *Polyarchy*. New Haven–London, Yale University Press.

Debreu, Gerard 1965 [1959]. *Theory of Value. An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium*. New York, Wiley J.

Denton, Nicholas 1990. On the Brink of Transformation. *Financial Times,* 103. 1990. September 17., II. p.

Deutscher, Isaac 1990 [1949]. *Sztálin. Politikai életrajz*. Budapest, Európa.

Devons, Ely 1959. Study in Central Planning. Evidence from the Inside. *The Manchester Guardian,* 139. évf., October 22,

Dewatripont, Mathias – Maskin, Eric S. 1995. Credit and Efficiency in Centralized and Decentralized Economies. *Review of Economic Sudies,* Vol. 62. No. 4. 541–555. p.

Djankov, Simeon D. – Murrell, Peter 2002. Enterprise Restructuring in Transition Economies: A Quantitative Survey. *Journal of Economic Literature,* Vol. 40. No. 3. 739–792. p.

Donáth Ferenc (szerkesztõbizottság eln.) 1981. *Bibó-emlékkönyv*. 1–2. kötet. Szamizdat kiadás. Nyomtatott új kiadás 1991. Réz Pál (szerk.) Budapest, Századvég.

Dorfman, Robert – Samuelson, Paul A. – Solow, Robert M. 1987 [1958]. *Linear Programming and Economic Analysis*. New York, Dover Publications.

Draaisma, Douwe 2003. *Miért futnak egyre gyorsabban az évek?* Budapest, Typotex.

Durant, Will 1996 [1926]. *A gondolat hõsei*. Budapest, Göncöl.

Ericson, Richard E. 1994. Book Review. *Journal of Comparative Economics,* Vol. 18. No. 3. 495–497. p.

Esterházy Péter 2003. Mik vogymuk. 1 könyv. *Élet és Irodalom,* 47. évf., május 9., 3. p.

Esze Zsuzsa 1956. Egy kandidátusi értekezés vitája. *Közgazdasági Szemle,* 3. évf. 11–12. sz. 1483–1495. p.

Eucken, Walter 1965 [1940]. *Die Grundlagen der Nationalökonomie*. Berlin–Heidelberg, Springer.

Fejtõ Ferenc 1957. La Premiere Autocritique des „Communistes Nationaux" Hongrois. *France Observateur,* Vol. 8. janvier 31. 6. p.

F. Liska Tibor 1998. A Liska-modell. *Közgazdasági Szemle,* 45. évf. 10. sz. 940–953. p.

Fóthy János 1945. *Horthy-liget – A magyar ördögsziget*. Budapest, Müller Károly Könyvkiadóvállalat.

Frey, Bruno S. 2003. Publishing as Prostitution? Choosing between One's Own Ideas and Academic Success. *Public Choice,* Vol. 116. No. 1–2. 205–223. p.

Friss István 1957. Népgazdaságunk vezetésének néhány gyakorlati és elméleti kérdéséről. *Népszabadság,* 2. évf., október 2., 3–4. p.

Gans, Joshua S. – Shepherd, George B. 1994. How Are the Mighty Fallen: Rejected Articles by Leading Economists. *Journal of Economic Perspectives,* Vol. 8. No. 1. 165–179. p.

Gács János – Köllõ János (szerk.) 1998. *A „túlzott központosítástól" az átmenet stratégiájáig: Tanulmányok Kornai Jánosnak*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

Gáll Ernõ 2003. *Napló.* 1. kötet. Budapest, Polis Könyvkiadó.

Gimes Miklós 1956. Magyar Szabdság. *Magyar Szabadság,* 1. évf., október 29., 1. p.

Goldfeld, Stephen M. – Quandt, Richard E. 1988. Budget Constraints, Bailouts and the Firm under Central Planning. *Journal of Comparative Economics,* Vol. 12. No. 4. 502–520. p.

– 1990. Output Targets, the Soft Budget Constraint and the Firm under Central Planning. *Journal of Economic Behavior and Organization,* Vol. 14. No. 2. 205–222. p.

– 1993. Uncertainty, Bailouts, and the Kornai Effect. *Economics Letters,* Vol. 41. No. 2. 113–119. p.

Gregory, Paul R. – Stuart, Robert C. 1997 [1974]. *Comparative Economic Systems*. 6. ed. Boston, Houghton Mifflin Co.

Grossfeld, Irena 1989. Disequilibrium Models of Investment. In Davis, Christopher – Charemza, Wojciech W. (eds.): *Models of Disequilibrium and Shortage in Centrally Planned Economies*. New York, Chapman and Hall, 361–374. p.

Gulyás Emil 1957–1958. *Az árutermelés, értéktörvény és pénz a szocializmusban.* Pártfõiskolai elõadás kézirata.

Gy. [pseud.] 1991. Skizze eines Reformprogramms am Beispiel Ungarns. *Neue Zürcher Zeitung,* Fernausgabe, 212. Juni 30/Juli 1, 17. p.

Haberler, Gottfried von 1963 [1937]. *Prosperity and Depression. A Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. 4. ed. New York, Atheneum.

Hahn, Frank 1973. The Winter of Our Discontent. *Economica,* Vol. 40. No. 159. 322–330. p.

Halda Alí z 2002. *Magánügy. Dokumentum/regény.* Budapest, Noran.

Haš ek, Jaroslav 2002 [1920–1923]. *Svejk: egy derék katona kalandjai a világháborúban.* 1–2. kötet. Budapest, Ciceró.

Hayek, Friedrich A. von (ed.) 1975 [1935]. *Collectivist Economic Planning. Critical Studies on the Possibilities of Socialism.* Clifton, N.J., A. M. Kelly.

– 1991 [1944]. *Út a szolgasághoz.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

Hegedû s András 1990. A bolsevik grand-seigneur tragédiája. *Pesti Hí rlap,* 1. évf., 1990. november 3., 8. p.

Heisenberg, Werner 1967 [1958]. Fizika és filozófia. In Heisenberg, Werner. *Válogatott tanulmányok.* Budapest, Gondolat, 71–197. p.

Heller Farkas 1988 [1919–1920]. *Közgazdaságtan.* 1–2. kötet. 5. kiad. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

Hicks, John R. 1937. Mr. Keynes and the Classics: A Suggested Interpretation. *Econometrica,* Vol. 5. No. 2. 147–159. p.

– 1978 [1939]. *Érték és tõke. A közgazdasági elmélet néhány alapelvének vizsgálata.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На английском языке: *Value and Capital: An Inquiry into Some Fundamental Principles of Economic Theory.* Oxford: Clarendon Press. 1939.

Hí d-csoport 1990. Hí d a közeli jövõbe. *Közgazdasági Szemle,* 37. évf. 4. sz. 442–458. p.

Hirschman, Albert O. 1988 [1958]. *The Strategy of Economic Development.* Boulder, Westview Press.

– 1995 [1970]. *Kivonulás, tiltakozás, hû ség.* Budapest, Osiris. *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States.* Cambridge, На англ.: MA: Harvard University Press. 1970.

Hoffman, David E. 2002. *The Oligarchs. Wealth and Power in the New Russia.* New York, Public Affairs.

Huizinga, Johan 1996 [1919]. *A középkor alkonya.* Budapest, Európa. На русск.: Йохан Хейзинга, *Осень Средневековья,* Айрис, 2005.

Hungaricus (Fekete Sándor) 1959 [1956–1957]. *Quelques enseignements de la revolution nationale et démocratique hongriose.* Brüsszel, Nagy Imre Intézet.

– 1989 [1956–1957]. *Az 1956-os felkelés okairól és tanulságairól.* Budapest, Kossuth Könyvkiadó.

József Attila 2003. *Összes versei.* Budapest, Osiris.

Juhász Andor 1934. *Halló, itt London!* Budapest, Révai.

Kalecki, Michal 1965 [1954]. *Theory of Economic Dynamics: An Essay on Cyclical and Long-Run Changes in Capitalist Economy.* 2. ed. London, Allen and Unwin.

Êàðàãàåâ â, Ð.Ã. 1982. Mechanyizm funkcionyirovanyija szocialisztyicseszkoj ekonomiki. *Izvesztyija Szibirszkovo Otgyelenyija Akademij Nauk SzSzSzR,* 3. évf. 11. sz. 115–128. p.

Kardelj, Edvard 1981 [1980]. *Visszaemlékezések.* Újvidék, Fórum Könyvkiadó.

Karinthy Ferenc 1994. *Napló.* Budapest, Littoria.

Karinthy Frigyes 2001 [1914]. A felelõs ember. In Karinthy Frigyes. *Humoreszkek.* 2. kötet. Budapest, Akkord, 155–157. p.

Karsai Gábor 1993. A szocializmus genetikai programja. *Figyelõ,* 37. évf., november 11., 17–19. p.

Kék Szalag Bizottság 1990. *[A Bizottság] Gazdasági Programjavaslata.* Budapest, Kék Szalag Bizottság.

Kende Péter 1955. *Kritikai jegyzetek a marxizmus gazdasági tanaihoz.* Gépelt kézirat.

– 1959. L'intérêt personnel dans le systeme d'économie socialiste. *Revue Economique,* Vol. 10. No. 3. 340–364. p.

– 1964. *Logique de l'Économie Centralisée. Un exemple: la Hongrie.* Paris, Société d'Éducation d'Enseignement Supérieure.

– 1966. *A Szabad Nép szerkesztõségében. Tanulmányok a magyar forradalomról.* München, Auróra.

Kenedi János 1981. *„Tiéd az ország, magadnak épí ted".* Párizsi Magyar Füzetek könyvei.

– 1996. *Kis állambiztonsági olvasókönyv. Október 23. – március 15. – június16. a Kádár-korszakban.* 1–2. kötet. Budapest, Magvetõ.

Keynes, John M. 1965 [1936]. A foglalkoztatás, a kamat és a pénz általános elmélete. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На английском языке: *General Theory of Employment, Interest and Money.* Macmillan Cambridge University Press, for Royal Economic Society, 1936.

K. I. monogrammal szignált cikk. 1958. A Közgazdaságtudományi Intézetrõl. *Közgazdasági Szemle,* 5. évf. 8–9. sz. 939–948. p.

Klaniczay Gábor 2003. *Ellenkultúra a hetvenes-nyolcvanas években.* Budapest, Noran.

Klaus, Václav – Tø í š ka, Duš an 1994. Kornai János és a posztszocialista átalakí tás. *BUKSZ,* 6. évf. 4. sz. 480–483. p.

Koopmans, Tjalling C. 1957. *Three Essays on the State of Economic Science.* New York, MacGraw-Hill.

Koopmans, Tjalling C. – Montias, John M. 1971. On the Description and Comparison of Economic Systems. In Eckstein, Alexander (ed.): *Comparison of Economic Systems.* Berkeley, University of California Press, 27–78. p.

Kovács András 1968. Falak. *Új Í rás,* 8. évf. 3. sz. 28–48. p.

Kovács Imre 1989 [1937]. *A néma forradalom.* Budapest, Cserépfalvi–Gondolat–Tevan.

Központi Statisztikai Hivatal 1996. *Magyar Statisztikai Évkönyv, 1995.* Budapest, Központi Statisztikai Hivatal.

Krausz Tamás 1994. A történetietlen politikai gazdaságtan. *Eszmélet,* 6. évf. 24. sz. 157–178. p.

Kuhn, Thomas S. 2002 [1962]. *A tudományos forradalmak szerkezete.* Budapest, Osiris. На английском языке: *The Structure of Scientific Revolutions.* Chicago, The University of Chicago Press, 1962.

Laczik Erika 2005: Egy besúgó tisztikereszttel. Magyar Nemzet, 68. évf., január 29., 1. és 5. p.

Laibson, David – Zeckhauser, Richard 1998. Amos Tversky and the Ascent of Behaviorial Economics. *Journal of Risk and Uncertainty,* 16. évf. 1. sz. 7–47. p.

Laki Mihály 1989. Az új politikai szervezetek a gazdaságpolitikáról és a gazdaságirányí tásról. *Tervgazdasági Fórum,* 5. évf. 4. sz. 1–16. p.

– 1990. *Rendszerváltás küszöbén. Az ellenzéki pártok gazdaságpolitikai programjai.* Sokszorosí tva. Budapest, Közgazdasági Információs Szolgálat.

Lange, Oscar 1968 [1936–1937]. On the Economic Theory of Socialism. In Lippincott, Benjamin E. (ed.): *On the Economic Theory of Socialism.* New York–Toronto–London, McGraw Hill, 57–143. p.

Leijonhufvud, Axel 1968. *On Keynesian Economics and the Economics of Keynes. A Study in Monetary Theory.* New York, Oxford University Press.

Lengyel László 2002. *A távol közelében. Kérdez: Hankiss Elemér.* Budapest, Helikon Kiadó.

Lengyel László – Polgár Miklós 1980. Gazdasági elvek, etikai elvek – és a valóság. *Valóság,* 23. évf. 9. sz. 101–107. p.

Lenin, Vlagyimir I. 1974 [1920]. A baloldaliság, a kommunizmus gyermekbetegsége. In *Lenin összes művei.* 41. kötet. Budapest, Kossuth Könyvkiadó, 3–99. p. На русск.: Ленин, Владимир Ильич: *Детская болезнь «левизны» в коммунизме.*

Lerner, Abba P. 1975 [1944]. *Economics of Control. Principles of Welfare Economics.* New York, A. M. Kelley.

Lindbeck, Assar 1977 [1971]. *The Political Economy of the New Left: An Outsider's View.* New York, Harper and Row.

– 1988. Individual Freedom and Welfare State Policy, *European Economic Review,* Vol. 32. No. 2–3. 295–318. p.

Lindblom, Charles E. 1977. *Politics and Markets.* New York, Basic Books.

Liska Tibor 1988 [1966]. *Ökonosztát: Felkészülés a mechanizmusreformra.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

Liska Tibor – Máriás Antal 1954. A gazdaságosság és a nemzetközi munkamegosztás. *Közgazdasági Szemle,* 1. évf. 1. sz. 75–94. p.

Lõcsei Pál 1995. „Politikai és lelkiismereti lázadás volt...". *Respublika,* 2. évf. 13. sz. 36–40. p.

Lukács György 1945a. *Í rástudók felelõssége.* Budapest, Szikra.

– 1945b. *Balzac, Stendhal, Zola.* Budapest, Hungária.

Mádl Antal – Gyõri Judit (szerk.) 1980. *Thomas Mann és Magyarország.* Budapest, Gondolat.

Magyar Dolgozók Pártja Központi Vezetõsége 1955. A Magyar Dolgozók Pártja Központi Vezetõségének határozata a politikai helyzetrõl és a párt feladatairól. *Szabad Nép,* 13. évf., március 9., 1–2. p.

Malinvaud, Edmond 1967. Decentralized Procedures for Planning. In Malinvaud, Edmond – Bacharach, M. O. L. (eds.): *Activity Analysis in the Theory of Growth and Planning.* London – New York, Macmillan – St. Martin's Press, 170–208. p.

Malinvaud, Edmond – Bacharach, M. O. L. (eds.) 1967. *Activity Analysis in the Theory of Growth and Planning.* London – New York, Macmillan – St. Martin's Press.

Marx, Karl 1978 [I. kötet 1867, II. kötet 1885, III. kötet 1896]. *A tõke. A politikai gazdaságtan bí rálata.* 1–3. kötet. Budapest, Kossuth. На русск.: Маркс, К.: Капитал.

Marx, Karl – Engels, Friedrich 1998 [1848]. *Kommunista Kiáltvány.* Budapest, Scholar. На русск.: Маркс, Карл – Энгельс, Фридрих: Манифест Коммунистической партии.

Maskin, Eric S. – Simonovits András (eds.) 2000. *Planning, Shortage, and Transformation. Essays in honor of János Kornai.* Cambridge, MA., MIT Press.

Matolcsy György 1997. Kiigazí tás recesszióval. Kemény költségvetési és puha piaci korlát. *Közgazdasági Szemle,* 44. évf. 9. sz. 782–798. p.

McCloskey, Donald N. 1982. *The Rhetoric of Economics.* Canberra, Australian National University.

Molnár Endre 1957. Revizionista nézetek a szocialista állam gazdasági szerepérõl. *Társadalmi Szemle,* 12. évf. 2. sz. 44–59. p.

Montias, John M. 1976. *The Structure of Economic Systems.* New Haven, Yale University Press.

– 1982. *Arts and Artisans in Delft: A Socio-Economic Study of the Seventeenth Century.* Princeton, Princeton University Press.

– 1989. *Vermeer and His Milieu: A Web of Social History.* Princeton, Princeton University Press.

– 2002. *Art at Auction in 17th Century Amsterdam.* Amsterdam, Amsterdam University Press.

Müller, Rolf 1999. Napi operatí v információs jelentések, 1979–1989. In Gyarmati György (szerk.): *A Történeti Hivatal Évkönyve 1999.* Budapest, Történeti Hivatal, 251–284. p.

Nagy Csaba 1994. Lázadás a Szabad Népnél 40 évvel ezelõtt. Beszélgetés Lõcsei Pállal és Méray Tiborral. *Kritika,* 23. évf. 10. sz. 10–11. p.

Nagy Imre 1954. *Egy évtized. Válogatott beszédek és írások (1948–1954).* Budapest, Szikra.

Neumann János 2003 [1955]. A legújabb tudományos fejlõdés hatása a gazdaságra és a közgazdaságtanra. In *Neumann János válogatott írásai.* Budapest, Typotex, 346–349. p.

Nove, Alec 1960. Overcentralization in Economic Administration. *Economica,* 27. évf. 108. sz. 389–391. p.

– 1992. A kommunizmus kudarcának természetrajza. *Európa Fórum,* 2. évf. 4. sz. 101–103. p.

Novobáczky Sándor 1956. Különös emberek. *Irodalmi Újság,* 6. évf., október 6., 1. p.

Nozick, Robert 1998 [1974]. *Anarchy, State and Utopia.* Oxford, Blackwell.

Nyiri Sándor 1994. A Péter György elleni büntetõeljárás. In Árvay János – Hegedûs B. András (szerk.): *Egy reformközgazdász emlékére: Péter György, 1903–1969.* Budapest, Cserépfalvi Könyvkiadó – T-Twins Kiadó, 45–47. p.

Ortega y Gasset, José 2003 [1929]. *Tömegek lázadása.* Budapest, Nagyvilág.

Orwell, George 2004 [1949]. *1984.* Budapest, Európa.

Papandreou, Andreas G. 1972. *Paternalistic Capitalism.* Minneapolis, Univesity of Minnesota Press.

Passel, Peter 1990. Socialist Eggs, Market Omlet. *New York Times,* 139. évf., április 11. 2. p.

Péter György 1954. A gazdaságosság jelentõségérõl és szerepérõl a népgazdaság tervszerû irányí tásában. *Közgazdasági Szemle,* 1. évf. 3. sz. 300–324. p.

– 1956. A gazdaságosság és a jövedelmezõség jelentõsége a tervgazdaságban. *Közgazdasági Szemle,* 3. évf. 6. sz. 695–711. p.; 7–8. sz. 851–869. p.

– 1957. A gazdasági vezetés túlzott központosí tása. Kornai János tanulmányáról. *Magyarország,* 1. évf., május 1., 2. p.

Péteri György 1997. New Course Economics. The Field of Economic Research in Hungary after Stalin, 1953–56. *Contemporary European History,* 6. évf. 3. sz. 295–327. p.

– 1998. *Academia and State Socialism. Highland Lakes.* New Jersey, Atlantic Research and Publications.

– (ed.) 2001. *Intellectual Life and the First Crisis of State Socialism in East Central Europe, 1953–1956.* Trondheim Studies on East European Cultures and Societies, No. 6.

Phillips, Albin W. 1958. The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861–1957. *Economica,* Vol. 25. No. 2. 283–299. p.

Pigou, Arthur C. 2002 [1920]. *The Economics of Welfare.* New Brunswick, NJ., Transaction Publishers.

Pogonyi Lajos 2003. A munkásosztály megsemmisí tése. Interjú Vajda Mihállyal. *Népszabadság,* 61. évf., október 15., 14. p.

Portes, Richard – Winter, David 1980. Disequilibrium Estimates for Consumption Goods Markets in Centrally Planned Economies. *Review of Economic Studies,* Vol. 47. No. 1. 137–159. p.

Qian, Yingyi 1994. A Theory of Shortage in Socialist Economies based on the „Soft Budget Constraint". *American Economic Review,* Vol. 84. No. 1. 145–156. p.

Rainer M. János 1999. *Nagy Imre – Politikai életrajz. Második kötet, 1953-1958.* Budapest, 1956-os Intézet.

Rawls, John 1997 [1971]. *Az igazságosság elmélete.* Budapest, Osiris. На англ.: *A Theory of Justice.* Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

Réti Pál 1989. Miénk az ország. *Heti Világgazdaság,* 11. évf., november 11. 3–5. p.

Révész Sándor 1999. *Egyetlen élet. Gimes Miklós története.* Budapest, 1956-os Magyar Forradalom Történetének Dokumentációs és Kutatóintézete – Sí k Kiadó.

Ripp Géza 1957. Revizionizmus „az új gazdasági mechanizmus" leple alatt. *Népszabadság,* 2. évf., június 23., 3. p.

Ripp Zoltán (szerk.) 2000. *A rendszerváltás forgatókönyve. Kerekasztal-tárgyalások 1989-ben.* 5. kötet. Budapest, Új Mandátum.

R.N.W.O. monogrammal szignált cikk 1959. Iron Curtain Economy. *Financial Times,* 72. December 28. 12. p.

Roland, Gérard 1987. Investment Growth Fluctuations in the Soviet Union: An Econometric Analysis. *Journal of Comparative Economics,* Vol. 11. No. 2. 192–206. p.

– 1990. On the Meaning of Aggregate Excess Supply and Demand for Consumer Goods in Soviet-Type Economies. *Cambridge Journal of Economics,* Vol. 14. No. 1. 49–62. p.

Rosovsky, Henry 1990. *The University. An Owner's Manual.* New York, W. W. Norton.

Rosser, J. Barkley Jr. – Rosser, Marina V. 2004 [1996]. *Comparative Economics in a Transforming World Economy.* 2. ed. Cambridge, MA., MIT Press.

Salgó István 1990. Les propositions de l'économiste Janos Kornai provoquent un vif débat. *Le Monde,* 47. évf., 1990. április 20. 3. p.

Samuelson, Paul A. 1976 [1948]. *Közgazdaságtan.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.

– 1983 [1947]. *Foundations of Economic Analysis.* Enl. ed. Cambridge, MA., Harvard University Press.

– 1990. For Plan to Reform Socialism, Listen to Janos Kornai. *Christian Science Monitor,* 83. April 4, 7. p.

Sartre, Jean-Paul 1991 [1946]. *Az exisztencializmus*. Budapest, Hatágú Sí p Alapí tvány.

Schama, Simon 1989. *Citizens*. New York, Alfred S. Knopf.

Schelling, Thomas C. 1980 [1960]. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA., Harvard University Press.

Schneider, Erich 1949. *Einführung in die Wirtschaftstheorie*. I–III. kötet. Tübingen, Mohr.

Schumpeter, Joseph A. 1987 [1942]. *Capitalism, Socialism and Democracy*. 6. ed. London–Boston, Unwin.

– 1980 [1911]. *A gazdasági fejlõdés elmélete*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На англ.: The Theory of Economic Development: An inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle , 1911.

Scitovsky Tibor 1990 [1976]. *Az örömtelen gazdaság*. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На англ.: *The Joyless Economy: An inquiry into human satisfaction and consumer dissatisfaction*. London, Oxford University Press, 1976.

Semjén András 1990. A mû tétet az orvosnak is túl kell élnie. *Figyelõ,* 34. évf., február 22. 7. p.

Sen, Amartya K. 1977. Rational Fools: A Critique of the Behavioural Foundations of Economic Theory. *Philosophy and Public Affairs,* Vol. 6. No. 2. 317–344. p.

– 1997 [1982]. *Choice, Welfare and Measurement*. Cambridge, MA., Harvard University Press.

– 1988. Freedom of Choice. *European Economic Review,* Vol. 32. No. 2–3. 269–294. p.

Shove, Gerald F. 1942. The Place of Marshall's *Principles* in the Development of Economic Theory. *The Economic Journal,* Vol. 52. No. 208. 294–329. p.

Simon, Herbert A. 1979. Rational Decision-Making in Business Organization. *American Economic Review,* Vol. 69. No. 4. 493–513. p.

Simonovits András 2003. A magyar szabályozáselméleti iskola. *Közgazdasági Szemle,* 50. évf. 5. sz. 465–470. p.

Solow, Robert 2000. Stability and Growth: Commentary on a Commentary. In Maskin, Eric S. – Simonovits András (eds.): *Planning, Shortage, and Transformation. Essays in honor of János Kornai*. Cambridge, MA., MIT Press, 407–412. p.

Spengler, Oswald 1995 [1918–22]. *A Nyugat alkonya: A világtörténelem morfológiájának körvonalai*. Budapest, Európa. На русск.: Шпенглер, Освальд: Закат Европы. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993.

Spulber, Nicolas 1960. Overcentralization in Economic Administration – A Critical Analysis Based on Experience in Hungarian Light Industry. *American Economic Review*, 50. évf. 4. sz. 763–764. p.

Stackelberg, Heinrich von 1951 [1943]. *Grundlagen der theoretischen Volkswirtschaftslehre.* Tübingen–Zürich, Mohr – Polygraphischer Verlag.

Streeten, Paul 1959. Unbalanced Growth. *Oxford Economic Papers,* New Series, 11. sz. 167–190. p.

Such György – Tóth István János 1989. A magyar közgazdaság-tudomány a Közgazdasági Szemle tudománymetriai vizsgálatának tükrében. *Közgazdasági Szemle,* 36. évf. 10. sz. 1163–1241. p.

Szabó Zoltán 1986 [1936]. *A tardi helyzet.* Budapest, Akadémiai–Kossuth–Magvetõ.

Szakolczai Attila 2001. *Az 1956-os forradalom és szabadságharc.* Budapest, 1956-os Intézet.

Szalay László 1994. Elõhang 1954-bõl: a Szabad Nép taggyûlése. *Világosság,* 35. évf. 10. sz. 48–56. p.

Szegõ Andrea 1983. Érdek és gazdasági intézményrendszer. *Valóság,* 26. évf. 6. sz. 22–36. p.

– 1991. The Logic of a Shortage Economy: A Critique of Kornai from a Kaleckian Macroeconomic Perspective. *Journal of Post Keynesian Economics,* Vol. 13. No. 3. 328–336. p.

Szegvári Iván 1990. Az egységesség mí tosza. Vita az „Indulatos röpirat"-ról. *Figyelõ,* 34. évf., február 11., 5. p.

Szerb Antal 2003a [1934]. *Magyar irodalomtörténet.* Budapest, Magvetõ.

– 2003b [1941]. *A világirodalom története.* Budapest, Magvetõ.

Szénási Sándor 1983. Pató Pál elvtárs. Interjú Antal Lászlóval. *Élet és Irodalom,* 37. évf., november 11., 7. p.

Sztálin, Joszif V. 1949 [1938]. *A dialektikus és a történelmi materializmusról.* Budapest, Szikra.

– 1951 [1924]. Lenin halálára. In *J. V. Sztálin mûvei. 6. kötet. 1924.* Budapest, Szikra, 51–57. p.

Tamás Gáspár Miklós 1989. A Kornai-bomba. *HVG,* 11. évf., 1989. november 11., 66. p.

Tardos Márton 1982. Program a gazdaságirányítási és szervezeti rendszer fejlesztésére. *Közgazdasági Szemle,* 19. évf. 6. sz. 715–729. p.

– 1988a. A gazdasági szervezetek és a tulajdon. *Gazdaság,* 22. évf. 3. sz. 7–21. p.

– 1988b. A tulajdon. *Közgazdasági Szemle,* 35. évf. 12. sz. 1405–1423. p.

Thassy Jenõ 1996. *Veszélyes vidék.* Budapest, Pesti Szalon.

Tinbergen, Jan 1957 [1949]. *Ökonometria.* Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. На англ.: Tinbergen, J. Econometrics. London, Routledge, 2004.

– 1981 [1969]. The Use of Models: Experience and Prospects. *American Economic Review,* 71. évf. 6. sz. 17–22. p.

Vasziliu, Georgiosz 1999. *„Nagyon jó egyetemre jártam, a magyar forradalom egyetemére" Georgiosz Vasziliu elmondja életét Hegedûs B. Andrásnak.* Budapest, 1956-os Intézet.

Veres Péter 1997 [1939]. *Gyepsor. Elbeszélések, versek.* Budapest, Szabad Föld.

Vida István 1992. Sajtófogadás 1956. november 3-án. A Nagy Imre-per irataiból. *Rubicon,* 3. évf. 7. sz. 31–34. p.

Yergin, Daniel – Stanislaw, Joseph 1998. *The Commanding Heights. The Battle Between the Government and the Marketplace that is Remaking the Modern World.* New York, Simon and Schuster.

Янош Корнаи

СИЛОЙ МЫСЛИ

Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии

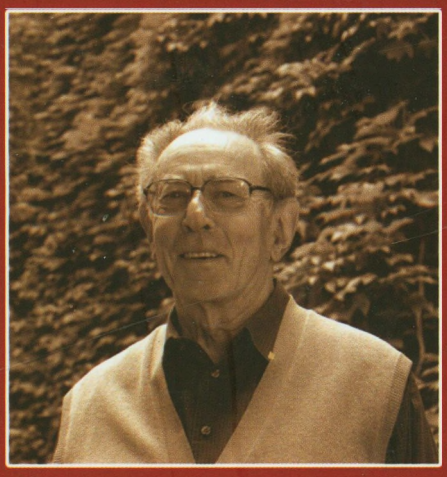
Перевод Оксаны Якименко

Редактор *А.В. Полякова*
Компьютерная верстка *П.Ю. Аборина*
Оформление *Т.Ю. Хрычевой*

Подписано в печать 10.10.2007. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 28,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 10373

Издательская группа «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112



Выдающийся венгерский экономист Янош Корнаи вошел во взрослую жизнь яростным приверженцем социализма, а затем превратился в критика политической и экономической системы коммунизма. Ближайшие родственники Корнаи пали жертвами Холокоста, а сам он поучаствовал в идейной подготовке Венгерской революции 1956 г. и стал влиятельным теоретиком постсоветского экономического перехода. Янош Корнаи начал карьеру как журналист, затем пришел в науку, пережил запрет на преподавание на родине и, наконец, получил пост штатного профессора в Гарвардском университете. В автобиографии «Силой мысли» Корнаи раскрывает этапы интеллектуального пути длиною в жизнь и предлагает авторские комментарии к собственным исследованиям.

Разочаровавшись в коммунизме, Корнаи опубликовал свою первую книгу «Сверхцентрализация» (1956) – первое исследование, открыто критикующее экономику советского образца, написанное человеком, жившим за железным занавесом. В Венгрии книга подверглась осуждению, однако западные экономисты приняли ее с восторгом. Теория двухуровневого планирования Корнаи-Липтака привлекла внимание экономистов-математиков. Следующей работой Корнаи стала книга «Антиравновесие» (1971) – неоднозначная критика общей теории экономического равновесия, которая на тот момент являлась доминирующим инструментом экономической оценки рынков; за ней последовали «Дефицит» (1980, русское издание 1990 г.), «Путь к свободной экономике» (1990, русское издание 1990 г.) и итог исследований всей жизни экономиста – «Социалистическая система» (1992, русское издание 2000 г.). В течение многих лет Корнаи выполнял функцию интеллектуального эмиссара, способствовал контактам между Востоком и Западом, регулярно перемещаясь из Гарварда в Будапешт и обратно.

В автобиографии Корнаи описывает свои исследования, оценивая прежние работы с точки зрения сегодняшнего дня, и дает картину социально-политической атмосферы, в которой они были созданы. Ученый, выступавший с критикой централизованного планирования, сталкивался в коммунистической стране с серьезными трудностями – это становится особенно видно благодаря вновь открытым материалам тайной полиции и донесениям осведомителей. Книга «Силой мысли» послужит важным источником информации для тех, кто изучает экономику, социалистические системы и постсоциалистический переход, интересуется интеллектуальной жизнью Восточной Европы при коммунизме, до и после него.

Янош Корнаи является постоянным почетным членом Института специальных исследований «Коллегиум Будапешт», почетным освобожденным профессором экономики в Гарвардском университете и почетным профессором-исследователем при Центрально-Европейском университете.

ISBN 978-5-98704-269-0